ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

НОВАЯ СЕРІЯ.

ЧАСТЬ XXI.

1909.

ІЮНЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1909.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія.

Критика и библіографія.

См. 3-ю страницу обложки.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

НОВАЯ СЕРІЯ.

ЧАСТЬ XXI.

1909.

ІЮНЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1909.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. УЗАКОНЕНІЯ.

6. (6-го марта 1909 года). *Объ отпускѣ изъ средствъ государственнаго казначейства пособія Императорскому Московскому археологическому обществу на археологическое изслѣдованіе Кавказа и восточныхъ губерній.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: *„БЫТЬ ПО СЕМУ“.*

Въ Царскомъ Селѣ.
6-го марта 1909 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *Макаровъ.*

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ изъ средствъ государственнаго казначейства пособія Императорскому Московскому археологическому обществу на археологическое изслѣдованіе Кавказа и восточныхъ губерній.

Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства въ 1909 году *три тысячи* рублей въ пособіе Императорскому Московскому археологическому обществу на производство археологическаго излѣдованія Кавказа и восточныхъ губерній и на изданіе трудовъ по этимъ изслѣдованіямъ.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ.*

(*Собр. узак. и расп. прав.*, 24-го марта 1909 г., № 46, ст. 375).

7. (6-го марта 1909 года). *О дополнительномъ отпускѣ изъ средствъ государственнаго казначейства по 2.500 рублей въ годъ на содержаніе 50 стипендіатовъ въ Туркестанской учительской семинаріи.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Царскомъ Селѣ. *„БЫТЬ ПО СЕМУ“.*
6-го марта 1909 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *Макаровъ.*

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ о дополнительномъ отпускѣ изъ средствъ государственнаго казначейства по 2.500 рублей въ годъ на содержаніе 50 стипендіатовъ въ Туркестанской учительской семинаріи.

Отпускать изъ средствъ государственнаго казначейства, начиная съ 1909 года, по *двѣ тысячи пятьсотъ* рублей въ годъ на содержаніе 50 казенныхъ стипендіатовъ въ Туркестанской учительской семинаріи, въ дополненіе къ ассигнуемымъ на сей предметъ суммамъ.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ.*

(Тамъ же, ст. 377).

8. (6-го марта 1909 года). *Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на рисованіе, гравированіе, литографированіе и раскрашиваніе чертежей къ издаваемымъ Императорской академіей наукъ сочиненіямъ и на покупку бумаги для печатанія тѣхъ же сочиненій.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Царскомъ Селѣ. *„БЫТЬ ПО СЕМУ“.*
6-го марта 1909 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *Макаровъ.*

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на рисованіе, гравированіе, литографированіе и раскрашиваніе чертежей къ издаваемымъ Императорской академіей наукъ сочиненіямъ и на покупку бумаги для печатанія тѣхъ же сочиненій.

Отпускать изъ средствъ государственнаго казначейства, въ теченіе двухъ лѣтъ, начиная съ 1909 года: а). на рисованіе, гравированіе, литографированіе и раскрашиваніе чертежей къ издаваемымъ Императорской академіей наукъ сочиненіямъ по *четыре тысячи сто сорокъ*

два рубля *девяносто* копѣекъ въ годъ, въ дополненіе къ суммамъ, ассигнуемымъ нынѣ на тотъ же предметъ, и б) на покупку бумаги для печатанія указанныхъ въ пунктѣ *а* сочиненій по *тринадцать тысячъ* рублей въ годъ.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ.*

(Тамъ же, ст. 378).

9. (6-го марта 1909 года). *Объ отпускѣ изъ средствъ государственнаго казначейства въ 1909 году пособія С.-Петербургскому Фребелевскому обществу для содѣйствія первоначальному воспитанію.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
„БЫТЬ ПО СЕМУ“.
Въ Царскомъ Селѣ.
6-го марта 1909 года.
Скрѣпилъ: государственный секретарь *Макаровъ.*

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ изъ средствъ государственнаго казначейства въ 1909 году пособія С.-Петербургскому Фребелевскому обществу для содѣйствія первоначальному воспитанію.

Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства въ 1909 году *двѣ тысячи* рублей въ пособіе С.-Петербургскому Фребелевскому обществу для содѣйствія первоначальному воспитанію.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ.*

(Тамъ же, ст. 379).

10. (6-го марта 1909 года). *Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на содержаніе и вознагражденіе начальниковъ ремесленныхъ учебныхъ заведеній.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
„БЫТЬ ПО СЕМУ“.
Въ Царскомъ Селѣ.
6-го марта 1909 года.
Скрѣпилъ: государственный секретарь *Макаровъ.*

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на содержаніе и вознагражденіе начальниковъ ремесленныхъ учебныхъ заведеній.

Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства въ 1909 году *одну тысячу* рублей для выдачи вознагражденія лицамъ, предназначеннымъ къ назначенію на должности начальниковъ предполагаемыхъ

къ открытію въ указанномъ году ремесленныхъ учебныхъ заведеній, а также для выдачи начальникамъ уже открытыхъ таковыхъ же учебныхъ заведеній вознагражденія за особые труды и для возмѣщенія расходовъ ихъ на поѣздки по дѣламъ службы.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ.*

(Тамъ же, ст. 380).

11. (6-го марта 1909 года). *Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на преподаваніе въ Шухободской низшей ремесленной школѣ плотнично-столярнаго ремесла.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Царскомъ Селѣ. *„БЫТЬ ПО СЕМУ“.*
6-го марта 1909 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *Макаровъ.*

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на преподаваніе въ Шухободской низшей ремесленной школѣ плотнично-столярнаго ремесла.

Отпускать изъ средствъ государственнаго казначейства, начиная съ 1909 года, по *семьсотъ двадцать* рублей въ годъ на преподаваніе въ Шухободской, Череповецкаго уѣзда, Новгородской губерніи, низшей ремесленной школѣ плотнично-столярнаго ремесла.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ.*

(Тамъ же, ст. 381).

12. (6-го марта 1909 года). *Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства дополнительныхъ средствъ на содержаніе 80 казеннокоштныхъ воспитанницъ Холмскаго Маріинскаго женскаго училища.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Царскомъ Селѣ. *„БЫТЬ ПО СЕМУ“.*
6-го марта 1909 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *Макаровъ.*

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства дополнительныхъ средствъ на содержаніе 80 казеннокоштныхъ воспитанницъ Холмскаго Маріинскаго женскаго училища.

Отпускать изъ средствъ государственнаго казначейства, начиная съ 1909 года, по *двѣ тысячи четыреста* рублей въ годъ, въ допол-

неніе къ суммамъ, ассигнуемымъ нынѣ на содержаніе 80 казенно-коштныхъ воспитанницъ Холмскаго Маріинскаго женскаго училища.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ.*

(Тамъ же, ст. 382).

13. (6-го марта 1909 года). *Объ отпускѣ изъ средствъ государственнаго казначейства пособія Московскому публичному и Румянцовскому музеямъ на усиленіе средствъ на хозяйственныя потребности.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

Въ Царскомъ Селѣ. *„БЫТЬ ПО СЕМУ“.*

6-го марта 1909 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *Макаровъ.*

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ изъ средствъ государственнаго казначейства пособія Московскому публичному и Румянцовскому музеямъ на усиленіе средствъ на хозяйственныя потребности.

Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства въ 1909 году въ единовременное пособіе Московскому публичному и Румянцовскому музеямъ *восемь тысячъ сто восемьдесятъ* рублей на усиленіе средствъ на хозяйственныя потребности означенныхъ музеевъ.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ.*

(Тамъ же, ст. 383).

14. (6-го марта 1909 года). *О продленіи отпуска изъ средствъ государственнаго казначейства пособія обществу любителей Россійской словесности при Императорскомъ Московскомъ университетѣ.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

Въ Царскомъ селѣ. *„БЫТЬ ПО СЕМУ“.*

6-го марта 1909 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *Макаровъ.*

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ о продленіи отпуска изъ средствъ государственнаго казначейства пособія обществу любителей Россійской словесности при Императорскомъ Московскомъ университетѣ.

Отпускать изъ средствъ государственнаго казначейства, въ теченіе пяти лѣтъ, начиная съ 1909 года, по *одной тысячѣ пятисотъ* рублей въ годъ въ пособіе обществу любителей Россійской словесности при Императорскомъ Московскомъ университетѣ.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ.*

(Тамъ же, ст. 385).

15. (6-го марта 1909 года). *Объ отпускѣ изъ средствъ государственнаго казначейства по 5.000 рублей въ годъ на содержаніе зданія студенческаго общежитія при Казанскомъ университетѣ, временно приспособленнаго подъ учебно-вспомогательныя учрежденія названнаго университета.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Царскомъ Селѣ. „БЫТЬ ПО СЕМУ".
6-го марта 1909 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *Макаровъ*.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ изъ средствъ государственнаго казначейства по 5.000 рублей въ годъ на содержаніе зданія студенческаго общежитія при Казанскомъ университетѣ, временно приспособленнаго подъ учебно-вспомогательныя учрежденія названнаго университета.

Отпускать изъ средствъ государственнаго казначейства, начиная съ 1909 года, по *пять тысячъ* рублей въ годъ на содержаніе зданія студенческаго общежитія при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ, временно приспособленнаго подъ учебно-вспомогательныя учрежденія названнаго университета.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ*.
(Тамъ же, ст. 384).

16. (6-го марта 1909 года). *Объ учрежденіи при геологическомъ музеѣ Императорской академіи наукъ второй должности ученаго хранителя и должности лаборанта.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Царскомъ Селѣ. „БЫТЬ ПО СЕМУ".
6-го марта 1909 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *Макаровъ*.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ учрежденіи при геологическомъ музеѣ Императорской академіи наукъ второй должности ученаго хранителя и должности лаборанта.

I. Учредить при геологическомъ музеѣ Императорской академіи наукъ, съ 1-го іюля 1909 года, новыя должности: а) ученаго хранителя для завѣдыванія минералогическимъ собраніемъ музея, съ

предоставленіемъ этой должности служебныхъ правъ и преимуществъ, присвоенныхъ такой же должности по Высочайше утвержденному, 15-го декабря 1898 года, штату геологическаго музея Императорской академіи наукъ (П. С. З. № 16216), и оклада содержанія въ *двѣ тысячи восемьсотъ* рублей въ годъ (въ томъ числѣ 1.800 рублей жалованья, 700 рублей столовыхъ и 300 рублей квартирныхъ) и б) лаборанта, съ присвоеніемъ этой должности IX класса по чинопроизводству, пенсіи по учебной службѣ и оклада содержанія въ *одну тысячу двѣсти* рублей въ годъ (въ томъ числѣ 700 рублей жалованья, 350 рублей столовыхъ и 150 рублей квартирныхъ).

II. Распространить на учреждаемую, въ силу пункта *а* отдѣла I, должность ученаго хранителя дѣйствіе примѣчаній 1 и 2 къ Высочайше утвержденному, 15-го декабря 1898 года, штату геологическаго музея Императорской академіи наукъ (П. С. З. № 16216), съ тѣмъ, однако, измѣненіемъ, чтобы означенная должность ученаго хранителя замѣщалась по представленію академика, завѣдывающаго минералогическимъ собраніемъ геологическаго музея Императорской академіи наукъ.

III. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства въ 1909 году на покрытіе вызываемаго означенными въ отдѣлѣ I мѣрами расхода *двѣ тысячи* рублей, а, начиная съ 1910 года, отпускать на ту же надобность по *четыре тысячи* рублей въ годъ.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ.*

(Тамъ же, ст. 386).

17. (6-го марта 1909 года). *Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на аренду одного рабочаго стола на біологической станціи въ городѣ Росковѣ (во Франціи) въ теченіе 5 лѣтъ.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Царскомъ Селѣ. *„БЫТЬ ПО СЕМУ“.*
6-го марта 1909 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *Макаровъ.*

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на аренду одного рабочаго стола на біологической станціи въ городѣ Росковѣ (во Франціи) въ теченіе 5 лѣтъ.

Отпускать изъ средствъ государственнаго казначейства, въ теченіе пяти лѣтъ, начиная съ 1909 года, по *шестьсотъ* рублей въ годъ, на

аренду для нуждъ русскихъ ученыхъ одного рабочаго стола на біологической станціи въ городѣ Росковѣ, во Франціи.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ.*

(Тамъ же, ст. 387).

18. (6-го марта 1909 года). *Объ учрежденіи при Омской учительской семинаріи 10 стипендій для киргизовъ.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Царскомъ Селѣ. *„БЫТЬ ПО СЕМУ“.*
6-го марта 1909 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *Макаровъ.*

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ учрежденіи при Омской учительской семинаріи 10 стипендій для киргизовъ.

I. Учредить съ 1-го іюля 1909 года при Омской учительской семинаріи 10 стипендій для воспитанниковъ изъ киргизовъ, по *сто двадцать* рублей каждая.

II. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства въ 1909 году на указанную въ отдѣлѣ I надобность *шестьсотъ* рублей, а, начиная съ 1910 года, отпускать на ту же надобность по *одной тысячѣ двѣсти* рублей годъ.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ.*

(Тамъ же, ст. 388).

19. (6-го марта 1909 года). *Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства въ 1909 году средствъ на производство магнитныхъ наблюденій въ окрестностяхъ города Мцхета, Тифлисской губерніи.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Царскомъ Селѣ. *„БЫТЬ ПО СЕМУ“.*
6-го марта 1909 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *Макаровъ.*

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства въ 1909 году средствъ на производство магнитныхъ наблюденій въ окрестностяхъ города Мцхета, Тифлисской губерніи.

Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства въ 1909 году *три тысячи* рублей на продолженіе магнитныхъ наблюденій въ окрестностяхъ города Мцхета, Тифлисской губерніи.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ.*

(Тамъ же, ст. 389).

20. (6-го марта 1909 года). *Объ учрежденіи при Омской мужской гимназіи 5 стипендій для дѣтей киргизовъ.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Царскомъ Селѣ. „БЫТЬ ПО СЕМУ".
6-го марта 1909 года.
Скрѣпилъ: государственный секретарь *Макаровъ.*

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ учрежденіи при Омской мужской гимназіи 5 стипендій для дѣтей киргизовъ.

I. Учредить съ 1909 года при Омской мужской гимназіи пять стипендій для дѣтей киргизовъ, по *триста* рублей каждая.

II. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства въ 1909 году на указанную въ отдѣлѣ I надобность *семьсотъ пятьдесятъ* рублей, а, начиная съ 1910 года, отпускать по *одной тысячѣ пятьсотъ* рублей въ годъ.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ.*
(Тамъ же, ст. 390).

21. (6-го марта 1909 года). *Объ отпускѣ изъ средствъ государственнаго казначейства пособія на содержаніе Либавскаго и Юрьевскаго реальныхъ училищъ.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Царскомъ Селѣ. „БЫТЬ ПО СЕМУ".
6-го марта 1909 года.
Скрѣпилъ: государственный секретарь *Макаровъ.*

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ изъ средствъ государственнаго казначейства пособія на содержаніе Либавскаго и Юрьевскаго реальныхъ училищъ.

Отпускать изъ средствъ государственнаго казначейства, начиная съ 1909 года, на содержаніе Либавскаго реальнаго училища по *восемь тысячъ* рублей и на содержаніе Юрьевскаго реальнаго училища по *двѣ тысячи* рублей въ годъ, въ дополненіе къ суммамъ, ассигнуемымъ на указанныя надобности.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ.*
(Тамъ же, ст. 391).

22. (6-го марта 1909 года). *Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства дополнительныхъ средствъ на содержаніе Императорскаго клиническаго института Великой Княгини Елены Павловны.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Царскомъ Селѣ. *„БЫТЬ ПО СЕМУ“.*
6-го марта 1909 года.
Скрѣпилъ: государственный секретарь *Макаровъ.*

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства дополнительныхъ средствъ на содержаніе Императорскаго клиническаго института Великой Княгини Елены Павловны.

I. Дополнить Высочайше утвержденный, 1-го января 1896 года, штатъ Императорскаго клиническаго института Великой Княгини Елены Павловны (П. С. З. № 12363) четырьмя должностями старшаго и четырьмя должностями младшаго ассистентовъ, съ присвоеніемъ симъ должностямъ тѣхъ же окладовъ содержанія и служебныхъ правъ и преимуществъ, какіе установлены для существующихъ подобныхъ должностей означенннаго института.

II. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства въ 1909 году *пять тысячъ* рублей на покрытіе расходовъ, вызываемыхъ указанною въ отдѣлѣ I мѣрою, а, начиная съ 1910 года, отпускать на тотъ же предметъ по *десяти тысячъ* рублей ежегодно.

III. Отпускать изъ средствъ государственнаго казначейства ежегодно, начиная съ 1909 года, въ дополненіе къ суммамъ, отпускаемымъ на содержаніе Императорскаго клиническаго института Великой Княгини Елены Павловны: 1) по *двѣ тысячи* рублей—на учебно-вспомогательныя учрежденія и библіотеку названнаго института и 2) по *тринадцати тысячъ* рублей—на хозяйственныя его нужды.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ.*

(Тамъ же, ст. 392).

23. (6-го марта 1909 года). *Объ отпускѣ изъ средствъ государственнаго казначейства пособія Ярославскому естественно-историческому обществу.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Царскомъ Селѣ. *„БЫТЬ ПО СЕМУ“.*
6-го марта 1909 года.
Скрѣпилъ: государственный секретарь *Макаровъ.*

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ изъ средствъ государственнаго казначейства пособія Ярославскому естественно-историческому обществу.

Отпускать изъ средствъ государственнаго казначейства, въ теченіе

пяти лѣтъ, начиная съ 1909 года, въ пособіе Ярославскому естественно-историческому обществу по *девятьсотъ* рублей въ годъ.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ.*

(Тамъ же, ст. 393).

24. (6-го марта 1909 года). *Объ отпускѣ изъ средствъ государственнаго казначейства въ 1909 году 20.000 рублей на хозяйственныя нужды С.-Петербургскаго технологическаго института Императора Николая I.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Царскомъ Селѣ „*БЫТЬ ПО СЕМУ*".
6-го марта 1909 года.
Скрѣпилъ: государственный секретарь *Макаровъ.*

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ изъ средствъ государственнаго казначейства въ 1909 году 20.000 рублей на хозяйственныя нужды С.-Петербургскаго технологическаго института Императора Николая I.

Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства въ 1909 году *двадцать тысячъ* рублей, въ дополненіе къ суммамъ, отпускаемымъ на хозяйственныя нужды С.-Петербургскаго технологическаго института Императора Николая I.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ.*

(Тамъ же, ст. 394).

25. (6-го марта 1909 года). *Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на содержаніе больныхъ въ факультетскихъ клиникахъ Новороссійскаго университета.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Царскомъ Селѣ. „*БЫТЬ ПО СЕМУ*".
6-го марта 1909 года.
Скрѣпилъ: государственный секретарь *Макаровъ.*

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на содержаніе больныхъ въ факультетскихъ клиникахъ Новороссійскаго университета.

Отпускать изъ средствъ государственнаго казначейства, начиная съ 1909 года, по *три тысячи* рублей въ годъ, въ дополненіе къ

суммамъ, ассигнуемымъ по Высочайше утвержденному, 6-го марта 1900 года, штату медицинскаго факультета Императорскаго Новороссійскаго университета (П. С. З. № 18236) на содержаніе больныхъ факультетскихъ клиникъ.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ.*

(Тамъ же, ст. 395).

26. (18-го марта 1909 года). *Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства дополнительныхъ средствъ въ пособіе на содержаніе Глуховской мужской гимназіи, съ подчиненіемъ ея дѣйствію общаго устава и штата 30-го іюля 1871 года.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Царскомъ Селѣ. *„БЫТЬ ПО СЕМУ“.*
18-го марта 1909 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *Макаровъ.*

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства дополнительныхъ средствъ въ пособіе на содержаніе Глуховской мужской гимназіи, съ подчиненіемъ ея дѣйствію общаго устава и штата 30-го іюля 1871 года.

I. Въ отмѣну пункта 1-го Высочайше утвержденнаго, 23-го мая 1870 года, мнѣнія государственнаго совѣта (П. С. З. № 48396) подчинить Глуховскую мужскую гимназію дѣйствію общаго устава и штата мужскихъ гимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

II. Въ дополненіе къ суммамъ, ассигнуемымъ изъ средствъ государственнаго казначейства на содержаніе Глуховской мужской гимназіи, отпустить въ 1909 году *одну тысячу семьдесятъ пять* рублей, а начиная съ 1-го января 1910 года отпускать на тотъ же предметъ по *двѣ тысячи сто пятьдесятъ пять* рублей въ годъ.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ.*

(*Собр. узак. и расп. прав.*, 7-го апрѣля 1909 г., № 50, ст. 417).

27. (18-го марта 1909 года). *Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на возведеніе пристройки къ зданію Рославльской мужской гимназіи.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Царскомъ Селѣ. „БЫТЬ ПО СЕМУ".
18-го марта 1909 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *Макаровъ*.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на возведеніе пристройки къ зданію Рославльской мужской гимназіи.

Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства на возведеніе пристройки къ зданію Рославльской мужской гимназіи въ 1909 году *тридцать восемь тысячъ девятьсотъ сорокъ восемь* рублей *девяносто три* копѣйки, съ отнесеніемъ изъ нихъ на счетъ общихъ кредитовъ, ассигнуемыхъ министерству народнаго просвѣщенія на строительныя его надобности, въ 1908 году *двадцати тысячъ* рублей и въ 1909 году *восемнадцати тысячъ девятисотъ сорока восьми* рублей *девяноста трехъ* копѣекъ.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ*.

(Тамъ же, ст. 418).

28. (18-го марта 1909 года). *Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на покрытіе перерасхода по содержанію Императорскаго Московскаго техническаго училища въ 1908 году.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Царскомъ Селѣ. „БЫТЬ ПО СЕМУ".
18-го марта 1909 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *Макаровъ*.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на покрытіе перерасхода по содержанію Императорскаго Московскаго техническаго училища въ 1908 году.

Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства въ 1909 году *тридцать пять тысячъ* рублей на покрытіе перерасхода по содержанію Императорскаго Московскаго техническаго училища въ 1908 году.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ*.

(Тамъ же, ст. 419).

29. (18-го марта 1909 года). *Объ учрежденіи двухъ должностей окружныхъ инспекторовъ въ С.-Петербургскомъ и Оренбургскомъ учебныхъ округахъ и объ увеличеніи кредита на разъѣзды по дѣламъ службы въ означенныхъ округахъ.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Царскомъ Селѣ. *„БЫТЬ ПО СЕМУ"*.
18-го марта 1909 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *Макаровъ*.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ учрежденіи двухъ должностей окружныхъ инспекторовъ въ С.-Петербургскомъ и Оренбургскомъ учебныхъ округахъ и объ увеличеніи кредита на разъѣзды по дѣламъ службы въ означенныхъ округахъ.

I. Учредить съ 1-го іюля 1909 года при С.-Петербургскомъ и Оренбургскомъ учебныхъ округахъ по одной должности окружного инспектора, съ предоставленіемъ симъ должностямъ служебныхъ правъ и преимуществъ, а также оклада содержанія, присвоенныхъ существующимъ въ сихъ округахъ такимъ же должностямъ.

II. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства въ 1909 году на осуществленіе указанной въ отдѣлѣ I мѣры *одну тысячу девятьсотъ восемьдесятъ девять* рублей *сорокъ четыре* копѣйки (въ томъ числѣ 989 руб. 44 коп. на С.-Петербургскій учебный округъ и 1.000 р. на Оренбургскій учебный округъ), а начиная съ 1910 года отпускать на ту же надобность по *три тысячи девятьсотъ семьдесятъ восемь* рублей *восемьдесятъ восемь* копѣекъ въ годъ (въ томъ числѣ 1.978 руб. 88 коп. на С.-Петербургскій учебный округъ и 2.000 руб. на Оренбургскій учебный округъ).

III. Въ дополненіе къ суммамъ, отпускаемымъ на разъѣзды для осмотра учебныхъ заведеній С.-Петербургскаго и Оренбургскаго учебныхъ округовъ, отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства въ 1909 году *пятьсотъ* рублей (по 250 руб. на каждый изъ указанныхъ учебныхъ округовъ), а начиная съ 1910 года отпускать на ту же надобность по *одной тысячѣ* рублей въ годъ (по 500 руб. на каждый изъ указанныхъ учебныхъ округовъ).

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ*.

(Тамъ же, ст. 420).

30. (11-го апрѣля 1909 года). *Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства Императорской академіи наукъ средствъ на содержаніе русскихъ стипендіатовъ при Бьютенцоргскомъ ботаническомъ садѣ на островѣ Явѣ.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Царскомъ Селѣ. „*БЫТЬ ПО СЕМУ*".
11-го апрѣля 1909 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *Макаровъ*.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства Императорской академіи наукъ средствъ на содержаніе русскихъ стипендіатовъ при Бьютенцоргскомъ ботаническомъ садѣ на островѣ Явѣ.

Отпускать изъ средствъ государственнаго казначейства Императорской академіи наукъ, начиная съ 1909 года, въ теченіе шести лѣтъ, по *одной тысячѣ* рублей въ годъ на содержаніе русскихъ стипендіатовъ при Бьютенцоргскомъ ботаническомъ садѣ на островѣ Явѣ.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ*.

(*Собр. узак. и расп. прав.*, 21-го апрѣля 1909 г., № 57, ст. 450).

31. (11-го апрѣля 1909 года). *Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства дополнительныхъ средствъ на содержаніе Императорской публичной библіотеки.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Царскомъ Селѣ. „*БЫТЬ ПО СЕМУ*".
11-го апрѣля 1909 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *Макаровъ*.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства дополнительныхъ средствъ на содержаніе Императорской публичной библіотеки.

I. Отпускать изъ средствъ государственнаго казначейства, начиная съ 1909 года, на содержаніе Императорской публичной библіотеки, въ дополненіе къ суммамъ, нынѣ отпускаемымъ на означенную надобность, по *тридцать пять тысячъ* рублей въ годъ, въ томъ числѣ: 1) на переплетеніе книгъ и рукописей—по 7.500 рублей, 2) на описаніе книгъ, каталогизацію ихъ и другія подобныя надобности—по 5.500 руб-

лей, 3) на наемъ служителей—по 4.970 рублей и 4) на хозяйственные и канцелярскіе расходы—по 17.030 рублей.

II. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства на покрытіе перерасхода по содержанію Императорской публичной библіотеки въ 1908 году и на печатаніе отчетовъ по библіотекѣ за 1902—1907 годы *двадцать восемь тысячъ двѣсти* рублей, съ отнесеніемъ сего расхода на счетъ остатковъ отъ кредитовъ, ассигнованныхъ министерству народнаго просвѣщенія по государственной росписи расходовъ на 1908 годъ.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ.*

(Тамъ же, ст. 451).

32. (11-го апрѣля 1909 года). *Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на содержаніе анатомическаго института при Императорскомъ Томскомъ университетѣ.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Царскомъ Селѣ. *„БЫТЬ ПО СЕМУ“.*
11-го апрѣля 1909 года.
Скрѣпилъ: государственный секретарь *Макаровъ.*

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на содержаніе анатомическаго института при Императорскомъ Томскомъ университетѣ.

Отпускать изъ средствъ государственнаго казначейства, начиная съ 1909 года, по *пять тысячъ четыреста двадцать шесть* рублей въ годъ на содержаніе анатомическаго института при Императорскомъ Томскомъ университетѣ.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ.*

(Тамъ же, ст. 452).

33. (11-го апрѣля 1909 года). *Объ отпускѣ изъ средствъ государственнаго казначейства пособія на изданіе журнала „Русскій Архивъ“.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Царскомъ Селѣ. *„БЫТЬ ПО СЕМУ“.*
11-го апрѣля 1909 года.
Скрѣпилъ: государственный секретарь *Макаровъ.*

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ изъ средствъ государственнаго казначейства пособія на изданіе журнала „Русскій Архивъ“.

I. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства въ пособіе

на изданіе журнала „Русскій Архивъ“ *одну тысячу пятьсотъ* рублей и на изданіе книги „Предметная роспись Русскаго Архива за 1863—1907 годы изданія“ *одну тысячу* рублей, а всего *двѣ тысячи пятьсотъ* рублей, съ отнесеніемъ сего расхода на счетъ общихъ остатковъ отъ кредитовъ, ассигнованныхъ министерству народнаго просвѣщенія по государственной росписи на 1908 годъ.

II. Отпускать изъ средствъ государственнаго казначейства, въ теченіе четырехъ лѣтъ, начиная съ 1909 года, по *одной тысячѣ пятьсотъ* рублей въ годъ, въ пособіе на изданіе журнала „Русскій Архивъ“.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ.*

(Тамъ же, ст. 453).

34. (11-го апрѣля 1909 года). *Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства дополнительныхъ средствъ на содержаніе Московскаго городского ремесленнаго училища имени Григорія Шелапутина, на Калужской улицѣ.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Царскомъ Селѣ. „*БЫТЬ ПО СЕМУ*“.
11-го апрѣля 1909 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *Макаровъ.*

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства дополнительныхъ средствъ на содержаніе Московскаго городского ремесленнаго училища имени Григорія Шелапутина, на Калужской улицѣ.

Отпускать изъ средствъ государственнаго казначейства, начиная съ 1909 года, въ теченіе двухъ лѣтъ, на содержаніе дома и прислуги Московскаго городского ремесленнаго училища имени Григорія Шелапутина, на Калужской улицѣ, по *двѣ тысячи пятисотъ* рублей въ годъ, въ дополненіе къ ассигнуемой на означенную надобность, по Высочайше утвержденному 26-го ноября 1901 года (П. С. З. № 20782) штату, суммѣ.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ.*

(Тамъ же, ст. 456).

35. (11-го апрѣля 1909 года). *Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на наемъ помѣщенія для Уральскаго горнаго училища.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Царскомъ Селѣ. „БЫТЬ ПО СЕМУ“.
11-го апрѣля 1909 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *Макаровъ.*

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на наемъ помѣщенія для Уральскаго горнаго училища.

Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства въ 1909 году *три тысячи* рублей на наемъ помѣщенія для Уральскаго горнаго училища.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ.*

(Тамъ же, ст. 455).

36. (11-го апрѣля 1909 года). *О дополнительномъ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на содержаніе Ярославскаго низшаго механико-техническаго училища имени Н. П. Пастухова.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Царскомъ Селѣ. „БЫТЬ ПО СЕМУ“.
11-го апрѣля 1909 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *Макаровъ.*

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ о дополнительномъ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на содержаніе Ярославскаго низшаго механико-техническаго училища имени Н. П. Пастухова.

Отпускать изъ средствъ государственнаго казначейства, начиная съ 1909 года, по *одной тысячѣ пятисотъ* рублей въ годъ, въ дополненіе къ отпускаемой суммѣ, на содержаніе Ярославскаго низшаго механико-техническаго училища имени потомственнаго почетнаго гражданина Н. П. Пастухова.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ.*

(Тамъ же, ст. 454).

37. (11-го апрѣля 1909 года). *Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на выдачу пособій мужскимъ среднимъ учебнымъ заведеніямъ, преимущественно содержимымъ на мѣстныя средства.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
„БЫТЬ ПО СЕМУ“.
Въ Царскомъ Селѣ.
11-го апрѣля 1909 года.
Скрѣпилъ: государственный секретарь *Макаровъ*.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на выдачу пособій мужскимъ среднимъ учебнымъ заведеніямъ, преимущественно содержимымъ на мѣстныя средства.

Отпускать изъ средствъ государственнаго казначейства, начиная съ 1909 года, по *пятнадцать тысячъ* рублей въ годъ на выдачу, по усмотрѣнію министра народнаго просвѣщенія, временныхъ пособій мужскимъ среднимъ учебнымъ заведеніямъ, преимущественно содержимымъ на мѣстныя средства.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ*.

(Тамъ же, ст. 457).

38. (11-го апрѣля 1909 года). *Объ отпускѣ изъ средствъ государственнаго казначейства пособія Императорскому русскому техническому обществу на содержаніе С.-Петербургской и Одесской школъ десятниковъ строительнаго дѣла.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
„БЫТЬ ПО СЕМУ“.
Въ Царскомъ Селѣ.
11-го апрѣля 1909 года.
Скрѣпилъ: государственный секретарь *Макаровъ*.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ изъ средствъ государственнаго казначейства пособія Императорскому русскому техническому обществу на содержаніе С.-Петербургской и Одесской школъ десятниковъ строительнаго дѣла.

I. Отпускать изъ средствъ государственнаго казначейства, начиная съ 1909 года, въ теченіе трехъ лѣтъ, по *семи тысячъ* рублей въ годъ въ пособіе Императорскому русскому техническому обществу на содержаніе С.-Петербургской школы десятниковъ строительнаго дѣла.

II. Отпускать изъ средствъ государственнаго казначейства, начиная съ 1909 года, въ пособіе Императорскому русскому техническому обществу на содержаніе Одесской школы десятниковъ строительнаго

дѣла по *семисотъ пятидесяти* рублей въ годъ, въ дополненіе къ ассигнуемой на сей предметъ суммѣ.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ*.

(Тамъ же, ст. 458).

39. (11-го апрѣля 1909 года). *О дополнительномъ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на содержаніе Московскаго промышленнаго въ память 25-лѣтія царствованія Императора Александра II училища и низшихъ механико-техническихъ училищъ: Рыбинскаго имени М. Е. Комарова, Калязинскаго имени Н. М. Полежаева и Иваново-Вознесенскаго.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Царскомъ Селѣ. „БЫТЬ ПО СЕМУ".
11-го апрѣля 1909 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *Макаровъ*.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ о дополнительномъ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на содержаніе Московскаго промышленнаго въ память 25-лѣтія царствованія Императора Александра II училища и низшихъ механико-техническихъ училищъ: Рыбинскаго имени М. Е. Комарова, Калязинскаго имени Н. М. Полежаева и Иваново-Вознесенскаго.

Отпускать изъ средствъ государственнаго казначейства въ теченіе трехъ лѣтъ, начиная съ 1909 года, въ дополненіе къ отпускаемымъ суммамъ, на содержаніе: 1) Московскаго промышленнаго въ память 25-лѣтія царствованія Императора Александра II училища—по *пятнадцать тысячъ* рублей въ годъ, 2) Рыбинскаго низшаго механико-техническаго имени М. Е. Комарова училища—по *двѣ тысячи пятьсотъ* рублей въ годъ и 3) Калязинскаго имени Н. М. Полежаева и Иваново - Вознесенскаго низшихъ механико-техническихъ училищъ — по *три тысячи восемьсотъ шестьдесятъ пять* рублей въ годъ на каждое.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ*.

(Тамъ же, ст. 459).

40. (23-го апрѣля 1909 года). *Объ учрежденіи при Тамбовскомъ городскомъ ремесленномъ училищѣ должности второго надзирателя.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Царскомъ Селѣ. *„БЫТЬ ПО СЕМУ“.*
23-го апрѣля 1909 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *Макаровъ.*

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ учрежденіи при Тамбовскомъ городскомъ ремесленномъ училищѣ должности второго надзирателя.

I. Учредить при Тамбовскомъ городскомъ ремесленномъ училищѣ вторую должность надзирателя, съ присвоеніемъ сей должности содержанія въ *четыреста восемьдесятъ* рублей въ годъ, при квартирѣ въ натурѣ, X класса по чинопроизводству и пенсіи по учебной службѣ изъ оклада въ 240 рублей.

II. Расходъ по содержанію указанной въ отдѣлѣ I должности отнести на средства, назначенныя на содержаніе Тамбовскаго городского ремесленнаго училища.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ.*

(*Собр. узак. и расп. прав.*, 5-го мая 1909 г., № 67, стр. 550).

II. ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Объявляется Высочайшее благоволеніе, штатному преподавателю и предсѣдателю педагогическаго совѣта состоящей подъ покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Александры Іосифовны частной женской гимназіи Е. В. Ставиской, въ С.-Петербургѣ, статскому совѣтнику Николаю *Соболеву*—за продолжительную и полезную педагогическую дѣятельность.

Награждается орденомъ св. равноапостольнаго князя Владиміра 4-й степени штатный преподаватель и предсѣдатель педагогическаго совѣта состоящей подъ покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Александры Іосифовны частной женской гимназіи Е. В. Ставиской, въ С.-Петербургѣ, статскій совѣтникъ Николай *Соболевъ.*

III. ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(6-го апрѣля 1909 года, № 19). *Опредѣляется* на службу, изъ отставныхъ, докторъ агрономіи, статскій совѣтникъ *Богдановъ*—сверхштатнымъ ординарнымъ профессоромъ Императорскаго университета св. Владиміра, по каѳедрѣ агрономіи.

Назначаются: экстраординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, докторъ прикладной математики, статскій совѣтникъ *Чаплыгинъ*—ординарнымъ профессоромъ того же университета, по каѳедрѣ теоретической и практической механики; директоръ департамента народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Анцыферовъ* и инспекторъ отдѣла промышленныхъ училищъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Корватовскій*—въ сельско-хозяйственный совѣтъ главнаго управленія землеустройства и земледѣлія: первый—членомъ отъ министерства народнаго просвѣщенія, а второй—замѣстителемъ члена отъ того же министерства, оба съ 5-го марта, съ оставленіемъ ихъ въ занимаемыхъ ими должностяхъ; статскій совѣтникъ *Змѣевъ*—почетнымъ попечителемъ С.-Петербургской десятой гимназіи, на три года, съ 1-го января; въ званіи камергера Высочайшаго двора, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Сосновскій*—почетнымъ попечителемъ Архангельскаго низшаго механико-техническаго училища Императора Петра I, на три года, съ 26-го февраля, съ оставленіемъ его въ придворномъ званіи; приватъ-доцентъ Императорскаго университета св. Владиміра, докторъ медицины *Тржецѣскій*—экстраординарнымъ профессоромъ того же университета, по каѳедрѣ фармакологіи съ рецептурою, токсикологіею и ученіемъ о минеральныхъ водахъ.

Утверждается, согласно избранію, потомственный почетный гражданинъ *Чикинъ*—вновь почетнымъ попечителемъ Челябинскаго реальнаго училища, на три года, съ 1-го января.

Увольняется, согласно прошенію, замѣститель члена отъ министерства народнаго просвѣщенія въ сельско-хозяйственномъ совѣтѣ главнаго управленія землеустройства и земледѣлія, причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ *Ковалевскій*—отъ должности замѣстителя члена отъ министерства народнаго просвѣщенія въ названномъ совѣтѣ, съ 5-го марта.

(13-го апрѣля 1909 года, № 20). *Производится,* за выслугу лѣтъ,

со старшинствомъ: изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники,* постоянный членъ Кавказской археографической комиссіи *Берже*—съ 15-го мая 1908 г.

По Одесскому учебному округу. *Производится,* за выслугу лѣтъ, изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники,* со старшинствомъ, помощникъ классныхъ наставниковъ Вознесенской гимназіи *Головко*—съ 10-го октября 1908 г.

По Кавказскому учебному округу. *Производятся,* за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники:* исправляющій должность директора Владикавказской Ольгинской женской гимназіи *Залдкинъ*—съ 1-го сентября 1907 г.; учителя Тифлисской 1-й мужской гимназіи: *Абуладзе*—съ 1-го августа 1907 г. и *Забѣжкинъ*—съ 1-го сентября 1907 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники:* учитель Эриванской мужской гимназіи *Никкельсъ*—съ 1-го іюля 1904 г.; инспекторъ народныхъ училищъ Бакинско-Дагестанской дирекціи *Замятинъ*—съ 16-го іюня 1908 г.; учитель-воспитатель Тифлисскаго Александровскаго учительскаго института *Круповѣсъ*—съ 1-го августа 1908 г.; учитель Ставропольской мужской гимназіи *Лукинъ*—съ 18-го іюля 1908 г.; врачъ Эриванскаго Пушкинскаго городского училища *Теръ-Аветисовъ*—съ 1-го декабря 1906 г.; врачъ Армавирской мужской гимназіи *Ѳедоровъ*—съ 20-го сентября 1906 г.; учителя Ставропольской мужской гимназіи *Россиковъ*—съ 26-го октября 1907 г. и *Лейбергъ*—съ 11-го сентября 1907 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники:* учитель Пятигорской женской графини Евдокимовой гимназіи *Медвѣдковъ*—съ 20-го августа 1907 г.; учитель, исполняющій обязанности инспектора Тифлисскаго реальнаго училища, *Ивановъ*—съ 1-го іюля 1906 г.; учитель Кутаисскаго реальнаго училища *Кротковъ*—съ 1-го августа 1907 г.; руководитель работъ по садоводству при Елисаветпольскомъ ремесленномъ Михайловскомъ училищѣ *Дракопуло*—съ 1-го іюля 1900 г.; учителя: Пятигорской мужской гимназіи, *Вергунъ*—съ 1-го августа 1907 г., Тифлисскаго реальнаго училища, *Ярошенко*—съ 28-го октября 1907 г., Владикавказской мужской гимназіи, *Вопиловъ*—съ 1-го ноября 1904 г.; учитель приготовительнаго класса Хонской прогимназіи *Цагарейшвили*—съ 1-го января 1908 г.; инспекторъ Темиръ-Ханъ-Шуринскаго городского училища *Мустановъ*—съ 1-го сентября 1907 г.; наставникъ Кутаисской учительской семинаріи *Домашевскій*—съ 10-го февраля 1907 г.; сверхштатный учитель городского при Тифлисскомъ Александровскомъ учительскомъ институтѣ училища *Аникинъ* — съ

1-го августа 1908 г.; инспекторъ Петровскаго городского училища *Кончухидзе*—съ 1-го октября 1906 г.; учитель Владикавказскаго Николаевскаго городского училища *Газдановъ*—съ 4-го іюня 1904 г.; завѣдывающій Владикавказскимъ Константиновскимъ городскимъ начальнымъ училищемъ *Панкратовъ*—съ 20-го августа 1908 г.; учителя: 2-й Екатеринодарской мужской гимназіи, *Шейковъ*—съ 17-го іюля 1907 г.; Моздокскаго городского училища, *Бугуловъ*—съ 1-го сентября 1906 г.; смотритель Сальянскаго двухклассснаго нормальнаго училища *Погосовъ*—съ 20-го сентября 1904 г.; инспекторъ Екатеринодарскаго городского шестикласснаго училища *Зажаевъ* — съ 15-го октября 1907 г.; инспекторъ Нахичеванскаго городского училища *Санакоевъ*—съ 13-го сентября 1907 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: учитель общеобразовательныхъ предметовъ Боржомской школы ремесленныхъ учениковъ *Лозовой* — съ 29-го марта 1906 г., учитель Карсскаго городского трехклассснаго училища *Цитлидзе*—съ 26-го октября 1907 г.; помощникъ воспитателя при пансіонѣ Ставропольской мужской гимназіи *Никитинъ*—съ 14-го декабря 1906 г.; учитель Кубанскаго городского училища *Ованесовъ*—съ 1-го сентября 1906 г.; учитель Владикавказскаго Николаевскаго городского училища *Потаповъ*—съ 15-го августа 1906 г.; помощникъ воспитателя Тифлисской 1-й мужской гимназіи *Лукешъ*—съ 11-го января 1907 г.; учитель Моздокскаго городского училища *Гаяевъ*—съ 15-го августа 1906 г.; учителя приготовительнаго класса: Дербентскаго реальнаго училища, *Нацваловъ*—съ 15-го іюля 1908 г., Бакинской мужской прогимназіи, *Лежневъ*—съ 25-го августа 1905 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Тифлисской 2-й мужской гимназіи *Габелашвили*—съ 1-го сентября 1906 г.; смотритель Сухумской горской школы *Погуляевъ*—съ 25-го сентября 1907 г., почетный смотритель Грозненской низшей ремесленной школы *Щеповской*—съ 3-го августа 1906 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: учитель Темиръ-Ханъ-Шуринскаго городского училища *Топчіанцъ*—съ 5-го августа 1906 г.; смотритель Таманскаго двухклассснаго начальнаго училища *Руденко*—съ 1-го августа 1906 г.; почетный смотритель того же училища *Фока*—съ 1-го апрѣля 1904 г.; помощникъ воспитателя пансіона Эриванской мужской гимназіи *Шафибековъ*—съ 1-го декабря 1898 г.; учитель Ардонскаго городского училища *Шестаковъ*—съ 1-го августа 1899 г.; помощникъ воспитателя при пансіонѣ Ставропольской мужской гимназіи *Гавелка*—съ 1-го января 1906 г.; учитель рисованія Владикавказскаго Николаевскаго

городского училища *Ткачевъ*—съ 30-го марта 1902 г.; учитель Владикавказскаго графа Лорисъ-Меликова ремесленнаго училища *Комаровъ*—съ 1-го августа 1904 г.; смотритель Прасковейскаго казеннаго двухкласснаго училища *Крыжановскій*—съ 8-го октября 1901 г.; смотритель Грозненской горской школы *Кривохатскій*—съ 15-го іюля 1908 г.; учитель-надзиратель Грозненской горской школы *Щербина*—съ 15-го іюля 1908 г.; учитель-надзиратель Сухумской горской школы *Губановъ*—съ 1-го августа 1907 г., учитель Бакинскаго городского Михайловскаго училища *Нацваловъ*—съ 1-го августа 1905 г., учитель Петровскаго городского училища князь *Циціановъ*—съ 15-го августа 1900 г., учитель-инспекторъ Кагызманскаго городского училища *Пясецкій*—съ 9-го августа 1902 г., учитель Сацхенисскаго начальнаго училища *Клеветовъ*—съ 1-го октября 1902 г., учитель Армавирскаго Александровскаго двухкласснаго училища *Ковшаръ*—съ 1-го октября 1906 г., дѣлопроизводитель канцеляріи попечителя *Троицкій*—съ 12-го мая 1908 г., учитель-руководитель работами Батумскаго ремесленнаго училища *Куклинскій*—съ 6-го августа 1904 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари:* учитель образцоваго при Ставропольской учительской семинаріи училища *Розенбергъ*—съ 1-го августа 1908 г., смотритель Баралетскаго нормальнаго училища *Гургеновъ*—съ 12-го октября 1901 г., смотритель Кахскаго нормальнаго училища *Зазуновъ*—съ 1-го сентября 1896 г., завѣдывающій Дербентскимъ двухкласснымъ желѣзнодорожнымъ училищемъ *Вихровъ*—съ 1-го октября 1905 г., учитель-надзиратель Нальчикской окружной горской школы *Парамоновъ*—съ 1-го августа 1906 г., учитель той же школы *Сусниковъ*—съ 1-го октября 1907 г., учитель Пятигорскаго городского училища *Медяникъ*—съ 15-го августа 1905 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари:* помощникъ учителя Елисаветпольскаго городского училища *Ковалевъ*—съ 1-го сентября 1905 г., помощникъ учителя того же училища *Израсловъ* (онъ же Исраелянцъ)—съ 1-го февраля 1906 г., помощникъ учителя Карсскаго городского училища *Политовъ*—съ 1-го августа 1902 г., помощникъ учителя того же училища *Придорогинъ*—съ 24-го августа 1906 г., завѣдывающій Бакинскимъ городскимъ шестикласснымъ училищемъ *Махмудбековъ*—съ 1-го сентября 1904 г.; въ *коллежскіе регистраторы:* письмоводитель Владикавказской мужской гимназіи *Заленскій*—съ 1-го іюля 1908 г., смотрители училищъ: Шахбузскаго (Махмудовскаго) сельскаго двухкласснаго, *Заманбековъ*—съ 1-го іюня 1896 г., 1-го мужского начальнаго въ г. Александрополѣ, *Мхитарянцъ*—съ

5-го октября 1906 г., Ванандскаго сельскаго, *Мирзаевъ*—съ 1-го сентября 1904 г., Тосскаго двухкласснаго сельскаго, *Карапетовъ*—съ 5-го октября 1906 г., Гюллюджинскаго двухкласснаго общественнаго, *Амбарцумовъ*—съ 5-го октября 1906 г., завѣдывающій Измайлинскимъ сельскимъ училищемъ *Бабаевъ*—съ 1-го сентября 1896 г., смотритель VI Бакинской русско-татарской школы *Сафаралибековъ*—съ 1-го сентября 1902 г., учителя: 3-й Бакинской русско-татарской школы, *Велибековъ* и Дешлагарскаго сельскаго училища, *Авдусинъ*, оба—съ 5-го октября 1906 г., завѣдывающій Гурійскимъ станичнымъ училищемъ *Янушъ*—съ 1-го сентября 1906 г., учитель Отраднаго двухкласснаго станичнаго училища *Дороховъ*—съ 5-го октября 1906 г., завѣдывающіе станичными училищами: Кирпильскимъ одноклассиымъ, *Евтушенко*—съ 1-го сентября 1905 г., Кореновскимъ иногороднимъ, *Шевченко*—съ 1-го августа 1898 г., Роговскимъ Николаевскимъ двухкласснымъ, *Овчинниковъ*—съ 15-го сентября 1903 г., Бейсугскимъ двухкласснымъ, *Деркунскій*—съ 5-го октября 1906 г., Пластуновскимъ двухкласснымъ, *Мороза*—съ 5-го октября 1906 г., Баталпашинскимъ двухкласснымъ *Шрамъ*—съ 5-го октября 1906 г., завѣдывающіе сельскими училищами: Докшуковскимъ, *Сърковъ*, Тебердинскимъ, *Поповъ* и Сентинскимъ, *Теймуразовъ*, всѣ трое—съ 5-го октября 1906 г., учитель Бибердовскаго сельскаго училища *Биджіевъ*—съ 5-го октября 1906 г., завѣдывающіе училищами: Мансуровскимъ сельскимъ *Санглибаевъ*—съ 5-го октября 1906 г., Баталпашинскимъ приходскимъ, *Туровъ*—съ 1-го сентября 1906 г. и Бѣломечетскимъ двухкласснымъ станичнымъ, *Мартыщенко*—съ 5-го октября 1906 г., завѣдывающіе станичными двухклассными училищами: Кореновскимъ Александровскимъ, *Богославскій*—съ 15-го сентября 1905 г., Варениковскимъ, *Левченко*—съ 5-го октября 1906 г., Новомышастовскимъ, *Кубаревъ*—съ 20-го августа 1895 г., завѣдывающій Ладожскимъ хуторскимъ училищемъ *Краснянскій*—съ 1-го августа 1904 г., учителя двухклассныхъ училищъ: Славянскаго приходскаго, *Александровъ*—съ 1-го октября 1905 г., Крыловскаго станичнаго, *Иванченко*—съ 1-го сентября 1902 г., завѣдывающій Роговскимъ Николаевскимъ станичнымъ двухкласснымъ училищемъ *Чуйко*—съ 1-го августа 1904 г., учителя двухклассныхъ станичныхъ училищъ: Михайловскаго, *Бѣлкинъ*—съ 20-го сентября 1905 г. и Абинскаго Александровскаго, *Щербина*—съ 5-го октября 1906 г., завѣдывающіе училищами: Новоджерелієвскимъ двухкласснымъ станичнымъ, *Котелевскій*—съ 1-го августа 1905 г. и Лоевско-Зеленчукскимъ сельскимъ, *Харла-*

новъ—съ 5-го октября 1906 г., учитель Учкуланскаго двухкласснаго сельскаго училища, *Тимошенко*—съ 5-го октября 1906 г., завѣдывающіе станичными училищами: Славянскимъ одноклассным ъ, *Педусъ*—съ 1-го октября 1905 г., Старовеличковскимъ двухклассн ымъ, *Александровъ* и Марьинскимъ двухклассн ымъ, *Фрейманъ*, оба — съ 5-го октября 1906 г., почетный смотритель Армавирскаго городского трехкласснаго училища *Меснянкинъ*—съ 5-го октября 1906 г.; канцелярскій служитель канцеляріи попечителя *Зиминъ*—съ 1-го октября 1908 г.; смотрители одноклассныхъ сельскихъ училищъ: Джамушлинскаго, *Капитоновъ*—съ 1-го ноября 1907 г., Николаевскаго, *Сербиновскій*—съ 1-го октября 1908 г., Каракалинскаго, *Пахлеваняицъ*—съ 10-го сентября 1907 г., Байбуртскаго, *Кеосоянцъ*—съ 1-го октября 1907 г., Владикарсскаго, *Деревлевъ*—съ 5-го октября 1906 г., Новоэстонскаго, *Юрно*—съ 5-го октября 1906 г., Арсеняксксаго, *Селескоровъ*—съ 5-го октября 1906 г., Ново-Николаевскаго, *Сигодинъ* (онъ же Сикида)—съ 5-го октября 1906 г., Армутлинскаго, *Басонцянцъ*—съ 5-го октября 1906 г., Дигорскаго, *Каспаровъ*—съ 5-го октября 1906 г., Гренадерскаго, *Васильевъ*—съ 5-го октября 1906 г., Читахскаго, *Анастасьевъ*—съ 10-го октября 1906 г., Ново-Покровскаго, *Ярошевъ*—съ 10-го октября 1906 г., Ново-Троицкаго, *Портянкинъ*—съ 1-го апрѣля 1907 г., Халифъ-Оглинскаго, *Каракевовъ*—съ 5-го октября 1906 г., Самзелекскаго, *Карахановъ*—съ 28-го іюня 1908 г., Кизиль-Чахчахскаго двухкласснаго, *Теръ-Григорянцъ*—съ 5-го октября 1906 г., Благодаренскаго двухкласснаго, *Пархомовскій*—съ 5-го октября 1906 г.; учитель Дигорскаго сельскаго однокласснаго училища, *Челингарянцъ*—съ 5-го октября 1906 г., смотрители одноклассныхъ сельскихъ училищъ: Романовскаго, *Школьниковъ*, Новодубовскаго, *Зоткевичъ* и Михайловскаго, *Ренсковъ*, всѣ трое—съ 5-го октября 1906 г., Олорскаго, *Айвазянцъ*—съ 28-го іюня 1908 г.; второй учитель Средне-Ханагскаго сельскаго двухкласснаго училища *Моисеевъ*—съ 5-го октября 1906 г.; смотритель Карсскаго греческаго общественнаго училища *Милиди*—съ 5-го октября 1906 г.; учитель Карсскаго городского училища *Порсугянцъ*—съ 5-го октября 1906 г.; смотритель Карсскаго армяно-католическаго общественнаго училища *Аладжаджянъ* — съ 5-го октября 1906 г.; смотрители сельскихъ училищъ: Ново-Селимскаго двухкласснаго, *Цанъ*, Олухлинскаго, *Яковиди* и Гельскаго двухкласснаго, *Лаврентіевъ*, всѣ трое — съ 5-го октября 1906 г.; третій учитель Ардаганскаго нормальнаго двухкласснаго училища, *Шахпаронянцъ*—съ 5-го октября 1906 г.; смотритель сельскаго одно-

классного Зыбнинскаго училища *Абрамянцъ*—съ 5-го октября 1906 г.; завѣдывающій 3-мъ Калиновскимъ станичнымъ одноклассньмъ училищемъ *Путиловъ*—съ 5-го октября 1906 г.; учитель Дубовскаго станичнаго училища *Шангиреевъ*—съ 5-го октября 1906 г.; завѣдывающій Калиновскимъ двухклассньмъ станичнымъ училищемъ *Райковъ*—съ 5-го октября 1906 г.; учителя двухклассныхъ училищъ: Ермоловскаго станичнаго, *Дьяченко* и Грозненскаго желѣзнодорожнаго, *Александровъ*, оба—съ 5-го октября 1906 г.; завѣдывающій Грозненскимъ двухклассньмъ станичнымъ училищемъ *Нехаевъ*—съ 5-го октября 1906 г.; учитель Наурскаго двухкласснаго станичнаго училища *Шапошниковъ*—съ 5-го октября 1906 г.; завѣдывающій Вознесенскимъ станичнымъ училищемъ *Шевченко*—съ 5-го октября 1906 г.; учитель Стародеревковскаго станичнаго училища *Хуторскій*—съ 5-го октября 1906 г.; завѣдывающій Карджинскимъ сельскимъ начальнымъ училищемъ *Уруймаговъ*—съ 1-го августа 1905 г.; учитель Нестеровскаго станичнаго училища *Урусовъ*—съ 5-го октября 1906 г.; завѣдывающій Терскимъ станичнымъ училищемъ *Тишковъ*—съ 5-го октября 1906 г.; учитель Слѣпцовскаго двухкласснаго станичнаго училища *Конашевичъ* (онъ же Тишкинъ)—съ 5-го октября 1906 г.; завѣдывающіе станичными училищами: Заманкульскимъ двухклассньмъ, *Собіевъ* и Фельдмаршальскимъ, *Солонченко*, оба—съ 5-го октября 1906 г.; учителя станичныхъ училищъ: Михайловскаго, *Сергѣевъ*, Нестеровскаго, *Ростовцевъ*, оба—съ 5-го октября 1906 г.; Слѣпцовскаго двухкласснаго, *Пономаренко*—съ 16-го сентября 1906 г. и Павлодольскаго двухкласснаго, *Лисютинъ*—съ 5-го октября 1906 г.; завѣдывающіе училищами: Аки-Юртовскимъ станичнымъ, *Клевцовъ*, Самашкинскимъ двухклассньмъ станичнымъ, *Истратовъ* и Исламовскимъ приходскимъ сельскимъ, *Лѣпилкинъ*, всѣ трое—съ 5-го октября 1906 г.; учитель Прохладненскаго начальнаго училища *Славяновъ*—съ 27-го іюня 1907 г., учителя двухклассныхъ станичныхъ училищъ: Екатериноградскаго, *Сивухинъ*, Наурскаго, *Степановъ* и Грозненскаго, *Исаевъ*, всѣ трое—съ 5-го октября 1906 г.; завѣдывающіе станичными училищами: Петропавловскимъ двухклассньмъ, *Коноваловъ* и Щедринскимъ одноклассньмъ, *Зобовъ*, оба—съ 5-го октября 1906 г.; учителя училищъ: Грозненскаго 2-го городского начальнаго, *Крещенскій*, Александрійскаго двухкласснаго станичнаго, *Храповъ*, оба—съ 5-го октября 1906 г., и Хасавъ-Юртовскаго слободскаго приходскаго, *Коротковъ*—съ 1-го октября 1906 г.; завѣдывающій Урухскимъ одноклассньмъ станичнымъ училищемъ *Амельченко*—съ 5-го октября 1906 г.; помощ-

никъ учителя Пятигорскаго Николаевскаго городского приходскаго двухкласснаго училища *Емельницкій*—съ 5-го октября 1906 г.; учитель Минераловодскаго двухкласснаго желѣзнодорожнаго училища *Егоровъ*—съ 5-го октября 1906 г.; завѣдывающіе училищами: Лысогорскимъ 2-мъ одноклассиымъ станичнымъ, *Петровъ*—съ 5-го октября 1906 г. и Минераловодскимъ двухкласснымъ желѣзнодорожнымъ, *Сахаровъ*—со 2-го октября 1903 г.; запасный учитель 1-го инспекторскаго района Терской дирекціи народныхъ училищъ *Шидокаевъ*—съ 5-го октября 1906 г.; завѣдывающій Владикавказскимъ 3-мъ приходскимъ имени Пушкина училищемъ *Звонаревъ*—съ 5-го октября 1906 г.; учителя училищъ: Мекенскаго двухкласснаго приходскаго, *Астанинъ* и Архонскаго двухкласснаго станичнаго, *Баранцовъ*, оба—съ 5-го октября 1906 г.; исправляющій должность завѣдывающаго Абаевскимъ сельскимъ училищемъ *Дежевскій*—съ 5-го октября 1906 г.; учитель Пятигорскаго Константиногорскаго приходскаго одноклассиаго мужскаго училища *Парамоновъ*—съ 5-го октября 1906 г.; завѣдывающій Георгіевскимъ приходскимъ 2-мъ училищемъ *Жуковъ*—съ 5-го октября 1906 г.; учитель Кисловодскаго 2-го приходскаго училища *Ждановъ*—съ 5-го октября 1906 г.; исправляющій должность помощника учителя Незлобненскаго двухкласснаго станичнаго училища *Данильченко*—съ 5-го октября 1906 г.; завѣдывающіе 2-ми станичными приходскими училищами: Александрійскимъ, *Вуколовъ* и Зольскимъ, *Бѣлогуровъ*, оба—съ 5-го октября 1906 г.; помощникъ учителя Кисловодскаго 1-го городского приходскаго училища *Буровъ*—съ 5-го октября 1906 г.; исправляющій должность завѣдывающаго Куденетовскимъ 2-мъ одноклассиымъ училищемъ *Третьяковъ*—съ 5-го октября 1906 г.; завѣдывающій Пятигорскимъ городскимъ приходскимъ однокласснымъ на Карачаевкѣ училищемъ *Антоневичъ*—съ 5-го октября 1906 г.; помощникъ учителя Кисловодскаго станичнаго училища *Поповъ*—съ 1-го ноября 1907 г.; учителя училищъ: Владикавказскаго графа Лорисъ-Меликова ремесленнаго, *Юрченко*—съ 12-го сентября 1905 г., Владикавказскаго двухкласснаго приходскаго общества мѣщанъ, *Шлинкертъ*—съ 1-го августа 1906 г. и Луковскаго двухкласснаго станичнаго, *Зотовъ*—съ 20-го ноября 1905 г.; завѣдывающіе станичными училищами: Троицкимъ, *Исаевъ*, Екатеринодарскимъ двухкласснымъ, *Егуповъ*, Пришибскимъ, *Езерскій* и Александровскимъ, *Головинъ*, всѣ четверо—съ 5-го октября 1906 г.; помощникъ учителя Моздокскаго Кирилло-Меѳодіевскаго городского приходскаго училища *Головъ*—съ 5-го октября 1906 г.; завѣдывающіе училищами: солдатскимъ приходскимъ.

Гринченко и Котляревскимъ станичнымъ, *Воронковъ*, оба — съ 5-го октября 1906 г.; помощникъ учителя Моздокскаго Кирилло-Меѳодіевскаго городского приходскаго начальнаго училища *Арбузниковъ*—съ 5-го октября 1906 г.; завѣдывающій мужскимъ училищемъ общества Владикавказскихъ ремесленниковъ *Измайловъ*—съ 5-го октября 1906 г.; учитель общества Владикавказскихъ ремесленниковъ училища *Николаевъ* — съ 5-го октября 1906 г.; завѣдывающій Пятигорскимъ Николаевскимъ городскимъ приходскимъ училищемъ *Чудовскій*—съ 5-го октября 1906 г.; помощникъ учителя Лысогорскаго станичнаго двухклассваго училища *Мужсня*—съ 5-го октября 1906 г.; исправляющій должность завѣдывающаго Шалушинскимъ сельскимъ приходскимъ училищемъ *Карповъ*—съ 5-го октября 1906 г.; учитель Александрійскаго двухклассваго станичнаго училища *Качуринъ* — съ 5-го октября 1906 г.; завѣдывающіе станичными училищами: Подгорненскимъ двухкласснымъ, *Мамохинъ*, Галюгаевскимъ, *Куропаткинъ* и Ермоловскимъ двухкласснымъ, *Ждановъ*, всѣ трое—съ 5-го октября 1906 г.; и 2-мъ Калиновскимъ одноклассцымъ училищемъ, *Григорьевъ*—съ 1-го декабря 1906 г.; учитель Караногайскаго одноклассцаго училища *Прокофьевъ*—съ 1-го августа 1907 г.; помощникъ учителя Дубовскаго одноклассцаго станичнаго училища *Мѣдяникъ* — съ 20-го августа 1907 г.; учителя станичныхъ училищъ: Луковскаго, *Пресняковъ* — съ 1-го сентября 1907 г.; Терскаго, *Путиловъ*—съ 20-го августа 1907 г.; завѣдывающій Баташевскимъ приходскимъ училищемъ *Калаушинъ* — съ 1-го января 1908 г.; помощникъ учителя Петропавловскаго станичнаго училища *Останьковичъ*—съ 20-го октября 1906 г.; завѣдывающіе училищами: Владикавказскимъ одноклассцымъ сельскимъ, *Касьяновъ* — съ 1-го октября 1907 г.; Георгіевскимъ станичнымъ, *Албануковъ*—съ 5-го октября 1906 г.; помощникъ учителя Кисловодскаго станичнаго двухклассваго училища *Щербаковъ*—съ 1-го августа 1907 г.; учитель Минераловодскаго желѣзнодорожнаго двухклассваго училища *Величко*—съ 24-го августа 1899 г.; завѣдывающій Государственнымъ двухкласснымъ станичнымъ училищемъ *Бурда* — съ 1-го августа 1907 г.; помощники учителя училищъ: Павлодольскаго двухклассваго станичнаго, *Гейнрихсенъ*—съ 20-го февраля 1907 г., Георгіевскаго 2-го городского приходскаго, *Головинъ* — съ 1-го ноября 1907 г.; завѣдывающій Карабулакскимъ станичнымъ училищемъ *Градусовъ* — съ 5-го августа 1907 г.; учитель Екатериноградскаго двухклассваго станичнаго училища *Агаповъ*—съ 1-го августа 1907 г.; бывшій помощникъ учителя того же училища, нынѣ въ отставкѣ,

Сѣриковъ—съ 1-го апрѣля 1897 г.; завѣдывающій Ново-Павловскимъ станичнымъ училищемъ *Гладилинъ* — съ 25-го сентября 1904 г.; смотрители сельскихъ училищъ: Бумскаго, *Султановъ*—съ 1-го іюля 1901 г., Караклисскаго, *Григорьянъ*—съ 1-го сентября 1904 г., Кедабекскаго, *Рюгеръ*—съ 5-го октября 1906 г.; второй учитель Багманлярскаго сельскаго русско-татарскаго училища *Копецкій*—съ 6-го іюня 1907 г.; бывшій смотритель Меревскаго двухкласснаго сельскаго училища, нынѣ въ отставкѣ, *Бараташвили*—съ 24-го марта 1891 г.; смотритель Двабзуйскаго сельскаго двухкласснаго училища *Долидзе*—съ 6-го іюня 1905 г.; бывшій надзиратель Елисаветпольскаго шестикласснаго городского училища, нынѣ въ отставкѣ, *Амастюръ* — съ 15-го октября 1890 г.; учитель Петровскаго русско-мусульманскаго имени Мелихъ Бабаева училища *Бондаревъ*—съ 5-го октября 1906 г.; бывшій учитель Ново-Дмитріевскаго станичнаго училища *Иващенко*—съ 1-го сентября 1903 г.; бывшій учитель Лагическаго сельскаго общественнаго училища *Оруджаліевъ* — съ 1-го октября 1904 г.; помощникъ учителя Кагызманскаго городского училища *Лазариди*—съ 5-го октября 1906 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго ассессора:* преподаватель Тифлисскаго реальнаго училища губернскій секретарь *Пархомовичъ*—съ 14-го октября 1904 г.; преподаватель того же училища де-*Сентъ-Мари* — съ 10-го января 1901 г.; преподаватель Пятигорской мужской гимназіи *Бабичъ* — съ 1-го августа 1904 г.; учитель Эриванской мужской гимназіи *Ксюнинъ* — съ 1-го сентября 1904 г.; учителя Ставропольской мужской гимназіи: *Тадеосянцъ* — съ 1-го сентября 1904 г. и *Вицкопфъ* — съ 10-го сентября 1904 г.; учитель Грозненскаго реальнаго училища *Лысенковъ*—съ 1-го августа 1904 г.; учитель Темиръ-Ханъ-Шуринскаго реальнаго училища *Кожановъ*—съ 1-го августа 1904 г.; наставники-учителя: Эриванской учительской семинаріи, *Чудновцевъ* — съ 5-го августа 1904 г. и Ставропольской учительской семинаріи, *Евстафьевъ*—съ 29-го августа 1904 г.; *титулярнаго совѣтника:* врачи: Петровскаго Николаевскаго городского четырехкласснаго училища *Ковалевъ*—съ 1-го сентября 1903 г., Екатеринодарскаго городского четырехкласснаго училища *Хацкелевичъ*—съ 20-го октября 1902 г., оба по степени лекаря; завѣдывающій Средне-Егорлыкской низшей ремесленной школой *Глазуновъ*—съ 1-го сентября 1901 г.; мастеръ-техникъ Грозненской низшей ремесленной школы *Феня*—съ 30-го іюля 1902 г.; *коллежскаго секретаря:* учителя городскихъ училищъ: Пятигорскаго, *Бережновъ*—съ 1-го августа 1903 г.,

Игдырскаго *Гогуадзе*—съ 1-го іюля 1904 г., Аштаракскаго, *Кенкадзе*—съ 1-го іюля 1904 г., Баталпашинскаго, *Золотинскій*—съ 14-го іюня 1900 г., Тифлисскаго Николаевскаго, *Джапаридзе* — съ 1-го августа 1901 г., 2-го Екатеринодарскаго: *Кугатовъ*—съ 20-го іюня 1902 г., *Лебедевъ* — съ 1-го іюля 1904 г. и *Мегеря* — съ 1-го іюля 1904 г., Зугдидскаго, *Арачемія*—съ 1-го августа 1901 г., Петровскаго Николаевскаго, *Бобро*—съ 1-го іюня 1902 г., 1-го Кутаисскаго, *Чейшвили*—съ 1-го января 1900 г., помощникъ классныхъ наставниковъ Кутаисскаго реальнаго училища *Маградзе*—съ 1-го октября 1904 г., бывшій учитель-надзиратель Батумскаго ремесленнаго училища, нынѣ въ отставкѣ, *Васинъ*—съ 15-го іюля 1902 г.

(20-го апрѣля 1909 года, № 22). *Утверждается* въ чинѣ *губернскаго секретаря*, со старшинствомъ, учитель русскаго курса Тифлисскаго мусульманскаго училища омарова ученія *Субханкуловъ* — съ 26-го ноября 1902 г.

Назначается: сверхштатный экстраординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, докторъ медицины, статскій совѣтникъ *Голубовъ* —сверхштатнымъ ординарнымъ профессоромъ того же университета, по каѳедрѣ частной патологіи и терапіи; губернскій секретарь *Малашкинъ*—вновь почетнымъ попечителемъ частнаго реальнаго училища Малашкина, въ гор. Рязани, на три года, съ 3-го февраля.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію, по болѣзни, директоръ Митавскаго реальнаго училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Рудневъ*, съ 6-го апрѣля.

Умершіе исключаются изъ списковъ: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, докторъ ботаники, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Сорокинъ*, съ 23-го марта; директоръ частной шестиклассной прогимназіи Ковальскаго въ предмѣстьѣ гор. Варшавы—Прагѣ, статскій совѣтникъ *Петровъ*, съ 10-го марта.

(27-го апрѣля 1909 года, № 24). *Опредѣляется* на службу, изъ отставныхъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Кашкинъ*, съ утвержденіемъ почетнымъ попечителемъ Калужскаго реальнаго училища, согласно избранію, на три года, съ 1-го января.

Утверждаются, согласно избранію: дѣйствительный статскій совѣтникъ *Милорадовичъ* и коллежскій ассессоръ *Крымъ*—почетными попечителями гимназій: первый—Прилукской, съ 1-го января 1908 г., а второй—вновь Ѳеодосійской, съ 24-го сентября 1908 г., оба на

три года; отставной штабсъ-капитанъ *Челищевъ* и крестьянинъ *Калугинъ*—почетными попечителями реальныхъ училищъ: первый—Торопецкаго, съ 7-го октября 1908 г., а второй—Оханскаго, съ 1-го января 1909 г., оба на три года.

Переводится на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія преподаватель въ классахъ старшаго возраста Императорскаго Александровскаго лицея, почетный академикъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ по разряду изящной словесности, магистръ исторіи всеобщей литературы, статскій совѣтникъ *Котляревскій*, съ утвержденіемъ ординарнымъ академикомъ той же академіи, по отдѣленію русскаго языка и словесности, согласно избранію, съ 14-го февраля.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію, почетный попечитель Кишиневской первой гимназіи, дворянинъ *Балинскій*.

Умершій, исключается изъ списковъ, директоръ Московской десятой гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Виноградовъ*, съ 6-го апрѣля.

IV. ЦИРКУЛЯРЫ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

4. (14-го апрѣля 1909 года, № 8642). *По вопросу о переводѣ учащихся среднихъ учебныхъ заведеній въ высшіе классы безъ испытаній по причинѣ болѣзни.*

Въ циркулярномъ предложеніи министерства отъ 2-го марта 1908 г. за № 5970 о возстановленіи и порядкѣ производства переводныхъ испытаній въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ остался открытымъ вопросъ о переводѣ учащихся, по причинѣ ихъ болѣзни, въ высшіе классы безъ испытаній, вслѣдствіе чего такіе вопросы восходили въ минувшемъ году на разрѣшеніе центральнаго управленія министерства.

Опытъ показалъ, что такой порядокъ, крайне обременяя дѣлопроизводство органовъ центральнаго и учебно-окружныхъ управленій, въ то же время не имѣетъ за собою какихъ-либо преимуществъ съ точки зрѣнія общаго руководительства подобнаго рода дѣлами, такъ какъ рѣшеніе по нимъ министерства естественнымъ образомъ находилось въ прямой зависимости отъ заключенія и данныхъ, представленныхъ мѣстнымъ начальствомъ; въ тѣхъ же случаяхъ, когда призна-

валось желательнымъ, въ цѣляхъ ближайшаго выясненія возникшихъ при разсмотрѣніи дѣла вопросовъ, имѣть дополнительныя данныя, полученіе таковыхъ обыкновенно затруднялось невозможностью собрать педагогическій совѣтъ во время лѣтнихъ вакацій, что значительно задерживало разрѣшеніе вопроса.

Въ виду изложеннаго я нахожу полезнымъ, въ интересахъ дѣла, разсмотрѣніе и рѣшеніе ходатайствъ объ освобожденіи успѣвающихъ учащихся, вслѣдствіе ихъ болѣзни, отъ переводныхъ испытаній предоставить мѣстному учебно-окружному начальству въ полной увѣренности, что эта мѣра будетъ примѣняться лишь въ случаяхъ дѣйствительно уважительныхъ и, такимъ образомъ, не будетъ подрывать значенія соотвѣтственныхъ правилъ.

Объ этомъ увѣдомляю ваше превосходительство для руководства и надлежащихъ распоряженій по ввѣренному вамъ учебному округу.

5. (29-го апрѣля 1909 года, № 10015). *О порядкѣ представленія сторонними лицами, экзаменующимися изъ курса гимназій и реальныхъ училищъ, своихъ фотографическихъ карточекъ.*

До свѣдѣнія министерства народнаго просвѣщенія дошло, что нѣкоторымъ изъ лицъ, желающихъ получить свидѣтельства въ знаніи курса мужской гимназіи или реальнаго училища, а также и отдѣльныхъ классовъ этихъ учебныхъ заведеній, удается держать испытанія черезъ подставныхъ лицъ и что для этого они подмѣниваютъ свои фотографическія карточки, представляемыя, по правиламъ, при прошеніи о допущеніи къ испытаніямъ.

Признавая посему необходимымъ предотвратить возможность злоупотребленій съ фотографическими карточками со стороны экстерновъ, я прошу ваше превосходительство сдѣлать распоряженіе о томъ, чтобы фотографическія карточки прикрѣплялись къ документамъ экзаменующихся шнуромъ, припечатаннымъ къ карточкѣ печатью учебнаго заведенія (или канцеляріи попечителя учебнаго округа, если данное лицо экзаменуется въ испытательномъ комитетѣ), при чемъ печать должна накладываться непремѣнно на лицевой сторонѣ карточки.

V. ОТЪ УПРАВЛЕНІЯ ПЕНСІОННОЙ КАССЫ НАРОДНЫХЪ УЧИТЕЛЕЙ И УЧИТЕЛЬНИЦЪ.

На 1-ое мая 1909 года по отдѣлу XXX спеціальныхъ средствъ министерства народнаго просвѣщенія „капиталъ пенсіонной кассы народныхъ учителей и учительницъ“ состояло на лицо суммъ, поступившихъ по квитанціямъ главнаго казначейства:

Наличными деньгами	19.666 р.	90 к.
Процентными бумагами	8.296.341 „	13 „

Изъ нихъ:

$3^8/_{10}$% конверсіонныхъ облигацій	132.000 „	— „
4% свидѣт. Крестьянскаго поземельнаго банка	500 „	— „
„ „ государственной ренты	543.500 „	— „
„ конс. облиг. Россійскихъ жел. д. 1 и 2 серій	50.062 „	50 „
$4^1/_2$% закл. лист. Московскаго земельнаго банка	220.000 „	— „
„ „ „ Бессар.-Таврическаго „	224.700 „	— „
„ „ „ Донского земельнаго „	221.400 „	— „
„ „ „ Полтавскаго земельнаго банка	223.900 „	— „
„ „ „ Кіевскаго земельнаго банка	235.300 „	— „
„ „ „ Яросл.-Костромского „	220.400 „	— „
„ „ „ Нижег.-Самарскаго „	225.000 „	— „
„ „ „ Харьковскаго поземельнаго „	198.600 „	— „
„ „ „ С.-Петерб.-Тульск. поз. банка	166.500 „	— „
„ „ „ Земск. банка Херсонской губ.	229.600 „	— „
„ облигацій Московск. гор. кред. общества	224.700 „	— „
„ облигацій С.-Петербургск. гор. кред. общ.	594.500 „	— „
„ закл. лист. Виленскаго земельнаго „	225.500 „	— „
5% свидѣт. Крестьянскаго поземельнаго банка	30.200 „	— „
„ закл. лист. Тифлисскаго двор. зем. банка	127.600 „	— „
„ внутренняго займа 1905 года I выпуска	149.900 „	— „
„ „ „ „ II „	188.000 „	— „
„ „ „ 1908 года	150.000 „	— „
„ Россійскаго государственнаго займа 1906 года	98.062 „	50 „
6% именныхъ обязательствъ Крестьян. поз. банка	3.616.416 „	13 „
Итого	8.296.341 руб.	13 к.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСНОВНОГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями основного отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Лебедевъ, С.* Царство растеній. Элементарная ботаника. Изданіе В. В. Думнова. С.-Пб. 1908. Стр. 210. Цѣна 1 р. 20 коп.“ (для женскихъ гимназій).

— „*Лопатинскій, Л. Г.* Краткая латинская грамматика. Изданіе 10-е. Тифлисъ. 1909. Стр. IV+VII+166. Цѣна 75 коп.“

— „*Максименко, Г. Р.* Сорокъ уроковъ русскаго языка. Кіевъ. 1908. Стр. 70. Цѣна 20 коп.“ (для приготовительныхъ классовъ).

— „*Метельскій, Владиміръ.* Русская исторія. Элементарный курсъ. Николаевъ. 1908. Стр. II+192+IV. Цѣна 75 коп.“ (для III класса женскихъ гимназій).

— „*Миквицъ, К. Л.* Основы нѣмецкой грамматики. 6-е изд., И. И. Глазунова. С.-Пб. 1909. Стр. XII+176+47. Цѣна 1 р. 25 коп.“

— „*Пеніонжкевичъ, К. Б.* Основанія анализа безконечно-малыхъ. Курсъ 7-го класса реальныхъ училищъ. Изданіе С. А. Козловскаго. Сумы. 1909. Стр. 164+4. Цѣна 1 р.“ (для реальныхъ училищъ).

— „*Чевакинскій, А.* Коммерческая географія Россіи. Сравнительное обозрѣніе съ главнѣйшими государствами міра. С.-Пб. 1909. Стр. VII+198. Цѣна 1 р.“ (для коммерческихъ отдѣленій реальныхъ училищъ).

б) въ качествѣ учебныхъ пособій для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Борзовъ, А. А.* Картины по географіи Россіи. I. Европейская Россія. 12 таблицъ.—Объяснительный текстъ. Изданіе Гросманъ и Кнебель. М. 1908. Стр. 192+I. Цѣна картинъ съ текстомъ 9 р. 50 коп., цѣна текста отдѣльно 50 коп.“ (въ качествѣ необязательнаго пособія).

— „*Вульфъ, Г. В.* Способъ графическаго рѣшенія задачъ по

космографіи и математической географіи. Нижній-Новгородъ. 1909. Стр. 23+V табл. Цѣна 1 р. 25 коп." (въ качествѣ необязательнаго пособія).

— „*Ксенофонтъ*. Анабасисъ. Книга I. Объяснилъ *Л. А. Георгіевскій*. (Илл. собраніе греч. и римск. классиковъ, подъ ред. *Льва Георгіевскаго* и *Сергѣя Манштейна*). Изданіе 5-е. С.-Пб. 1909. Часть I: Текстъ. Стр. 40+1 карта.—Часть II: Комментарій. Стр. 88. Цѣна за обѣ части 50 коп."

— „Новые нѣмецкіе писатели. 1-й томикъ. *К. Ф. Мейеръ.— А. Штернъ.—Э. Мюлленбахъ*. Обработалъ *С. А. Манштейнъ*. (Избр. произведенія нѣм. и франц. писателей, подъ ред. *С. А. Манштейна*). Изданіе 2-е, С. А. Манштейна. С.-Пб. 1909. Стр. 111 (текста)+98+56+8 (приложеній). Цѣна съ приложеніями въ перепл. 60 коп."

— „*Овидій Назонъ, П.* Избранныя стихотворенія. Объяснилъ *И. В. Нетушилъ* (Илл. собраніе греч. и римск. классиковъ, подъ ред. *Льва Георгіевскаго* и *Сергѣя Манштейна*). Изданіе 8-е. С.-Пб. 1909. Часть I: Текстъ. Стр. 94+1 карта.—Часть II: Комментарій. Стр. 175. Цѣна за обѣ части въ перепл. 1 р. 15 коп."

— „*Райковъ, Б. Е.* Первыя работы по анатоміи и физіологіи. Изданіе Н. П. Карбасникова. С.-Пб. 1909. Стр. XI+143. Цѣна 75 коп." (въ качествѣ необязательнаго пособія для реальныхъ училищъ).

— „*Телухинъ, В. Ѳ.* Репетиціонныя карты. Курсъ I-го класса. 5 картъ. Цѣна 35 коп.—Курсъ II-го класса. 7 картъ. Цѣна 45 коп.— Курсъ III-го класса. 12 картъ. Цѣна 70 коп.—Курсъ IV-го класса. 11 картъ. Цѣна 65 коп." (въ качествѣ необязательныхъ пособій, при чемъ I-й выпускъ—для учебныхъ заведеній гор. Риги).

— „*Шиллеръ*. Исторія тридцатилѣтней войны. Избранные отрывки. Обработалъ *А. Рейманъ*. (Избр. произведенія нѣм. и франц. писателей, подъ ред. *С. А. Манштейна*). Изданіе С. А. Манштейна, 2-е. С.-Пб. 1909. Стр. 130+1 карта (въ текстѣ)+133+6 (въ приложеніяхъ). Цѣна съ приложеніями въ перепл. 60 коп."

— „*Шиллингъ, Ю.* Краткій обзоръ нѣмецкой литературы до III (?) половины XVIII вѣка (I часть). 3-е изданіе, Георгъ Нейнеръ. Рига. 1909. Стр. VIII+58 (въ текстѣ)+36 (въ отдѣльномъ словарѣ). Цѣна 50 коп. со словаремъ." (въ качествѣ необязательнаго пособія для тѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ коихъ преподается нѣмецкая литература).

2. Допустить *условно* слѣдующую книгу:

въ качествѣ учебнаго пособія для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Адольфъ, А.*, и *С. Любомудровъ.* Orbis Romanus pictus. Chrestomatia (sic!) Latina. Римскій міръ въ картинкахъ. Начальная латинская хрестоматія. Часть II. 4-е изданіе К. И. Тихомирова. М. 1909. Стр. 185. Цѣна 75 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи книга была исправлена согласно замѣчаніямъ ученаго комитета).

3. Признать заслуживающими вниманія при пополненіи ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній слѣдующія книги:

— „*Бонньe, Гастонъ.* Растительный міръ. Переводъ *Н. Н. Маракуева.* М. 1909. Стр. VIII+321. Цѣна 1 р. 50 коп.“ (для мужскихъ учебныхъ заведеній).

— „*Алтаевъ, А.* Свѣточи правды. Очерки и картины изъ жизни великихъ людей. М. 1909. Стр. 367. Цѣна 1 р. 25 коп.“

— „**Бузескулъ, В. Исторія аѳинской демократіи**[1]). С.-Пб. 1909. Стр. VII+468. Цѣна 2 р. 50 коп.“

— „*Бѣлавенецъ, П. И.* Нуженъ ли намъ флотъ и значеніе его въ исторіи Россіи. С.-Пб. 1909. Стр. 280. Цѣна 1 р. 50 коп.“

— „*Григорьева, О.* Что было и чего не было. 7 разсказовъ для дѣтей. С.-Пб. 1909. Стр. 176. Цѣна 1 р.“

— „*Ильина-Пожарская, Е. Д.* Такъ они жили..... Повѣсть изъ временъ крѣпостного права. С.-Пб. 1909. Стр. III+195. Цѣна 1 р.“

— „**Махъ, Эрнстъ. Механика**[1]). Историко-критическій очеркъ ея развитія. Переводъ съ нѣм. *Г. Котляра* подъ ред. *Н. А. Гезехуса.* С.-Пб. 1909. Стр. 446+II. Цѣна 3 р.“

— „*Пфаундлеръ, Леопольдъ.* Физика обыденной жизни, изложенная общепонятно. Переводъ съ нѣм. *Г. Котляра* подъ ред. *Н. А. Гезехуса.* Изд. т-ва «Общественная польза». С.-Пб. 1906. Стр. XV+514+VII. Цѣна 3 р.“

— „*Толстой, А. К.* Князь Серебряный. Повѣсть временъ Іоанна Грознаго. Изданіе С. П. Хитрово. С.-Пб. 1909. Стр. XII+379. Цѣна 5 р.“ (также для выдачи ученикамъ въ награду).

---

[1]) Признаны ученымъ комитетомъ заслуживающими особой рекомендаціи.

— „*Чарская, Л. А.* Записки сиротки. Повѣсть для дѣтей. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. Стр. 138. Цѣна 1 р. 75 коп.“

Опредѣленіемъ основного отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденнымъ г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „Театръ *Еврипида.* Полный стихотворный переводъ съ греческаго всѣхъ пьесъ и отрывковъ, дошедшихъ до насъ подъ этимъ именемъ. Въ трехъ томахъ, съ двумя введеніями, статьями объ отдѣльныхъ пьесахъ, объяснительнымъ указателемъ и снимкомъ съ античнаго бюста Еврипида. *И. Ѳ. Анненскаго.* Томъ I. С.-Пб. Стр. VII+4+628. Цѣна 6 р.“—признать заслуживающею рекомендаціи особымъ циркуляромъ учебно-окружнымъ начальствамъ для пріобрѣтенія въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

VII. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО НАЧАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Опредѣленіями отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по начальному образованію, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „*Васильевъ, В. И.* Ариѳметика цѣлыхъ чиселъ. Изд. 11-е, А. Д. Ступина. М. 1908. Стр. 80. — Ариѳметика дробныхъ чиселъ. Изд. 10-е, А. Д. Ступина. М. 1909. Стр. 85+III.—Ариѳметика. Отношенія, пропорціи и способы рѣшенія задачъ на правила: тройныя, процентовъ, учета векселей и пр. Изд. 8-е, А. Д. Ступина. М. 1908. Стр. 80. Цѣна каждой книжки 25. коп.“ (для городск., по Положенію 1872 г., училищъ, а также для среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Ушинскій, К.* Родное слово для дѣтей младшаго возраста. Годъ 1-й. Азбука и первая послѣ азбуки книга для чтенія. Изд. 138-е. С.-Пб. 1909. Стр. IV+110. Цѣна 25 коп.“

— „*Штейнбергъ, I.* Хрестоматія. Руководство къ изученію др.-еврейскаго языка. Часть II. Книгоизд-во З. Ш. Среберка. Вильна. 1908. Стр. 282. Цѣна 1 руб. 20 коп." (для еврейск. учил.).

— „*Эпштейнъ, А. Ш.* Дикдукъ ходошъ, др.-еврейская грамматика. Книгоизд-во З. Ш. Среберка. Вильна. 1908. Стр. 116. Цѣна 60 коп." (для еврейск. учил.).

б) въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „*Смирновъ, Θ. А.* Бесѣды по родиновѣдѣнію. Тифлисъ. 1908. Стр. 60. Цѣна 25 коп." (для училищъ Эриванской губерніи).

в) въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „*Аксаковъ, С. Т.* Аленькой цвѣточекъ. Разсказъ ключницы Пелагеи. Изд. ред. журн. „Юная Россія". (Дешевая библіот. для семьи и школы). М. 1909. Стр. 31. Цѣна 6 коп."

— „*Аникинъ, С.* Мордовскія народныя сказки. Изд. т-ва „Родной міръ". С.-Пб. 1909. Стр. 102. Цѣна 50 коп."

— „*Бѣлавенецъ, П. И.* Нуженъ ли намъ флотъ и значеніе его въ исторіи Россіи. С.-Пб. 1909. Стр. 280. Цѣна 1 р. 50 коп." (для городск., по Положенію 1872 г., училищъ).

— „*Бѣлоусовъ, Ив.* Малыши. Разсказы и стихотворенія. 5-е изд. А. Д. Ступина. М. 1908. Стр. 64. Цѣна 30 коп."

— „*Гашъ, Ю.* Карта окрестностей С.-Петербурга. Съ приложеніемъ списка сообщеній С.-Петербурга съ его ближайшими и отдаленными окрестностями и алфавитнаго указателя всѣхъ обозначенныхъ на картѣ населенныхъ пунктовъ. Изд. Ю. Гашъ. С.-Пб. 1909. Стр. 18+карта. Цѣна 75 коп."

— „*Гоголь, Н. В.* Избранныя сочиненія. Сборникъ для дѣтей школьнаго возраста. Съ біографіей *А. Нестерскаго.* Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1909. Стр. XXXI+189. Цѣна 20 коп."

— „*Гоголь, Н. В.* Полное собраніе художественныхъ произведеній. Съ біографіей, написанной *А. И. Кирпичниковымъ.* Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1909. Стр. XXX+819. Цѣна 50 коп."

— „*Гоголь, Н. В.* Похожденія Чичикова или Мертвыя души. Съ введеніемъ *А. И. Кирпичникова.* Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1909. Стр. VI+243. Цѣна 20 коп."

— „*Данри.* Подводные робинзоны. Шесть сутокъ на днѣ моря въ

стальномъ корпусѣ потонувшей подводной лодки. М. 1908. Стр. 309. Цѣна 60 коп.“

— „*Елачичъ, Евгеній.* О глазахъ и чувствѣ зрѣнія животныхъ. Изд. Пост. комм. нар. чтеній. № 253. С.-Пб. 1903. Стр. 48. Цѣна 25 коп.“

— „*Ефименко, А. Я.* На Украйнѣ. Вып. 2-й. 3-е изд. журн. „Юная Россія“. (Библіот. для семьи и школы). М. 1909. Стр. 136. Цѣна 30 коп.“

— „Жизнь св. благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго. С.-Пб. 1906. Стр. 68.—Приложеніе: Голгофа св. князя Александра Невскаго. (Картины изъ его жизни). С.-Пб. 1906. Стр. 19. Цѣна съ прилож. 25 коп.“

— „Золотое дѣтство. Журналъ для дѣтей. Редакторъ-издатель *М. П. Чеховъ.* С.-Пб. 24 №№ въ годъ. Подписная цѣна на годъ 3 р. 60 коп.“ (для городск., по Положенію 1872 г., учил., по предварительной подпискѣ).

— „*Кароти, Артуръ.* Наслѣдство капитана Немо. Книгоизд-во П. П. Сойкина. С.-Пб. Стр. 120. Цѣна 50 коп.“

— „*Лонгъ, В.* Охота безъ ружья. Разсказъ. Переводъ *А. Ульяновой.* (Библіот. И. Горбунова-Посадова для дѣтей и для юношества). М. 1909. Стр. 32. Цѣна 15 коп.“

— „*Маминъ-Сибирякъ, Д. Н.* Послѣдняя треба. Разсказъ. 4-е изд. ред. журн. „Юная Россія“. (Дешевая библіот. для семьи и школы). М. 1909. Стр. 32. Цѣна 6 коп.“

— „*Назаревскій, В. В.* Двухсотлѣтіе Полтавской битвы. М. 1909. Стр. 52. Цѣна 25 коп.“

— „*Нирицъ.* Саардамскій плотникъ. Историческая повѣсть. Въ обработкѣ *А. А. Ѳедорова-Давыдова.* 2-е изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1909. Стр. 69. Цѣна 20 коп.“

— „*Nobody.* Наши товарищи. Истинные случаи въ Америкѣ и другихъ странахъ. С.-Пб. 1908. Стр. 81. Цѣна 50 коп.“

— „*Поповъ, Николай.* Мягкій диванъ. Безконечные разсказы моего дяди. Книгоизд-во „Утро“. М. 1909. Стр. 85. Цѣна 60 коп.“ (для городск., по Положенію 1872 г., учил.).

— „*Пушкинъ, А. С.* Полтава. Поэма. Изд. ред. журн. „Юная Россія“. (Библіот. для семьи и школы). М. 1909. Стр. 64. Цѣна 6 коп.“

— „*Сахаровъ, Ив. П.* Великій просвѣтитель чернаго народа. (Жизнь Букера Вашингтона). Разсказъ для дѣтей. Изд. А. Д. Ступина. М. 1908. Стр. 31. Цѣна 10 коп.“

— „*Сысоевъ, В. М.* Что посѣешь, то и пожнёшь. (Отецъ и сынъ). Разсказъ. Изд. А. Д. Ступина. М. 1908. Стр. 32. Цѣна 10 коп.“

— „*Тихомировъ, Д. И.* О жизни Николая Васильевича Гоголя и его безсмертныхъ сочиненіяхъ. Чтеніе для школъ и народа. 8-е изд. (Библіот. для семьи и школы). М. 1909. Стр. 87. Цѣна 10 коп.“

— „Японскія народныя сказки. Съ нѣмецкаго. *А. А. Ѳедорова-Давыдова.* 4-е изд. А. Д. Ступина. М. 1909. Стр. 63. Цѣна 30 коп.“

— „*Ѳедоровъ-Давыдовъ, А. А.* Заячье счастье и др. разсказы и сказки. 2-е изд., А. Д. Ступина. М. 1909. Стр. 47. Цѣна 30 коп.“

2. Допустить *условно* слѣдующія книги:

къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „*Зачиняевъ, А. И.* Орѳографическая пропись. При участіи *К. Т. Зачиняевой.* Вып. I. (Пособіе для нагляднаго изученія русскаго правописанія, основанное на данныхъ современной психологіи). Изд. кружка педагоговъ. С.-Пб. Стр. II+82. Цѣна 25 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).

— „*Орлеанскій, В.* Синтаксисъ русскаго языка. Ярославль. 1909. Стр. 82+II. Цѣна 40 коп.“ (для городск., по Положенію 1872 г., учил., съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи приняты были во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).

— „*Сатаровъ, В. Н.* Родные посѣвы. 3-я книга для класснаго чтенія. Изд. 4-е, т-ва И. Д. Сытина. М. 1909. Стр. 232. Цѣна 50 коп.“ (съ предупрежденіемъ автора, что буде при слѣдующемъ изданіи 2-й и 3-й частей его книги „Родные посѣвы“ не будутъ приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета, то всѣ три части книги будутъ изъяты изъ класснаго употребленія въ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія).

Опредѣленіемъ отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по начальному образованію, утвержденнымъ г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „*Дворниковъ, П.* Краткій курсъ исторіи русской литературы. Изд. 3-е, магазина „Сотрудникъ школъ“. М. 1908. Стр. XV+

445. Цѣна 1 р.“ — **признать совершенно непригодной для употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ.**

VIII. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО ТЕХНИЧЕСКОМУ И ПРОФЕССІОНАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Опредѣленіями отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по техническому и профессіональному образованію, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— 1) Книгу подъ заглавіемъ: „*М. Д. Талдыкинъ.* Курсъ геометрическаго черченія. С.-Пб. 1909 г. Цѣна 3 р. 50 коп.“ — признать заслуживающею допущенія, въ качествѣ учебнаго пособія, въ библіотеки тѣхъ промышленныхъ училищъ, въ курсъ коихъ входитъ преподаваніе геометрическаго черченія.

— 2) „*П. Александровъ.* Сухіе гальваническіе элементы. Руководство для изготовленія сухихъ гальваническихъ элементовъ различныхъ системъ домашнимъ способомъ. С.-Пб. 1907 г. Цѣна 30 коп.“ — признать заслуживающею допущенія въ библіотеки ремесленныхъ учебныхъ заведеній.

— 3) „Проф. *А. Голлеманъ.* Учебникъ неорганической химіи для студентовъ. Перев. съ нѣм. Л. В. Николаева. Съ предисловіемъ проф. Л. В. Писаржевскаго. Кіевъ. 1909 г. Цѣна 2 р. 25 коп.“ — признать заслуживающею одобренія, въ качествѣ учебнаго пособія для среднихъ химико-техническихъ училищъ.

— 4) „*А. Ѳоминъ* и *Ю. Воронковъ.* Опредѣлитель растеній Кавказа и Крыма. Выпуски I, II и III. Тифлисъ. 1907 г. Цѣна I вып.— 50 коп., II—30 и III—20 коп.“—признать заслуживающею одобренія для библіотекъ сельскохозяйственно-техническихъ училищъ министерства.

— 5) „*И. В. Линде.* Курсъ электротехники. М. 1908 г. Цѣна 2 р. 50 коп.“ — признать заслуживающею одобренія, въ качествѣ руководства по электротехникѣ, для 7- и 8-классныхъ среднихъ техническихъ училищъ, въ курсъ коихъ входитъ преподаваніе означеннаго предмета.

СПИСОКЪ КНИГЪ,

разсмотрѣнныхъ ученымъ комитетомъ и признанныхъ заслуживающими вниманія при пополненіи безплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ.

— „*Алтаевъ, А.* Свѣточи правды. Очерки и картины изъ жизни великихъ людей. М. 1909. Стр. 367. Цѣна 1 р. 25 коп.“

— „*Бороздина, Е.* Ядовитыя растенія. Общедоступное чтеніе для школъ и народа. Изд. 3-е, П. В. Смирнова. С.-Пб. 1909. Стр. 51. Цѣна 30 коп.“

— „*Буткевичъ, Анат.* Какъ живутъ пчелы и какъ ихъ водить. Книжка 1-я. Пчелы — друзья человѣка. Подъ ред. *Н. М. Кулагина.* (Дерев. хоз. и крест. жизнь. Подъ ред. *И. Горбунова-Посадова.* Вып. 72-й). М. 1909. Стр. 62. Цѣна 25 коп.“

— „*Бѣлавенецъ, П. И.* Нуженъ ли намъ флотъ и значеніе его въ исторіи Россіи. С.-Пб. 1909. Стр. 280. Цѣна 1 р. 50 коп.“

— „*Бѣляевъ, В.* Бесѣды о рамочномъ ульѣ. Изд. 2-е К. Тихомирова. (Сельско-хоз. библіот. Отд. V. — Пчеловодство, рыбоводство и шелководство). М. 1908. Стр. 15. Цѣна 4 коп.“

— „*Елачичъ, Евг.* О глазахъ и чувствѣ зрѣнія животныхъ. Изд. Пост. комм. нар. чтеній. № 253. С.-Пб. 1903. Стр. 48. Цѣна 25 коп.“

— „Жизнь св. благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго. С.-Пб. 1906. Стр. 68. — Приложеніе: Голгофа св. князя Александра Невскаго. (Картины изъ его жизни). С.-Пб. 1906. Стр. 19. Цѣна съ прилож. 25 коп.“

— „*Калугинъ, И. И.* Кормленіе крупнаго рогатаго скота примѣнительно къ условіямъ Россіи. (Составъ кормовъ, значеніе ихъ, кормовые раціоны для разныхъ мѣстностей). Книгоиз-во П. П. Сойкина. (Сельско-хоз. библіот.). С.-Пб. Стр. 76. Цѣна 50 коп.“

— „*Коринфскій, Ап.* Пѣсни о хлѣбѣ. Думы, картины и легенды. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1909. Стр. 142. Цѣна 75 коп.“

— „*Назаревскій, В. В.* Двухсотлѣтіе Полтавской битвы. М. 1909. Стр. 52. Цѣна 25 коп.“

— „*Пфаундлеръ, Леоп.* Физика обыденной жизни, изложенная общепонятно. Переводъ съ нѣм. *Г. Котляра* подъ ред. *Н. А. Гезехуса.* Изд. т-ва „Общественная польза“. С.-Пб. 1906. Стр. XV + 514 + VII. Цѣна 3 р.“

— „*Сѣткова (Катенкампъ), А.* Артель босяковъ. Изд. Пост. комм. нар. чтеній. № 242. С.-Пб. 1907. Стр. 128. Цѣна 25 коп.“

— „*Тихомировъ, Д. И.* О жизни Николая Васильевича Гоголя и его безсмертныхъ сочиненіяхъ. Чтеніе для школъ и народа. 8-е изд. (Библіот. для семьи и школы). М. 1909. Стр. 87. Цѣна 10 коп.“

— „*Фурнье.* Барабанщикъ. Разсказъ. Переводъ съ франц. *М. А. Львовой.* 2-е изд., А. Д. Ступина. М. 1909. Стр. 28. Цѣна 20 коп.“

— „*Штейертъ.* О хорошемъ уходѣ за коровой, теленкомъ и быкомъ. Переводъ съ нѣм. подъ ред. *Н. И. Шнелля.* (Дерев. хоз. и крест. жизнь. Подъ ред. *И. Горбунова-Посадова.* Вып. 73-й). М. 1909. Стр. 151. Цѣна 40 коп.“

ОТЪ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ТРИДЦАТОЕ ПРИСУЖДЕНІЕ ПРЕМІЙ

ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКАГО,

учрежденныхъ

ПРИ МИНИСТЕРСТВѢ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

I.

Для соисканія въ 1909 г. премій Императора Петра Великаго, учрежденныхъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія, были назначены слѣдующія темы:

I. *По разряду гимназій*—„Учебная книга по латинскому языку“.

Для разсмотрѣнія представленныхъ къ установленному сроку 2-хъ сочиненій при ученомъ комитетѣ была образована особая комиссія, подъ предсѣдательствомъ члена ученаго комитета И. И. Холодняка, изъ члена комитета И. Ѳ. Анненскаго и экстраординарнаго профессора Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, доктора римской словесности, А. І. Малеина.

Комиссія, обсудивъ, на основаніи подробныхъ рецензій своихъ членовъ, достоинства переданныхъ ей для разсмотрѣнія сочиненій, представила свое заключеніе о нихъ въ ученый комитетъ, который, по

всестороннемъ обсужденіи какъ этого заключенія, такъ и подробныхъ отзывовъ о разсмотрѣнныхъ сочиненіяхъ, опредѣлилъ:

1) сочиненія (частью въ печатномъ, частью въ рукописномъ видѣ) подъ заглавіями: а) латинская грамматика въ объемѣ гимназическаго курса. Кіевъ. 1908 г.; б) краткая латинская грамматика для младшихъ классовъ гимназій и прогимназій; в) латинская хрестоматія, ч. I (курсъ третьяго класса), Кіевъ. 1908 г. и г) латинская хрестоматія, ч. 2 (курсъ IV-го класса) — *признать заслуживающими малой (въ 500 р.) преміи* Императора Петра Великаго, каковую и *выдать* автору поименованныхъ сочиненій *А. О. Поспишилю* въ порядкѣ ст. 8 Положенія о преміяхъ, т. е. по представленіи авторомъ перечисленныхъ трудовъ своихъ въ законченномъ печатномъ видѣ;

2) другое представленное на конкурсъ сочиненіе признать преміи не заслуживающимъ;

3) предсѣдателю и членамъ комиссіи по разсмотрѣнію конкурсныхъ сочиненій—И. И. Холодняку, И. Ѳ. Анненскому и А. I. Малеину—выдать, въ вознагражденіе трудовъ ихъ, установленныя на сей предметъ (ст. 17 Положенія) золотыя медали;

4) въ виду неприсужденія большой преміи, настоящій конкурсъ продолжить (ст. 4 Положенія) на одинъ годъ.

Таковое постановленіе ученаго комитета утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія.

II. *По разряду реальныхъ училищъ*—„Руководство по математикѣ (основанія аналитической геометріи и основанія анализа безконечно-малыхъ) для VII класса реальныхъ училищъ".

Къ установленному сроку были представлены въ ученый комитетъ 7 сочиненій.

Для разсмотрѣнія сихъ сочиненій образована была при ученомъ комитетѣ особая комиссія, подъ предсѣдательствомъ члена ученаго комитета проф. Б. М. Кояловича, изъ члена комитета К. В. Фохта и преподавателя С.-Петербургскаго 2-го реальнаго училища М. С. Волкова.

Комиссія, обсудивъ, на основаніи подробныхъ рецензій своихъ членовъ, достоинства переданныхъ на ея разсмотрѣніе конкурсныхъ сочиненій, представила свое заключеніе о нихъ въ ученый комитетъ, который по всестороннемъ обсужденіи какъ этого заключенія, такъ и подробныхъ отзывовъ о разсмотрѣнныхъ сочиненіяхъ, опредѣлилъ:

1) сочиненія г. Горячева подъ заглавіями: а) основанія аналити-

ческой геометріи на плоскости. М. 1908 г. и б) основанія анализа безконечно-малыхъ. Изд. 2-ое. М. 1908 г.—*признать заслуживающими половины большой (въ 2.000 руб.) преміи* Императора Петра Великаго; сочиненія г. Пеніонжкевича подъ заглавіями: а) основанія анализа безконечно-малыхъ. Курсъ VII класса реальныхъ училищъ. Сумы. 1909. и б) основанія аналитической геометріи (рукопись)—*признать заслуживающими малой (въ 500 р.) преміи* Императора Петра Великаго, каковыя преміи и *выдать* авторамъ названныхъ сочиненій: г. Горячеву—1.000 р., а г. Пеніонжкевичу — 500 р.; послѣднему—въ порядкѣ ст. 8 Положенія о преміяхъ, т. е. по представленіи обоихъ сочиненій въ печатномъ видѣ; обратить при этомъ вниманіе г. Пеніонжкевича на необходимость улучшенія внѣшней стороны изданія и исправленія содержанія книги по замѣчаніямъ рецензіи;

2) прочія, представленныя на конкурсъ, сочиненія признать премій незаслуживающими;

3) предсѣдателю и членамъ комиссіи—Б. М. Кояловичу, К. В. Фохту и М. С. Волкову—выдать, въ вознагражденіе ихъ трудовъ, установленныя (ст. 17 Положенія) на сей предметъ золотыя медали.

Таковое постановленіе ученаго комитета утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія.

II.

Разборъ сочиненій, удостоенныхъ въ 1909 году премій Императора Петра Великаго.

I. *Поспишиль, А. О.* 1. Латинская грамматика въ объемѣ гимназическаго курса. Кіевъ. 1908 (печатное); 2. Краткая латинская грамматика для младшихъ классовъ гимназій и прогимназій (рукопись); 3. Латинская хрестоматія, ч. I (курсъ третьяго класса). Кіевъ. 1908. (печатное) и 4. Латинская хрестоматія, ч. 2 (курсъ 4-го класса, рукопись).

Означенныя сочиненія представлены были г. Поспишилемъ въ ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія, при прошеніи отъ 27-го октября 1908 г., для соисканія преміи Императора Петра Великаго по латинскому языку. Если примѣнить къ названнымъ учебникамъ общія условія конкурса для полученія означенной преміи, то окажется, что, съ одной стороны, эти книги не удовлетворяютъ одному изъ требованій, выставленныхъ конкурсными правилами, а съ

другой стороны, въ общемъ, учебники эти стоятъ шире требованій конкурса. Не соблюдено условіе ст. XII, а именно: во второй (рукописной) части хрестоматіи постатейный словарь данъ лишь къ первымъ 56 №№, а про остальные авторъ говоритъ (стр. 146), что „къ слѣдующимъ разсказамъ изъ миѳологіи (LVII—LXIV), изъ греческой и римской исторіи (LXV—LXXXVI) и къ стихотвореніямъ (LXXXVII—LXXXIX) предполагается составить одинъ общій алфавитный латинско-русскій словарь". Избытокъ же сравнительно съ требованіями конкурса, именно съ XIII статьей, заключается въ учебникѣ грамматики. Г. Поспишиль далъ два отдѣльныхъ руководства, сокращенное и полное, причемъ, естественно, и для старшаго курса повторилъ этимологическія правила, чего повидимому не требуется статьей XIII. Означенные недостатокъ и преизбытокъ, кажется, не могутъ препятствовать допущенію сочиненій г. Поспишиля къ конкурсу, такъ какъ, съ одной стороны, и начиная съ болѣе легкаго, ce qui abonde, ne nuit pas, что будетъ впослѣдствіи доказано подробнѣе, а съ другой стороны, трудно ожидать, чтобы такой почтенный педагогъ, дѣятель не только средней, но и высшей школы, каковымъ является г. Поспишиль, могъ допустить въ ненаписанномъ пока словарѣ какіе либо грубые промахи. По крайней мѣрѣ, то, что представлено имъ, рѣшительно исключаетъ возможность подобнаго предположенія.

Такъ какъ въ условіяхъ конкурса на соисканіе преміи по латинскому языку говорится предпочтительнѣе и больше о хрестоматіи, чѣмъ о грамматикѣ, то слѣдуетъ начать разборъ съ первой.

Въ своемъ прошеніи авторъ перечисляетъ нѣсколько почтенныхъ нѣмецкихъ руководствъ, служившихъ ему образцомъ. Если къ этому присоединить собственный долголѣтній педагогическій опытъ г. Поспишиля, то понятно, что мы можемъ ожидать отъ 2 частей его хрестоматіи весьма многаго. Однако, при ближайшемъ разсмотрѣніи, эти ожиданія оказываются, пожалуй, нѣсколько преувеличенными. Такъ, авторъ недостаточно принялъ къ свѣдѣнію требованія, высказанныя въ ст. III условій конкурса. Мы не считали бы необходимымъ условіемъ, чтобы статьи, особенно на первыхъ ступеняхъ обученія латыни, преобладали надъ фразами, хотя хрестоматія покойнаго Н. В. Санчурскаго показываетъ, что и въ этомъ отношеніи можно достичь весьма многаго. Но къ отдѣльной фразѣ непремѣнно слѣдуетъ предъявлять требованіе содержательности, и соблюсти это условіе тѣмъ болѣе легко, что въ нашей педагогической литературѣ имѣется по этому поводу хорошая работа П. Д. Первова („Что такое содержа-

тельная фраза и содержательная статья?“ въ „Филологическомъ Обозрѣніи“ т. II, отд. 2 стр. 3 слѣд., ср. особ. стр. 12). Между тѣмъ въ первой части хрестоматіи г. Поспишиля отдѣльныя шаблонныя фразы безъ содержанія если и не преобладаютъ надъ статьями, то во всякомъ случаѣ встрѣчаются гораздо чаще, чѣмъ слѣдовало бы. Въ приложенномъ къ I-ой части хрестоматіи постатейномъ вокабуляріи авторъ весьма похвально сопоставляетъ латинскія слова съ родственными имъ французскими и всего одинъ разъ, если не ошибаюсь (стр. 55),—съ нѣмецкими. Но для насъ не особенно ясно, какимъ выборомъ руководился авторъ при этомъ сопоставленіи, такъ какъ при массѣ словъ, напрашивающихся на сопоставленіе, мы его не видимъ, а именно: epistola—l'épître (стр. 47), guberno—gouverner (ibid.), vocabularium—vocabulaire (стр. 48), nuntius—nonce (стр. 49), ornamentum—ornement (ibid.), sempiternus—sempiternel (стр. 50), sacer—sacré (ibid.), miles—militaire (стр. 52), mirus—ad-mir-able (ibid.), victor—victorieux (стр. 53), tolero—tolérer (стр. 54), corrumpo—corrompre (ibid.), cognosco—connaître (ibid.), artifex—artificiel (стр. 55), pavo—le paon (стр. 56), familiaris—familier (стр. 59) и т. д. Затѣмъ сопоставленія латинскихъ словъ съ родственными имъ по корню русскими словами нѣтъ нигдѣ. Какъ бы ни были рѣдки такіе случаи, они тѣмъ не менѣе особенно желательны. Какъ, напримѣръ, не указать, что vetus и ветхій одного корня? Не будемъ говорить уже о русскихъ словахъ, заимствованныхъ или прямо съ латинскаго или при посредствѣ другихъ языковъ. И этотъ недостатокъ тѣмъ болѣе страненъ у г. Поспишиля, что ему принадлежитъ спеціальное изслѣдованіе „Греческія слова въ русскомъ языкѣ (Кіевъ. 1901)“.

Кромѣ того, можно сдѣлать еще слѣдующія отдѣльныя замѣчанія.

Г. Поспишиль тщательно избѣгаетъ во всѣхъ своихъ учебникахъ примѣненія знака краткости (˘), что приводитъ иногда къ недоразумѣніямъ; таково, напримѣръ, изложеніе правила о различеніи спряженій по окончанію неопредѣленнаго наклоненія (на стр. 1 хрестоматіи). Зато во всѣхъ также учебникахъ авторъ старательно проводитъ примѣненіе знака долготы (—). Врядъ ли это такъ необходимо, какъ на томъ настаиваетъ г. Поспишиль (см. предисл. къ большой грамматикѣ); затѣмъ это послѣдовательное проведеніе знака долготы дѣйствуетъ утомительно на зрѣніе и часто ведетъ къ выпаденію стоящей подъ знакомъ долготы буквы *i*; въ нашей хрестоматіи, напримѣръ, стр. 27, 34, 67, 74.

На стр. 14 среди русскихъ фразъ почему-то помѣщена латинская.

На стр. 17 неудачна фраза про Цицерона: „С. in omni genere litterarum magnam laudem sibi paravit", такъ какъ стихи его были далеко не важны. Исправить легко, прибавивъ fere (in omni fere...).

На стр. 19 стихъ Горація (Sat. I, 1, 106), взятый отдѣльно, думается, будетъ непонятенъ учащимся.

На стр. 23 фраза „Melior est—victoria" напечатана не разрядкой, какъ это сдѣлано во всѣхъ другихъ фразахъ, представляющихъ изреченія или поговорки (ср. хрестомат., ч. II, стр. 7).

На той же стр. слово „papyrus" отнесено къ существительнымъ муж. рода вм. женскаго (ср. Neue I³, 933). Неудаченъ также, замѣчу кстати, и переводъ этого слова по-русски формой „папиръ" (стр. 62).

Неудачно слово „vestibulum" переведено черезъ „крыльцо" (стр. 74).

Корректура въ общемъ весьма исправна; мнѣ попались на глаза только двѣ опечатки: v̄elocior вм. velocior (стр. 21) и „ловитъ" (вм. „ло́витъ")—стр. 66; плохо вышла буква *ч* на стр. 42.

Переходимъ ко 2-ой части. Вполнѣ понятно, что обиліе усвоеннаго грамматическаго матеріала позволяетъ автору дать здѣсь почти исключительно связныя статьи. Мы постарались бы исключить и тѣ немногія безсодержательныя фразы, которыя встрѣчаются въ отдѣлахъ, посвященныхъ глаголу sum и упражненіямъ на 4 спряженія. Содержаніе связныхъ статей взято изъ миѳологіи, басенъ и римской исторіи (по Ливію). Три статьи (для перевода на русскій языкъ) заимствованы даже изъ отечественной исторіи (стр. 54 сл.). Мало дано поэтическихъ образцовъ, именно, они представлены всего тремя баснями Федра и разсказомъ о „mus rusticus et urbanus" (изъ Horat. Sat. II, 6). Вездѣ въ статьяхъ проглядываетъ желаніе воспроизвести цицероновскій языкъ, что особенно замѣтно въ тѣхъ словахъ и выраженіяхъ, которыя у другихъ писателей имѣютъ иныя формы и конструкціи. Нельзя не привѣтствовать подобнаго стремленія, такъ какъ прочитанное въ хрестоматіи легко запоминается на всю жизнь и часто даже, подъ руководствомъ преподавателя, заучивается наизусть. Нѣкоторымъ диссонансомъ къ указанному сейчасъ достоинству является только частое и излишнее примѣненіе паратаксиса вм. гипотаксиса, напримѣръ стр. 68 „cum... naves appulissent et milites exposuissent"; стр. 71: „naves aggressi sunt et septem ex iis ceperunt"; ibid.: „victi atque redacti erant"; ibid.: „Abydum pro-

fectus et Hellespontum transgressus est“; стр. 76: „egressus est et misit“; стр. 81: „servati et educati sunt“ и т. п.

Затѣмъ изъ отдѣльныхъ неправильностей укажемъ на слѣдующія: на стр. 2 дана несуществующая форма Meleagrus (то же въ словарѣ, стр. 115); на стр. 17, примѣч., непонятно для учащихся сокращеніе *под.*, на стр. 20 (instituerant) и 23 (consueverant) безъ особой нужды поставлено plusquamperfectum въ главныхъ предложеніяхъ; на стр. 26 (ср. стр. 131) извѣстную фразу Цезаря по-латыни лучше передать iacta alea est a не esto (ср. *Ihm*, Suetonius, ed maior, v. I, p. 17); на стр. 73 винит. падежъ отъ Ephialtes лучше писать Ephialten, а не Ephialtam (ср. Neue I³, 59); на стр. 85 лучше засвидѣтельствовано написаніе Porsenna, чѣмъ Porsēna (ср. *Georges*, Lexicon Wortt., s. v.; *Lindsay*, Latein. Sprache, стр. 25); на стр. 100 и вездѣ (ср. напр. большую грамматику, стр. 277) сокращеніе C разрѣшается, какъ Gajus вм. Gaïus (ср. Lindsay, l. c., стр. 290); на стр. 116 вм. humerus правильнѣе писать umerus (см. *Walde*, Wörterbuch, s. v.); на стр. 142 bellum administrare неудачно переведено „вести войну“ (ср. Thesaur. l. l. v. I, fasc. IV, col. 732); на стр. 146 русское имя Антипъ (вѣроятно, неологизмъ въ лат. яз.) правильнѣе передать формой Antipas, чѣмъ Antipus (наши святцы даютъ форму Антипа, см. Правосл. Богословск. Энциклопед., т. I, стлб. 812).

Къ сожалѣнію, вторая часть хрестоматіи обрабатывалась почтеннымъ авторомъ, видимо, весьма спѣшно. На это, помимо отмѣченнаго уже выше отсутствія словаря къ нѣкоторымъ статьямъ, указываетъ также и то, что въ постатейномъ вокабуляріи нѣтъ никакихъ сопоставленій съ французскимъ языкомъ, что мы видѣли въ первой части; нѣтъ также, о чемъ нельзя не пожалѣть, и никакихъ синонимическихъ указаній. Затѣмъ спѣшность работы видна изъ многихъ описокъ, какъ будто показывающихъ, что г. Поспишиль не успѣлъ перечитать свою работу послѣ ея переписки. Къ такимъ опечаткамъ можно отнести, напримѣръ, слѣдующія: на первыхъ 25 страницахъ даты обозначаются римскими цифрами, начиная съ 26 и до конца—арабскими. На стр. 26 „extingeret“; на стр. 36 и 47 повторена фраза Fama crescit eundo; на стр. 49 Lacedaemonii... pugnaret; на стр. 50 verecundium вм.—iam; на стр. 67 aquam et aquam вм.—terram et aquam; на стр. 83 prolium; на стр. 105 obtrecta nctium; на стр. 108 rerum вм. verum; на стр. 119 in acoris; на стр. 122 persuadeo, persuasi, persuasi (вм.—um); на стр. 123 „тріумъ“; на стр. 127 „поричать“; на стр. 129 abactam вм.—um на стр. 132 „помагать“; на стр. 134

veto *3* спряженія (но правильно сказано на стр. 139); на стр. 140 reffelli; ibid. medioris (вм. — ocris); на стр. 143 homos impudens. Неудачны, наконецъ, въ учебномъ руководствѣ формы „Ѳесей" и „Промеѳей".

Краткая грамматика предоставляетъ собою, какъ говоритъ въ прошеніи самъ авторъ, извлеченіе изъ болѣе полнаго руководства. Здѣсь, въ сжатомъ видѣ и безъ всякаго ученаго аппарата, содержатся свѣдѣнія, необходимыя для прохожденія почти полнаго курса латинскаго языка въ тѣхъ гимназіяхъ, гдѣ онъ начинается съ III класса. Въ виду вполнѣ элементарнаго характера этого руководства, позволяемъ себѣ ограничиться по поводу него лишь нѣкоторыми отдѣльными замѣчаніями, причемъ неизбѣжно придется касаться иногда и большого руководства.

На стр. 1 авторъ вводитъ въ составъ латинскаго алфавита J, j. Ничего не имѣя противъ этой буквы (ср. горячую ея защиту проф. И. В. Нетушиломъ въ Филологич. обозр. т. VII, стр. 234 сл.), мы считали бы нужнымъ оговорить позднее ея происхожденіе (что и имѣется въ большой грамматикѣ), какъ это сдѣлано, напримѣръ, для произношенія буквы c (стр. 2). Затѣмъ о произношеніи звука l и гласныхъ послѣ него г. Поспишиль не говоритъ ни слова (также и въ большомъ руководствѣ); мало того, указывая, что u произносится, какъ русское *у*, г. Поспишиль даетъ первый примѣръ lupus. На стр. 7 къ словамъ, что нѣкоторыя имена (существительныя, прилагательныя и числительныя) употребляются только во множественномъ числѣ, нѣтъ примѣра на имя числительное. Въ связи съ этимъ слѣдуетъ отмѣтить, что числительныя раздѣлительныя и числительныя нарѣчія въ книгѣ опущены совершенно, что врядъ ли возможно даже и въ краткомъ курсѣ. Правда, въ программѣ этихъ числительныхъ также нѣтъ, но въ учебникѣ они должны быть для справокъ при чтеніи авторовъ. На стр. 18 нѣтъ указанія, что dies можетъ быть и женскаго рода (ср. программу, стр. 98). На стр. 22 приведена правильная, но не встрѣчающаяся въ дошедшихъ до насъ текстахъ форма duodecentum (ср. Neue II^3, 294); то же и въ большой грамматикѣ (стр. 39). На стр. 25 не указано, чѣмъ alius синонимически отличается отъ alter. На стр. 26 сказано, что „дѣйствит. залогъ означаетъ *дѣйствіе*, исходящее отъ подлежащаго", а въ числѣ примѣровъ, сюда относящихся, приведенъ: sedemus—мы сидимъ. На стр. 27 читаемъ, что „латинскій совершенный видъ (actio perfecta) соотвѣтствуетъ русскому виду совершенному". Развѣ это всегда? На стр. 34 (большая грамматика—

стр. 52) прилагательное potis названо неупотребительнымъ, но ср. Neue II³ 173 сл. На стр. 48 (ср. большую грамматику, стр. 75) врядъ ли можно утверждать, что глаголы arguo, fluo и даже metuo не имѣютъ supina. Вообще, въ отношеніи такъ называемыхъ главныхъ формъ глаголовъ почтенному автору не мѣшало бы потщательнѣе сличить свои грамматики съ послѣднимъ изданіемъ Formenlehre Нейе-Вагенера. На стр. 49 (больш. грамм. стр. 77) для stringo приведено одно и притомъ менѣе употребительное значеніе „туго стягивать". На стр. 50 читаемъ nosco, novi, а на стр. 60 форма novi отнесена къ числу verba defectiva. На стр. 55 (больш. грамм. стр. 82) отъ fruor дается perfectum (usus sum), но ср. Neue III³, 542. На стр. 68 про perfectum сказано, что „оно употребляется въ двоякомъ значеніи: a) какъ perfectum praesens и b) какъ perfectum historicum *(или аористъ)*". Послѣдняя подчеркнутая прибавка и неумѣстна въ элементарномъ учебникѣ, и мало понятна, такъ какъ не пояснена соотвѣтствующимъ примѣромъ. На стр. 87 очень мало сказано про супинъ на u при прилагательныхъ (ср. mirabile, horribile dictu и т. п.).

Изъ болѣе мелкихъ неточностей и методическихъ промаховъ позволяемъ себѣ отмѣтить слѣдующее: на стр. 8 (больш. грамм. стр. 12) въ словѣ Sequana надо поставить удареніе на е для правильности произношенія, такъ какъ русская форма „Секвàна" узаконена извѣстной одой Ломоносова. На стр. 14 (больш. грамм. стр. 35) codex неудачно переведено „книга". На стр. 27 (больш грамм. стр. 45) имѣется неловкая русская фраза: „глаголы, принимающіе къ себѣ дополненіе"... На стр. 37 къ переводу формы educari *воспитываться* слѣдуетъ прибавить *получать воспитаніе*. На стр. 43 сдѣлана ссылка на § 53 вм. § 78. На стр. 58 къ глаголу infero можно было бы прибавить часто встрѣчающееся bellum, какъ это сдѣлано при глаголѣ gero (стр. 49). На стр. 62 (больш. грамм. стр. 88) къ decet и dedecet слѣдовало бы прибавить дополненіе me, какъ это сдѣлано для глаголовъ piget, pudet и тому под. На стр. 66 неудаченъ терминъ „цѣлевые" союзы.

Обратимся, наконецъ, къ разсмотрѣнію послѣдней и наиболѣе крупной работы г. Поспишиля, его большой „Латинской грамматики". Судя по всему, авторъ долго и любовно работалъ надъ этимъ руководствомъ и справедливо ставитъ себѣ въ заслугу то, что постарался сопоставить латинскую грамматику прямо съ русскою, безъ посредства и независимо отъ нѣмецкихъ руководствъ. Залоги, виды, наклоненія и времена какъ латинскаго, такъ и русскаго глаголовъ составили даже пред-

метъ особаго изслѣдованія г. Поспишиля, которое напечатано въ отдѣлѣ классической филологіи *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* (1896 г., кн. 6; 1897 г., кн. 9, 10, 11). Большое вниманіе также, какъ мы говорили уже выше, обратилъ почтенный авторъ на орѳоепію и орѳографію, чѣмъ обыкновенно пренебрегаютъ въ нашихъ школахъ. Далѣе, г. Поспишиль дѣлаетъ мѣстами сопоставленія съ древне-церковно-славянскимъ и греческимъ языками; наконецъ, въ книгѣ, помимо этимологіи и синтаксиса, имѣется краткій очеркъ латинской стилистики и метрики. Все это позволяетъ рекомендовать настоящее руководство также для студентовъ и, пожалуй, даже для начинающихъ преподавателей. Если мы рѣшаемся въ нижеслѣдующемъ изложеніи привести нѣсколько какъ общихъ, такъ и частныхъ замѣчаній къ почтенному труду, то дѣлаемъ это только въ видахъ пожеланія ему еще большаго успѣха. Авторъ нигдѣ не указываетъ, хочетъ ли онъ дать грамматику такъ называемой „золотой латыни", или имѣетъ въ виду латинскій языкъ вообще. Очевидно, для второй цѣли руководство являлось бы черезчуръ краткимъ, а между тѣмъ авторъ помѣщаетъ въ него такія единичныя формы, какъ *abl.* Hecate (стр. 18, ср. Neue I³, 72), querculus (стр. 26; ср. Neue I³ 555) и essetur (стр. 85; сомнительная форма, ср. Neue III³ 615). Сюда же можно отнести и слово imperatrix (стр. 13; ср. Krebs—Schmalz, Antibarb. I⁷ 691). Затѣмъ авторъ совершенно не указываетъ, откуда онъ беретъ приводимые имъ въ синтаксисѣ примѣры; слѣдовало бы ввести, по крайней мѣрѣ, общія категоріи: золотой латыни, серебряной и поздней. Въ отдѣлѣ метрики лишни правила о размѣрахъ Горація, такъ какъ эти указанія встрѣчаются рѣшительно во всѣхъ изданіяхъ поэта.

Перейдемъ къ частностямъ. На стр. 2 годы жизни Горація указаны 75 (вмѣсто 65)—8. Это, конечно, скорѣе всего опечатка, но совсѣмъ уже неправильно писать (на стр. 269) для Луцилія даты 148—103 (ср. Schanz 1, 1³ стр. 205 сл.). На стр. 13 авторъ игнорируетъ извѣстное правило Лахмана (ad. Lucret. III, 1014) о написаніи суффикса—ela, объединяя вмѣстѣ querela и tutela. На стр. 20 правило объ окончаніи родительнаго падежа такъ называемаго второго склоненія на одно i дано безъ исторической перспективы, какъ это сдѣлано напримѣръ для окончанія винительнаго падежа 3-го склоненія на—is (стр. 23, ср. изслѣдованіе проф. И. И. Холодняка и теперь разсужденія Фридриха къ Катуллу, IX, 5). Стр. 24: старое правило, что слова на—o, за извѣстными исключеніями, мужескаго рода, болѣе практично въ педагогическомъ отношеніи (ср. программу, стр. 97),

чѣмъ отнесеніе ихъ г. Поспишилемъ къ женскому роду. Точно также числительныя нарѣчія удобнѣе разсматривать вмѣстѣ съ прочими числительными, а не съ нарѣчіями, какъ это дѣлаетъ нашъ авторъ (стр. 91). На стр. 43 неточно сказано про форму quis, что она встрѣчается *особенно* у поэтовъ (ср. Neue II³ 469 sqq.). На слѣдующей страницѣ неточно также указано, что отъ alius родительный падежъ („вм. alīus) alterius" (ср. Neue II³ 532—34). На стр. 56 говорится традиціонно о *сокращеніи* слога vi въ ornasti и тому подобное (ср. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1904 г. кн. II, отд. 3, стр. 74). Равнымъ образомъ неправильно на стр. 63 формы, въ родѣ nutribam, названы слитными. На стр. 57 дана незасвидѣтельствованная форма deletu. Тамъ же, въ примѣчаніи, сказано, что infinit. perfecti встрѣчается въ accus. c. inf. и ни слова нѣтъ про поэтическое употребленіе этой формы въ смыслѣ infinit. praesens. На стр. 60 неправильно отнесены къ отложительнымъ глаголамъ comitari, fabricari и depopulari (ср. Neue III³, 30 sq., 40, 80). На стр. 69: отъ глагола lavo пропущена форма супина lotum (ср. Neue III³ 536). Стр. 96: не оговорено, что у лучшихъ писателей предлогъ prae въ причинномъ значеніи ставится только въ отрицательныхъ предложеніяхъ (см. напр. *Leky*. De Syntax, Apuleiana Münsterdiss. 1908, стр. 27 сл., гдѣ указана и другая литература). На стр. 103 дано сомнительное правило по русскому синтаксису для различія употребленія имени сказуемаго въ творительномъ и именительномъ падежахъ. При перечисленіи глаголовъ, требующихъ въ латинскомъ языкѣ винительнаго падежа, г. Поспишиль допустилъ слишкомъ много рубрикъ, такъ что, напримѣръ, sperare и desperare попали у него въ двѣ различныя категоріи (стр. 114 и 115). На стр. 116 неточно сказано про такъ называемый accus. graecus, что „онъ встрѣчается у поэтовъ (и въ прозѣ у Ливія)". Ср. Brenous, Étude sur les hellénismes dans la syntaxe latine (Paris 1895) p. 242. На стр. 122 подъ сходное съ русскимъ языкомъ употребленіе дательнаго падежа подведены случаи постановки его при глаголахъ со значеніемъ „отнимать". На стр. 125, примѣчаніе 1, ни слова не сказано про dat. ethicus въ русскомъ языкѣ (ср. А. І. Лященко, О моленіи Даніила Заточника. С.-Пб. 1896. стр. 11). На стр. 127 извѣстный crux нашихъ руководствъ, пресловутое различіе между genet. subi. и genet obi. выражено неясно; не помогаетъ дѣлу и приложенное авторомъ графическое изображеніе. На стр. 145 вводится лишнее правило объ abl. comitativus, такъ какъ употребленіе его вполнѣ согласно съ русскимъ языкомъ. На стр. 239

можно было бы прибавить о nullus-non (ср. *M. Haupt.* Opuscula, v. I стр. 75 сл.). На стр. 275 очень кратко опредѣлено понятіе hyperbaton, им. „разлученіе словъ, входящихъ въ опредѣлительное сочетаніе“ (ср. *Volkmann*, Rhetorik der Griechen und Römer [2], стр. 436 сл.). Неудачны или неупотребительны нѣкоторые русскіе термины и переводы, напримѣръ стр. 6 „количественность“ (quantitas); стр. 7 энклитика „или прислонка“, стр. 10 „значимыя звукосочетанія“. На стр. 14 имѣемъ рядъ неудачныхъ русскихъ переводовъ: regulus—князь, navicula—лодка, opusculum (скромный) трудъ, olivetum—масляничный садъ. Также на стр. 100 aliunde передано по-русски „отынуды“. На стр. 121 нескладно сказано, что „безъ предлога винительный цѣли встрѣчается *въ построеніи именъ* городовъ“. На стр. 138 встрѣчаемъ терминъ „орудный“, на стр. 209 и сл. „аподось“, на стр. 264 „ѳеси, арси“, на стр. 277—„публицистическія сокращенія“.

Опечатокъ въ книгѣ изрядное количество, причемъ исправлены онѣ далеко не всѣ (стр. 288). Изъ наиболѣе замѣтныхъ укажемъ на auserium-ausus sum (стр. 65) и Membra utimur (стр. 185, правильно читаемъ тотъ же примѣръ на стр. 191). Ср. стр. 13, 46, 65, 71, 76, 92, 94, 138, 155, 193, 232, 338 (bis), 239, 240, 242, 254, 269, 273 (опечатки эти исправлены въ экземплярѣ книги).

Въ настоящемъ отзывѣ приходилось гораздо больше говорить о недостаткахъ трудовъ г. Поспишиля, чѣмъ о ихъ достоинствахъ. Поэтому въ заключеніе надо сказать, что его книги заслуживаютъ въ общемъ не только полнаго уваженія, но и поощренія, особенно если принять во вниманіе долгую и плодотворную дѣятельность ихъ автора на пользу русской классической школы.

II. *Горячевъ, Д.* 1. Основанія аналитической геометріи на плоскости. Учебникъ для дополнительнаго класса реальныхъ училищъ. М. 1908. Изд. кн. маг. В. В. Думнова. Стр. III+89. Цѣна 70 коп.— 2. Основанія анализа безконечно-малыхъ. Учебникъ для дополнительнаго класса реальныхъ училищъ. Изд. 2-е, В. В. Думнова. М. 1908. Стр. 116. Цѣна 80 коп.

Разсматривая первую изъ книгъ г. Горячева съ чисто научной точки зрѣнія, нужно признать, что она составлена хорошо и что въ ней встрѣчаются только немногіе, преимущественно незначительные, промахи.

Если же принять во вниманіе, что книга эта учебникъ для средней школы, то о ней приходится дать менѣе благопріятный отзывъ.

Приведемъ сначала тѣ немногіе промахи, о которыхъ сказано выше.

На страницѣ 2-й авторъ употребляетъ терминъ „алгебраическія величины", подразумѣвая здѣсь числа, какъ положительныя, такъ и отрицательныя. Терминъ едва ли удачный.

На страницѣ 3-ей авторъ выясняетъ, что въ формулѣ для разстоянія двухъ точекъ, подъ координатами x_1, y_1, x_2, y_2 слѣдуетъ разумѣть алгебраическія значенія координатъ, т. е. съ включеніемъ въ эти обозначенія знаковъ $+$ или $-$. Вслѣдъ за этимъ онъ, однако, обозначаетъ абсциссу точки M_1 черезъ x_1, а также и ординату точки M_2 черезъ $-y_2$. Это, конечно, непослѣдовательно. Кромѣ того авторъ дѣлаетъ еще и ошибку, утверждая, что при его обозначеніи $M_1 R = -x_1 + x_2$ и $M_2 R = y_2 + y_1$. Это невѣрно, и эта невѣрность получилась именно оттого, что авторъ былъ непослѣдователенъ.

На страницѣ 12-й авторъ утверждаетъ, что между перемѣнными координатами x и y должно существовать уравненіе. Думаемъ, что зависимость координатъ x и y не всегда выражается уравненіемъ.

На страницѣ 18-й авторъ, говоря объ уравненіи $F(x, y) = f(x, y) . \varphi(x, y) = 0$, указываетъ, что оно удовлетворяется координатами точекъ, удовлетворяющихъ *каждому* изъ уравненій $f(x, y) = 0$ и $\varphi(x, y) = 0$.

Тутъ слово *каждый* неудачно, хотя и можно понять, что авторъ хотѣлъ сказать. Однако, ученикъ можетъ предположить, что авторъ здѣсь имѣетъ въ виду только тѣ значенія, которыя удовлетворяютъ обоимъ уравненіямъ. Кромѣ того, слѣдовало бы сказать что — у $F(x, y) = 0$ удовлетворяется *только* тѣми координатами, которыя обращаютъ въ нуль или $f(x, y)$ или же $\varphi(x, y)$.

На стр. 20-й одной и той же буквой C обозначена точка и третій членъ уравненія $Ax + By + C = 0$.

На стр. 42-й вмѣсто „алгебраическая линія второго порядка" слѣдовало бы сказать, какъ это принято, „кривая второго порядка".

На страницѣ 55-й вмѣсто „плоскости, проходящей черезъ окружность CNB" слѣдовало бы сказать просто „плоскость круга CNB".

Говоря о коническихъ сѣченіяхъ на страницѣ 57, авторъ долженъ былъ бы указать и на кругъ.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію книги г. Горячева, какъ учебника для средней школы.

Составляя такой учебникъ авторъ долженъ расположить матеріалъ

такъ, чтобы по возможности ученику приходилось разсматривать сначала частные случаи, а затѣмъ уже переходить къ обобщеніямъ. Важно также, чтобы выводы были по возможности проще.

Авторъ разсматриваемой книги, къ сожалѣнію, не всегда придерживается этихъ руководящихъ принциповъ. Такъ, напримѣръ, выводу уравненія прямой авторомъ предпосылается длинное общее разсужденіе объ уравненіяхъ линій. Подобныя разсужденія едва ли будутъ вполнѣ усвоены ученикомъ, не познакомившимся даже съ уравненіемъ прямой.

Самое уравненіе прямой, какъ извѣстно, можетъ быть выведено очень просто. Автору обыкновенные простые способы не понравились. Онъ предпосылаетъ этому выводу статью о преобразованіи координатъ, а затѣмъ уже выводитъ уравненіе прямой, вводя новую систему координатъ, повернувъ взятыя имъ оси на нѣкоторый уголъ.

Статью о преобразованіи координатъ слѣдовало бы помѣстить тамъ, гдѣ дѣйствительно является необходимость въ такомъ преобразованіи, а именно, при изученіи коническихъ сѣченій. Выводъ же уравненія прямой съ помощью преобразованія координатъ не вызывается необходимостью.

Тѣмъ не менѣе авторъ при построеніи линіи, опредѣляемой уравненіемъ $Ax + By + C = 0$, опять-таки прибѣгаетъ къ преобразованію координатъ.

Благодаря желанію пользоваться преобразованіемъ координатъ для вывода уравненія прямой, авторъ получаетъ это уравненіе въ такъ называемомъ нормальномъ видѣ, а видъ $y = kx + b$, о которомъ авторъ самъ говоритъ, что это самый употребительный видъ, у него является только въ статьѣ, озаглавленной „различные виды уравненія прямой линіи". Казалось бы, что уравненіе прямой слѣдовало бы дать ученику въ самой простой и самой употребительной формѣ. Получить это уравненіе легко безъ всякаго преобразованія координатъ.

Несмотря на указанные недостатки, книга г. Горячева несомнѣнно хорошая книга. Какъ уже было сказано, въ ней нѣтъ значительныхъ научныхъ промаховъ. Прибавимъ къ этому, что вопросъ о коническихъ сѣченіяхъ авторомъ разработанъ во всѣхъ отношеніяхъ хорошо.

Во второй книгѣ первая глава посвящена ученію о предѣлахъ. Ученіе это изложено вообще недурно, хотя въ немъ встрѣчаются и нѣкоторые недостатки, главнымъ изъ которыхъ слѣдуетъ признать неосмотри-

тельность автора по отношенію къ термину „величина". У него (стр. 6) число e названо величиною, дробь $\frac{x}{1+x}$ также (стр. 3). На стр. 11 онъ говоритъ о предѣлѣ произведенія безконечно малой величины на конечную. Если авторъ, какъ надо полагать, понималъ въ послѣднемъ случаѣ численныя значенія величинъ, то это слѣдовало бы выяснить.

При нахожденіи $\operatorname{Lim} \frac{\operatorname{Sin} x}{x}$ при $x = 0$ авторъ на стр. 3 говоритъ, что $2 \operatorname{tg} x > 2x$ при $x < \frac{\pi}{2}$ потому, что объемлемая ломанная больше объемлемой дуги. Не лучше ли было бы при выводѣ неравенства $\operatorname{tg} x > x$ исходить изъ неравенства площадей?

Въ примѣчаніи къ § 3 на стр. 4 авторъ указываетъ, что выраженіе $(1 + \frac{1}{m})^m$ при $m = \infty$ принимаетъ видъ 1^∞. А это, говоритъ авторъ, „величина неопредѣленная". Это совершенно вѣрно, хотя вмѣсто „неопредѣленная величина" мы бы сказали просто „неопредѣленность", но изъ курса элементарной алгебры ученикамъ это вовсе еще неизвѣстно.

Въ примѣрѣ, приведенномъ съ цѣлью показать, что „число *e* встрѣчается довольно часто и при томъ въ различныхъ областяхъ знанія", авторъ (стр. 7) пишетъ:

$A = \lim \left[a \left(1 + \frac{1}{m}\right)^{\frac{mpt}{100}}\right] = a \left[\lim \left(1 + \frac{1}{m}\right)^m\right]^{\frac{pt}{100}} = a.\ e^{\frac{pt}{100}}$, т. е. онъ пользуется теоремами о предѣлахъ, которыя имъ выводятся впослѣдствіи на стр. 12 и 13.

На стр. 15 авторъ говоритъ, что часто непосредственное разсмотрѣніе многихъ постоянныхъ (напримѣръ, длины окружности, объема шара и пр.) бываетъ затруднительно. Думаемъ, что не разсмотрѣніе, а опредѣленіе этихъ величинъ затруднительно. Кромѣ того, не совсѣмъ понятно, почему эти величины постоянны. Авторъ на стр. 29 самъ же признаетъ, напримѣръ, поверхность шара за функцію его радіуса и говоритъ о различныхъ значеніяхъ этой функціи.

Ученіе о предѣлахъ авторъ заканчиваетъ геометрическими приложеніями этого ученія, т. е. выводитъ формулы для длины окружности и площади круга и для поверхностей и объемовъ круглыхъ тѣлъ. Въ этой статьѣ слѣдуетъ отмѣтить неудачную формулировку теоремы на стр. 16. „Докажемъ, что периметры обоихъ многоугольниковъ будутъ стремиться къ одному и тому же предѣлу, который и называется длиною окружности".

На страницѣ 18 авторъ называетъ число π „несоизмѣримымъ съ единицей", вмѣсто того, чтобы назвать его просто несоизмѣримымъ

или ирраціональнымъ. Такого рода промахи мы находимъ, впрочемъ, уже на стр. 6, гдѣ говорится, что „число *e* есть величина несоизмѣримая съ единицей".

За главой о предѣлахъ слѣдуетъ статья, озаглавленная „Понятіе о функціи. Непрерывность перемѣнныхъ". Эта статья изложена вообще хорошо и просто. Нельзя, однако, одобрить совершенное игнорированіе ирраціональныхъ чиселъ, которое замѣчается, впрочемъ, и во всей книгѣ. Автора нельзя, конечно, винить за то, что онъ не помѣстилъ ученія объ ирраціональныхъ числахъ въ своей книгѣ, такъ какъ это ученіе можетъ быть отнесено и къ курсу дополнительныхъ статей алгебры. Намѣренное игнорированіе ирраціональныхъ чиселъ при разсмотрѣніи такого вопроса, какимъ является вопросъ о непрерывности функцій, не можетъ быть оправдано.

Укажемъ еще на нѣкоторые недочеты въ главѣ о функціяхъ.

На стр. 29 авторъ даетъ опредѣленіе функціи недостаточно общее, такъ какъ это опредѣленіе имѣетъ въ виду только однозначныя функціи. Въ примѣрѣ же на стр. 31 авторъ указываетъ на функціи $y = \pm\frac{b}{a}\sqrt{a^2 - x^2}$ и $y = \pm\sqrt{2px}$, не давая при этомъ никакихъ объясненій по поводу двойного знака передъ корнемъ.

На стр. 32 авторъ говоритъ, что „при изслѣдованіи явленій природы приходится иногда встрѣчаться съ такими перемѣнными величинами, между которыми фактъ функціональной зависимости безспорно устанавливается опытомъ или наблюденіями, но связь между которыми еще не открыта, т. е. не можетъ быть выражена математическимъ уравненіемъ; такія функціи называются *эмпирическими*". Полагаемъ, что функціи эти не называются эмпирическими, а эмпирическими называются тѣ формулы, которыми болѣе или менѣе приблизительно можетъ быть выражена въ приведенныхъ случаяхъ функціональная зависимость.

Говоря о таблицахъ, которыми пользуются для приблизительнаго опредѣленія значеній вышеуказанныхъ функцій при частныхъ значеніяхъ независимой перемѣнной, авторъ упускаетъ случай указать на графики, которыми преимущественно пользуются въ этихъ случаяхъ.

При выясненіи геометрическаго изображенія функціи, авторъ сообщаетъ подробно тѣ начальныя свѣдѣнія о координатахъ, которыя у него изложены на первыхъ страницахъ его „Основаній аналитической геометріи". Эти объясненія, конечно, излишни.

Точно также излишни нѣкоторыя изъ задачъ на стр. 47, такъ какъ это—простѣйшія задачи изъ курса аналитической геометріи.

Глава о производныхъ и о дифференціалѣ составлена вообще хорошо. Только нѣкоторыя мѣста могли бы быть изложены короче и проще. Такъ, напримѣръ, введеніе коэффиціента пропорціональности x для выясненія дифференціала не необходимо. Выводъ производной отъ произведенія могъ бы быть также упрощенъ, какъ и выводъ произведеній отъ дроби.

Попадаются, впрочемъ, и въ этой статьѣ промахи. Такъ, напримѣръ, на стр. 48 утверждается, что отношеніе приращенія функціи къ приращенію аргумента стремится къ нѣкоторому предѣлу. Слѣдовало, конечно, указать, что это отношеніе не всегда стремится къ нѣкоторому предѣлу.

Опредѣленіе простой и сложной функціи на стр. 62 и 63 неудовлетворительно. По этому опредѣленію, напримѣръ, $ax^2 + bx$—сложная функція.

При нахожденіи производной arc sin x и arc cos x не указывается, почему въ знаменателѣ передъ корнемъ не ставится двойного знака. Авторъ также нигдѣ не выясняетъ, какія значенія указанныхъ многозначныхъ функцій при этомъ имѣлись въ виду.

Въ статьѣ объ общихъ теоремахъ о производныхъ авторъ помѣщаетъ теоремы Ролля и Лагранжа, которыми онъ, однако, впослѣдствіи нигдѣ не пользуется.

Въ статьѣ о minimum и maximum функцій авторъ совершенно игнорируетъ случай, когда и вторая производная обращается въ нуль, а также не указывается на недостаточность условія $f^1(x) = 0$ для существованія maximum'a или minimum'a.

Статья о касательныхъ и нормаляхъ къ кривымъ линіямъ составлена очень хорошо.

Статья объ интегралахъ составлена также хорошо. Было бы, пожалуй, лучше, если бы авторъ эту статью началъ съ опредѣленнаго интеграла, а потомъ перешелъ бы къ интегралу неопредѣленному.

Всѣ главы книги содержатъ задачи и упражненія въ довольно значительномъ числѣ. Эти упражненія и задачи составлены цѣлесообразно.

III. *Пеніонжкевичъ, К. Б.* Основанія анализа безконечно-малыхъ. Съ 730-ю примѣрами для упражненій. Курсъ VII класса реальныхъ училищъ (по программѣ 1907 г.). Сумы. 1909. Изданіе С. А. Козловскаго. Стр. 160. Цѣна 1 р.—2. Основанія аналитической геомет-

ріи. Курсъ дополнительнаго класса реальныхъ училищъ (по программѣ 1907 г.). Сумы 1908. (Рукопись).

Оба учебника г. Пеніонжкевича обладаютъ крупными достоинствами. Въ большинствѣ случаевъ авторъ излагаетъ свой предметъ ясно, точно и послѣдовательно. Въ доказательствахъ оттѣняются основныя мысли и авторъ старается держаться на уровнѣ современныхъ требованій относительно строгости изложенія. Къ этому нужно прибавить, что каждый отдѣлъ сопровождается множествомъ прекрасно подобранныхъ и разнообразныхъ задачъ. Прекрасный подборъ этихъ задачъ слѣдуетъ причислить къ крупнымъ достоинствамъ этихъ учебниковъ.

Съ другой стороны нельзя не отмѣтить, что въ другихъ мѣстахъ разбираемыхъ учебниковъ встрѣчаются немаловажные промахи. Не упоминая о болѣе мелкихъ, укажемъ, напримѣръ, что въ основаніяхъ анализа авторъ недостаточно разграничиваетъ понятія „величина" и „число", вслѣдствіе чего нѣкоторыя теоремы являются не вполнѣ отчетливыми. Недостаточно выяснена роль непрерывности логариѳма въ нѣкоторыхъ доказательствахъ, вслѣдствіе чего они могутъ оставлять сомнѣніе въ ихъ убѣдительности. Встрѣчаются и нѣкоторые промахи, которые можетъ быть произошли вслѣдствіе нѣкоторой поспѣшности при работѣ. Такъ, напримѣръ, говоря о длинѣ дуги, авторъ совершенно правильно даетъ сначала опредѣленіе этого понятія, какъ предѣла, а потомъ показываетъ, что этотъ предѣлъ существуетъ и какъ его вычислять, переходя же къ площади круга упускаетъ дать сначала ея точное опредѣленіе и ставитъ это опредѣленіе какъ теорему. Повидимому, онъ считаетъ понятіе о площади яснымъ само по себѣ.

Въ основаніяхъ аналитической геометріи встрѣчается досадная ошибка въ началѣ книги: авторъ нѣсколько разъ смѣшиваетъ координаты съ ихъ абсолютнымъ значеніемъ. Опредѣленіе касательной тоже не совсѣмъ точно, хотя изъ предложеннаго вывода ученикамъ и будетъ ясенъ истинный смыслъ этого опредѣленія.

Указывая эти погрѣшности, мы должны, однако, отмѣтить, что большинство ихъ весьма легко устранимы. Въ особенности это относится къ курсу аналитической геометріи, который представленъ въ видѣ рукописи.

Такъ какъ значительно большая часть труда г. Пеніонжкевича является хорошо изложенной, то слѣдовало бы увѣнчать этотъ трудъ малой преміей (500 р.).

III.

О порядкѣ представленія сочиненій на соисканіе премій Императора Петра Великаго.

Для представленія сочиненій на соисканіе премій Императора Петра Великаго, учрежденныхъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія, назначенъ, съ разрѣшенія министерства, слѣдующій порядокъ:

I. *По разряду гимназій*: на преміи 1910 года—1) „Руководство по логикѣ для VIII класса мужскихъ гимназій", примѣнительно къ программѣ для мужскихъ гимназій, опубликованной въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* (сентябрь, 1905 г.) и 2) „Учебная книга по латинскому языку" (продолженіе конкурса 1909 года на оставшуюся невыданною большую—въ 2.000 рублей—премію).

Общія условія, коимъ должна удовлетворять конкурсная „Учебная книга по латинскому языку", объявлены въ іюньской книгѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1907 г.

II. *По разряду реальныхъ училищъ*: на премію 1911 г.—„Краткій учебникъ анатоміи и физіологіи человѣка, для старшаго класса реальныхъ училищъ", примѣнительно къ программѣ, опубликованной въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* (1906, октябрь) съ тѣмъ, чтобы учебникъ этотъ, удовлетворяя общимъ гигіеническимъ требованіямъ (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1906, январь), былъ снабженъ достаточнымъ количествомъ рисунковъ и не превышалъ размѣрами 15 листовъ, включая въ тотъ же объемъ и рисунки.

III. *По разряду книгъ для народнаго чтенія*: на преміи 1910 года—„Книга для народнаго чтенія по отечествовѣдѣнію". Примѣрная программа „Книги для народнаго чтенія по отечествовѣдѣнію" и общія условія, коимъ должна удовлетворять эта книга, объявлены въ іюньской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1908 годъ.

Сочиненія для соисканія премій должны быть представлены въ ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія въ теченіе года, предшествующаго назначенію премій, не позже 1-го ноября, и могутъ быть какъ печатныя, такъ и рукописныя. Рукописи будутъ подвергнуты разсмотрѣнію лишь въ томъ случаѣ, если окажутся на-

писанными опрятно и разборчиво. Сочиненія могутъ быть представлены и безъ обозначенія имени автора (или авторовъ), подъ какимъ либо девизомъ, съ приложеніемъ пакета подъ тѣмъ же девизомъ, гдѣ должны быть обозначены имя и фамилія автора, его званіе и мѣстожительство.

КЪ ВОПРОСУ О ЛѢТОПИСНОМЪ СЧИСЛЕНІИ ЧАСОВЪ.

(Изслѣдованіе таблицы луннаго теченія).

§ 1.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нашихъ лѣтописей можно встрѣтить обозначеніе не только дня, но и часа, въ который описываемое событіе случилось. Въ древнѣйшихъ (до XV вѣка) лѣтописяхъ, на сколько я знаю, нѣтъ указаній на болѣе мелкія точныя доли времени, чѣмъ часъ.

Что это за часы? Представляютъ ли изъ себя лѣтописные часы $\frac{1}{24}$ часть того, что у насъ называется средними солнечными сутками? Какое было начало счета часовъ? Былъ ли лѣтописный счетъ часовъ только книжный счетъ, вѣдомый только немногимъ интеллигентамъ того времени, или счетъ часами былъ извѣстенъ и всей массѣ русскаго народа?

Мнѣ извѣстна только одна обстоятельная работа по вопросу о русскомъ счисленіи часовъ въ старину. Я говорю о работѣ Д. Прозоровскаго: „О старинномъ русскомъ счисленіи часовъ“, помѣщенной въ 2-мъ выпускѣ Трудовъ Второго Археологическаго Съѣзда въ Санктпетербургѣ. С.-Пб. 1881, стр. 105—194.

Къ сожалѣнію, Д. Прозоровскій главнымъ образомъ разработывалъ вопросъ о часахъ въ XVI и XVII вѣкахъ.

Правда, онъ сдѣлалъ попытку установить правильный взглядъ на измѣреніе времени часами и въ болѣе ранніе періоды, но я не могу сказать, чтобы эта попытка освобождала отъ необходимости произвести новыя изслѣдованія въ этой области. Я позволяю себѣ сдѣлать обширную выписку изъ начала I-ой главы этого труда Д. Прозоровскаго, гдѣ онъ намѣчаетъ путь, по которому можно идти, желая изслѣдовать вопросъ о старинныхъ русскихъ часахъ.

„Въ нашихъ церковныхъ мѣсяцесловахъ помѣщается два расписанія часовъ: одно расположено такъ, что длина дня и ночи

опредѣляется на цѣлый мѣсяцъ, съ разностію противъ предыдущаго мѣсяца на одинъ часъ; по другому часы распредѣлены на полумѣсячные, неравные періоды, съ тою же разностію одного противъ другого.

Расписаніе перваго рода находится въ Типиконѣ,.... распредѣленіе часовъ сдѣлано въ немъ по іерусалимскому времени, съ опредѣленіемъ дня отъ восхожденія до захожденія солнца и съ ограниченіемъ должайшаго дня и должайшей ночи 15, а кратчайшихъ дня и ночи 9 часами. Расписаніе это помѣщается и въ мѣсяцесловѣ Слѣдованной Псалтири, но здѣсь кромѣ того включается и распредѣленіе второго рода, назначающее должайшимъ дни и ночи 17, а кратчайшимъ 7 часовъ, т. е. примѣнительно къ дѣйствительному времени нашихъ странъ. Можно указать еще на таблицу луннаго теченія, принадлежащую къ пасхаліи: тамъ день и ночь значатся длиннѣе 16 часовъ, слѣдовательно, кратчайшимъ дается не болѣе 8 часовъ... Но распредѣленіе прибыли и убыли часовъ въ лунной таблицѣ совершенно отличается отъ обоихъ вышеозначенныхъ распредѣленій по мѣсяцесловамъ, въ чемъ можно убѣдиться по февральской лунаціи въ 12 кругѣ... Конечно, открыть періодъ прибыли и убыли (длительности дня и ночи) можно бы путемъ подробной раскладки лунаціи, но это потребовало бы весьма большого труда, на который при настоящемъ случаѣ я не рѣшаюсь, предоставляя себѣ особо изслѣдовать лунную таблицу впослѣдствіи. Теперь же замѣчу, что таблица эта не безукоризненна въ отношеніи ея вѣрности" (указано 2 примѣра). Чтобы „сблизить часы лунной таблицы съ часами, принятыми нынѣ въ общежитіи", надо „не только хорошо вывѣрить таблицу, но и вычислить тотъ кругъ луны, который былъ въ годъ перваго Вселенскаго Собора.... Все это крайне затруднительно и отчасти едва ли удобоисполнимо". (Стр. 106—107 указаннаго труда).

Мысль подвергнуть подробному анализу таблицу луннаго теченія, для цѣлей изученія состава русскихъ старинныхъ сутокъ, мнѣ казалась правильной.

Фазы луны суть объективныя явленія, подлежащія точному учету. А такъ какъ таблица луннаго теченія имѣетъ назначеніемъ дать время двухъ главнѣйшихъ фазъ луны—новолунія и полнолунія,—то анализъ таблицы, дѣйствительно, казался мнѣ возможнымъ и не безполезнымъ. Я взялъ на себя трудъ произвести анализъ этой таблицы. Ожидать

полезныхъ результатовъ можно, лишь предполагая, что таблица луннаго теченія есть одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ, сохраненныхъ православной церковью. Возможно, что эта таблица заполучена изъ Византіи, откуда перенесены въ Русь всѣ необходимыя богослужебныя и церковныя книги.

Изъ анализа таблицы, какъ я покажу далѣе, вытекаетъ, что оригиналъ ея есть результатъ работъ греческихъ и римскихъ ученыхъ, такъ какъ разныя части этой таблицы носятъ на себѣ слѣды разныхъ вліяній, слѣды ея послѣдовательной обработки. Возстановить въ точности эту работу, конечно, дѣло трудное. Къ нашимъ предкамъ эта таблица попала, повидимому, перечисленной на счетъ часовъ, принятыхъ, по мнѣнію ея перечислителя, на Руси. Опредѣлить время ея появленія на Руси—весьма затруднительно. Мнѣ, къ сожалѣнію, не извѣстно о существованіи какого бы то ни было памятника древней письменности, ранѣе XVI вѣка, который бы включалъ въ себѣ эту таблицу, или ея эквивалентъ. Но есть основаніе думать, что таблица эта была извѣстна въ глубокой древности.

Таблица луннаго теченія даетъ „рожденіе", или „роженіе", и „ущербъ", или „ущербленіе" луны въ часахъ дня и ночи. При бѣгломъ осмотрѣ таблицы возникаютъ два рода вопросовъ:

1) чѣмъ опредѣляется раздѣленіе сутокъ на часы дня и ночи съ разнымъ, въ разное время, распредѣленіемъ всѣхъ суточныхъ часовъ по дню и ночи?

2) что разумѣетъ таблица подъ терминами „рожденіе" и „ущербъ" луны?

§ 2.

Возможно предположить, что эти часы дня и ночи, поминаемые въ таблицѣ луннаго теченія, вопреки мнѣнію Д. Прозоровскаго, тожественны съ часами, указываемыми въ мѣсяцесловѣ Слѣдованной Псалтири. Поэтому важно знать въ точности, какая длительность дня и ночи указана въ церковныхъ мѣсяцесловахъ (Слѣд. Псалт.).

Я составилъ прилагаемую при семъ таблицу 1, въ которую внесъ:

1) Длительность дня и ночи по Типикону (изданіе 1896 г.) и Слѣдованной Псалтири (изд. 1901 г. и единовѣрч. церкви, повторившей безъ измѣненій Слѣдованную Псалтирь 1652 года). (Табл. I графа II). Эта длительность показана и въ греческихъ церковныхъ мѣсяцесловахъ нашего времени (напримѣръ, въ книгѣ: Τὸ μέγα Ὡρολόγιον. Ἀθην. 1906).

2) Длительность дня и ночи по расписанію Слѣдованной Псалтири (изд. 1901 и вышеназванное) (Табл. I графа III). Подобныхъ записей въ греческихъ мѣсяцесловахъ *не* имѣется. (См. табл. на стр. 217).

3) Въ графѣ IV таблицы 1 я помѣстилъ сроки, *отъ* и *до* которыхъ (включительно) дни имѣютъ длительность, обозначенную при первой датѣ.

Такъ, изъ этой графы видно, что 4-го марта день имѣетъ 11 часовъ, а ночь 13, ибо 4-ое марта находится по таблицѣ въ предѣлахъ между 18-мъ февраля и 5-мъ марта; въ этомъ періодѣ сутки дѣлятся на 11 часовой день и 13 часовую ночь, какъ это видно изъ надписи при 18-мъ февраля. Еще примѣръ: изъ этой же таблицы видно, что 1-го августа день имѣетъ 15 часовъ, а ночь 9, ибо 1-ое августа лежитъ между предѣлами: 22-го іюля и 6-го августа, при 22-мъ іюлѣ стоитъ надпись, что „день имать 15 часовъ, ночь имать 9 часовъ" и т. п.

4) Въ графѣ V этой таблицы 1 помѣщено число дней, заключающихся въ каждой группѣ дней, имѣющихъ одинаковое число часовъ дня (и ночи). Сумма дней во всѣхъ почти (въ 18-ти изъ 20-ти) группахъ равна 16; но въ двухъ группахъ: въ группѣ, включающей декабрь (мѣсяцъ зимняго солнцестоянія), и въ группѣ, включающей іюнь (мѣсяцъ лѣтняго солнцестоянія), дней гораздо болѣе. Въ первой 35, во второй 42 дня.

Изъ внимательнаго разсмотрѣнія этого распредѣленія длительности дня и ночи я заключаю, что составители этого распредѣленія имѣли въ виду раздѣлить годъ на два семестра: осенне-зимній семестръ и весенне-лѣтній. Въ продолженіи каждаго семестра смѣна длительности дня по церковному мѣсяцеслову совершается черезъ каждые 16 дней. Первый семестръ начинается 6-мъ іюля, второй 1-мъ января.

Что это за числа, въ которыя мѣсяцесловомъ назначается смѣна часовъ?

Чѣмъ объясняется такая правильность въ чередованіи группъ дней съ равной длительностію ихъ частей?

Изъ группъ, помѣщенныхъ подъ 6-мъ марта и подъ 8-мъ сентября, можно усмотрѣть, что въ основу этого распредѣленія положено желаніе показать, что 21-го марта и 23-го сентября день равенъ ночи, и что со слѣдующаго дня, т. е. съ 22-го марта и 24-го сентября въ первомъ случаѣ день становится болѣе 12 часовъ, а во второмъ менѣе 12 часовъ.

Изучавшимъ нашу православную пасхалію извѣстно, что въ основу церковнаго календаря положено желаніе увѣковѣчить въ строѣ ка-

Таблица 1-ая.

	Типиконъ.		Псалтирь слѣдован. (мѣсяцесловъ).					Число дней въ группѣ.
	Часы.		Числа.	Часы.		Группы.		
	Дня.	Ночи.		Дня.	Ночи.	Отъ:	До:	
Сентябрь	12	12	8	12	12	8 Сент.	23 Сент.	16
	—	—	24	11	13	24 Сент.	9 Окт.	16
Октябрь.	11	13	10	10	14	10 Окт.	25 Окт.	16
	—	—	26	9	15	26 Окт.	10 Нояб.	16
Ноябрь	10	14	11	8	16	11 Нояб.	26 Нояб.	16
	—	—	27	7	17	27 Нояб.	31 Дек.	35
Декабрь.	9	15	12	День увелич. ночь уменьшается.				
Январь	10	14	1	8	16	1 Янв.	16 Янв.	16
	—	—	17	9	15	17 Янв.	1 Фев.	16
Февраль.	11	13	2	10	14	2 Фев.	17 Фер.	16
	—	—	18	11	13	18 Фев.	5 Мар.	16
Мартъ	12	12	6	12	12	6 Мар.	21 Мар.	16
	—	—	22	13	11	22 Мар.	6 Апр.	16
Апрѣль	13	11	7	14	10	7 Апр.	22 Апр.	16
	—	—	23	15	9	23 Апр.	8 Мая.	16
Май	14	10	9	16	8	9 Мая.	24 Мая.	16
	—	—	25	17	7	25 Мая.	5 Іюля.	42
Іюнь	15	9	12	День уменьш. ночь увеличивается.				
Іюль	14	10	6	16	8	6 Іюля.	21 Іюля.	16
	—	—	22	15	9	22 Іюля.	6 Авг.	16
Августъ.	13	11	7	14	10	7 Авг.	22 Авг.	16
	—	—	23	13	11	23 Авг.	7 Сент.	16
I.	II.		III.			IV.		V.

лендаря астрономическія условія, бывшія въ 325 году по Р. Х., когда день весенняго равноденствія падалъ на 21-ое марта, а осенняго равноденствія падалъ на 23-е сентября.

Такимъ образомъ въ церковномъ мѣсяцесловѣ навѣки запечатлѣнъ яркій завѣтъ нашихъ предковъ—хранить день весенняго равноденствія на 21-мъ мартѣ. Этого завѣта мы, православные, держась безпоправочно юліанской системы времясчисленія, уже давно не выполняемъ. Чтобы исполнить этотъ завѣтъ нашихъ предковъ, мы должны, скажу здѣсь кстати, исправить свое времясчисленіе на 13 дней и тѣмъ возвратить церковному мѣсяцеслову его первоначальное значеніе. Мало того. Чтобы возстановить въ полной неприкосновенности старинный церковный мѣсяцесловъ, напечатанный въ Слѣдованной Псалтири, надо исключить изъ него всѣ сдѣланныя въ немъ нововведенія. Къ числу такихъ нововведеній надо отнести примѣчанія 1) къ 12-му іюня: „отселѣ возвратъ солнца на зиму“ и 2) 12-го декабря: „отселѣ возвратъ солнцу со зимы на лѣто, день зри прибываетъ, нощь же умаляется“. Это, очевидно, надписи Петровскихъ временъ. Въ Слѣдованной Псалтири 1652 года этихъ записей не имѣется. Многіе изъ ревнителей русской старины, вѣроятно, и не подозрѣваютъ, что „Спиридонъ“ сдѣлался „поворотомъ“ въ сравнительно недавнее время. Долженъ сознаться, я недоумѣваю, какимъ образомъ греческая церковь допускаетъ въ свои церковные календари разныя вставки, исправляющія эти памятники глубокой старины. Такъ въ нынѣшнихъ календаряхъ имѣются надписи XIX вѣка подъ 9-мъ іюня и 9-мъ сентября (Τὸ μέγα Ὡρολόγιον. 1906 г., стр. 175 и 298). И это дѣлается въ то время, когда вселенскій патріархъ и архіепископъ константинопольскій Іоакимъ въ высокой степени основательно говоритъ: „существеннѣйшій признакъ православія, составляющій самое основаніе всего его каноническаго и правительственнаго опредѣленій,—это не нарушать вѣковыхъ опредѣленій, положенныхъ нашими отцами“ (Посланіе вселенскаго патріарха святѣйшему всероссійскому синоду. 12-го мая 1904 года).

Но возвратимся къ нашей главной темѣ. Чтобы отвѣтить на вопросъ, почему смѣна длительности дня и ночи совершается по церковному мѣсяцеслову въ каждомъ сезонѣ всегда черезъ 16 дней, надо обратиться къ исторіи реформы календаря, произведенной Созигеномъ при Юліи Цезарѣ.

Приводя въ порядокъ римскій календарь, Созигенъ стремился придать средне-гражданскому году возможную близость къ средне-

тропическому. Онъ стремился придать календарю возможную простоту и устойчивость, сохранить главныя части старыхъ римскихъ календарей, по которымъ римскіе граждане привыкли располагать свою жизнь (когда она текла правильно), и, наконецъ, устранить тѣ причины, которыя вносили много смуты при исправленіи ошибокъ счета времени вставкой неопредѣленныхъ добавочныхъ дней и мѣсяцевъ.

1) Извѣстно, что еще со временъ Ромула, и вѣроятно даже ранѣе, римскій мѣсяцъ дѣлился на 3 неравныхъ періода: періодъ календъ, нонъ и идъ. Въ глубокую римскую старину періодъ календъ тянулся около 17 дней (17—18); періодъ нонъ около пяти дней (4 или 6); періодъ идъ всегда 8 дней.

Устраивая новый календарь, Созигенъ оставилъ среднюю величину этихъ періодовъ прежней, измѣнивъ лишь детали длительности календъ (длительность календъ продолжалась отъ 16 до 19 дней).

Средняя длительность періода календъ осталась неизмѣнной.

2) Вторымъ ингредіентомъ римскаго календаря было распредѣленіе дней на dies fasti, dies nefasti, dies nefastus primo, dies fastus primo и такъ далѣе и тому подобное.

Созигенъ и здѣсь ввелъ идеальный порядокъ. Но законъ слѣдованія этихъ дней оказывался довольно сложнымъ; за ходомъ смѣнъ дней разнаго „качества“ можно было слѣдить только чисто табличнымъ путемъ.

3) Существенную часть календаря составляютъ указанія на дни, пріуроченные къ разнаго рода воспоминаніямъ, важнымъ въ религіозной и гражданской жизни, и главнѣйшія свѣдѣнія по астрономіи. Такъ, тутъ давались свѣдѣнія о вступленіи солнца въ созвѣздія зодіака, дни появленія изъ-за горизонта разныхъ звѣздъ и созвѣздій. Нѣкоторыя астрономическія свѣдѣнія изъ римскаго календаря я привожу въ таблицѣ 2-ой. Данныя, приводимыя здѣсь, я беру изъ изданія: Annuaire pour l'an 1904, publié par le Bureau des Longitudes. Avec des Notices scientifiques. Paris. Страницы 69—80. Я выписалъ только тѣ данныя, которыя съ моей точки зрѣнія имѣютъ отношеніе къ опредѣленію сезоновъ не только во времена Созигена, но и во время созданія православнаго календаря. Созигеномъ даны даты не совсѣмъ точныя для каждаго даннаго года, ибо данныя эти пріурочены къ „постоянному“ году въ 365 дней. (См. табл. на стр. 220).

4) Наконецъ, Созигенъ счелъ нужнымъ привести въ порядокъ слѣдованіе по постоянному календарю нундійныхъ (nundinae) дней, т. е. тѣхъ дней, въ которые народъ имѣлъ обычай стекаться въ городъ,

Таблица 2-ая.

Римскій счетъ.	Соотвѣтственныя числа обыкновеннаго календаря.	Явленія.
IV. Idus januarias.	10 Января.	Средина зимы.
„ XVI. Kalendas februarias.	17 Января.	Солнце въ созвѣздіи Водолея.
“ V. Idus februarias.	9 Февраля.	Начало весны.
“ XIV. Kalen das martias.	16 Февраля.	С. въ с. Рыбы.
XV. Kalendas apriles.	18 Марта.	С. въ с. Овна.
IX. Kalendas apriles.	25 Марта.	Весенн. равноденствіе.
„ XIII. Kalendas maias.	19 Апрѣля.	С. въ с. Тельца.
„ XVII. Kalendas junias.	16 Мая.	Начало лѣта.
„ XIV. Kalendas junias.	19 Мая.	С. въ с. близнецовъ („близнята“).
„ XVIII. Kalendas julias.	14 Іюня.	Начало жаровъ.
„ XIV. Kalendas julias.	18 Іюня.	С. въ с. Рака.
„ XIII. Kalendas sextiles (augustas).	20 Іюля.	С. въ с. Льва.
„ III. Idus sextiles.	11 Августа.	Начало осени.
„ XIII. Kalendas septembres.	20 Августа.	С. въ с. Дѣвы.
„ XIII. Kalendas octobres.	19 Сентября.	С. въ с. Вѣсовъ.
„ VIII. Kalendas octobres.	24 Сентября.	Осеннее равноденствіе.
„ XIII. Kalendas novembres.	20 Октября.	С. въ с. Скорпіона („Шкорпія“).
„ IV. Idus novembres.	10 Ноября.	Начало зимы.
„ XIV. Kalendas decembres.	18 Ноября.	С. въ с. Стрѣльца.
„ XV. Kalendas januarius.	18 Декабря.	С. въ с. Козерога.

для вершенія своихъ гражданскихъ и коммерческихъ дѣлъ (на своего рода базары).

Въ назначеніи этихъ дней въ старину происходилъ порою неописуемый безпорядокъ отъ вставки добавочныхъ дней и мѣсяца (marcedonius), длительность котораго была капризно-неопредѣленная.

Созигенъ черезъ всѣ дни своего постояннаго года провелъ (отъ 1-го января) восемь буквъ латинскаго алфавита, чередовавшихся въ неизмѣнномъ порядкѣ черезъ каждые 8 дней.

Каждый данный годъ имѣлъ свою нундійную букву. Такъ, напримѣръ, если нундійная буква даннаго года была А, то народъ стекался въ городъ въ тѣ дни года, при которыхъ въ постоянномъ календарѣ стояла буква А.

На слѣдующій годъ нундійной буквой была D; въ дни съ буквой D каждый смѣло могъ идти въ городъ и попасть на то собраніе и базаръ, на который онъ собирался идти, и такъ далѣе. Это было дѣломъ большого остроумія Созигена. Трудъ Созигена, по созданію новаго календаря, былъ оцѣненъ по достоинству весьма многими народами, и юліанскій календарь вскорѣ вытѣснилъ почти всѣ другіе календари, не отличавшіеся стройностію. Этотъ календарь былъ признанъ наилучшимъ у всѣхъ народовъ, придерживавшихся солнечнаго, а не исключительно луннаго времясчисленія.

Естественно поэтому, что христіане восточныхъ церквей не отвергли строя юліанскаго календаря, когда стали приспособлять его къ своимъ новымъ церковно-христіанскимъ нуждамъ.

Приспособляя этотъ календарь, христіане, какъ было упомянуто выше, озаботились о томъ, чтобы день весенняго равноденствія пришелся на 21-ое марта. Для этого необходимо и достаточно было помѣстить 21-ое марта послѣднимъ предѣломъ періода съ днемъ и ночью по 12-ти часовъ, а 22-мъ марта начать періодъ съ 13-ти часовымъ днемъ и 11-ти часовою ночью. Аналогичное нужно было сдѣлать и съ 23-мъ сентября. Оставалось выбрать сроки назначенія перемѣнъ длительности дня и ночи на протяженіи всего года.

Разные народы распорядились съ этимъ дѣломъ различно. Такъ для христіанъ южныхъ странъ было совершенно достаточно воспользоваться отмѣтками юліанскаго календаря о вступленіи солнца въ тотъ или другой знакъ зодіака. Откуда—тѣ 12 записей, которыя перешли и въ наши Типиконы (подъ названіемъ каждаго изъ 12-ти мѣсяцевъ).

Не то было съ народами болѣе сѣверныхъ странъ. Такъ для

германскихъ народовъ этихъ 12-ти записей было недостаточно, такъ какъ въ дѣйствительности колебанія въ длительности дня и ночи превосходили тѣ, которыя регистрировались 12 вышеупомянутыми записями. Тамъ приходилось отмѣчать колебанія между 8-ми и 16-ти часовымъ днемъ (и ночью). Къ XV вѣку моментами смѣнъ длительности въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нынѣшней Германіи были даты: 2-ое, 25-ое декабря, 17-ое января, 9-ое февраля, 6-ое, 27-ое марта, 19-ое апрѣля, 11-ое мая, 3-ье, 24-ое іюня, 17-ое іюля, 9-ое августа, 1-ое, 24-ое сентября, 17-ое октября, 9-ое ноября. (Die Mittelalterlichen Horen und die Modernen Stunden von Gustav Bilfinger. Stuttgart 1892, стр. 247).

Но и этихъ датъ для еще болѣе сѣверныхъ странъ, въ частности для Руси, было недостаточно, такъ какъ сроковъ перемѣнъ длительности дня и ночи для этихъ странъ нужно было болѣе, до десяти въ полугодіе (для широты Кіева). Въ самомъ дѣлѣ въ осенне-зимнемъ сезонѣ должны были помѣститься 10 сроковъ.

1)	день—	16	часовъ,	ночь—	8	часовъ.
2)	„	15	„	„	9	„
3)	„	14	„	„	10	„
4)	„	13	„	„	11	„
5)	„	12	„	„	12	„
6)	„	11	„	„	13	„
7)	„	10	„	„	14	„
8)	„	9	„	„	15	„
9)	„	8	„	„	16	„
10)	„	7	„	„	17	„

Въ весенне-лѣтнемъ сезонѣ тоже 10 сроковъ.

1)	день	8	ночь	16	час.	6)	день	13	час.,	ночь	11 час.
2)	„	9	„	15	„	7)	„	14	„	„	10 „
3)	„	10	„	14	„	8)	„	15	„	„	9 „
4)	„	11	„	13	„	9)	„	16	„	„	8 „
5)	„	12	„	12	„	10)	„	17	„	„	7 „

Такъ какъ каждый сезонъ тянулся 5 съ небольшимъ мѣсяцевъ, т. е. включалъ въ себѣ 152—160 дней, то въ среднемъ каждый изъ 10 промежутковъ могъ быть въ 15—16 дней.

Юліанскій календарь давалъ возможность безъ хлопотъ устроить эти періоды. Соображенія, которыми могли руководиться переводчики

и устроители мѣсяцеслова для Руси, вѣроятно, были не далеки отъ нижеизложенныхъ.

Не трудно видѣть, что каждыя двѣ послѣдовательно идущія группы, раздѣляющія нундійные дни Созигеновскаго календаря, заключаютъ въ себѣ 8+8=16 дней. Поэтому естественно, что для назначенія сроковъ перемѣнъ длительности дня и ночи достаточно было взять (черезъ одинъ) нундійные дни: въ осенне-зимнемъ сезонѣ дни съ литерой 24-го сентября, а въ весенне-лѣтнемъ съ нундійной буквой 22-го марта.

1) Въ осенне-зимнемъ сезонѣ 24-ое сентября въ юліанскомъ календарѣ стоитъ при буквѣ С. Съ нундійной буквой С въ этомъ сезонѣ (по нашему счету) оказываются слѣдующіе дни (выписываю изъ цитированнаго выше Annuair'a 1904 г.):

6, 14, 22, 30 іюля
7, 15, 23, 31 августа
8, 16, 24 — сентября
2, 10, 18, 26 октября
3, 11, 19 и 27 ноября.

Христіане избрали для своихъ отмѣтокъ нундійные дни отъ 24-го сентября (вверхъ и внизъ), взятые черезъ одинъ, т. е.

6, 22 іюля; 7, 23 августа; 8, 24 сентября
10, 26 октября, 11, 27 ноября.

2) Въ весенне-лѣтнемъ семестрѣ 22-го марта стоитъ въ юліанскомъ календарѣ при буквѣ А. Нундійные дни въ этомъ семестрѣ, стоящіе при буквѣ А, суть

1, 9, 17, 25 января
2, 10, 18, 26 февраля
6, 14, 22, 30 марта
7, 15, 23 — апрѣля
1, 9, 17, 25 мая
2, 10 и т. д. іюня.

Изъ этихъ дней для цѣлей христіанскаго мѣсяцеслова былъ выбранъ рядъ

1, 17 января, 2, 18 февраля, 6, 22 марта, 7, 23 апрѣля, 9, 25 мая.

Если читатель сравнитъ эти строки чиселъ съ числами таблицы 1-ой,

то увидитъ, что совпаденіе сроковъ полное, а слѣдовательно, едва ли случайное.

Въ одной изъ рукописей XVII вѣка (излагаю по книгѣ: Очерки исторіи развитія физико-математическихъ знаній въ Россіи. Т. I. XVII столѣтіе. Изслѣдованія В. В. Бобынина. Выпускъ II. М. 1893 г.) среди статей „изъ астрономіи съ нѣмецкихъ переводовъ" имѣется статья (стр. 31 l. c.) „О мѣсяцехъ; что въ которомъ числе много ли часовъ бьетъ въ которомъ мѣсяце и съ которого числа по которое число зри, какъ писано; и съ которого числа возвратъ солнцу и въ которомъ мѣсяце на зиму и на лѣто". Въ этой статьѣ между прочимъ даны 12 таблицъ.

1) Въ каждой изъ 10 таблицъ содержится знакъ зодіака, соотвѣтствующій данному таблицей мѣсяцу, сверху и снизу этого знака стоитъ по три числа. „Что стоятъ среди планетъ (sic!) числа сверху и снизу, то стоятъ техъ мѣсяцовъ числы, что въ которыхъ числехъ часовъ бьетъ. А что съ правыя руки планетъ стоятъ числа, то часы нощныя; а съ левыя руки, то часы дневныя".

2) Въ двухъ таблицахъ, предназначенныхъ для іюня и декабря, двухъ сроковъ не дается; но въ нихъ имѣется запись, что 12-го числа этихъ мѣсяцевъ происходитъ поворотъ солнца на зиму и на лѣто. Числа этихъ таблицъ тожественны съ числами нашихъ церковныхъ мѣсяцеслововъ, т. е. дни перемѣнъ длительности дня и ночи какъ разъ соотвѣтствуютъ тѣмъ днямъ, которые перенесены мною въ таблицу 1-ю.

Для меня несомнѣнно, что статья эта не есть переводъ, а лишь передѣлка нѣкотораго нѣмецкаго оригинала. Я уже имѣлъ случай только что сказать, что сроки смѣнъ длительности дня и ночи въ нѣмецкихъ странахъ были иные, чѣмъ у русскихъ. Составитель статьи взялъ числа изъ русскихъ мѣсяцеслововъ, но присоединилъ къ нимъ взятые изъ „нѣмецкихъ переводовъ" современныя ему (XVII вѣкъ) даты лѣтняго и зимняго солнцестоянія. Возможно, что эти новыя свѣдѣнія (о дняхъ солнцестояній) впослѣдствіи были перенесены и въ церковные мѣсяцесловы. Вѣроятно, такія нововведенія вызывали не малый протестъ разныхъ протопоповъ Аввакумовъ: въ единовѣрческой псалтири, какъ я уже упомянулъ, ихъ не имѣется.

И такъ, приспособляя церковный календарь для русскихъ христіанъ, устроители его повидимому:

1) намѣтили 21 марта, какъ день весенняго равноденствія;

2) смѣну сроковъ измѣненій длительности дня и ночи въ остальную часть весенне-лѣтняго семестра вели по нундійнымъ днямъ.

Аналогичное справедливо и для 23-го сентября и осенне-зимняго семестра.

3) Для простоты расчетовъ было допущено, что длительность дня и ночи мѣняется не непрерывно, а скачками черезъ 16 дней въ семестрѣ на 1 часъ.

4) Перемѣны длительности дня и ночи въ раздѣльные мѣсяцы семестровъ (іюнь и декабрь), не достигающія часа, церковной регистраціи не подлежали.

Разсматривая старинный русскій мѣсяцесловъ, можно между прочимъ заключить, что, такъ какъ сумма часовъ дня и ночи во всѣ зарегистрированные дни равна 24, то церковный часъ есть $^1/_{24}$ часть сутокъ. Вопросъ лишь заключается въ томъ, равны ли были сутки во весь годъ?

Для облегченія дальнѣйшихъ вычисленій я составилъ таблицу 3, въ которой помѣщенъ переводъ счета часовъ дня и ночи на счетъ отъ 1 до 24-хъ часовъ въ суткахъ. Считаю нужнымъ обратить вниманіе на то, что въ этой таблицѣ пока не предполагается, что одинъ и тотъ же номеръ часа отъ начала старыхъ русскихъ сутокъ соотвѣтствуетъ одному и тому же положенію солнца надъ (или подъ) горизонтомъ. Такъ, напримѣръ, по этой таблицѣ 7 часовъ ночи 28-го ноября, 5 часовъ ночи 28-го октября, 2 часа ночи 19-го сентября и 14 часовъ дня 27-го апрѣля соотвѣтствуютъ 14 часамъ отъ начала сутокъ. (См. табл. на стр. 226).

Это не значитъ, что указанные часы соотвѣтствуютъ моменту, называемому нами 2-мя часами нашего дня (14—12=2). Ибо возможно, что начало сутокъ 28-го ноября отличается отъ начала сутокъ 19-го сентября, отъ начала сутокъ 27-го апрѣля и т. д. и т. п. Эта таблица 3 даетъ простой переводъ отдѣльныхъ часовъ дня и часовъ ночи на непрерывный счетъ отъ *условнаго* и *неизвѣстнаго* (пока) начала сутокъ даннаго дня.

§ 3.

Таблица луннаго теченія обычно помѣщается въ церковномъ мѣсяцесловѣ, Типиконѣ, и въ Слѣдованной Псалтири послѣ пасхаліи зрячей.

Полный титулъ таблицы слѣдующій: „Лунное теченіе. Каяждо луна имать цней 29, и полъ дня (въ старин. Слѣдов. Псалтиряхъ: дни), и полъ часа, и пятую часть часа. Начинается же (иногда:

Таблица 3-ья.

Отъ До	27 Нояб. 31 Дек.		11 Нояб. 26 Нояб.		26 Окт. 10 Нояб.		10 Окт. 25 Окт.		24 Сент. 9 Окт.		8 Сент. 23 Сент.		23 Авг. 7 Сент.		7 Авг. 22 Авг.		22 Іюля. 6 Авг.		6 Іюля. 21 Іюля.		25 Мая. 5 Іюля.		Отъ До
Часы.	День.	Ночь.	День.	Ночь.	День.	Ночь.	День.	Ночь.	День.	Ночь.	День.	Ночь.	День.	Ночь.	День.	Ночь.	День.	Ночь.	День.	Ночь.	День.	Ночь.	Часы.
1	1	—	1	—	1	—	1	—	1	—	1	—	1	—	1	—	1	—	1	—	1	—	1
2	2	—	2	—	2	—	2	—	2	—	2	—	2	—	2	—	2	—	2	—	2	—	2
3	3	—	3	—	3	—	3	—	3	—	3	—	3	—	3	—	3	—	3	—	3	—	3
4	4	—	4	—	4	—	4	—	4	—	4	—	4	—	4	—	4	—	4	—	4	—	4
5	5	—	5	—	5	—	5	—	5	—	5	—	5	—	5	—	5	—	5	—	5	—	5
6	6	—	6	—	6	—	6	—	6	—	6	—	6	—	6	—	6	—	6	—	6	—	6
7	7	—	7	—	7	—	7	—	7	—	7	—	7	—	7	—	7	—	7	—	7	—	7
8	—	1	8	—	8	—	8	—	8	—	8	—	8	—	8	—	8	—	8	—	8	—	8
9	—	2	—	1	9	—	9	—	9	—	9	—	9	—	9	—	9	—	9	—	9	—	9
10	—	3	—	2	—	1	10	—	10	—	10	—	10	—	10	—	10	—	10	—	10	—	10
11	—	4	—	3	—	2	—	1	11	—	11	—	11	—	11	—	11	—	11	—	11	—	11
12	—	5	—	4	—	3	—	2	—	1	12	—	12	—	12	—	12	—	12	—	12	—	12
13	—	6	—	5	—	4	—	3	—	2	—	1	13	—	13	—	13	—	13	—	13	—	13
14	—	7	—	6	—	5	—	4	—	3	—	2	—	1	14	—	14	—	14	—	14	—	14
15	—	8	—	7	—	6	—	5	—	4	—	3	—	2	—	1	15	—	15	—	15	—	15
16	—	9	—	8	—	7	—	6	—	5	—	4	—	3	—	2	—	1	16	—	16	—	16
17	—	10	—	9	—	8	—	7	—	6	—	5	—	4	—	3	—	2	—	1	17	—	17
18	—	11	—	10	—	9	—	8	—	7	—	6	—	5	—	4	—	3	—	2	—	1	18
19	—	12	—	11	—	10	—	9	—	8	—	7	—	6	—	5	—	4	—	3	—	2	19
20	—	13	—	12	—	11	—	10	—	9	—	8	—	7	—	6	—	5	—	4	—	3	20
21	—	14	—	13	—	12	—	11	—	10	—	9	—	8	—	7	—	6	—	5	—	4	21
22	—	15	—	14	—	13	—	12	—	11	—	10	—	9	—	8	—	7	—	6	—	5	22
23	—	16	—	15	—	14	—	13	—	12	—	11	—	10	—	9	—	8	—	7	—	6	23
24	—	17	—	16	—	15	—	14	—	13	—	12	—	11	—	10	—	9	—	8	—	7	24
Отъ До	27 Ноябр. 31 Декаб.		1 Янв. 16 Янв.		17 Янв. 1 Фев.		2 Фев. 17 Фев.		18 Фев. 5 Мар.		6 Мар. 21 Мар.		22 Мар. 6 Апр.		7 Апр. 22 Апр.		23 Апр. 8 Мая.		9 Мая. 24 Мая.		25 Мая. 5 Іюля.		Отъ До

начинаетжеся) отъ настоящаго перваго круга, и восходитъ даже (иногда вставляется „и“) до девятаго на десять“.

Далѣе помѣщаются 19 отдѣльныхъ таблицъ съ заголовками, въ которыхъ обозначено: кругъ лунѣ (такой-то), основаніе (такое-то), часъ (такой-то), рожденіе (или ущербъ).

Въ таблицахъ помѣщаются новолунія (рожденіе) и ущербъ съ обозначеніемъ мѣсяца, числа, дня или ночи и часа.

Заканчивается таблица такъ: „конецъ круговъ (иногда кругамъ). Егда совершишы 19 круговъ, сирѣчь годинъ, паки начни отъ перваго круга: никогдаже (иногда николиже) бо (иногда это „бо“ опускается) оканчивается (иногда скончевается) реченное число“.

Прежде всего возникаетъ вопросъ (см. конецъ § 1), что за моменты отмѣчаются въ таблицѣ словами „рожденіе“ и „ущербъ“ луны. Обычно эти слова трактуются, какъ „новолуніе“ и „полнолуніе“. Такъ ли это?

Подъ новолуніемъ и полнолуніемъ разумѣются обыкновенно фазы луны, соотвѣтствующія ея соединеніямъ (σύνοδος) съ солнцемъ. Новолуніе для насъ есть моментъ вступленія центра луны въ плоскость, проходящую черезъ радіусъ земной орбиты, перпендикулярно къ земной орбитѣ. Это есть моментъ, опредѣляемый математически и иногда интерпретируемый природой солнечными затменіями. Греческіе астрономы отлично разбирались въ этомъ. Въ жизненномъ обиходѣ сутки, вмѣщавшія этотъ моментъ, назывались ἕνη καὶ νέα (ἡμέρα).

По истеченіи нѣкотораго времени впервые появлялся серпъ луны. День, вмѣщавшій въ себѣ это явленіе, назывался новолуніемъ (νουμηνία). (Латышевъ. Очеркъ греческихъ древностей, часть 2-я. С.-Пб. 1889 г. стр. 105; Hoffer. Histoire de L'Astronomie. Par. 1873. 118).

Я полагаю, что наши предки въ житейскомъ обиходѣ подъ терминомъ рожденіе луны разумѣли какъ разъ то, что разумѣли греки подъ словомъ νουμηνία, т. е. не моментъ соединенія, а день появленія серпа молодой луны. Имъ едва ли было понятно самое явленіе соединенія солнца и луны, но появленіе серпа было реальнымъ фактомъ, свидѣтельствующимъ о появленіи (рожденіи) луны.

Подъ „ущербомъ“ луны, думаю я, разумѣлось не полнолуніе, какъ мы его понимаемъ, а день, въ который впервые замѣчалось ущербленіе луны. Это я усматриваю изъ того, что термины „рожденіе“ и „ущербъ“ въ таблицѣ луннаго теченія употребляются двояко: въ заголовкѣ каждаго луннаго круга для обозначенія всего періода отъ нашего

новолунія до нашего полнолунія (рожденія) и для періода отъ полнолунія до новолунія (ущербъ), и въ самыхъ циклахъ—для обозначенія фазъ луны. Составители же оригинала таблицы луннаго теченія, вѣроятно, подъ терминами рожденіе и ущербъ подразумѣвали моменты наступленія соединенія и противостоянія солнца и луны. Даже въ самой Руси просвѣщенные люди это понимали.

Есть косвенное свидѣтельство объ этомъ въ лѣтописныхъ записяхъ. Такъ въ первой Псковской лѣтописи (полное собраніе русскихъ лѣтописей, изданное по Высочайшему повелѣнію Археографической Коммиссіею, т. IV. С.-Пб. 1848 г., стр. 239) подъ 6979 годомъ значится: „того же лѣта еще съ веснѣ, небеснаго мѣсяца апрѣля конецъ ветха, таже и маія новаго (сравни ἕνη καὶ νέα), быша морози...".

Очевидно, что здѣсь разумѣется день астрономическаго новолунія.

И такъ таблица луннаго теченія содержитъ списокъ новолуній и полнолуній, разбитый на 19-ть лѣтъ.

Изслѣдованіе таблицы луннаго теченія возможно произвести, лишь вывѣривъ предварительно ея вѣрность, т. е. устранивъ ошибки переписчиковъ и справщиковъ. Планъ вывѣрки этой таблицы изложенъ далѣе.

Считаю нужнымъ указать главнѣйшія детали моего плана вывѣрки, такъ какъ я хорошо понимаю, что всякая попытка исправить памятникъ старины требуетъ тщательной мотивировки.

Я привожу изслѣдованіе лишь новолуній.

Прежде всего я предполагаю, что въ предѣлахъ одного круга луны, т. е. въ предѣлахъ смѣны лунацій отъ 1-го марта до каждаго слѣдующаго 1-го марта (12-ть или 13-ть лунацій) церковная луна-ція=12 дней 12,7 часа, т. е. равна той именно величинѣ, которая помѣщена подъ заглавіемъ таблицы луннаго теченія (12 дней 12 часовъ и $^1/_2$ часа, и $^1/_5$ часа).

Затѣмъ я допускаю, что разница въ датѣ новолунія, показанной въ таблицѣ луннаго теченія, и въ датѣ, полученной мною вычисленіемъ, равная величинѣ ± 1 часъ, можетъ быть объяснена не ошибкой таблицы, а несходствомъ процессовъ вычисленія. Дѣло въ томъ, что мы владѣемъ чрезвычайно простымъ способомъ вычисленія при посредствѣ простыхъ и десятичныхъ дробей. Всякая дробь въ старину понималась лишь какъ часть цѣлаго, а не совокупность равныхъ частей цѣлаго. Были дроби: половина, треть, четверть, пятая часть, полтретья и т. п., т. е. дроби, которыя нынѣ мы изобразили бы при помощи числителя, равнаго единицѣ. Такія дроби мы называемъ *исход-*

ными дробями. Такъ, мы теперь три пятыхъ части разсматриваемъ, какъ $^3/_5$. Въ старину эта сумма разсматривалась, какъ совокупность одной половины, да одной полъ-пятой части. Или, отъ дѣленія пяти на шесть мы получаемъ прямо пять шестыхъ, а въ старину процессъ дѣленія пяти на шесть практиковался приблизительно такъ: пять единицъ есть три единицы и двѣ единицы. Въ трехъ единицахъ шесть половинъ. При раздѣленіи шести половинъ на 6 получалась одна половина. Каждая изъ остальныхъ 2-хъ, не раздѣленныхъ на шесть, единицъ заключаетъ три третьихъ части, а всего въ нихъ шесть третей, слѣдовательно, при раздѣленіи на шесть частей, въ каждой части получается одна третья часть цѣлаго, слѣдовательно при раздѣленіи 5-ти на 6-ть получается одна половина и одна треть. И т. п.

Операціи этого рода, конечно, были довольно затруднительны. Результаты часто бывали приближенные, вотъ почему я и полагаю возможнымъ допустить, что если между результатами вычисленій, выраженными въ таблицѣ луннаго теченія и полученными мною, будетъ разность, близкая къ ± 1, то этой разницей слѣдуетъ пренебрегать, и считать оба результата тожественными. Разницу $\pm$ 1 ч. будемъ называть величиной, которой можно пренебречь, и будемъ обозначать символомъ qn (quantité négligeable). Для провѣрки и изслѣдованія таблицы луннаго теченія мною составлена таблица 4, разбитая ради удобства на рядъ отдѣльныхъ таблицъ. (См. табл. на стр. 230—237). Эта таблица составлена такъ:

1) Выписаны изъ изданія: „Мѣсяцесловъ. Сто единонадесятое тисненіе. Москва. Синодальная типографія 1901 г.“ табличныя числа новолуній для каждаго изъ круговъ луны. Это строка А.

2) Въ строкѣ Б числа первой (А) строки перечислены, согласно таблицѣ 3-ьей, на послѣдовательные часы отъ начала дня.

3) Въ строкахъ С (если онѣ есть) показаны несогласія чиселъ мѣсяцеслова съ соотвѣтствующими числами изданій:

a) „Типиконъ, сіесть Уставъ. Москва. Синодальная типографія. 1896“. (Въ 1908 году это изданіе было позднѣйшимъ). Данныя изъ этого изданія помѣчены буквой Т.

b) „Псалтирь со возслѣдованіемъ“ (въ моемъ экземплярѣ выходного листа нѣтъ). Въ послѣсловіи этого изданія сказано: „печататися сія богодухновенная книга, псалтырь со возслѣдованіемъ, десятымъ тисненіемъ въ царьствующемъ великомъ градѣ Москвѣ, при свято-Троицко-Введенской церкви, въ типографіи единовѣрцевъ въ лѣто

Таблица 4-ая.

РОЖДЕНІЕ (НОВОЛУНІЕ) ЛУНЫ.

Кругъ луны.	Основаніе.	Часъ.	Строка.	Мартъ.	Апрѣль.	Май.	Іюнь.	Іюль.	Августъ.	Сентябрь.	Октябрь.	Ноябрь.	Декабрь.	Январь.	Февраль.
1	14	1	A.	16н. 3	15д. 4	14д.16	13д. 5	12н. 2	11д. 7	9н. 7	9д. 8	7н.12	7н. 3	5н.14	4н. 1
			B.	16—15	15— 4	14—16	13— 5	12—18	11— 7	9—19	9— 8	7—21	7—10	5—22	4—11
			D.	16—15	15— 3,7	14—16,4	13— 5,1	12—17,8	11— 6,5	9—19,2	9— 7,9	7—20,6	7— 9,3	5—22	4—10,7
			E.	16—15	15— 4	14—17	13— 6	12—18	11— 7	9—20	9— 8	7—21	7—10	5—22	4—11
2	25	11	A.	5н. 7	4д. 6	3н. 4	2д. 8	1н. 4	—	—	—	—	—	—	—
				—	—	—	—	31д. 9	29н. 9	28д.11	27н.15	26н. 4	26д. 1	24н. 5	23д. 3
			B.	5—18	4— 6	3—19	2— 8	1—21	—	—	—	—	—	—	—
				—	—	—	—	31— 9	29—22	28—11	27—24	26—12	26— 1	24—14	23— 3
			D.	5—18	4— 6,7	3—19,4	2— 8,1	1—20,8	—	—	—	—	—	—	—
				—	—	—	—	31— 9,5	29—22,2	28—10,9	27—23,6	26—12,3	26— 1	24—13,7	23— 2,4
			E.	5—18	4— 7	3—20	2— 9	1—21	—	—	—	—	—	—	—
				—	—	—	—	31—10	29—23	28—11	27—24	26—13	26— 1	24—14	23— 3
3	6	2	A.	24д. 9	22н. 8	22д.11	20н. 7	20д.12	19д. 9 М.	17н. 2	17д. 3	15н. 7	15д. 4	13н. 9	12д. 6
			C.	—	—	—	20д. 7 П.	20 —	19д. 9 Т.	—	—	—	—	—	—
				—	—	—	—	—	19д. 1 П.	—	—	—	—	—	—
			B.	24— 9	22—22	22—11	20- 24	20—12	19— 9	17—14	17— 3	15—15	15— 4	13—17	12— 6
			D.	24— 9	22—21,7	22—10,4	20—23,1	20—11,8	19— 0,5	17—13,2	17— 1,9	15—14,6	15— 3,3	13—16	12— 4,7
			E.	24-- 9	22—22	22—11	20—24	20—12	19— 1	17—14	17— 2	15—15	15— 4	13—16	12— 5
4	17	23	A.	13д.13 М.	12д. 1	11д.14	10д. 2	9д.15	8д. 4	6н. 4	6д. 5	4н. 9	4д. 7	2н.12	1д. 8
			C.	13—13	12— 1	11—14	10— 2	9—15	8— 4	6—17	6— 5	4—18	4— 7	2—20	1— 8
			D.	13—13	12— 1,7	11—14,4	10— 2,1	9—15,8	8— 4,5	6—17,2	6— 5,9	4—18,6	4— 7,3	2—20	1— 8,7
			E.	13—13	12— 2	11—15	10— 4	9—16	8— 5	6—18	6— 6	4—19	4— 8	2—21	1— 9
			E′.	13—12	12— 1	11—14	10— 3	9—15	8— 4	6—17	6— 5	4—18	4— 7	2—19	1— 8
5	28	8	A.	2н. 4	1д. 4	30д. 5	28д. 1 } М.	28д. 7	26н. 7	25д. 8	24н.11	23н. 2	22н.16	21н. 2	19н.13
			C.	—	30н. 2	—	— } Т.	—	—	—	—	—	—	—	—
			B.	2—15	1— 4	30— 5	28н. 1 } П.	28— 7	26—20	25— 8	24—21	23—10	22—23	21—11	19—24
				—	30—17	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
			D.	2—15	1— 3,7	30— 5,1	28—17,8	28— 6,5	26—19,2	25— 7,9	24—20,6	23— 9,3	22—22	21—10,7	19—23,4
				—	30—16,4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
			E.	2—15	1— 4	30— 6	28—18	28— 7	26—20	25— 8	24—21	23—10	22—22	21—11	19—24
				—	30—17	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Кругъ луны.	Основаніе.	Часъ.	Строка.	Мартъ.	Апрѣль.	Май.	Іюнь.	Іюль.
6	9	5	A.	21д. 7	19н. 6	19д. 8	17н. 4	17д.10
			B.	21— 7	19—20	19— 8	17—21	17—10
			D.	21— 7	19—19,7	19— 8,4	17—21,1	17— 9,8
			E.	21— 7	19—20	19— 9	17—22	17—10
7	20	12	A.	10д.10 —	8н. 8 —	8д.11 —	6н. 7 —	6д.13 —
			B.	10—10 —	8—22 —	8—11 —	6—24 —	6—13 —
			D.	10—10 —	8—22,7 —	8—11,4 —	6—24,1 —	6—12,8 —
			E.	10—10 —	8—23 —	8—12 —	6—25 —	6—13 —
8	1	10	A.	29д. 1	27д.14	27д. 3	25д.16	25д. 4
			B.	29— 1	27—14	27— 3	25—16	25— 4
			D.	29— 1	27—13,7	27— 2,7	25—15,1	25— 3,8
			E.	29— 1	27—14	27— 3	25—16	25— 4
9	12	7	A.	18д. 6	16н. 3	16д.16	14н. 1	14д. 7
			B.	18— 6	16—17	16—16	14—18	14— 7
			D.	18— 6	16—18,7	16— 7,4	14—20,1	14— 8,8
			E.	18— 6	16—19	16— 8	14—21	14— 9
			E′.	18— 4	16—17	16— 6	14—19	14— 7
10	23	4	A.	7д. 7 —	5н. 7 —	5д. 9 —	3н. 4 —	3д.10 —
			C.	—	—	—	—	—
			B.	7— 7 —	5—20 —	5— 9 —	3—21 —	3—10 —
			D.	7— 7 —	5—19,7 —	5— 8,4 —	3—21,1 —	3— 9,8 —
			E.	7— 7 —	5—20 —	5— 9 —	3—22 —	3—10 —

Кругъ луны.	Строка.	Августъ.	Сентябрь.	Октябрь.	Ноябрь.	Декабрь.	Январь.	Февраль.
6	A.	15н. 8	14д.12 (11.П)	13н.14	12н. 5	12д. 1	10н. 6	9д. 3
	B.	15—22	14—12	13—24	12—13	12— 1	10—14	9— 3
	D.	15—22,5	14—11,2	13—23,9	12—12,6	12— 1,3	10—14	9— 2,7
	E.	15—23	14—12	13—24	12—13	12— 2	10—14	8— 3
7	A.	5д. 1 —	3н. 1 —	3д. 3 —	1н. 7 —	1д. 4 30н.10	— 29д. 6	— 27н. 8
	B.	5— 1 —	3—14 —	3— 3 —	1—16 —	1— 4 30—17	— 29— 6	— 27—19
	D.	5— 1,6 —	3—14,2 —	3— 2,9 —	1—15,6 —	1— 4,3 30—17	— 29— 5,7	— 27—18,4
	E.	5— 2 —	3—15 —	3— 3 —	1—16 —	1— 5 30—17	— 29— 6	— 27—19
8	A.	23н. 4	22д. 6	21н. 8	20д. 7	19н.13	18д. 9	16н.11
	B.	23—17	22— 6	21—18	20— 7	19—20	18— 9	16—21
	D.	23—16,5	22— 5,2	21—17,9	20— 6,6	19—19,3	18— 8	16—20,7
	E.	23—17	22— 6	21—18	20— 7	19—20	18— 8	16—21
9	A.	12н. 6	11д. 9	10н.11	9н. 1	8н.16	7н. 4	5н.14
	B.	12—20	11— 9	10—21	9—10	8—23	7—12	5—24
	D.	12—21,5	11—10,2	10—22,9	9—11,6	8—24,3	7—13	5—25,7
	E.	12—22	11—11	10—23	9—12	8—25	7—13	6— 2
	E′.	12—20	11— 9	10—21	9—10	8—23	7—11	5—24
10	A.	1н. 8} М. 31н.11} Т.	— 29н.13	— 29н. 4	— 28д. 2	— 27н. 7	— 26д. 3	— 24н. 5
	C.	31д.11 П.	—	—	—	—	—	—
	B.	1—23 31—24	— 29—24	— 29—13	— 28— 2	— 27—14	— 26— 3	— 24—16
	D.	1—22,5 31—11,2	— 29—23,9	— 29—12,6	— 28— 1,3	— 27—14	— 26— 2,7	— 24—15,4
	E.	1—23 31—12	— 29—24	— 29—13	— 28— 2	— 27—14	— 26— 3	— 24—16

Кругъ луны.	Основаніе.	Часъ.	Строка.	Мартъ.	Апрѣль.	Май.	Іюнь.	Іюль.
11	4	13	A. C. B. D. E.	25н.10 — — 25—23 25—23 25—23	24д.11 — — 24—11 24—11,7 24—12	23д. 8 М. 23д. 8 Т. 23н. 8 П. 23— 8 23—24,4 23—25	22д.13 — — 22—13 22—13,1 22—14	22д. 2 — — 22— 2 22— 1,8 22— 2
12	15	10	A. C. B. D. E.	15д. 2 — — 15— 2 15— 2 15— 2	13д.14 — — 13—14 13—14,7 13—15	13д. 3 — — 13— 3 13— 3,4 13— 4	11д.16 — — 11—16 11—16,1 11—17	11д. 5 — — 11— 5 11— 4,8 11— 5
13	26	7	A. B. D. E. 	4д. 4 — 4— 4 — 4— 4 — 4— 4 —	2н. 4 — 2—17 — 2—16,7 — 2—17 —	2д. 6 31н. 2 2— 6 31—19 2— 5,4 31—18,1 2— 6 2—19	1д. 7 М. 30д. 7 Т. П. 1— 7 — 30— 6,8 — 30— 7 —	29н. 5 — 29—20 — 29—19,5 — 29—20 —
14	7	15	A. B. D. E.	22н. 7 22—20 22—20 22—20	21д. 7 21— 9 21— 8,7 21— 9	20н. 6 20—22 20—21,4 22—22	19д.10 19—10 19—10,1 19—11	18н. 7 18—23 18—22,8 18—23
15	18	13	A. C. B. D. E. 	11н.11 — 11—23 — 10—23 — 10—23 —	10д.12 — 10—12 — 10—11,7 — 10—12 —	9н. 8 — 9—24 — 9—24,4 — 9—25 —	8д.13 — 8—13 — 8—13,1 — 8—14 —	8д. 2 — 8— 2 — 8— 1,8 — 8— 2 —

Августъ.	Сентябрь.	Октябрь.	Ноябрь.	Декабрь.	Январь.	Февраль.
20н. 4 М. 20н. 4 Т. 20д.14 П. 20—18 20—14,5 20—15	19д. 3 — — 19— 3 19— 3 19— 3	18н. 6 — — 18—16 18—15,9 18—16	17д. 5 — — 17— 5 17— 4,6 17— 5	16н.10 — — 16—17 16—17,3 16—18	15д. 6 — — 15— 6 15— 6 15— 6	13н. 9 — — 13—19 13—18,7 13—19
9н. 3 — — 9—17 9—17,5 9—18	8д. 6 — — 8— 6 8— 6,2 8— 7	7н. 8 — — 7—18 7—18,6 7—19	6д. 7 — — 6— 7 6— 7,6 6— 8	5н.13 — — 5—20 5—20,1 5—21	4д. 1 М. 4д. 1 Т. 4н. 1 П. 4— 1 4— 9 4— 9	2н.12 — — 2—22 2—21,7 2—22
28д. 9 — 28— 9 — 28— 8,2 — 28— 9 —	26н.11 — 26—22 — 26—20,9 — 26—21 —	26н. 1 — 26—10 — 26— 9,6 — 26—10 —	24н.15 — 24—23 — 24—22,3 — 24—23 —	24н. 5 — 24—12 — 24—11 — 24—11 —	23д. 1 — 23— 1 — 22—23,7 — 22—24 —	21н. 2 — 21—13 — 21—12,4 — 21—13 —
17д.12 17—12 17—11,5 17—12	16д. 1 16— 1 16— 0,2 16— 1	15н. 3 15—13 15—12,9 15—13	14д. 2 14— 2 14— 1,6 14— 2	13н. 8 13—15 13—14,3 13—15	12д. 3 12— 3 12— 3 12— 3	10н. 6 10—16 10—15,7 10—16
6д.15 — 6—15 — 6—14,5 — 6—15 —	5д. 3 — 5— 3 — 5— 3,2 — 5— 4 —	4н. 5 — 4—16 — 4—15,9 — 4—16 —	3д. 5 — 3— 5 — 3— 4,6 — 3— 5 —	2д.11 М. Т. 2н.11 П. 2—11 — 2—17,3 — 2—18 —	1д. 6 30н.10 1— 6 30—19 1— 6 30—18,7 1— 6 30—19	— — — — — — — —

Кругъ луны.	Основаніе.	Часъ.	Строка.	Мартъ.	Апрѣль.	Май.	Іюнь.	Іюль.	Августъ.	Сентябрь.	Октябрь.	Ноябрь.	Декабрь.	Январь.	Февраль.
16	29	10	A.	1д. 2 30н. 2	29д. 3 —	28д.16 —	27д. 5 —	26н. 3 —	25д. 6 —	23н. 7 —	23д. 8 —	21н.13 —	21н. 2 —	19н.13 —	18д.11 —
			B.	1д. 2 30—15	29— 3 —	28—16 —	27— 5 —	26—18 —	25— 6 —	23—19 —	23— 8 —	21—21 —	21— 9 —	19—22 —	18—11 —
			D.	1— 2 30—14,7	29— 3,4 —	28—16,1 —	27— 4,8 —	26—17,5 —	25— 6,2 —	23—18,9 —	23— 7,6 —	21—20,3 —	21— 9 —	19—21,7 —	18—10,4 —
			E.	1— 2 30—15	29— 4 —	28—17 —	27— 5 —	26—18 —	25— 7 —	23—19 —	23— 8 —	21—21 —	21— 9 —	19—22 —	18—11 —
17	11	18	A.	19н. 5	18д. 6	17н. 3	16д. 8	15н. 4	14д. 9	12н.10	12н. 1	10н.14	10н. 5	9д. 1	7н. 4
			B.	19—17	18— 6	17—19	16— 8	15—20	14— 9	12—22	12—11	10—23	10—12	9— 1	7—14
			D.	19—17	18— 5,7	17—18,4	16— 7,1	15—19,8	14— 8,5	12—21,7	12— 9,4	10—22,6	10—11,3	9— 0	7—12,7
			E.	19—17	18— 6	17—19	16— 8	15—20	14— 9	12—22	12—10	10—23	10—12	9— 0	7—13
18	22	5	A.	8н. 8 —	7— 9 —	6н. 7 —	5д.11 —	4н. 6 —	3д.12 —	2д. 1 —	1н. 3 31д. 2	29н. 8 —	29д. 4 —	27н. 8 —	26д. 5 —
			B.	8—20 —	7— 9 —	6—22 —	5—11 —	4—23 —	3—12 —	2— 1 —	1—14 31— 2	29—15 —	29— 4 —	27—17 —	26— 5 —
			D.	8—20 —	7— 8,7 —	6—21,4 —	5—10,1 —	4—22,8 —	3—11,5 —	2— 0,2 —	1—12,9 31— 1,6	29—14,3 —	29— 3 —	27—15,7 —	26— 4,4 —
			E.	8—20 —	7— 9 —	6—22 —	5—11 —	4—23 —	3—12 —	2— 1 —	1—13 31— 2	29—15 —	29— 3 —	27—16 —	26— 5 —
19	3	1	A.	27д.12	26д. 1	25д.13	24д. 2	23д.15	22д. 4	20н. 4	20д. 5	18н.10	18д. 7	16н.11	15д. 8
			B.	27—12	26— 1	25—13	24— 2	23—15	22— 4	20—16	20— 5	18—18	18— 7	16—19	15— 8
			D.	27—12	26— 0,7	25—13,1	24— 2,1	23—14,8	22— 3,5	20—16,2	20— 4,9	18—17,6	18— 6,3	16—19	15— 7,7
			E.	27—12	26— 1	25—14	24— 3	23—15	22— 4	20—17	20— 5	18—18	18— 7	16—19	15— 8

отъ сотворенія міра 7410, отъ Рождества же по плоти Бога Слова 1902, индикта 15,... съ книги псалтыря же со возслѣдованіемъ, печатаной... въ лѣто 7160, мѣсяца октября въ 1 день, въ седмое лѣто благочестивыя Державы царства Государя Царя и Великаго Князя Алексія Михайловича всея Руссіи Самодержца". На переплетѣ значится „книга глаголемая псалтырь слѣдованная". Данныя изъ этой книги отмѣчены буквой П („единовѣрческая псалтирь").

4) Въ строкѣ Д таблицы 4-ой помѣщены числа, полученныя вычисленіемъ, сдѣланнымъ мною по плану, который выясняю на слѣдующемъ примѣрѣ.

Возьмемъ кругъ луны 8-ой

a) Въ строкѣ (А) значится, что мартовское новолуніе въ этомъ кругѣ совершается 29-го марта въ 1 часъ дня.

b) Выписываю это число въ строку Д.

c) Прикладываю къ этому числу (29-го марта 1 часъ дня) длительность *одной* лунаціи, т. е. 29 дней 12,7 часа. Получаю, что слѣдующая лунація совершится 58-го марта въ 13,7 часу.

d) Изъ этого числа вычитаю число дней отъ 1-го марта до 31-го марта включительно, т. е. 31; получаю, что второе новолуніе совершится 27-го апрѣля въ 13,7 часа (58—31=27).

e) Прикладываю къ 29 марта 1 часъ дня длительность *двухъ* лунацій, т. е. 59 дней 1,4 часа. Получаю, что слѣдующее новолуніе совершится 88-го марта въ 2,4 часа, т. е. (за вычетомъ длительности 31-го дня марта и 30-ти дней апрѣля) 27-го мая въ 2,4 часа (88—61=27).

f) Прикладываю къ 29-му марта 1 часъ дня длительность трехъ лунацій: 88 дней 14,1 часа, получаю, что слѣдующее новолуніе случится 117-го марта въ 15,1 часа, т. е. (за вычетомъ 31 дня марта, 30 дней апрѣля и 31 дня мая) 25-го іюня въ 15,1 часа (117—92=25).

g) Подобныя операціи продѣлываю до тѣхъ поръ, пока не получаю лунацію въ февралѣ.

h) Полученныя вычисленіемъ числа выписываю въ строкѣ Д.

5) Наконецъ составляю строку Е. Строка Е есть перечисленіе строки Д на круглыя числа.

Всякій часъ, имѣющій при себѣ въ строкѣ Д одну или болѣе десятыхъ долей, я въ строкѣ Е выписываю, какъ слѣдующій.

По этому плану перечислены всѣ 19-ть круговъ луны.

Примѣчаніе. Для желающихъ провѣрить мои выкладки я предлагаю таблицы 5 и 6, какъ вспомогательныя.

Таблица 5-ая.

Число лунацій.	Длительность лунацій.		Число лунацій.	Длительность лунацій.	
	Дни.	Часы.		Дни.	Часы.
1	29	12,7	10	295	7
2	59	1,4	20	590	14
3	88	14,1	30	885	21
4	118	2,8	40	1.181	4
5	147	15,5	50	1.476	11
6	177	4,2	60	1.771	18
7	206	16,9	70	2.067	1
8	236	5,6	80	2.362	8
9	265	18,3	90	2.657	15
10	295	7,0	—	—	—
11	324	19,7	100	2.952	22
12	354	8,4	200	5.905	20
13	383	21,1	235	6.939	8,5

Въ 5-й таблицѣ дана длительность 1,2...13, и нѣкотораго иного числа лунацій, выраженныхъ въ дняхъ, часахъ и десятыхъ частяхъ часа.

Въ таблицѣ 6-й дано число дней по постоянному календарю отъ 1-го марта до конца каждаго (слѣдующаго) мѣсяца.

Я считаю необходимымъ моменты новолуній каждаго мѣсяца получать прибавленіемъ къ мартовской датѣ *одной*, *двухъ*, *трехъ* и т. д.

Таблица 6-ая.

Промежутки.	Ихъ длительность въ дняхъ.
Отъ 1 марта	—
До 1 апрѣля.	31
„ 1 мая	61
„ 1 іюня.	92
„ 1 іюля.	122
„ 1 августа.	153
„ 1 сентября.	184
„ 1 октября	214
„ 1 ноября.	245
„ 1 декабря.	275
„ 1 января.	306
„ 1 февраля	337
„ 1 марта	365

лунацій, а не прибавленіемъ къ каждой предыдущей 29-ти дней 12,7 часа.

Дѣлаю это, полагая, что при выработанномъ мною способѣ вычисленій получаемыя числа болѣе независимы между собой и легче провѣряются.

Въ то время, какъ въ строкѣ 13 даны часы дней, по счету отъ, въ сущности, неизвѣстнаго начала счета часовъ въ каждый данный

день, въ строкѣ Е получаются числа, которыя показываютъ нѣкоторый часъ, по счету отъ *одного, для всѣхъ мѣсяцевъ* начала сутокъ, именно отъ того, правда неизвѣстнаго, начала, по которому ведется счетъ въ мартѣ.

Въ виду важности сказаннаго позволяю себѣ выяснить это обстоятельство на примѣрѣ.

Пусть при нѣкоторомъ кругѣ луны x, въ строкѣ В стоитъ:

„Новолуніе 15-го марта въ 12 часовъ дня";

„новолуніе 11-го іюня въ 12 часовъ дня".

Значитъ ли это, что оба новолунія совершаются въ моменты, соотвѣтствующіе одному и тому же положенію солнца относительно горизонта?

Нѣтъ, не значитъ. Ибо вполнѣ возможно, что 15-го марта начало дня полагается, напримѣръ, въ наши 6-ть часовъ утра, тогда 12 часовъ дня 15-го марта соотвѣтствуютъ нашимъ 18-ти часамъ, т. е. 6-ти часамъ вечера. Возможно, что начало дня 11-го іюня считается въ наши 3 часа утра, тогда табличные 12 часовъ дня 11-го іюня соотвѣтствуютъ нашимъ 15-ти часамъ 11-го іюня, или 3-мъ часамъ по полудни (а не 6-ти вечера, какъ при 15-мъ марта). Пусть при нѣкоторомъ кругѣ луны У въ строкѣ Е новолуніе 5-го марта стоитъ въ 6-ть часовъ дня, и 1-го іюня въ 6-ть часовъ дня. Значитъ ли это, что новолунія 5-го марта и 1-го іюня совершаются въ моментъ, соотвѣтствующій одному и тому же положенію солнца относительно горизонта?

Да, значитъ. И вотъ почему. Новолуніе іюня мѣсяца вычисленіемъ (пунктъ 3-й) получено чрезъ прибавленіе къ данной *мартовской датѣ* цѣлаго числа лунацій; результатъ, слѣдовательно, выраженъ въ числахъ марта, съ мартовскимъ началомъ счета суточныхъ часовъ. Поэтому, если 5-го марта счетъ часовъ, положимъ, начинался въ 7 часовъ утра по нашему счету, то и новолуніе 1-го іюня выражено отъ того же начала. Въ этомъ случаѣ новолуніе 5-го марта совершилось въ часъ нашего дня ($7+6=13$) и въ часъ же дня, слѣдовательно, совершилось новолуніе 1-го іюня. Выработанный мною пріемъ 1) даетъ возможность судить о томъ, по какому началу счета суточныхъ часовъ ведется счетъ въ таблицѣ луннаго теченія, и 2) даетъ возможность отыскать описки и опечатки, вообще ошибки, таблицы луннаго теченія.

Начну съ таблицы 4 (стр. 232) и именно съ разсмотрѣнія чиселъ 8-го круга луны.

Въ этой части таблицы строка С не заполнена никакими данными. Это значитъ, что всѣ три изданія, перечисленныя выше, даютъ одни и тѣ же данныя о новолуніяхъ этого круга луны.

Сравненіе чиселъ изъ строкъ В и Е убѣждаетъ въ существованіи удивительнаго согласія между показаніями таблицы луннаго теченія и результатами моихъ вычисленій. Это тѣмъ болѣе поразительно, что по самому характеру чиселъ, ихъ составляющихъ, эти строки совершенно разныя.

Числа строки В даютъ, какъ только что было выяснено выше, часы дня разныхъ мѣсяцевъ отъ неизвѣстнаго, искомаго нами начала сутокъ, а числа строки Е даютъ числа часовъ дня отъ одного одинаковаго для всѣхъ дней начала. Всякій первый часъ строки В въ разныхъ мѣсяцахъ не соотвѣтствуетъ одному и тому же положенію солнца относительно горизонта, а всякій первый часъ строки Е въ разныхъ мѣсяцахъ соотвѣтствуетъ одному и тому же часу p по нашему счету часовъ отъ полуночи.

Изъ этого выяснившагося совпаденія чиселъ строкъ В и Е вытекаетъ три важныхъ для насъ слѣдствія:

1) Сдѣланное мною допущеніе, что въ предѣлахъ одного и того же круга луны лунаціи смѣняются черезъ 29 дней 12,7 часа, совершенно правильно.

2) Такъ какъ числа строки В тожественны съ числами строки Е, то это значитъ, что таблица луннаго теченія (по крайней мѣрѣ 8-й кругъ луны!) даетъ счетъ числа часовъ по счету не отъ колеблющагося начала счета сутокъ (строка В), а отъ нѣкотораго постояннаго (пока не выяснившагося) начала (строка Е).

3) Выработанный планъ провѣрки можетъ дать средство провѣрить таблицу луннаго теченія, по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ каждаго круга луны.

Всякій разъ, когда мы нападемъ на явное разногласіе въ показаніяхъ таблицы луннаго теченія (строка В) и въ результатахъ вычисленій (строка Е), причина разногласія должна лежать въ ошибкѣ таблицы, если только числа строки Е провѣрены.

Замѣтимъ здѣсь, что несогласіе въ часахъ январской даты въ этомъ 8-мъ кругѣ луны, согласно сказанному выше, есть qn.

Разсмотримъ числа круговъ луны въ послѣдовательномъ порядкѣ.

Кругъ луны первый. Сравненіе строкъ В и Е показываетъ на тожество этихъ чиселъ, если не считать разницы часовъ мая, іюня и

сентября; но эта разница проистекаетъ отъ избытка 4, 1 и 2 десятыхъ долей, слѣдовательно, разница эта есть qп.

Строка С не имѣетъ данныхъ, слѣдовательно, во всѣхъ трехъ изданіяхъ, цитированныхъ выше, новолунія 1-го круга луны показаны правильно.

Кругъ луны 2. Разница въ строкахъ В и Е, существующая въ часахъ апрѣля, мая, іюня, іюля, августа и ноября отъ излишка 7, 4, 1, 5, 2 и 3 десятыхъ долей часа, есть qп.

Во всѣхъ трехъ изданіяхъ М. Т и П числа согласны съ истиной.

Кругъ луны 3. Въ строкахъ В и Е этого круга луны есть разница 3-хъ категорій.

1) Въ январѣ, февралѣ, іюнѣ и октябрѣ на 1 часъ, проистекающая отъ избытка, а въ февралѣ по недостатку 1, 4, 1 и 2 десятыхъ долей часа, слѣдовательно, есть qп.

2) Въ іюнѣ (П) и августѣ разница достигаетъ 8 часовъ. Это существенная разница. Такъ какъ изъ примѣра 8, 1 и 2 круговъ (пока), видно, что въ общихъ чертахъ числа таблицы луннаго теченія согласны съ получаемыми мною числами, то надо признать, что въ М и Т сдѣлана ошибка.

Исправить ошибку въ августѣ 3-го круга луны слѣдуетъ, поставивъ новолуніе 19-го числа въ „1“, а не „9“ часовъ дня.

Очевидно, что это опечатка, хотя и давняя.

Въ имѣющемся у меня изданіи Слѣдованной Псалтири временъ Императора Александра Павловича (годъ за неимѣніемъ первыхъ страницъ въ экземплярѣ мнѣ неизвѣстенъ) стоитъ тоже 9 часовъ, но въ единовѣрческой псалтири съ возслѣдованіемъ (1902—1652 года) стоитъ 1 часъ, а не 9, т. е. согласно съ моимъ числомъ.

3) Интересно, что въ единовѣрческой псалтири (П), напечатанной весьма тщательно, до пущена опечатка въ датѣ іюня. Тамъ напечатано іюня 20 „дня“, часъ 7, надо іюня 20-го „нощи“ часъ 7.

Кругъ луны 4. Не трудно видѣть, что во всѣхъ часахъ всѣхъ мѣсяцевъ (кромѣ января) числа строки Е на единицу больше, чѣмъ соотвѣтствующія числа строки В. Это объяснить случайнымъ несходствомъ результата ариѳметическихъ операцій съ дробями нельзя. Надо признать, что начальное число, т. е. мартовская дата въ мѣсяцесловѣ ошибочна и должна быть понижена на 1. Тогда строка Д и Е даетъ числа Д′ и Е′; строку Е′ можно признать тожественной съ В, если въ В сдѣлать исправленіе.

И дѣйствительно въ Т, П показано правильно: новолуніе совер-

шается марта 13-го въ 12 часовъ дня. И такъ въ мѣсяцесловѣ изд. 1901 года въ 1-й строкѣ 4-го круга опечатка; надо часъ 12, а не 13.

Изъ этого примѣра въ особенности ясно видно, что предлагаемый мною методъ провѣрки таблицы можетъ открывать ошибки ея и дать возможность исправить ихъ.

Кругъ луны 5. 1) Несоотвѣтствіе въ часахъ новолунія въ маѣ и декабрѣ легко объясняется различіемъ въ производствѣ ариѳметическихъ дѣйствій и, слѣдовательно, разница эта есть qn; 2) но очевидно, что въ датѣ іюня въ таблицѣ луннаго теченія ошибка.

Ошибка легко исправляется, если вмѣсто одного часа дня поставить 1 часъ ночи. По таблицѣ 3, 1 часъ ночи 28-го іюня соотвѣтствуетъ 18 часамъ, какъ и стоитъ въ строкѣ Е. Въ Т—1896 г. напечатано, какъ и въ мѣсяцесловѣ, слово „дни", въ Слѣдован. псалтири временъ Александра I стоитъ также „дни"; слѣдовательно, это опечатка давняя.

Въ единовѣрческой Слѣдованной псалтири (1902—1652 г.) стоитъ „нощи", какъ и слѣдуетъ по моимъ вычисленіямъ.

И такъ въ мѣсяцесловѣ и Типиконѣ въ 5-мъ кругѣ луны ошибка: вмѣсто іюня 28 „дни" часъ 1, надо іюня 28 „нощи" часъ 1.

Кругъ луны 6. Несоотвѣтствіе часовъ въ маѣ, іюнѣ, августѣ и декабрѣ происходитъ отъ разности часовъ въ 4, 1, 5 и 3 десятыхъ часа, слѣдовательно, есть qn.

Въ слѣдованной единовѣрческой псалтири ошибочно напечатано:

Сентября 14-го дня 11 часъ, надо 12 часовъ.

Круги луны 7, 8 составлены правильно, разница въ часахъ объясняется дефектами счета.

Кругъ луны 9. Разсмотрѣніе строкъ В и Е девятаго круга луны представляетъ особый интересъ. Числа строки Е всѣ почти, за исключеніемъ майской даты, больше чѣмъ слѣдуетъ на два часа. Ошибочностію счета объяснить этого нельзя. Такъ какъ числа строки Д получаются изъ даты мартовскаго табличнаго новолунія, то это означаетъ, что мартовская дата въ таблицѣ луннаго теченія больше чѣмъ слѣдуетъ на 2 часа.

Я полагаю, что 2-я строка въ мѣсяцесловѣ въ 9 кругѣ луны должна быть такой: марта 18-го дни, часъ 4 (а не 6-ть!).

Перечисливъ строку D, исходя изъ исправленной даты марта „18-го марта 4 часа дня", можно получить строку D′, а эта послѣдняя

перечисляется въ сроку Е′. Тожество строкъ В и Е′ почти полное (если не считать майской даты, о чемъ рѣчь далѣе).

Но дѣло въ томъ, что во всѣхъ перечисленныхъ изданіяхъ стоитъ не 4 часа, а 6-ть.

Такое разногласіе моихъ вычисленій съ единогласными показаніями церковныхъ книгъ можетъ возбуждать сомнѣніе въ правильности моихъ подсчетовъ. Но всѣ сомнѣнія исчезаютъ, если принять во вниманіе, что лунація отъ 18-го марта 16 часовъ до 16-го апрѣля 3-хъ часовъ ночи имѣетъ 29 дней 10 часовъ, вмѣсто 12 часовъ, какъ это требуется согласно приведенной выше выписки о длительности каждой лунаціи. Въ майской датѣ новолунія очевидная ошибка въ мѣсяцесловѣ на 10 часовъ. Да не только въ мѣсяцесловѣ 1901 г., но и въ Типиконѣ 1896 г., въ Слѣдованной псалтири временъ Александра I, въ единовѣрческой Слѣдованной псалтири временъ Алексѣя Михайловича. Это обстоятельство говоритъ лишь о давности этой ошибки, а не объ ея отсутствіи. Что мое указаніе безусловно вѣрно, видно изъ подсчета предыдущей и послѣдующей лунаціи отъ 16-го апрѣля 3 часа ночи (т. е. 17 часовъ отъ начала дня) до 16-го мая 16 часовъ дня протекаетъ почти 30 дней, а отъ 16-го мая 16 часовъ дня до 14-го іюня 1 часъ ночи протекаетъ 29 дней и 2 часа, что показываетъ, что майская дата не вѣрна и притомъ на 10 часовъ.

Такимъ образомъ въ мѣсяцесловѣ, Типиконѣ и единовѣрческой Слѣдованной Псалтири въ 9 кругѣ луны двѣ ошибки:

1) вмѣсто (2-я строка) марта 18-го, дни часъ 6, надо „часъ 4-й“,

2) вмѣсто (6-я строка) мая 16-го, дни часъ 16 надо часъ 6.

Кругъ луны 10. Числа рядовъ В и Е совпадаютъ на всемъ протяженіи, за исключеніемъ даты второго августовскаго новолунія (31-го числа). Очевидно, что въ таблицѣ луннаго теченія ошибка, надо считать, что новолуніе 31-го августа случилось въ 11 часовъ дня, а не ночи, какъ напечатано въ мѣсяцесловѣ 1901, типиконѣ 1896 г., Слѣдованной псалтири временъ Александра I.

Въ единовѣрческой Слѣдованной псалтири напечатано правильно „дни“.

Кругъ луны 11. Числа рядовъ В и Е этого круга луны представляютъ особый интересъ. Во всѣхъ мѣсяцахъ, кромѣ мая и августа, числа этихъ рядовъ почти тожественны, являющаяся разница не превышаетъ нѣсколькихъ десятыхъ долей часа, но числа мая и

августа расходятся. Въ мѣсяцесловѣ, Типиконѣ и Слѣдованной псалтири временъ Александра I на 6-й строкѣ 11-го круга луны напечатано: мая 23-го въ „8 часовъ дня" рожденіе луны, въ Слѣдованной же псалтири единовѣрческой стоитъ „8 часовъ ночи". И та и другая запись, но въ разныхъ отношеніяхъ, не вѣрны. Въ первыхъ изданіяхъ эта запись не вѣрна потому, что это слишкомъ ранняя дата. Отъ 24-го апрѣля 11 часовъ (предыдущее новолуніе) данное новолуніе отстоитъ менѣе, чѣмъ на 29 дней (вмѣсто 29 дней 12 часовъ), а отъ 22-го іюня 13 часовъ дня оно отстоитъ болѣе, чѣмъ на 30 дней (вмѣсто 29 дней 12 часовъ). Въ единовѣрческой же Слѣдованной псалтири запись эта не вѣрна потому, что 23-го мая день длится 17 часовъ и 8-ми часовъ ночи 23-го мая не бываетъ.

Но если на 25 часовъ 23-го мая смотрѣть, какъ на сложное выраженіе 1-го часа 24-го мая, то запись Слѣдованной псалтири единовѣрцевъ можетъ разсматриваться, какъ вѣрная, что видно изъ чиселъ ряда Е, полученныхъ мною вычисленіемъ. Почему допущено такое громоздкое число, какъ 25-й часъ 23-го мая — это вопросъ другой. Но фактъ тотъ, что съ числовой точки зрѣнія въ единовѣрческой псалтири новолуніе указано въ вѣрный моментъ. Ошибка въ мѣсяцесловѣ и Типиконѣ очевидна. Но она въ былыя времена создана, повидимому, искусственно. Вѣроятно, когда-то кто либо изъ справщиковъ или переписчиковъ (до Александра I) замѣтилъ, что 8-ми часовъ ночи 23-го мая не бываетъ, поэтому вообразилъ, что въ этомъ мѣстѣ ошибка и исправилъ „ночь" на „день".

Еще интереснѣе ошибка даты августовскаго новолунія. Дата строки Е на 3 единицы менѣе даты строки В. Очевидно, что въ таблицѣ луннаго теченія сдѣлана ошибка. Возможно, что вмѣсто 1 часа ночи поставлено 4 часа ночи. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что 4 и 1 изображаются по славянски буквами д҃ и а҃, которыя въ наборѣ часто путаются. Въ Слѣдованной псалтири единовѣрцевъ въ этомъ мѣстѣ (12 строка 11-го круга луны) стоитъ августа 20-го дни часъ 14. Возможно, что именно эта запись и имѣлась прежде; ее можно признать правильной; ибо 14-ый часъ дня 20-го августа лишь на 1 часъ отличается отъ 1 часа ночи 20-го августа; вычисленія же даютъ въ сущности $14^1/_2$ часовъ. За округленіемъ можно принять 1) или 14 часовъ дня 20-го августа, 2) или 1 часъ ночи 20-го августа.

Я склоняюсь къ поправкѣ *первой*, т. е. нужно признать новолуніе въ моментъ, данный единовѣрческой Слѣдованной псалтирью, ибо такъ, вѣроятно, датировалось это новолуніе въ старину.

Кругъ луны 12. Разница (кромѣ чиселъ января) въ числахъ строки В и Е легко объясняется ошибками счета. Но дата январская въ мѣсяцесловѣ и Типиконѣ ошибочна; очевидно, надо считать, что новолуніе случилось 4-го января въ 1 часъ ночи, а не дня. Въ единовѣрческой Слѣдованной псалтири напечатано, какъ слѣдуетъ, „нощи"; 1 часъ ночи 4-го января какъ разъ соотвѣтствуетъ 9 часамъ отъ начала сутокъ.

Круги луны 13 и 14. Строки В и Е обоихъ круговъ вполнѣ согласны между собой. Въ мѣсяцесловѣ изданія 1901 года, очевидно, опечатка; новолуніе показано (а҃) (1-го) іюня, вмѣсто (л҃) (30-го) іюня.

Кругъ луны 15. Числа строкъ В и Е вполнѣ согласны, кромѣ даты декабря. Очевидно, въ мѣсяцесловѣ ошибка, надо новолуніе показать во 2-е декабря въ 11 часовъ ночи, а не дня (11-ти часовъ дня въ декабрѣ и не бываетъ). Въ единовѣрческой Слѣдованной псалтири написано правильно „нощи", а не „дни".

Кругъ луны 16, 17, 18 и 19. Числа строкъ В и Е вполнѣ согласны. Можно упрекнуть лишь даты послѣднихъ мѣсяцевъ 18-го круга.

Подобный анализъ можно произвести и со второй половиной таблицы луннаго теченія, т. е. съ датами полнолуній. Я произвелъ эти изысканія, но думается, что для цѣли, поставленной въ заголовкѣ статьи, приводить самыя вычисленія нѣтъ необходимости. Ограничиваюсь лишь приведеніемъ таблицы 7-й, въ которую внесены всѣ ошибки таблицы луннаго теченія во всѣхъ перечисленныхъ выше изданіяхъ. Изъ нея видно, что тщательнѣе всѣхъ напечатана таблица луннаго теченія въ единовѣрческой псалтири, мѣсяцесловъ же даетъ таблицу съ наибольшимъ числомъ ошибокъ и опечатокъ. Желательно, во имя реставраціи этого стариннаго памятника, исправить всѣ указанныя ошибки и недосмотры (см. далѣе § 7). (См. табл. на стр. 248, 249 и 250).

Результаты изученія лунной таблицы въ тѣсныхъ предѣлахъ каждаго отдѣльнаго круга могутъ быть изложены такъ:

1) Въ предѣлахъ каждаго круга лунаціи слѣдуютъ другъ за другомъ черезъ промежутки, равные длинѣ лунаціи, обозначенной подъ заглавіемъ въ таблицѣ луннаго теченія.

2) Въ таблицѣ есть опечатки и ошибки, легко исправляемыя при примѣненіи разработаннаго мною метода.

Таблица 7-ая.

Круги луны.	Замѣчанія.	Мѣсяцесловъ, изданіе 1901 года.					Типиконъ, изданіе 1896 года.					Единов. слѣдов. псалтирь 1902 года.				
		Мѣсяцъ.	Число.	Часть сутокъ.	Часъ.	Фаза.	Мѣсяцъ.	Число.	Часть сутокъ.	Часъ.	Фаза.	Мѣсяцъ.	Число.	Часть сутокъ.	Часъ.	Фаза.
1.	Напечат.	Сентябрь	24	ночь	8	ущербъ	Сентябрь	24	ночь	8	ущербъ	Сентябрь	24	ночь	8	ущербъ
	Надо.	—	—	—	2	—	—	—	—	2	—	—	—	—	2	—
	Напечат.	Октябрь	23	день	2	ущербъ	Октябрь	23	день	2	ущербъ	Октябрь	20	день	2	ущербъ
	Надо.	—	24	—	—	—	—	24	—	—	—	—	24	—	—	—
3.	Напечат.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Іюль	20	день	7	рожден.
	Надо.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	ночь	—	—
	Напечат.	Августъ	19	день	9	рожден.	Августъ	19	день	9	рожден.	—	—	—	—	—
	Надо.	—	—	—	1	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—
4.	Напечат.	Мартъ	13	день	13	рожден.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	Надо.	—	—	—	12	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	Напечат.	Августъ	23	ночь	1	ущербъ	Августъ	23	ночь	1	ущербъ	Августъ	23	ночь	8	ущербъ
	Надо.	—	22	—	10	—	—	22	—	10	—	—	22	—	10	—
	Напечат.	Январь	17	ночь	16	ущербъ	Январь	17	ночь	16	ущербъ	—	—	—	—	—
	Надо.	—	—	—	5	—	—	—	—	5	—	—	—	—	—	—
5.	Напечат.	Мартъ	17	ночь	10	ущербъ	Мартъ	17	ночь	10	ущербъ	—	—	—	—	—
	Надо.	—	—	день	—	—	—	—	день	—	—	—	—	—	—	—
	Напечат.	Іюнь	28	день	1	рожден.	Іюнь	28	день	1	рожден.	—	—	—	—	—
	Надо.	—	—	ночь	—	—	—	—	ночь	—	—	—	—	—	—	—
	Напечат.	Августъ	13	день	1	ущербъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	Надо.	—	12	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Круги луны.	Замѣчанія.	Мѣсяцесловъ, изданіе 1901 года.					Типиконъ, изданіе 1896 года.					Единов. слѣдов. псалтирь 1902 года.				
		Мѣсяцъ.	Число.	Часть сутокъ.	Часъ.	Фаза.	Мѣсяцъ.	Число.	Часть сутокъ.	Часъ.	Фаза.	Мѣсяцъ.	Число.	Часть сутокъ.	Часъ.	Фаза.
6.	Напечат.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Сентябрь	14	день	11	рожден.
	Надо.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	12	—
7.	Напечат.	Декабрь	15	ночь	6	ущербъ	Декабрь	15	ночь	6	ущербъ	—	—	—	—	—
	Надо.	—	—	—	16	—	—	—	—	16	—	—	—	—	—	—
8.	Напечат.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Май	2	день	8	ущербъ
	Надо.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	12	—	—	—
	Напечат.	Сентябрь	7	ночь	11	ущербъ	Сентябрь	7	ночь	11	ущербъ	Сентябрь	7	ночь	11	ущербъ
	Надо.	—	—	день	—	—	—	—	день	—	—	—	—	день	—	—
9.	Напечат.	Мартъ	18	день	6	рожден.	Мартъ	18	день	6	рожден.	Мартъ	18	день	6	рожден.
	Надо.	—	—	—	4	—	—	—	—	4	—	—	—	—	4	—
	Напечат.	Май	16	день	16	рожден.	Май	16	день	16	рожден.	Май	16	день	16	рожден.
	Надо.	—	—	—	6	—	—	—	—	6	—	—	—	—	6	—
10.	Напечат.	Августъ	31	ночь	11	рожден.	Августъ	31	ночь	11	рожден.	—	—	—	—	—
	Надо.	—	—	день	—	—	—	—	день	—	—	—	—	—	—	—
11.	Напечат.	Май	23	день	8	рожден.	Май	23	день	8	рожден.	—	—	—	—	—
	Надо.	—	—	ночь	—	—	—	—	ночь	—	—	—	—	—	—	—
	Напечат.	Августъ	20	ночь	4	рожден.	Августъ	20	ночь	4	рожден.	—	—	—	—	—
	Надо.	—	—	день	14	—	—	—	день	14	—	—	—	—	—	—
12.	Напечат.	Январь	4	день	1	рожден.	Январь	4	день	1	рожден.	—	—	—	—	—
	Надо.	—	—	ночь	—	—	—	—	ночь	—	—	—	—	—	—	—

Круги луны.	Замѣчанія.	Мѣсяцесловъ, изданіе 1901 года.					Типиконъ, изданіе 1896 года.					Единов. слѣдов. псалтирь 1902 года.				
		Мѣсяцъ.	Число.	Часть сутокъ.	Часъ.	Фаза.	Мѣсяцъ.	Число.	Часть сутокъ.	Часъ.	Фаза.	Мѣсяцъ.	Число.	Часть сутокъ.	Часъ.	Фаза.
13.	Напечат.	Іюнь	1	день	7	рожден.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	Надо.	—	30	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
15.	Напечат.	Декабрь	2	день	11	рожден.	Декабрь	2	день	11	рожден.	—	—	—	—	—
	Надо.	—	—	ночь	—	—	—	—	ночь	—	—	—	—	—	—	—
18.	Напечат.	Іюль	19	ночь	3	ущербъ	Іюль	19	ночь	3	ущербъ	Іюль	19	ночь	3	ущербъ
	Надо.	—	—	—	2	—	—	—	—	2	—	—	—	—	2	—
	Напечат.	Сентябрь	16	ночь	1	ущербъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	Надо.	—	—	—	6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
19.	Напечат.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Май	18	ночь	3	ущербъ
	Надо.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	10	—	—	—
Итого ошибокъ . . .		0	4	8	11	0	0	2	8	9	0	0	4	2	6	0
Всего ошибокъ . . .				23					19					12		

3) Въ общемъ ошибокъ не много.

4) Начало счета часовъ въ каждыя сутки всего года въ таблицѣ луннаго теченія одинаково. Это начало равно неизвѣстному началу сутокъ въ мартѣ.

Такимъ образомъ намъ предстоитъ, если окажется возможнымъ, рѣшить вопросъ, какое начало сутокъ таблица луннаго теченія признаетъ въ мартѣ мѣсяцѣ, а потому и во всѣхъ остальныхъ мѣсяцахъ.

§ 4.

Такъ какъ церковный календарь состоитъ изъ года въ 365 дней, то въ 19-ти годахъ всего 6.935 дней (365 × 19). По Метону въ 19-ти годахъ 235 лунацій. Поэтому каждая лунація должна была бы равняться 29 днямъ 12,2553 часа (= 6.935 : 235) или, какъ сказали бы въ старину, 29 дней и 12 часовъ и одна четверть часа (въ приблизительномъ счетѣ исходными дробями).

Такимъ образомъ показанная въ таблицахъ лунація не есть средняя лунація девятнадцатилѣтняго періода. Не трудно видѣть, что это лунація Калиппова цикла. Извѣстно, что астрономъ Калиппъ (въ IV вѣкѣ до Р. Хр.), зная, что тропическій годъ равенъ приблизительно 365 дней 6 часовъ, замѣтилъ, что метоновъ циклъ не точенъ, и что только въ 4.19, т. е. въ 76 годахъ, вмѣщается 940 лунацій (235 × 4) = 27,759 днямъ (365 д. 6 ч. × 76). Поэтому одна лунація равна 29 днямъ 12,7404 часамъ (приблизительно) или по старинному счету исходными дробями 29 дней 12 часовъ и полчаса и одна пятая часть часа (= 29 дней 12,7 часа).

Такимъ образомъ въ 19-ти лѣтній періодъ вставлена лунація изъ 76-ти лѣтняго цикла. (См. § 7-й).

Если бы въ 19-ти лѣтній циклъ вставлять лунацію 76-ти лѣтняго цикла безъ всякихъ поправокъ, то, конечно, 235 лунацій сильно разошлись бы съ 19-ти лѣтнимъ періодомъ; но подпись послѣ конца круговъ говоритъ, что по окончаніи 19-ти лѣтняго періода должно „паки начать отъ перваго круга“. При чемъ „никогда же бо не скончавается реченное число“. Откуда заключаемъ, что въ слѣдованіи лунацій дѣлаются перерывы, вводятся укороченныя лунаціи, которыя и даютъ возможность замкнуть 19-ти лѣтній циклъ. Будемъ разность между табличной лунаціей (въ 29 дней 12,7 часа) и укороченной лунаціей называть *поправкой* таблицы луннаго теченія. Въ таблицѣ луннаго теченія можно усмотрѣть, какъ велики и какъ распредѣлены поправки въ кругахъ луны.

Для облегченія разсмотрѣнія мною составлена таблица 8-я. (См. табл. на стр. 253).

Въ составъ ея между прочимъ вошли изъ таблицы 4 исправленныя даты февральскихъ новолуній (II) для каждаго круга (I) луны; затѣмъ исправленное мартовское новолуніе (III) каждаго круга луны (IV). При чемъ февральское новолуніе (II) одного какого либо круга занесено въ одной строкѣ съ мартовскимъ новолуніемъ (III) слѣдующаго круга луны (IV). Въ графѣ V помѣщены даты мартовскихъ полнолуній, полученныя слѣдующимъ пріемомъ: къ февральскому новолунію каждаго полнаго круга прибавлялась величина одной лунаціи (за округленіемъ) 29 дней 13 часовъ (вмѣсто 29 дней 12,7 часа). Изъ полученной суммы вычитается 28 дней (число дней февраля 365-ти дневнаго года); полученная разность даетъ (V) дату марта слѣдующаго (n + 1) круга луны. Въ эту дату пришлось бы мартовское новолуніе (n + 1) круга, если бы каждая лунація дѣйствительно равнялась 29 днямъ 12,7 часа. Разность (графа VI) между числомъ V графы и III графы даетъ величину введенной въ таблицу поправки.

Пояснимъ сказанное примѣромъ.

Изъ таблицы 8-й видно, что февральское полнолуніе 13-го круга луны падаетъ на 21-е февраля 13 часовъ (смотри таб. 4).

Прибавляемъ къ этому числу 29 дней 13 часовъ, получаемъ, что слѣдующее новолуніе пришлось бы 51-го февраля въ 2 часа или, что то же, въ 2 часа 23-го марта слѣдующаго 14-го круга луны. Но изъ таблицы 8-й видно, что въ 14-мъ кругѣ (столбцѣ IV) мартовское новолуніе падаетъ по таблицѣ на 20 часовъ 22-го марта. А это значитъ, что въ таблицѣ луннаго теченія въ началѣ 14-го круга луны сдѣлана поправка въ 6 (графа VI) часовъ, ибо 23-го марта 2 часа— 22-го марта 20 часовъ = 6 часамъ.

Изъ разсмотрѣнія графы VI видно, какъ распредѣлена поправка новолуній. (Подобная же поправка сдѣлана и для полнолуній).

Можно видѣть, что распредѣленіе поправокъ сдѣлано чрезвычайно хорошо: каждое мартовское новолуніе начинается на 6-ть часовъ ранѣе, чѣмъ слѣдовало бы въ предположеніи, что лунація имѣетъ величину, обозначенную въ таблицѣ луннаго теченія (± 1 часъ есть qn). Это 6-ти часовое укорачиваніе послѣдней лунаціи каждаго круга луны весьма естественно. Въ самомъ дѣлѣ, Калиппова лунація, принятая въ предѣлахъ каждаго круга (29 дней 12,7404 часа), длиннѣе Метоно-Созигеновской (29 дней 12,2553 часа) на 0,4851 часа. Если бы

Таблица 8-ая.

НОВОЛУНІЕ.									ОСНОВАНІЯ.					
Круга луны.	Февральское.		Мартовское (исправл.).		Круги луны.	Мартовское, подсчитанное по февральской датѣ.		Разность этихъ датъ въ часахъ.	Таблицы луннаго теченія.		Теоретическія основанія.		Абсолютная разность основаній въ часахъ.	Кругъ луны.
	Дни.	Часы.	Дни.	Часы.		Дни.	Часы.		Дни.	Часы.	Дни.	Часы.		
19	15	8	16	15	1	16	21	6	14	1	13	21	4	1
1	4	11	5	18	2	5	24	6	25	11	24	18	17	2
2	23	3	24	9	3	24	16	7	6	2	6	3	1	3
3	12	6	13	12	4	13	18	6	17	23	16	24	23	4
4	1	8	2	15	5	2	21	6	28	8	27	21	11	5
5	19	24	21	7	6	21	13	6	9	5	9	5	0	6
6	9	3	10	10	7	10	16	6	20	21	20	2	19	7
7	27	19	29	1	8	29	8	7	1	10	1	11	1	8
8	16	21	18	4	9	18	10	6	12	7	12	8	1	9
9	5	24	7	7	10	7	13	6	23	4	23	5	1	10
10	24	16	25	23	11	26	5	6	4	13	4	13	0	11
11	13	19	15	2	12	15	8	6	15	10	15	10	0	12
12	2	22	4	4	13	4	10	6	26	7	26	8	1	13
13	21	13	22	20	14	23	2	6	7	15	7	16	1	14
14	10	16	11	23	15	12	5	6	18	13	18	13	0	15
15	30	19	1	2	16	1	8	6	29	10	29	10	0	16
16	18	11	19	17	17	19	24	7	11	18	10	19	23	17
17	7	14	8	20	18	9	3	7	22	5	21	16	13	18
18	26	5	27	12	19	27	18	6	3	1	3	0	1	19
I.	II.		III.		IV.	V.		VI.	VII.		VIII.		IX.	IV.

вся таблица луннаго теченія состояла изъ калипповыхъ лунацій, то 235 лунацій оказалось бы длиннѣе 19-ти постоянныхъ годовъ юліанскаго календаря (въ 365 дней) на 113,998 = 114 часовъ = 0,4851 × × 235. Дѣля 114 часовъ на 19, получаемъ, что на каждый годъ 19-ти лѣтняго цикла удлиненіе равно 6 часамъ (114 : 19 = 6).

И такъ:

1) Таблица луннаго теченія состоитъ изъ 216 лунацій (235 — 19) по 29 дней 12 часовъ $^1/_2$ часа и $^1/_5$ часа и изъ 19-ти укороченныхъ лунацій въ 29 дней 6 часовъ $^1/_2$ часа и $^1/_5$ часа.

2) Укороченныя лунаціи—послѣднія въ каждомъ изъ цикловъ, т. е. каждое первое (мартовское) новолуніе каждаго изъ 19 круговъ луны начинается ранѣе, чѣмъ слѣдовало бы, на 6 часовъ.

Изъ таблицы луннаго теченія въ таблицу 8-ю перенесены такъ называемыя *основанія* (съ часами) каждаго круга луны (графа VII).

Въ учебникахъ пасхаліи выясняется, что основаніе есть возрастъ луны къ 1-му марта.

При бѣгломъ осмотрѣ таблицы луннаго теченія, заглавіе, приводимое при каждомъ кругѣ луны, производитъ впечатлѣніе, что „основаніе“ есть какъ бы нѣкоторое отвлеченное число. Но это, конечно, не такъ.

„Основаніе“ есть въ сущности именованное число, и есть число *дней* возраста луны къ 1-му марта. Если бы февральская лунація имѣла такую же величину, какъ и всѣ остальныя лунаціи, то „основаніе и часъ“ были бы совершенно излишни. Но такъ какъ февральская лунація укорочена, то у составителей таблицы луннаго теченія явилась мысль дать для каждаго круга луны то число дней и часовъ, которое дополняло бы число дней отъ 1-го марта до мартовской лунаціи до полной табличной лунаціи. Это число дней и часовъ и есть „основаніе и часъ“ каждаго круга луны.

Возможно было бы опредѣлить начало счета часовъ на Руси по таблицѣ луннаго теченія, если бы оказалось, что основанія перенесены въ таблицу луннаго теченія безъ всякихъ измѣненій изъ тѣхъ таблицъ луннаго теченія, которыя были перечислены для русскихъ.

Въ самомъ дѣлѣ, допустимъ, что мы взяли кругъ съ „основаніемъ 27 часъ 15“ (такого, впрочемъ, круга нѣтъ); пусть мартовское новолуніе въ этомъ кругѣ показано 2-го марта 12 часа. Если основаніе есть 27 дней 15 часовъ, то это значитъ, что до конца лунаціи, т. е. до начала слѣдующаго новолунія, осталось 1 день 21 часовъ (= 29 дн. 12,7 — 27 дн. 15 час.). Это означало бы также, что

мартовское новолуніе должно было бы быть 2-го марта въ 22 часу. Но оно показано 2-го марта въ 12 часовъ.

Назовемъ первоначальный счетъ времени, по которому предположительно была написана таблица луннаго теченія, *византійскимъ*. Тогда мы могли бы установить слѣдующее равенство: 2-го марта 22 часовъ византійскаго счета соотвѣтствуетъ 2-му марта 12 часамъ русскаго счета. Это значитъ, что русскій счетъ отстаетъ отъ византійскаго счета на 10 часовъ. Если мы знаемъ византійскій, то будемъ знать и русскій счетъ.

Къ сожалѣнію, ничего подобнаго въ нашей лунной таблицѣ не замѣчается.

Въ графѣ VIII таблицы 8 мною вычислены *теоретическія*, такъ сказать, основанія для мартовскихъ датъ новолунія каждаго круга луны. Способъ вычисленія виденъ изъ слѣдующихъ 2-хъ примѣровъ.

Изъ таблицы луннаго теченія видно, что новолуніе 2-го круга луны показано въ таблицѣ луннаго теченія 5-го марта въ 18 часовъ. Это значитъ, что въ мартѣ этого круга луны старая луна (т. е. февральская 1-го круга луны) длится 4 дня 18 часовъ.

Слѣдовательно, основаніемъ этого 2-го круга луны должно быть число, дополняющее 4 дня 18 часовъ до полной лунаціи, т. е. до 29 дней 12,7 часа. На основаніи этихъ данныхъ получаемъ, что вычисленный возрастъ луны къ 1-му марта („теоретическое основаніе") второго круга луны есть 24 дня 18 часовъ (приблизительно).

Еще примѣръ. Въ 11 кругѣ луны новолуніе показано 25-го марта 23 часа. Это значитъ, что лунація, начавшаяся въ февралѣ, а слѣдовательно въ истекшемъ солнечномъ году, въ мартѣ новаго гражданскаго (мартовскаго) года тянется 24 дня 22 часа. Теоретическое основаніе 11-го круга луны, слѣдовательно, есть 29 дн. 12 час. — 24 дн. 22 час. = 4 дн. 14 час. (±1) часа.

На основаніи только что сказаннаго объ укороченной величинѣ послѣдней лунаціи каждаго круга луны, можно было бы теоретическія основанія подсчитать и иначе: 1) можно опредѣлить число дней и часовъ отъ февральскаго новолунія до конца февраля и 2) къ полученному числу придать 6 часовъ. Такъ, напримѣръ, въ 10 кругѣ луны февральское новолуніе совершается 24-го февраля въ 16 часовъ. Это значитъ, что въ февралѣ лунація длится 28 — 23 дня 16 часовъ = 4 днямъ 8 часовъ; слѣдовательно, теоретическое основаніе 11-го круга луны равно 4 днямъ 14 часамъ (±1 часъ). И т. п.

Не трудно видѣть, что постоянной разницы между теоретическимъ основаніемъ и табличнымъ не существуетъ: 1) въ 12-ти случаяхъ эти числа, правда, совпадаютъ (разница въ ± 1 есть qn), но 2) въ 7 случаяхъ разница между основаніями довольно велика—отъ 4-хъ до 23-хъ часовъ.

Чѣмъ объяснить этотъ фактъ? Допустить только однѣ ошибки и опечатки, конечно, нельзя. Мы видѣли изъ анализа самой таблицы луннаго теченія, что въ ней, вообще говоря, ошибокъ не много. Поэтому допустить „просто" ошибки въ 7-ми числахъ изъ 19-ти невозможно.

Достойно всякаго вниманія то обстоятельство, что различія между теоретическими и табличными основаніями не раскинуты по таблицѣ основаній, а сконцентрированы при концахъ ея, если не считать разницы ($+19$) при 7-мъ кругѣ луны.

Это послѣднее обстоятельство указываетъ на то, что есть какая-то общая причина возникновенія этой разницы. Прежде всего я считаю важнымъ раздѣлить 7 чиселъ разности основаній на 2 категоріи.

1) Разница при 7-мъ кругѣ луны въ 19 часовъ, 2) разница при 2-мъ (17 час.), 4-мъ (23 час.), 5-мъ (11 час.), 17-мъ (23 часа) и 18-мъ (13 час.) кругахъ луны. Разницы послѣдней категоріи всѣ вида: $6n \pm 1$ часъ. А такъ какъ ± 1 часъ есть величина qn, то разность 2-й категоріи можно считать типа *6n*, т. е. числами кратными 6-ти (часамъ).

Я позволяю высказать слѣдующую догадку о возникновеніи этой разницы.

§ 5.

Извѣстно, что христіанская пасха опредѣляется въ зависимости отъ такъ называемаго пасхальнаго полнолунія.

Пасхальное полнолуніе есть то полнолуніе, которое наступаетъ черезъ 14 дней послѣ новолунія и случается послѣ или въ день 21-го марта. Такимъ образомъ для пасхалистовъ важно умѣть опредѣлять простѣйшимъ образомъ новолунія, въ частности мартовскія новолунія (и полнолунія).

Справляться съ астрономическими таблицами дѣло сложное; а потому церковные писатели древности ввели въ свои вычисленія не реальную луну, а нѣкоторую фиктивную, табличную. Подобныхъ таблицъ существовало нѣсколько типовъ.

Были таблицы съ 19-ти лѣтнимъ періодомъ (циклъ Метона), съ 84-хъ лѣтнимъ, 76-ти лѣтнимъ и т. д.

Наилучшимъ цикломъ, простымъ и удобнымъ, является однако циклъ Созигено-Метоновскій. Созигенъ, недюжинный математикъ и въ то же время человѣкъ хорошаго практическаго ума, несомнѣнно, хорошо зналъ циклы Метона и Калиппа. Для цѣлей благоустройства юліанскаго календаря ему надо было въ свой солнечный календарь вмѣстить и лунный календарь. Думаю я, что онъ отлично зналъ несовершенства Метонова цикла и (сравнительныя, конечно) достоинства нѣсколько громоздкаго калиппова цикла. Но Созигенъ, а можетъ быть кто либо изъ его послѣдователей, предпочелъ практичность точности и рѣшилъ ввести въ свой календарь циклъ Метона, однако въ своей собственной передѣлкѣ.

Можетъ быть, какъ думаетъ проф. Кинкелинъ, еще самъ Созигенъ вмѣстилъ 235 лунацій (почти 6.940 дней) въ свой постоянный календарь (въ 365 дней), принявъ за схему порядокъ, котораго нынѣ держатся евреи. Евреи въ основѣ своего времясчисленія имѣютъ счисленіе по довольно точнымъ лунаціямъ; свой лунный годъ евреи начинаютъ съ нѣкотораго момента (Моледъ Тишри); годъ содержитъ либо 12, либо 13 (точныхъ) лунацій, поэтому лунный годъ не заключаетъ въ себѣ цѣлаго числа дней. Въ гражданской же жизни евреи держались счисленія годами съ *цѣлымъ* числомъ дней. Гражданскій годъ извѣстными правилами удерживается въ возможной близости къ лунному году [1]).

Гражданскіе мѣсяцы имѣютъ то 30, то 29 дней и слѣдуютъ другъ за другомъ въ нѣкоторомъ опредѣленномъ порядкѣ. Совокупность 12-ти и 13-ти такихъ мѣсяцевъ составляетъ гражданскіе года. Гражданскіе года имѣютъ разное число дней, но средняя величина многихъ гражданскихъ еврейскихъ лѣтъ близка къ величинѣ тропическаго года, Евреи такимъ образомъ очень удачно рѣшаютъ вопросъ о вмѣщеніи цѣлаго числа лунацій въ солнечные года. Ихъ времясчисленіе недаромъ называется лунно-солнечнымъ. Основной идеей этого календаря, извѣстной задолго до составленія еврейскаго счета, воспользовался устроитель луннаго календаря. Онъ ввелъ 1) 12-ти мѣсячные годы,

---

[1]) Времясчисленіе древнихъ евреевъ въ точности неизвѣстно, но оно было, вѣроятно, близко къ современному. Подробно еврейское времясчисленіе изложено въ моей работѣ „Н. В. Степановъ. Новый стиль и православная Пасхалія. Москва, 1907 г.“

въ которыхъ лунаціи имѣли поочередно 30 и 29 дней, и 2) 13-ти мѣсячные годы, въ которыхъ было 7 тридцатидневныхъ мѣсяцевъ и шесть двадцатидевятидневныхъ, за исключеніемъ одного года (послѣдняго въ циклѣ), въ которомъ 13-й лунный мѣсяцъ имѣлъ 29 дней. Удачная комбинація двѣнадцати 12-ти мѣсячныхъ годовъ и семи 13-ти мѣсячныхъ давала 19-ть лунныхъ годовъ, содержащихъ 235 лунныхъ мѣсяцевъ въ 6.935 дней, т. е. какъ разъ столько, сколько дней въ 19-ти постоянныхъ годахъ.

Христіанскіе компутисты воспользовались этимъ расписаніемъ и выработали слѣдующую систему узнавать день мартовскаго новолунія каждаго года.

1) Пусть первый годъ луннаго цикла начинается новолуніемъ 1-го марта. 12-ть слѣдующихъ лунацій (30 + 29 + 30 + 29 + 30 + + 29 + 30 + 29 + 30 + 29 + 30 + 29) имѣютъ 354 дня. Слѣдовательно, лунный годъ закончится за 11 дней (365—354) до конца юліанскаго года. Въ первое марта слѣдующаго года, второго круга луны, луна вступитъ 11-ти дневной. 11 называется эпактой (юліанской) 2-го круга луны, новолуніе случится, слѣдовательно, 19-го марта. 2-й лунный годъ закончится, слѣдовательно, за 11 дней до предыдущаго своего конца, т. е. за 22 дня до 1-го марта; 22 — есть юліанская эпакта 3-го круга луны. Третій годъ, если бы онъ былъ 12-ти мѣсячный, закончился бы за 33 дня до 1-го марта, но въ 33-хъ дняхъ помѣщается одна лунація (13-я) въ 30 дней; а потому 3-й лунный годъ закончится за 3 дня (33 — 30) до 1-го марта; 3 будетъ эпактой 4-го круга луны.

Продолжая эти разсужденія далѣе, мы получимъ, что

эпакта	2-го	круга	луны	= 11
„	3-го	„	„	= 22
„	4-го	„	„	= 3
„	5-го	„	„	= 14
„	6-го	„	„	= 25
„	7-го	„	„	= 6 и т. д.

Эпакта каждаго года равна эпактѣ предыдущаго + 11 за вычетомъ 30, если можно вычесть.

Эпакта 19-го круга луны оказывается 18. Это значитъ, что эпакта 20-го, т. е. 1-го круга луны, есть 29. Луна въ 1-й кругъ вступаетъ двадцатидевятидневной. Но мы уже сказали, что по идеѣ устроителя луннаго календаря въ послѣднемъ кругѣ добавочная луна (13-я) имѣетъ

не 30, а 29 дней. Это значитъ, что эпакта 29 можетъ быть принятой равной 0, т. е. что новолуніе въ 1-мъ кругѣ совершается 1-го марта.

Циклъ, слѣдовательно, замкнутъ. Приводимъ полный списокъ юліанскихъ эпактъ.

въ	1	кругѣ эпакта	29 или 0	въ	11	кругѣ эпакта	20
„	2	„ „	11	„	12	„ „	1
„	3	„ „	22	„	13	„ „	12
„	4	„ „	3	„	14	„ „	23
„	5	„ „	14	„	15	„ „	4
„	6	„ „	25	„	16	„ „	15
„	7	„ „	6	„	17	„ „	26
„	8	„ „	17	„	18	„ „	7
„	9	„ „	28	„	19	„ „	18
„	10	„ „	9				

Этотъ кругъ луны въ церковной практикѣ, въ зависимости отъ соображеній разныхъ авторитетныхъ лицъ, подвергался перестановкамъ. Такъ иные за первый кругъ считали тотъ, который начинался съ эпакты 26, 2-мъ былъ съ эпактой 7, 3-й съ эпактой 18, 4-й съ эпактой 29 или 0 и т. д., т. е. 1-мъ считался тотъ, который стоитъ въ нашей таблицѣ подъ 17-мъ номеромъ; былъ циклъ, 1-й кругъ котораго начинался съ эпакты 3; былъ циклъ, въ которомъ 1-й кругъ начинался съ эпакты 14, 2-й—съ эпактой 25 и т. д.

Отсюда видно, что наибольшимъ колебаніямъ подвергались 17, 18, 19, 1, 2, 3 и 4 круги луны. Циклъ, который образованъ кругами луны съ основаніями, занесенными въ таблицу луннаго теченія, вполнѣ тожествененъ съ приведеннымъ сейчасъ цикломъ. Разница состоитъ только въ томъ, что за первый кругъ въ таблицѣ луннаго теченія принятъ тотъ, въ которомъ эпакта (= основаніе) есть 14 (циклъ Діонисія).

Принимая во вниманіе эту краткую исторію возникновенія и перестановокъ юліанскихъ основаній, невольно приходишь къ мысли, не были ли нѣкогда теоретическія табличныя основанія (графа VIII, табл. 8) передѣланы съ цѣлью сдѣлать эти основанія равными юліанскимъ эпактамъ. Сравненіе основаній таблицы луннаго теченія (графа VII, табл. 8) съ юліанскими эпактами, убѣждаетъ въ ихъ тожествѣ (если не обращать вниманія на часы). Вотъ почему я полагаю, что таблица луннаго теченія имѣла совершенно самостоя-

тельное, независимое отъ пасхаліи, происхожденіе. У ней были нѣкогда свои основанія, близкія къ тѣмъ, которыя я назвалъ „теоретическими", но впослѣдствіи эти „теоретическія" основанія были передѣланы для согласованности этой таблицы съ пасхальной лунной таблицей основаній (кругъ луны) и передѣланы такъ, что вновь введенныя основанія стали *равными* юліанскимъ основаніямъ. Эта точка зрѣнія на причину разницы между теоретическими и табличными основаніями хорошо объясняетъ причину разницы этихъ основаній въ кругахъ 1, 2, 4, 5, 17 и 18-мъ (если не обращать вниманія на „часы"). Что разница эта выражается числами, кратными 6-ти, то это, вѣроятно, происходитъ отъ того, что передѣлыватели этихъ основаній неправильно понимали значеніе того, что февральская луна укорачивается на 6 часовъ.

§ 6.

Если даже не признавать справедливости моего объясненія разницы между теоретическими основаніями и табличными, то все-таки, опираясь на тожество этихъ основаній въ 12-ти случаяхъ изъ 19-ти, можно заключить, что таблица луннаго теченія, помѣщаемая въ русскихъ церковныхъ книгахъ, представляетъ собою копію съ нѣкотораго оригинала, написаннаго по счету часовъ съ опредѣленнымъ началомъ счета сутокъ.

Вслѣдствіе того, что разность между *теоретическимъ* основаніемъ и табличнымъ равна 0, а не нѣкоторой конечной величинѣ, отличной отъ 0, судить по строю таблицы о началѣ суточнаго счета часовъ невозможно. Для сужденія объ этомъ началѣ пришлось бы обратиться къ изученію неизвѣстнаго оригинала этой таблицы.

Я не считаю за оригинальныя таблицы луннаго теченія въ греческихъ церковныхъ книгахъ, ибо и онѣ представляютъ собою копію съ нѣкотораго оригинала, пересчитанную на новый счетъ.

Возможно даже предположить, что оригиналъ былъ датированъ со счетомъ сутокъ отъ *полудня*, но впослѣдствіи перечисленъ для Греціи на иное начало.

Дѣло въ томъ, что строй таблицы луннаго теченія, выдержанность метода, остроуміе поправокъ мартовскихъ лунацій и т. п.—все это свидѣтельствуетъ, что таблица эта вычислена первоначально опытной рукой хорошаго астронома. Но извѣстно, что еще со временъ Птоломея астрономы начало сутокъ считали съ 12-ти часовъ дня и ведутъ счетъ часовъ отъ 1 до 24 часовъ (F. Rühl. Chronologie des

Mittelalters. Berl. 1897, стр. 10). Справедлива или несправедлива эта догадка, для цѣлей нашей статьи—безразлично: такъ какъ мною доказано, что наша таблица луннаго теченія датирована по счету часовъ отъ единаго для всѣхъ дней въ году начала, то содѣйствовать разрѣшенію вопросовъ о счисленіи часовъ въ старину эта таблица не можетъ.

Въ самомъ дѣлѣ, внимательное чтеніе памятниковъ глубокой русской старины приводитъ къ несомнѣнному выводу, что начало счета часовъ на Руси было пріурочено къ *началу* дня, т. е. инсоляціоннаго періода сутокъ. Въ этомъ убѣждаетъ и счетъ часовъ сутокъ въ лунной таблицѣ.

Судя по тому, что въ таблицѣ луннаго теченія число часовъ дня и ночи равняется тому числу часовъ, которое показано въ мѣсяцесловахъ, слѣдовало бы думать, что начало счета числа часовъ пріурочивалось къ восходу солнца, или къ періоду близкому къ нему. А если такъ, то необходимо принять (для широтъ Россіи), что начало сутокъ въ разные мѣсяцы года мѣняло свое мѣсто относительно, напримѣръ, полуночи.

Меня въ этомъ убѣждаютъ соображенія такого рода. Въ тѣ далекія времена, свидѣтелями которыхъ были наши лѣтописцы, люди, благодаря простотѣ своихъ воззрѣній, оцѣнивали природу только по внѣшнимъ явленіямъ: солнце двигалось вокругъ земли, луна и звѣзды созданы для освѣщенія ночи, время состояло изъ смѣнъ дня и ночи; *днемъ* считалось „разстояніе", по которому „отъ востока до запада надъ землею солнце теченіе свое имать", „разстояніе ночи есть отъ запада до востока подъ землею", гдѣ „солнце теченіе свое имать". Сутокъ, какъ недѣлимаго цѣлаго, не было. Понятно, что счетъ длительности „разстоянія дня" и „разстоянія ночи" долженъ былъ быть связанъ съ самымъ „разстояніемъ". Начало счета частей дня и ночи (напр. часовъ) должно было быть перемѣнною величиной, благодаря колебаніямъ длительности этихъ протяженій.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ, напримѣръ, восходъ солнца предваряетъ восходъ солнца въ декабрѣ на пять—шесть часовъ. Между тѣмъ, я доказалъ, что таблица луннаго теченія датирована сутками съ постояннымъ для всѣхъ сутокъ началомъ.

Все это убѣждаетъ меня, что часосчисленіе таблицы луннаго теченія не соотвѣтствуетъ дѣйствительному счисленію часовъ въ старину. Изученіе таблицы луннаго теченія приводитъ къ мысли, что таблица эта перечислена по заказу, спеціально для русскихъ, чело-

вѣкомъ, не совсѣмъ ясно представлявшимъ себѣ смыслъ взятой на себя работы, иначе онъ не перечислилъ бы таблицу на часосчисленіе, съ постояннымъ началомъ сутокъ отъ начала дня. Впрочемъ, послѣднее требуетъ значительныхъ оговорокъ: возможно, что перечисленіе таблицы сдѣлано русскимъ, не вполнѣ ясно понимавшимъ составъ часовъ таблицы луннаго теченія. Въ этой „возможности" можно убѣдиться изъ изученія одного изъ памятниковъ XVII вѣка.

§ 7.

До нашихъ временъ дошло нѣсколько сборниковъ статей „изъ астрономіи съ нѣмецкихъ переводъ", принадлежащихъ перу писателей XVII вѣка. Одинъ изъ такихъ сборниковъ переизданъ (Счетная мудрость) Обществомъ любителей древней письменности въ 1879 году. Изданіе это въ настоящее время представляетъ библіографическую рѣдкость [1]).

Въ одной изъ статей этой рукописи опредѣляется длина синодическаго и сидерическаго мѣсяца. Сидерическій мѣсяцъ оказывается равнымъ 27 днямъ 16 часамъ 13 минутамъ „да $\frac{2569}{9369}$ изъ одное минуты". Синодическій мѣсяцъ оказывается равнымъ 29 днямъ 12 часамъ 45 минутамъ „да $\frac{1625}{6583}$ единыя минутъ"... (1-ое).

Затѣмъ приводится опредѣленіе длины тропическаго года. Тропическій годъ оказывается равнымъ 365 днямъ 5 часамъ „до 5 миніютенъ да $\frac{1450}{2029}$ долей минютъ".

Въ сборникѣ имѣется, между прочимъ, статья: „Объ лунномъ теченіи, какъ искать мѣсяцомъ рожденіе".

Въ статьѣ рѣшаются двѣ главнѣйшія задачи (съ примѣрами):

1) опредѣлить мартовское новолуніе любого круга луны;

2) опредѣлить новолуніе (и иныя фазы) любого мѣсяца, любого круга луны по мартовскому новолунію.

Нахожденіе мартовскаго новолунія сводится къ ряду вычисленій, которыя могутъ быть нынѣ изображены формулой

$$Xn = B - (n - 1)\ (28 - A) + pC,$$

гдѣ n есть кругъ луны, Xn мартовская (искомая) дата новолунія

---

[1]) „Счетная мудрость". С.-Пб. 1879 г. Я знаю ее, къ сожалѣнію, лишь по изложенію и выдержкамъ, которыя помѣщены въ книгѣ: „Очерки исторіи развитія физико-математическихъ знаній въ Россіи". Т. I, XVII столѣтіе. Изслѣдованіе В. В. Бобынина, выпускъ 2. Москва 1893 г. Отсюда же взято опредѣленіе „дня" и „ночи".

n-го круга луны, А = 17 дн. 2 час. 53 мин. 5 сек. и называется числомъ умножательнымъ, В = 16 дн. 15 час. 23 мин. 11 сек. и называется числомъ прилагательнымъ, С = 29 дн. 12 час. 44 мин. 20 сек. и называется числомъ прибыльнымъ, р есть такое наименьшее цѣлое число, при которомъ Хn есть число положительное.

Вычисленія производятся по детально формулированнымъ правиламъ, безъ всякаго доказательства справедливости этихъ правилъ. Къ числу данныхъ относятся: „въ первой лунѣ марту рожденіе въ 16 дни въ 15 часу въ 23 минуте въ 11 секунде“ (см. число В, прилагательное). Далѣе дается:

„каяжда луна имать 29 дней и полдня и полчаса и пятую часть часа“... (2-е).

Не трудно видѣть, что число прибыльное 29 дн. 12 час. 44 мин. 20 сек.... (3-е) есть новое третье по счету выраженіе длины синодическаго мѣсяца.

Прежде всего изъ сопоставленія этихъ данныхъ вытекаетъ: 1) авторъ статей неясно представлялъ себѣ, что такое синодическій мѣсяцъ, такъ какъ онъ даетъ три выраженія длительности его; 2) „таблица луннаго теченія“, проанализированная нами въ предыдущихъ параграфахъ, существовала до XVII вѣка: авторъ статей счелъ нужнымъ привести длину „каждой луны“, такъ какъ, вѣроятно, думалъ, что истинная величина лунаціи и есть длина табличной лунаціи (29 дн. 12 час. и $^1/_2$ часа и $^1/_5$ часть часа); едва ли авторъ подозрѣвалъ, что „прибыльное“ число есть длина лунаціи, иначе онъ не помѣстилъ бы среди данныхъ длину „табличной“ лунаціи (2-й) и 1-й.

Чтобы выяснить себѣ, что такое есть число „умножательное“, т. е. число, обозначенное буквой А, сдѣлаемъ слѣдующій подсчетъ.

12 лунацій, длительность которыхъ фигурируетъ въ вычисленіяхъ подъ видомъ числа прибыльнаго, содержатъ въ себѣ 354 дн. 8 час. 53 мин. 5 сек. (авторъ принимаетъ, что 1 мин. = 47 секундамъ).

Пусть тропическій годъ содержитъ въ себѣ 365 дней х часовъ.

12 лунацій заканчиваются ранѣе тропическаго года на

365 дн. х час. — 354 дн. 8 час. 53 мин. 5 сек =
1 дн. х час. — 8 час. 53 мин. 5 сек.... (Д).

Если бы всѣ 19 лунныхъ лѣтъ были 12-ти мѣсячныя, то они отступили бы отъ конца 19-ти тропическихъ лѣтъ на 19 (1 дн. х час. — — 8 час. 53 мин. 5 сек.)... (Е).

Для компенсаціи этихъ отступленій введено 7 эмболимическихъ

лѣтъ, по 13 лунацій; иначе 7 лунацій сверхъ 19. 12. Поэтому 19 (1 дн. x час. — 8 час. 53 мин. 5 сек.) = 7. 29 дн. 12 час. 44 м. 20 с.

Открывая скобки и производя всѣ необходимыя вычисленія, найдемъ, что x = 6 час.

Т. е. при вычисленіяхъ предполагается, что тропическій годъ равенъ 365 дн. 6 час., т. е. онъ равенъ средне-юліанскому году, а не 365 дн. 5 час. 50 мин. и $\frac{1450}{2029}$ доли минуты, какъ вычисляетъ авторъ.

Итакъ лунный годъ кончается ранѣе средне-юліанскаго года на 365 дн. 6 час. — 354 дн. 8 ч. 53 м. 5 с. = 10 дн. 21 ч. 6 м. 42 с. ... (F).

Не трудно видѣть, что „умножательное" число А есть дополненіе этой разности F до 28, иначе: умножательное число есть дополненіе разности между средне-юліанскимъ годомъ и 12-ти-луннымъ годомъ до 28 (число дней въ февралѣ).

Вычисленныя по вышеуказаннымъ правиламъ мартовскія новолунія даютъ числа, близкія къ датѣ „рожденія" мартовской луны въ таблицѣ луннаго теченія, но не равны имъ, что видно изъ слѣдующей таблицы 9 (см. табл. на стр. 265).

Разница состоитъ въ отсѣченіи въ таблицѣ луннаго теченія минутъ и секундъ. Стоитъ обратить вниманіе на то, что найденная мною ошибка въ часахъ 9-го круга мартовскаго новолунія оправдывается и по вычисленіямъ автора XVII столѣтія.

Вторая задача рѣшается и вычисленіемъ и при помощи особой таблицы (см. табл. 10 на стр. 266).

Для вычисленія даты новолунія любого мѣсяца любой луны надо поступать такъ:

1) Надо взять мартовское новолуніе даннаго круга луны (изъ табл. 9-ой).

2) Отыскивая новолуніе какого либо мѣсяца въ году съ 12-ью лунными мѣсяцами, надо къ датѣ мартовскаго новолунія этого круга придать числа дней, часовъ, минутъ и секундъ изъ той вертикальной строки, на верхней строкѣ которой (P) выписано названіе даннаго мѣсяца.

3) Изъ полученной суммы вычесть то число дней, которое стоитъ въ той же вертикальной графѣ въ строкѣ Q.

Вычислимъ для примѣра новолунія круга 1.

1) Мартовское новолуніе 16 дн. 15 час. 23 мин. 11 сек.

Таблица 9-ая.

Кругъ луны.	МАРТОВСКІЯ НОВОЛУНІЯ.					
	По подсчету согласно рукописи XVII вѣка.				По таблицѣ луннаго теченія.	
	Числа.	Часы.	Минуты.	Секунды.	Числа.	Часы.
1	16	15	23	11	16	15
2	4	18	16	16	5	18
3	24	9	53	41	24	9
4	13	12	46	46	13	12
5	2	15	40	4	2	15
6	21	7	17	29	21	7
7	10	10	10	34	10	10
8	29	1	48	12	29	1
9	18	4	41	17	18	6
10	7	7	34	22	7	7
11	25	23	12	0	25	23
12	15	2	5	5	15	2
13	4	4	58	10	4	4
14	22	20	35	35	22	20
15	11	23	28	4	11	23
16	1	2	21	45	1	2
17	19	17	59	23	19	17
18	8	20	53	28	8	20
19	27	12	31	6	27	12

Т а б л и ц а 10-ая.

Апрѣль.	Май.	Іюнь.	Іюль.	Августъ.	Сентябрь.	Октябрь.	Ноябрь.	Декабрь.	Январь.	Февраль.	Мартъ.	Мѣсяцы.	P
31	30	31	30	31	31	30	31	30	31	31	28	Д н и.	Q
29	28	27	26	25	24	22	22	20	20	18	17	Дни.	
12	1	14	2	15	4	17	5	18	7	20	8	Часы.	S
44	28	13	57	42	26	10	55	39	24	8	53	Минуты.	
20	40	13	33	6	26	46	19	39	12	32	5	Секунды.	
Мартъ.	Апрѣль.	Май.	Іюнь.	Іюль.	Августъ.	Сентябрь.	Октябрь.	Ноябрь.	Декабрь.	Январь.	Февраль.	Мѣсяцы.	R

2) Для апрѣльскаго новолунія надо придать изъ 1-ой вертикальной графы (съ надп. апрѣль).

29 дн. 12 час. 44 мин. 20 сек.; получаемъ
47 „ 4 „ 7 „ 31 „ „

3) Вычитаемъ взятое изъ строки Q число 31. Получаемъ: апрѣльское новолуніе 1-го круга луны падаетъ на

15-ое апрѣля 4 час. 7 мин. 31 сек.

Вычисленіе майскаго новолунія.

16	дн.	15	час.	23	мин.	11	сек.	(постоян. число)
28	„	1	„	28	„	40	„	(изъ 2-ой верх. графы)
44	дн.	16	час.	52	мин.	4	сек.	
— 30	„	—	„	—	„	—	„	изъ строки Q

14-го мая 16 час. 52 мин. 4 сек.

Вычисленіе іюньскаго новолунія.

16 дн. 15 час. 23 мин. 11 сек.
27 „ 14 „ 13 „ 13 „

44 дн. 5 час. 36 мин. 24 сек.
— 31 „ — „ — „ — „

13-го іюня 5 час. 36 мин. 24 сек.

Вычисленіе іюльскаго новолунія.

16 дн. 15 час. 23 мин. 11 сек.
26 „ 2 „ 57 „ 33 „

42 дн. 18 час. 20 мин. 44 сек.
— 30 „ — „ — „ — „

12 дн. 18 час. 20 мин. 44 сек. и т. п.

При вычисленіи новолуній въ кругѣ луны съ 13 лунаціями разница въ операціяхъ съ таблицей состоитъ въ томъ, что числа дней, часовъ, начиная со 2-го новолунія въ одномъ и томъ же мѣсяцѣ, берутся изъ вертикальной графы съ надписью мѣсяца въ строкѣ R.

Примѣръ.

Вычислить новолунія іюня, іюля, августа, сентября 2-го круга луны.

5 дн. 18 час. 16 мин. 16 сек.
27 „ 14 „ 13 „ 13 „

33 дн. 8 час. 29 мин. 29 сек.
— 31 „ — „ — „ — „

2-го іюня 8 час. 29 мин. 29 сек.

Вычисленіе перваго іюльскаго новолунія.

5 дн. 18 час. 16 мин. 16 сек.
26 „ 2 „ 57 „ 33 „

31 дн. 21 час. 14 мин. 2 сек.
30 „ — „ — „ — „

1 дн. 21 час. 14 мин. 2 сек.

Вычисленіе второго іюльскаго новолунія.

5	дн. 18	час. 16	мин. 16	сек.
25	„ 15	„ 42	„ 6	„
31-го	іюля 9	час. 58	мин. 22	сек.

Вычисленіе августовскаго новолунія.

5	дн. 18	час. 16	мин. 16	сек.
24	„ 4	„ 26	„ 26	„
29-го	авг. 22	час. 42	мин. 42	сек.

Вычисленіе сентябрьскаго новолунія.

5	дн. 18	час. 16	мин. 16	сек.
22	„ 17	„ 10	„ 46	„
28-го	сент. 11	час. 27	мин. 15	сек.

Провѣримъ, пользуясь этой таблицей, нѣкоторыя даты, признанныя мною ошибочными.

Напримѣръ.

1. Найти майское новолуніе 11-го круга луны.

25	дн. 23	час. 12	мин. 0	сек.
28	„ 1	„ 28	„ 40	„
53-го	мая 24	час. 40	мин. 40	сек.
— 30	„ —	„ —	„ —	„
23-го	мая 24	час. 40	мин. 40	сек.

Табличная ошибка—очевидна.

2. Найти августовское новолуніе того же 11-го круга луны.

25	дн. 23	час. 12	мин. 0	сек.
25	„ 15	„ 42	„ 6	„
51	дн. 14	час. 54	мин. 6	сек.
— 31	„ —	„ —	„ —	„
20-го	авг. 14	час. 54	мин. 6	сек.

Табличная ошибка очевидна.

3. Провѣрить іюньское новолуніе 3-го круга луны.

24 дн.	9 час.	53 мин.	41 сек.
27 „	14 „	13 „	13 „
51 дн.	24 час.	7 мин.	7 сек.
— 31 „	— „	— „	— „
20 дн.	24 час.	7 мин.	7 сек.

Ошибка въ единовѣрческой Слѣдованной псалтири очевидна.

По этимъ вычисленіямъ, отбрасывая минуты и секунды, можно получить нашу таблицу луннаго теченія въ числахъ, помѣщенныхъ въ строкѣ В таблицы 4-ой настоящей статьи.

Въ статьѣ „Счетной мудрости“ „о мѣсяцахъ“..., полное заглавіе которой приведено выше, послѣ выясненія вопроса о длительности дня и ночи, дается правило перечисленія момента „рожденія“ и „ущерба“ луны на часы дня и ночи.

„А похочешь сказать, какъ мѣсяцъ родится которой-нибуть въ дневномъ часу или въ нощномъ и будетъ часовъ придетъ болши того дни, въ коемъ числе и мѣсяце много ли часовъ бьетъ, и сколко во дни бьетъ изъ техъ часовъ вычти, и что вычтешь, то часы нощныя, въ томъ часу нощи и будетъ тому мѣсяцу рожденіе“.

Простота правила невольно вызываетъ сожалѣніе, что авторъ статьи не вникъ въ то, по какому часосчисленію написана и подсчитана вычисленная таблица. Онъ допускаетъ молчаливо, что первые часы суть часы дня, послѣдніе — часы ночи, ибо онъ знаетъ только одно, что счетъ часовъ начинается днемъ, а кончается ночью. Посылать упреки автору этого правила за его неточность безполезно, остается лишь пожалѣть, что, благодаря неудачному перечисленію таблицы, мы лишены возможности пользоваться этой таблицей для рѣшенія вопроса о русскомъ часосчисленіи.

Въ настоящей своей статьѣ я не намѣревался производить вообще изысканій о старинномъ русскомъ часосчисленіи, и не думалъ также приводить полнаго изслѣдованія таблицы луннаго теченія.

Я желалъ лишь показать, что эта таблица, даже освобожденная отъ ошибокъ, сдѣланныхъ переписчиками и справщиками, не можетъ быть полезной въ разрѣшеніи вопроса о русскомъ часосчисленіи. Желающіе, слѣдовательно, разрабатывать этотъ вопросъ, должны идти

другими путями, не возлагая на таблицу луннаго теченія никакихъ надеждъ.

Изученіе таблицы луннаго теченія приводитъ попутно къ ряду интересныхъ вопросовъ о происхожденіи этой таблицы, о времени ея появленія въ Россіи, объ ея составѣ, внѣшнемъ видѣ, о передѣлкахъ, которымъ она подвергалась (когда напримѣръ, были отсѣчены „минюты и секунты") и т. д. и т. п. Я не рѣшался распространяться о тѣхъ фактахъ, которые не имѣютъ прямого отношенія къ вопросу о пригодности этой таблицы для изученія русскаго часосчисленія. Но считаю необходимымъ разъяснить одно обстоятельство, а именно, почему авторомъ XVII вѣка при подсчетахъ предполагается, что 1 минута содержитъ 47 секундъ. В. В. Бобынинъ, работа котораго (заглавіе приведено выше) дала мнѣ возможность ознакомиться со „Счетною мудростію", говоритъ слѣдующее: „Какъ на замѣчательную и притомъ довольно странную особенность... слѣдуетъ указать на... дѣленіе (при превращеніи) чиселъ секундъ на 47, а не 60, какъ бы слѣдовало по 60-тиричной системѣ, употребляемой въ подраздѣленіяхъ часа". В. Бобынинъ не дѣлаетъ попытокъ разъяснить этотъ вопросъ. Но, по моему мнѣнію, дѣло объясняется довольно просто.

Я утверждаю, что таблица луннаго теченія подсчитана по калиппову циклу. Какъ извѣстно, Калиппъ полагалъ, что въ 76-ти тропическихъ годахъ, по $365^1/_4$ дня въ каждомъ (нынѣ называемыхъ среднеюліанскими годами), помѣщается 940 (=4.235) лунацій. Иначе Калиппъ полагалъ, что 940 лунацій=27.759 днямъ.

По приближенному счету исходными дробями каждая лунація равна 29 дн. 12 часамъ и получасу и одной пятой части часа.

Точнѣе: 1 лунація=27.759 дней: 940=29 дн. 12 час. $44^{20}/_{47}$ минуты. По старинному обычаю писать дроби въ строку число $44^{20}/_{47}$ должно было быть написано такъ: сорокъ четыре минуты и двадцать сорокъ седьмыхъ долей минуты.

Вѣроятно, для краткости рѣчи, но вопреки дѣйствительному счету, авторъ статьи въ „Счетной мудрости" назвалъ „сорокъ седьмую часть минуты" секундой, вводя въ немалое смущеніе всѣхъ, кто отрицаетъ участіе Калиппа въ числахъ нашей таблицы луннаго теченія. Между тѣмъ числа эти тожественны, за исключеніемъ, во-первыхъ, чиселъ, уже исправленныхъ мною (см. табл. 7-я), а во-вторыхъ, за исключеніемъ числа часовъ въ 1-мъ кругѣ ущерба луны: надо „21", а не „20".

Таблица луннаго теченія имѣетъ, слѣдовательно, еще одну ошибку,

которую можно было, однако, подозрѣвать, но на которую я въ своемъ мѣстѣ не указалъ, не желая вводить легко оспариваемые аргументы.

Я всѣ свои вычисленія провелъ по лунаціи, указанной въ таблицѣ луннаго теченія, а не по болѣе точной. Дѣлалъ я это, не желая вносить въ изслѣдованіе лунной таблицы числовыхъ данныхъ извнѣ, и рѣшивъ не выходить изъ предѣловъ, данныхъ самой таблицей. При этомъ способѣ доказать ошибку въ ± 1 часъ было бы довольно трудно, поэтому я и рѣшилъ не упоминать объ этой ошибкѣ во время провѣрки самой таблицы, но указать на нее лишь только тогда, когда, слѣдуя отъ факта къ факту, читатель самъ не придетъ къ убѣжденію, что метода вывѣрки таблицы луннаго теченія вполнѣ надежна.

Я считалъ бы свою работу незаконченной, если бы не упомянулъ о слѣдующемъ. Д. Прозоровскій находилъ полезнымъ для рѣшенія вопроса о русскомъ часосчисленіи опредѣлить, какой кругъ луны былъ въ эпоху 1-го Вселенскаго Собора. Утверждая это, онъ, конечно, молчаливо предполагалъ, что числа таблицы луннаго теченія имѣютъ тѣсную связь съ тѣмъ цикломъ луны, основаніе (Θέμηλιον) котораго играетъ важную роль въ опредѣленіи дня христіанской пасхи. Это предположеніе мнѣ кажется неосновательнымъ. Я уже упоминалъ, что считаю таблицу луннаго теченія съ ея современными числами независимой отъ круга луны, употребляемаго въ пасхаліи. Это вытекаетъ изъ разсмотрѣнія „основаній“. (См. § 5).

Несоотвѣтствіе чиселъ этой таблицы съ датами новолуній эпохи 1-го Вселенскаго Собора можно усмотрѣть, идя инымъ путемъ.

Въ „Счетной мудрости“ дается, что въ 1-мъ кругѣ луны мартовское новолуніе совершается 16-го марта въ 15 час. 23 $^{11}/_{47}$ минуты. Какому году принадлежитъ это данное?

Въ своей статьѣ „Таблицы для рѣшенія лѣтописныхъ задачъ на время“, помѣщенной въ Извѣстіяхъ Отдѣленія Русскаго языка и Словесности при Императорской Академіи наукъ за 1908 г. кн. 2, я даю таблицу ново- и полнолуній. Эта таблица даетъ возможность рѣшить поставленную задачу безъ участія компетентной помощи астрономовъ.

Обращаю вниманіе на то, что моя таблица подсчитана по „золотымъ числамъ“, а не по „кругамъ луны“, поэтому 1-й кругъ луны въ моей таблицѣ соотвѣтствуетъ золотому числу 4.

Изъ разсмотрѣнія моей таблицы видно:

a) Если предположить, что счетъ часовъ лунной таблицы ведется отъ полуночи, то искомый годъ есть 1314 по Р. Хр.

b) Если предположить, что таблица луннаго теченія подсчитана по началу сутокъ отъ 6-ти часовъ утра, т. е. если признать, что 16-ое марта 15 час. 23 минуты отъ начала счета часовъ въ наши 6-ть часовъ соотвѣтствуетъ 16-му марта 21 часу 23 минутамъ отъ полуночи, то искомый годъ есть 1238-ой.

c) Если предположить, что счетъ часовъ лунной таблицы ведется отъ 6-ти часовъ вечера, и что поэтому 16 марта 15 часовъ 23 минуты отъ этого начала соотвѣтствуютъ 16-му марта 9 часамъ 23 минутамъ, отъ полуночи, то искомый годъ есть 1390-й.

Провѣрка показаній моей таблицы по таблицамъ Оппольцера (Syzygien-Tafeln für den Mond. v. Oppolzer. Leipzig. 1881) даетъ:

a) Мартовское новолуніе 1314 года приходилось 16-го марта 15 час. 25 минутъ (вмѣсто 23 минуты).

b) Мартовское новолуніе 1238 года приходилось 16-го марта 21 час. 19 мин. (вмѣсто 23) отъ полуночи, или 16-го марта 15 час. 19 мин. отъ 6-го часа утра.

c) Мартовское новолуніе 1390 года приходилось 16-го марта 9 час. 31 мин. (вмѣсто 23 мин.) отъ полуночи, или 16-го марта 15 час. 31 мин. отъ шести часовъ вечера.

Совпаденіе полное. Что это значитъ?

Выводъ одинъ: числа таблицы луннаго теченія принадлежатъ XIV вѣку. Этотъ выводъ остается неизмѣннымъ, если бы намъ удалось, зная, для какого меридіана подсчитана таблица луннаго теченія, произвести исправленіе датъ, полученныхъ по моей таблицѣ и по таблицамъ Оппольцера (подсчитаннымъ по гринвичскому времени).

Измѣнились бы на 19. п лѣтъ номера годовъ, т. е. мы могли бы получить 1333 (1314 + 19 г.), 1257 и т. п., но эпоха не измѣнится.

Итакъ таблица луннаго теченія подсчитана по даннымъ (около) XIV вѣка, а потому искать кругъ луны эпохи 1-го Вселенскаго Собора безполезно.

Замѣчу, что полученный сейчасъ выводъ объ эпохѣ, для которой подсчитана эта таблица, вовсе не обозначаетъ, что таблица луннаго теченія высчитана въ XIV вѣкѣ. Она (для меня это несомнѣнно) очень древняго происхожденія. Но она подвергалась измѣненіямъ, перечисленіямъ и т. д. Мы имѣемъ дѣло съ таблицей, оригиналъ ко-

торой остается (для меня, по крайней мѣрѣ) неизвѣстнымъ, но которая перечислена для эпохи XIV вѣка. Интересно было бы, если бы историкамъ и археологамъ удалось установить точно годъ перечисленія этой таблицы. Тогда мелькнула бы небольшая надежда извлечь изъ таблицы свѣдѣнія по интересующему насъ вопросу о часосчисленіи.

Н. Степановъ.

КЪ ИСТОРІИ КОЛОНИЗАЦІИ ПЕНЗЕНСКАГО КРАЯ ВЪ XVII ВѢКѢ.

Какъ извѣстно, въ XVII вѣкѣ происходила усиленная защита восточной окраины Московскаго государства въ предѣлахъ нынѣшняго Пензенскаго края: строились укрѣпленные пункты, проводились сторожевыя линіи, устроена была такъ называемая черта, прорѣзывавшая всю территорію нынѣшней Пензенской губерніи съ ю. з. на с. в. Возникаетъ вопросъ, какъ же оборудованы были военнымъ элементомъ всѣ эти мѣстности; другими словами: сколько было на линіи, чертѣ и въ городахъ военнаго люда, изъ какого рода оружія онъ состоялъ, къ какой національности принадлежалъ, какъ былъ обезпеченъ оружіемъ и жалованьемъ—денежнымъ и земельнымъ—и какого рода служба выпадала на его долю? Отвѣты на нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ мы отчасти находимъ въ такъ называемыхъ Десятняхъ Пензенскаго Края, изданныхъ Археографической Комиссіею въ 1897 г.

Подъ именемъ десятенъ разумѣются именные списки уѣздныхъ служилыхъ людей, испомѣщенныхъ въ данной мѣстности и обязанныхъ за это отправлять службу—главнымъ образомъ, конечно, военную—въ предѣлахъ этого же края, списки, составлявшіеся въ военно-финансовыхъ интересахъ государства при ихъ разборѣ, версткѣ и раздачѣ денежнаго жалованья служилымъ людямъ. Это, можно сказать, первая родословная книга нынѣшнихъ пензенскихъ дворянъ, потомковъ этихъ служилыхъ людей; родословная, правда, плачевнаго свойства, такъ какъ изъ нея видно, что всѣ эти потомки, за самыми ничтожными, почти единичными, исключеніями, исчезли изъ пожалованныхъ ихъ предкамъ помѣстій; лишь кое-гдѣ еще догораютъ угасающія фамиліи прежнихъ владѣтелей, и только названія мѣстныхъ поселеній напоминаютъ о прежнихъ ихъ основателяхъ. Всѣ села съ названіями: Палеологово, Блохино, Бардинка, Алферовка, Симбухино и многія другія ведутъ

свое происхожденіе и носятъ названіе своихъ первыхъ основателей: Палеологовыхъ, Блохина, Бардина, Алферьева, Симбухина и пр., служившихъ въ XVII вѣкѣ въ пензенскомъ краѣ и получившихъ здѣсь и помѣстья.

Цѣль составленія Десятенъ полнѣе выражена въ предисловіи къ первой Атемарской Десятнѣ: „176 году, декабря въ 1 день, прислана великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, грамота въ Саранескъ, къ стольнику и воеводѣ къ Никифору Нащокину да къ подъячему къ Богдану Михайлову; а по той великаго государя грамотѣ, велѣно Атемерцамъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ и новокрещенамъ и мурзамъ и Татарамъ, и иноземцамъ и рейтарамъ и драгунамъ и солдатамъ, съ помѣстными и денежными окладами, и кому за какія службы и въ которомъ году и по какому великаго государя указу, къ прежнимъ ихъ окладамъ, великаго государя жалованья придано, сдѣлать десятню: кто нынѣ Атемарцевъ дворянъ и дѣтей боярскихъ и новокрещеновъ и мурзъ и Татаръ и рейтаръ и драгунъ и солдатъ на лицо, и которые въ прошлыхъ годѣхъ, со 160-го году, померли и великаго государя на службахъ побиты, и по инымъ городамъ служить переписались“ [1]). Во исполненіе этого распоряженія стольникъ и воевода кн. Н. Ив. Пріимковъ-Ростовскій велѣлъ „сдѣлать десятню въ десть“ [2]).

Десятни Пензенскаго Края изданы не отъ всѣхъ уѣздовъ нынѣшней Пензенской губерніи, а только 3 Пензенскихъ (1677 и 1696 г.г.), 2 Атемарскихъ (1670 и 1680 г.г.) и по одной, заключающей данныя отъ 1681 — 1696 г. Верхнеломовской, и Керенской, составленной въ 1692 г. Десятенъ другихъ городовъ не оказалось. По своему содержанію онѣ представляютъ нѣсколько типовъ. Самыя раннія (1669—70 г. и 1679—80 г.) Атемарскія являются и самыми полными. Онѣ заключаютъ въ себѣ подробные формулярные списки служилыхъ людей съ указаніемъ, когда тотъ или другой служилый человѣкъ вступилъ въ службу, съ какимъ жалованьемъ, какъ протекала его служба, въ ка-

---

[1]) Десятни Пензенскаго Края 131 стр.

[2]) Слово „десятня“, повидимому, употреблялось въ смыслѣ ариѳметическаго числа—десятка; такъ въ предисловіи къ Верхнеломовской десятнѣ есть такое выраженіе: „а иные стоятъ въ городѣ, для обереженья отъ приходу воинскихъ людей, по десяти человѣкъ“ (427). Всѣ Пензенскія десятни и первая Атемарская называютъ себя десятнями или книга „имянной выборъ“ (1, 89, 105, 132); 2 Атемарская называетъ себя „разборнымъ спискомъ“ (250), а Керенская „книги переписныя именной списокъ“ (445).

кихъ походахъ онъ участвовалъ, какое получалъ за эту службу жалованье, когда былъ отставленъ и почему. Въ десятнѣ 1679 г. находится „разборный списокъ“ простыхъ строевыхъ людей съ указаніемъ, какое имъ было выдано отъ казны оружіе и съ какимъ оружіемъ они выступятъ въ походъ, т. е. какова ихъ боевая способность, каково ихъ матеріальное и семейное положеніе, и затѣмъ именной списокъ, составленный на основаніи „разборнаго списка“ съ краткими свѣдѣніями о боевой готовности каждаго служилаго человѣка. Списокъ этотъ имѣетъ чисто практическое значеніе. Кромѣ того въ обѣихъ десятняхъ приведены списки недорослей-дѣтей служилыхъ; затѣмъ въ 1 Атемарской десятнѣ помѣщены списки служившихъ по Саранску и вышедшихъ въ отставку или умершихъ — такимъ образомъ именные списки обнимаютъ всѣхъ, когда либо получавшихъ, получающихъ или имѣющихъ получить жалованье по Атемарской десятнѣ. Въ концѣ 2 Атемарской десятни приводится списокъ служилыхъ людей съ раздѣленіемъ ихъ по службѣ на двѣ очереди. Своимъ содержаніемъ отчасти напоминаетъ Атемарскія десятни Пензенская десятня 1677 г. Она заключаетъ именной списокъ служилыхъ людей, при чемъ при нѣкоторыхъ фамиліяхъ содержится подробный формулярный списокъ о службѣ. Формуляры эти какъ въ Атемарскихъ, такъ и въ Пензенской десятняхъ далеко выходятъ за предѣлы даннаго года; начинаясь изложеніемъ службы до того года, къ которому пріурочена десятня, они иногда оканчиваются описаніемъ событій, имѣвшихъ мѣсто въ началѣ XVIII вѣка, перешагивая такимъ образомъ за предѣлы XVII вѣка. Значитъ, годъ, которымъ обозначены десятни, собственно означаетъ время, когда онѣ начаты, заведены по распоряженію правительства; затѣмъ въ нихъ вносились свѣдѣнія о службѣ даннаго лица до начала составленія десятни и пополнялись послѣдующими свѣдѣніями, иногда вплоть до его отставки или смерти; такъ, напримѣръ, при фамиліи Бардина сначала сказано о пожалованіи ему въ 1682 г. 50 четей земли и 5 рублей по случаю вступленія Өедора Алексѣевича на царство, о пожалованіи за Чигиринскую службу 1678 г., въ 1685 г. велѣно его записать изъ дворовыхъ по выбору, а десятня, въ которой это все записано, относится къ 1677 г.; въ той же десятнѣ подъ фамиліей Яковлева говорится объ отставкѣ его, послѣдовавшей въ 1696 г. [1]). На разновременность составленія списковъ указываютъ

[1]) Пензенск. дес. 13—14 стр. и мн. др. Въ десятнѣ 1696 г. находится указаніе на распоряженіе 1711 г. (114).

и частыя повторенія, т. е. объ одномъ и томъ же лицѣ говорится въ одной и той же десятнѣ нѣсколько разъ, и иногда болѣе раннія событія въ десятнѣ излагаются послѣ; такъ при имени Григорія Алферьева въ Атемарской десятнѣ сначала сказано о событіяхъ 1676 г., а затѣмъ въ другомъ мѣстѣ о событіяхъ 1671 и 1665 г.г., а въ третьемъ мѣстѣ о событіяхъ 1670 и 1671 г.г. [1]). Изъ этого примѣра видно, что десятня составлялась и въ нее вписывались данныя не вдругъ, а по мѣрѣ ихъ нахожденія въ архивѣ о томъ или другомъ лицѣ. 2 и 3 Пензенскія десятни имѣютъ характеръ простыхъ именныхъ списковъ лицъ служилаго сословія съ указаніемъ получаемаго содержанія и рода оружія. Въ Керенской десятнѣ только при нѣкоторыхъ фамиліяхъ находятся общія указанія причинъ, за что награды пожалованы; въ родѣ слѣдующихъ: „за его службу и за приказную многую службу" или: „за многую его службу, и за службу и за смерть и за полонное терпѣніе родственниковъ его и братьевъ"; или: „за многія службы и за кровь и за раны отца ихъ и за ихъ службы" [2]). Въ спискѣ указаны: родъ службы и оружія, происхожденіе и получаемое содержаніе. Въ Верхнеломовской десятнѣ—единственной—количество жалованья не указано; остальныя данныя тѣ же, что и въ другихъ десятняхъ.

Итакъ десятни имѣютъ дѣло съ служилымъ сословіемъ, съ военными людьми. Только Керенская десятня обѣщалась дать свѣдѣнія и о томъ, „что въ Керенску пушекъ и пушечныхъ ядеръ и зелья ручного и пушечнаго и всякихъ полковыхъ припасовъ на лицо" [3]); но это обѣщаніе осталось совершенно не выполненнымъ; объ этомъ она и не заикнулась ни однимъ словомъ.

Десятни такимъ образомъ прежде всего имѣютъ въ виду служилыхъ людей; къ нимъ мы теперь и перейдемъ и постараемся сначала опредѣлить ихъ количество.

Численность служилаго люда по десятнямъ Пензенскаго края въ разныхъ мѣстахъ края была не одинакова; такъ въ Атемарской десятнѣ 1670 г. значится всѣхъ служащихъ 804 человѣка, въ десятнѣ же Атемарской 1680 г. 239 чел. и 14 отставныхъ, всего 253 чел., въ Пензенской десятнѣ 1677 г. 460 чел., въ двухъ Пензенскихъ десятняхъ 1696 г. значится 404 человѣка, въ Верхнеломовской 232 чел.

---

[1]) Тамъ же, 133, 136, 154 стр. О Дмитріи Алферьевѣ 140, 142, о Нечаевѣ 157, 158 и др.

[2]) Тамъ же 446—447 стр.

[3]) Тамъ же 445 стр.

и Керенской 364 чел., всего 2.517 чел. [1]). Всѣ служилые были размѣщены или въ городахъ, или въ селахъ; нѣкоторые жили по своимъ помѣстьямъ; такъ въ предисловіи къ Верхнеломовской десятнѣ сказано: „Верхняго города Ломова верстанные дворяне и дѣти боярскіе, служатъ по Верхнему городу Ломову и по Ломовской чертѣ, бываютъ у сотень и въ городахъ по чертѣ у служилыхъ людей головами, а иные стоятъ въ городѣ, для обереженья отъ приходу воинскихъ людей, по десяти человѣкъ, а по вѣстямъ и всѣми головами" [2]). Въ селахъ жили какъ отдѣльныя лица, такъ и цѣлые отряды; такъ изъ Верхнеломовской десятни видно, что въ дер. Новоселкахъ было два отряда изъ татаръ: одинъ въ количествѣ 6 чел. подъ командой сержанта Арслана Полкаева и другой изъ 17 чел. нововерстанныхъ татаръ подъ командой Бикбулата Полкаева, въ дер. Пичеевкѣ жилъ отрядъ тоже татаръ изъ 11 чел. [3]). Изъ записанныхъ въ Атемарскую десятню 1670 г. отрядъ въ 353 чел. служилъ въ Саранскѣ, кромѣ того 47 чел. изъ саранскихъ солдатъ служили свою солдатскую службу у села Покровскаго, Новой Пятины тожъ, мордовскіе мурзы съ 151 станичниками станичную службу служили на Чарданѣ, по Саранску [4]). Записанные въ Пензенскую десятню 1677 г. Г. Г. Толстогубовъ и рейтары Нижегородецъ и Вавиловъ заявили, что они живутъ въ Саранскомъ уѣздѣ, въ с. Удѣ, рейтаръ Метлинъ въ дер. Корсаковкѣ того же уѣзда, а Т. и И. Ѳ. Сумароковы въ Атемарскомъ уѣздѣ [5])— значитъ, всѣ внѣ предѣловъ мѣста своей службы.

Служилые люди по большей части назначались или изъ Приказа Казанскаго Дворца [6]), или прямо изъ Москвы по указамъ Пензенскимъ воеводамъ [7]), по Атемарскимъ десятнямъ назначенія сообщались или Саранскимъ воеводамъ, или просто въ Саранскъ, безъ указанія адресуемаго чиновника [8]). По Верхнеломовской десятнѣ рейтары назначены были на службу и отъ службы были отставлены и

---

[1]) Такъ какъ десятни относятся къ разнымъ годамъ, то по нимъ можно составить только приблизительное понятіе о количествѣ служилаго люда, размѣщеннаго въ Пензенскомъ краѣ въ одно опредѣленное время.

[2]) Тамъ же, 427.

[3]) Тамъ же, 440, 441.

[4]) Тамъ же, 212, 246.

[5]) Тамъ же, 86, 87, 42, 18, 73. См. также 20 стр., 30 стр.

[6]) 51.

[7]) 36.

[8]) 165, 172.

обращены въ солдаты по распоряженію Иноземнаго Приказа [1]), Гр. В. Алферьевъ былъ отставленъ по грамотѣ изъ Рейтарскаго Приказа [2]). Указы подлинные служилымъ людямъ или отдавали на руки съ распиской, а копію оставляли въ Приказной Избѣ; или грамота оставалась въ другихъ рукахъ; такъ грамота о томъ, чтобы А. М. Полочаниновъ служилъ по жилецкому списку осталась у какого-то Якова Ѳомина, грамота о пожалованіи бр. Ростригиныхъ у какого-то В. Замятнина [3]). Иногда грамоту данному лицу только объявляли, читали; это называлось „грамота съ прочетомъ" [4]).

Комплектовались служилые люди изъ различныхъ классовъ общества. Въ виду отдаленности края отъ Москвы мы не видимъ здѣсь родовитыхъ и чиновныхъ московскихъ бояръ; родовитость здѣшнихъ служилыхъ людей не восходитъ выше званія жильца, или московскаго дворянина [5]), да и то только въ Пензенскихъ десятняхъ и въ очень ограниченномъ количествѣ (17 чел.); въ 1-й и 2-й десятнѣ 1696 г. встрѣчается одинъ дворянинъ и 1 стряпчій [6]). Въ остальныхъ десятняхъ сословный составъ еще проще, такъ, напримѣръ, въ Атемарской десятнѣ значится служившимъ по жилецкому списку одинъ (371); но зато среди русскихъ служилыхъ людей здѣсь встрѣчается значительный процентъ инородцевъ—мордвы и татаръ,—привлеченныхъ къ охранѣ предѣловъ русскаго государства. Инородцы встрѣчаются во всѣхъ десятняхъ, но особенно много ихъ значится въ Атемарской десятнѣ 1670 г., именно 421 чел., и Керенской 137 чел.; въ Пензенской десятнѣ 1677 г. ихъ значится 76 чел., въ Атемарской десятнѣ 1680 г. 51 чел. и Верхнеломовской 52 чел.; при чемъ на долю татаръ падаетъ 329 человѣкъ и мордвы 232 чел., татаръ и мордвы вообще 176 человѣкъ, а всего 737 чел. Были и иноземцы, но ихъ

---

[1]) 432, 439.

[2]) 371. См. также 123 и 323.

[3]) 114, 111, 205, 129.

[4]) 133.

[5]) Переходившіе изъ Москвы принимались въ Пензѣ съ высшимъ земельнымъ окладомъ; такъ жилецъ А. И. Лопатинъ получилъ помѣстнаго и денежнаго оклада 600 четей; переходившіе изъ другихъ мѣстностей перечислялись съ тѣми окладами, которые получали на прежнемъ мѣстѣ, такъ Гр. Ф. Мартынову велѣно „изъ житья великихъ государей службу служить по Пензѣ, по выбору, въ прежнемъ его помѣстномъ и денежномъ окладѣ"; то же распоряженіе дано и относительно арзамасцевъ Колюпанова, Нетесова (119, 25, 133, 134, 141) и др. При чемъ указывался и прежній окладъ—земельный и денежный, хотя не всегда.

[6]) Тамъ же, 105, 14.

было очень мало и при томъ исключительно шляхтичи: 12 человѣкъ ихъ значится по Атемарской десятнѣ 1670 г. и одинъ по Керенской [1]). Такимъ образомъ иноземцы и инородцы составляли 29,40% среди служилаго сословія на пензенской окраинѣ [2]). Остальные были русскіе.

Такъ какъ служба была главнымъ образомъ разъѣздная, то служилый классъ состоялъ по преимуществу изъ конницы: рейтары составляютъ подавляющее большинство во всѣхъ десятняхъ; такъ въ Пензенской десятнѣ 1677 г. ихъ 90 чел., въ первой десятнѣ 1696 г. ихъ 151 чел., въ первой Атемарской 89 чел., во второй Атемарской 199 чел. и Керенской (вмѣстѣ съ отставными) 67 чел. Сравнительно ихъ было мало въ Верхнеломовской десятнѣ, всего 40 чел. (въ томъ числѣ 4 отставныхъ). Кромѣ рейтаръ были пѣхотинцы: копейщиковъ по первой Пензенской десятнѣ значилось 12 чел., по второй 18, по второй Атемарской 16 чел., по Верхнеломовской 5 чел. и Керенской 4. Были затѣмъ солдаты; такихъ по первой Пензенской десятнѣ зна-

---

[1]) Тамъ же, 218, 219, 446.

[2]) Въ Десятняхъ Пензенскаго края неоднократно приводятся имена мордовскихъ и татарскихъ мурзъ; наравнѣ съ языческими и мусульманскими есть имена и православныя, изъ чего можно заключить, что ихъ владѣтели, по крайней мѣрѣ нѣкоторые, были христіанами; такъ упоминается мурза Андрей Сергѣевъ и его сынъ Кириллъ; во 2 Пензенской десятнѣ 1696 г. видно и слѣдствіе сожительства русскихъ съ инородцами: упоминаются четыре человѣка новокрещеновъ; новокрещены упоминаются въ Пензенской десятнѣ 1677 г., въ 1 Атемарской и Керенской; по Верхнеломовской десятнѣ ихъ было 18 чел. Изъ нея же узнаемъ, что эти „новокрещены записаны за крещеніе съ дѣтьми боярскими". Это, очевидно, были мурзы, и въ десятнѣ они титулуются князьями (Тяпины, Еделевы, Казуровы, Сабановъ) (62, 128, 60, 206, 465, 433, 434). Изъ Керенской десятни виденъ, такъ сказать, процессъ обрусенія нѣкоторыхъ семействъ; такъ въ семьѣ татарскаго мурзы Тингильдина, носящаго христіанское имя Кузьмы, сынъ Бекбай; въ семьѣ у него два брата крещеныхъ и одинъ некрещеный; такимъ образомъ все семейство стояло на пути къ слiянію съ господствующимъ русскимъ племенемъ. Принимали христіанство люди высшаго правящаго класса; такъ кромѣ упомянутыхъ, въ 1 Атемарской десятнѣ называются Имошка Исаевъ сынъ княжъ Павловъ и Дмитрій Котомаевъ сынъ княжъ Андреевъ, мордовскій мурза Прокофій Родіоновъ; Девлякины, упоминаемые въ Керенской десятнѣ, вѣроятно, тоже были изъ туземной инородческой аристократіи (452, 216, 212, 446, 450). Не слѣдуетъ, впрочемъ, дѣлать иллюзію на счетъ жизни этихъ новокрещеновъ: она скорѣе была магометанская или языческая, чѣмъ христіанская; такъ, напр., крещенаго мордвина обвиняли въ томъ, что онъ живетъ со своею старою женою, мордовкой, не по закону, ругается надъ христіанской православной вѣрой, крестъ носитъ на поясу и въ постные дни ѣстъ скоромное, а одинъ крещеный татаринъ бѣжалъ съ женою и дѣтьми въ понизовые города, „скинувъ съ себя крестъ" (Труды Пенз. Учен. Арх. Ком., II кн., 172, 178).

чится до 30 чел., въ первой Атемарской 35 чел. и особенно много по Керенской десятнѣ, именно 108 чел., всѣ они изъ татаръ и перечислены по преимуществу изъ рейтаръ; въ этой же десятнѣ, а равно и Верхнеломовской служили по чертѣ и были записаны въ десятни расквартированные въ данной мѣстности солдаты изъ полковъ думнаго генерала А. А. Шепелева—такихъ солдатъ было по Керенской десятнѣ 19 чел. и по Верхнеломовской 52 чел. Затѣмъ въ солдаты перечислялись обыкновенно за старостью и дряхлостью изъ рейтаръ; такихъ солдатъ по второй Атемарской десятнѣ числится 51 чел. и по Верхнеломовской 13 чел. Всѣ отставленные за старостью и болѣзнью обыкновенно переписывались на службу къ городамъ, какъ требовавшую меньшаго напряженія физическихъ силъ; въ Керенской десятнѣ упоминаются 140 валовыхъ, т. е. обязанныхъ смотрѣть, поправлять и охранять валъ по чертѣ, въ Верхнеломовской десятнѣ значится 21 чел., несшихъ службу по ломовской чертѣ; въ первой пензенской десятнѣ упоминается 7 станичниковъ [1]).

Въ 1679 г. на Атемарской чертѣ произведена была реформа въ служиломъ сословіи: по разбору воеводы П. М. Языкова всѣмъ служившимъ полковую службу (125 чел.) велѣно служить въ рейтарахъ (250—345 стр.), другіе (36 чел.) изъ рейтаръ переписаны въ солдатскій строй (345—365 стр.), нѣкоторымъ велѣно служить въ городѣ, а другіе (19 чел.) и совсѣмъ отставлены (365—374 стр.). Словомъ разборка была произведена генеральная.

Разборъ былъ произведенъ не однимъ воеводой, но при содѣйствіи окладчиковъ изъ самихъ же атемарцевъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ, такими депутатами со стороны служилыхъ людей были: И. И. Аникіевъ, Ник. Аѳ. Чуфаровъ, Ив. Ал. Оленинъ, Сем. Игн. Сембухинъ, Род. Воин. Иасакинъ и Ан. Макс. Сыропятовъ—одни изъ наиболѣе заслуженныхъ и почетныхъ служилыхъ людей (250).

О вооруженіи высшихъ служилыхъ людей, т. е. офицерскаго званія, въ Десятняхъ нигдѣ не говорится ни слова; предполагается, что вооруженіе ихъ извѣстно и было въ порядкѣ, да оно и не получалось отъ казны. Низшее же служилое сословіе получало оружіе отъ казны; съ нимъ оно и должно было являться на войну. Простыхъ служилыхъ людей касается одна вторая Атемарская десятня 1680 г.; въ этомъ году по указу великаго государя, „Атемарскихъ помѣщиковъ

---

[1]) Точнаго распредѣленія служилыхъ людей по роду оружія въ десятняхъ нѣтъ; мы указали только тѣхъ, которые прямо названы рейтарами, солдатами и т. п.

и вотчинниковъ Русскихъ людей и мурзъ и Татаръ, старыхъ рейтаръ и новиковъ, которые по разбору прошлаго 187 году изъ городовой службы и изъ недорослей писаны въ рейтары жъ, пересмотрили и разобрали въ окладчики; а копейщиковъ выбрали вновь изъ рейтаръ, потому что на Атемарѣ копейщиковъ напередъ сего не было, и, разобравъ копейщиковъ и рейтаръ, для службы великаго государя росписали по полкамъ. А кто въ копейщики и въ рейтары и въ солдаты написаны, и что есть за ними помѣстій и вотчинъ, и сколько за кѣмъ крестьянъ и бобылей и задворныхъ людей, и за пустопомѣстными сколько въ дачахъ помѣстныхъ и вотчинныхъ земель и всякихъ угодій, и что они съ тѣхъ угодій оброчныхъ денегъ емлютъ и по скольку на годъ, и сколько за кѣмъ на службѣ людей съ боемъ и въ кошу будетъ, и то писано въ семъ разборномъ спискѣ, подъ ихъ имяны" [1]). Изъ этого „разборнаго списка" мы узнаемъ, что полное вооруженіе, которое должно было выдаваться простому служилому человѣку, состояло изъ карабина, двухъ пистолей, латъ и шишака; но послѣдніе два предмета обыкновенно не выдавались; по Десятнѣ полный комплектъ оружія былъ выданъ только въ 13 случаяхъ и кромѣ того въ десяти случаяхъ латы и шишакъ были выданы на двоихъ—и почти исключительно между татарами; въ десяти случаяхъ на двоихъ татаръ были выданы однѣ латы; да и то онѣ были всѣ растеряны во время компаній: то онѣ были отбиты подъ Губарями около Могилева, то на р. Басѣ, то подъ Симбирскомъ „воровскіе казачишки" ихъ отбили (337, 340, 357); взамѣнъ потеряннаго оружіе не выдавалось (349, 602) и приходилось служить съ своимъ ружьемъ; иногда, впрочемъ, давалось вновь, но съ такою же пользой; такъ взамѣнъ отбитыхъ на р. Басѣ (въ Могилевской губ.) даны были вновь шишакъ и латы, но и ихъ отбили турскіе люди подъ Чигириномъ; то латы были покинуты въ Крыжскомъ уѣздѣ, въ селѣ Рѣчкѣ, то пистоль оказывается отбитой подъ Шешминскомъ, то подъ Алатыремъ; иногда, по показаніямъ служилыхъ татаръ, они теряли все свое оружіе; такъ Толубайкѣ Такташеву даны были пара пистолей и карабинъ, да латы и шишакъ на двоихъ съ Кулмаметемъ Ураскаевымъ. По показанію Токмашева оказывается: пара пистолей отбита подъ Симбирскомъ, а карабинъ подъ Чигириномъ, латы же и шишакъ покинуты подъ Крыжею, въ селѣ Рѣчкахъ (342). Оружіе теряли и на бою, и въ кошахъ, въ отходѣ. Особенно эта потеря была часта у служилыхъ людей изъ та-

[1]) Тамъ же, 249, 250.

таръ. Но по большей части выдавался не полный комплектъ оружія; чаще всего выдавался одинъ карабинъ (въ 72 случаяхъ), въ 41 случаѣ были выданы карабинъ да пара пистолей, пару пистолей получили 30 человѣкъ, карабинъ да пистоль были выданы 16 человѣкамъ, одна пистоль 13 человѣкамъ, пара пистолей да сабля 1 чел., карабинъ, пистоль и сабля 1 чел. и наконецъ карабинъ да саблю получили два человѣка. Нѣкоторымъ (около 20) служилымъ людямъ ничего не было выдано [1]), и они вынуждены были выходить въ походъ съ своимъ оружіемъ, покупнымъ (261, 354) [2]) или отцовскимъ (343, 366); но и полученное оружіе не отличалось хорошими качествами; иногда встрѣчаются заявленія: „пистоль разорвало" (328, 355, 362). На войну служилые обѣщались выходить съ оружіемъ независимо отъ полученнаго изъ казны, и оно было самое разнообразное; такъ обѣщались выйти съ пистолью да саблей 10 чел., съ парой пистолей 3 человѣка, съ карабиномъ и парой пистолей 13 человѣкъ, съ парой пистолей, саблей да сайдакомъ 2 человѣка, парой пистолей и саблей 21 человѣкъ, карабиномъ да саблей 88 человѣкъ, саблей, карабиномъ и парой пистолей 42 человѣка, карабиномъ, пистолью и саблей 43 человѣка, съ однимъ карабиномъ 4 человѣка, съ карабиномъ да пистолью 4 человѣка, съ саблей и сайдакомъ 1 человѣкъ, съ одной саблей 5 человѣкъ, съ саблей, съ пистолью и сайдакомъ 1 человѣкъ. Служилые люди, но далеко не всѣ, обѣщались кромѣ того привести съ собою людей; ихъ вооруженіе тоже было разнообразно: 33 обѣщали только имѣть человѣка въ кошу, значитъ безъ оружія, 36 при этомъ прибавляли, что будутъ имѣть человѣка „съ бердышемъ", у двоихъ люди эти будутъ „съ саблей", и у одного съ пистолью. Такимъ образомъ оружіе было по преимуществу огнестрѣльное.

На войну обѣщались иногда выйти не съ тѣмъ оружіемъ, которое получали; такъ, напримѣръ, получившій изъ казны карабинъ да пару пистолей обѣщался выйти съ карабиномъ и саблей, или съ одной саблей, или съ саблей да сайдакомъ [3]). Иногда обѣщались выйти въ походъ съ бо́льшимъ вооруженіемъ, чѣмъ получали; такъ получившій одинъ карабинъ обѣщался выйти на войну съ карабиномъ и саблей, получившій карабинъ да пару пистолей объявлялъ бою: карабинъ,

[1]) „А изъ казны великаго государя ружья ему, карабина и пары пистолей и латъ и шишака, не дано". 353, 347.

[2]) Карабинъ да сабля свои. 354, 357.

[3]) Тамъ же, 360, 362, 332, 339.

пару пистолей да саблю [1]). Совсѣмъ не получившій оружія на случай войны имѣлъ въ запасѣ карабинъ, пистоль и саблю, или карабинъ да саблю, или карабинъ, пару пистолей и саблю или одну саблю [2]). Иногда вынуждены были выходить въ походъ съ меньшимъ вооруженіемъ: такъ получившій пару пистолей да карабинъ, латы и шишакъ заявлялъ, что онъ выйдетъ съ карабиномъ, пистолью и саблей, или съ карабиномъ и саблей [3]).

Военная служба начиналась съ 15 лѣтъ (40). Въ Атемарской десятнѣ 1680 г. недорослями считаются 14-лѣтнія дѣти дворянъ атемарцевъ и дѣтей боярскихъ, солдатъ, татарскихъ мурзъ. Служили до глубокой старости; или въ отставку отчислялись за невозможностью нести службу вслѣдствіе полученныхъ ранъ. Передъ окончательнымъ отчисленіемъ подвергали осмотру; такъ по досмотру Ѳ. Колюпанова у него найдена болѣзнь: на правой рукѣ выше локтя рана пробита изъ лука; такая же рана была и на лѣвой ногѣ. Вслѣдствіе этихъ ранъ онъ былъ уволенъ въ отставку [4]). Увольнялись за глухоту и слѣпоту, сердешную скорбь, увѣчья, грыжу („черева выходятъ"). Вмѣсто отца, не могшаго нести службу, вступалъ обыкновенно сынъ, а если послѣдній былъ несовершеннолѣтнимъ, то службу долженъ былъ нести впредь до совершеннолѣтія даточный человѣкъ, „на добромъ конѣ, со всею службою полными запасы" (142 стр.), или выписанный въ отставку долженъ былъ давать деньги по указу; иногда эта служба даточныхъ длилась долго, такъ какъ дѣти оставались, напримѣръ, трехъ лѣтъ или по другому году [5]). Если дѣтей не было, въ службу вступалъ или племянникъ [6]), или внукъ [7]), или зять, очевидно, принятый въ домъ [8]) тестемъ. Неотдѣленные сыновья служили за жалованье своихъ отцовъ, не имѣя собственной земли. На службу брали не всѣхъ правоспособныхъ; одинъ сынъ шелъ на службу, а другой или третій, а если въ службѣ было трое, то четвертый, а иногда двое изъ четверыхъ оставались на прокормленіе „для безлюдства" (284, 291,

---

[1]) Тамъ же, 352, 351, 349, 350.

[2]) Тамъ же, 360, 347, 354, 321.

[3]) Тамъ же, 354, 356. Служба отправлялась чаще на меринѣ, рѣже на конѣ, подъ которымъ слѣдуетъ разумѣть жеребца (307).

[4]) Тамъ же, 110, 30.

[5]) Тамъ же, 87, 113, 111, 114, 129, 14.

[6]) Тамъ же, 35 стр.

[7]) Тамъ же, 40.

[8]) 162 стр.

292, 296, 307, 311); не брались на службу и молодые, но больные (308); нѣкоторымъ больнымъ давали льготу на годъ (264); не требовали на службу по причинѣ разоренія отъ калмыковъ (323, 367).

Служилые люди въ пензенскій край стекались изъ разныхъ мѣстностей Московской Руси, какъ изъ сравнительно близкихъ, такъ и болѣе или менѣе отдаленныхъ; такъ между ними упоминаются: Нижегородецъ и сынъ его Нижегородцевъ, Симбиренинъ, Тетюшнинъ, Козмодемьянецъ, Чебоксарянинъ, Туленинъ, Стародубинъ, Стародубецъ, Стародубцевъ, Алатырецъ, Арзамасецъ, Самарининъ [1]). Переселялись не только русскіе, но и инородцы: татары изъ Темниковскаго уѣзда (209), мордовскіе мурзы и татары изъ Алатыря (210, 213). Въ свою очередь и изъ пензенскаго края разрѣшалось переходить и перечисляться въ другія мѣстности; такъ нѣкоторые отмѣчены перечислившимися по Симбирску, рейтару Череватову велѣно служить по Саратову, Скрябину съ казанцами, а Григорову по Симбирску, о чемъ и отмѣтить въ Пензенской десятнѣ о двухъ первыхъ, и исключить изъ Атемарской десятни послѣдняго [2]). Еще свободнѣе былъ переходъ изъ одной мѣстности пензенскаго края въ другую; особенно было сильное перемѣщеніе изъ Саранскаго уѣзда въ Пензенскій; такъ въ Пензенскихъ десятняхъ встрѣчается свыше 30 фамилій, которыя значатся по первой Атемарской десятнѣ; а такъ какъ первая Атемарская десятня составлена ранѣе Пензенскихъ десятенъ, то изъ этого можно заключить, что лица, вошедшія въ эти десятни, выписались изъ состава атемарскаго служилаго сословія и перешли въ Пензенскій; иногда случалось такъ, что отецъ оставался въ Атемарской десятнѣ, а сынъ переходилъ въ Пензенскую; такъ Аѳанасій Степановъ Жулебинъ значится въ Атемарской десятнѣ 1670 г., а сынъ его Лука Аѳанасьевъ значится въ Пензенской десятнѣ 1677 г. [3]); иногда служили братья въ двухъ десятняхъ и значитъ въ двухъ уѣздахъ; такъ Григорій и Федоръ Васильевы Своитиновы служили по Саранскому уѣзду вмѣстѣ съ отцомъ, а ихъ братъ Петръ Васильевъ перешелъ въ Пензенскую десятню, и такихъ примѣровъ много [4]). Только нѣтъ случаевъ перехода изъ Керенской десятни въ Пензенскія или наоборотъ и изъ атемарскихъ въ Керенскую [5]); и только занесены три случая пере-

[1]) Тамъ же, 227, 248, 226, 360, 400, 52, 101, 465, 85, 19, 141, 154, 133, 172.

[2]) Тамъ же, 76, 107, 192.

[3]) Тамъ же, 184, 196, 54, 102.

[4]) Тамъ же, 174, 256, 18, 118.

[5]) Но есть одинъ случай перехода изъ Керенскаго уѣзда въ Атемарскій; такъ

хода изъ Верхнеломовскаго уѣзда на службу въ Пензенскій уѣздъ [1]). Правительство старалось о томъ, чтобы родственники служили, по возможности, вмѣстѣ; иногда переводило служилыхъ людей изъ одного мѣста въ другое, чтобы дать возможность служить съ родственниками [2]); вслѣдствіе этого въ каждой десятнѣ встрѣчаются преобладающія фамиліи, такъ по Пензенскимъ десятнямъ очень часто встрѣчаются фамиліи Левиныхъ, Кологривовыхъ, Мартыновыхъ, Ховриныхъ и другихъ, по Атемарскимъ—Чуфаровыхъ, Алферьевыхъ, Аникіевыхъ, Анненковыхъ, Юрасовыхъ и другихъ; но особенно родственники были сосредоточены въ Керенскомъ и Верхнеломовскомъ уѣздахъ; Верхнеломовская десятня переполнена фамиліями Веденяпиныхъ (19 человѣкъ), Мещериновыхъ (21 чел.); Керенская же десятня прямо пестритъ фамиліей Дураковыхъ (35 чел.); часто также встрѣчается фамилія Богатыревыхъ (11 разъ) и Скуратовыхъ (6 разъ).

За свою службу служилые люди получали извѣстное количество земельныхъ угодій [3]); количество это было различно, но слѣдуетъ признать нормальнымъ окладомъ для служилаго человѣка офицерскаго ранга 350 четей земли и 12 рублей деньгами; такъ въ Пензенской десятнѣ 1677 г. этотъ окладъ имѣли 134 человѣка или болѣе 29% всего числа служилыхъ людей, вошедшихъ въ эту десятню. Были и другія нормы земельнаго жалованья; такъ по Атемарской десятнѣ 1670 г. встрѣчаются первоначальныя назначенія въ 300, 250, 200 и 150 четей—эти назначенія относятся къ 1642 г. Но затѣмъ это основное жалованье благодаря прибавкамъ за разныя службы возвышалось и иногда почти въ три раза превышало свое первоначальное жалованье какъ земельное, такъ и денежное. На основаніи

по показанію Гр. Прок. Карачурина, „служилъ онъ великаго государя рейтарскую службу съ Мещеренинами со 184 году, а по разбору, со 187 году, написанъ онъ съ Атемарцы въ рейтары жъ“ (258). Эти Мещеренины никто иные, какъ инородцы-мещеряки, которыхъ много было на службѣ въ Керенскомъ краю.

[1]) Тамъ же, 101, 435, 113, 433, 124, 431.

[2]) 12, 107, 112.

[3]) Въ одномъ случаѣ вмѣсто земельной придачи дали денежную; именно: Н. Ф. Хлопову дано „за помѣстную придачу, за 10 четей, полтину, что ему свершеной окладъ 1.000 четей; да для объявленія великаго государя 9 рублевъ; да помѣстную придачу за 80 четей 4 рубля“ (134 стр.). Это значитъ: такъ какъ Хлоповъ уже имѣлъ полный окладъ въ количествѣ 1.000 четей, то ему вмѣсто 10 четей, которыя являлись излишними противъ назначеннаго ему оклада, дали полтину, и вмѣсто 80 четей, назначавшихся обыкновенно по случаю рожденія царевича Алексѣя Алексѣевича или вступленія на престолъ Ѳеодора Алексѣевича, дали 4 рубля.

Пензенскихъ десятенъ и Атемарской 1670 г. мы можемъ опредѣлить, за что и сколько прибавлялось жалованья служилымъ людямъ. Для объявленія всемірной радости великаго государя Ѳеодора Алексѣевича 1676 г. было пожаловано: по 50 четей и по 5 р., 7 р. и 8 р., по 70 четей и по 7 р. и 9 р. и по 80 четей 9 р. и 4 р.[1]); за объявленіе радости по случаю рожденія царевича Алексѣя Алексѣевича жалованье произведено было въ томъ же размѣрѣ [2]); за литовскую службу въ 1654—1656 гг. по 50 четей 10 р., 8 р. или 50 четей 3½ р. и 100 четей и 7 р. [3]), за литовскую службу 1664 и 1665 гг. 130 четей и 9 р. [4]), за черкасскую службу и за конотопскій бой 1659 и 1660 гг. 100 четей и 10 р. [5]), за сѣвскую службу 1668 и 1669 гг. у князя Куракина по 40 четей 5 р. и 80 четей и 8 р. [6]), за чигиринскую службу 1678 г. по 100 четей 7 р., 10 р. и 8 р., 120 четей 12 р. и 13 р. и по 50 четей и 5 р. [7]), за службу и осадное сидѣніе подъ Симбирскомъ въ войскахъ князя Юрія Долгорукаго, боярина П. В. Шереметева и князя Барятинскаго въ 1671 г. 60 четей 5 р., 8 р. и 10 р., 100 четей 10 р. и 120 четей и 10 р. [8]); за кіевскую службу 1678 г., казанскую 1682 г., пензенскую службу и за валовое и засѣчное дѣло по 50 четей и 5 р. [9]), за крымскіе походы 1687 и 1689 гг. 270 четей 28 р., 250 четей 27 р., 100 четей 8 р. и 170 четей[10]), за казанскую службу 1685 г. 60 четей и 5 р. [11]), за мокшанское и пензенское засѣчное дѣло въ 1680 г., за атемарское острожное и городовое дѣло и службу по 100 четей 10 р., 8 р. и 6 р. [12]), за вѣчный миръ съ Польшей въ 1686 г. по 100 четей и 4 р. и 8 р., по 120 четей 10 р., по 150 четей и 12 р. и по 50 четей и 5 р. [13]), за службу 1677 г. у князя Лыкова 50 четей 5 р.[14]), за службу противъ воровъ (казаковъ Разина) 70 четей 5 р. [15]),

---

[1]) 133, 156, 167, 139.
[2]) 165, 137, 152, 159, 160, 182.
[3]) 137, 146, 155, 158.
[4]) 190.
[5]) 134.
[6]) 28, 118.
[7]) 13, 15, 28, 43, 57.
[8]) 176, 162, 158, 26, 147, 152, 26.
[9]) 53.
[10]) 72, 85, 86, 114.
[11]) 78.
[12]) 27, 138.
[13]) 4, 7, 147, 16, 66.
[14]) 26.
[15]) 141.

за башкирскую и астраханскую службу и за раны по 100 четей и 10 р. [1]), за битву съ воровскими людьми подъ Свіяжскомъ, подъ Уренемъ и Кондоратью и за рану по 100 четей и по 5 р., 6 р., 7 р. и 8 р. [2]), за битву подъ Симбирскомъ и Кондоратью 150 четей 12 р. [3]), за карсунскую, атемарскую, медвѣдскую и царицынскую службы и за убитые мужики по 50 четей и по 1 р., 2 р., 3 р., 10 р. и 12 р. [4]), за раны, полученныя подъ Симбирскомъ, въ Уфимскомъ краѣ и въ Мокшанскихъ вершинахъ отъ измѣнниковъ башкирцевъ, по 100 четей и по 5 р. и по 50 четей и 3 р. [5]); причина прибавокъ иногда не указывалась (109, 116). Вслѣдствіе этихъ прибавокъ общее жалованье служилыхъ людей сильно возвышалось, напр. съ 350 четей до 900 четей (75); вслѣдствіе этого по Пензенской десятнѣ 1677 г. трое значатся имѣвшими по 1000 четей, пятеро отъ 1000 до 900 четей, 7 человѣкъ отъ 900 четей—800 четей, 10 чел. отъ 800—700 четей, 9 чел. отъ 700 — 600 четей, 12 чел. 600 — 500 четей, 29 чел. отъ 500 — 400 четей, 216 чел. отъ 400 — 300 четей, 72 чел. отъ 300 — 200 четей и меньше 200 четей 97 чел.

По первой десятнѣ 1696 г. имѣло: отъ 900 — 800 четей 3 чел., отъ 800—700 четей 5 чел., отъ 700—600 четей 6 чел., отъ 600—500 четей 6 чел., отъ 500 — 400 четей 8 чел., отъ 400 — 300 четей 93 чел. и отъ 300—200 четей 53 чел., отъ 200—100 четей 4 чел.; по второй десятнѣ 1696 г. имѣло: отъ 1000—900 четей 9 чел., отъ 900—800 четей 6 чел., отъ 800—700 четей 14 чел., отъ 700—600 четей 9 чел., отъ 600—500 четей 14 чел., отъ 500—400 четей 9 чел., отъ 400—300 четей 144 чел., отъ 300—200 четей 16 чел. и отъ 200—100 четей 4 чел. (1 неверстанъ). Въ Атемарской десятнѣ 1670 г. жалованье указано 184 человѣкамъ; изъ нихъ 1 имѣлъ 1210 четей, 1—1080 четей, отъ 1000—900 3 чел., отъ 900—800 четей 2 чел., отъ 800—700 четей 4 чел., отъ 700—600 четей 6 чел., отъ 600—500 четей 14 чел., отъ 500—400 четей 16 чел., отъ 400—300 четей 32 чел., отъ 300 — 200 четей 66 чел., отъ 200 — 100 четей 37 и меньше 2 чел. Всего меньше земельныя угодья даны были служилымъ людямъ въ Керенскомъ уѣздѣ какъ потому, вѣроятно, что этотъ

---

[1]) 146, 156.

[2]) 156, 157, 168, 175.

[3]) 175.

[4]) 142, 145, 154, 137, 169.

[5]) 179, 175, 165, 183. Придачи—помѣстная и денежная—обыкновенно заносились въ десятню и въ служилый списокъ. 49, 51 и др.

уѣздъ былъ расположенъ внутри черты, т. е. на русской сторонѣ, а потому и представлялъ болѣе безопасности отъ непріятеля, такъ и потому, что въ немъ очень много было въ числѣ служилаго сословія инородцевъ, которыхъ московскому правительству, какъ туземцевъ, не представлялось необходимости привлекать на службу усиленнымъ жалованьемъ [1]). Дѣйствительно, изъ 256 человѣкъ, числившихся въ окладѣ [2]), только 1 человѣкъ имѣлъ 940 четей, 4 чел. имѣли отъ 700—600 четей, 13 человѣкъ владѣло 400—300 четей; затѣмъ отъ 300—200 четей имѣли 26 человѣкъ, отъ 200—100 четей 77 человѣкъ и 60—50 четей 135 человѣкъ.

Земельныя и денежныя прибавки къ окладу производились не всѣмъ служилымъ людямъ, а только служившимъ въ походахъ, или хотя остававшимся и дома, но исполнявшимъ какія либо экстраординарныя работы; остававшіеся же дома и не употреблявшіеся ни на какія работы прибавокъ не получали и такимъ образомъ имѣли одинъ и тотъ же окладъ иногда вплоть до самой отставки; такъ, напримѣръ, братья Я. и С. Стяшкины значатся по 1 Пензенской десятнѣ 1677 г. поступившими съ окладомъ жалованья въ 350 четей и 12 р.; съ этимъ же окладомъ они значатся и въ 1 Пензенской десятнѣ 1696 г. [3]).

Пожалованья за службу были не только земельныя и денежныя; но служилыхъ людей переводили за службу и за раны изъ одного ранга въ другой болѣе почетный. Полная градація повышеній была слѣдующая: изъ городовыхъ по дворовому списку, изъ дворовыхъ по выбору [4]). Въ двухъ случаяхъ [5]) эти повышенія, какъ кажется, были

---

[1]) За то иноземцы надѣлены были очень щедро угодьями; такъ—шляхтичи Вороблевскій и Шурловскій, значащіеся во 2 Атемарской десятнѣ, получили въ помѣстье первый 300 четей и второй 285 четей за валомъ, на степной сторонѣ, сѣнныхъ покосовъ на три тысячи копенъ, лѣсу на полверсты. 322, 367.

[2]) У 10 человѣкъ оклада не показано и 98 человѣкъ неверстанныхъ.

[3]) 17, 90. Тоже о Маматовыхъ 49, 96, Елисафьинѣ 32, 101, Раковѣ 14, 107, Араповѣ 43, 113, Гольцовѣ 44, 126 и др.

[4]) Въ матеріальномъ обезпеченіи служившіе по выбору въ общемъ были обезпечены лучше служившихъ по дворовому, послѣдніе лучше служившихъ по городамъ; такъ въ спискѣ атемарскихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, умершихъ или переписавшихся по другимъ городамъ, окладъ служившихъ по выбору былъ отъ 650—400 четей, въ среднемъ 498 чет., служившихъ по дворовому отъ 500—250 чет., въ среднемъ $366^3/_4$ чети и служившихъ по городу отъ 450—200 четей, въ среднемъ приходилось на каждаго 265 четей. На увеличеніе помѣстнаго жалованія имѣла вліяніе, конечно, продолжительность службы. Само собою разумѣется, что число служившихъ по выбору и по дворовому было меньше служившихъ по городамъ.

[5]) 53, 173.

произведены одновременно, вдругъ, безъ извѣстнаго промежутка во времени, какъ въ настоящее время за выдающіяся заслуги награждаютъ, напримѣръ, черезъ орденъ. Послѣ записи по выбору служилые люди записывались по Московскому списку „въ житье"; но эта награда была чрезвычайно рѣдкая: и въ Атемарскихъ десятняхъ она встрѣчается два раза, а въ Пензенскихъ четыре раза [1]). Пожалованія производили не только дѣтямъ за службу отцовъ, какъ и теперь дѣлается, но и отцамъ за службу дѣтей [2]).

Высшія нормы какъ денежнаго, такъ и помѣстнаго жалованья распространялись только на начальныхъ людей служилаго сословія. Что касается до простыхъ рядовыхъ служилыхъ людей, то они были удовлетворены земельнымъ жалованьемъ въ сравнительно скромныхъ размѣрахъ; такъ станичники по Пензенской десятнѣ 1677 г. получили земли по 150, 120 и 100 четей и деньгами по 5 р., солдаты по 150, 100 и 60 четей и 5 р. деньгами, хотя нѣкоторымъ солдатамъ нарѣзали и по 200 четей. Наиболѣе подробно рисуется бытъ простыхъ воинскихъ людей изъ показаній Атемарской десятни 1680 г. Изъ нея мы узнаемъ, что земельныхъ угодій было у каждаго рейтара не одинаковое количество; за норму можно признать 20—40 четей, хотя встрѣчаются имѣвшіе 90, 100, 125 и даже 200 четей, но, впрочемъ, съ братьями и съ отцомъ [3]). Въ одномъ случаѣ упоминается земля „прожиточнаго жеребья", дававшаяся обыкновенно на прокормленіе сиротъ (287). По преимуществу помѣстная земля находилась въ Саранскомъ и Атемарскомъ уѣздахъ или смежныхъ съ ними: Арзамасскомъ, Курмышскомъ, Алатырскомъ и даже Симбирскомъ; хотя были участки и въ болѣе отдаленныхъ мѣстностяхъ, напримѣръ, Муромскомъ, Луховскомъ, Переяславскомъ (Ряз. губ.), Шацкомъ, Уржумскомъ,—это въ тѣхъ случаяхъ, когда служилые люди были оттуда родомъ. Земля была преимущественно пахатная; часто встрѣчаются выраженія: „сѣнныхъ покосовъ и мельницъ и рыбныхъ ловель и всякихъ пожиточныхъ угодій нѣтъ". Только у 60 помѣщиковъ жили поселенцы; при этомъ самое большое количество ихъ, именно 15 дворовъ (крестьянъ, бобылей и задворныхъ людей), было у Алферьева;

[1]) 4, 23, 107—109, 204, 205.

[2]) 138, 141, 148, 152. Въ послѣднихъ трехъ случаяхъ пожалованье прибавлено Ф. И. Ворыпаеву за службу сыновей—Ивана и Аѳанасія.

[3]) Имѣвшихъ менѣе 20 четей было 4 чел., по 20 четей имѣли 58 чел., отъ 20—40 чет. 86 чел., 40—100 чет. 70 чел., отъ 100—200 чет. 28 чел., отъ 200—300 чет. 3 чел. и отъ 300—500 чет. 4 чел.

у другихъ помѣщиковъ было по 1 или по 2 двора и нигдѣ болѣе 4; кромѣ крестьянъ жили на земляхъ помѣщиковъ бобыли, задворные, дворовые и дѣловые люди [1]). Бывали случаи поголовнаго бѣгства поселенцевъ съ земли своихъ помѣщиковъ [2]). Промышленныхъ заведеній не было; только въ четырехъ случаяхъ упоминается о водяныхъ мельницахъ, изъ нихъ двѣ были у одного хозяина, именно у Гр. В. Алферьева, и мололи „про свой обиходъ“; двѣ другія мельницы находились на рѣкѣ Сарѣ, и съ одной владѣлецъ бралъ „оброку на годъ по полтинѣ“, владѣлецъ другой мельницы „оброку биралъ прежъ сего по три рубля на годъ“, а въ 1680 г.—въ годъ составленія Десятни—„та мельница лежитъ въ пустѣ“ [3]). Пахатная земля, вѣроятно, обрабатывалась самими владѣльцами при посредствѣ жившихъ на нихъ крестьянъ, бобылей и задворныхъ людей, хотя попадаются случаи, когда земля, особенно лежавшая въ отдаленныхъ отъ мѣста жительства владѣльца уѣздахъ, сдавалась въ аренду или оброкъ. Оброчныя годовыя цѣны были крайне неопредѣленны; такъ какъ за участки въ 90, 100 и 200 четей уплачивали въ годъ по рублю [4]), за 15 и 60 четей по полтинѣ (268, 368), за 30 четей по 30 алтынъ [5]), за 50 и 90 четей по 2 р. [6]), съ 170 четей по 20 алтынъ [7]) и наконецъ 3 р. со 100 и 10 четей [8]). Та же неопредѣленность въ арендной платѣ была и относительно земель, лежавшихъ внѣ предѣловъ нынѣшней Пензенской губерніи; такъ бра-

---

[1]) Кромѣ Алферьева у 4 помѣщиковъ было 11 крестьянскихъ дворовъ, 5 дворовъ задворныхъ людей и 2 задворныхъ человѣка, у 3 помѣщиковъ было 9 дворовъ бобыльскихъ и крестьянскихъ, у 12 помѣщиковъ 16 бобыльскихъ дворовъ, у 15 помѣщиковъ 27 крестьянскихъ дворовъ и 1 крестьянинъ, у одного помѣщика 3 двора бобыльскихъ и 1 дворовый, у 1 помѣщика 1 дворъ крестьянскій, 1 чел. задворный и 1 чел. дѣловой, у 10 помѣщиковъ было 7 дворовъ бобыльскихъ и 6 чел. бобылей, у 3 помѣщиковъ было крестьянъ, бобылей и задворныхъ 13 чел., 1 помѣщикъ имѣлъ 1 дворъ крестьянскій, 4 бобыльскихъ и 2 задворныхъ человѣка, у 5 помѣщиковъ было 7 дворовъ бобылей, 5 дворовъ задворныхъ людей и 1 задворный человѣкъ, 1 помѣщикъ имѣлъ 2 двора крестьянскихъ и 2 дворовыхъ человѣка, у одного помѣщика былъ дворовый человѣкъ и у одного 2 семьи дѣловыхъ людей (у одного помѣщика не указано ни числа дворовъ, ни какой категоріи были поселенцы).

[2]) 289, 259.

[3]) 371, 281, 302.

[4]) 262, 263, 267, 270, 309.

[5]) 269.

[6]) 314, 287.

[7]) 290,

[8]) 264, 254.

лось $1^1/_2$ р. за 125 четей [1]), 30 алтынъ за 100 четей [2]), за 30 и 25 четей полтина [3]), за 20 четей пустоши тоже полтина [4]), съ 10 четей 10 алтынъ и съ 20 четей гривна [5]). При назначеніи цѣнъ руководствовались, вѣроятно, не только качествами почвы, но и другими удобствами имѣнія. Желавшихъ взять имѣнія въ аренду не всегда находилось въ достаточномъ количествѣ, и земля, особенно находившаяся далеко, не рѣдко оставалась „пуста", „лежитъ впустѣ, ни самъ не владѣю, ни въ наемъ и въ оброкъ никто не емлетъ" (258, 260, 282, 293, 316), жаловались служилые люди. Отдавалась земля и „изъ податей великаго государя" [6]). Въ одномъ случаѣ упоминается земля, пріобрѣтенная въ собственность, „особая" и три служилыхъ человѣка имѣли вотчинныя земли—двое въ Переясл.-Ряз. у. [7]) и одинъ въ Луховскомъ [8]).

Обращаетъ на себя вниманіе обиліе половинщиковъ — исключительно этотъ разрядъ служилыхъ людей былъ развитъ по Керенской десятнѣ. Между тѣмъ какъ въ Пензенскихъ и Верхнеломовской десятняхъ о половинщикахъ не упоминается, а въ Атемарской упоминается одинъ разъ (345 стр.), въ Керенской десятнѣ половинщики упоминаются неоднократно—особенно между татарами [9]). У татаръ половинщиками являются и русскіе; въ этой же десятнѣ встрѣчается „четвертчикъ" (466 стр.)—Мельниковъ у Седенкова и Филатка Чураевъ у Бориски Сафарова (469)—послѣдній несомнѣнно татаринъ, значитъ въ качествѣ зависимыхъ отъ татаръ въ экономическомъ отношеніи являлись русскіе. Половинщики, пользуясь половиной земельныхъ угодій, принимали на себя половину служебныхъ обязанностей своего хозяина; а это указываетъ съ одной стороны на потерю охоты къ отбыванію военной службы со стороны служилыхъ людей — половинщики это своего рода наемники — а съ другой стороны, на исчезнувшую острую нужду въ услугахъ служилаго люда;

---

[1]) 274.
[2]) 281.
[3]) 304, 307, 306, 312.
[4]) 256.
[5]) 313, 337.
[6]) 322.
[7]) 285, 306, 370.
[8]) 371.
[9]) 458, 460, 461, 470, 472. Половинщики, впрочемъ, встрѣчаются и у русскихъ 466, 466, 468, 411.

на послѣдній фактъ указываетъ и то явленіе, что по Атемарской чертѣ службу несли не всѣ вдругъ, а всѣ служилые люди были раздѣлены на двѣ очереди, перемѣняясь. Въ концѣ Атемарской десятни 1680 г. приведенъ списокъ, раздѣленный на двѣ почти равныхъ части какъ по числу служилыхъ людей, такъ и по составу и роду оружія; въ каждой есть болѣе заслуженные и опытные люди и новики.

Такимъ образомъ историческія условія складывались такъ, что нынѣшняя Пензенская губернія должна была впослѣдствіи представить изъ себя губернію помѣщичью и при томъ помѣщиковъ мелкопомѣстныхъ по преимуществу, такъ какъ большинство ихъ были потомки служилыхъ людей, осѣвшихъ въ здѣшнемъ краѣ и положившихъ начало помѣщичьей колонизаціи его. Въ самомъ дѣлѣ, просматривая Десятни, мы видимъ, что громадное количество нынѣ существующихъ селъ и деревень ведетъ свое начало отъ служилыхъ людей, записанныхъ въ десятни. Благодаря послѣднимъ, является возможность опредѣлить, какія поселенія въ нынѣшней Пензенской губерніи возникли въ концѣ XVII в. Уже въ самыхъ Атемарскихъ, Пензенской и Верхнеломовской десятняхъ упоминаются поселенія: Уда, Пятина, Пичеевка, Новоселки, Корсаковка [1]); на основаніи же фамилій служилыхъ людей мы можемъ сказать, что въ этомъ же вѣкѣ положено основаніе слѣдующихъ селеній, находящихся въ нынѣшнемъ Саранскомъ уѣздѣ: Анненково, Левашево, Своитиново, Чуфарово, Сыропятовка, Вырыпаево, Языково, Маматовка, Евлашево, Симбухино, Сумароково, Шильниково, Горяиновка, Смольково, Кадышевка, Жулебина, Лыковщина, Скрябино, Грибоѣдово, Воробьевка, Журловка, Внуковка, Булгаково, Нечаевка, Дурасово, Жмакино, Тепловка; въ Инсарскомъ уѣздѣ находятся: Алферьево, Матвѣевка, всѣ на границѣ съ Саранскимъ уѣздомъ; въ Мокшанскомъ уѣздѣ: Бутурлино, Ермоловка и Брюховка. На основаніи Верхнеломовской десятни мы можемъ заключить объ основаніи въ XVII ст. слѣдующихъ поселеній въ нынѣшнемъ Наровчатскомъ уѣздѣ: Мещериной, Веденяпина, Волчковой, Пополутова, Гребенщиковой, Метальниковой, Шубиной, Невѣжиной; въ Нижнеломовскомъ уѣздѣ: Толковки, Чириковки, Стяшкиной, Немировки и въ Керенскомъ уѣздѣ Скуратово. Менѣе всего основано поселеній служилыми людьми Керенской десятни, именно:

[1]) Въ Атемарской десятнѣ 1680 г. еще упоминаются деревни: Тавла (332), Пензятка (334), Аксеново (328), Бѣлозерье (338), Рейтарская (329), но онѣ всѣ населены татарами.

с. Дураково, Кошаево и д. Щербаковка въ Керенскомъ уѣздѣ и Зубово въ Наровчатскомъ. Всего болѣе поселеній основано служилыми людьми, записанными въ Пензенскія десятни; безъ преувеличенія можно сказать, что большинство поселеній, расположенныхъ въ нынѣшнихъ Пензенскомъ и Мокшанскомъ уѣздахъ, получили свое названіе, а слѣдовательно и начало, отъ служилыхъ людей, знакомыхъ намъ по Пензенскимъ десятнямъ. Эти поселенія въ Пензенскомъ уѣздѣ слѣдующія: Оленевка, Колюпановка, Борисовка, Щукина, Зубаревка, Палеологово, Бардинка, Дубасовка, Блохино, Дурасовка, Алферьевка, Литомнино, Чириковка, Бекетовка, Симбухино и въ Мокшанскомъ: Кологривово, Лунино, Мантуровка, Телѣгино, Большое и Малое Левино, Ульяновка, Свіязевка, Грязевка, Владыкино, Синцово, Юдино, Тепловка, Степановка, Кадышево, Бекетовка, Тоузаково, Гольцовка, Болотниково, Кугушевка (Грачевка), Сумароково, Шихмаметевка, Скрябино, Дубасово (Танѣевка), Бибиково, Першино, Плотцово, Бѣликово. Менѣе всего коснулась колонизація Городищенскаго уѣзда, въ которомъ, повидимому, поселились три помѣщика: Пансыревъ, Ребровскій и Неклюдовъ, давшіе соотвѣтственныя названія и поселеніямъ, и Чембарскаго, гдѣ д. Дерябиха, безъ сомнѣнія, получила свое названіе отъ И. В. Дерябина, упоминаемаго въ 1-й и 3-й Пензенскихъ десятняхъ.

Но этотъ списокъ былъ бы далеко не полонъ, если бы мы стали руководствоваться только одними созвучіями поселеній съ лицами, упоминаемыми въ Десятняхъ Пензенскаго Края. Вѣдь многія поселенія могли и не носить имени своего основателя. На счастье у насъ имѣется документъ, который восполняетъ свѣдѣнія о колонизаціи Пензензскаго Края и именно Пензенскаго и Мокшанскаго уѣздовъ. Это Переписныя книги Пензенскаго уѣзда [1]). Правда, этотъ документъ начала XVIII вѣка (1710 г.), но въ немъ въ качествѣ владѣтелей того или другого селенія упоминается много лицъ, встрѣчающихся въ Пензенскихъ десятняхъ. На основаніи этихъ Переписныхъ книгъ, мы можемъ списокъ поселеній, основанныхъ въ концѣ XVII вѣка, увеличить еще слѣдующими названіями: Большой Колояръ, гдѣ, вмѣстѣ съ другимъ владѣльцемъ, упоминается И. О. Ховринъ, поименованный въ Атемарскихъ и 3-й Пензенской десятнѣ; дер. Нетесовка, числившаяся въ 1710 г. за Гр. М. Нетесовымъ, и дер. Мартыновка, числившаяся за И. Ф. Мартыновымъ, упоминаемыми въ 1-й и 3-й Пен-

[1]) Сборн. Пенз. Губ. Стат. Ком. V-й вып.

зенскихъ десятняхъ; дер. Булановка, въ которой между совладѣтелями былъ А. С. Тургеневъ, упоминаемый въ 3-й Пензенской десятнѣ, дер. Ксенофонтьевка (Цебаповка), принадлежавшая вдовѣ Гр. М. Бартенева, записаннаго во 2-ю Пензенскую десятню, с. Липяги, имѣвшіе въ числѣ своихъ владѣтелей С. С. Мартынова, записаннаго въ началѣ 1-й и 3-й Пензенскихъ десятенъ, с. Родники, принадлежавшіе Ст. и Н. П. Мартыновымъ, помѣщеннымъ въ 3-й Пензенской десятнѣ, М. Колояръ или Крабово, принадлежавшее А. А. Крабову, упомянутому въ обѣихъ Пензенскихъ десятняхъ 1696 г. [1]); дер. Колонъ, Чембарскаго уѣзда, имѣла въ 1710 г. въ числѣ совладѣтелей И. И. Анцкіева, записаннаго въ Атемарской десятнѣ 1680 г. за С. Н. Ховринымъ и А. М. Алферьевымъ, упоминаемыми въ 1-й Пензенской десятнѣ, дер. Ямизина, дер. Соколовка числились за И. Ф. Литомнинымъ, упоминаемымъ въ 3-й Пензенской десятнѣ (56); въ числѣ владѣтелей с. Бибикова по Переписной книгѣ 1710 г. значатся И. С. Бибиковъ и Гр. Ф. Стяшкинъ, оба упоминаемые въ Пензенскихъ десятняхъ; въ числѣ владѣтелей с. Назарьевки былъ М. Ф. Пановъ, который является во 2-й Атемарской десятнѣ въ качествѣ набиравшаго въ 1678 г. казаковъ въ рейтарскую службу; П. А. Левинъ, являющійся владѣтелемъ с. Левина (Архангельскаго) въ 1710 г., значится во всѣхъ Пензенскихъ десятняхъ.

Иногда мы видимъ въ Переписной книгѣ 1710 г. владѣтелями дѣтей, родители которыхъ значатся въ Пензенскихъ десятняхъ; такъ въ числѣ владѣтелей с. Бибикова упоминаются Павелъ и Леонтій Григорьевы Шильниковы, очевидно, дѣти Гр. В. Шильникова, помѣщеннаго въ 1 и 2 Пензенскихъ десятняхъ; владѣтелемъ с. Юдина въ 1710 г. былъ стольникъ Л. П. Нечаевъ, сынъ Панкрата Нечаева, упоминаемаго въ 1-й Атемарской десятнѣ; дер. Шелдаисъ по Переписной книгѣ 1710 г. принадлежала И. и И. Палеологовымъ, упоминаемымъ въ Пензенской десятнѣ, и Мих. Прок. Бардину, безъ сомнѣнія, сыну Прок. Панкр. Бардина, тоже записаннаго въ 1-й Пензенской десятнѣ [2]); дер. Петровка была въ 1710 г. за В. А. Дурасовымъ, сыномъ А. Л. Дурасова, упоминаемаго въ 1-й Пензенской десятнѣ (24); дер. Давыдовка, бывшая въ 1710 г. за М. Дав. Протопоповымъ, сыномъ Дав. Протопопова, упоминаемаго въ 1 и 3 Пензенскихъ десятняхъ (55). Ермоловка, бывшая въ 1710 г. за М. В. Ермоловымъ,

---

[1]) Тамъ же, 32, 45 и 46 стр.

[2]) 42, 43, 47, 45, 36.

сыномъ В. А. Ермолова, упоминаемаго въ 3-й Пензенской десятнѣ (56), дер. Тоузаково за И. Ф. Тоузаковымъ, сыномъ Ѳ. М. Тоузакова, упоминаемаго въ 1-й Пензенской десятнѣ (57); въ числѣ владѣтелей с. Успенскаго былъ С. П. Мартыновъ, упоминаемый въ 3-й Пензенской десятнѣ (58).

Поселенія, основанныя служилыми людьми пензенскаго края, выходили за предѣлы нынѣшней Пензенской губерніи; такъ за Ив. Прок. Перекосовымъ и Прок. С. Бибиковымъ, записанными въ 3 Пензенской десятнѣ, въ 1710 г. значится дер. Кузьмино или Порекосово въ нынѣшней Саратовской губ. [1]); служилыми людьми атемарскаго края основаны поселенія въ Симбирской губерніи: Апраксино, Болдино, Тарханово, Юрловка, Аристовка, Любовцево, Юдино, Араповка, Григоровка, Зачарино, Жадовка, Зиновьевка и въ Нижегородской Подломасово.

Что касается до количества жителей, до населенности края, то, конечно, она была не велика; такъ въ дер. Шелдаисѣ за драгуномъ Ѳ. И. Алферьевымъ, значащимся въ 3 Пензенской десятнѣ, числилось въ 1710 г. 10 человѣкъ крестьянъ; въ с. Скрябинѣ за Н. Ф. Скрябинымъ, записаннымъ въ 1 и 3 Пензенскія десятни, было дѣловыхъ обоего пола 17 и крестьянъ 26 чел. въ 6 дворахъ; въ с. Архангельскомъ (Левино) было 32 чел. дѣловыхъ, 32 дв. крестьянъ съ 79 чел. обоего пола [2]).

Не всѣ поселенія, основанныя въ XVII вѣкѣ и существовавшія въ началѣ XVIII вѣка, существуютъ въ настоящее время: нѣкоторыхъ, правда весьма немногихъ, не существуетъ; такъ нѣтъ дер. Ямщины, бывшей рядомъ съ нынѣшней Безсоновкой, нѣтъ дер. Нетесовки, находившейся около нынѣшняго села Грабовки, нѣтъ дер. Булановки, бывшей между нынѣшними селами Чирковомъ и Юдиномъ, нѣтъ дер. Мартыновки, находившейся около села Юдина, и дер. Синоровки, бывшей около дер. Цебановки—и только въ живыхъ урочищахъ остались воспоминанія о когда-то бывшихъ здѣсь поселеніяхъ. Такъ, дер. Булановку напоминаетъ маленькій овражекъ Буланенькій, а Безобразовское поле напоминаетъ помѣщика И. Гр. Безобразова, которому принадлежала въ началѣ XVIII вѣка дер. Синоровка [3]).

Въ заключеніе хотѣлось бы сказать нѣсколько словъ о житьѣ-бытьѣ

---

[1]) 54.
[2]) 37, 41, 47.
[3]) 45.

поселенцевъ Пензенской окраины въ концѣ XVII вѣка. Къ сожалѣнію, Десятни Пензенскаго Края на этотъ счетъ не даютъ никакихъ прямыхъ указаній, но можно предположить, что оно было не изъ спокойныхъ. Изъ Десятенъ видно, что служилые люди пензенскаго края значительную часть времени проводили въ походахъ на дальнихъ и ближнихъ окраинахъ, какъ восточныхъ, такъ и западныхъ: они были въ Малороссіи и Литвѣ, принимали участіе въ крымскихъ походахъ и въ дѣлахъ противъ калмыковъ, бились противъ Разина, служили то въ Казани, то въ Уфѣ, то въ Царицынѣ. Можно сказать, ни одна война, веденная Московскимъ государствомъ во второй половинѣ XVII вѣка, не обходилась безъ участія пензенскихъ служилыхъ людей. Насколько честно они исполняли свой долгъ передъ родиной, можно видѣть изъ списка умершихъ и выбывшихъ въ другіе города, помѣщеннаго въ Атемарской десятнѣ 1670 г. [1]); изъ 118 выбывшихъ недобровольно—50 человѣкъ показано погибшими во время походовъ—главнымъ образомъ башкирскихъ и литовскихъ; но есть сложившіе свои кости подъ Ригой, Царицыномъ, въ Москвѣ; нѣсколько человѣкъ попали въ плѣнъ и въ крымской неволѣ скоротали свой вѣкъ. Да и находясь дома, они далеко не пользовались отдыхомъ: они должны были строить укрѣпленія—города и острожки,—проводить сторожевыя черты (мокшанскую и пензенскую) [2]), насыпать валы, рубить засѣки. Ко всему этому присоединялись бѣдствія отъ нападеній инородцевъ; эти нападенія были настолько опустошительны, что иногда цѣлыя

---

[1]) 235—246.

[2]) Въ статьѣ „О Строельной книгѣ города Пензы“ (*Журн. Мин. Нар. Просв.* 1908 г., № 9) мы высказали мнѣніе, что гор. Мокшанъ сталъ существовать, какъ русскій городъ, въ концѣ XVII ст. Пензенскія Десятни подтверждаютъ нашу мысль; тамъ по 1 Пензенской десятнѣ Дурасовъ награжденъ „за Пензенское и Московское городовое и засѣчное дѣло 188 году“ (27); въ 185 и 187 гг. служилые люди не только Пензенскаго уѣзда, но и Атемарскаго были привлечены къ участію въ Пензенскомъ валовомъ и засѣчномъ дѣлѣ (5, 24, 147). Этотъ валъ и засѣка, очевидно, шли отъ Пензы къ Мокшану и далѣе къ Н. Ломову. Такимъ образомъ Мокшанъ являлся однимъ изъ укрѣпленныхъ пунктовъ на этой чертѣ; примкнула къ ней впослѣдствіи Сызрано-Пензенская черта. Значитъ, заселеніе р. Мокши русскимъ племенемъ шло не съ верховьевъ рѣки къ нижнему ея теченію, что и естественно, а наоборотъ. Кадомъ — самое древнее поселеніе при впаденіи Мокши въ Оку, затѣмъ является Темниковъ, уже въ 1536 г. перенесенный на другое мѣсто, Красная Слобода, основанная въ этомъ году, Троицкъ, уже существовавшій въ первой четверти XVII вѣка какъ дворцовое село, а во второй половинѣ того же вѣка бывшій уже военно-административнымъ центромъ, и наконецъ Мокшанъ, въ 1681 г. несомнѣнно уже существовавшій (Труды Пенз. Арх. Комиссіи III, 136).

селенія были вынуждены разбредаться въ разныя стороны. Такъ по Строельной книгѣ гор. Пензы въ дер. Шелдаисѣ было 17 дв., а въ концѣ XVII вѣка осталось только четыре человѣка; остальные разбрелись врозь „въ приходы воинскихъ людей" (Сб. Пенз. Губ. Ст. Ком. IV, 13). Въ десятняхъ упоминаются бои съ башкирами и калмыками; въ этихъ бояхъ многіе изъ служилыхъ людей получили тяжкія раны и увѣчья, а нѣкоторые и голову сложили.

Ив. Тихомировъ.

КЪ ВОПРОСУ О СОСТАВѢ И ЗНАЧЕНІИ ЗЕМСКИХЪ СОБОРОВЪ.

I.

Учрежденіе, которое принято называть земскимъ соборомъ, держалось на Руси приблизительно въ теченіе 100 лѣтъ. Его политическая роль за это время чрезвычайно измѣнчива. Ходъ событій то выдвигаетъ соборы на передній планъ, — и они становятся средоточіемъ государственной жизни, то возвращаетъ ихъ снова въ кругъ обычныхъ будничныхъ явленій, — и тогда исчезаетъ почти всякій слѣдъ ихъ дѣятельности. Такая измѣнчивость въ значеніи не есть, однако, особенность однихъ нашихъ соборовъ. И представительныя учрежденія запада въ соотвѣтствующій періодъ своей исторіи переживали также большія колебанія въ степени силы и жизненности—въ зависимости отъ условій времени. Но рядомъ съ этой, свойственной и западнымъ представительнымъ учрежденіямъ, чертой земскій соборъ обнаруживаетъ еще другую — крайнюю неопредѣленность своей природы, т. е. какъ тѣхъ источниковъ, изъ которыхъ онъ черпаетъ полномочія, такъ и тѣхъ государственныхъ потребностей, которымъ онъ служитъ. Въ этомъ отношеніи исторія запада, кажется, не даетъ намъ аналогій, оставляя земскій соборъ одинокимъ примѣромъ своеобразной политической эволюціи.

Ни въ историческихъ, ни въ историко-юридическихъ изслѣдованіяхъ мы не найдемъ общаго опредѣленія собора въ точныхъ юридическихъ терминахъ. И это понятно. Съ одной стороны, соборъ совмѣщаетъ въ себѣ въ разное время слишкомъ разнообразныя функціи, являясь то учредительнымъ, то законодательнымъ, то совѣщательнымъ, то просто освѣдомительнымъ учрежденіемъ. Съ другой стороны, онъ противится подведенію подъ общую формулу вслѣдствіе измѣнчивости своей соціальной физіономіи: въ моменты расцвѣта онъ выступаетъ

передъ нами какъ живой носитель общей воли, „совѣтъ всей земли“, въ другіе моменты онъ утрачиваетъ этотъ „всенародный“ характеръ, появляясь съ болѣе или менѣе съуженнымъ соціальнымъ значеніемъ. Можно ли въ одномъ опредѣленіи охватить такія различія? Отсюда, повидимому, слѣдуетъ, что составить себѣ правильное понятіе о земскомъ соборѣ можно, только слѣдя за нимъ въ различныхъ періодахъ его историческаго существованія.

Итакъ, если бы мы поставили себѣ вопросъ, что такое земскій соборъ, то полный отвѣтъ на него долженъ принять форму историческаго построенія. Но послѣднее можетъ быть двоякаго рода. Можно построить исторію политическаго учрежденія, какъ послѣдовательную эволюцію опредѣленной формы соотношенія политическихъ элементовъ. Здѣсь каждая перемѣна будетъ представляться какъ реализація возможностей, уже заложенныхъ въ основномъ типѣ соотношенія и только видоизмѣняющихся въ связи съ тѣми или другими конкретными условіями. Такъ строится, напримѣръ, исторія англійскаго парламента. Но въ иныхъ случаяхъ приходится пользоваться другимъ пріемомъ. Можетъ быть, что тѣ перемѣны, которыя происходятъ въ строеніи извѣстнаго учрежденія и его дѣятельности, выражаютъ собой не органическое развитіе основного типа, а болѣе или менѣе механическое осложненіе послѣдняго привходящими элементами. Тогда исторія учрежденія будетъ представлять собой процессъ наростанія новыхъ функцій и свойствъ, не связанныхъ органически съ планомъ первоначальнаго цѣлаго. Примѣромъ подобнаго построенія могла бы служить исторія нашего приказнаго управленія. Въ изслѣдованіяхъ о земскихъ соборахъ обыкновенно примѣняется первый пріемъ. Исторія соборовъ понимается какъ развитіе представительства, возникшаго въ XVI и прекратившагося въ XVII вѣкѣ, при чемъ на время смуты падаетъ періодъ рѣшительнаго перелома въ его характерѣ и направленіи. Можно, однако, сказать, что изображеніе самой эволюціи у позднѣйшихъ, наиболѣе осторожныхъ, изслѣдователей выходитъ довольно блѣднымъ и какъ будто нерѣшительнымъ: съ большей или меньшей яркостью выдвигаются отдѣльные моменты, но общая мысль о послѣдовательномъ развитіи скорѣе навязывается положеннымъ въ основу понятіемъ представительства, чѣмъ высказывается категорически и опредѣленно. И, кажется, это—неслучайность. Изъ данныхъ о составѣ представительства въ XVI вѣкѣ слѣдуютъ выводы, которые дѣлаютъ понятіе представительства для этого времени совершенно проблематическимъ. Такимъ образомъ, приходится собственно отправной пунктъ эволюціи

съ начала историческаго процесса перемѣщать въ средину, а въ недалекомъ разстояніи отъ нея уже начинаетъ чувствоваться приближеніе конца. Значитъ, свойства матеріала крайне ограничиваютъ перспективу, которой требуетъ эволюціонное построеніе.

Настоящій очеркъ представляетъ попытку иного построенія исторіи земскихъ соборовъ, — того именно, въ которомъ рядъ перемѣнъ, наблюдаемыхъ въ жизни извѣстнаго учрежденія, понимается не какъ процессъ эволюціи, а какъ процессъ наростанія явленій, исходящихъ изъ разныхъ источниковъ. При этомъ съ самаго начала придется критически отнестись къ понятію представительства въ примѣненіи его къ соборамъ: принятый заранѣе, этотъ терминъ уже до извѣстной степени предрѣшаетъ вопросъ, опредѣляя способъ пониманія матеріала со стороны изслѣдователя.

II.

Для пониманія характера учрежденія важно наблюдать его въ моментъ возникновенія. Отсюда—значеніе вопроса, когда былъ первый земскій соборъ. Долгое время принимали безъ колебаній, что впервые земскій соборъ былъ созванъ Иваномъ Грознымъ въ 1550 г., при чемъ это мнѣніе опиралось, главнымъ образомъ, на свидѣтельство такъ называемаго Хрущевскаго списка Степенной книги. Но послѣ того, какъ проф. Платоновымъ было доказано, что относящееся сюда мѣсто Степенной книги представляетъ собой позднѣйшую интерполяцію сомнительной конструкціи [1]), трудно уже сохранять эту увѣренность. Основаніе рѣшительно перестало соотвѣтствовать размѣрамъ постройки. Однако, названный документъ требуетъ объясненія въ тѣхъ пунктахъ, въ которыхъ его показанія совпадаютъ съ другими свидѣтельствами той эпохи. Въ Хрущевской Степенной книгѣ мы читаемъ, что царь Иванъ Васильевичъ „егда бысть въ возрасте 20 году, видѣ государство свое въ велицеи тузѣ і печали отъ насилія сильныхъ и отъ неправдъ, *умысли смирити всѣхъ въ любовь* и совѣтовавъ со отцомъ своимъ Макаріемъ митрополитомъ, какъ бы уставити крамолы, неправды раззорити і вражду утолити, повелѣ собрати свое государство изъ городовъ всякаго чину“ [2]). Далѣе приводятся рѣчи, съ которыми царь обратился, стоя на лобномъ мѣстѣ, сначала къ митрополиту, а

---

[1]) *С. Ѳ. Платоновъ.* Рѣчи Грознаго на земскомъ соборѣ 1550 г. *Журн. Мин. Нар. Пр.*, 1900 г., № 3.

[2]) Собр. Гос. Гр. и Дог., II т., 45 стр.

потомъ ко всѣмъ собравшимся „Божіимъ людямъ". Если по основаніямъ, указаннымъ проф. Платоновымъ, сообщеніе о собраніи „государства изъ городовъ всякаго чину" нужно считать продуктомъ собственныхъ соображеній автора вставки, то упоминаніе о намѣреніи царя „смирити всѣхъ въ любовь", т. е. устроить общее примиреніе, имѣетъ подъ собой, повидимому, твердую историческую почву. Объ этомъ примиреніи царь пишетъ въ слѣдующемъ году въ своемъ обращеніи къ стоглавому собору: „въ предшедшее лѣто билъ есмя вамъ челомъ и съ боляры своими о своемъ согрѣшеніи, и боляре, такожде и вы насъ въ нашихъ винахъ благословили и простили" [1]). О томъ же актѣ грозный царь вспоминаетъ и потомъ, много времени спустя, въ своемъ посланіи къ Курбскому [2]). Нужно думать поэтому, что передъ нами дѣйствительный историческій фактъ, оставившій, повидимому, довольно глубокій слѣдъ въ душѣ царя. Но какой конкретный смыслъ и содержаніе могло имѣть это примиреніе? Проф. Ключевскій, принимая дѣйствительность собора и даже опредѣленно указывая въ качествѣ предмета соборныхъ занятій вопросы объ улучшеніи мѣстнаго суда и управленія, понимаетъ актъ примиренія какъ предложеніе царя служилымъ людямъ покончить мировымъ порядкомъ всѣ ихъ тяжбы съ земскими людьми, возникавшія изъ-за кормленій [3]). Но не говоря уже о томъ, что чрезвычайная торжественность обстановки не соотвѣтствуетъ временному характеру предполагаемой мѣры, которая оставляла въ полной силѣ самый порядокъ, вызывавшій злоупотребленія,—такое пониманіе произвольно ограничиваетъ дѣйствующія въ сценѣ примиренія стороны всего двумя — служилыми людьми и земскими. И по рѣчи царя къ отцамъ стоглаваго собора, и по перепискѣ его съ Курбскимъ, — на Красной площади происходило также примиреніе между царемъ и боярами; а если придавать значеніе соотвѣтствующему показанію Степенной книги, — мысль молодого царя была еще шире: прекратить въ государствѣ вообще крамолы, неправды и вражду. Такое предпріятіе производитъ теперь впечатлѣніе фантастической затѣи, а между тѣмъ, если принять во вниманіе условія тогдашней дѣйствительности и нѣкоторыя особенности характера Грознаго, оно психологически становится правдоподобнымъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что уже и тогда московское общество поражено

---

[1]) Стоглавъ, 3-я глава.

[2]) Цит. у Жданова: Истор. Вѣстн. 1880 г. февраль, 307 стр.

[3]) *В. О. Ключевскій.* Составъ представительства на земскихъ соборахъ. Рус. Мысль, 1892 г., январь, стр. 154.

было той соціальной болѣзнью, которая потомъ съ такой силой проявилась въ смутѣ. Борьба изъ-за земли и изъ-за крестьянъ между высшими классами, принимавшая все болѣе ожесточенный характеръ, съ одной стороны, тяжелое положеніе тяглой массы, на которую давилъ одновременно гнетъ и правительственнаго механизма и крѣпостническихъ стремленій землевладѣльцевъ — съ другой, все это дѣлало состояніе взаимной вражды, соперничества, интригъ, насилій постоянной атмосферой, въ которой протекала жизнь населенія Московскаго государства. Иванъ IV, можно думать, долго не видѣлъ или не хотѣлъ видѣть всѣхъ этихъ нестроеній въ управленіи и общественныхъ отношеніяхъ. Онъ долженъ былъ обратить вниманіе на состояніе своего царства только подъ давленіемъ чрезвычайныхъ происшествій, когда окружавшая мрачная дѣйствительность сама подошла съ угрозой къ царскимъ чертогамъ. Съ этого момента начинается, какъ извѣстно, усиленная военная и правительственная дѣятельность царя. Но лишенный способности къ организующему терпѣливому труду, а въ то же время привыкшій жить порывами и изъ всего умѣвшій дѣлать поводъ къ упоенію эффектной ролью, царь Иванъ не могъ просто подойти къ открывшейся передъ нимъ сложной работѣ государственнаго строительства и долженъ былъ дать ей, по крайней мѣрѣ въ началѣ, постановку, которая бы дѣйствовала на нервы и воображеніе. Этой потребности, мнѣ кажется, и служила торжественная сцена примиренія на Красной площади: однимъ высокимъ порывомъ, къ которому онъ хотѣлъ пріобщить и своихъ подданныхъ, царь расчищалъ почву для предстоящей будничной работы. Также рѣшительно въ другой разъ онъ хотѣлъ порвать съ своимъ личнымъ прошлымъ, чуть было, по собственному признанію, не постригшись въ Кирилловомъ монастырѣ. Можетъ быть, впрочемъ, Грозный, устраивая эту сцену, не такъ ужъ далекъ былъ и отъ дѣйствительнаго склада тогдашнихъ нравовъ. Въ лѣтописи есть разсказъ о томъ, какъ въ царствованіе Ѳедора Ивановича московскіе гости и „всякіе торговые люди", примыкавшіе къ партіи Шуйскихъ и враждебные партіи Годуновыхъ, приходили, по настоянію митрополита, публично мириться съ Борисомъ Ѳедоровичемъ; разсказъ этотъ самъ собой напрашивается на сопоставленіе съ повѣствованіемъ Степенной книги [1]).

И такъ, „соборъ примиренія", какъ назвалъ проф. Ждановъ событіе, происходившее на Красной площади въ 1550 г., по всей вѣ-

[1]) Никон. лѣт., VIII т., стр. 8.

роятности, былъ не организованнымъ политическимъ учрежденіемъ, а формой непосредственнаго общенія власти съ народомъ, имѣвшаго скорѣе моральный, чѣмъ юридическій смыслъ. Этотъ же пріемъ обращенія къ народу царь повторитъ въ 1563 г., когда захочетъ объяснить учрежденіе задуманной имъ опричины. Нельзя настаивать, но все же можно задаваться вопросомъ, не сказалась ли въ дѣйствіяхъ Грознаго царя вѣчевая традиція древней Руси, только трудно узнаваемая въ той формѣ, въ какую облекли ее долгіе годы московской исторіи? Въ этомъ смыслѣ можно бы сближать „соборъ примиренія" и съ земскими соборами, поскольку и они могутъ вызывать у наблюдателя тотъ же вопросъ...

Первымъ уже безспорно признаваемымъ всѣми земскимъ соборомъ является соборъ 1566 г., созванный Иваномъ IV по вопросу о перемиріи съ Польшой и Литвой. Близко къ нему, по составу и значенію, стоитъ соборъ 1598 г., избиравшій Бориса Годунова на царство. Оба эти собора, относясь къ XVI вѣку, т. е. къ тому времени, когда на Руси только возникаетъ участіе соборовъ въ управленіи, можно разсматривать, какъ образцы первоначальнаго типа этого учрежденія, и по отношенію именно къ нимъ прежде всего нужно рѣшить, можно ли и въ какомъ смыслѣ считать ихъ представительными учрежденіями?

Отвѣтить на поставленный вопросъ значитъ — опредѣлить, изъ какого источника члены собора получали свои полномочія, или, такъ какъ въ примѣненіи къ нимъ будетъ трудно говорить о полномочіяхъ, то—что служило основаніемъ ихъ призыва на соборъ; и, во-вторыхъ, каковъ былъ политическій авторитетъ соборовъ разсматриваемаго типа? Нужно, однако, сказать, что въ прямыхъ источникахъ, какіе мы имѣемъ для исторіи соборовъ XVI вѣка,—прежде всего, конечно, въ соборныхъ актахъ,—нѣтъ указаній ни на ту, ни на другую сторону въ жизни собора, и для возстановленія прошлой дѣйствительности мы располагаемъ въ настоящее время только окольнымъ путемъ, который указанъ проф. Ключевскимъ въ его статьяхъ о соборномъ представительствѣ. Акты соборовъ 1566 г. и 1598 г. сохранили списки лицъ, входившихъ въ ихъ составъ; отправляясь отъ этихъ списковъ и изслѣдуя, насколько позволяютъ средства, соціальное положеніе и служебную карьеру членовъ собора, и можно отчасти восполнить указанный пробѣлъ въ нашихъ источникахъ. Другими словами, составъ соборовъ можетъ служить ключемъ къ пониманію ихъ политическаго значенія.

Въ составѣ соборовъ, о которыхъ идетъ рѣчь, различаютъ, съ одной стороны, учрежденія—боярскую думу и освященный соборъ, съ другой—нѣкоторыя общественныя группы. Это различеніе элементовъ можетъ предрасполагать къ мысли о двойственности самаго принципа, на основаніи котораго составлялись соборы: невольно является склонность — заранѣе усвоить общественнымъ группамъ, въ отличіе отъ учрежденій—элемента офиціальнаго,—представительный характеръ (въ томъ или иномъ смыслѣ) и въ такомъ направленіи истолковывать имѣющійся матеріалъ. Необходимо поэтому ближе присмотрѣться къ характеру общественнаго элемента, чтобы опредѣлить, насколько справедлива подобная тенденція и съ какимъ значеніемъ на самомъ дѣлѣ лица разныхъ классовъ входили въ составъ соборовъ. Общественныя группы, присутствовавшія на соборахъ 1566 г. и 1598 г., принадлежатъ къ двумъ классамъ — служилому и торговопромышленному. Въ частности, въ спискѣ собора 1566 года служилые люди образуютъ 3 группы: дворяне первой статьи (97), дворяне и дѣти боярскіе второй статьи (99) и 9 помѣщиковъ—торопецкихъ и луцкихъ. На соборѣ 1598 г. имъ соотвѣтствуютъ группы столичныхъ чиновъ: стольниковъ, дворянъ, стряпчихъ, головъ стрѣлецкихъ, жильцовъ; въ особую группу выдѣлены дворяне подъ названіемъ „изъ городовъ выборъ“ (34). Изъ лицъ торговопромышленнаго класса въ составѣ перваго собора находимъ: гостей (12), „торговыхъ людей москвичей“ (41) и смольнянъ (22); въ составъ второго изъ того же класса вошли: гости (15), сотскіе и старосты московскихъ сотенъ—гостиной, суконной и черныхъ. Какъ видимъ, группы, принадлежащія къ однимъ и тѣмъ же классамъ, носятъ въ соборныхъ спискахъ разныя названія. Это различіе въ терминологіи не означаетъ, однако, разницы по существу. Можно, напротивъ, установить извѣстное соотвѣтствіе между обоими соборными списками, какъ въ отношеніи соціальнаго значенія группъ, такъ и въ отношеніи принципа, по которому производился ихъ подборъ.

Что касается служилыхъ людей, то, какъ сказано, они разбиваются — въ соборномъ актѣ 1566 г. на статьи, въ актѣ 1598 г. — на чины и особый разрядъ — „изъ городовъ выборъ“. Какой смыслъ имѣютъ эти классификаціи? Мы лучше поймемъ ту и другую, если будемъ имѣть въ виду основное различіе между служилыми людьми, обусловленное дѣленіемъ ихъ на столичныхъ и провинціальныхъ (городовыхъ). Столичные дворяне, въ общемъ болѣе состоятельные, имѣли преимущество передъ провинціальными и въ служебномъ отно-

шеніи, являясь носителями высшихъ чиновъ—стольниковъ, стряпчихъ, жильцовъ, почти недоступныхъ служилому человѣку изъ провинціи. Отсюда можно сказать, что чинъ, свидѣтельствуя о служебныхъ успѣхахъ лица, являлся вмѣстѣ и показателемъ его соціальнаго положенія въ смыслѣ принадлежности къ столичному дворянству. Дѣленіе дворянъ на столичныхъ и провинціальныхъ помогаетъ уяснить значеніе соборныхъ списковъ, но, какъ сразу же легко замѣтить, оно даетъ меньше для пониманія списка 1566 г., чѣмъ списка 1598 г., и потому удобнѣе разсмотрѣть сначала послѣдній, чтобы затѣмъ, имѣя въ виду полученные результаты, обратиться къ первому.

Очевидно, что большая часть присутствовавшихъ на соборѣ 1598 г. служилыхъ людей, всѣ эти стольники, стряпчіе и проч. принадлежали къ столичному дворянству. Остается только неопредѣленной группа, выдѣленная подъ названіемъ „выборъ изъ городовъ". Кто были эти дворяне? Ихъ имена почти ничего не говорятъ объ ихъ общественномъ положеніи, оставшись въ большинствѣ неизвѣстными и московскимъ разряднымъ книгамъ. Но самый терминъ „изъ городовъ выборъ" допускаетъ объясненіе. Хорошо извѣстенъ обычай московскаго правительства, вошедшій въ практику приблизительно съ половины XVI вѣка, вызывать лучшихъ провинціальныхъ дворянъ на опредѣленный срокъ (по Маржерету — на 3 года) въ Москву на службу. Эти дворяне въ документахъ XVII вѣка постоянно встрѣчаются подъ названіями дворянъ выборныхъ или дворянъ изъ городовъ. Несомнѣнная близость названій сама какъ бы подсказываетъ мысль, что въ „выборѣ изъ городовъ" 1598 г. мы имѣемъ именно провинціальныхъ служилыхъ людей, отбывавшихъ временную службу по вызову правительства, — мысль тѣмъ болѣе правдоподобную, что съ ея принятіемъ устанавливается единство самаго принципа дѣленія дворянъ въ спискѣ: вызовъ въ Москву по существу означаетъ также служебное положеніе, какъ и столичный чинъ. Такое пониманіе сталкивается, однако, съ противуположнымъ мнѣніемъ проф. Ключевскаго. Основываясь на томъ, что 10 человѣкъ изъ разсматриваемой группы значатся въ сохранившемся отъ 1577 года „спискѣ бояръ, окольничихъ и дворянъ" — 9 въ разрядѣ дворянъ и 1 въ разрядѣ жильцовъ,—проф. Ключевскій считаетъ этихъ 10, а съ ними и всѣхъ остальныхъ членовъ группы, столичными дворянами, только перечисленными когда-то изъ провинціальныхъ и еще сохранявшими связь съ провинціей по землевладѣнію. Отсюда и терминъ „выборъ" онъ склоненъ толковать не въ смыслѣ отбора, вызова на столичную службу, а въ смыслѣ общественнаго избранія

для представительства на соборѣ [1]). Конечно, мысль найти слѣды выборнаго представительства на Руси еще въ XVI вѣкѣ сама по себѣ очень привлекательна; тѣмъ не менѣе основанія, на которыхъ она держится, внушаютъ мало довѣрія. Вся аргументація, какъ будто выходитъ изъ предположенія, что въ спискѣ 1577 г. мы имѣемъ дѣло только съ столичнымъ дворянствомъ; но такое предположеніе, если оно дѣйствительно имѣется (а иначе трудно понять ходъ мыслей автора), было бы произвольно. Сомнѣніе въ его правильности можетъ вызвать уже самое оглавленіе списка; оно гласитъ: „списокъ бояръ, окольничихъ и дворянъ, которые служатъ изъ выбора“ [2]). Можно ли, однако, „дворянъ, которые служатъ изъ выбора“, отожествлять съ столичными дворянами? Едва ли. Правда, среди столичныхъ чиновъ извѣстенъ чинъ „московскихъ дворянъ“, но, по всей вѣроятности, онъ выработался только къ концу XVI вѣка; по крайней мѣрѣ въ спискахъ XVI вѣка—въ разрядной книгѣ Полоцкаго похода 1563 г., а также и въ спискѣ 1577 г. онъ не встрѣчается на ряду съ другими столичными чинами. Скорѣе всего, терминъ „дворяне“ въ это время обозначалъ вмѣстѣ и дворянъ московскихъ, и дворянъ „выборныхъ“, т. е. провинціальныхъ, но служившихъ въ Москвѣ; тѣ и другіе еще не дифференцировались въ смыслѣ терминологіи. Нѣкоторыя подробности въ спискѣ 1577 года, какъ разъ и подтверждаютъ такое представленіе дѣла. Здѣсь, съ одной стороны, подъ титуломъ „дворяне“ рядомъ съ представителями столичнаго дворянства мы находимъ лицъ, несомнѣнно принадлежавшихъ къ провинціальнымъ, хотя и „великимъ родамъ“, напримѣръ, Сумбулова Г. Ѳ., Биркина И. П., кн. Засѣкиныхъ, кн. Г. Шаховскаго и др. [3]); съ другой стороны, при многихъ дворянахъ видимъ въ спискѣ отмѣченными и города, изъ которыхъ они вызваны. Значитъ, можно предполагать, что и тѣ 9 дворянъ, на которыхъ дѣлается ссылка, могли войти въ списокъ 1577 г. въ качествѣ „выборныхъ“, оставаясь провинціальными дворянами. Не го-

---

[1]) *В. О. Ключевскій.* Составъ представительства на земскихъ соборахъ. Русская Мысль, 1891 г., январь, стр. 139—40.

[2]) Акты Московскаго государства, т. 1-й, № 26.

[3]) И самъ проф. Ключевскій не сохраняетъ до конца своей вѣры въ столичный составъ списка 1577 г. Тамъ въ числѣ дворянъ изъ Вязьмы, помѣщенныхъ въ разрядѣ „дворянъ“, названъ, между прочимъ П. Наумовъ. И объ этомъ П. Наумовѣ Ключевскій говоритъ: „По списку 1577 г. П. Наумовъ служилъ дворяниномъ по гор. Вязьмѣ; сынъ его принадлежалъ уже къ столичному дворянству“... Значитъ, П. Наумовъ, хотя и значится въ спискѣ 1577 г., не былъ столичнымъ дворяниномъ?..

ворить съ рѣшительностью въ пользу принадлежности „выбора изъ городовъ“ къ столичному дворянству и то, что среди этой группы оказался служилый человѣкъ, по списку 1577 г. отмѣченный въ разрядѣ жильцовъ. Можетъ быть, его чиновная карьера достаточно разъясняется слѣдующей челобитной отъ 1620 г.: „бьетъ челомъ жилецъ князь Ѳедка княжъ Дмитреевъ сынъ Львовъ, а въ челобитной пишетъ, что живетъ онъ у царской свѣтлости въ житьѣ 23 года; проситъ велѣть служить ему съ Галичемъ по выбору“ [1]). Не поступилъ ли подобно этому князю и тотъ жилецъ, котораго имѣетъ въ виду проф. Ключевскій? Такимъ образомъ, предположеніе о столичномъ составѣ группы, названной въ соборномъ актѣ 1598 г. выборомъ изъ городовъ, можетъ быть принято только съ рискомъ значительныхъ натяжекъ въ толкованіи документовъ. Гораздо вѣрнѣе поэтому остановиться на томъ, что подъ „выборомъ“ разумѣлись провинціальные дворяне („выборные“ въ смыслѣ отборныхъ), т. е. на заключеніи, которое согласуется и съ содержаніемъ документовъ, и съ обычнымъ для того времени словоупотребленіемъ.

Обращаемся къ собору 1566 года. Въ актѣ этого собора служилые люди расположены, какъ мы знаемъ, иначе, не по чинамъ, а по статьямъ. Если чинъ указывалъ на служебное значеніе лица и тѣсно связанное съ нимъ генеалогическое достоинство, то статья отмѣчала, главнымъ образомъ, размѣры земельнаго владѣнія, обычно также находившіеся въ нѣкоторомъ соотвѣтствіи съ родословной дворянина. Дѣленіе на статьи одинаково примѣнялось и къ столичному, и къ провинціальному дворянству. Извѣстно, что была раздѣлена на 3 статьи по размѣрамъ розданныхъ помѣстьевъ знаменитая тысяча, набранная Грознымъ въ 1550 г. изъ уѣздныхъ служилыхъ людей для пополненія корпуса столичнаго дворянства и составившая главную массу послѣдняго. Отсюда легко сдѣлать выводъ, что присутствовавшіе на соборѣ 1566 года дворяне, разъ они отнесены въ спискѣ къ первымъ двумъ статьямъ, должны были принадлежать къ высшимъ, т. е. болѣе состоятельнымъ и, въ извѣстной степени, болѣе родовитымъ слоямъ дворянства. Этимъ, однако, еще не рѣшается вопросъ, всѣ ли они были столичными дворянами, или часть ихъ, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, могла относиться къ дворянству провинціальному. Отвѣтъ отчасти помогаетъ найти поименное сопоставленіе соборнаго списка съ Тысячной книгой (въ которой записаны фамиліи

[1]) Акты Московскаго государства, т. 1-й, № 134.

упомянутой тысячи), сдѣланное въ первый разъ проф. Ключевскимъ. Оказывается, что 110 человѣкъ изъ бывшихъ на соборѣ 205 дворянъ значатся въ Тысячной книгѣ, слѣдовательно, принадлежали къ столичному дворянству. Но кто были по своему положенію остальные 95 дворянъ? Опредѣленный взглядъ на это находимъ у проф. Ключевскаго. Какъ и по отношенію къ собору 1598 г., онъ и въ данномъ случаѣ считаетъ всѣхъ, присутствовавшихъ на соборѣ, служилыхъ людей столичными дворянами. Основаніемъ такого взгляда служитъ мысль, что статьи въ то время соотвѣтствовали столичнымъ чинамъ. Въ половинѣ XVI вѣка статьи, по словамъ проф. Ключевскаго, означали ранги или чины, а впослѣдствіи „статейное дѣленіе было замѣнено новымъ“ [1])—чиновнымъ. Къ столичному дворянству нужно относить поэтому и тѣхъ 95 дворянъ, фамиліи которыхъ отсутствуютъ въ Тысячной книгѣ: часть ихъ, можетъ быть, не была занесена въ послѣднюю, а другая часть составилась изъ лучшихъ провинціальныхъ дворянъ, взятыхъ въ столицу для пополненія порѣдѣвшихъ рядовъ тысячниковъ [2]).—Такъ обосновывается изложенное мнѣніе; но и въ этой аргументаціи чувствуется та же искусственность, которая была отмѣчена ранѣе—въ разсужденіяхъ проф. Ключевскаго по поводу собора 1598 г. Непонятнымъ представляется, какъ можно говорить объ однозначности статейнаго дѣленія и чиновнаго, разъ они выражаютъ собой совсѣмъ разныя начала и—главное—существуютъ одновременно? Въ упоминавшейся выше разрядной книгѣ Полоцкаго похода встрѣчаются уже всѣ столичные чины, за исключеніемъ чина московскихъ дворянъ, а составлена она была даже немного раньше собора—въ 1563 г. Потому же, казалось бы, нельзя говорить и о замѣнѣ статейнаго дѣленія чиновнымъ,—тѣмъ болѣе, что въ своей области первое продолжаетъ примѣняться еще въ XVII вѣкѣ, между прочимъ—и къ столичному дворянству [3]). Все это заставляетъ признать параллельность обоихъ дѣленій. Слѣдовательно, распредѣленіе дворянъ въ соборномъ спискѣ по двумъ статьямъ еще совсѣмъ не говоритъ объ исключительно столичномъ составѣ всей группы; и въ особенности такъ слѣдуетъ думать, если припомнить, что на статьи дѣлились и провинціальные дворяне. Съ другой стороны, предположеніе о включеніи провинціальныхъ дворянъ въ со-

[1]) Рус. Мысль, 1891 г., январь, стр. 136.
[2]) Рус. Мысль, 1891 г., январь, стр. 159—162.
[3]) Дворцовые разряды, II, стр. 823.

ставъ столичныхъ въ качествѣ замѣстителей выбывавшихъ тысячниковъ оставлено проф. Ключевскимъ безъ фактическаго обоснованія. Всѣ эти неловкости и затрудненія между тѣмъ устраняются, если допустить, что въ числѣ 95 человѣкъ рядомъ съ столичными дворянами, почему-нибудь не попавшими въ Тысячную книгу (нужно думать, однако, такихъ не могло быть много), присутствовали и „выборные" провинціальные дворяне, какъ то было и на соборѣ 1598 года. Такъ какъ статейное дѣленіе имѣло экономическую основу, то могли войти въ одну изъ первыхъ статей и служилые люди провинціи, владѣвшіе соотвѣтственнымъ количествомъ земли. Не потому ли составитель списка и примѣнилъ къ присутствовавшимъ на соборѣ 1566 г. дворянамъ статейное дѣленіе, что оно захватывало одинаково и столичныхъ и провинціальныхъ дворянъ, оставляя въ то же время неприкосновенными ихъ служебныя различія? Другое получилось бы, если бы примѣнено было дѣленіе на чины: тогда столичные и провинціальные дворяне слились бы подъ однимъ чиномъ „дворянъ", такъ какъ еще не выработался спеціальный терминъ (московскіе дворяне) для обозначенія дворянъ столичныхъ. Такое предположеніе какъ будто находитъ для себя подтвержденіе въ томъ, что въ спискѣ 1577 г. въ группѣ, обозначенной общимъ титуломъ „дворяне", при именахъ многихъ дворянъ изъ городовъ (напр. Дмитрова, Олексина, Бѣлева, Вязьмы) указано и число четей принадлежащей имъ земли, въ общемъ соотвѣтствующее различнымъ разрядамъ помѣстныхъ окладовъ тысячниковъ. Подобныя указанія при другихъ именахъ (и большинства ихъ) отсутствуютъ; отсюда естественно предположить, не должны ли были эти цифры пояснять, почему провинціальные дворяне оказались рядомъ съ столичными?

Такъ представляется возможнымъ объяснить различіе соборныхъ списковъ 1566 г. и 1598 г. въ группировкѣ присутствовавшихъ на соборахъ дворянъ. Значитъ, соотвѣтствіе между дворянскими группами обоихъ соборовъ можно устанавливать въ томъ смыслѣ, что въ составъ ихъ входили какъ столичные, такъ и провинціальные дворяне, но первые—въ гораздо бо́льшемъ числѣ, чѣмъ вторые.

О группахъ торгово-промышленнаго класса нѣтъ нужды говорить подробно, такъ какъ пришлось бы тогда повторить лишь то, что сказано проф. Ключевскимъ. Рядомъ соображеній онъ пришелъ къ выводу, что различіе между показаніями соборныхъ актовъ относительно торговыхъ людей—только въ названіяхъ: въ дѣйствительности, торговые люди москвичи и смольняне собора 1566 г. вполнѣ соотвѣт-

ствуютъ людямъ гостиной и суконной сотенъ собора 1598 года. Отсюда слѣдуетъ, что всѣ торговые люди, бывшіе на этихъ соборахъ, принадлежали къ столичному населенію. Нужно только замѣтить, что территоріальность ихъ не была очень устойчивой. Правительство, стараясь устроить сообразно съ своими потребностями торгово-промышленный классъ, переводило въ Москву изъ провинціи всякаго разбогатѣвшаго купца; поэтому можно сказать, что торговое населеніе Москвы представляло собой какъ бы смѣсь элементовъ—провинціальнаго и столичнаго. Съ другой стороны, московскій купецъ постоянно соприкасался съ жизнью провинціи и въ силу возлагавшихся на него правительственныхъ порученій по вѣрной службѣ, требовавшихъ отъ него присутствія въ томъ или иномъ городѣ или уѣздѣ.

Такъ выясняется соціальный составъ соборовъ XVI вѣка. Дальнѣйшій его анализъ обнаруживаетъ и самый принципъ, которымъ онъ опредѣлялся. Уже подавляющій численный перевѣсъ столичнаго элемента надъ провинціальнымъ вызываетъ мысль, что соборъ не былъ представительствомъ въ современномъ смыслѣ слова. Ближайшее знакомство съ карьерой лицъ, присутствовавшихъ на соборахъ, вполнѣ оправдываетъ такое предположеніе. Сопоставляя соборные списки съ московскими разрядными книгами, можно относительно огромнаго большинства членовъ собора—дворянъ убѣдиться, что они несли ту или другую военно-административную службу, были офиціальными лицами. Отсюда естественно вытекаетъ тотъ выводъ, который сдѣлалъ проф. Ключевскій, что „существеннымъ и непремѣннымъ условіемъ представительства считали не корпоративный выборъ представителя, а извѣстное административное его положеніе“ [1]). Говоря другими его словами, правительство призывало на соборъ собственныхъ агентовъ. Этотъ выводъ, въ его непосредственномъ значеніи, уже не мирится со взглядомъ на соборы XVI вѣка, какъ на представительныя учрежденія. Проф. Ключевскій не идетъ, однако, до конца; онъ до нѣкоторой степени сохраняетъ за соборами 1566 г. и 1598 г. представительный характеръ, устанавливая въ качествѣ основы соборнаго представительства совершенно особую комбинацію отношеній въ московскомъ обществѣ. По его мнѣнію, военно-административное положеніе лица въ однихъ случаяхъ являлось показателемъ корпоративной связи между нимъ и провинціальнымъ дворянскимъ обществомъ,

[1]) Рус. Мысль, 1890 г., январь, стр. 169.

и въ такомъ смыслѣ служило основаніемъ представительства. Такъ бывало, когда призывались на соборъ столичные дворяне, перечисленные изъ провинціальныхъ и въ силу своей связи съ прежними земляками назначавшіеся къ нимъ сотенными головами на время походовъ: по должности они были правительственными агентами, а по положенію среди мѣстныхъ дворянъ, которымъ должность обусловливалась,—ихъ представителями или *уполномоченными* [3]). Въ другихъ случаяхъ, когда, напримѣръ, столичный дворянинъ назначался воеводой въ украинный городъ, самое правительственное назначеніе его устанавливало между нимъ и мѣстнымъ служилымъ гарнизономъ своеобразную связь въ видѣ взаимнаго поручительства, которая и была достаточной для того, чтобы воевода явился на соборѣ въ роли отвѣтственнаго представителя опредѣленной общественной группы: „пріемъ назначеннаго уже равнялся выбору излюбленнаго" [2]). Въ результатѣ—соборъ XVI вѣка остается представительнымъ учрежденіемъ, хотя и въ условномъ смыслѣ.—Эта теорія спасаетъ признакъ представительства за соборами XVI вѣка, но она строится на такихъ предположеніяхъ, которыя едва ли могутъ быть доказаны. И прежде всего здѣсь можно повторить, что нѣтъ основаній считать всѣхъ дворянъ, участвовавшихъ на соборахъ, столичными; если же мы признаемъ, что среди нихъ были и провинціальные дворяне, то, очевидно, присутствіе послѣднихъ на соборахъ явится вопросомъ, рѣшеніе котораго можетъ оказаться неблагопріятнымъ для всей теоріи. Важнѣе, однако, въ данной связи мыслей другая сторона. Въ доказательство своей мысли о корпоративной связи, какъ объ основаніи назначенія сотенныхъ головъ, а слѣдовательно и ихъ призыва на соборы, проф. Ключевскій приводитъ нѣсколько фактовъ, изъ которыхъ, дѣйствительно, видно, что между *нѣкоторыми* дворянами, присутствовавшими на соборахъ, и провинціальными дворянскими корпораціями существовала связь, обусловленная, можетъ быть, сосѣдствомъ по землевладѣнію. Но, не говоря уже о томъ, что остается неустановленнымъ, были ли эти дворяне столичными или провинціальными,—отдѣльные случаи, даже и гораздо болѣе яркіе, въ данномъ вопросѣ безсильны въ смыслѣ доказательности. Единичныхъ фактовъ корпоративной связи недостаточно, чтобы обосновать ея принципіальное значеніе и исключить возможность случайныхъ совпаденій, потому именно, что извѣстно слиш-

---

[1]) Рус. Мысль, 1891 г., январь, стр. 167—168.

[3]) Ib. Ср. Рус. Мысль, 1892 г., январь, стр. 144, 167—168.

комъ много фактовъ, говорящихъ противъ признанія за ней такого значенія. М. В. Клочковъ въ статьѣ о дворянскомъ представительствѣ 1566 г. детально прослѣдилъ карьеру дворянъ, бывшихъ на этомъ соборѣ, и пришелъ къ выводу, что при назначеніи сотенныхъ головъ у правительства „на первомъ мѣстѣ стояла служба и военно-административное положеніе, землевладѣльческая же связь была обстоятельствомъ привходящимъ, а не необходимымъ“ [1]). Въ частности, выяснился рядъ случаевъ, не только не совмѣстимыхъ съ порядкомъ, предположеннымъ проф. Ключевскимъ, но, повидимому, обнаруживающихъ прямое отсутствіе у правительства указанной тенденціи. Мѣстныя отношенія не играли роли при назначеніи головъ,—во-первыхъ, „когда въ составъ дѣйствующей арміи входили въ качествѣ головъ городовые воеводы; во-вторыхъ, когда головами становились лица, командированныя для сбора ратныхъ людей (и обыкновенно бравшіяся изъ дворянъ другихъ уѣздовъ); въ-третьихъ, когда головѣ приходилось командовать смѣшанной сотней, составленной изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ разныхъ мѣстъ“, а такихъ сотенъ было очень много. Наконецъ, и надъ сотнями, составленными изъ дворянъ одного уѣзда, головами назначались дворяне и дѣти боярскіе изъ другихъ уѣздовъ [2]). Конечно, отдѣльные случаи совпаденія головства и корпоративной связи были явленіемъ вполнѣ естественнымъ; но характеръ преобладающихъ фактическихъ указаній не позволяетъ сдѣлать отсюда заключенія о представительномъ значеніи дворянства на соборахъ, и въ особенности дворянства столичнаго. Что касается представительнаго авторитета въ формѣ обязательной поруки, который будто бы сообщала дворянину должность воеводы, то здѣсь мы имѣемъ построеніе совершенно теоретическое, не подкрѣпленное никакими фактическими данными, и уже потому неспособное ослабить значеніе фактовъ, колеблющихъ теорію. Такимъ образомъ, слѣдуетъ признать, что въ порядкѣ призыва дворянъ на соборы, одинаково—столичныхъ и „выборныхъ“—провинціальныхъ, не замѣтно представительнаго принципа; слѣдовательно, такой порядокъ не могъ давать ни *уполномоченныхъ* отъ мѣстныхъ обществъ, ни просто представителей—въ какомъ бы то ни было смыслѣ.

Совершенно такой же офиціальный характеръ носило участіе въ соборахъ XVI вѣка торговыхъ людей. Гости призывались въ силу

[1]) Вѣстникъ права, 1904 г., ноябрь, стр. 240.
[2]) Ibid., стр. 237.

того, что на нихъ лежали важныя правительственныя порученія по финансовому управленію, напримѣръ, сборъ пошлинъ, веденіе казенныхъ предпріятій,—значитъ, какъ своего рода правительственные агенты; изъ остальныхъ же группъ торгово-промышленнаго класса—гостиной, суконной и черныхъ сотенъ—присутствовали на соборахъ старосты и сотскіе, т. е. лица, также занимавшія извѣстное офиціальное положеніе.

Результаты предшествующаго изложенія сводятся къ слѣдующимъ положеніямъ. Въ составъ дворянскихъ группъ на соборахъ XVI вѣка входили какъ столичные, такъ и провинціальные („выборные") дворяне. Тѣ и другіе несутъ, по назначенію правительства, военно-административную службу, которая и является основаніемъ ихъ призыва на соборъ. То же самое mutatis mutandis должно сказать и о группахъ, принадлежащихъ къ торгово-промышленному классу. Составленный изъ лицъ должностныхъ, офиціальныхъ, соборъ, очевидно, былъ не представительнымъ учрежденіемъ, а скорѣе всего—собраніемъ агентовъ правительства. Такимъ образомъ оказывается, что общественныя группы входили въ составъ соборовъ по существу на тѣхъ же началахъ, какъ и правительственныя учрежденія—боярская дума и освященный соборъ. При этомъ, высшіе служилые чины, а также гости, по всей вѣроятности, призывались на соборъ, подобно членамъ названныхъ учрежденій, поголовно. Правда, число ихъ въ соборныхъ спискахъ—обыкновенно меньше числа, которое въ соотвѣтствующемъ году устанавливается по разряднымъ книгамъ; но разница эта легко объясняется тѣмъ, что многіе изъ столичныхъ чиновъ, если не большинство ихъ, постоянно находились въ отсутствіи, исполняя разныя правительственныя порученія въ уѣздахъ.—Такъ можно отвѣтить на одинъ изъ вопросовъ, съ которыми мы приступили къ изученію соборовъ XVI вѣка,—на вопросъ объ источникѣ полномочій или—точнѣе—объ основаніи призыва на соборъ его членовъ. Но вопросъ о томъ, какое политическое значеніе имѣлъ соборъ, рѣшается пока только отрицательно—указаніемъ на то, какого значенія онъ не имѣлъ. Опредѣлить политическую роль собора съ положительной стороны и составитъ ближайшую задачу.

III.

Всякое политическое учрежденіе возникаетъ или подвергается преобразованію вслѣдствіе приспособленія государственнаго механизма къ мѣняющимся условіямъ жизни. Измѣнившіяся условія вызываютъ

новыя потребности, которымъ и должно служить новое или преобразованное учрежденіе. Такая точка зрѣнія примѣнима и къ земскимъ соборамъ. Мы знаемъ, что возникновеніе соборовъ въ той формѣ, въ какой это учрежденіе получило свое названіе, нужно относить ко второй половинѣ XVI вѣка. Не видно основаній, которыя бы препятствовали думать, что они имѣли для себя предшественниковъ въ учрежденіяхъ предыдущаго періода, только строившихся проще. Соборы XVI вѣка, съ ихъ сравнительно сложнымъ составомъ и довольно выработанными пріемами, несомнѣнно, стоятъ въ связи съ той крупной перемѣной въ общественной и политической жизни, которая выразилась въ земскихъ реформахъ Грознаго. Въ новыхъ условіяхъ, созданныхъ реформой, и нужно искать, съ одной стороны, причины, если не возникновенія, то—формированія соборовъ, а съ другой—указанія на тѣ задачи, въ служеніи которымъ заключалась ихъ политическая роль. Вопросъ можетъ быть только въ томъ, какъ именно опредѣлять соотношеніе земской реформы и собора. Можно выдвигать на передній планъ юридическій моментъ и строить логически связь между земскими учрежденіями и соборами,—такъ дѣлаетъ проф. Ключевскій. Желая удержать за соборами XVI вѣка представительный характеръ, онъ истолковываетъ въ примѣненіи къ нимъ понятіе представительства въ смыслѣ государственной отвѣтственности ихъ столичныхъ членовъ, являвшихся офиціальными представителями уѣздныхъ обществъ на основаніи поруки, которая связывала „управителя" съ его „міромъ". Но понятіе отвѣтственности, основанной на порукѣ, впервые было примѣнено къ политической жизни въ области мѣстнаго управленія, и отсюда уже потомъ перенесено было, по мнѣнію проф. Ключевскаго, въ область управленія центральнаго—въ формѣ соборнаго представительства. „Представительство, говоритъ проф. Ключевскій, само собой выросло изъ начала государственной отвѣтственности, положеннаго въ сложное зданіе мѣстнаго управленія... Держась принятаго начала государственной отвѣтственности, скрѣпленной порукой, и пользуясь силами, какія были на лицо, правительство въ такихъ (т. е. чрезвычайныхъ, касавшихся всего государства) дѣлахъ могло обратиться къ тѣмъ же агентамъ, которые могли, поручившись за исполнимость соборнаго приговора, принять на себя и провести въ мѣстное общество отвѣтственное его исполненіе" [1]). Но въ какихъ конкретныхъ формахъ нужно представлять себѣ это начало въ примѣненіи къ соборному

[1]) Рус. Мысль, 1892 г., январь, стр. 167.

представительству? Практическое значеніе государственной отвѣтственности въ области земскаго самоуправленія вполнѣ понятно; здѣсь общество всѣми своими средствами обезпечивало интересы правительства, ручаясь за отдѣльныхъ лицъ—своихъ избранниковъ. Но какой практическій смыслъ для правительства имѣла отвѣтственность единичнаго лица за общество и какъ она могла реализоваться,—это остается загадкой, которую проф. Ключевскій не разрѣшаетъ и разрѣшить которую историческіе факты едва ли позволяютъ. Болѣе надежныхъ результатовъ, думается, можно достигнуть, если при выясненіи связи между земской реформой и соборами XVI вѣка исходнымъ пунктомъ принимать не ту или другую конструкцію древне-русскаго юридическаго мышленія, а фактическое положеніе вещей, создавшееся благодаря реформѣ Грознаго. Можно ставить вопросъ, на какія реальныя потребности общества или государства отвѣчали соборы въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ знаетъ исторія во второй половинѣ XVI вѣка.

Земская реформа, завершенная правительствомъ въ 1555 году, имѣла двѣ стороны: соціальную и административную. Исходнымъ пунктомъ реформы была отмѣна кормленій; но этотъ, съ виду несложный, фактъ сопровождался крупными послѣдствіями и для политической и для соціальной жизни. Кормленія, какъ извѣстно, считались не службой, а жалованьемъ или наградой; но должности кормленщиковъ имѣли, несомнѣнно, государственный характеръ, и служилые люди, занимая ихъ, являлись органами центральнаго правительства. Прямыя свои задачи, вытекавшія изъ государственнаго характера ихъ порученій, они выполняли дурно и причиняли много зла. Но плохіе исполнители непосредственныхъ обязанностей, кормленщики лучше осуществляли другую задачу, которая не была и не могла быть обязательной: они въ извѣстномъ смыслѣ были представителями политическаго единства земли. Едва ли будетъ ошибкой сказать, что къ XVI вѣку народъ русскій успѣлъ выработать стойкую индивидуальность только въ двухъ отношеніяхъ—національномъ и религіозномъ. Экономически государство распадалось на отдѣльные районы, внутренно не связанные между собой, и, можетъ быть, столь же слаба была связь политическая. Отношенія между властью и населеніемъ строились на вотчинномъ началѣ. Масса населенія была случайностью на занятой территоріи, что выражалось въ постоянныхъ передвиженіяхъ свободныхъ людей. Отсюда—понятіе о государствѣ, какъ о территоріальномъ народномъ союзѣ, могло быть развѣ только очень смутное. Еще въ XVII вѣкѣ въ офиціальныхъ грамотахъ нерѣдко можно

встрѣтить выраженія: Новгородское государство, Владимірское государство, а то и знаменитый титулъ: всѣ государства Россійскаго царствія. Но если для XVII вѣка эти термины были отзвуками прошлаго, то въ XVI въ нихъ, до извѣстной степени, говорила о себѣ еще реальная дѣйствительность. Слабости внутренней политической связи соотвѣтствовала и слабость государственной организаціи, болѣе приспособленной къ условіямъ частнаго хозяйства, чѣмъ обширнаго государства. И въ этомъ, только еще пробуждавшемся къ государственной жизни, народномъ организмѣ кормленщики были едва ли не главными путями, по которымъ постоянно, отъ центра къ периферіи и—обратно, пробѣгала мысль о политическомъ единствѣ земли. Въ столицѣ кормленщики служили для правительства источникомъ, изъ котораго оно могло черпать необходимыя свѣдѣнія въ дѣлѣ управленія и защиты государства, и благодаря краткости срока кормленій источникъ этотъ не изсякалъ, непрерывно пополняясь и обновляясь притоками свѣжихъ вѣстей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, намѣстники, возвращавшіеся съ кормленій въ думу, могли дѣлиться не только своими свѣдѣніями, но и дать совѣтъ на основаніи своего опыта. Что должно было произойти съ отмѣной кормленій? Множество лицъ, по характеру своихъ должностей являвшихся представителями центральнаго правительства въ областяхъ, становились частными людьми. Съ общества снималась та административная сѣть, которая въ его политическомъ строеніи играла роль какъ бы соединительной ткани; и съ введеніемъ земскаго самоуправленія государство распадалось на большое количество значительно обособленныхъ міровъ. Здѣсь необходимо вспомнить объ особомъ политическомъ характерѣ земской реформы 1555 года: въ силу послѣдней въ вѣдѣніе общества передавались, строго говоря, не мѣстныя дѣла и нужды, а общегосударственныя задачи въ области суда и администраціи. Но, перелагая свои обязанности на самоуправляющіяся земскія единицы, центральная власть тѣмъ самымъ обрывала многообразныя нити, связывавшія ее съ обществомъ при иной системѣ управленія, ставила себя до нѣкоторой степени въ изолированное положеніе по отношенію къ населенію. При обычномъ теченіи жизни такое положеніе, можетъ быть, и не давало чувствовать свои невыгодныя стороны. Но всякій серьезный вопросъ внѣшней политики или нарушенное равновѣсіе во внутреннихъ отношеніяхъ, требуя отъ власти точныхъ знаній о состояніи страны, долженъ былъ постоянно напоминать правительству, что у него мало для этого соотвѣтствующихъ источниковъ. Другими словами, возникала

потребность въ такомъ органѣ, который могъ бы въ той или иной формѣ замѣнить собой кормленщиковъ въ ихъ освѣдомительной и совѣщательной функціяхъ. Соборъ и долженъ былъ удовлетворять этой потребности.

Можно, хотя и гадательно только, намѣтить тѣ условія, которыя привели къ установленію недостававшаго правительству органа управленія именно въ извѣстной намъ формѣ собора XVI вѣка. И прежде всего, могла имѣть свое вліяніе и въ данномъ вопросѣ та же земская реформа Грознаго, но уже своей соціальной стороной.

Кормленіе, доставляя правительству средства для областнаго управленія, являлось въ то же время способомъ матеріальнаго обезпеченія служилыхъ людей. Съ отмѣной кормленій нужно было искать для послѣднихъ новыхъ источниковъ существованія: они и были найдены въ видѣ широкой раздачи помѣстьевъ и дополнительныхъ окладовъ денежнаго жалованья. Это не была простая замѣна одной формы дохода другой: реформа создавала изъ служилыхъ людей опредѣленный общественный классъ, экономической основой котораго являлось землевладѣніе. Такимъ путемъ подготовлена была почва и для послѣдующаго преобразованія—превращенія мѣстныхъ группъ служилыхъ людей въ самоуправляющіяся дворянскія корпораціи.—Но въ XVI вѣкѣ рядомъ съ землевладѣльческимъ служилымъ классомъ довольно замѣтнымъ становится также классъ торгово-промышленный. Къ какому времени относятся начальные моменты его образованія, — сказать трудно; но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что земская реформа должна была способствовать его росту, особенно въ крупныхъ городахъ. Эти перемѣны въ общественномъ строѣ и могли служить для правительства руководящими указаніями при выработкѣ новаго органа управленія. Если прежде правительство въ своей дѣятельности имѣло передъ собой въ населеніи недифференцировавшуюся расплывчатую массу, то теперь передъ нимъ стояли общественныя группы, представлявшія собой основныя хозяйственныя средства страны и постольку независимыя въ своемъ существованіи отъ власти. Это обстоятельство, конечно, осложняло задачу управленія, но оно же естественно приводило къ мысли, что власть, пользуясь въ цѣляхъ государственныхъ силами отдѣльныхъ классовъ, должна знать средства каждаго изъ нихъ. И, можно сказать, какъ скоро возникло подобное сознаніе,— самъ собой выяснился и составъ будущаго собора: сюда должны были войти лица, близкія къ тѣмъ классамъ, которые въ данный моментъ сосредоточивали въ своихъ рукахъ основныя матеріальныя средства,

т. е. къ служилымъ людямъ и торгово-промышленному міру. И почти въ любомъ соборномъ актѣ можно вскрыть тѣ мотивы, по которымъ правительство обращается къ содѣйствію именно этихъ классовъ: тщательность, съ какой оно мотивируетъ передъ соборами тѣ или иныя свои предложенія, ясно показываетъ, что оно не просто ищетъ въ лицѣ присутствующихъ членовъ собора исполнителей своей воли, но и хочетъ знать настроеніе и наличныя средства страны—военныя и финансовыя.

Мы знаемъ, что соборъ XVI-го вѣка составлялся изъ должностныхъ лицъ, принадлежавшихъ или къ служилому, или къ торгово-промышленному классу. Это былъ, если такъ можно выразиться, парламентъ чиновниковъ. Но если соборъ опредѣлялся въ своемъ составѣ свойствами общественнаго строя, то откуда получилась у него эта офиціальная физіономія? Не уходя въ глубь вопроса, мы остановимся лишь на томъ, былъ ли со стороны правительства созывъ собственныхъ агентовъ формой учрежденія, только теперь имъ найденной—спеціально для собора, или же оно пользовалось въ данномъ случаѣ какими-нибудь готовыми образцами? Кажется, однако, этотъ вопросъ въ меньшей степени, чѣмъ другіе, касающіеся земскихъ соборовъ, поддается точному рѣшенію; и дальнѣйшее изложеніе будетъ только попыткой привлечь сюда нѣкоторый матеріалъ, до сихъ поръ не получавшій такого назначенія.

Если читать призывныя грамоты, которыми русскіе города во время смуты обмѣнивались между собою, то въ нихъ, между прочимъ, бросается въ глаза необычайная форма привѣтствій, съ какими жители одного города обращаются къ жителямъ другого. Въ привѣтствіяхъ, которыми начинаются грамоты, съ чрезвычайной тщательностью перечисляются разные чины, какъ они располагались тогда по степени важности,—сначала духовные, потомъ военно-служилые и, наконецъ, бытовые. Вотъ наудачу взятая грамота—изъ Нижняго въ Вологду. Въ началѣ ея читаемъ: „Господамъ преосвященному Архіепископу, Архимандритамъ, и Игуменамъ, и протопопамъ, и всему освященному собору и воеводамъ, и дьякамъ, и дворянамъ, и дѣтямъ боярскимъ, и земскимъ старостамъ, и цѣловальникамъ, и всѣмъ посацкимъ людямъ, и всякимъ служилымъ и жилецкимъ людямъ—Нижняго Новгорода Архимандриты, и Игумены и т. д.—слѣдуетъ новое перечисленіе подобныхъ же чиновъ—челомъ бьютъ“ [1]). Несомнѣнно,

---

[1]) Собр. Гос. Гр. и Дог., II т., № 229.

что эти названія обозначаютъ не сословія, и не классы, и не какія либо другія соціальныя группы, а именно чиновныя подраздѣленія, имѣющія служебный или должностной характеръ. И такъ пишутъ всѣ—большіе города малымъ, малые большимъ, иногда въ одной грамотѣ нѣсколько разъ воспроизводя эту своеобразную табель о рангахъ. Чѣмъ объяснить такое пристрастіе къ чинопочитанію въ тогдашнемъ обществѣ? Нельзя сказать, что перечень чиновъ былъ непремѣнной традиціонной формой привѣтствія. Въ иныхъ случаяхъ люди того времени умѣли другъ для друга находить и другія слова; москвичи или смольняне, находясь въ осадѣ, писали свои грамоты въ города, предназначая ихъ просто „господамъ братьямъ своимъ, православнымъ крестьянамъ“ [1]). Тутъ слышится личный призывъ находящагося въ бѣдѣ человѣка ко всякому, кто можетъ помочь. Между тѣмъ грамоты съ официальными привѣтствіями производятъ впечатлѣніе, какъ будто у авторовъ въ ихъ представленіи о городѣ стоитъ на первомъ мѣстѣ какая-то чиновная схема, отчасти заслоняющая собой живую массу городского населенія. Вотъ какое объясненіе можетъ быть дано этой разницѣ, если принять во вниманіе условія и цѣль появленія грамотъ. Въ однѣхъ говоритъ непосредственно переживаемое страданіе, которое всегда ищетъ прямой дороги къ людскому сочувствію; „пощадите насъ бѣдныхъ, къ концу погибели пришедшихъ“,—пишутъ москвичи. Другія грамоты—и такихъ большинство—призываютъ къ національно-политическому объединенію, ставятъ обществу государственную задачу—„стати за Московское государство за одинъ“. Отсюда напрашивается слѣдующій выводъ: древнерусскій гражданинъ оставался самимъ собой и въ другихъ видѣлъ братьевъ-гражданъ, пока думалъ и дѣйствовалъ за себя; но какъ скоро жизнь ставила его въ соприкосновеніе съ государствомъ или государственными интересами,—и онъ самъ, и всѣ окружающіе превращались въ его глазахъ въ казенныхъ людей, а общество разбивалось на служебныя состоянія или чины. И такая метаморфоза—вполнѣ естественна. Тогдашнее государство знало своихъ подданныхъ, главнымъ образомъ, со стороны тѣхъ обязанностей, которыя они исполняли въ его пользу. Въ свою очередь и для общества въ его отношеніяхъ къ государству всего болѣе ясна и понятна была именно эта сторона. Такое взаимоотношеніе государства и общества и нашло свое выраженіе въ группировкѣ общественныхъ элементовъ по родамъ государственной

[1]) Ibid., №№ 226 и 227.

службы или повинностей, придавая съ данной точки зрѣнія общественному складу служебный (можно бы сказать—чиновничій) характеръ. Въ силу этихъ особенностей участіе общества въ политической жизни всякій разъ стремится принять одну и ту же форму чиновной организаціи, отражающей въ себѣ удѣльный вѣсъ различныхъ служебныхъ элементовъ. Эту организацію мы находимъ всюду: и на московской площади въ бурные іюльскіе дни 1610 г., когда былъ низложенъ Шуйскій, и въ ополченіи Ляпунова, и въ рати Пожарскаго. То же самое явленіе, иногда въ очень яркой формѣ, встрѣчается и въ областной жизни. Вотъ одинъ примѣръ. Въ 1621 году „многія неправды" короля Владислава и польскихъ пановъ—рады заставили московское правительство думать объ удовлетвореніи. Рѣшено было „съ собору" готовиться къ войнѣ, и „государь указалъ" о принятомъ рѣшеніи разослать въ города грамоты. Одна изъ нихъ была послана и въ Новгородъ на имя воеводы. Между прочимъ изъ Москвы писали: „А какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бъ послали къ богомольцу нашему къ Макарію митрополиту, чтобъ у него на соборѣ были архимариты, и игумены, и весь освященный соборъ, а вы бы велѣли быти новогородцамъ дворянамъ и дѣтемъ боярскимъ, и гостемъ, и посацкимъ старостами и сотцкимъ и всѣмъ посацкимъ людемъ, и стрѣльцомъ, и казакомъ и всякихъ чиновъ людямъ. А какъ вы къ богомольцу нашему на соборъ придете и вы бъ сее нашу грамоту велѣли прочесть всѣмъ людемъ вслухъ, чтобы наше терпѣнье и правда... всѣмъ людемъ было вѣдомо" [1]). Можно бы привести нѣсколько грамотъ съ тожественнымъ содержаніемъ. Согласно всѣмъ имъ, населеніе собирается въ порядкѣ все тѣхъ же знакомыхъ намъ чиновъ, и такая форма привлеченія общества къ участію въ политической жизни была въ то время, очевидно, привычной. Но приведенная грамота обнаруживаетъ еще другую интересную подробность тогдашняго общественнаго быта: въ центрѣ собранія мѣстныхъ чиновъ становятся духовныя власти—съ митрополитомъ во главѣ. Повидимому, имъ принадлежала руководящая и интегрирующая роль въ тѣхъ случаяхъ, когда городское населеніе такъ или иначе сталкивалось съ государственными вопросами. Не даромъ и въ привѣтствіяхъ, которыми начинаются грамоты—городскія и правительственныя, „власти" и освященный соборъ всегда стоятъ на первомъ мѣстѣ. Если, однако, безспорнымъ представляется фактъ существованія собраній въ городахъ,

---

[1]) Кн. Разр., I-й т., стр. 837.

подобныхъ тому, на которое указываетъ Новгородская грамота, а также—выдающаяся роль высшихъ представителей церковной іерархіи въ ихъ устройствѣ,—то не все ясно въ составѣ такихъ собраній. Съ перваго взгляда кажется, что мы имѣемъ въ нихъ своего рода вѣча, въ которыхъ участвуютъ всѣ жители города, хотя и съ тѣмъ условіемъ, что значеніе каждаго опредѣляется принадлежностью къ тому или другому чину. Можетъ быть это и такъ; но больше вѣроятности за то, что только высшіе разряды городского населенія приходили на эти „соборы" поголовно, а изъ остальныхъ являлись лишь выборныя должностныя лица. Если въ грамотахъ и встрѣчаются выраженія, какъ будто указывающія на непосредственное участіе всего населенія, то нужно имѣть въ виду, что офиціальные перечни далеко не всегда отличаются въ подобныхъ случаяхъ точностью, суммарнымъ обозначеніемъ тѣхъ или иныхъ общественныхъ группъ, можетъ быть, стремясь придать больше авторитетности собранію. Съ другой стороны, можно привести случай, когда дается довольно точное изображеніе собранія въ только что предположенномъ смыслѣ. Въ Нижній-Новгородъ пришла одна изъ троицкихъ грамотъ, и по этому поводу нижегородскія власти учинили, по словамъ лѣтописца, на воеводскомъ дворѣ совѣтъ. „А на совѣтѣ томъ были Ѳеодосій, архимандритъ Печерскаго монастыря, Савва, Спасскій протопопъ съ братіею, да иные попы, да Биркинъ, да Юдинъ, и дворяне и дѣти боярскіе, и головы и старосты, отъ нихъ же и Кузьма Мининъ" [1]). Ясно, что духовенство и люди служилаго класса присутствовали на совѣтѣ поголовно, а отъ посадскихъ людей были только должностныя лица. Совѣтъ игралъ, повидимому, распорядительную роль: на этотъ разъ было рѣшено собрать нижегородцевъ на слѣдующій день въ Спасо-Преображенскій соборъ, прочесть тамъ троицкую грамоту и звать народъ на помощь Московскому государству". При свѣтѣ лѣтописнаго разсказа о нижегородскихъ порядкахъ можно находить въ грамотахъ и болѣе ранняго происхожденія указаніе на существованіе такихъ же совѣтовъ при воеводахъ и въ другихъ городахъ. Въ похвальной, напримѣръ, грамотѣ царя Василія Шуйскаго вологодскимъ жителямъ читаемъ въ началѣ обычное привѣтствіе: „Отъ Царя и Великаго князя всея Русіи, на Вологду Архимаритамъ, и игуменамъ, и протопопу и всему собору, и дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, и иноземцамъ, и гостемъ, и старостамъ, и сотскимъ и всѣмъ посадскимъ людемъ, и

[1]) *С. Ѳ. Платоновъ.* Очерки по исторіи смуты, стр. 530.

ямскимъ охотникамъ, и нашихъ дворцовыхъ селъ и черныхъ волостей крестьянамъ, и всякимъ служилымъ и жилецкимъ людемъ". Указавъ, затѣмъ поводъ, которымъ вызвана царская похвала, грамота продолжаетъ: „и какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и выбъ Вологодскимъ всякимъ людямъ велѣли собраться въ соборную церковь къ богомольцу нашему Архіепископу Іосафу, и къ воеводѣ Никитѣ Михайловичу Пушкину, да къ дьяку"... [1]). Къ кому обращается грамота со словами: „и выбъ.... велѣли собраться..."? Очевидно, подъ этимъ „вы" нельзя разумѣть ни вологодскихъ всякихъ людей, которымъ только должно быть передано приказаніе собраться, ни архіепископа съ воеводой и дьякомъ, которымъ отчетливо указывается особое положеніе. Остается, повидимому, одно: признать, что это обращеніе, а слѣдовательно, и привѣтствіе въ началѣ грамоты, адресованы къ особому собранію, которое, состоя изъ офиціальныхъ лицъ, вмѣстѣ съ тѣмъ представляло собой городское населеніе, скажемъ—къ городскому совѣту. Какъ бы, однако, ни опредѣлялся ближайшимъ образомъ составъ городскихъ собраній или совѣтовъ,—несомнѣнно то, что форма ихъ была служебно-чиновная и что такую форму участіе общества въ политической жизни должно было принимать въ силу общаго склада политическихъ отношеній.

Приведенные факты относятся къ началу XVII-го вѣка. Но судя по тону извѣстій, въ которыхъ они содержатся,—явленія такого рода не были новостью въ городахъ; и если принять во вниманіе, какъ вообще туго складывались обычаи въ старой Руси, то моментъ зарожденія обычая устраивать въ городахъ совѣты чиновъ можно бы отодвинуть значительно назадъ. Тогда открылась бы возможность параллельно изучать городскіе совѣты и земскіе соборы, вслѣдствіе чего рѣшеніе вопроса о политическомъ значеніи послѣднихъ переносилось бы на болѣе широкую почву общихъ условій древнерусской жизни и народной психологіи. Сходство тѣхъ и другихъ бросается въ глаза. И соборъ и совѣты при нормальныхъ условіяхъ созываются по инціативѣ власти. Конструкція ихъ одинакова: представители населенія входятъ въ ихъ составъ въ качествѣ различныхъ служебныхъ чиновъ, при чемъ какъ въ городскихъ совѣтахъ, такъ и на соборахъ высшіе чины участвуютъ поголовно; въ первомъ случаѣ это—духовныя лица, дворяне и дѣти боярскіе, во второмъ—думные и высшіе столичные чины. Однородности конструкціи соотвѣтствуетъ и одина-

[1]) Собр. Гос. Гр. и Дог., II т., № 182.

ковый способъ обозначенія обоихъ учрежденій: тѣ и другія мы почти всегда узнаемъ въ памятникахъ по перечню чиновъ въ порядкѣ служебной іерархіи. Классовая основа обыкновенно совсѣмъ закрыта чиновной формой, и только въ рѣдкихъ случаяхъ проглядываетъ сквозь эту оболочку [1]). Сходство обнаруживается еще и въ той роли, какую и на соборахъ и въ совѣтахъ играли духовныя власти. Здѣсь можетъ быть, въ частности, поставленъ вопросъ: не содѣйствовало ли и духовенство установленію офиціальнаго характера отношеній, выражавшихся въ этихъ учрежденіяхъ? Извѣстно, что епархіальное управленіе построено было въ русской церкви на бюрократическихъ началахъ: епископъ управлялъ своей епархіей посредствомъ своихъ чиновниковъ—бояръ и десятинниковъ. Вліяніе епископовъ на городскую жизнь мы имѣли случай наблюдать; но можно находить указанія на вліяніе церковной традиціи и въ организаціи соборовъ. Въ утвержденной грамотѣ объ избраніи Бориса Годунова составители (повидимому, епископы) писали: „Того (т. е. Св. Духа) благодатію власть имамы, яко Апостольстіи ученицы многи испытани, и по правиломъ, сшедшемся соборомъ, поставляти своему отечеству пастыря и учителя и Царя достойно, его же Богъ избра" [2]). Упоминаніе о правилахъ можетъ быть одинаково отнесено и къ акту избранія царя и къ устройству собора, поскольку то и другое включается въ предѣлы компетенціи „властей". Конечно, всѣ эти явленія въ Москвѣ получали широкіе размѣры и сложный характеръ, а гдѣ-нибудь во Владимірѣ или Новгородѣ совершались въ болѣе скромномъ и элементарномъ видѣ. Но принципіальное значеніе ихъ родства отъ того нисколько не ослабляется.

Проводя параллель между соборами и городскими совѣтами, необходимо, однако, отмѣтить и важную черту различія между ними. Совѣтъ состоялъ только изъ мѣстныхъ людей, а въ составъ московскихъ соборовъ входили на ряду съ столичными чинами и провинціальные. Въ этой подробности обнаруживается, между прочимъ, государственный характеръ соборовъ въ отличіе отъ мѣстнаго значенія совѣтовъ. Москва была столицей не только „Московскаго государства", но и всѣхъ государствъ Россійскаго царства. Она владѣла ими, какъ своими отчинами, и отчины должны были доставлять ей въ видѣ

---

[1]) См. разсказъ Александроневской лѣт. о соборѣ 1566 г. Рус. истор. библ., т. III, стр. 277.

[2]) Акты Арх. Эксп., II т., № 6.

свѣдущихъ мѣстныхъ людей средства къ осуществленію ея политической роли.

Изъ всего сказаннаго выясняется, какъ можно опредѣлить политическую роль или значеніе собора съ положительной стороны. Вызванный къ жизни соціальными и административными реформами XVI вѣка, ослабившими политическую связь центра съ мѣстными мірами, соборъ долженъ былъ восполнять правительству недостающія средства въ управленіи государствомъ въ качествѣ освѣдомительнаго и совѣщательнаго органа. Такъ какъ въ составъ его входили столичные чины, благодаря временнымъ посылкамъ въ уѣзды, обладавшіе знакомствомъ съ жизнью населенія, и—въ нѣкоторомъ числѣ провинціальные дворяне, призывавшіеся изъ разныхъ городовъ на службу въ столицу, то соборъ, очевидно, имѣлъ возможность исполнять свое назначеніе. Съ юридической точки зрѣнія, это было вспомогательное учрежденіе, построенное сообразно со служебнымъ складомъ общества и отражавшее въ себѣ не его права, а его обязанности.

То представленіе, къ которому мы пришли въ результатѣ предшествующаго изложенія, по существу имѣетъ отвлеченный характеръ, выражаетъ собой только юридическій остовъ собора XVI вѣка. Но мы до сихъ поръ не видѣли живого учрежденія, какъ оно дѣйствовало въ обстановкѣ своего времени. Приходится, однако, сказать, что скудость свѣдѣній, находимыхъ въ источникахъ, не позволяетъ возстановить его въ конкретномъ видѣ. Можно только, на основаніи данныхъ—если не XVI, то XVII вѣка,—предполагать, что соборъ былъ гораздо болѣе привычнымъ явленіемъ, чѣмъ принято думать,—привычнымъ настолько, что лишь изрѣдка привлекалъ вниманіе придворныхъ хроникеровъ и совсѣмъ ужъ рѣдко—вниманіе лѣтописцевъ того времени. Въ лѣтописи разсказъ о соборѣ 1566 г., первомъ настоящемъ соборѣ, начинается такъ, какъ будто рѣчь идетъ о самомъ обычномъ явленіи: „28-го іюня Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ говорилъ со княземъ Володимеромъ Ондрѣевичемъ, и съ своими богомольцы, архіепископы и епископы“ [1]), и т. д. (слѣдуетъ обычный перечень чиновъ). Является даже мысль, что только по связи съ выдающимися событіями внѣшней или внутренней жизни государства упоминаніе о соборѣ и попадало на страницы офиціальныхъ или неофиціальныхъ записей. И это явленіе становится понятнымъ, если принять во вниманіе, что въ то время всѣ разнообразныя проявленія по-

[1]) Рус. Истор. Библ., III т., стр. 277.

литической жизни по существу сосредоточивались въ опредѣленномъ кругу лицъ, которымъ былъ дворъ государевъ. Если бы мы могли теперь подойти къ историческому матеріалу безъ тѣхъ категорій—политическихъ, юридическихъ, соціологическихъ и всякихъ другихъ,—посредствомъ которыхъ совершаетъ свою работу анализъ, то, вѣроятно, очень многія явленія, которыя различаются нами, слились бы тогда и для насъ въ однообразный будничный ходъ жизни. Для иллюстраціи возьмемъ два очень разные случая. Въ Москву пріѣхалъ посолъ отъ датскаго короля; устраивается торжественный пріемъ; поднята на ноги вся чиновная Москва... И въ записи дьяка читаемъ: „Марта 11-го былъ у Государя въ золотой меньшой полатѣ датцково короля гонецъ; а при государѣ были въ полатѣ бояре, и окольничіе, и думные люди, и стольники, и дворяне большіе въ золотѣ, сидѣли на лавкахъ. А въ сѣнехъ передъ золотою полатою сидѣли по лавкамъ дворяне и дьяки, и гости въ золотѣ. А по крыльцу у Благовѣщенья въ паперти были дворяне и приказные люди и дѣти боярскіе изъ городовъ въ цвѣтномъ платьѣ"; иногда, при подобныхъ же обстоятельствахъ, къ перечисленнымъ чинамъ добавляются: „и всякіе сотенные торговые люди" [1]). Затѣмъ—другой случай. Въ Москвѣ получено извѣстіе, что королевичъ Владиславъ „идетъ подъ царствующій градъ",—и тѣ же чины снова собираются, по государеву указу, въ золотой палатѣ. А дьякъ записываетъ: „И сентября въ 9-й день Государь царь и Великій Князь Михайло Ѳедоровичъ всея Русіи говорилъ на соборѣ Митрополитамъ, и Архіепископамъ, и Епископамъ, и всему освященному собору, и бояромъ, и окольничимъ, и думнымъ людямъ, и стольникамъ, и стряпчимъ, и дьякамъ, и жильцамъ, и дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ изъ городовъ и всякихъ чиновъ людямъ" и т. д. [2]). Читая эти записи,—развѣ трудно было бы подумать, что въ обоихъ случаяхъ дѣйствуетъ одно и то же учрежденіе, только различны поводы для собранія, да рѣчи, да еще, можетъ быть, костюмы? Этого мало: можно указать такіе случаи, когда и съ помощью разныхъ категорій не легко рѣшить съ увѣренностью, съ чѣмъ мы имѣемъ дѣло—съ учрежденіемъ или просто съ бытовой сценой. Вскорѣ послѣ возвращенія митрополита Филарета изъ плѣна въ Москву, московскіе чины—духовные и свѣтскіе—„приходили къ государю и говорили" о томъ, чтобы отецъ его „принялъ святительскій престолъ патріарше-

[1]) Рус. Истор. Библ., т. IX, стр. 432—3.
[2]) Собр. Гос. Гр. и Дог., т. III, № 40.

скій". И вотъ великій государь „съ Ерусалимскимъ патріархомъ Өеофаномъ, и Московскаго государства съ митрополиты, и съ архіепископы, и съ архимариты, и игумены, и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и съ бояры, и съ окольничими, и думными людьми, и съ стольники, и съ стряпчими, и съ дворяны московскими, и съ приказными людьми, и съ дворяны и съ дѣтьми боярскими изъ городовъ, и съ гостьми, и съ торговыми и всякихъ чиновъ людьми Московскаго государства приходилъ къ отцу своему и богомольцу, и говорилъ, и просилъ со всякимъ моленьемъ" [1]). Что это—соборъ или какое-нибудь частное собраніе „всякихъ чиновъ людей"? Въ другомъ документѣ тотъ же самый фактъ изображается такимъ образомъ, что болѣе вѣроятнымъ представляется второе предположеніе. Въ окружной царской грамотѣ въ Галичъ, между прочимъ, читаемъ: „Великій Государь нашъ отецъ и богомолецъ Филаретъ Микитичъ... поставленъ на великій святительскій престолъ по прошенью и благословенью Святѣйшаго патріарха Өеофана и по челобитью богомольцевъ нашихъ Митрополитовъ и Архіепископовъ и всего освященнаго собора" [2]),—о свѣтскихъ чинахъ, необходимыхъ членахъ собора, нѣтъ ни слова. Но, съ другой стороны, извѣстно, что вскорѣ послѣ того, какъ „совершилось великое и неизрѣченное дѣло" поставленія Филарета въ патріархи, приблизительно черезъ недѣлю, учиненъ былъ соборъ для сужденія о томъ, какъ бы разные непорядки „исправить и земля устроити" [3]), именно въ составѣ тѣхъ же самыхъ чиновъ, которые участвовали въ упомянутой выше депутаціи. Такое сопоставленіе еще болѣе затрудняетъ квалификацію явленія. Разсматриваемый въ этой обстановкѣ, соборъ является,—конечно, не фактически, а потенціально,—какъ бы постояннымъ органомъ московскихъ государей, и этотъ выводъ пріобрѣтаетъ особую значительность въ виду того, что для созыва, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ соборовъ—и между ними собора 1566 г. [4])—правительство располагало всего нѣсколькими днями. Уже свойства тогдашнихъ путей сообщенія заставляютъ думать, что правительство всегда имѣло подъ рукой въ самой Москвѣ необходимый для собора контингентъ людей.

Послѣдніе примѣры, относясь по времени къ царствованію Михаила Өеодоровича, выводятъ насъ за предѣлы XVI вѣка, а между

¹) Книги Разрядн., т. I, стр. 610—11.
²) Ак. Арх. Эксп. III т., № 105.
³) Собр. Гос. Гр. и Дог., III т. № 47.
⁴) С. Ө. Платоновъ: Къ исторіи московскихъ земскихъ соборовъ, стр. 17—18.

тѣмъ задачей поставлено было изученіе соборовъ именно этой эпохи. Но вытекающая отсюда неправильность пріема—только кажущаяся. Мы сейчасъ увидимъ, что соборъ XVI вѣка, являясь вполнѣ законченнымъ, выработаннымъ типомъ политическаго учрежденія, остался неизмѣннымъ и въ XVII вѣкѣ. Онъ осложнился, правда, новымъ, выборнымъ, элементомъ, очень важнымъ, но этотъ элементъ присоединился къ нему со стороны и представляетъ собой продуктъ, выросшій совсѣмъ на другой почвѣ. Связанные вмѣстѣ по волѣ исторіи, тотъ и другой иногда образуютъ собой одну общую картину; но старшій по возрасту проявляетъ больше устойчивости, и нерѣдко выступаетъ на сценѣ одинъ, безъ своего младшаго товарища. Вотъ нѣсколько случаевъ, когда можно наблюдать и въ XVII вѣкѣ соборъ въ его первоначальной формѣ:

Въ Разрядныхъ книгахъ подъ 1618 г. мы находимъ слѣдующее извѣстіе: „Государь Царь и Великій Князь Михайло Ѳеодоровичъ говорилъ съ митрополитомъ Іоною..., и съ архіепискупы, и съ архимариты, и съ игумены, и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и съ бояры, и съ окольничими, и съ думными людьми“ о томъ, чтобы „служилымъ людямъ, у всякихъ дѣлъ по нынѣшнимъ по Литовскимъ вѣстемъ быти безъ мѣстъ“ [1]). Предполагать присутствіе выборныхъ людей на этомъ собраніи нѣтъ никакой возможности, а между тѣмъ оно тутъ же названо *соборомъ*.

Другой примѣръ. 28-го января 1634 года Михаилъ Ѳеодоровичъ указалъ быть собору, а 29-го соборъ уже составился и разсуждалъ о разныхъ неправдахъ польскаго короля и о томъ, что „денежной Государевой казнѣ на жалованье и на кормъ ратнымъ людямъ безъ прибыльныя казны быть не умѣть“ [2]). Все произошло, какъ видимъ, въ теченіе одного дня. Само собой понятно, что въ такой срокъ не могли собраться выборные люди. Можно, однако, возразить, что собраніе, о которомъ идетъ рѣчь, было не самостоятельнымъ соборомъ, а только однимъ изъ засѣданій цѣлой сессіи, начавшейся ранѣе. Въ соборномъ актѣ упоминается въ качествѣ перваго по тому же вопросу соборъ 1632 года, болѣе подробныя свѣдѣнія о которомъ даютъ разрядныя книги. Этотъ соборъ можно бы считать другимъ извѣстнымъ засѣданіемъ, относящимся къ предполагаемой сессіи. Если же оба собора понимать, какъ засѣданія одной и той же сессіи, то, ко-

---

[1]) Разр. книги, т. I, стр. 559—60.

[2]) Собр. Г. Гр. и Дог., т. 3-й, № 99.

нечно, спѣшность созыва собора 1634 года нисколько не будетъ говорить противъ возможности выборнаго элемента въ его составѣ. Насколько обосновано, однако, было бы такое построеніе? Понятіе о сессіи примѣняется не только къ собору 1634 года; установившееся у историковъ убѣжденіе въ непрерывной дѣятельности земскихъ соборовъ за первыя 10 лѣтъ царствованія династіи Романовыхъ возникло и держится, строго говоря, благодаря не прямымъ свидѣтельствамъ источниковъ, а лишь истолкованію небольшого числа отрывочныхъ документовъ съ помощью того же понятія, взятаго изъ парламентской практики. Насколько надежные результаты даетъ такой пріемъ,—этотъ вопросъ на основаніи извѣстныхъ въ настоящее время источниковъ не можетъ быть рѣшенъ въ цѣломъ. Но въ отдѣльныхъ случаяхъ факты дѣлаютъ сомнительной надежность полученныхъ выводовъ. Такъ, напримѣръ, при спеціальномъ изслѣдованіи сборовъ пятинныхъ денегъ выяснилось, что къ апрѣлю 1615 г., когда назначенъ былъ 2-й сборъ, земскій соборъ былъ уже распущенъ [1]), и распущенъ, слѣдуетъ думать, значительно ранѣе. Этимъ обстоятельствомъ, несомнѣнно, подрывается вѣра въ сессію 1614—1616 гг. Точно также имѣются опредѣленные признаки того, что не было земскихъ выборныхъ въ Москвѣ въ апрѣлѣ 1618 г., при назначеніи 5-го сбора, но они были въ іюлѣ 1618 г., когда было на соборѣ сдѣлано постановленіе о пріостановкѣ мѣстническихъ счетовъ (объ этомъ выше). Значитъ, проблематической становится и сессія 1616—1619 г. Произвольнымъ представляется примѣненіе понятія сессіи и въ разсматриваемомъ сейчасъ случаѣ. Допустимъ, что сдѣланная выше характеристика соборовъ 1632 г. и 1634 г. правильна; тогда получается слѣдующее. Между двумя засѣданіями одной и той же сессіи проходитъ годъ. Въ имѣющихся до сихъ поръ источникахъ нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы въ этотъ промежутокъ времени происходили другія соборныя засѣданія. Наоборотъ, можно скорѣй найти доказательство того, что ихъ не было: въ соборномъ актѣ 1634 г. соборъ 1632 года названъ „первымъ"; такое словоупотребленіе заставляетъ предполагать, что засѣданію 1634 года только и предшествовало одно засѣданіе 1632 года. Столь длинный перерывъ между засѣданіями уже самъ по себѣ дѣлаетъ сомнительной примѣнимость къ разсматриваемому случаю понятія сессіи. Но обратимъ еще вни-

---

[1]) *С. Б. Веселовскій.* Семь сборовъ запросныхъ и пятинныхъ денегъ въ первые годы царствованія Михаила Ѳеодоровича. 1909 г. Стр. 58—59.

маніе на предметъ засѣданій: и въ 1632 году онъ—совершенно тотъ же, что и въ 1634 году, т. е. обсужденіе политики польскаго короля и по связи съ ней—финансовыхъ нуждъ правительства; почти тожественными оказываются, различаясь лишь въ несущественныхъ пунктахъ, и акты обоихъ соборовъ, излагающіе предложенія правительства и соборныя резолюціи. Итакъ, стоя на разсматриваемой точкѣ зрѣнія, приходится сказать, что выборные люди послѣ засѣданія въ 1632 г. цѣлый годъ оставались въ Москвѣ только для того, чтобы въ слѣдующемъ году почти съ буквальной точностью повторить постановленіе, сдѣланное ими ранѣе, и затѣмъ разойтись по домамъ. Едва ли нужно говорить, какъ мало подобная картина подходитъ къ понятію о назначеніи выборнаго представительства, къ тому же осуществляемаго въ условіяхъ древне-русской жизни. Гораздо вѣроятнѣе, что въ обоихъ случаяхъ правительство обошлось безъ выборныхъ людей, рѣшивъ вопросъ на соборѣ съ оффиціальнымъ составомъ, съ какимъ вело дѣло еще въ XVI вѣкѣ, и что, слѣдовательно, соборы 1632 и 1634 г.г. были не двумя засѣданіями, а двумя самостоятельными соборами, какъ они и названы въ документахъ. Такое пониманіе подтверждается и данными соборныхъ актовъ относительно состава соборовъ. Въ перечняхъ присутствовавшихъ лицъ—ни тамъ, ни здѣсь — нѣтъ никакихъ указаній на выборныхъ представителей. Между тѣмъ составители актовъ, безъ сомнѣнія, имѣли въ своемъ распоряженіи особые термины для обозначенія выборныхъ людей,— тѣ термины, которые какъ разъ примѣняются ими въ актахъ соборовъ (напр., соборовъ 1613 г. и 1648 г.), присутствіе въ составѣ которыхъ выборнаго элемента является безспорнымъ.

Столь же характерный случай представляетъ соборъ 1642 года. Вызванный чрезвычайнымъ обстоятельствомъ — неожиданнымъ извѣстіемъ о прибытіи турецкаго посла, онъ созванъ былъ такъ же, какъ и соборъ 1634 года, въ очень короткій срокъ, самое большее — въ нѣсколько дней,—условіе, при которомъ производство выборовъ было, очевидно, невозможно. Нѣтъ также основаній разсматривать его и какъ продолженіе соборной сессіи: за цѣлыя 5 лѣтъ до 1642 года въ памятникахъ эпохи не осталось никакихъ слѣдовъ вообще соборной дѣятельности. Въ соотвѣтствіи съ этимъ не находимъ признаковъ выборнаго элемента и въ оффиціальномъ перечнѣ чиновъ, которымъ начинается соборный актъ [1]). Въ виду этого, казалось бы, не должно

---

[1]) Собр. Г. Г. и Д., № 113.

быть и сомнѣнія, что соборъ 1642 года былъ построенъ по принципу, выработанному XVI вѣкомъ. Въ дѣйствительности—вопросъ сложнѣе: какъ только мы переходимъ отъ общихъ свѣдѣній о соборѣ къ изученію содержанія соборнаго акта, — передъ нами неожиданно появляется безспорный выборный элементъ. Изъ акта открывается, что на первомъ засѣданіи 3-го января, присутствовавшія на которомъ лица обозначены обычнымъ способомъ, т. е. простымъ перечисленіемъ чиновъ, государь указалъ выбрать „отъ всякихъ чиновъ добрыхъ и умныхъ людей". Въ актѣ же, далѣе, читаемъ, что выбранными лицами были поданы письменныя мнѣнія, „сказки", по вопросу, вызвавшему соборъ. Эти подробности даютъ поводъ думать, что соборъ 1642 года составился изъ выборныхъ представителей въ собственномъ смыслѣ слова. Такимъ образомъ, самый ходъ дѣятельности собора наталкиваетъ на выводъ объ его составѣ, совершенно противуположный тому, какой можно дѣлать на основаніи знакомства съ обстоятельствами его созыва и съ формальной частью соборнаго акта. Получается впечатлѣніе, что каждый изъ этихъ выводовъ можно признать правдоподобнымъ въ зависимости отъ того, на какой группѣ фактовъ сосредоточивать вниманіе. Причина такой противорѣчивости сужденій о соборѣ 1642 года можетъ лежать, конечно, не въ самыхъ фактахъ, а въ ихъ истолкованіи, и, значитъ, только твердо установивши истинное ихъ значеніе, можно вывести вопросъ изъ неопредѣленнаго положенія. Очевидно, наибольшую важность въ этомъ случаѣ должно получить указаніе соборнаго акта на „выборныхъ людей". Кто были эти выборные? Принято считать ихъ депутатами, избранными спеціально для представительства на соборѣ,—не трудно, однако, показать, что такой взглядъ ведетъ къ большимъ затрудненіямъ. Затрудненія начинаютъ обозначаться, какъ только поставимъ вопросъ, къ какому моменту слѣдуетъ относить актъ выбора. Одно изъ двухъ: онъ произведенъ былъ или до собора, такъ что соборъ съ самаго начала состоялъ изъ выборныхъ представителей, или же послѣ перваго соборнаго засѣданія, что уже предполагаетъ различіе между лицами, присутствовавшими на этомъ засѣданіи, и выбранными потомъ людьми [1]). Но первое предположеніе идетъ въ разрѣзъ съ показаніями соборнаго акта, по точному смыслу которыхъ приказаніе произвести выборы

---

[1]) Послѣдняго мнѣнія, между прочимъ, держится авторъ недавно напечатанной статьи спеціально о соборѣ 1642 года. См. С. В. Рождественскій. О земскомъ соборѣ 1642 г. Сб. статей, посвященныхъ В. И. Ламанскому, ч. I.

обращено было къ людямъ, явившимся на засѣданіе 3-го января, и, сверхъ того, оно противорѣчитъ исторически сложившейся соборной практикѣ, поскольку для него подача депутатами письменныхъ мнѣній должна быть формой самого соборнаго обсужденія. Болѣе близкимъ къ тексту соборнаго акта представляется второе предположеніе, но при ближайшемъ разсмотрѣніи легко замѣтить въ немъ внутреннее противорѣчіе. Если выборы депутатовъ произведены послѣ открытія собора, то какъ опредѣлится юридически положеніе всѣхъ тѣхъ людей, которые присутствовали на первомъ засѣданіи? Признавая засѣданіе 3-го января соборнымъ, нужно признать и всѣхъ его участниковъ членами собора. Но въ такомъ случаѣ для членовъ собора создается въ высшей степени странное положеніе: одни изъ нихъ получаютъ свои депутатскія полномочія, остальные какъ бы теряютъ ихъ—тѣ и другіе уже послѣ того, какъ вмѣстѣ присутствовали на соборномъ засѣданіи. Наконецъ, оба предположенія имѣютъ общій недостатокъ въ томъ, что не объясняютъ, какимъ образомъ собраніе, составившееся *изъ депутатовъ мѣстнаго, т. е. столичнаго населенія*, получило значеніе *земскаго* представительства? Здѣсь слѣдуетъ, впрочемъ, отмѣтить интересную попытку оправдать традицію земскаго представительства въ примѣненіи къ собору 1642 года на выборныхъ людяхъ не всѣхъ, а одного только чина. С. В. Рождественскій въ статьѣ о соборѣ 1642 года усматриваетъ *представительный* элементъ общеземскаго характера въ присутствовавшихъ на соборѣ провинціальныхъ дворянахъ. По соборному акту, выборные отъ дворянъ разныхъ городовъ, на ряду съ выборными отъ другихъ чиновъ, подаютъ свои „сказки". Понимая подъ актомъ выбора избраніе *депутатовъ* и задаваясь вопросомъ, отъ какихъ провинціальныхъ дворянъ могли быть призваны на соборъ выборные люди, авторъ приводитъ справку, что къ 1-му января 1642 года въ Москву должны были явиться „ради судныхъ дѣлъ" въ большомъ количествѣ служилые люди изъ разныхъ городовъ. Присутствіемъ ихъ въ столицѣ правительство, по догадкѣ автора, и воспользовалось, чтобы въ лицѣ выборныхъ изъ ихъ среды получить недостававшихъ собору земскихъ представителей. Такимъ образомъ сохраняется земскій авторитетъ собора, хотя и съ помощью случайнаго элемента. Согласимся, однако, что этого достаточно для древне-русскаго парламента; не будемъ говорить и о томъ, правильно ли опредѣляетъ авторъ назначеніе „выборныхъ людей": такой взглядъ уже разобранъ выше; здѣсь разсмотримъ только, насколько обоснована авторомъ мысль, что при-

сутствовавшіе на соборѣ выборные дворяне были депутатами (по терминологіи автора) отъ съѣхавшихся по своимъ дѣламъ провинціальныхъ служилыхъ людей. Подтвержденіе своей мысли онъ находитъ въ примѣняемомъ составителемъ акта къ дворянамъ нѣкоторыхъ городовъ опредѣленіи: „которые на Москвѣ"; напримѣръ: „и Володимірцы дворяне и дѣти боярскіе, которые на Москвѣ, мысль свою написали". По его мнѣнію, выраженіе „которые на Москвѣ" отмѣчаетъ именно случайный характеръ присутствія провинціальныхъ дворянъ въ столицѣ: „оно (это выраженіе) ненужно и непонятно, если эти дворяне и дѣти боярскіе были депутатами, спеціально вызванными для участія въ земскомъ соборѣ" [1]. Съ послѣднимъ соображеніемъ можно согласиться, но оно нисколько не говоритъ въ пользу высказаннаго авторомъ мнѣнія: если выраженіе „которые на Москвѣ" не можетъ относиться къ спеціально вызваннымъ депутатамъ, то оно можетъ столь же мало обозначать и случайныхъ депутатовъ, только что явившихся въ Москву. Это будетъ совершенно очевидно, если соборный актъ 1642 года въ данномъ пунктѣ сопоставимъ съ другимъ документомъ, гдѣ употреблено то же выраженіе, но гдѣ его значеніе выступаетъ гораздо яснѣе. Въ актѣ собора 1634 года читаемъ: „А на соборѣ были... властижъ черныя Архимариты и Игумены, которые на Москвѣ и изъ городовъ къ Москвѣ пріѣхали" [2]. Здѣсь контекстъ не оставляетъ никакого сомнѣнія, что выраженіе „которые на Москвѣ" имѣетъ значеніе, противуположное тому, какое ему придается въ разсматриваемой статьѣ, и можетъ скорѣй служить доказательствомъ того, что дворяне изъ городовъ, присутствовавшіе на соборѣ, были не случайными, а болѣе или менѣе постоянными жителями Москвы. Есть возможность опредѣлить съ большой точностью, кто именно были эти провинціальные дворяне, попавшіе въ разрядъ столичныхъ жителей. Дворяне и дѣти боярскіе, выборные отъ которыхъ люди подавали вмѣстѣ съ другими чинами свои „сказки", обозначены при общемъ перечисленіи членовъ собора терминомъ „дворяне и дѣти боярскіе изъ городовъ". Этотъ терминъ постоянно встрѣчается въ документахъ XVII вѣка, и можно съ увѣренностью сказать, что на тогдашнемъ офиціальномъ языкѣ онъ имѣлъ вполнѣ опредѣленный смыслъ, соотвѣтствуя термину XVI вѣка „выборные дворяне" и слѣдовательно означая лучшихъ провинціальныхъ дворянъ, отправлявшихъ временную службу въ сто-

---

[1]) Ibid., стр. 101.
[2]) Собр. Г. Г. Д., т. III, № 99.

лицѣ [1]). Но мы знаемъ, что „выборные дворяне" призывались на соборы не по общественному избранію, а по служебному положенію: значитъ, терминологія, на которую хочетъ опираться разсматриваемое мнѣніе, и въ этомъ случаѣ оказывается противъ него.

Попытка истолковать роль „дворянъ изъ городовъ" на соборѣ 1642 года въ смыслѣ выборнаго представительства имѣетъ по существу значеніе частнаго разъясненія, предполагая въ своей основѣ несомнѣннымъ земскій характеръ всѣхъ соборовъ XVII вѣка; поэтому ея неудача лишній разъ свидѣтельствуетъ о неправильности общей постановки вопроса. Основанное на такой предпосылкѣ, пониманіе соборнаго акта запутывается въ противорѣчіяхъ,—между тѣмъ всѣ затрудненія отпадаютъ, если мы станемъ на ту точку зрѣнія, что соборъ 1642 года былъ составленъ по образцу соборовъ XVI вѣка. Тогда мы получаемъ слѣдующую картину. На первое засѣданіе 3-го января, согласно съ практикой XVI вѣка, были призваны разныхъ чиновъ люди по ихъ офиціальному положенію. На этомъ же засѣданіи думный дьякъ и печатникъ Лихачевъ объявилъ распоряженіе государя выбрать изъ всякихъ чиновъ, очевидно, присутствовавшихъ на соборѣ, „добрыхъ и умныхъ людей",—для чего? Отвѣтомъ служитъ все дальнѣйшее содержаніе акта. Мы узнаемъ, что выбранные люди были собраны въ столовой палатѣ, гдѣ въ присутствіи бояръ (но не государя) имъ „чтено въ слухъ" и „роздано порознь" письмо, нужно думать—государевъ указъ, излагавшій обстоятельства дѣла, ради котораго былъ созванъ соборъ; тѣ же лица подаютъ потомъ письменныя мнѣнія по возбужденному вопросу, которыя полностью приведены въ актѣ и изъ которыхъ дьякомъ составленъ былъ, вѣроятно, для предполагавшагося общаго засѣданія, сводъ или докладъ, помѣщенный въ концѣ акта. Такова фактическая послѣдовательность отдѣльныхъ моментовъ, изъ которыхъ слагался соборъ 1642 года, и, думается, достаточно имѣть ее передъ глазами, чтобы безъ колебанія опредѣлить назначеніе „выборныхъ людей" акта. Очевидно, вопросъ, стоявшій передъ соборомъ и правительствомъ, требовалъ тщательнаго и всесторонняго обсужденія, и потому для подготовки соборнаго рѣшенія были образованы особыя совѣщанія „добрыхъ и умныхъ людей", которыя теперь назвали бы комиссіями. Значитъ, выбирались не депутаты на соборъ изъ общества, а члены комиссій изъ наличнаго состава собора. Эта подробность является очень интересной, какъ

[1]) Ср. *С. Ѳ. Платоновъ.* Очерки по исторіи смуты, стр. 460.

признакъ развитія пріемовъ соборной работы, но она не можетъ, конечно, сообщить офиціальному составу собора 1642 года значенія выборнаго представительства.

Итакъ, и по обстоятельствамъ созыва, и по составу, какъ онъ обнаруживается въ соборномъ актѣ, и въ ходѣ соборныхъ занятій, соборъ 1642 года не представляетъ принципіальныхъ уклоненій отъ того типа, который сложился въ XVI вѣкѣ, и потому можетъ служить иллюстраціей къ выставленному раньше общему положенію, что офиціальный соборъ сохранилъ свою жизненность и въ XVII вѣкѣ. Можно бы найти и еще примѣры, которые подтвердили бы то же положеніе. Но съ принципіальной точки зрѣнія достаточно и приведенныхъ, такъ какъ для поставленной цѣли важно показать возможность явленія, а не степень его распространенности или повторяемости.

IV.

Предшествующее изложеніе привело насъ къ заключенію, что первоначальный и, можно сказать, основной типъ собора сохраняетъ свое значеніе на протяженіи всего періода русской исторіи, который отмѣченъ существованіемъ такъ называемаго соборнаго представительства. Составлявшійся по принципу служебнаго положенія своихъ членовъ, соборъ этого типа вовсе не заключаетъ въ себѣ представительнаго элемента, и можетъ быть названъ скорѣй бюрократическимъ, чѣмъ представительнымъ учрежденіемъ. Но въ 17-мъ вѣкѣ, какъ было уже сказано, составъ собора по временамъ осложняется: въ немъ рядомъ съ прежнимъ офиціальнымъ элементомъ появляется новый, источникъ котораго лежитъ не въ служебномъ значеніи лица, а въ общественномъ избраніи. Въ случаяхъ совмѣщенія того и другого элемента въ одномъ учрежденіи данная ранѣе характеристика собора, очевидно, перестаетъ соотвѣтствовать дѣйствительности. Открываются новые вопросы, которые не могли имѣть мѣста въ предшествующемъ изложеніи, именно: съ какимъ политическимъ значеніемъ представительный элементъ входитъ въ составъ собора и какое соотношеніе устанавливается въ соборной практикѣ между новымъ принципомъ и старымъ, другими словами—какъ отражается перемѣна въ составѣ собора на его организаціи.

Рѣшеніе поставленныхъ вопросовъ встрѣчаетъ чрезвычайно большое затрудненіе въ крайней скудости источниковъ. Въ офиціальныхъ документахъ можно находить лишь неясные намеки, которые приходится разгадывать, а неофиціальные—прямыхъ указаній не даютъ

вовсе. Нужно, значитъ, и на этотъ разъ искать окольныхъ путей, чтобы если не придти, то, по крайней мѣрѣ, приблизиться къ цѣли. И здѣсь, въ ряду вспомогательныхъ средствъ, на первомъ мѣстѣ должно быть поставлено ознакомленіе съ той исторической обстановкой, въ которой родилась мысль о примѣненіи избирательнаго принципа къ политической жизни. Анализъ почвы, на которой выросло растеніе, долженъ помочь опредѣлить свойства его плодовъ.

Нельзя, думается, сомнѣваться въ томъ, что выборное начало не могло возникнуть путемъ эволюціи старыхъ принциповъ, на которыхъ построенъ типъ собора 16-го вѣка: превращеніе чиновника въ депутата логически такъ же невозможно, какъ и депутата въ чиновника. Нужно признать, что въ 16-мъ вѣкѣ не было условій, которыя бы могли вызвать къ жизни народное представительство. Въ самомъ дѣлѣ, примѣненіе выборнаго начала означаетъ признаніе за обществомъ политическихъ правъ, хотя бы самыхъ минимальныхъ, и уже во всякомъ случаѣ предполагаетъ взглядъ на общество, какъ на необходимый самостоятельный ингредіэнтъ въ понятіи государства. Но ни того, ни другого нельзя ожидать тамъ, гдѣ управленіе основывалось на вотчинныхъ началахъ и гдѣ населеніе являлось, по выраженію проф. Ключевскаго, политической случайностью. Такъ было на Руси до 17-го вѣка, и нужна была смута, чтобы создать условія, благопріятныя для возникновенія выборнаго представительства. Смута важна была тѣмъ, что вызвала необычайную самодѣятельность въ населеніи—отъ крупныхъ городовъ до мелкихъ уѣздныхъ обществъ. Она постепенно раскрыла передъ сознаніемъ общества тѣ противорѣчія, какими проникнута была соціальная и политическая жизнь, уяснила связь экономическихъ и соціальныхъ интересовъ съ тѣмъ или другимъ политическимъ порядкомъ, и для каждой общественной группы сдѣлала неизбѣжнымъ выборъ между боровшимися политическими партіями. Смута была временемъ междоусобной борьбы, но она же была вмѣстѣ и школой солидарности. Если современники, пережившіе непосредственно ужасы „великой разрухи“, съ негодованіемъ говорятъ о проявленіяхъ взаимнаго ожесточенія и ненависти среди русскихъ людей, то мы, наблюдая ее издали, можемъ, наоборотъ, удивляться тому, сколько единодушія, при полной анархіи, обнаружено было отдѣльными мірами, которые поняли общность своихъ интересовъ. И результаты смуты были двоякіе: въ сферѣ соціальной—она придавила одни классы и возвысила другіе, въ сферѣ политической—она превратила націю въ политическій организмъ. По-

литически объединяло, главнымъ образомъ, движеніе, имѣвшее цѣлью освобожденіе Москвы. Начавшись на сѣверѣ, оно постепенно разросталось, захватывая все новыя и новыя области и сближая между собою пункты и районы, до того времени остававшіеся чуждыми и далекими другъ для друга. Города пересылались грамотами, обмѣнивались мыслями черезъ „посыльщиковъ", составляли ополченія. И чѣмъ крѣпче становилась въ этомъ движеніи ихъ взаимная связь, чѣмъ сильнѣе обнаруживалось ихъ вліяніе на ходъ политической борьбы, тѣмъ яснѣе и яснѣе изъ-за служебно-офиціальной сѣти отношеній, накинутой на общество Москвой, вырисовывался обликъ пробуждавшейся къ самостоятельной жизни земли. Понятіе „земля" становится все болѣе близко русскимъ людямъ, выражая собой растущее въ націи сознаніе политической солидарности. Оно получаетъ даже нѣсколько символическій смыслъ, нерѣдко примѣняясь для обозначенія не столько реальной объединенности населенія, сколько идеальной общности его интересовъ и цѣлей. Въ Нижнемъ Новгородѣ еще въ 1611 г. находимъ въ дѣйствіи „совѣтъ всей земли" въ то время, когда нижегородское ополченіе только еще начинало собираться; за то національно-политическая цѣль его была и тогда уже совершенно ясна. Такимъ образомъ, рядомъ съ прежними силами, строившими государство и, по обстоятельствамъ, отчасти замѣняя ихъ, становится новая. „Земля" въ безгосударное время является высшей моральной силой въ политической жизни, и каждое правительство всякій важный актъ старается запечатлѣть ея авторитетомъ. Но, имѣя первоначально моральный характеръ, эта сила скоро находитъ для своего выраженія соотвѣтствующій политическій органъ. Такимъ органомъ сталъ „совѣтъ всея земли"—коллективное учрежденіе, въ которомъ соединились выборные земскіе люди и чины стараго собора. Въ 1610 году начало выборнаго представительства было уже офиціально признано московскимъ правительствомъ. Въ этомъ году московскіе жители, по низложеніи Шуйскаго, цѣловали крестъ князю Ѳ. И. Мстиславскому съ товарищи на томъ, чтобы имъ „Государя на Московское государство выбрати... всею землею и сослався съ городы" [1]. Правительство, извѣщая города о переворотѣ 17-го іюля, отъ имени московскаго собора или совѣта дѣйствительно и писало, чтобы они „прислали къ Москвѣ изо всѣхъ чиновъ выбравъ по человѣку" [2]. Однако, соборъ

[1]) Собр. Гос. Гр. и Дог., т. II, № 198.
[2]) Ibid., № 197.

въ предположенномъ составѣ не состоялся. Фактически выборное начало осуществилось только въ совѣтѣ, образовавшемся при ополченіи Пожарскаго.

Итакъ, ходъ событій смутнаго времени, дѣлавшій общество самостоятельной силой, подготовилъ почву для того, чтобы могла осуществиться мысль о выборномъ представительствѣ или земскомъ соборѣ. Самый путь, какимъ выборное начало проникло въ политическую практику, разъясненъ проф. Платоновымъ. Московскому обществу выборное начало было извѣстно и ранѣе: оно давно уже практиковалось въ самоуправлявшихся тяглыхъ общинахъ. Во время смуты это начало нашло примѣненіе себѣ на болѣе широкомъ поприщѣ. Сначала потребность въ распорядительномъ органѣ вызываетъ въ отдѣльныхъ городахъ мірскіе совѣты изъ старостъ и „лучшихъ людей". Когда же населеніе въ борьбѣ съ врагомъ стало смыкаться въ общій союзъ, то городскіе міры „усвоили обычай посылать „для добраго совѣта" въ другіе города своихъ представителей". Такъ, напримѣръ, изъ Галича на Кострому „для добраго совѣта" прислали дворяне одного дворянина, а посадскіе люди одного посадскаго человѣка. Изъ Ярославля, „отъ всего города" дворянинъ да посадскій человѣкъ посланы были въ Вологду. Такъ „соединеніе въ одномъ всесословномъ „совѣтѣ" представителей нѣсколькихъ областей образовалось естественно вслѣдствіе исключительныхъ событій смутной эпохи. Отсюда уже былъ одинъ только шагъ и до „совѣта всей земли" [1]. Приводя это мнѣніе и пользуясь имъ для разъясненія вопроса, оговоримся, что одно изъ отмѣченныхъ въ немъ явленій не представляется характернымъ для изображаемаго процесса въ одинаковой степени съ другими. Существованіе мірскихъ совѣтовъ въ городахъ, которые пользовались уже наличнымъ выборнымъ элементомъ (напр., старостами) не могло быть такъ же важно для проведенія выборнаго начала въ политическую жизнь, какъ общественный выборъ представителей спеціально для сношеній съ городами. Такъ это или нѣтъ,— зависитъ отъ того, какъ будемъ рѣшать вопросъ о городскихъ совѣтахъ. Но въ данной связи для насъ важнѣе то, что земскій соборъ и въ той части своей, которая служила органомъ выборнаго представительства, не былъ совершенно новымъ для русской жизни явленіемъ, но возникъ путемъ приспособленія къ новымъ потребностямъ привычныхъ формъ, въ какихъ осуществлялась земская мысль на

---

[1]) *С. Ѳ. Платоновъ*, Къ исторіи московскихъ земскихъ соборовъ, стр. 27—31.

мѣстахъ. Отсюда понятно, почему земскій элементъ собора, составлявшійся изъ выборныхъ отъ дворянъ, посадскихъ людей, отъ духовенства и отъ волостныхъ крестьянъ, отражалъ въ себѣ уже не чиновный строй общества, а классовой или—точнѣе—сословный: общество посылало на соборъ не представителей служебной іерархіи, установленной его обязанностями по отношенію къ государству, а представителей общественныхъ группъ, въ которыхъ нашли выраженіе разнообразные общественные интересы. Такимъ образомъ, ускоренное смутой политическое развитіе общества перенесло принципъ представительства изъ мѣстнаго управленія въ центральное.

Распространеніе выборнаго начала на политическую жизнь является признакомъ общей перемѣны, происшедшей въ характерѣ политическаго порядка. Основные элементы прежняго политическаго строя теперь получили новый смыслъ: на мѣсто отчины стало государство, хозяина-собственника смѣнилъ государь, носитель верховной власти, народъ изъ политической случайности сдѣлался основой государства. Передъ обществомъ расчищена была дорога къ политической власти, и совѣтъ всей земли, казалось бы, былъ готовой формой для ея осуществленія. Такъ *могъ* сложиться политическій порядокъ; но каковъ онъ будетъ въ дѣйствительности,—это зависѣло еще отъ другихъ условій. Политическое творчество слѣдуетъ не только своей логикѣ, но еще въ бо́льшей степени тѣмъ указаніямъ, какія диктуются соціально-экономическими отношеніями. А что дала смута въ этой области? Она выдвинула впередъ средніе классы общества, по преимуществу среднее дворянство, а такой результатъ означалъ усиленное развитіе въ ближайшемъ будущемъ крѣпостническихъ отношеній. Но рабство убиваетъ гражданина одинаково—и въ господинѣ и въ холопѣ; значитъ, можно сказать, что соціальная почва для развитія политическаго представительства не была тверда. Чтобы оцѣнить безъ преувеличенія тѣ общія и, главное, отрывочныя свѣдѣнія о соборномъ представительствѣ, какія заключаются въ офиціальныхъ документахъ, необходимо принять во вниманіе, насколько прочно принципъ представительства укоренился, при данныхъ соціально-экономическихъ условіяхъ, въ другихъ областяхъ народной жизни, гдѣ онъ проведенъ былъ раньше, и въ какой мѣрѣ сознательно воспринята была обществомъ перемѣна въ политическихъ отношеніяхъ, произведенная смутой. Мы знаемъ, что выборное начало, привитое русской жизни земской реформой Грознаго, дѣйствовало первоначально въ практикѣ мѣстныхъ міровъ, а потомъ, благодаря наступившимъ чрезвычайнымъ

обстоятельствамъ, нашло для себя и болѣе широкую сферу примѣненія. Но въ 17-мъ вѣкѣ, отчасти подъ вліяніемъ усиливающагося обособленія сословій, отчасти благодаря установившимся пріемамъ управленія въ военное время, мѣстное самоуправленіе все болѣе и болѣе начинаетъ падать и подъ конецъ утрачиваетъ свою жизненность, превратившись въ простое вспомогательное орудіе воеводскаго управленія. Съ другой стороны, съ окончаніемъ смуты постепенно замираетъ живое взаимодѣйствіе земскихъ міровъ, такъ расширившее въ смутный періодъ практику выборнаго представительства, и цѣльный потокъ народной жизни снова разбивается на отдѣльные ручейки. Несомнѣнно, такое направленіе мѣстной жизни можетъ въ извѣстной степени служить показателемъ успѣховъ и соборнаго представительства, поскольку въ ней именно оно имѣло свой первоначальный источникъ и поскольку въ связи съ ея подъемомъ совершался и его ростъ. То же впечатлѣніе мы получаемъ, если отъ житейской практики поднимемся въ сферу идей и чувствъ, соприкасающихся съ политикой, попытаемся проникнуть въ общественное настроеніе. Здѣсь на первомъ же шагу мы встрѣчаемся съ поразительнымъ фактомъ: общество, которое характеризуется въ отношеніи политическаго развитія, какъ своей главнѣйшей чертой, дѣятельностью земскихъ соборовъ, не оставило послѣ себя почти ни строчки объ этихъ соборахъ, и мы, по всей вѣроятности, ничего бы въ точности не знали о судьбѣ выборнаго представительства по окончаніи смуты, если бы не сохранили память о немъ московскія канцеляріи по долгу службы. Но яснѣе всего психологія общества отражается, конечно, въ литературныхъ произведеніяхъ соотвѣтствующей эпохи, и по отношенію къ 17-му вѣку мы имѣемъ литературный памятникъ, чрезвычайно цѣнный съ разсматриваемой точки зрѣнія. Одинъ изъ мыслящихъ людей того времени, дьякъ Иванъ Тимофѣевъ, съ большой искренностью, хотя и крайне мудренымъ стилемъ, изложилъ свои мысли и чувства по поводу пережитыхъ въ смуту событій, и по этой политической исповѣди, если позволительно такъ назвать его Временникъ, можно отчасти возстановить политическое настроеніе его современниковъ.

Иванъ Тимофѣевъ, безъ сомнѣнія, сынъ своего времени и—очень чуткій: совершившійся переломъ въ народной жизни глубоко затронулъ этого дьяка московскаго приказа, отразившись въ его міровоззрѣніи трудно примиримой двойственностью элементовъ. Эта двойственность и является наиболѣе характерной чертой для представителя переходнаго

времени. Съ одной стороны, передъ нами,—несомнѣнно, новый человѣкъ. Опытъ, вынесенный изъ смуты, вооружилъ его необычайной для добраго стараго времени смѣлостью въ выборѣ темъ и способѣ ихъ трактованія. Чтобы почувствовать это, достаточно, думается, прочитать первую страницу его Временника, гдѣ дается характеристика прежнихъ отношеній между царемъ и подданными. „Наша самодержавніи во своихъ державахъ обладаху нами всѣми, отъ вѣка рабы своими", пишетъ И. Т.; „во всѣхъ служебнѣ, не уже до крове токмо, но и до самая смерти быхомъ имъ самопослушни, яко же скотъ водящему и даже до заколѣнія сопротивиться не совѣсть". Но такъ продолжалось до тѣхъ поръ только, пока „самодержавніи... сами держахуся повелѣній данныхъ Богомъ". Когда же „предержателе" стали нарушать „благоустановленія законная" и „добрая обычая", то „и въ повинующихся рабѣхъ естественный страхъ къ покоренію владыкъ оскудѣваше исчезая" [1]. Нужно признать, что только при значительной свободѣ въ обращеніи съ политическими предметами можно ставить такой діагнозъ и—въ особенности—пользоваться такими терминами, какъ „отъ вѣка рабы", „скоты" для характеристики положенія подданныхъ. Это знакомитъ насъ пока съ формальными свойствами политическаго мышленія автора; но въ соотвѣтствіи съ ними раскрывается и положительное содержаніе его политическихъ взглядовъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что самодержавіе осталось для И. Т. и послѣ смуты непоколебимой твердыней. Для него царская власть—святыня. Царя „яко Бога вся тварь, по Бозѣ стыдящеся, почитаетъ страхомъ и молчаніемъ". „Аще и человѣкъ царь бѣ по естеству, властію достоинства привлеченъ есть Богу, иже надъ всѣми" [2]. Но оставаясь вѣрнымъ самодержавной власти царей, И. Т. уже готовъ въ извѣстныхъ случаяхъ стать на стражу и достоинства ихъ подданныхъ. Онъ чувствуетъ оскорбленіе тамъ, гдѣ прежніе люди видѣли только бѣдствіе. Разсказавши о томъ, какъ Грозный выдѣлилъ опричнину въ особую часть государства съ собою во главѣ, и затѣмъ опять вернулъ себѣ власть, авторъ Временника съ укоромъ замѣчаетъ: „тако Божіими людьми играя" [3]. Насилія царей, ихъ обманы, клятвопреступленія, недостатки личной нравственности находятъ въ немъ суроваго обличителя. Разнообразные эпитеты, которые онъ щедро разсы-

[1]) Рус. Истор. Библіот., т. XIII, стр. 261.
[2]) Ibid., стр. 397—8.
[3]) Ibid., 271 стр.

паетъ по адресу Бориса Годунова, Самозванца, Василія Шуйскаго, могли бы служить отличнымъ примѣромъ того, какъ люди тѣхъ временъ умѣли браниться въ предѣлахъ приличія. Но особенно близко личность И. Т. подходитъ къ характеру эпохи въ его отношеніи къ земскому собору. Можно подумать, что „совѣтъ всей земли“ сталъ въ его глазахъ политической необходимостью. Онъ не можетъ простить Шуйскому или, какъ онъ называетъ его, „самодержавному нашему срамодѣйственному Василію“ [1]), что тотъ „самохотно восхищеніемъ наскочивше безстуднѣ отъ болярска чина на царство“ [2]), „безъ общаго всея Русіи градовъ людского совѣта“ [3]). На протяженіи своего объемистаго произведенія онъ нѣсколько разъ возвращается къ этой темѣ и всегда—съ одинаковымъ негодованіемъ. И „всея Росія земля всколебося нань ненавистію, за еже, по его мнѣнію, безъ воля всѣхъ градовъ воцарился бѣ“ [4]). Не ограничиваясь обличеніями царей, авторъ высказываетъ такія мысли, которымъ, казалось бы, трудно умѣститься въ стѣнахъ приказной избы. Размышляя надъ причинами смуты, онъ много разъ упрекаетъ русское общество за то, что оно молчало, глядя на неправды правителей. Этотъ упрекъ подъ конецъ развивается у него въ цѣлую систему. „Обладатели“ наши, говоритъ И. Т., вводили путемъ законовъ „неугодно нѣкая Богови и человѣкомъ“. Противъ этихъ „неподобныхъ начинаній“ мы должны бы „возразить“, но „мужественныя крѣпости не бѣ въ насъ отдавна“. Слѣдовало бы составить „многолюднаго собранія ликъ“, но начальники, которые бы могли стать во главѣ этого „вселюдскаго собора“, боялись, какъ бы ихъ участіе не стало извѣстно „владущимъ“. И вотъ эту неспособность нашу къ объединенію „по слабости страхованія“ „новообладателе наша, вѣрныя же и нечестивыя“ ясно издавна видѣли и ею пользовались „ко еже ихъ ползѣ и къ хотимому удобь веществіесоставленію“. А между тѣмъ раньше были у насъ единодушіе и твердость, „дондеже насъ грѣховная слабость не соодолѣ“ [5]). Съ этими словами невольно хочется сопоставить заключительную статью приговора 30-го іюня, составленнаго въ ополченіи Ляпунова: „А буде бояре... о земскихъ дѣлахъ радѣти и расправы чинити не учнутъ во всемъ вправду..., и намъ всею землею вольно бояръ... перемѣнити, и въ то мѣсто выбрати

[1]) Ibid., 410 стр.
[2]) Ibid., 377 стр.
[3]) Ibid., 389 стр.
[4]) Ibid., 390 стр.
[5]) Ibid., 462—4.

иныхъ, поговоривъ со всею землею" [1]). Здѣсь мысль выражена, конечно, болѣе конкретно, но духъ въ обоихъ случаяхъ одинъ и тотъ же.

Если бы въ передачѣ политическихъ взглядовъ И. Т. ограничиться изложеннымъ, то, несомнѣнно, характеристика получилась бы односторонняя и невѣрная. Все, что говорилось до сихъ поръ, рисуетъ его намъ, какъ человѣка новаго. Но мы легко можемъ убѣдиться, что рядомъ съ новыми идеями въ немъ уживается глубокій консерватизмъ традиціи, при которомъ положеніе этихъ идей становится очень неустойчивымъ. Прежде всего оказывается, что у И. Т. нѣтъ одинаковыхъ критеріевъ оцѣнки политическихъ дѣятелей и событій: критеріи примѣняются различные, смотря по тому, о комъ идетъ рѣчь. Мы видѣли, что авторъ Временника рѣзко обличаетъ Годунова, Самозванца и Шуйскаго; но смѣлость его критики и обличеній объясняется тѣмъ, что это—все „наскакатели", „царіе не сущіи" [2]). Отношеніе его къ „истиннѣйшимъ, природнымъ обладателямъ"—другое. „Предваршіе всероссійскіе деспоты" подняты имъ на недосягаемую высоту. И. Т. говоритъ о нихъ не иначе, какъ съ благоговѣніемъ. Они неизмѣримо выше обыкновенныхъ людей; „ничтоже суть достойно, ни міръ весь, власу единому царскихъ главъ" [3]). Для нихъ у него не находится слова осужденія. Конечно, и они въ жизни кое-что „безсмѣтно сотвориша и погрѣшно". Но подобныя ихъ дѣянія неудобно обнаруживать передъ людьми, „понеже таковыхъ судити единъ вѣсть Богъ" [4]). Если же нельзя судить ихъ дѣла, то тѣмъ болѣе непримѣнимы въ отношеніи къ нимъ всякія проявленія „спротивства". Это значитъ, что конституціонная теорія И. Т. имѣетъ въ виду только время „наскакателей", а при обычныхъ условіяхъ жизни останется безъ приложенія. Лучшія мысли и чувства автора обращены къ прошлому, гдѣ сіяютъ добродѣтелями „премудрые Всероссійскіе деспоты". Но идеалъ для него—„вправду благочестивый самодержецъ" Θеодоръ Ивановичъ, со смертью котораго наступилъ „конецъ и велицѣй Россіи" [5]). Съ политическимъ консерватизмомъ идетъ рука объ руку и консерватизмъ соціальный. И. Т. большое значеніе въ развитіи смуты придаетъ тому, что общество не помѣшало Борису „благородныя по царехъ сущія столпи великія, ими же земля наша вся утверждашеся,

[1]) *Карамзинъ.* Исторія госуд. россійск. т. XII, прим. 793.
[2]) Рус. Ист. Библ., стр. 393.
[3]) Ibid., 341 стр.
[4]) Ibid., стр. 300.
[5]) Ibid., стр. 290.

всяко погубляти"[1]. Почитаніе „столповъ великихъ" естественно связывается у автора вообще съ признаніемъ родового начала. Въ особую заслугу ставитъ онъ прежнимъ царямъ то, что при нихъ „худородные" не достигали „чести". „Истинніи наши царіе вѣдяху, коему роду кую и какову честь и чего ради даровати, худороднымъ же ни"[2]. Смыслъ движенія низшихъ слоевъ населенія во время смуты, его соціальныя причины, остались непонятными для консервативно настроеннаго дьяка. По его мнѣнію, эта „безглавная чадь" просто не хотѣла „учиненнымъ во градѣхъ отъ Бога царей сущимъ властемъ повиноватися и покарятися, но... разбойнически во всемъ жительствующе... сами собой водитися умыслиша"[3]. Все это уже предрасполагаетъ отнестись съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ къ тому, насколько глубокъ и устойчивъ конституціонализмъ Ивана Тимофѣева. Безъ сомнѣнія, онъ понимаетъ политическое значеніе земскаго собора. Но интересно то, что авторитетъ его выдвигается во Временникѣ только какъ аргументъ противъ „самовѣнечника" Шуйскаго; даже мечтая объ упоминавшемся выше „многолюднаго собранія ликѣ", который могъ бы „возразить" обладателямъ, онъ какъ будто забываетъ объ „общемъ всея Русіи градовъ людцкомъ совѣтѣ", который не разъ составлялся на памяти автора и которому, казалось бы, естественно принадлежала такая роль. Въ особенности же характерно то, что, разсказывая о вступленіи на престолъ „Богомъ воздвиженнаго въ наслѣдіе царска отъ роды въ роды" Михаила, онъ забылъ даже и упомянуть о томъ, какое значеніе при этомъ „новоцареніи" имѣлъ „совѣтъ всей земли".

Итакъ, двойственность является характерной чертой политическаго міровоззрѣнія автора Временника. Лица и событія замѣтно дѣлятся у него на двѣ категоріи, и для каждой изъ нихъ въ его распоряженіи имѣются разные критеріи оцѣнки. И эта черта совсѣмъ не означаетъ лицемѣрія или фальшивости: человѣкъ искренній и впечатлительный, но съ умомъ, не обладающимъ ни оригинальностью, ни особой глубиной, Иванъ Тимофѣевъ просто не въ силахъ былъ объединить въ одномъ цѣломъ то, что раздѣлили традиція и чувство; внутреннее сходство явленій закрывалось для него различіемъ внѣшнихъ признаковъ. Нѣчто подобное, можно думать, происходило и съ обществомъ, когда бурный періодъ миновалъ и люди получили воз-

---

[1]) Ibid., стр. 380.
[2]) Ibid., стр. 393.
[3]) Ibid., стр. 418.

можность оглядѣться и оцѣнить свое положеніе. Смута чрезвычайно рѣзко выдвинула политическіе вопросы, къ которымъ русскій человѣкъ привыкъ подходить съ большой осторожностью, даже съ боязливостью; она обнажила политическія отношенія, показавши обществу реальную обстановку власти, до того времени окутывавшейся ореоломъ таинственности. И само общество отъ обычнаго пассивнаго состоянія должно было въ эту эпоху сразу перейти къ роли, въ высшей степени активной. Такимъ образомъ, нарушались, повидимому, всѣ политическія традиціи, и русскій человѣкъ за нѣсколько лѣтъ смуты получалъ запасъ впечатлѣній, который при мирномъ ходѣ жизни онъ долженъ былъ бы собирать долгіе годы. Какой видъ приметъ подъ вліяніемъ пережитыхъ событій политическое міровоззрѣніе общества? У Ивана Тимофѣева, который по всему складу психики способенъ быть типическимъ представителемъ среды, мы знаемъ, — новыя впечатлѣнія и старыя понятія не переработались въ стройную систему, образовавши какъ бы особыя области опыта. Подобныя явленія наблюдаются и вообще въ личной жизни людей, когда какая-нибудь катастрофа выбиваетъ ихъ изъ привычной колеи, произведя рѣзкую перемѣну въ душевномъ настроеніи. Переживая эту перемѣну, человѣкъ часто не въ состояніи разобраться съ точки зрѣнія новаго душевнаго строя въ чувствахъ и отношеніяхъ, связанныхъ съ прежнимъ: сосредоточиваясь на настоящемъ, онъ чувствуетъ себя по новому, но когда переносится въ прошедшее,—привычныя ассоціаціи мыслей и чувствъ, не имѣя связи съ новымъ настроеніемъ, стремятся поставить его на старую дорогу. Результатъ зависитъ отъ окружающей обстановки: при условіяхъ, неблагопріятныхъ для новаго настроенія, оно не пуститъ въ душѣ глубокихъ корней и будетъ только слегка окрашивать поведеніе человѣка и его міровоззрѣніе. Такъ же было и съ русскимъ обществомъ XVII вѣка. Изъ смуты оно вынесло новыя чувства и новые взгляды, пережило за это время высокій подъемъ національнаго и политическаго сознанія. Но смута кончилась; понемногу наладился общественный и государственный порядокъ, возстановлявшій очень многое изъ прошлаго. Только что пережитое потрясеніе уходило въ даль, становилось предметомъ воспоминанія, и смута съ ея опытами все болѣе рѣзкой чертой отдѣлялась въ сознаніи общества отъ настоящаго, какъ подобной же чертой она отдѣлена была и отъ предшествующаго ей періода. Другими словами, впечатлѣнія, вынесенныя обществомъ изъ этой эпохи, все менѣе поддавались обобщенію и соотвѣтственно этому ея политическіе уроки все болѣе теряли поучи-

тельность для окружающей дѣйствительности, сберегаясь народной памятью развѣ только для новыхъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ.— Эти особенности общественнаго настроенія и нужно имѣть въ виду, изучая политическое значеніе выборнаго представительства.

Избранники земли должны были сойтись въ одномъ учрежденіи со служилыми чинами, составлявшими обыкновенно соборы стараго типа. Для дальнѣйшей судьбы этого учрежденія — будемъ называть его совѣтомъ всей земли или земскимъ соборомъ—большую важность составляло то, въ какое отношеніе станутъ между собою встрѣтившіеся элементы, а значитъ, въ лицѣ ихъ—и тѣ начала, которыя они собой представляли. Если бы выборное представительство глубоко коренилось въ политическомъ сознаніи общества, отвѣчало бы устойчивымъ и сознаннымъ потребностямъ широкихъ общественныхъ слоевъ, то можно было бы ожидать, что прежній чиновный соборъ будетъ теперь реорганизованъ на новыхъ началахъ и, сбросивши свою казенную форму, образуетъ народное представительство. Случилось, однако, иное: мы очень мало знаемъ объ организаціи земскаго собора XVII вѣка, но всѣ указанія, какія можно извлечь изъ памятниковъ эпохи, говорятъ за то, что выборное начало не торжествуетъ надъ офиціальнымъ, а мирно уживается съ нимъ рядомъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, нужно обратиться къ документамъ, непосредственно относящимся къ соборной практикѣ XVII вѣка. Въ нихъ мы неизмѣнно находимъ знакомый намъ перечень чиновъ, служившій обозначеніемъ для собора первоначальнаго вида; но тутъ же встрѣчаемъ и новый терминъ, свидѣтельствующій о перемѣнѣ, происшедшей въ составѣ учрежденія. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда можно тѣмъ или другимъ способомъ удостовѣрить наличность выборнаго элемента, вслѣдъ за перечнемъ чиновъ стоятъ выраженія: „изъ городовъ выборные люди", „изо всѣхъ городовъ выборные всякіе люди", просто „выборные люди", „изъ городовъ пріѣзжіе всякіе люди" [1]); въ рѣдкихъ случаяхъ вмѣсто суммарнаго обозначенія находимъ болѣе опредѣленное: „дѣти боярскіе всѣхъ городовъ" [2]), „торговые люди всѣхъ городовъ" [3]). Наоборотъ, тамъ, гдѣ нѣтъ основаній предполагать присутствіе выборныхъ людей, отсутствуютъ и всѣ подобныя выраженія. Если принять во вниманіе, что, по документальнымъ даннымъ, выборные присылались городовымъ

---

[1]) См. напр. Собр. Г. Г. и Д., № 2 — 3, № 129; Дворц. Разр., т. I, во многихъ грамотахъ собора 1613 г.

[2]) Собр. Г. Г. и Д., № 57.

[3]) Ibid., № 4.

дворянствомъ, торговымъ посадскимъ населеніемъ и волостнымъ крестьянствомъ, то нужно будетъ допустить, что появленіе представителей этихъ сословій на соборахъ не мѣшало оставаться въ составѣ послѣднихъ съ прежнимъ значеніемъ не только столичнымъ дворянскимъ и торговымъ чинамъ, но и „выборнымъ“ провинціальнымъ дворянамъ, присутствовавшимъ по служебному положенію. Такъ слабо было вліяніе выборнаго начала на соборную организацію. Тотъ же выводъ можно сдѣлать еще изъ другого, хотя и мелкаго, тѣмъ не менѣе, думается, характернаго наблюденія. Послѣ избранія Михаила Ѳеодоровича была отправлена земскимъ соборомъ къ новому царю извѣстительная грамота. Она написана отъ всего собора — отъ чиновъ и выборныхъ людей, что и естественно. Въ грамотѣ разсказывается о событіяхъ, предшествовавшихъ избранію, и среди разсказа мы наталкиваемся на слѣдующую неожиданную фразу: „и мы, богомольцы и холопы твои государевы, всякихъ чиновъ люди Московскаго государства писали во всѣ Украинные, и въ Поморскіе, и въ Понизовые, и въ Сѣверскіе города“, чтобы „для государскаго избиранья ѣхали изъ городовъ къ Москвѣ изо всякихъ чиновъ“ [1]). Сдѣлавши справку на счетъ того, кто были авторы посланныхъ во всѣ города писемъ — эти „всякихъ чиновъ люди Московскаго государства“, узнаемъ, что то были „бояре, и окольничіе, и чашники, и стольники, и стряпчіе, и дворяне большіе, и жильцы и *изъ городовъ дворяне и дѣти боярскіе*, и гости, и торговые люди, и атаманы, и казаки, и стрѣльцы, и всякихъ чиновъ люди“ [2]). Ясно, что тутъ дѣйствовалъ соборъ стараго типа въ полномъ или нормальномъ составѣ, и онъ же выступаетъ потомъ отъ своего лица въ грамотѣ, писанной уже послѣ того, какъ выборные съѣхались, — отъ совѣта всей земли. Значитъ, въ составѣ земскаго собора онъ продолжалъ оставаться какъ бы самостоятельной группой. Очевидно, дьякъ, составлявшій извѣстительную грамоту, сдѣлалъ въ приведенномъ мѣстѣ конституціонный промахъ, и благодаря тому нѣсколько пріоткрылъ завѣсу, скрывающую отъ насъ соборный механизмъ.

Такимъ образомъ, на земскихъ соборахъ XVII вѣка оказываются представленными параллельно, но двумя разными способами, почти одни и тѣ же классы, — комбинація, съ точки зрѣнія конституціоннаго права, несомнѣнно, очень странная. Если понятно значеніе двухпа-

---

[1]) Ibid., № 2.

[2]) Дворц. Разр., т. I, стр. 7—8.

латной системы представительства, разсчитанной на то, чтобы поддерживать политическое равновѣсіе посредствомъ ограниченія однихъ слоевъ населенія другими, то какой политическій смыслъ могло бы имѣть простое удвоеніе элементовъ *одной* палаты? Такое или подобное недоумѣніе долженъ вызывать нашъ земскій соборъ, если подходить къ нему съ юридической точкой зрѣнія. Но въ иномъ свѣтѣ представляется совѣтъ всей земли, если оцѣнку его политической роли перенести на историческую почву.

Твердо установилось мнѣніе, что въ первые годы царствованія новой династіи земскій соборъ игралъ чрезвычайно большую роль въ жизни государства. Онъ пользовался въ глазахъ общества такимъ авторитетомъ, что иногда ставился даже офиціально какъ бы рядомъ съ верховной властью. Въ царскихъ грамотахъ, сохранившихся отъ того времени, мы находимъ иногда ссылку на „всенародный" или „всемірный" приговоръ. Не вызоветъ, по всей вѣроятности, возраженія и то положеніе, что этимъ своимъ значеніемъ земскій соборъ обязанъ былъ, главнымъ образомъ, присутствію въ его составѣ выборныхъ людей. Но когда роль выборнаго элемента характеризуется такимъ образомъ, то ясно, что рѣчь идетъ здѣсь не объ опредѣленной политической компетенціи, а о нравственномъ вліяніи. Такое представленіе и на самомъ дѣлѣ лучше всего соотвѣтствуетъ условіямъ возникновенія выборнаго представительства. Нельзя опускать изъ виду, что задача, для которой призывались выборные люди, первоначально была довольно спеціальной: она состояла въ избраніи царя. Это былъ самый важный вопросъ при тѣхъ обстоятельствахъ, и рѣшать его безъ участія земли, спасшей государство, казалось невозможнымъ. Такъ смотрѣло правительство и общество, такъ же оцѣниваютъ свою роль и земскіе избранники. Но ни въ грамотахъ, призывающихъ выборныхъ людей, ни въ обширной перепискѣ земскаго совѣта съ новоизбраннымъ царемъ нѣтъ мысли о томъ, что земскіе люди предназначаются для участія въ управленіи. Если, тѣмъ не менѣе, и въ смутную эпоху— въ ополченіи Пожарскаго,—и въ первые годы царствованія Михаила Ѳедоровича мы видимъ совѣтъ всей земли—и въ немъ рядомъ съ служилыми чинами и земскихъ избранниковъ—въ роли какъ бы органа высшаго управленія, то такое расширеніе задачи выборныхъ людей вызывалось исключительными обстоятельствами времени и происходило по иниціативѣ правительства. При слабости собственныхъ средствъ и при общемъ разстройствѣ порядка, правительство, естественно, старалось усилить вѣсъ своихъ мѣропріятій авторитетнымъ голосомъ

избранниковъ земли, дѣлая изъ ихъ моральнаго авторитета административное употребленіе. Такой пріемъ особенно цѣлесообразенъ былъ тогда, когда отъ общества требовались жертвы въ пользу государства, и не случайно, конечно, въ большинствѣ дошедшихъ до насъ царскихъ грамотъ, въ которыхъ дѣлается ссылка на всенародный приговоръ, рѣчь идетъ о дополнительныхъ сборахъ съ населенія. Такъ можетъ быть объяснено своеобразное сочетаніе разнородныхъ элементовъ въ составѣ земскаго собора: одна часть его служила для правительства привычнымъ вспомогательнымъ учрежденіемъ, другая — орудіемъ моральнаго воздѣйствія на населеніе.

Силой обстоятельствъ, однако, на выборныхъ людей возложена была рядомъ съ первой еще другая, болѣе конкретная, задача. Смута произвела глубокое разстройство въ хозяйственной жизни страны, и земскіе люди, въ силу непосредственной своей близости къ мѣстному населенію, явились на первыхъ порахъ лучшимъ, если не единственнымъ, источникомъ, изъ котораго правительство могло получить необходимыя для него свѣдѣнія въ его административно-финансовыхъ мѣропріятіяхъ. И довольно скоро, повидимому, эта освѣдомительная функція начинаетъ опредѣлять собой дѣйствительное значеніе земскаго представителя, между тѣмъ какъ обращеніе къ его политическому авторитету замѣтно становится рѣже. Такое наблюденіе позволяетъ, напримѣръ, сдѣлать исторія пятинныхъ сборовъ. Первый сборъ пятой деньги былъ назначенъ въ 1614 г. по царскому указу и соборному приговору. Пятинщики, пріѣзжая на мѣста, должны были передавать грамоты—одну отъ государя, другую отъ собора [1]); очевидно, авторитетъ собора признается въ это время необходимымъ для обезпеченія исправности поступленій. Второй сборъ въ апрѣлѣ 1615 г. былъ, какъ упоминалось раньше, установленъ безъ участія выборныхъ людей. Правительство, нужно думать, считало себя уже достаточно авторитетнымъ, чтобы взять эту мѣру на себя, а указанія выборныхъ людей могли замѣнить ему результаты только что законченнаго передъ тѣмъ дозора. Къ концу 1615 г. стала, однако, выясняться неудовлетворительность организаціи первыхъ сборовъ; поступленія затягивались [2]). Это обстоятельство, по всей вѣроятности, побудило правительство Михаила Θеодоровича въ началѣ 1616 г. прибѣгнуть къ созыву земскаго собора; и если принять во вниманіе, что при назначеніи

---

[1]) *С. Б. Веселовскій.* Семь сборовъ запросныхъ и пятинныхъ денегъ въ первые годы царствованія Михаила Θеодоровича. 1909 г. Стр. 36.

[2]) Ibid. Втор. гл.; также стр. 60.

второго сбора оно обошлось безъ выборныхъ людей, то будетъ ясно, что, призывая ихъ теперь, оно имѣло въ виду уже не столько ихъ политическій авторитетъ, сколько освѣдомленность въ условіяхъ мѣстнаго быта и хозяйства. И вопросъ дѣйствительно потребовалъ ихъ знаній: члены собора, какъ говорится въ грамотѣ на Тотьму, „меж себя о том совѣтовали и думали по многие дни“ [1]). Еще болѣе характерной съ этой точки зрѣнія является роль выборныхъ людей при назначеніи 4-го сбора. Объ ихъ участіи мы узнаемъ изъ царской грамоты на Тотьму отъ 11-го іюня 1617 г.; здѣсь читаемъ: „И по нашему указу власти и бояря наши, говоря съ московскими 3 гостьми и с торговыми и со всякими людми, приговорили“ [2])... По непосредственному смыслу приведеннаго выраженія, активность въ постановленіи приговора принадлежала властямъ и боярамъ, земскіе же люди выступаютъ съ значеніемъ второстепеннаго элемента, привлеченнаго къ участію лишь по требованію случая. Что такое пониманіе не произвольно,—лучше всего показываютъ двѣ остальныя изъ сохранившихся грамотъ о сборѣ 4-й пятины; въ нихъ дѣлается ссылка только на боярскій приговоръ, а о выборныхъ людяхъ не упоминается вовсе [3]). Наконецъ, въ указахъ о пятомъ сборѣ нѣтъ никакихъ указаній на участіе собора. Такъ постепенно широкое политическое значеніе представителей земли, созданное для нихъ исключительными условіями момента, смѣняется скромной ролью мѣстныхъ свѣдущихъ людей,—фактъ, сказавшійся даже на терминологіи: хорошо извѣстный официальному языку въ послѣдній періодъ смуты и въ первые дни новаго царствованія терминъ „совѣтъ всей земли“ или „вся земля“ очень скоро перестаетъ встрѣчаться въ грамотахъ.

Съ теченіемъ времени, по условіямъ жизни, назначеніе выборныхъ людей принимаетъ новый своеобразный оттѣнокъ.

При новой династіи развился безудержный произволъ всякихъ „сильныхъ людей“, и мы имѣемъ признаніе самого правительства, что оно получаетъ многія жалобы „на бояръ и всякихъ чиновъ людей въ насильствѣ и обидахъ“ [4]). Можно было опасаться, что подъ вліяніемъ злоупотребленій властью оживутъ воспоминанія смутной эпохи, и потому правительство принимаетъ рядъ мѣръ къ предупрежденію произвола. Существенная роль въ этомъ дѣлѣ предназначалась, между про-

---

[1]) Ibid. Прилож. № 56.

[2]) Ibid. Прил. № 63.

[3]) Ibid. № 62.

[4]) Собр. Г. Г. и Д., т. III, № 47.

чимъ, выборнымъ людямъ. Они должны были, какъ выражается царская грамота, „разсказать обиды, и насильства, и раззоренье, и чѣмъ Московскому государству полниться и ратныхъ людей пожаловать, и устроить Московское государство, чтобы пришло все въ достоинство" [1]). Послѣднія выраженія могутъ навести на мысль, что земскимъ избранникамъ предстояла болѣе широкая и активная роль; но заключительныя слова грамоты разъясняютъ дѣйствительные размѣры депутатскихъ полномочій и характеръ ихъ компетенціи: „а выборныхъ бы естя людей, говорится тамъ, отпустили бы къ намъ къ Москвѣ не мѣшкая, чтобы намъ и отцу нашему и богомольцу о всемъ Новгородскомъ раззореньи было вѣдомо, и выслушавъ отъ нихъ челобитья, учали бъ есмя, прося у Бога милости, говорити и промышляти о нихъ ко всякому добру". Еще выразительнѣе изображаетъ цѣль призыва другая грамота, посланная почти одновременно съ первой; выборные призывались, „чтобы намъ и отцу нашему и богомольцу Филарету Микитичу всякія ихъ нужи и тѣснота и раззоренія и всякіе недостатки были вѣдомы, а мы, Великій Государь, съ отцомъ своимъ и богомольцемъ... совѣтовавъ, по ихъ челобитью,... учнемъ о Московскомъ государствѣ, промышляти" [2]). Активную сторону въ задачѣ—„устроить Московское государство" правительство, очевидно, брало на себя, а земскимъ людямъ опредѣленно назначалась болѣе пассивная роль челобитчиковъ, съ давнихъ поръ извѣстная московскому обществу. Въ такомъ смыслѣ выяснилось назначеніе выборнаго элемента къ 1619 году, и съ этого времени земскіе люди въ извѣстныхъ намъ случаяхъ (напр., въ 1621 г., въ 1648 г.), дѣйствительно, выступаютъ на соборахъ въ качествѣ мірскихъ челобитчиковъ, дополняя своими жалобами административный опытъ столичныхъ чиновъ.

Такъ въ теченіе первой половины XVII-го вѣка „совѣтъ всей земли" обнаруживаетъ двойственность въ строеніи: для одной части его состава источникомъ полномочій продолжаетъ служить, какъ и въ XVI-мъ вѣкѣ, служебное положеніе, для другой этимъ источникомъ является общественное избраніе. Различіе въ источникахъ полномочій, нужно думать, вело и къ нѣкоторому различію въ назначеніи, хотя вытекающее отсюда обособленіе элементовъ собора, логически выступающее довольно рѣзко, въ жизни, конечно, сглаживалось. Можно сказать

---

[1]) Ibid.
[2]) Акты Арх. Экспед., т. III, № 105.

даже болѣе: въ результатѣ совмѣстнаго существованія и взаимодѣйствія различныя начала, на которыхъ строился земскій соборъ, начинаютъ обнаруживать тенденцію къ переработкѣ въ болѣе цѣлесообразную систему. Соборъ 1648-го года своимъ составомъ, свидѣтельствуетъ о значительномъ успѣхѣ выборнаго начала, а своей организаціей уже замѣтно приближается къ двухпалатной системѣ представительства. Можетъ быть, соборъ 1648 года съ юридической точки зрѣнія могъ бы начать собой новую стадію въ развитіи соборнаго представительства, но реальныя отношенія привели къ тому, что онъ въ дѣйствительности оказался развѣ только началомъ конца.

А. Заозерскій.

ПОЛТАВСКАЯ БИТВА И ПОЛЬША.

I.

Побѣда Петра Великаго надъ Карломъ XII подъ Полтавой, имѣвшая такое безмѣрно-великое значеніе для Россіи, серьезнымъ образомъ отразилась въ свое время и на историческихъ судьбахъ ея сосѣдки Польши. Въ продолженіе почти всего предшествовавшаго этой побѣдѣ періода Великой Сѣверной войны, не русская, а литовско-польская государственная территорія была театромъ русско-шведской борьбы и своеобразно развивавшагося параллельно съ ней польско-шведскаго военно-политическаго конфликта. Послѣ нашего нарвскаго пораженія (19-го ноября 1700 г.), Карлъ XII, какъ извѣстно, прямо устремился противъ союзника Петра, польскаго короля Августа II. Лѣтомъ 1701 г. онъ разбилъ соединенный русско-саксонскій отрядъ на лѣвомъ берегу Западной Двины подъ Ригой и вступилъ уже въ Курляндію, состоявшую въ ленной зависимости отъ Польши. Хотя Августъ II началъ войну съ Карломъ въ качествѣ саксонскаго курфюрста, а не литовско-польскаго короля, но нейтралитетъ Польши самъ по себѣ, при дальнѣйшемъ развитіи конфликта, становился дѣломъ совершенно невозможнымъ. Въ началѣ 1702 года Карлъ черезъ Литву двинулся уже въ Польшу, и въ маѣ этого же года овладѣлъ Варшавой. Съ этого момента вплоть до самой осени 1708 года шведскія войска не выходили уже изъ предѣловъ литовско-польскаго государства. На территоріи не только Великой, но и Малой Польши произошелъ длинный рядъ битвъ и стычекъ враждебныхъ армій, совершился цѣлый рядъ ихъ запутанныхъ военныхъ передвиженій, столь тяжкихъ для населенія тѣхъ мѣстъ, по которымъ они проходили. Нѣкоторыя мѣстности нѣсколько разъ переходили изъ однѣхъ рукъ въ другія. Даже Галиція, Волынь и Подолія видѣли на своей территоріи шведскіе отряды.

Отвоевавши обратно у шведовъ древнюю Водскую пятину Новгорода Великаго (уступленную имъ по Столбовскому договору), упрочивши за собой теченіе рѣки Невы и выходъ въ Балтійское море, Петръ Великій, не ограничиваясь уже денежными субсидіями и вспомогательными отрядами, двинулъ на литовско-польскій театръ военныхъ дѣйствій свои главныя военныя силы. Съ 1705 года онъ самъ лично не разъ появлялся на немъ и оставался подолгу (даже въ такихъ отдаленныхъ пунктахъ, какъ Жолква въ Галиціи). Послѣдній знаменитый маршъ Карла XII, приведшій его подъ Полтаву, какъ и путь отступленія передъ нимъ русской арміи, прошелъ уже по бѣлорусскимъ воеводствамъ, составлявшимъ восточную часть великаго княжества Литовскаго. Тутъ, лѣтомъ и осенью 1708 года, и произошелъ рядъ послѣднихъ передъ Полтавскою битвою русско-шведскихъ военныхъ столкновеній, окончившихся знаменитымъ боемъ при д. Лѣсной (27-го сентября 1708 г.) въ личномъ присутствіи Петра. Только уже нѣсколько недѣль спустя послѣ этой битвы, шведское войско вступило въ предѣлы гетманской Украины.

Политика сидѣвшаго на польскомъ престолѣ саксонскаго курфюрста, какъ и нѣкоторыхъ прежнихъ, со стороны взятыхъ, польскихъ королей, во многомъ расходилась съ народно-государственной польской политикой, или—говоря точнѣе—съ политикой польскихъ можновладства и шляхты, проявлявшихъ свое политическое настроеніе въ сенатѣ, сеймахъ и конфедераціяхъ. Но и эта послѣдняя, съ перваго же момента Великой Сѣверной войны, раскололась надвое. Лишь только Карлъ XII, вступивши на польскую почву, выразилъ намѣреніе устранить Августа II съ польскаго престола, какъ въ сѣверной половинѣ литовско-польскаго государства стало образовываться благопріятствующее этому намѣренію общественно-политическое настроеніе. Въ противовѣсъ этому настроенію, сложившемуся въ столь сильной мѣрѣ подъ давленіемъ внѣшней политической силы, въ серединныхъ по преимуществу частяхъ государства стало обнаруживаться другое, противоположное ему, болѣе національно-самобытное, общественно-политическое теченіе, уже въ 1702 году до извѣстной степени съорганизовавшееся въ Сендомирскую (малопольскую) конфедерацію. По мѣрѣ все усиливавшихся военныхъ успѣховъ шведскаго короля, росла и крѣпла и партія его приверженцевъ въ Польшѣ и Литвѣ. Вопреки люблинскому сейму (1703 года), въ общемъ духѣ Сендомирской конфедераціи (хотя она и не вполнѣ довѣряла своему королю, высказавшемуся за поддержку пошатнувшагося престола Августа II), образовалась въ Варшавѣ, въ

самомъ началѣ 1704 года, великопольская конфедерація, которая, съ одной стороны, подъ давленіемъ Карла XII, а съ другой стороны, благодаря крупнымъ политическимъ промахамъ недобросовѣстнаго Августа II, объявила его (18-го апр. 1704 г.) лишеннымъ польскаго престола и офиціально провозгласила (2-го мая) въ Польшѣ междуцарствіе. Вновь собравшаяся при такихъ обстоятельствахъ (подъ предводительствомъ коронпаго мечника Станислава Денгофа) Сендомирская конфедерація рѣшительно уже стала на сторону Августа II и объявила участниковъ Варшавской конфедераціи врагами отечества (20-го мая 1704 г.). Это не помѣшало этимъ послѣднимъ избрать на польскій престолъ угоднаго Карлу XII познанскаго воеводу Станислава Лещинскаго (15-го іюля 1704 г.).

Внутреннее политическое раздвоеніе Польши, дошедшее до фактическаго въ ней противопоставленія одного польскаго короля другому, не могло не отразиться на отношеніяхъ литовско-польскаго государства къ Россіи. Не смотря на нѣсколько уже лѣтъ совмѣстной борьбы со шведами, литовско-польское государство формально не связано было съ русскимъ государствомъ особымъ союзнымъ договоромъ противъ Швеціи. Съ 1699 года Августъ II находился въ союзѣ съ русскимъ самодержцемъ противъ шведовъ; но этотъ союзъ былъ заключенъ имъ безъ вѣдома и санкціи высшаго народно-шляхетскаго представительства литовско-польскаго государства (что для дѣйствительности международныхъ договоровъ требовалось основными польскими государственными законами). Двойная корона на головѣ Августа II во многомъ для него облегчала его двойную политическую игру. Русскія деньги и русскія военныя силы непрерывной волной притекали въ Польшу; но самыя основанія, вызывавшія и направлявшія ихъ притокъ въ нее, окутаны были туманомъ государственной тайны. Только нѣкоторые литовскіе государственные дѣятели (великій гетманъ князь Вишневецкій со своими сторонниками и агентами) были реальнымъ образомъ посвящены въ эту тайну въ первые годы ея существованія (получали изъ царской казны деньги на военныя нужды). Но когда польскій тронъ поколебался подъ ногами Августа II, дальнѣйшее соблюденіе тайны союзнаго договора стало для него и затруднительнымъ, и невыгоднымъ. Въ концѣ 1703 года онъ уже сильно хлопоталъ объ одобреніи собравшимся подлѣ него (въ Яворовѣ) сенатомъ новаго, дополнительнаго договора его съ русскимъ царемъ. Сенатъ не далъ своего одобренія. Тѣмъ не менѣе Августъ, когда уже провозглашено было противной ему партіей междуцарствіе, отправилъ для заключенія

съ Петромъ этого договора хелминскаго воеводу Ѳому Дзялынскаго. Этотъ договоръ съ Петромъ заключенъ былъ имъ (30-го августа 1704 г. въ Нарвѣ) отъ имени не одного только польскаго короля, но и всей польской Рѣчи Посполитой. Въ концѣ 1705 года договоръ былъ ратификованъ совѣтомъ Сендомирской конфедераціи (24-го ноября, въ Гроднѣ). Только съ этого момента не Августъ II, а Польша стала союзницей Петра Великаго въ войнѣ со Швеціей. Но въ этотъ моментъ политически единой Польши, какъ мы видѣли, уже не существовало. Петръ Великій фактически могъ вступить въ союзъ только съ той частью Польши, которая осталась вѣрной Августу II. Остальная Польша, признавшая королемъ Станислава Лещинскаго, была ему такъ же враждебна, какъ и Швеція. Такимъ образомъ, Польша, въ предшествовавшій Полтавской битвѣ періодъ Великой Сѣверной войны, не только была театромъ русско-шведской войны, но и на значительной части своей территоріи подвергалась всѣмъ невзгодамъ русскаго непріятельскаго нашествія.

Сендомирская конфедерація, заключившая отъ имени Рѣчи Посполитой союзный договоръ съ русскимъ царемъ, упорно отказывалась признать Станислава Лещинскаго королемъ, не смотря на то, что онъ былъ уже коронованъ, и что всѣ усилія Карла XII были направлены къ тому, чтобы укрѣпить за нимъ польскій престолъ. Петръ Великій, съ своей стороны, всѣми средствами охранялъ Сендомирскую конфедерацію отъ разстройства и поддерживалъ ея упорство въ непризнаваніи Станислава. Разстройство конфедераціи неизбѣжно сдѣлалось бы для Петра источникомъ грозной опасности—наступательно-оборонительнаго союза всей Польши со Швеціей противъ него (такой союзъ отъ имени всей Рѣчи Посполитой въ концѣ 1705 года уже заключенъ былъ Станиславомъ съ Карломъ XII противъ Петра и Августа). Положеніе Петра и сендомирскихъ конфедератовъ стало особенно труднымъ и опаснымъ послѣ того, какъ Карлъ, для всѣхъ неожиданно, овладѣлъ Саксоніей и принудилъ Августа, по Альтранштадтскому договору (24-го сентября 1706 г.), къ отреченію отъ польской короны въ пользу его соперника. Петръ въ этотъ роковой моментъ лично поспѣшилъ изъ Петербурга въ Польшу, въ мѣста главнаго сосредоточенія сендомирско-конфедератскихъ силъ. Тутъ, въ его личномъ присутствіи, совѣтъ конфедераціи во Львовѣ (7-го февраля) подтвердилъ попрежнему отрицательное ея отношеніе къ Станиславу и возобновилъ съ Россіей союзный договоръ, а вслѣдъ за тѣмъ сеймъ въ Люблинѣ (8-го іюля 1707 г.) провозгласилъ въ Польшѣ междуцарствіе. Долго, почти цѣлый

годъ продолжавшееся, отсутствіе Карла изъ предѣловъ Польши какъ бы нельзя лучше помогло успѣху тогдашнихъ усилій Петра. Карлъ только осенью 1707 года возвратился изъ Саксоніи въ Польшу. Въ наступившую же вслѣдъ затѣмъ зиму, какъ уже сказано, сразу началось, вслѣдъ за отступленіемъ русской арміи изъ-подъ Гродны къ своимъ границамъ, быстрое движеніе шведской арміи на востокъ.

По уходѣ русской и шведской армій на востокъ, король Станиславъ и сендомирскіе конфедераты предоставлены были, въ продолженіе почти полуторыхъ лѣтъ, если и не вполнѣ, то въ значительной степени, своимъ собственнымъ силамъ. Для Станислава открылась возможность съ большею легкостью использовать въ свою пользу всѣ преимущества совершившагося уже факта, и формальнаго, и фактическаго, воцаренія его въ Польшѣ. Несомнѣнно, что въ эти полтора года (предъ Полтавской битвой) количество приверженцевъ Станислава увеличилось. Въ Литвѣ перешелъ на его сторону великій гетманъ М. Вишневецкій со своей партіей. Но основныя силы Сендомирской конфедераціи оставались непреклонными въ своемъ отрицательномъ къ нему отношеніи. Онѣ находили для себя поддержку въ русскомъ вспомогательномъ отрядѣ, остававшемся на югѣ польскаго государства (подъ начальствомъ генерала Гольца). Напрасно Станиславъ осаждалъ Львовъ, главное гнѣздо конфедераціи. Великій коронный гетманъ Сѣнявскій отстоялъ Львовъ, и Станиславу пришлось повернуть къ Вислѣ, въ центральную Польшу. Шведскій вспомогательный отрядъ (вдвое меньшій русскаго) не оказалъ ему надлежащей поддержки (съ командиромъ его Крассау у него происходили постоянныя недоразумѣнія). Но успѣшности предпріятій Станислава болѣе всего вредило то обстоятельство, что уже съ осени 1708 года, послѣ пресловутой измѣны Мазепы, столь печально-безрезультатной для шведскаго короля, довѣріе къ правильности военно-политическихъ плановъ Карла XII въ польскихъ общественныхъ кругахъ поколебалось. Для полной увѣренности въ его побѣдныхъ успѣхахъ, во всякомъ случаѣ, теперь стало гораздо меньше мѣста. Яснымъ доказательствомъ этого служитъ уже то одно, что отрекшійся отъ польскаго престола саксонскій курфюрстъ въ концѣ 1708 года уже сталъ предпринимать дипломатическіе шаги при нѣкоторыхъ иностранныхъ дворахъ къ признанію его отреченія недѣйствительнымъ, вступилъ даже вскорѣ затѣмъ по этому вопросу въ сношенія съ Петромъ. Весной 1709 г. въ Дрезденѣ было извѣстно, что шведская армія на Украинѣ насчитываетъ только 15.000 человѣкъ и что она находится въ самомъ

печальномъ положеніи. Въ іюнѣ 1709 г. агенты Петра въ Дрезденѣ настаивали, чтобы Августъ объявилъ Альтранштадтскій миръ недѣйствительнымъ и возобновилъ союзъ съ Петромъ [1]). Если до отдаленной Саксоніи дошли болѣе или менѣе вѣрныя свѣдѣнія о дѣйствительномъ соотношеніи русскихъ и шведскихъ военныхъ силъ на Украинѣ, то тѣмъ болѣе они должны были дойти въ свое время до смежныхъ или почти смежныхъ съ нею литовско-польскихъ провинцій. Въ ожиданіи исхода великаго единоборства на поляхъ Украины, на всей территоріи литовско-польскаго государства водворилось своего рода затишье; но это затишье вовсе не свидѣтельствовало о крѣпости польской вѣры въ шведскую силу.

Полтавская побѣда Петра Великаго надъ Карломъ XII сразу положила конецъ неустойчивому внутреннему политическому положенію литовско-польскаго государства. О колебаніяхъ между Августомъ и Станиславомъ теперь не могло быть и рѣчи. Количество приверженцевъ Станислава съ каждымъ днемъ становилось все меньше и меньше. Когда наиболѣе энергичный изъ нихъ, кіевскій воевода Потоцкій потерпѣлъ пораженіе отъ генерала Гольца, Станиславъ ясно увидѣлъ, что для него, при такомъ оборотѣ дѣла, не осталось уже мѣста въ Польшѣ. Въ концѣ октября 1709 года онъ (вмѣстѣ съ генераломъ Гроссау) ушелъ въ шведскія владѣнія въ южномъ Балтійскомъ Поморьѣ.

Самъ полтавскій побѣдитель, черезъ полтора мѣсяца послѣ великой битвы, находился уже на польской государственной территоріи. 14-го сентября 1709 г., въ Сольцѣ, на берегу Вислы (въ Сендомирскомъ воеводствѣ) онъ произвелъ смотръ отряду генерала Гольца и польскимъ конфедератскимъ войскамъ (подъ начальствомъ гетмана Сѣнявскаго). 20-го сентября Петръ былъ въ Варшавѣ, гдѣ польскіе сенаторы поздравляли его съ побѣдой и благодарили за спасеніе польской свободы и возвращеніе Польшѣ законнаго короля. Въ моментъ Полтавской битвы Августъ находился въ Берлинѣ. Тутъ онъ, прусскій и датскій короли совѣщались о томъ, что имъ предпринять въ будущемъ. По возвращеніи въ Дрезденъ, Августъ 29-го іюля возобновилъ союзъ съ Петромъ. А 8-го августа (ровно черезъ мѣсяцъ послѣ Полтавской побѣды, 27-го іюня, или 8-го іюля по новому стилю) онъ обнародовалъ манифестъ къ полякамъ о возвращеніи своемъ на польскій престолъ. Августъ, еще до прибытія Петра въ Солецъ, успѣлъ поздравить

---

[1]) Jarochowski, „Stanisław Leszczynski po Pułtawie“ (Opowiadania i studia historyczne. Serya nowa. Poznań, 1884), str. 250—251.

его съ побѣдой черезъ своего саксонскаго оберъ-шталмейстера (Фицтума) и попросить личнаго свиданія съ нимъ въ Торунѣ (Торнѣ), куда онъ шелъ съ саксонскимъ войскомъ. Петръ рѣкой Вислой спустился внизъ до Торуня, гдѣ встрѣтился со своимъ старымъ вѣроломнымъ союзникомъ и гдѣ прожилъ нѣсколько недѣль. На совѣщаніяхъ въ Торунѣ рѣшено было все старое предать забвенію. Вновь подтвержденъ былъ 9-го октября союзный договоръ между Россіей и Польшей, заключенный въ 1704 году. При этомъ Петръ обѣщалъ помочь Августу въ возвращеніи польскаго престола, какъ войскомъ, такъ и ходатайствомъ своимъ за него передъ Рѣчью Посполитою. Августъ обѣщалъ постараться о томъ, чтобы союзный договоръ былъ внесенъ въ сеймовыя конституціи. Изъ Торуня Петръ отправился въ Маріенвердеръ на свиданіе съ прусскимъ королемъ, а оттуда — въ Ригу, къ осаждавшему ее русскому войску.

Состоявшееся въ Торунѣ примиреніе обезпечивало за Августомъ польскій престолъ. Но нравственный авторитетъ короля, и отрекавшагося отъ престола, и скрывавшаго свое отреченіе, и объявлявшаго его недѣйствительнымъ, обманывавшаго, и Карла, и Петра, не могъ быть высокъ, ни въ глазахъ участниковъ Сендомирской конфедераціи, ни въ глазахъ ея противниковъ, спѣшившихъ теперь толпами къ Августу съ раскаяніемъ и изъявленіемъ покорности. Восторжествовало, во всякомъ случаѣ, то положеніе вещей, за которое боролась Сендомирская конфедерація. Вполнѣ естественно было вождямъ Сендомирской конфедераціи и взять на себя заботу о дальнѣйшемъ внутреннемъ умиротвореніи государства. Такимъ средствомъ умиротворенія и явился созванный ими 4-го февраля 1710 года общій съѣздъ въ Варшавѣ.

II.

Въ рукописномъ сборникѣ Императорской публичной библіотеки (Пол., F. II. № 60) находится дневникъ этого съѣзда—Diarium Rady Walney Warszawskiey in anno 1710 (79—130 листы рукописи). Этотъ дневникъ содержитъ въ себѣ интересный историческій матеріалъ для характеристики дѣятельности того польскаго съѣзда, на которомъ впервые подведенъ былъ литовско-польскими политическими дѣятелями итогъ результатамъ только что закончившагося періода польско-русско-шведской войны.

Общій ходъ дѣятельности варшавскаго февральскаго съѣзда 1710 г. представляется, на основаніи вышеуказаннаго дневника, въ такомъ видѣ:

Варшавскій февральскій съѣздъ 1710 года былъ, по своему происхожденію, конфедератскій съѣздъ, созванный участниками Сендомирской конфедераціи, съ согласія короля Августа II, для внутренняго успокоенія государства. Этимъ и объясняется то обстоятельство, что маршалкомъ (предсѣдателемъ) съѣзда, безъ новаго избранія, остался маршалокъ Сендомирской конфедераціи, коронный мечникъ Станиславъ Денгофъ.

2-го февраля прибылъ въ Варшаву Августъ II. Съ 3-го февраля начался съѣздъ въ Варшаву земскихъ пословъ отъ разныхъ воеводствъ. 4-го февраля, послѣ торжественной литургіи въ костелѣ, познанскій епископъ-номинатъ Тарло привѣтствовалъ короля съ благополучнымъ возвращеніемъ, „призывая всѣ сословія къ единенію, ибо согласіе приноситъ побѣдителя, а несогласіе изгнанника". Король тутъ же въ костелѣ объявилъ съѣздъ открытымъ. Но въ виду того, что многіе земскіе послы, въ томъ числѣ и литовскіе, еще не прибыли въ Варшаву, начало занятій съѣзда отложено было до 10-го февраля. Въ этотъ день маршалокъ съѣзда обратился къ королю (какъ это принято было на сеймахъ) съ привѣтственною рѣчью. Въ ней онъ, между прочимъ, провелъ ту мысль, что настала наконецъ пора исправить совершенно испорченные польскіе законы. Коронный канцлеръ (вармійскій епископъ Андрей Залусскій), по принятому же на сеймахъ обычаю, обратился къ съѣзду съ правительственною пропозиціей. Въ ней король призывалъ всѣхъ къ единенію, выражалъ увѣренность, что всѣ собравшіеся на съѣздъ примутъ всѣ мѣры къ укрѣпленію его на польскомъ королевскомъ тронѣ, говорилъ о необходимости приведенія къ послушанію Гданскаго (Данцигскаго) магистрата, совѣтовалъ позаботиться о скорѣйшемъ окончаніи войны со шведами, указывалъ на необходимость выставить въ поле свои собственныя, польскія военныя силы и изыскать способы къ лучшему ихъ устройству. Въ пропозиціи, затѣмъ, говорилось, что необходимо, и путемъ сношеній съ уполномоченнымъ русскаго царя на съѣздѣ, и черезъ особаго посла къ царю отъ лица Рѣчи Посполитой, просить его о томъ, чтобы онъ выполнилъ всѣ пункты союзнаго договора и многія другія свои обѣщанія, относительно дисциплины и поведенія его войскъ, относительно уплаты обѣщанныхъ субсидій, относительно возвращенія Рѣчи Посполитой ея крѣпостей, временно по случаю войны занятыхъ русскими войсками, а также тѣхъ принадлежавшихъ прежде Рѣчи Посполитой городовъ, которые уже отобраны или будутъ отобраны впослѣдствіи русскимъ оружіемъ у шведовъ. Пропозиція окан-

чивалась указаніемъ на необходимость отправки экстраординарныхъ пословъ ко всѣмъ иностраннымъ дворамъ, усиленія оборонительныхъ средствъ пограничныхъ крѣпостей и устройства надлежащей артиллеріи для будущей компаніи.

Съ 13-го по 19-ое февраля (включительно) происходила на съѣздѣ подача сенаторами мнѣній по тѣмъ пунктамъ, которые поставлены были на обсужденіе въ королевской пропозиціи. Никто изъ сенаторовъ не возражалъ ни противъ сношеній съ царскимъ уполномоченнымъ княземъ Гр. Долгорукимъ, ни противъ отправки къ царю особаго посла отъ лица Рѣчи Посполитой. Многіе изъ сенаторовъ особо и рѣшительно высказались за то и другое, какъ лучшее средство добиться отъ царя точнаго выполненія всѣхъ условій союзнаго договора. Вармійскій епископъ совѣтовалъ послать делегатомъ къ царю человѣка умнаго, осмотрительнаго и находчиваго (л. 84 об.—85). Кіевскій епископъ (Гомолинскій) считалъ нужнымъ поручить этому делегату поблагодарить царя за то, что онъ продожаетъ вести войну со шведами (л. 86). Мазовецкій воевода (Стан. Хоментовскій) считалъ нужнымъ поручить ему поздравить русскаго царя „съ славной побѣдой" (л. 87 об.—единственное въ теченіе всего съѣзда привѣтствіе Петру по поводу Полтавской побѣды)... Послѣ подачи мнѣній сенаторами, маршалокъ съѣзда 19-го февраля заявилъ, что слѣдуетъ передать подлежащіе рѣшенію съѣзда вопросы на предварительное обсужденіе „провинціальныхъ сессій", т. е. отдѣльныхъ совѣщаній земскихъ пословъ Великой Польши, Малой Польши и Литвы, а для „разговора" съ княземъ Долгорукимъ назначить особыхъ депутатовъ. Предложеніе маршалка было принято. Въ тотъ же день, 19-го февраля, назначено было два слѣдующихъ дня для „провинціальныхъ сессій", а для „разговора" съ русскимъ посломъ избраны особые уполномоченные отъ сената и польской избы: 4 сенатора и 4 земскихъ посла отъ Великой Польши, 3 сенатора и 3 посла отъ Малой Польши, 2 сенатора и 4 посла отъ Литвы (л. 92).

Двухъ дней для „провинціальныхъ сессій" оказалось совершенно недостаточно. Притомъ же король, въ видахъ сбереженія времени, назначилъ для присутствованія на нихъ особыхъ сенаторовъ, въ качествѣ членовъ комиссій по вопросамъ объ улучшеніи пѣшаго войска и о составленіи проекта заключительныхъ постановленій съѣзда. Но главнымъ предметомъ занятій „провинціальныхъ сессій" оставался русско-польскій вопросъ того времени. Засѣданія сессій продолжились до 12-го марта (включительно). Только послы великаго княжества

Литовскаго столковались между собою по спорнымъ вопросамъ (л. 97, ср. л. 99). Великопольскіе и малопольскіе послы къ согласнымъ рѣшеніямъ не пришли.

13-го марта началась подача мнѣній земскими послами отдѣльныхъ воеводствъ. Она продолжалась до 27-го марта (включительно). По окончаніи ея, маршалокъ съѣзда (27-го марта) обратился къ королю съ заключительною рѣчью, подводившей итогъ предыдущей работѣ съѣзда. Въ этой рѣчи онъ говорилъ о двухъ снопахъ настоящей жатвы. Первый снопъ—самое ревностное обезпеченіе внутренняго мира, утвержденіе новымъ дипломомъ провозглашеннаго междуцарствія, уничтоженіе возникающихъ конъюнктуръ, дѣйствительное единеніе душъ, преизбыточествующее милосердіе короля съ прощеніемъ всѣхъ прежнихъ винъ, полное вознагражденіе частныхъ лицъ за обиды. Второй снопъ—внѣшняя безопасность, къ которой нѣтъ иного пути, какъ своей собственной арміей искать непріятеля въ его же гнѣздѣ, снарядить посольства къ иностраннымъ дворамъ, созвать поскорѣе сеймъ, вывести союзныя войска въ непріятельскую землю... Отъ имени короля коронный подканцлеръ (Янъ Шембекъ) выразилъ большое его удовольствіе по поводу выслушанныхъ имъ мнѣній земскихъ пословъ, вмѣстѣ съ надеждой на то, что они найдутъ и спасительныя средства къ проведенію въ жизнь своихъ благихъ намѣреній (л. 109).

28-го марта великій коронный гетманъ Сѣнявскій произнесъ обширную рѣчь, представлявшую для участниковъ съѣзда, безъ сомнѣнія, выдающійся интересъ, въ виду высокаго служебнаго положенія оратора и особаго его значенія въ составѣ Сендомирской конфедераціи (по этой, конечно, причинѣ въ дневникѣ съѣзда эта рѣчь изложена особенно обстоятельно). Вотъ основныя мысли и пожеланія короннаго гетмана: 1—2) слѣдуетъ королю учинить торжественную протестацію противъ Альтранштадтскаго договора 1706 года и противъ акта королевскаго отреченія, вновь подтвердить условія перваго своего избранія на престолъ и всѣ данные имъ Рѣчи Посполитой дипломы, созвать сеймъ примиренія, съ сохраненіемъ, однако, въ силѣ постановленій Сендомирской конфедераціи. 3) Принять немедленно мѣры къ обузданію Гданскаго магистрата. 4) Желательно возможно скорое окончаніе шведской войны, но окончаніе основательное, выгодное. Мы уже едва дышемъ подъ тяжестью ничѣмъ не сдерживаемаго войска. Нужно просить короля о томъ, чтобы союзныя войска не опустошали долѣе Польши, а въ виду того, что непріятеля на польской территоріи уже нѣтъ, ушли вмѣстѣ съ польскимъ войскомъ въ Поморскій край. И

минувшую зиму имъ слѣдовало бы уже провести тамъ. Когда мы будемъ вести войну въ чужомъ государствѣ, то непріятель вынужденъ будетъ оставаться тамъ, а это одно уже будетъ способствовать внѣшней безопасности. 5) Рѣчь Посполитая уже на опытѣ убѣдилась, какъ плохо она поступила, что не позаботилась во-время о собственныхъ военныхъ силахъ. Люблинскій сеймъ (1703 г.) отыскалъ уже для этого средства, и Гродненское совѣщаніе ихъ утвердило, поручивши осуществленіе ихъ Радомскому трибуналу, но Луцкій и Львовскій трибуналы не сдѣлали этого. Хотя второй Львовскій трибуналъ (1708 г.) совсѣмъ уже было приступилъ къ ихъ осуществленію, нѣкоторыя воеводства опять разстроили дѣло. Нужно хоть теперь осуществить давно изысканныя мѣры для созданія пѣхоты, особенно офицерскаго для нея состава. Нужно также найти средства на содержаніе драгунъ (они содержались теперь отчасти на средства царя). 6) На отправку посольства къ русскому царю согласна вся Рѣчь Посполитая. Прежде всего, нужно просить царя о томъ, чтобы его войска, находящіяся теперь въ Польшѣ и столь тяжко ее угнетающія, ушли вмѣстѣ съ польскими войсками въ Померанію, и чтобы впредь они не входили въ ея предѣлы безъ разрѣшенія Рѣчи Посполитой. Затѣмъ, нужно просить царя о выполненіи союзнаго договора и другихъ его обязательствъ, поставивши ему на видъ то, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ Рѣчь Посполитая съ невознаградимыми потерями удерживала на своей территоріи общаго непріятеля, давая царю возможность привести свои военныя силы къ совершенству и возможно лучше укрѣпить свою страну. Рѣчь Посполитая, при крайне несчастномъ своемъ положеніи, оказалась на высотѣ своей задачи. Она, раздираемая внѣшними и внутренними врагами, содержала все-таки войско. Все это ей стоило тридцать или сорокъ тысячъ.—Въ рукахъ самого великаго короннаго гетмана имѣются письменныя обѣщанія царя и его министровъ, и самъ г. Дашковъ не будетъ отрицать того, что онъ такъ много разъ обѣщалъ отъ имени своего принципала. 7) Очень полезно отправить посольства къ иностраннымъ дворамъ, чтобы показать, что и у насъ есть люди приличные и способные. Притомъ же чужіе не столько намъ принесутъ пользы, какъ свои. 8) Необходимо позаботиться о постоянномъ поддержаніи укрѣпленій Каменецъ-Подольска и Ченстохова. 9) Вывести въ поле, въ будущую же компанію, надлежащую артиллерію представляется дѣломъ неисполнимымъ. Изъ одного арсенала шведскій король по праву войны взялъ артиллерію, изъ львовскаго арсенала всѣ орудія онъ же разстрѣлялъ. Теперь

нужны, прежде всего, деньги на покупку металла и время на устройство новыхъ орудій. Къ настоящей же компаніи они, во всякомъ случаѣ, не поспѣютъ. Если бы царь возвратилъ орудія, взятыя имъ въ Бѣлой Церкви и другихъ крѣпостяхъ, то они могли бы пригодиться уже въ этой компаніи. 10) Въ заключеніе рѣчи говорилось о тяжелыхъ лишеніяхъ и невзгодахъ польскаго войска (нѣкоторыя его части уже три года не получаютъ содержанія) и о совершенной невозможности вывести его въ поле безъ немедленныхъ соотвѣтственныхъ ассигнованій на его содержаніе (л. 110 об.—112). 30-го марта представители отъ войска сами лично подали королю свои заявленія и просьбы (л. 113).

Къ тому моменту засѣданій съѣзда, къ которому мы теперь подошли въ своемъ краткомъ разсказѣ объ его дѣятельности, конференція литовско-польскихъ уполномоченныхъ съ русскимъ посломъ княземъ Гр. Долгорукимъ уже выработала проектъ русско-польскаго соглашенія. 31-го марта, согласно желанію маршалка и всего съѣзда, съ согласія короля, въ общемъ собраніи всѣхъ участниковъ съѣзда, прочитаны были выработанные комиссіей пункты этого соглашенія (въ количествѣ двадцати). Самое прочтеніе проекта соглашенія, носившаго заглавіе—Memoryał Rozgoworu z Walney Rady Jchmciom Posłom Pełnomocnym Nayias. Cara Jmci—великій литовскій канцлеръ (кн. К. С. Радивиллъ) поручилъ своему секретарю (л. 113 об.).

Послѣ прочтенія согласительныхъ пунктовъ, двѣ недѣли еще продолжались засѣданія съѣзда, сопровождавшіяся угрожавшими иногда мирному завершенію его выступленіями отдѣльныхъ группъ земскихъ пословъ. Но не согласительные пункты были причиной ихъ. Только одинъ запоздавшій земскій посолъ (бѣльскій судья Лось) высказалъ—2-го апрѣля князю Долгорукому неодобреніе за двусмысленность данныхъ имъ на совѣщаніи отвѣтовъ (л. 122 об.). Причиной споровъ и оттяжки дѣла были внутренніе польскіе вопросы, вызванные къ жизни нелегкою ликвидаціею дѣла двухъ королей въ Польшѣ.

1-го апрѣля луцкій епископъ Выховскій сдѣлалъ докладъ о результатахъ переговоровъ назначенной съѣздомъ комиссіи съ гетманами (признана ненадобность чужихъ военныхъ силъ для утвержденія короля на престолѣ и выработана смѣта расходовъ на содержаніе новаго войска). Онъ же сообщилъ о результатахъ своихъ сношеній съ папскимъ нунціемъ Спинолла (нунцій просилъ вычеркнуть вредные для римской церкви акты, обуздать еретиковъ, потребовать возстановленія католической церкви въ Гданскѣ и допущенія католиковъ къ участію

въ магистратѣ въ Эльбингѣ, а также освобожденія изъ московскаго заключенія луцкаго уніатскаго епископа Жабокрицкаго).

Того же 1-го апрѣля послѣдовалъ королевскій отвѣтъ (черезъ коронпаго канцлера) на предъявленныя къ нему съѣздомъ требованія. Король желалъ общаго единенія всѣхъ съ забвеніемъ всего прошлаго; соглашался уничтожить акты Варшавской конфедераціи (за Станислава) и Альтраншадтскаго договора; желалъ возстановленія экономій, принадлежащихъ королю; для безопасности престола своего желалъ скорѣйшаго сформированія польскихъ войскъ, чтобы можно было тотчасъ же начать выводъ союзныхъ войскъ изъ Польши; обѣщалъ созвать сеймъ примиренія; обѣщалъ ходатайствовать передъ царемъ объ освобожденіи князя Вишневецкаго, но съ соблюденіемъ поставленныхъ княземъ Долгорукимъ условій; соглашался на отправку пословъ къ иностраннымъ государямъ, особенно къ русскому царю; обѣщалъ позаботиться объ укрѣпленіи Ченстохова и пограничныхъ крѣпостей (л. 121 об.—122).

2-го апрѣля, среди большихъ нареканій пословъ на королевско-саксонское войско, маршалокъ съѣзда приступилъ, наконецъ, къ чтенію проекта заключительныхъ постановленій съѣзда. Со всѣхъ сторонъ послышались возраженія. Особенно много было возраженій противъ всеобщей амнистіи и, какъ и слѣдовало ожидать, противъ проектированныхъ коммиссій налоговъ на военныя надобности. Противъ амнистіи возражали съ большимъ упорствомъ литовскіе послы, указывавшіе на всѣ испытанныя ими бѣдствія отъ приверженцевъ шведской стороны (особенно отъ Сапѣгъ). Противъ налоговъ болѣе всего возражали великопольскіе послы. Начавшись 3-го апрѣля, споры и пререканія продолжались болѣе недѣли. 11-го апрѣля, коронный подканцлеръ, подольскій воевода (Гумецкій) и самъ маршалокъ съѣзда всячески старались успокоить земскихъ пословъ и привести ихъ къ согласію по вопросу о налогахъ. Но усилія ихъ оставались тщетными. Отъ имени короля коронный канцлеръ выразилъ глубокую скорбь его о томъ, что совѣщанія съѣзда до сихъ поръ ни къ чему не привели (л. 123—127).

13-го апрѣля, открывши засѣданіе, маршалокъ съѣзда сталъ упрашивать пословъ позаботиться о спасеніи государства. Всѣ молчали. Принимая молчаніе за знакъ согласія, онъ хотѣлъ уже было приступить къ чтенію налогового проекта. Но великопольскіе послы опять стали предъявлять требованія. Маршалокъ опять сталъ упрашивать. Наконецъ, ему позволено было читать проектъ. Коронный подканцлеръ,

по порученію короля, особо благодарилъ маршалка съѣзда за всѣ его старанія объ умиротвореніи разногласій. На 14-ое апрѣля назначено было офиціальное принятіе съѣздомъ окончательно редактированнаго налогового проекта. Но когда земскіе послы 14-го апрѣля собрались для этого дѣла, опять поднялись споры. Особенно много говорилъ посолъ Глинскій (между прочимъ о томъ, чтобы московская пѣхота, въ числѣ 12 тысячъ остающаяся въ Польшѣ, содержалась на свой счетъ). Принятіе налогового проекта еще разъ отложено... 15-го апрѣля настроеніе посольской избы было болѣе спокойное, тѣмъ болѣе, что коронный подскарбій пошелъ еще на новыя уступки. Литовскіе послы стали дѣлать возраженія по поводу налогового процесса для Литвы. Согласіе, съ такимъ трудомъ достигнутое, опять стало разстраиваться. Тогда король объявилъ, что, если къ полудню слѣдующаго дня съѣздъ не приметъ окончательнаго рѣшенія, то закроетъ его совсѣмъ (128—130).

16-го апрѣля, въ 8-мъ уже часу вечера, съѣздъ „счастливо окончился". Основныя конституціи его были слѣдующія: 1) подтверждена Сендомирская конфедерація; 2) всѣ акты противной ей стороны, а также Альтранштадтскій договоръ, признаны недѣйствительными; 3) провозглашенное междуцарствіе прекращено; 4) созваніе сейма отложено до благопріятнаго времени; 5) провозглашена всеобщая амнистія, съ вознагражденіемъ частныхъ лицъ за обиды по рѣшенію соотвѣтствующаго суда; 6) увеличено количество войска до 36.000, рейтаръ и драгунъ до 26.000; 7) регулированы сборъ и расходованіе налоговъ на содержаніе пѣшаго войска; 8) установлены на военныя надобности новые налоги; 9) возстановлена финансовая (skarbowa) комиссія; 10) назначены Гданская и Торунская комиссіи; 11) назначены комиссіи для обратнаго пріема отъ русскихъ Бѣлой Церкви, Эльбинга и другихъ крѣпостей, а также взятыхъ ими орудій (л. 130).

III.

Хотя варшавскій февральскій съѣздъ 1710 года былъ по своему происхожденію конфедератскимъ съѣздомъ, но на дѣлѣ онъ ничѣмъ не отличался (какъ видно изъ представленнаго нами очерка его дѣятельности) отъ обычнаго польскаго сейма. Притомъ же онъ отличался рѣдкой полнотой народно-шляхетскаго представительства на немъ. На немъ были земскіе послы всѣхъ воеводствъ, за исключеніемъ двухъ польско-прусскихъ — Кульмскаго и Маріенбургскаго (л. 108).

Красной нитью через всю дѣятельность варшавскаго съѣзда прошелъ польско-русскій вопросъ. Почти каждый изъ сенаторовъ затронулъ его въ своей рѣчи. Онъ былъ предметомъ обсужденія на вышеупомянутыхъ „провинціальныхъ сессіяхъ“. Онъ же затронутъ былъ, въ такой или иной формѣ, многими земскими послами въ ихъ рѣчахъ. Наконецъ, во время съѣзда, почти полтора мѣсяца особые уполномоченные отъ сената и посольской избы вели „разговоръ“ съ русскимъ посломъ кн. Долгорукимъ съ цѣлью всесторонняго улаженія накопившихся къ этому времени русско-польскихъ взаимныхъ столкновеній и недоразумѣній. Эта согласительная конференція, по самому существу дѣла, должна была сдѣлаться на съѣздѣ тѣмъ главнымъ каналомъ, въ который вливались всѣ отдѣльные потоки этихъ столкновеній и недоразумѣній. Уполномоченные отъ посольской избы были естественными передатчиками въ эту конференцію заявленій, просьбъ и жалобъ, и всей совокупности собравшихся на съѣздъ земскихъ пословъ, и отдѣльныхъ ихъ группъ. Въ тѣхъ пунктахъ, которые стали предметомъ переговоровъ польскихъ уполномоченныхъ съ кн. Долгорукимъ, русско-польскій вопросъ того момента отразился не въ основныхъ только своихъ чертахъ, но и во многихъ, и притомъ наиболѣе яркихъ, частныхъ проявленіяхъ его въ тогдашней польской живой дѣйствительности. Въ поставленныхъ польскими уполномоченными на обсужденіе вопросахъ и въ данныхъ на нихъ царскимъ посломъ отвѣтахъ, нашли себѣ мѣсто тѣ жизненные штрихи, которыхъ еще недостаетъ общей картинѣ русско-польскихъ отношеній въ предшествовавшій Полтавской побѣдѣ періодъ Великой Сѣверной войны. Мы считаемъ, поэтому, умѣстнымъ передать возможно точно содержаніе „Меморіала разговора“, прочитаннаго, какъ сказано выше, въ общемъ собраніи съѣзда 31-го марта 1710 года [1]). Тѣми же сужденіями по отдѣльнымъ пунктамъ русско-польскаго вопроса, которыя на съѣздѣ высказаны были отдѣльными сенаторами и земскими послами, мы воспользуемся въ своихъ примѣчаніяхъ, какъ своего рода комментаріемъ.

1) Первымъ пунктомъ переговоровъ на конференціи былъ вопросъ о силѣ и значеніи русско-польскаго союза, заключеннаго въ 1704 году. Польскіе уполномоченные жаловались на то, что этотъ союзъ нарушается царскими войсками повсюду въ польскихъ владѣніяхъ, и про-

---

[1]) „Меморіалъ разговора“ занимаетъ въ рук. Имп. Публ. Библ., Пол., F. II, № 60, листы 113 об.—121.

сили, чтобы онъ выполненъ былъ во всѣхъ своихъ пунктахъ. Кромѣ того, они хотѣли знать, нѣтъ ли, помимо заключеннаго тогда съ Россіей трактата, какихъ либо иныхъ, частныхъ соглашеній (submissyi, kwitow lub assekuracyi) [1].

Царскій посолъ отвѣтилъ польскимъ уполномоченнымъ, что союзъ царя съ королемъ и Рѣчью Посполитою, какъ до сихъ поръ ни въ одномъ пунктѣ не былъ нарушенъ, такъ и впредь со стороны царя будетъ соблюдаться неизмѣнно. Если же когда либо отъ царскихъ войскъ и произошли какія либо обиды частнымъ лицамъ, онѣ не должны считаться публичнымъ нарушеніемъ договора. По представленію его, царскаго посла, царь уже назначилъ, для оказанія каждому обиженному надлежащей справедливости, особаго генеральнаго коммиссара, ген.-маіора Полонскаго, который уже и ѣдетъ въ Польшу съ неограниченнымъ отъ царя полномочіемъ въ дѣлѣ удовлетворенія всякихъ безъ исключенія жалобъ. Кромѣ вышеупомянутаго трактата (закончилъ кн. Долгорукій свой отвѣтъ по первому пункту), никакихъ иныхъ, частныхъ соглашеній между Польшей и Россіей не существуетъ. Объ этомъ можетъ дать точныя свѣдѣнія самъ составитель трактата, хелминскій воевода Дзялынскій [2].

2) Польскіе уполномоченные указывали на то, что, согласно съ союзнымъ договоромъ, царь долженъ былъ ввести въ Польшу только 12,000 регулярной пѣхоты и содержать ее на свой счетъ. Рѣчь Посполитая согласилась потомъ доставлять союзнымъ войскамъ только мучной провіантъ. Между тѣмъ союзныя войска (говорили польскіе уполномоченные), не довольствуясь этимъ провіантомъ, взяли болѣе двухсотъ тысячъ порціоновъ деньгами и неисчислимыя суммы контри-

[1]) Между Петромъ Великимъ и Августомъ II, какъ извѣстно, заключены были тайные договоры въ 1699 и 1701 г.г. Во время торунскаго свиданія, въ возобновленный тогда русско-польскій договоръ включена была (20-го октября 1709 г.) тайная статья о будущей уступкѣ княжества Лифляндскаго Августу II, какъ саксонскому курфюрсту, а не какъ польскому королю (Солов., XV, 387). Но въ заключенномъ Дзялынскимъ въ 1704 году договорѣ тайныхъ статей не было.

[2]) 17-го февраля въ засѣданіи съѣзда самъ Дзялынскій просилъ о томъ, чтобы, въ устраненіе всякихъ подозрѣній, заключенный имъ договоръ оглашенъ былъ во всеобщее свѣдѣніе. Просилъ онъ объ этомъ въ виду того, что великій литовскій маршалокъ (М. Д. Воловичъ) и разные земскіе послы спрашивали его о какомъ-то тайномъ документѣ (skrypcie)—во время великаго его посольства къ царю" (л. 88). Сендомирскій воевода (С. Морштынъ) того же числа просилъ, чтобы заключенный Дзялынскимъ договоръ былъ на съѣздѣ публично прочитанъ (л. 88 об.). О томъ же просили послы Добрынской земли (л. 101 об.). Договоръ 1704 года былъ внесенъ, по постановленію съѣзда 1710 года, въ сеймовыя конституціи (Vol. leg., VI, 82—84).

буцій. Малая Польша считаетъ за царскими войсками болѣе ста милліоновъ (злотыхъ), а великое княжество Литовское вдвое болѣе этой суммы. Въ счетъ уже не идутъ грабежъ костеловъ, монастырей, замковъ, городовъ, мѣстечекъ, панскихъ и шляхетскихъ дворовъ, забираніе лошадей, скота, хлѣба, вымолачиваніе шляхетскихъ гуменъ, тяжкія экзекуціи, даже въ лѣтніе мѣсяцы, когда войска не расквартированы, великое множество мѣстностей, огнемъ вражески сожженныхъ, постоянными переходами войскъ до того разоренныхъ, что въ Русскихъ (Галицко-русскихъ) и Покутскихъ земляхъ измученные голодомъ люди вынуждены бѣжать въ Молдавію или за границу. Польскіе уполномоченные просили, чтобы русскія войска еще до наступленія весенней распутицы выведены были въ непріятельскую или въ свою землю [1]). Это (говорили они) будетъ согласно съ союзнымъ договоромъ, потому что въ польскихъ земляхъ уже нѣтъ общихъ у Польши съ Россіею враговъ.

Царскій посолъ отвѣчалъ польскимъ уполномоченнымъ, что царскія войска выступятъ въ походъ въ самомъ началѣ весны [2]), какъ это обычно бываетъ, если только Рѣчь Посполитая обѣщаетъ сопутствовать царскому войску въ его походѣ въ непріятельскую землю и на каждомъ мѣстѣ ему помогать. И 12-тысячное царское войско,

---

[1]) Уже 6-го февраля, при первомъ представленіи королю сенаторовъ и земскихъ пословъ, послы краковскаго воеводства жаловались ему на бѣдствія отъ союзныхъ войскъ (л. 80 об.). Почти всѣ духовные и свѣтскіе сенаторы, подававшіе голосъ, высказались за удаленіе изъ предѣловъ Польши союзныхъ войскъ (л. 83—89). Тотчасъ же по открытіи „провинціальныхъ сессій", раздались на нихъ требованія удаленія союзныхъ войскъ (л. 92). Когда (13-го марта) началась подача мнѣній земскими послами, то первый же посолъ, подававшій голосъ (краков. посолъ Шембекъ, кор. подкоморій), „усердно настаивалъ на удаленіи Москвы" (л. 95). Послы виленскаго воеводства говорили, что они отъ царя получили не auxilium, а exilium, что они вынуждены бѣжать изъ своихъ домовъ и скрываться въ лѣсахъ и по чужимъ угламъ. Они просили (14-го марта) скорѣйшаго удаленія союзныхъ войскъ. Того же мнѣнія держались и другіе литовскіе послы, пришедшіе, какъ сказано выше, на своей „провинціальной сессіи", къ единодушному рѣшенію вопросовъ (л. 97). Лидскій посолъ при этомъ жаловался на совершенное разореніе г. Лиды (л. 97). 17-го марта сендомирскій посолъ просилъ скорѣйшаго вывода московскихъ войскъ, чтобы не довести населеніе до полнаго отчаянія, потому что напрасно ждать мира, если нарушители мира остаются дома (л. 98). Въ послѣдующіе дни разные послы просили скорѣйшаго удаленія русскихъ войскъ (л. 99 об., 105, 106). 24-го марта бѣльскіе послы не соглашались на подтвержденіе договора съ царемъ, пока союзныя войска не удалены (л. 107).

[2]) 26-го февраля кн. Долгорукій соглашался вывести войска въ маѣ. Съ вопроса о выводѣ русскихъ войскъ и началась конференція (л. 93 об.).

когда въ немъ не будетъ надобности, по королевскому указанію, будетъ выведено.

3) Польскіе уполномоченные заявляли, что коронное, особенно же литовское, войско, защищавшее интересы царя, вытѣснено и выгнано изъ своихъ квартиръ во всемъ почти великомъ княжествѣ Литовскомъ царскими войсками. Уполномоченные просили, чтобы русскія войска теперь же очистили эти квартиры и не смѣли брать себѣ того, что назначено на содержаніе литовскаго войска.

Царскій посолъ обѣщалъ немедленно написать командующимъ генераламъ, чтобы они заботились объ удобствахъ размѣщенія въ квартирахъ, и русскаго, и польскаго войска, предоставивши послѣднему духовныя и королевскія имѣнія. Посолъ обѣщалъ также, что царское войско не будетъ требовать лишнихъ денегъ, кромѣ установленныхъ порціоновъ, необходимыхъ для пропитанія.

4) Польскіе уполномоченные выразили желаніе, чтобы крѣпость Эльбингъ, отнятая царемъ у шведовъ (хотя и отнятая, вопреки союзному договору, безъ сношеній съ польскими гетманами), отдана была Рѣчи Посполитой, а не какому либо иному постороннему государству [1]).

Посолъ отвѣчалъ, что онъ въ данной ему инструкціи не имѣетъ никакихъ полномочій относительно Эльбинга, потому что въ то время, когда онъ отправлялся на совѣщаніе, Эльбингъ еще находился въ непріятельской власти [2]). Но посолъ обѣщалъ сообщить царю взгляды и представленія польскаго правительства по дѣлу Эльбинга и, по полученіи отъ царя согласной съ союзнымъ договоромъ резолюціи, немедленно сообщить ее королю и Рѣчи Посполитой. Кромѣ того, посолъ обѣщалъ написать взявшему Эльбингъ генералу, чтобы относительно провіанта для своего гарнизона онъ заключилъ договоръ съ сенаторами и коммиссарами Прусской провинціи и чтобы онъ не отягощалъ Эльбинга налогами. Посолъ увѣрялъ, что царь не станетъ держать въ Эльбингѣ гарнизона большаго, чѣмъ нужно.

5) Обнадеженный царскою амнистіею, ѣхавшій къ королю съ изъявленіемъ покорности, кн. Вишневецкій (говорили уполномоченные) незаконно схваченъ и до сихъ поръ не освобожденъ царемъ. Уполномоченные просили объ освобожденіи его, говоря, что онъ будетъ пре-

---

[1]) Вопросъ объ отдачѣ Польшѣ взятаго русскими войсками Эльбинга (въ польской Пруссіи) поднятъ былъ на „провинціальныхъ сессіяхъ“ уже 20-го февраля (л. 92).

[2]) Эльбингъ взятъ былъ 7-го февраля 1710 года.

данъ надлежащему суду [1]). Они просили еще объ освобожденіи луцкаго уніатскаго епископа Жабокрицкаго [2]), схваченнаго въ его каѳе-

[1]) Объ освобожденіи кн. Михаила Вишневецкаго говорили на съѣздѣ чуть ли не всѣ сенаторы и земскіе послы поголовно. Въ одномъ мѣстѣ дневника, авторъ его прямо записалъ: „кн. Вишневецкаго ни одинъ посолъ не забылъ" (л. 99). Объ освобожденіи его (27-го марта) просилъ, отъ лица всей посольской избы, и ея маршалокъ Денгофъ (л. 109). Король черезъ короннаго канцлера (1-го апрѣля) объявилъ, что кн. Мих. Вишневецкій будетъ царемъ освобожденъ, но лишь послѣ того, какъ примасъ и маршалокъ съѣзда дадутъ, согласно съ требованіемъ кн. Долгорукаго, за своими печатями и подписями удостовѣреніе въ томъ, что онъ будетъ преданъ суду Рѣчи Посполитой (л. 122)... Русское правительство вообще не было настроено снисходительно по отношенію къ приверженцамъ шведскаго короля. 26-го февраля на конференціи кн. Долгорукій прямо требовалъ преданія суду всѣхъ противниковъ Сендомирской конфедераціи (л. 93 об.).

[2]) Отношенія Петра Великаго къ Жабокрицкому до сихъ поръ остаются невыясненными. Въ польской исторической литературѣ (Стебельскій, Ликовскій и др.) преобладаетъ тенденція усматривать въ этихъ отношеніяхъ по преимуществу проявленіе вѣроисповѣдной ненависти Петра (Жабокрицкій первый изъ луцкихъ епископовъ принялъ въ 1702 г. унію). Въ виду этого, приведенное нами въ текстѣ объясненіе кн. Долгорукаго представляетъ серьезный интересъ... При разсмотрѣніи недавно поступившаго въ рукописное отдѣленіе библіотеки Импер. Академіи Наукъ собранія рукописей еписк. Павла Доброхотова (еще не описаннаго) намъ попалась на глаза въ Дневникѣ Владимир. уніат. епископіи подъ 1715 годомъ статья подъ заглавіемъ: Descriptio captivationis a Moschis Dyonysii Zabokrzycki, episcopi Luceoriensis (л. 118 об.—121). Считаемъ умѣстнымъ привести нѣкоторыя фактическія подробности изъ этой статьи, современной разсказываемымъ въ ней событіямъ и притомъ принадлежащей перу не православнаго разсказчика... По его словамъ, когда шведы приблизились къ Волыни (вѣроятно, въ 1706 г.), Жабокрицкій написалъ королю Станиславу, шедшему вмѣстѣ съ ними, письмо съ изъявленіемъ своей преданности и съ извѣщеніемъ, что онъ велѣлъ подпилить мостъ въ Рчищахъ на р. Стырѣ, чтобы москали потонули. Письмо доставилъ Станиславу его племянникъ, Николай Жабокрицкій. Станиславъ по прочтеніи передалъ письмо Карлу XII. Но Карлъ отнесся къ нему пренебрежительно и бросилъ его на землю. Племянникъ взялъ письмо къ себѣ, но дядѣ его не возвратилъ, не желая его огорчать. Напротивъ, сообщилъ ему, что письмо принято милостиво. Впослѣдствіи, когда дядя не захотѣлъ уступить ему своихъ земельныхъ владѣній, онъ, изъ чувства мести, показалъ письмо стоявшему въ Дубнѣ ген. Репнину. Жабокрицкій тогда убѣжалъ въ Венгрію. Царь, находившійся тогда въ Варшавѣ, велѣлъ его схватить. Другой причиной царскаго гнѣва на Жабокрицкаго авторъ статьи считаетъ наговоры православныхъ, особенно Почаевскаго игумена (Жабокрицкій забралъ деньги въ Почаевѣ). Кромѣ того, Петру жаловался еще раньше на Жабокрицкаго одинъ кіевскій купецъ за то, что онъ отнялъ у него товару на 200.000 злотыхъ (Жабокрицкій считалъ купца своимъ крѣпостнымъ)... Въ 1709 г., послѣ базиліанской конгрегаціи въ Бѣлой (отъ 26-го августа по 5-е сентября—см. Вилен. Арх. Сборн., XII, 157—170), Жабокрицкій остался въ Бѣлой (нынѣ Сѣдлецкой губ.). Онъ надѣялся выхлопотать себѣ у Петра амнистію при посредствѣ литовскаго канцлера К. С. Радивилла. Изъ Бѣлой

Жабокрицкій перебрался въ Олыку (Луцкаго уѣзда), гдѣ пробылъ нѣкоторое время. Въ декабрѣ онъ пріѣхалъ въ Луцкъ на сеймикъ... 16-го декабря у Жабокрицкаго были вечеромъ гости. Въ этотъ вечеръ прибылъ въ Луцкъ одинъ москаль, спрашивавшій, гдѣ находится кн. Меншиковъ (къ которому онъ посланъ съ письмомъ отъ Б. П. Шереметева). Гости заподозрили въ немъ шпіона и совѣтовали Жабокрицкому уйти ночевать къ доминиканамъ или къ іезуитамъ. Но онъ не послушался этого совѣта, такъ какъ получилъ отъ царя (въ Торунѣ) амнистію, по ходатайству кн. Радивилла. Около 12 часовъ гости разошлись, и Жабокрицкій легъ спать въ епископскомъ домѣ. Но въ третьемъ часу ночи около двухъ тысячъ русскихъ и молдаванъ окружили луцкій замокъ. Изъ нихъ около полутораста человѣкъ ворвались во дворъ дома. Вмѣстѣ съ пасынкомъ Жабокрицкаго, Гулевичемъ, они вошли въ комнаты, разбудили Жабокрицкаго и велѣли ему одѣваться, не принявши предложеннаго имъ угощенія (виномъ). Бригадиръ П. И. Яковлевъ велѣлъ ему сѣсть въ карету вмѣстѣ съ офицеромъ. Въ полумилѣ разстоянія отъ Луцка Жабокрицкому было предложено получить свободу за деньги. Жабокрицкій согласился дать за себя выкупъ въ 26,000 злот. и послалъ своего слугу Жванскаго заложить его драгоцѣнности. Но оказалось, что все имущество Жабокрицкаго уже забрано и уложено въ московскіе возы. 17-го декабря въ 12 ч. дня Жабокрицкаго привезли въ Дубно. Тутъ Яковлевымъ сдѣлана была новая попытка получить выкупъ, при чемъ онъ бранилъ Жабокрицкаго (и даже ударилъ его въ лицо) за принятіе уніи. Изъ Дубна Жабокрицкаго привезли въ Кіевъ, гдѣ и содержали его въ тяжкомъ заключеніи (кн. Д. М. Голицынъ тоже его бранилъ и ударилъ). Въ Кіевѣ разныя лица, и въ числѣ ихъ правосл. митрополитъ Кроковскій, подавали ему милостыню... Изъ Кіева, послѣ 8-недѣльнаго въ немъ пребыванія, отправили Жабокрицкаго въ Москву, куда онъ прибылъ въ великій четвертокъ (въ 1710 г.). Комендантъ кн. Гагаринъ отнесся къ Жабокрицкому милостиво, но къ іезуитамъ его не пустилъ, а велѣлъ ему жить въ Петровскомъ монастырѣ. Потомъ Жабокрицкаго перевели въ Богоявленскій монастырь. Жабокрицкому приходилось существовать путемъ милостыни (ее оказывалъ и рязан. митроп. Яворскій). Особенно тяжело стало его положеніе, когда Гагаринъ взялъ себѣ въ повара его слугу Жванскаго, и послѣ отказа послѣдняго отъ службы въ его кухнѣ, велѣлъ его заковать въ кандалы. Впрочемъ, одинъ полякъ (Крупицкій), завѣдывавшій дворомъ кн. М. М. Голицына, нашелъ способъ освободить Жванскаго (опредѣлилъ его въ студенты съ жалованьемъ отъ казны), и онъ продолжалъ служить Жабокрицкому до самаго отъѣзда своего изъ Москвы (въ 1711 г.) вмѣстѣ съ польскимъ посольствомъ, во главѣ котораго стоялъ литов. маршалокъ М. Воловичъ (однимъ изъ лицъ свиты Воловича, со словъ Жванскаго, и записанъ весь интересующій насъ разсказъ). Воловичу не позволено было повидаться съ Жабокрицкимъ, а всѣ его и его жены (бросившейся къ ногамъ Петра) просьбы объ освобожденіи Жабокрицкаго остались безрезультатными... Когда Петръ однажды лично посѣтилъ Жабокрицкаго, то онъ (по словамъ интересующей насъ статьи) обратился къ нему съ разными бранными словами (приведены тутъ), плюнулъ на него и даже толкнулъ въ грудь, при чемъ упрекалъ его за вѣроотступничество, за обиды православнымъ монахамъ, за подрубаніе моста, и убѣждалъ возвратиться въ православіе... Что сталось съ Жабокрицкимъ впослѣдствіи, автору статьи не было извѣстно. Статья оканчивается сожалѣніемъ о томъ, что Жабокрицкій исповѣдывался у православнаго духовника и причащался въ мантіи, присланной ему митрополитомъ Рязанскимъ.

дральномъ городѣ, а также виленскаго каноника Гонсевскаго [1]), шляхтичей Сенницкихъ и другихъ шляхтичей, находящихся у русскихъ въ заключеніи. Они просили, далѣе, о безопасности для жизни и имущества великаго короннаго стражника, почти всего имущества лишившагося [2]), перемышльскаго уніатскаго епископа (Георгія Винницкаго), волынскаго хорунжаго, жидачевскаго хорунжаго Висневскаго, черниговскаго хорунжаго Вырицкаго, шляхтичей Протасевича и Буднаго и др. (перечислены).

Относительно кн. Вишневецкаго посолъ объяснилъ, что кн. Вишневецкій, взявши отъ царя, въ качествѣ литовскаго великаго гетмана, значительныя денежныя субсидіи для литовскаго войска, употребилъ ихъ во вредъ интересамъ царя. Мало того: осыпанный особыми личными благодѣяніями со стороны царя, обязанный ему самымъ назначеніемъ своимъ на гетманскую должность, кн. Вишневецкій отплатилъ ему великою неблагодарностью. Онъ осмѣлился не только сражаться противъ царскихъ войскъ, но и клеветать на царя и строить противъ него ковы... Относительно епископа Жабокрицкаго посолъ объяснилъ, что епископъ далъ явное доказательство своей измѣны и своей вражды къ царскимъ войскамъ и, слѣдовательно, общимъ интересамъ царя и короля, когда вслѣдствіе своего расположенія къ Станиславу Лещинскому, во время самаго непріятельскаго наступленія, велѣлъ въ своихъ имѣніяхъ незамѣтно подпилить мостъ, чтобы причинить вредъ царскому войску или артиллеріи. Въ этомъ епископъ самъ признается въ письмѣ къ винницкому старостѣ. Это письмо, содержащее въ себѣ клеветы на царское войско, посолъ готовъ былъ представить польскимъ уполномоченнымъ въ копіи... Коронный стражникъ (по словамъ посла) усиливался разорвать мирный договоръ Оттоманской Порты съ царемъ и Рѣчью Посполитою, хотѣлъ ввести крымскаго хана во владѣнія царя и Рѣчи Посполитой. Это явно доказываютъ найденныя у него письма, подлежащія разслѣдованію польскаго правительства... Изъ остальныхъ лицъ одни (по словамъ посла) дѣйствовали противъ законнаго короля, ими же самими добровольно

[1]) 14-го марта послы виленскаго воеводства просили объ освобожденіи Гонсевскаго, Понятовскаго и Карниферовой, взятыхъ изъ Виленскаго монастыря. Не забыли они (говоритъ авторъ дневника) и виленскихъ евреевъ, которыхъ болѣе десятка, и притомъ выдающихся, отослано въ столицу (л. 97). Объ освобожденіи Жабокрицкаго просили литовскій канцлеръ, галицко-русскій и брацлавскій послы (л. 90, 102, 107).

[2]) О коронномъ стражникѣ Потоцкомъ ходатайствовали кіевскіе и брацлавскіе послы и самъ маршалокъ съѣзда (л. 101, 108 об., 109).

избраннаго, когда сражались противъ союзнаго съ нимъ войска, другіе вредили его интересамъ тѣмъ, что участвовали въ ихъ совѣщаніяхъ и интригахъ, третьи ѣздили въ посольствахъ къ общимъ царя и короля непріятелямъ. Впрочемъ о подобнаго рода шведскихъ партизанахъ, избирателяхъ Станислава (прибавлялъ посолъ) Рѣчь Посполитая сама знаетъ лучше... Царскій посолъ, согласно съ представленными имъ королю уже раньше отъ имени царя пунктами, просилъ подвергнуть немедленно всѣхъ этихъ лицъ должному наказанію. Что же касается кн. Вишневецкаго, посолъ утверждалъ, что если царю дано будетъ отъ лица Рѣчи Посполитой публичное увѣреніе, что онъ будетъ судимъ и наказанъ, то царь пришлетъ его для суда надъ нимъ Рѣчи Посполитой. Точно такъ же и епископъ Жабокрицкій можетъ быть отпущенъ, если къ царю обращено будетъ надлежащее о немъ ходатайство и дано будетъ увѣреніе въ нелицепріятномъ судѣ надъ нимъ. Относительно короннаго стражника, если дано будетъ Рѣчью Посполитою увѣреніе, что его предадутъ суду и накажутъ, посолъ соглашался написать бригадиру Кропотову, чтобы царскіе люди пребывали въ его имѣніяхъ съ такою же скромностью, какъ и въ иныхъ имѣніяхъ Рѣчи Посполитой. Всѣ остальныя захваченныя царскими войсками лица, обвиняемыя въ интригахъ и сношеніяхъ съ непріятелемъ, могутъ быть (по объясненію посла) въ свое время отпущены для представленія ихъ въ надлежащій польскій судъ. Наконецъ, для шляхтичей, забранныхъ по дѣламъ о провіантѣ, посолъ обѣщалъ исходатайствовать немедленное освобожденіе.

6) Польскіе уполномоченные просили, чтобы возвращены были Рѣчи Посполитой взятыя царемъ изъ ея крѣпостей и городовъ орудія и аммуниція, именно изъ Бродовъ, Дубна, Олыки, Станиславова, Глуска, Бѣлой Церкви, Могилева и др.

Посолъ сказалъ, что орудія Рѣчи Посполитой, взятыя изъ крѣпостей и городовъ для того, чтобы они не были употреблены непріятелемъ противъ царскихъ войскъ, будутъ возвращены, согласно съ прежней, объявленной въ Жолквѣ и Люблинѣ, декларацiей [1]).

7) Бѣлорусскія воеводства (заявляли польскіе уполномоченные), какъ то: Полоцкое, Витебское, Мстиславское, вширь и вдоль на нѣсколько десятковъ миль выжженныя, дошли до крайняго разоренія. Вся живность забрана, скотъ и лошади выгнаны за границу, весь

[1]) 17-го февраля ленцкій каштелянъ Зихлинскій поднялъ вопросъ объ орудіяхъ, взятыхъ по распоряженію Петра (л. 89).

хлѣбъ вывезенъ, наконецъ дворы, города, мѣстечки сожжены. И при столь тяжкомъ разореніи они должны давать невыносимыя контрибуціи на полоцкій и быховскій гарнизоны деньгами и хлѣбомъ и доставлять за нѣсколько десятковъ миль дерево неслыханной величины. Кромѣ всего этого, имъ приказано поставить для надобностей царскихъ войскъ 60.000 лошадей (какого количества ихъ въ это злосчастное время не найдется во всемъ великомъ княжествѣ Литовскомъ)... Уполномоченные просили, чтобы разоренные люди избавлены были отъ вышеуказанныхъ тягостей [1].

Посолъ сказалъ, что онъ уже пишетъ, отъ имени царя, грамоты къ командующимъ войсками сенаторамъ о томъ, чтобы они не дозволяли себѣ брать никакихъ денежныхъ контрибуцій. Если какой либо офицеръ перебралъ лишнее, сверхъ установленныхъ порціоновъ, посолъ пишетъ, чтобы онъ довольствовался уже этимъ въ продолженіе будущихъ мѣсяцевъ. То же предписываетъ онъ и относительно забиранія лошадей, отягощеній жителей и мародерства. Кто провинился въ чемъ либо и обидѣлъ кого либо, тотъ долженъ вознаградить убытки. Посолъ предписалъ, чтобы впослѣдствіи, при уходѣ съ квартиръ, не брали ни людей, ни лошадей, ни скота.

8) Польскіе уполномоченные просили, чтобы крѣпости Рѣчи Посполитой, занятыя царскими гарнизонами, какъ то: Бѣлая Церковь [2], Брацлавъ, Фастовъ, Немировъ, Богуславъ и въ великомъ княжествѣ Литовскомъ Полоцкъ [3], Быховъ и другія, были, какъ можно скорѣе, очищены ими и переданы въ руки назначенныхъ на то Рѣчью Посполитою коммиссаровъ. Такому же возвращенію должны подлежать и шляхетскія имѣнія, неправильно захваченныя, и въ частности имѣнія Полонное [4] и Менджыжечъ короннаго подкоморія, а также Збаражъ, Залосье, Брагиловъ, а въ великомъ княжествѣ Литовскомъ Горы и

---

[1]) На притѣсненія жителей Мстиславскаго воеводства жаловался (18-го февраля) литовскій канцлеръ кн. К. С. Радивиллъ (л. 90). Послы витебскаго воеводства просили о выводѣ союзныхъ войскъ изъ Полоцка и Быхова (л. 105).

[2]) Объ отобраніи Бѣлой Церкви черезъ особыхъ коммиссаровъ просили кіевскіе и волынскіе послы (л. 101, 102 об.).

[3]) 20-го марта послы полоцкаго воеводства говорили, что хотя они угнетены, они однако готовы стоять за короля до послѣдней капли крови. Они просили о выводѣ иноземнаго войска изъ Полоцка. Они же сообщили, что крѣпости въ Литвѣ разрушены (л. 103 об.).

[4]) 18-го марта холмскій посолъ просилъ о возвращеніи кор. подкоморію (Любомирскому) Полоннаго, захваченнаго кн. Меньшиковымъ (л. 102). О томъ же просилъ (27-го марта) маршалокъ съѣзда (л. 109).

Горки. Уполномоченные просили, чтобы пинскій мечникъ Кременецкій, выгнанный изъ своего дома людьми кн. Меншикова, получилъ возможность воротиться домой. Наконецъ, они просили, чтобы царскіе люди не касались таможенныхъ пошлинъ и другихъ доходовъ Рѣчи Посполитой.

Бѣлая Церковь, Брацлавъ, Немировъ, Богуславъ, Быховъ и другіе города, принадлежащіе Рѣчи Посполитой, несомнѣнно, (отвѣчалъ царскій посолъ) будутъ ей переданы, о чемъ онъ, посолъ, издастъ и свои указы къ коммендантамъ тѣхъ мѣстностей по окончаніи совѣщанія съ польскими уполномоченными. Хотя въ Полоцкѣ, въ силу военной необходимости, царь вынужденъ сохранить при своемъ гарнизонѣ провіантскій складъ, но посолъ ручается, что сохраненіе этого склада не принесетъ ущерба праву владѣнія Рѣчи Посполитой и что по окончаніи военной надобности Полоцкъ будетъ возвращенъ ей. Военнымъ людямъ Рѣчи Посполитой, какъ теперь, такъ и потомъ, не будетъ запрета находиться въ Полоцкѣ, только бы ихъ не было болѣе, чѣмъ сколько ихъ находится въ немъ въ настоящее время. Русскій гарнизонъ въ немъ (по увѣренію посла) не будетъ касаться ни водяныхъ и сухопутныхъ таможенныхъ пошлинъ, ни другихъ доходовъ Рѣчи Посполитой.

9) Польскіе уполномоченные просили, чтобы находящіяся въ Кіевѣ актовыя книги кіевскаго воеводства, нужныя землевладѣльцамъ этого воеводства, были отданы имъ, а также, чтобы монастырскія имѣнія, находящіяся по сю сторону рѣки Ирпени, принадлежали Рѣчи Посполитой, чтобы Овручскій и Житомірскій уѣзды не были принуждаемы къ поставкѣ и доставкѣ провіанта для кіевской крѣпости, чтобы Палѣй со своими людьми не чинилъ столь великихъ тягостей этимъ уѣздамъ, а самъ приведенъ былъ къ повиновенію Рѣчи Посполитой.

Посолъ сказалъ, что актовыя книги кіевскаго воеводства, принадлежащія землевладѣльцамъ этого воеводства, если онѣ окажутся, будутъ переданы коммиссарамъ, назначеннымъ для пріема крѣпостей, что монастырскія имѣнія, находящіяся на Украйнѣ, возвратятся къ Рѣчи Посполитой вмѣстѣ съ ея возвращеніемъ, что принуждать Овручскій и Житомірскій уѣзды къ доставкѣ провіанта для кіевской крѣпости никто больше уже не станетъ послѣ того, какъ Рѣчь Посполитая вступитъ въ полное уже обладаніе этимъ краемъ.

10) Польскіе уполномоченные жаловались на то, что царскія войска вербуютъ въ свой составъ польскую молодежь—крестьянъ, ремесленниковъ и даже шляхтичей, и однихъ изъ нихъ тотчасъ отправляютъ въ свои края, а другихъ держатъ при себѣ. Уполномо-

ченные просили, чтобы всѣ они возвращены были обратно, и чтобы впредь этого рода вербовки уже не практиковались, потому что это грозитъ крайнимъ опустошенiемъ польскимъ землямъ.

Посолъ сказалъ, что никогда не было царскаго приказа брать на службу людей какого бы то ни было сословія, а также и евреевъ, что и въ настоящее время въ царскихъ войскахъ не разрѣшается брать людей на службу насильственно. Берутъ только тѣхъ, кто самъ добровольно желаетъ поступить. Если окажется, что кто либо взятъ насильственно, то по надлежащемъ удостовѣреніи этого онъ будетъ отпущенъ.

11) Уполномоченные просили о возвращеніи по принадлежности судовъ, взятыхъ по распоряженію царя у подольскаго воеводы (Ст. Гумецкаго), сендомирскаго каштеляна (Іос. Мышковскаго) и другихъ (о чемъ уже заходила рѣчь на „разговорѣ" въ Торунѣ). Кромѣ того, уполномоченные жаловались на убытки, причиненные царскими войсками въ сендомирскомъ воеводствѣ Микулевскому, Липовскому и другимъ шляхтичамъ а также на ограбленіе казаками въ томъ же краѣ шляхтича Зелинскаго.

Посолъ сказалъ, что вышеупомянутыя суда взяты были въ силу неотложной нужды въ нихъ для царскихъ войскъ, шедшихъ къ Эльбингу, или для подвозки провіанта тѣмъ же войскамъ. Въ настоящее время, когда войска уже перевезены, каждый изъ владѣльцевъ можетъ взять свое судно обратно. Объ этомъ посолъ обѣщалъ написать генералу Ностицу.

12—15) Уполномоченные жаловались на то, что Бориславскій замокъ менджыжецкаго каштеляна Блешинскаго подвергся сильному разоренію со стороны генерала Генда, при чемъ калмыки сначала осквернили, а потомъ сожгли устроенную въ замкѣ часовню, а съ находившагося въ ней чудотворнаго образа Пресвятой Дѣвы содрали драгоцѣнныя украшенія и бросили его въ грязь. Уполномоченные просили, чтобы возмѣщены были убытки каштеляна, никогда не принадлежавшаго къ противной царю сторонѣ.

Уполномоченные жаловались на то, что поручикъ десятой роты азовскаго полка, стоявшій нѣсколько недѣль въ принадлежащемъ луцкой іезуитской коллегіи имѣніи Блота съ деревней, не только бралъ много провіанта, но и велѣлъ связать о. прокуратора и этимъ путемъ вымучилъ у него 1.900 злотыхъ деньгами, два позолоченныхъ кубка и серебряныя ложки. Уполномоченные просили, чтобы все это возвращено было іезуитамъ, безъ донесенія царю.

Уполномоченные жаловались на то, что постоянная перемѣна квартиръ и многочисленные переходы царскихъ войскъ, особенно въ Русскомъ (Галицко-русскомъ) и Подольскомъ воеводствахъ, совершенно разорили имѣнія, потому что извѣстный отрядъ бралъ порціоны для себя на мѣсяцъ или на два мѣсяца впередъ, и взявши ихъ уходилъ, а другой, пришедшій на его мѣсто, опять вымучивалъ для себя всѣ эти мѣсячные порціоны, по своему усмотрѣнію опредѣляя количество дымовъ въ имѣніяхъ и количество порціоновъ съ дымовъ.

Уполномоченные принесли еще нѣсколько частныхъ жалобъ: въ сендомирскомъ воеводствѣ [1]) творятъ нестерпимыя обиды и притѣсненія Богданъ Григоровичъ, конюшій кн. Меншикова, и капитанъ Дотгонъ; въ белзскомъ воеводствѣ, кромѣ установленнаго провіанта, берутъ по 6 талеровъ съ корчмы; въ другихъ воеводствахъ берутъ по 10 битыхъ талеровъ, и еще по два талера съ дыма; забираютъ кожухи, полотно, ремни, веревки, желѣзо, вообще все, что вздумается; въ львовской землѣ Гаврило Гранатьеръ, находящійся въ деревнѣ Волконѣ для завѣдыванія почтою, творитъ страшныя обиды, беретъ много провіанта и лошадей, наѣзжаетъ на дворы, бьетъ подстаросту и другихъ людей, безчеститъ ихъ, не слушается указовъ своихъ начальниковъ; въ галицкой землѣ въ шляхетскихъ имѣніяхъ, находящихся въ залогѣ у коронпаго стражника и кіевскаго воеводы, требуютъ выкупа по 30 битыхъ талеровъ съ каждой, даже пустой, хаты; въ землѣ галицкой стоятъ въ королевскихъ имѣніяхъ и берутъ съ нихъ, что хотятъ (какъ, напримѣръ, въ Коломыѣ); казаки [2]) чинятъ величайшія притѣсненія, и суда на нихъ у ихъ начальниковъ нельзя найти, напротивъ они еще безчестятъ тѣхъ, кто на нихъ жалуется.

Въ отвѣтъ на всѣ эти заявленія и жалобы польскихъ уполномоченныхъ, царскій посолъ сказалъ только слѣдующее: такъ какъ для разбора жалобъ о всякаго рода убыткахъ и обидахъ уже назначенъ царемъ вышеупомянутый генералъ Полонскій, то пусть каждый, считающій себя обиженнымъ, обращается къ нему со своей претензіей.

16) Польскіе уполномоченные жаловались на то, что въ Полоцкомъ замкѣ церковь св. Софіи стоитъ безъ службы Божіей, что въ

---

[1]) Сендомирскій каштелянъ жаловался на то, что Москва на одно сендомирское воеводство наложила 10 тысячъ порціоновъ (л. 88 об.). Холмская земля уплатила Москвѣ деньгами и провіантомъ 130 тысячъ (л. 102).

[2]) О выводѣ казаковъ просили кіевскіе послы (л. 101).

этой церкви сложена аммуниція, что чудотворный образъ Пресвятой Дѣвы съ украшеніями взятъ изъ нея коммендантомъ Озеровымъ. Уполномоченные еще просили, чтобы актовыя книги Полоцкаго воеводства, находившіяся въ этой церкви, были возвращены.

Посолъ обѣщалъ написать, чтобы церковь Полоцкаго замка, если она дѣйствительно занята аммуниціей, была отъ нея очищена. Онъ обѣщалъ написать и относительно образа Пресвятой Богородицы, если то, что о немъ сообщено, подтвердится. Относительно актовыхъ книгъ Полоцкаго воеводства, посолъ сказалъ, что если онѣ найдутся, то онѣ будутъ отданы, сообразно съ данной объ этомъ инструкціей.

17) Польскіе уполномоченные усерднѣйше просили, чтобы римско-католическая религія (которой безопасность обезпечена союзнымъ договоромъ и дипломомъ, даннымъ царскимъ величествомъ хелминскому воеводѣ) не терпѣла ни въ чемъ нарушенія своихъ правъ, чтобы духовныя лица, монашествующія и свѣтскія, греческаго обряда, пребывающія въ уніи съ римскою церковью, пользовались всяческою безопасностью и подобающимъ духовному званію уваженіемъ со стороны царскихъ подданныхъ.

Посолъ обѣщалъ, что царь не будетъ чинить никакого нарушенія правъ римской церкви, что царь останется вѣренъ диплому, который онъ далъ хелминскому воеводѣ, если Рѣчь Посполитая съ своей стороны будетъ нерушимо соблюдать пунктъ вѣчнаго мира относительно греческой религіи въ своихъ владѣніяхъ. Относительно духовныхъ лицъ, пребывающихъ въ единеніи съ римскою церковью, посолъ удостовѣрилъ отъ имени царя, что какъ до сихъ поръ они не подвергались никакой опасности отъ царя, такъ и въ будущемъ будутъ пользоваться всяческою безопасностью (объ этомъ изданы царемъ указы въ Тыкоцинѣ).

18) Польскіе уполномоченные жаловались на то, что милліоны, обѣщанные союзнымъ договоромъ войскамъ Рѣчи Посполитой, которыя съ неизмѣннымъ постоянствомъ и неустрашимымъ мужествомъ дѣйствовали противъ общихъ враговъ, никогда не доходили до нихъ полностью. Уполномоченные просили, чтобы войскамъ немедленно было уплочено слѣдуемое имъ за прежнее время, и чтобы на будущее время уплата имъ производилась съ пунктуальною точностью, согласно съ союзнымъ договоромъ.

Относительно милліоновъ на коронное и литовское войско за прежніе годы и за минувшую кампанію царскій посолъ счелъ нужнымъ, прежде всего, указать на неисчислимые почти расходы царя,

какъ на его собственное войско, такъ и при разныхъ иностранныхъ дворахъ, понесенные имъ въ предыдущіе годы въ видахъ поддержки общихъ интересовъ союзниковъ. Затѣмъ, царскій посолъ представилъ уполномоченнымъ слѣдующій счетъ царскихъ расходовъ на польско-литовское войско: въ 1702 г. литовскому войску уплочено (кн. Вишневецкому и жмудскому старостѣ кн. Гр. Огинскому) черезъ ксендза Бѣлозора 400 тысячъ злотыхъ; въ 1703 г. тому же войску черезъ полковника Таубе уплочено 150 тысячъ польскихъ злотыхъ; въ третій разъ тому же войску (кн. Вишневецкому) уплочено 300 тысячъ злотыхъ; коронному войску (черезъ кн. Долгорукаго) уплочено 400 тысячъ злотыхъ; тому же войску въ 1707 г. во Львовѣ уплочено 500 тысячъ злотыхъ; отряду литовско-польскаго гетмана кн. Огинскаго дано 40 тысячъ злотыхъ; литовскому войску черезъ Струтынскаго уплочено 100 тысячъ; на дивизію Струтынскаго, по просьбѣ великаго короннаго гетмана, дано 500 тысячъ; коронному войску черезъ Украинцева уплочено 200 тысячъ; на войско каменецкаго каштеляна дано 500 тысячъ; литовскому войску еще уплочено 200 тысячъ; коронному войску выплачено черезъ Гольца 500 тысячъ. Всего литовско-польскому войску выплачено четыре милліона девятьсотъ тысячъ польскихъ злотыхъ. Что касается неуплаты остальныхъ милліоновъ, то въ оправданіе ея царскій посолъ указалъ на то обстоятельство, что царь обѣщался, по договору, уплачивать ежегодно извѣстную сумму денегъ подъ тѣмъ условіемъ, если литовско-польское войско будетъ фактически находиться на театрѣ военныхъ дѣйствій въ количествѣ 48 тысячъ человѣкъ. Въ концѣ 1705 года, въ Гроднѣ, согласно съ этимъ условіемъ, и произведена была уплата обѣщанной субсидіи. Тогда подъ командой литовско-польскихъ гетмановъ и маршалковъ конфедераціи находилось всего лишь 4 тысячи войска. Большая его часть передалась на сторону непріятеля. Вообще никогда не было и половины условленнаго комплекта. Такъ, въ 1706 году, въ битвѣ подъ Калишемъ была только нѣкоторая часть его. Большая же часть его была на сторонѣ шведовъ (кіевскій воевода). Но въ виду мужественной отваги союзнаго съ царемъ польскаго войска и его вѣрности, уплата ему денегъ будетъ продолжаться, тѣмъ болѣе, что благодаря ревности нынѣшнихъ коронныхъ гетмановъ количество его начало увеличиваться. Но коронной пѣхоты и теперь очень мало (а по договору ея должно бы быть 21.200 чел.). Литовское же войско почти все перешло было на непріятельскую сторону и, вмѣсто помощи, ставило великія препятствія царскимъ войскамъ. Но

не смотря на все это, царь, по искреннему своему расположенію къ Рѣчи Посполитой и ея войскамъ, не отказывается и на будущее время субсидировать ихъ изъ своей казны, только бы Рѣчь Посполитая пребывала въ твердой и неизмѣнной преданности ему и съ своей стороны добросовѣстно держалась союзнаго договора.

19) Польскіе уполномоченные жаловались на русскихъ офицеровъ, женившихся на польскихъ дворянкахъ, что они стремятся силой взять приданое и угрожаютъ не только имуществу, но и жизни опекуновъ (напримѣръ, маіоръ-бригадиръ Гершовъ изъ полка генерала Гешова, женившійся на дѣвицѣ Болестрашицкой, которой приданое зависитъ отъ трибунала).

Посолъ отвѣчалъ, что ни одному русскому офицеру, женившемуся въ Польшѣ, никто не разрѣшалъ брать приданое силою. Но посолъ думалъ, что общепринятый всюду обычай не запрещаетъ брать приданое, заранѣе назначенное. Впрочемъ, онъ согласился, что это дѣло должно рѣшаться по польскимъ законамъ.

20) Наконецъ, польскіе уполномоченные просили о вознагражденіи за убытки нѣсколькихъ лицъ (поименованы тутъ) и одного монастыря (dominikanie Wyssokolscy).

Посолъ сослался на свой прежній отвѣтъ по поводу просьбъ этого рода.

IV.

Самый фактъ Полтавской побѣды на варшавскомъ февральскомъ съѣздѣ 1710 года не сталъ предметомъ спеціальной политической оцѣнки, хотя это былъ первый польскій съѣздъ послѣ нея и хотя со времени этого съѣзда прошло лишь полгода съ небольшимъ послѣ нея. О „славной побѣдѣ“ упомянулъ на съѣздѣ только одинъ сенаторъ... Особенно удивительно, что фактъ Полтавской побѣды не былъ поставленъ на съѣздѣ въ связь съ русско-турецкими и польско-турецкими отношеніями. Бѣгство Карла XII послѣ полтавскаго пораженія въ турецкія владѣнія неизбѣжно вносило въ тѣ и другія отношенія новый политическій элементъ. Самъ посолъ царскій на съѣздѣ рѣшительно поставилъ вопросъ о заключеніи Польшей новаго договора съ Россіей противъ Оттоманской Порты (л. 93 об., 26-го февраля, въ засѣданіи конференціи). Тѣмъ не менѣе турецкій вопросъ, несомнѣнно уже поставленный на очередь самымъ ходомъ жизни, нисколько не отразился въ рѣчахъ безчисленныхъ ораторовъ съѣзда. Едва ли требованія высшей политики положили печать молчанія на ихъ уста.

Болѣе вѣроятнымъ представляется, что ихъ политическій взоръ еще не успѣлъ отрѣшиться отъ всей совокупности непосредственныхъ результатовъ долгой русско-польско-шведской войны, задѣвшей за живое въ такой сильной степени интересы польскаго шляхетско-правительственнаго класса. Во всякомъ случаѣ, изъ устъ его представителей на первомъ послѣ Полтавской побѣды съѣздѣ не раздалось ни одного голоса, противнаго общей славянской идеѣ. Говоря объ отношеніи польскихъ политическихъ дѣятелей того момента къ факту Полтавской побѣды, нельзя упускать изъ виду и того, что приведшая къ ней русско-польско-шведская война принесла уже Россіи, и принесла сравнительно давно, вполнѣ реальные плоды, въ видѣ шведской Ингерманландіи съ частью Эстляндіи и Лифляндіи. Полтавская побѣда закрѣпляла за Россіей навсегда эти плоды, закрѣпляла за ней открытый выходъ въ море, клала прочный камень въ основу ея новаго политическаго положенія въ Европѣ. Польша отъ русско-польско-шведской войны еще никакихъ добрыхъ плодовъ не получила. Напротивъ, она кое-что изъ своихъ владѣній ко времени Полтавской побѣды успѣла потерять. Тотъ Эльбингъ, о возвращеніи котораго польскіе уполномоченные просили кн. Долгорукаго, былъ одной изъ такихъ недавнихъ потерь.

Но, хотя Полтавская побѣда на съѣздѣ 1710 года не была предметомъ особаго обсужденія въ связи съ общимъ ходомъ польской внѣшней политики, о какомъ либо новомъ курсѣ въ этой политикѣ послѣ этой побѣды не могло быть и рѣчи. Политическое преобладаніе Россіи послѣ нея сразу слишкомъ сильно возрасло, фактическая власть Петра надъ Польшей была для этого слишкомъ велика. Польскіе уполномоченные въ первомъ же пунктѣ своихъ требованій поставили русскому послу на видъ неисполненіе царскимъ правительствомъ условій союзнаго договора 1704 года. Тѣмъ не менѣе не только этотъ договоръ принятъ былъ съѣздомъ ко внесенію въ сеймовыя конституціи безъ всякихъ измѣненій, но въ эти конституціи внесенъ былъ и договоръ вѣчнаго мира Россіи съ Польшей (1686 г.), чего до сихъ поръ никакъ не могло добиться русское правительство отъ польскаго сеймоваго представительства [1]). О фактѣ Полтавской побѣды на съѣздѣ особо не говорили, но съ практическими ея послѣдствіями серьезно считались. Для всѣхъ было ясно, что если не самой русско-польско-шведской войнѣ, то цѣлому длинному періоду ея положенъ

[1]) Vol. leg., VI, 73—84.

этою побѣдою конецъ. Вполнѣ естественно было собравшимся на первый съѣздъ послѣ нея политическимъ дѣятелямъ Польши, вынесшей на своихъ плечахъ самымъ реальнымъ образомъ всю тяжесть закончившагося періода страшной, не только внѣшней, но и внутренней войны, вполнѣ естественно было имъ заняться прежде всего ликвидаціей ближайшаго печальнаго наслѣдія войны, излеченіемъ нанесенныхъ войною ранъ.

Большинство предъявленныхъ польскими уполномоченными требованій носило характеръ жалобъ на русское войско въ цѣломъ и въ отдѣльныхъ его частяхъ, жалобъ и военно-финансоваго, и военно-уголовнаго характера. Малая Польша предъявила искъ на сто милліоновъ злотыхъ, Литва на двѣсти милліоновъ, объясняя, что въ число этихъ милліоновъ не вошли еще неисчислимые убытки, причиненные русскими отрядами отдѣльнымъ городамъ, мѣстечкамъ и шляхетскимъ дворамъ. Изъ коронныхъ земель особенно пострадали галицко-русское и подольское воеводства, затѣмъ белзкое и сендомирское. Въ великомъ княжествѣ Литовскомъ особенно пострадали полоцкое, витебское и мстиславское воеводства. Указанныя выше коронныя воеводства были главнымъ мѣстомъ сосредоточенія силъ Сендомирской конфедераціи и поддерживавшихъ ее русскихъ и казацкихъ военныхъ силъ. Три восточно-бѣлорусскихъ воеводства въ 1708 году приняли на свою территорію, сначала русскую армію, сознательно произведшую совершенное разореніе этихъ воеводствъ (Петръ хотѣлъ лишить всякихъ жизненныхъ средствъ шведское войско, шедшее слѣдомъ за нимъ, не видѣлъ притомъ же особыхъ основаній къ милосердію потому, что почти вся шляхта великаго княжества Литовскаго держала сторону Карла XII), а затѣмъ шведскую армію. Не мало пострадали отъ этого марша обѣихъ армій и другія земли великаго княжества Литовскаго, лежавшія по направленію отъ Гродны на востокъ. Наконецъ, отъ царскихъ войскъ, особенно же отъ казацкихъ отрядовъ, не мало досталось тѣмъ землевладѣльческимъ территоріямъ на Волыни, собственники которыхъ принадлежали къ шведской партіи. Если изъ числа поименованныхъ литовско-польскихъ воеводствъ и земель исключить сендомирское и белзское воеводства, входившія въ черту этнографической Польши, то окажется, что вся тяжесть завершившагося Полтавской битвой періода Великой Сѣверной войны, легла, по свидѣтельству самихъ литовско-польскихъ участниковъ съѣзда 1710 года, на коронныя и литовскія земли съ населеніемъ русскимъ, на югѣ малорусскимъ, на сѣверѣ бѣлорусскимъ. Ходъ военныхъ дѣйствій принялъ такой обо-

ротъ, что отъ русскихъ войскъ больше всего пострадали русскія же земли литовско-польскаго государства. Коренныя польскія земли и отчасти коренныя литовскія пострадали (не въ меньшей, конечно, степени) отъ шведскихъ войскъ. Русская крестьянская масса литовско-польскаго государства собственно и вынесла всѣ тягости, выстрадала всѣ ужасы перваго періода Великой Сѣверной войны. Подводя итогъ всѣмъ жертвамъ русскаго народа, положеннымъ имъ на достиженіе всего того, что имъ наконецъ получено подъ Полтавой, историкъ не въ правѣ ограничиваться жертвами однихъ великоруссовъ и тѣхъ малороссовъ, которые состояли тогда подъ властью русскаго царя. Онъ долженъ принять въ разсчетъ жертвы и бѣлорусско-малорусскаго населенія литовско-польскаго государства (какъ и жертвы самого польскаго народа).

Требованія о возмѣщеніи убытковъ и о вознагражденіи за всякія другія обиды предъявлены были къ русскому правительству на варшавскомъ съѣздѣ 1710 года представителями шляхетскаго сословія, которое одно въ литовско-польскомъ государствѣ имѣло право участія въ сеймовомъ представительствѣ. Тѣмъ не менѣе и въ требованіяхъ шляхетскихъ депутатовъ кое-гдѣ слышались отдаленные отголоски западно-русскаго народно-крестьянскаго стона (за нѣсколько десятковъ миль приходилось возить дерево неслыханной величины, отнимали полотно, кожухи, ремни, веревки, одинъ отрядъ возьметъ провіантъ за два мѣсяца впередъ, а другой вслѣдъ за нимъ придетъ, опять требуетъ провіанту). Но само собой разумѣется, и бѣдствія минувшей войны были изображены, и предъявленныя къ русскому правительству требованія были формулированы шляхетскими депутатами съ точки зрѣнія интересовъ шляхетскаго сословія. Одни изъ требованій имѣли общегосударственный или общесословный характеръ, другія касались отдѣльныхъ пострадавшихъ шляхтичей, третьи касались церковныхъ учрежденій. Требованій этой послѣдней категоріи сравнительно немного (одна уніатская церковь, двѣ уніатскія епископскія каѳедры, одна римско-католическая замковая часовня, доминиканскій монастырь, іезуитская коллегія). Изъ отдѣльныхъ шляхтичей пострадали по преимуществу тѣ, которые скомпрометировали себя, съ русской точки зрѣнія, такой или иной поддержкой Станислава Лещинскаго (особенно коронный подкоморій Любомирскій, крупный волынскій землевладѣлецъ). Едва ли, предъявляя требованія о возмѣщеніи убытковъ частныхъ лицъ, польскіе уполномоченные вѣрили въ возможность сколько-нибудь серьезнаго удовлетворенія своего

ходатайства, въ особенности, если это были лица сколько-нибудь передъ русскимъ правительствомъ скомпрометированныя. При тогдашнемъ общемъ положеніи русскихъ и польскихъ финансовыхъ и иныхъ дѣлъ и отношеній, одного только можно было имъ (оставаясь на практической почвѣ) желать съ нѣкоторой надеждой его достигнуть. Это—скорѣйшаго ухода изъ Польши вспомогательныхъ русскихъ отрядовъ. Съ этихъ уходомъ фактически прекратились бы все еще продолжавшіяся военно-финансовыя тягости и невзгоды отъ русскихъ отрядовъ. Съ этимъ же уходомъ и въ такой или иной формѣ секвестрованныя имѣнія польскихъ шляхтичей возвратились бы, и безъ особыхъ разрѣшеній свыше, къ ихъ старымъ владѣльцамъ. Неудивительно, что требованіе скорѣйшаго ухода изъ Польши союзныхъ войскъ было во все продолженіе интересующаго насъ съѣзда какъ бы непрерывнымъ воплемъ. Его участники не видѣли никакихъ основаній къ тому, чтобы русскія войска оставались дольше на польской территоріи. Они видѣли въ дальнѣйшемъ ихъ пребываніи на этой территоріи (свободной уже отъ шведовъ) прямое нарушеніе союзнаго договора. Но они не хотѣли считаться съ тѣмъ, съ чѣмъ не могъ не считаться недавній полтавскій побѣдитель: съ возможностью турецкаго вмѣшательства въ русско-шведскую борьбу... Царскій посолъ не могъ на конференціи дать твердаго и опредѣленнаго обѣщанія о скоромъ уходѣ русскихъ войскъ. Сложный вопросъ о возмѣщеніи частныхъ убытковъ пришлось возложить на спеціально для этой цѣли командированное царемъ лицо.

Пребываніе на польской государственной территоріи русскихъ военныхъ отрядовъ, послѣ того, какъ они очищены были отъ общихъ враговъ, могло угнетающимъ образомъ дѣйствовать на польскихъ политическихъ дѣятелей и потому еще, что оно производило впечатлѣніе какъ бы видимой политической зависимости Польши отъ Россіи. Это впечатлѣніе еще усиливалось тѣмъ обстоятельствомъ, что нѣкоторыя укрѣпленныя мѣста литовско-польской государственной территоріи, и при томъ по преимуществу по восточной его границѣ, нѣсколько уже лѣтъ сряду заняты были постоянными русскими военными гарнизонами. Не только въ Бѣлой Церкви и другихъ укрѣпленныхъ городахъ Кіевской Украйны (послѣ того какъ изъ рукъ полунезависимыхъ казацкихъ властей они перешли подъ высшую власть русскихъ генераловъ) совсѣмъ не было польскихъ войскъ, но и въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, въ Полоцкѣ и Быховѣ, они оттѣснены были на задній планъ русскими военными гарнизонами. Изъ нѣкото-

рыхъ другихъ польскихъ укрѣпленныхъ пунктовъ Петръ распорядился взять всю артиллерію для своей арміи. Такое военное положеніе Польши дѣлало ее болѣе, чѣмъ беззащитной, передъ лицомъ могущественнаго русскаго государя. Неудивительны, поэтому, требованія польскихъ уполномоченныхъ о скорѣйшемъ очищеніи польскихъ крѣпостей русскими войсками и о возвращеніи Польшѣ ея артиллеріи. По связи со всѣмъ этимъ невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе и то требованіе польскихъ уполномоченныхъ, чтобы царскія войска не вербовали впредь въ свой составъ польскихъ молодыхъ крестьянъ, мѣщанъ и даже шляхтичей, а навербованныхъ раньше отпустили домой. Ясно, что Петръ для своей борьбы съ Карломъ XII воспользовался не одними польскими орудіями, но и набранными въ литовско-польскихъ областяхъ волонтерами. Большинство ихъ, вѣроятно, вышло изъ среды крѣпостныхъ, отдавшихъ предпочтеніе военному ремеслу передъ панщиной.

П. Жуковичъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

О разрушающей религію книгѣ.

Надо привѣтствовать появленіе русскихъ переводовъ книги М. Гюйо [1]). Теперь, когда вниманіе многихъ обращено на религіозные вопросы, намъ необходимо считаться со всѣмъ, что высказывалось когда либо противъ религіи. Въ этомъ отношеніи „Иррелигіозность будущаго" М. Гюйо, несомнѣнно, можетъ оказать большую услугу: въ ней собраны всѣ обвиненія, какія современное сознаніе предъявляетъ религіи, всѣ самые сильные доводы противъ нея.

М. Гюйо поражаетъ насъ своимъ искреннимъ желаніемъ быть совершенно безпристрастнымъ. Какимъ-то свѣжимъ, хорошимъ духомъ проникнута его бодрая, юношески-чистая работа. Онъ ищетъ только правды и не преслѣдуетъ никакихъ иныхъ цѣлей. Всякая предвзятость имъ старательно избѣгается. Этимъ книга М. Гюйо выгодно отличается отъ популярныхъ произведеній другихъ критиковъ религіи.

Отсутствіе предвзятости, конечно, не означаетъ отсутствія какого либо опредѣленнаго міросозерцанія. Само собою разумѣется, что къ изученію всякаго вопроса приходится подходить съ нѣкоторыми уже ранѣе принятыми предпосылками. И М. Гюйо, чуждый какому либо пристрастію, или по крайней мѣрѣ старающійся освободиться отъ него, не скрываетъ все же общихъ принциповъ своего міросозерцанія. У него есть въ вопросахъ философіи своя позиція, и никто не въ правѣ

---

[1]) *М. Гюйо.* Иррелигіозность будущаго. Перев. съ франц. подъ редакціей приватъ-доцента Московскаго университета В. М. Фриче. Москва 1909. Цѣна 2 р. 40 к.

М. Гюйо. Безвѣріе будущаго. Съ біографической замѣткой о Гюйо А. Фуллье и предисловіемъ проф. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго. Переводъ подъ редакціей Я. Л. Сакера. С.-Пб. 1908. Цѣна 2 р. 50 к.

требовать, чтобъ онъ сошелъ съ нея при обсужденіи затрогиваемыхъ имъ проблемъ.

Но есть случаи, когда занятіе опредѣленной позиціи лишаетъ силы производимыя въ дальнѣйшемъ построенія. Это бываетъ тогда, когда сама позиція уже предполагаетъ то, что думаютъ доказывать. Въ логикѣ такого рода доказательства называются „порочнымъ кругомъ". Иногда люди такъ свыкаются съ принципами своего міросозерцанія, что считаютъ ихъ общеобязательными, неопровержимыми аксіомами. Незамѣтно для себя самихъ они аппеллируютъ къ нимъ даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ нужно бываетъ оправдать самую позицію, занятую ими.

Доводы противъ религіи, приводимые ея отрицателями отъ имени науки, заключаютъ въ себѣ такого рода „petitio principii". Религія, если она не замѣняется „религіознымъ чувствомъ" или моралью, всегда предполагаетъ источникомъ своихъ истинъ фактъ непосредственнаго общенія съ божествомъ. Всѣ же доводы, исходящіе отъ такъ называемаго „научнаго міросозерцанія", строятся въ томъ предположеніи, что намъ не можетъ быть дано ничего, кромѣ явленій природы, и что слѣдовательно никакого иного источника истины, кромѣ науки, нѣтъ. Неудивительно, если затѣмъ эта „научная критика" приходитъ къ отрицанію религіи: вѣдь она уже заранѣе отрицаетъ самый источникъ религіозныхъ истинъ.

Нельзя отожествлять самое религію съ вѣрованіями и культомъ. Культъ—это лишь внѣшняя форма богообщенія. Существо религіи для вѣрующихъ заключается не въ формѣ, а въ самомъ *фактѣ* богообщенія. Что же касается вѣроученія, то оно является производнымъ отъ этого факта.

Могутъ сказать на это, что признаніе факта богообщенія есть тоже одно изъ вѣрованій, хотя бы и основное. Однако для людей религіознаго жизнечувствія религія заключается не въ вѣрованіи въ этотъ фактъ, не въ признаніи его, а въ самомъ фактѣ. Если ученый изслѣдователь утверждаетъ, что такого факта не существуетъ, а существуетъ лишь вѣра въ него, то на языкѣ вѣрующаго это значитъ, что не существуетъ *религіи*. Отрицаніе же религіи, вытекающее изъ отрицанія религіи, ни для кого не убѣдительно.

Для уничтоженія религіи нужно было бы показать, что переживаніе, принимаемое за общеніе съ Богомъ, на самомъ дѣлѣ не можетъ имѣть такого значенія. Но я думаю, что тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о значимости воспріятія, доказывать что либо можетъ лишь тотъ, кто

самъ это воспріятіе имѣлъ. Недовѣріе къ нему, создающееся у человѣка, его не знающаго, можетъ обусловливаться особымъ чувствомъ жизни, особымъ настроеніемъ, духовнымъ складомъ, но не тѣми или иными доводами.

М. Гюйо же думаетъ, что, обнаруживая несостоятельность религіозныхъ *вѣрованій* съ точки зрѣнія науки, можно покончить съ самой религіей. Это потому, что религія для него вся сводится къ вѣрованіямъ и культу. Вѣрованія же по его мнѣнію являются лишь „попытками ненаучнаго толкованія явленій природы“. Если это такъ, то само собою разумѣется, что наука должна уничтожить религіозныя вѣрованія. Вѣдь плохая наука должна неизбѣжно уступить мѣсто хорошей.

Если бы религіозныя вѣрованія дѣйствительно не заключали въ себѣ ничего, кромѣ ошибочныхъ толкованій явленій природы, то М. Гюйо удалось бы, не уничтожая, правда, религіи, доказать по крайней мѣрѣ ложность всѣхъ религіозныхъ ученій, до сихъ поръ существовавшихъ. Но такъ какъ религіозныя истины не могутъ быть сведены всецѣло къ истолкованію того, что совершается въ природѣ, то предпріятіе М. Гюйо не могло удаться.

Въ религіозныхъ вѣрованіяхъ играетъ огромную роль идея чуда, которую нельзя истолковывать, какъ попытку объяснить какое либо явленіе природы. Чудо всегда понималось, какъ нѣчто необычное, возможное лишь для какихъ-то сверхчеловѣческихъ силъ. Поэтому, когда дѣло идетъ о вѣрованіи въ чудо, научная критика теряетъ свою силу. М. Гюйо, правда, думаетъ, будто наука доказала невозможность чудесъ. Но вѣдь всякій разъ, когда наука доказываетъ невозможность того или иного чуда, т. е. указываетъ на нарушеніе въ данномъ чудѣ такъ называемыхъ законовъ природы, она только подтверждаетъ, что данное чудо—дѣйствительно *чудо*. Но возможно ли вообще то, что невозможно съ точки зрѣнія законовъ природы,—это уже особый вопросъ.

Научное *описаніе* явленій природы, конечно, не мирится съ чудомъ. Наука перестала бы быть наукой, если бы она отказалась отъ идеи закономѣрности. Эта идея—ея регулятивный принципъ. Но научное описаніе не охватываетъ всей реальности. Если бы это было такъ, чудо, конечно, было бы немыслимымъ. На самомъ же дѣлѣ наука не можетъ ставить себѣ такихъ задачъ, и то, что не вмѣщается въ рамки научнаго описанія, строго говоря, не должно разсматриваться, какъ абсолютно невозможное. Наука такимъ образомъ устраняетъ чудо не изъ реальности, а изъ своего описанія реальности.

Въ качествѣ „хорошей физики“ наука разрушаетъ лишь вѣрованія, дѣйствительно могущія быть названными плохой физикой. Вѣрованіе въ то, что на небѣ есть резервуары съ водой, изъ которыхъ она въ видѣ дождя льется на землю, относится къ области плохой метеорологіи,—и наука должна замѣнить его болѣе правильнымъ описаніемъ этого явленія. Но никакая наука не докажетъ, что жезлъ Аарона не *могъ* расцвѣсть, какъ бы ни была наивна вѣра въ этотъ фокусъ.

Рѣшить вопросъ о возможности или невозможности чуда могла бы только философія. Въ зависимости отъ того, какъ смотритъ та или иная философская система на „законы природы“, она могла бы или подчинять все бытіе абсолютной закономѣрности, или допускать преодолѣніе законовъ міра сего, или, наконецъ, вообще отрицать закономѣрность.

Затѣмъ, помимо идеи чуда есть цѣлый рядъ вѣрованій, тоже совершенно не сталкивающихся съ истинами науки. Такова вся религіозная метафизика. Вѣра во множественность духовныхъ субстанцій, въ ихъ неуничтожимость, и сама вѣра въ божество, какъ въ полноту бытія, выводятъ насъ за предѣлы доступнаго научному описанію.

Оцѣнка религіозной метафизики всегда производилась философіей религіи. И М. Гюйо слѣдовало бы посчитаться хотя бы съ фактомъ существованія такой дисциплины. Но она создана „нѣмцами“, страсть которыхъ къ глубокомысленнымъ религіозно-метафизическимъ построеніямъ представляется М. Гюйо чѣмъ-то въ родѣ національной болѣзни. Поэтому смущать М. Гюйо она не можетъ. Намъ, не чуждымъ той же болѣзни, какъ-то странно однако читать серьезную книгу, подводящую вплотную къ общимъ вопросамъ философіи религіи, останавливающуюся на взглядахъ М. Мюллера и Г. Спенсера, но даже не упоминающую о религіозно-философскихъ концепціяхъ Шеллинга, Гегеля, Лейбница.

Все метафизическое содержаніе религіи М. Гюйо выводитъ цѣликомъ изъ того же ненаучнаго объясненія *явленій природы*. У дикаря по его мнѣнію не было никакой метафизики, а была только плохая наука. „Всякая религія, говоритъ онъ, вначалѣ является ошибочной физикой“. Метафизика вообще не отрицается имъ, но она для него лишь система универсальныхъ истинъ. „Всякой истинѣ и всякому заблужденію можно придать универсальный характеръ“ и такимъ образомъ сдѣлать изъ этихъ истинъ—истины метафизическія. „Все, что изгоняется природой, стремится принять метафизическій харак-

теръ, всякая ошибка, продолжающая существовать вопреки развитію опыта, становится удивительно тонкой и прячется въ небѣ, въ сферѣ болѣе недоступной". По мнѣнію М. Гюйо религіозная метафизика такимъ именно путемъ и создавалась.

Само собою разумѣется, что такое пониманіе религіозной метафизики непріемлемо не только для вѣрующаго, но даже и для большинства философовъ. Допустимъ даже, что такъ называемые метафизическіе запросы суть запросы незаконные, но и тогда ихъ нельзя свести лишь къ потребности въ универсальныхъ истинахъ. Надо думать, что эти запросы имѣютъ самостоятельное значеніе, и что метафизика плохая такъ же не рождается отъ плохой науки, какъ метафизика хорошая не рождается отъ науки хорошей. А если такъ, то у дикаря могла быть плохая метафизика, въ которой и нужно искать начала метафизики религіозной, при чемъ эта послѣдняя, подобно наукѣ, могла впослѣдствіи становиться болѣе „хорошей".

У дикаря не только было свое объясненіе явленій природы, но и извѣстное проникновеніе въ самую жизнь природы. Отношеніе его къ жизни отнюдь не могло исчерпываться *объясненіемъ* ея процессовъ. Его сознаніе заключало въ себѣ всѣ элементы цѣльнаго міроотношенія. Уже по этому одному оно не чуждо было ни метафизическихъ, ни моральныхъ запросовъ. Нѣтъ ничего противонаучнаго въ томъ допущеніи, что религія всегда, какъ утверждалъ Фихте, заключала въ себѣ метафизику. Но религіозная метафизика, если она является плохой метафизикой, подлежитъ не суду науки, а суду философіи.

Недостаточность естественной науки для критики всего содержанія религіозныхъ вѣрованій заставляетъ людей, настроенныхъ антирелигіозно, видѣть болѣе сильное оружіе въ *исторіи религіи*. Эта наука, правда, менѣе разработана, но именно въ ней ищутъ самыхъ убѣдительныхъ доводовъ противъ религіи: слишкомъ ужъ заманчивой представляется возможность объяснить всѣ вѣрованія естественными ошибками слабаго сознанія человѣка, стоящаго на низшей ступени развитія. М. Гюйо думаетъ, что „дать исторію религіи,—значитъ дать ея критику".

Исторія религіи даетъ, несомнѣнно, много цѣннаго матеріала для критики религіозныхъ вѣрованій. Она можетъ вскрыть ошибочность не только „плохой физики", но и тѣхъ вѣрованій, которыя не могутъ быть опровергнуты естественною наукой. Однако же пользоваться ея данными нужно гораздо осмотрительнѣе, чѣмъ это дѣлаетъ М. Гюйо.

М. Гюйо полагаетъ, повидимому, что исторія религіи не только выясняетъ происхожденіе тѣхъ или иныхъ вѣрованій, но можетъ даже служить основаніемъ для опредѣленія самой сущности религіи. Предъявляя къ исторіи религіи такія требованія, онъ къ тому же беретъ въ этомъ случаѣ даже не всю исторію религіи, а преимущественно исторію первобытной религіи. Ему кажется, что сущность религіи можно уяснить себѣ, только раскрывъ содержаніе примитивныхъ религіозныхъ вѣрованій. Онъ хочетъ судить о дубѣ по желудю.

Что сказали бы мы объ историкѣ живописи, который, желая раскрыть сущность ея, сталъ бы считаться прежде всего съ рисунками людей каменнаго вѣка? Или объ историкѣ литературы, который поэзіей въ собственномъ смыслѣ считалъ бы лишь эпосъ, въ лирикѣ же и въ сатирѣ видѣлъ бы уже нѣчто отличное отъ поэзіи *по существу?* Но развѣ не въ такомъ положеніи находятся и тѣ историки религіи, которые въ своемъ опредѣленіи религіи имѣютъ въ виду главнымъ образомъ примитивную религію нашихъ отдаленныхъ предковъ.

Однако, опредѣляя сущность религіи на основаніи исторіи первобытной культуры, М. Гюйо недостаточно внимательно отнесся даже къ даннымъ этой науки. Исторія культуры не обязываетъ насъ видѣть въ первобытной религіи только одну „ошибочную физику". Есть нѣчто, что предшествуетъ всякому вѣрованію и что однако не заключается въ попыткѣ истолковать явленія природы. Раньше истолкованія природы стоитъ *участіе* человѣка въ ея *жизни*. Первобытный человѣкъ принимаетъ непосредственное участіе въ дѣйствіяхъ окружающихъ его существъ. Изъ *дѣйствій* рождается культъ, а изъ культа—миѳы и всѣ вѣрованія.

Непосредственное участіе въ жизни другихъ существъ—въ жизни существъ болѣе сильныхъ, страшныхъ, прекрасныхъ, страдающихъ и блаженствующихъ — это первоначальная форма того богообщенія, о которомъ я говорилъ выше, какъ объ источникѣ религіозныхъ вѣрованій. Если переживаніе такого участія въ жизни какой-то силы есть подлинно общеніе съ Богомъ, то религія возможна; если это нѣчто иное, если богоощущеніе есть обманчивое ощущеніе, то религіи нѣтъ. Но какъ бы ни рѣшала этотъ вопросъ философія религіи, для науки исторіи религіи остается въ силѣ тотъ фактъ, что вѣрованія и культъ возникаютъ не изъ интеллектуальной дѣятельности сознанія, а изъ общей дѣятельности человѣческаго „я", живущаго одной жизнью съ какими-то нечеловѣческими, сверхчеловѣческими силами.

Называя эту форму богообщенія первоначальной, я не предрѣшаю

вопроса о началѣ религіи и не устраняю возможности первоначальной болѣе совершенной религіи, о которой говорятъ нѣкоторые богословы. Я имѣю въ виду лишь то относительное начало, о которомъ научная исторія религіи можетъ высказываться хотя бы гипотетически. Вѣдь для М. Гюйо только научная исторія религіи и имѣетъ значеніе.

Участіе въ жизни боговъ отнюдь не было простой имитаціей ихъ дѣйствій. Оно заключалось въ особаго рода мистическомъ опытѣ. Объясняя возникновеніе религіозныхъ вѣрованій, М. Гюйо долженъ былъ бы посчитаться съ фактомъ такого рода переживаній у первобытныхъ людей, если бы даже признаніе такого факта было лишь одной изъ гипотезъ. Но ему помѣшало это сдѣлать его странное пониманіе мистическаго опыта, не оправдываемое ни исторіею, ни философіей.

„Мистикомъ", говоритъ М. Гюйо, „является тотъ, кто, чувствуя неудовлетворительность и пустоту позитивной религіи, хочетъ избыткомъ чувства восполнить бѣдность и узость догмы". Ошибочность такого пониманія мистицизма очевидна. Видѣть въ мистическомъ опытѣ только „избытокъ чувства" по меньшей мѣрѣ странно. Нельзя не считаться съ тѣмъ, что мистическія переживанія даются испытывающимъ ихъ съ той принудительной силой, какою вообще обладаетъ только подлинный опытъ. Они носятъ совершенно опредѣленный характеръ опыта о чемъ-то, существующемъ независимо отъ сознанія человѣка. Чувство же само по себѣ, какъ бы ни было оно интенсивно, этимъ признакомъ не обладаетъ. Пусть съ точки зрѣнія раціоналиста или позитивиста знаніе мистика есть „ложное" знаніе, пусть его можно объяснить какими либо патологическими состояніями нервной системы, но это все же не „избытокъ чувства".

Непониманіе сущности мистическаго опыта привело, вѣроятно, М. Гюйо къ тому предположенію, будто первобытная религія была совершенно свободна отъ всякой мистики. „Божественный экстазъ, безпокойство, причиняемое ощущеніемъ глубинъ жизни,—все это, говоритъ М. Гюйо, отсутствовало у первобытныхъ людей" [1]). Какія основанія имѣетъ М. Гюйо настаивать на этомъ? Не выводъ ли это уже изъ той гипотезы, будто первобытная религія была только „ошибочной физикой"? Но вѣдь эта гипотеза сама уже построена на созна-

---

[1]) Въ другомъ мѣстѣ онъ высказываетъ эту мысль еще рѣшительнѣе. „Религіи родились не въ сердцѣ человѣка: онѣ навязаны ему извнѣ его глазами и ушами *рѣшительно ничего мистическаго въ ихъ началѣ не было*".

тельномъ отрицаніи мистики въ первобытной религіи. По крайней мѣрѣ безъ такого отрицанія она становится совершенно произвольной.

Среди дикарей, а по нимъ М. Гюйо только и можетъ судить о „первобытномъ“ человѣкѣ,—нѣтъ, конечно, людей, которые желали бы „избыткомъ чувства восполнить узость и бѣдность догмы“. Но мистическій опытъ — быть можетъ сильно затемненный именно „избыткомъ“ природныхъ чувствъ и инстинктовъ—у нихъ все же бываетъ. Экстазъ, въ которомъ человѣческое „я“ постигаетъ „глубины жизни“, имъ знакомъ. Колдуны, шаманы, жрецы-прорицатели вовсе не занимаются объясненіемъ явленій природы, а общаются съ какими-то существами, живущими въ природѣ или въ иномъ сверхприродномъ мірѣ. Народныя же массы по временамъ охватываются особымъ восторгомъ или ужасомъ жертвеннаго общенія съ божественными силами, участвуя въ жизни этихъ силъ. Формы такого общенія, когда онѣ застываютъ въ опредѣленныхъ обычаяхъ, образуютъ то, что мы называемъ культомъ.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что самый существенный для исторіи религіи вопросъ—о значеніи, какое имѣютъ мистическія переживанія въ первобытной религіи—рѣшается М. Гюйо по меньшей мѣрѣ слишкомъ поспѣшно. Критики мистицизма вообще мы напрасно стали бы искать въ его книгѣ. Онъ ограничивается лишь его моральнымъ осужденіемъ, въ которомъ есть, какъ мы увидимъ, кое-что вѣрное, но которое не можетъ имѣть никакого научнаго значенія.

Что касается гипотезъ о возникновеніи тѣхъ или иныхъ частныхъ вѣрованій, то подвергать ихъ научной критикѣ я не собираюсь. Тѣмъ болѣе, что и самъ М. Гюйо писалъ свою книгу не въ цѣляхъ чисто научныхъ. Имъ руководило желаніе „противопоставить трудамъ о религіи будущаго идею иррелигіозности будущаго“. Но въ его научныхъ построеніяхъ есть одинъ моментъ, мимо котораго мнѣ не хотѣлось бы пройти.

„Еще никто“, говоритъ М. Гюйо, „не смотрѣлъ на религію, какъ на идею общественной связи между человѣкомъ и высшими силами“. О религіи, какъ о *связи*, конечно, говорили многіе. Еще у Цицерона, какъ извѣстно, встрѣчается подобное опредѣленіе слова „religio“. Но что у М. Гюйо дѣйствительно болѣе или менѣе ново—это характеристика самой „связи“, какъ связи *общественной*. Идея общественной связи родилась по мнѣнію М. Гюйо ex analogia societatis humanae. „Универсальный соціоморфизмъ“—вотъ что такое религіозная вѣра.

Однако, соціоморфизмъ является лишь частнымъ случаемъ антропоморфизма вообще. И поскольку справедливо указаніе историковъ культуры на антропоморфическій характеръ (еще общѣе: зооморфическій) первобытныхъ религіозныхъ представленій, постольку же, конечно, правъ и М. Гюйо, когда подчеркиваетъ ихъ соціоморфизмъ. Но мнѣ кажется, что увлекшись новой мыслью, М. Гюйо преувеличилъ ея значеніе. Соціоморфизмъ заслонилъ у него собою другія стороны антропоморфизма, столь же, если не болѣе, изначальныя. Первобытный человѣкъ мыслилъ отношенія между вещами и всѣми вообще существами по типу человѣческихъ отношеній. Но это еще не значитъ, чтобы онъ мыслилъ ихъ всегда соціоморфически. Между людьми съ самаго начала существовали не только общественныя связи, но и отношенія иного порядка.

Человѣкъ наблюдалъ человѣка не только, какъ члена того общественнаго цѣлаго, къ которому принадлежитъ онъ самъ. Поэтому отношенія человѣческія включали въ себя и отношенія междуплеменныя. И мы видимъ, что въ миѳахъ отношенія между богами и людьми строятся нерѣдко по типу этихъ межплеменныхъ отношеній. Каждое племя, поклонявшееся своему богу, не отрицало существованія боговъ иныхъ племенъ, и находилось съ ними въ такихъ же отношеніяхъ, въ какихъ и съ самими племенами. А по этому „типу“ мыслились и отношенія между богами природы. Можно ли, слѣдовательно, говорить о преобладающемъ значеніи соціоморфизма въ примитивныхъ религіяхъ?

Кромѣ того, для пониманія первобытныхъ вѣрованій важно не то, какъ могъ *мыслить* человѣкъ отношенія между богами и людьми. Важно то *дѣйственное состояніе* человѣка, которое для него означало участіе въ жизни божества. Это состояніе, естественно, заключалось въ общеніи съ ними, которое однако же уже не вытекало ни изъ какой *аналогіи*, а являлось изначальнымъ фактомъ. Скорѣе можно было бы сказать, что отношенія между людьми иногда мыслились по типу отношенія между людьми и богами, если бы и здѣсь на первомъ планѣ не стояло нѣчто гораздо болѣе глубокое, чѣмъ „analogia“.

Въ жизни древнихъ обществъ бывали моменты, когда укладъ родового быта временно разрушался. Люди впадали въ изступленное состояніе, бросали дома свои и цѣлыми толпами бѣжали въ горы и въ лѣса, слившись во-едино, охваченные таинственной силой экстатической любви, доводившей ихъ до самоистязанія и насилій надъ живыми существами. Неистовыя оргіи были формой ихъ богообщенія,

ихъ участія въ радостяхъ и страданіяхъ божества [1]). Въ эти моменты общеніе естественно теряло совершенно характеръ соціальнаго. Вѣдь „общества" не существуетъ тамъ, гдѣ общеніе не регулируется нормами, обезпечивающими успѣхъ совмѣстной дѣятельности. Хоръ—символъ этого особаго общенія. Трагическая маска—символъ того слiянія съ божествомъ, въ которомъ люди принимали на себя его личину. Они превращались въ иныя существа, становясь то Діонисомъ, то Деметрой, то козломъ, то волкомъ. И сами боги нерѣдко составляли единое „божественное", въ которомъ уже не было никакой дифференціаціи. Они именовались просто „богъ".

Надо думать, что этотъ типъ общенія первоначальнѣе „соціальной" формы жизни, несмотря на все его „безуміе". Безумная игра знакома даже животнымъ, еще не знающимъ „общественной нормы". И если было когда либо первое, величайшее откровеніе Бога людямъ, то не пришло ли оно въ моментъ такого безумія? Во всякомъ случаѣ, какой бы типъ общенія ни былъ болѣе первоначальнымъ, оба они достаточно древни. И историку религіи приходится считаться не съ одними только объясненіями ex analogia societatis humanae.

М. Гюйо говоритъ, что его „нельзя упрекнуть въ незнаніи религіозной проблемы", потому что онъ „терпѣливо изслѣдовалъ ее во всѣхъ видахъ". И мы охотно вѣримъ этому. Если же онъ не придалъ значенія вопросу о роли мистическихъ движеній и мистическаго богообщенія въ возникновеніи религіи, то не въ силу незнанія или недостатка терпѣнія. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что М. Гюйо изучалъ исторію религіи крайне добросовѣстно. Но нужно помнить, что для историка религіи далеко недостаточно добросовѣстнаго изученія матеріаловъ. Кромѣ „знанія проблемы" необходимо еще пониманіе ея. Можно ли написать исторію музыки, не понимая музыки, а только зная о ней многое? Еще труднѣе писать исторію религіи тому, для кого религіи, какъ таковой, не существуетъ, кто внутренно ей чуждъ? М. Гюйо, пытающійся съ помощью исторіи религіи дать ея критику, производитъ именно такое впечатлѣніе. У него просто отсутствуетъ вкусъ къ религіи, а потому нѣтъ и пониманія ея.

Весьма характерной для его пониманія религіи является та моральная оцѣнка мистицизма, какую даетъ М. Гюйо. Я останавливаюсь на ней, потому что посвященныя ей страницы представляютъ, пожалуй, одно изъ интереснѣйшихъ мѣстъ въ книгѣ М. Гюйо.

---

[1]) См. объ этомъ работу Вяч. Иванова „Религія страдающаго Бога", помѣщ. въ „Новомъ Пути", и Pater, Griechische Studien.

Въ мистицизмѣ, по мнѣнію М. Гюйо, заключается серьезная моральная опасность. Въ мистикѣ утверждается любовь къ божеству, закрывающая доступъ въ человѣческую душу болѣе моральной любви къ людямъ. „Богъ и міръ представляютъ собой тѣ два полюса, между которыми распредѣляется наша чувствительность: каждый изъ насъ болѣе или менѣе выбираетъ между ними. Поэтому религіозныя секты во всѣ времена чувствовали возможность противопоставленія между абсолютной любовью къ Богу и любовью къ людямъ“. Съ искреннимъ сокрушеніемъ М. Гюйо восклицаетъ: „когда въ средніе вѣка всѣ страсти были направлены на небо, сколько силъ было отнято у земли и человѣческой жизни!“ „Интеллектуальная и моральная эволюція, продолжаетъ онъ далѣе, приводитъ въ наши дни къ противоположному результату... Не наблюдается ли въ настоящее время нѣкотораго рода замѣна любви къ Богу любовью къ человѣку?“

Въ критикѣ мистической любви съ точки зрѣнія морали есть много вѣрнаго. Несомнѣнно, есть въ мистической любви къ Богу нѣчто противорѣчащее той морали, какую имѣетъ въ виду М. Гюйо, морали, раздѣляемой вмѣстѣ съ нимъ большинствомъ современныхъ культурныхъ людей. Это—мораль гуманизма. Любовь къ людямъ—высшая и пожалуй единственная заповѣдь гуманистической этики. Гуманизмъ же по самому существу своему враждебенъ мистицизму. Враждебность эта дѣйствительно чувствовалась во всѣ времена религіозными сектами. Мистика отвлекаетъ человѣка отъ земли, и М. Гюйо совершенно основательно обвиняетъ средневѣковой мистицизмъ въ уронѣ, нанесенномъ имъ „землѣ“. Какое либо примиреніе между моралью чисто гуманистическою и религіозною невозможно.

Но совершенно напрасно М. Гюйо представляетъ себѣ дѣло такъ, будто здѣсь играетъ роль лишь неспособность человѣка направить свои чувства одновременно на два объекта—на Бога и на человѣчество. На самомъ дѣлѣ противоположность существуетъ не между любовью къ Богу и любовью къ людямъ, а между любовью мистической и любовью, какую знаютъ и утверждаютъ гуманисты. Здѣсь важны не объекты, на которые направлена любовь, а самый характеръ любви. Непримиримы не любовь къ Богу съ любовью къ людямъ, а мистическая любовь къ Богу и къ людямъ съ любовью гуманистической. Когда Гюйо говоритъ о любви мистиковъ къ Богу и объ освящаемой его моралью любви къ людямъ, какъ о чувствахъ, взаимно устраняющихъ одно другое, онъ совершенно правъ. Но онъ былъ бы еще болѣе правъ, если бы противопоставилъ точно такъ же

своей гуманистической любви къ людямъ мистическую любовь къ тѣмъ же людямъ. Съ его точки зрѣнія, эта послѣдняя, быть можетъ, была бы еще болѣе опасной, чѣмъ любовь къ Богу сама по себѣ.

У мистиковъ есть и любовь къ Богу и любовь къ людямъ. Для мистической любви нѣтъ необходимости выбирать. Любовь же гуманистовъ не можетъ направляться одновременно на два столь различные объекта, какъ Богъ и человѣчество. Ихъ любовь дѣйствительно есть только любовь къ людямъ. Если они и говорятъ иногда о Богѣ, то лишь, какъ объ абсолютѣ, объ идеалѣ, или о какомъ-то невѣдомомъ цѣломъ космоса. Любовь къ такому несуществующему Богу не можетъ быть уже любовью: она обращается въ amor dei intellectualis.

Мистическая любовь — это любовь экстазъ, любовь, выводящая за предѣлы подзаконныхъ природныхъ отношеній. Не состраданіе и не благожелательство, не страсть и не любованіе, не разграниченіе интересовъ и не солидарность чувствъ и стремленій, а восторгъ *слiянiя*,—вотъ что составляетъ содержаніе мистической любви. Это внутреннее глубочайшее проникновеніе двухъ или многихъ „я“ другъ въ друга, когда изъ двухъ, трехъ, многихъ образуется двуединое, тріединое, множественно-единое. Законовъ природы не существуетъ для такой любви. Поэтому для нея не существуетъ и исключительности: она можетъ стать безконечно широкой, не утрачивая своей интенсивности. Но она чужда не только исключительности, но и безразличію: она охватываетъ собой лишь то, что ею же можетъ быть проникнуто, лишь то, что волею своею,—хотя бы и не сознавая этого, стремится къ Божеству.

Гуманистическая мораль требуетъ иной любви—любви исключительной и въ то же время безразличной. Интенсивность ея повышается по мѣрѣ того, какъ кругъ объектовъ ея съуживается. Но она можетъ направляться на всякое существо, если только этому не препятствуютъ законы природы и общественныя нормы. Это любовь, оставляющая двухъ двумя, но заставляющая каждаго принимать во вниманіе интересы и благо другого. И если мистическая любовь къ людямъ даже невозможна внѣ общей любви къ Богу, то гуманистическая любовь къ человѣку, конечно, исчезла бы, если бы она была направлена на Бога.

Для мистика Богъ и міръ не два полюса, но и не одно и то же. И, что особенно важно, именно въ тѣхъ случаяхъ, когда Богъ и міръ воспринимаются, какъ одно, мистическая любовь дѣйствительно

приближается больше къ любви гуманистической, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, что въ нее тогда закрадывается моментъ исключительности. Мистицизмъ, носящій односторонній пантеистическій характеръ, такъ же точно раздваиваетъ свою любовь, какъ и чуждый мистицизму, грубо раціоналистическій теизмъ. Любовь къ Богу, какъ къ единому всепроникающему началу міра, любовь ко всему, убиваетъ живую восторженную любовь къ человѣку. Перенося́сь же на человѣка, она уже дѣлается любовью гуманистической, чуждой всякаго ощущенія Бога.

Мистицизмъ, поднявшійся отъ простого пантеизма къ синтезу пантеизма съ теизмомъ, какъ это мы наблюдаемъ въ мистицизмѣ платоническомъ и христіанскомъ, уже знаетъ, что Богъ и міръ не одно и то же. Но для него Богъ и міръ—не два полюса, какъ думаетъ М. Гюйо, а множество, могущее стать множественно единымъ. Поэтому мистикъ этого типа совершенно естественно не представлялъ себѣ любви къ Богу внѣ любви ко многимъ, поскольку эти многіе могутъ быть наполнены той же любовью. И даже не только многіе люди, но многіе цвѣты, птицы, волки и рыбы становились иногда объектомъ мистической любви, любви, призывавшей и ихъ все къ тому же Богу.

Пусть любовь къ Богу менѣе моральна, чѣмъ любовь къ человѣчеству, пусть въ мистицизмѣ есть моральная опасность. Но вѣдь мистики и не стремились бы оправдать себя предъ моралью гуманистически настроеннаго М. Гюйо. Они знаютъ иную мораль, съ точки зрѣнія которой, все, что не холодно и не горячо, есть мерзость „предъ Богомъ“. И эта мораль гласитъ: не можетъ быть истинно-пламенной любви ко многимъ, внѣ любви къ единому источнику любви, ибо тогда это будетъ спокойная любовь многихъ, не дѣлающая ихъ единымъ.

Однако, для М. Гюйо не можетъ имѣть значенія эта иная мораль. Вѣдь ея не существуетъ, если не существуетъ Бога, если Богъ былъ нуженъ лишь для „ошибочной физики“. Мы должны поэтому согласиться, что моральное осужденіе, которому подвергъ М. Гюйо мистицизмъ, остается въ силѣ для всѣхъ, занимающихъ ту позицію по отношенію къ религіи, которую занимаетъ М. Гюйо. Нужно помнить только, что людей, вѣрящихъ въ фактъ богообщенія, не смутитъ никакое самое искреннее, самое добродѣтельное негодованіе по адресу любви, уводящей отъ „земли“, отъ той земли, какою знаютъ ее люди, отметающіе себя отъ божества.

Непониманіе духа религіи заставляетъ М. Гюйо столь же поверхностно относиться къ религіозному символизму. Онъ видитъ въ немъ лишь признакъ разложенія религіи. Символизмъ, къ которому прибѣгаютъ часто либеральные богословы, дѣйствительно можетъ разсматриваться, какъ симптомъ упадка вѣры. Но М. Гюйо представляется, что никакого иного смысла религіозный символизмъ вообще не имѣетъ и никогда не имѣлъ.

Здѣсь сказывается отсутствіе того чувства, которое помогаетъ отличить символизмъ упадка религіи отъ символизма живой религіи. Для всякаго, кто улавливаетъ въ религіи ея подлинное содержаніе, ясно, что есть два символизма. Одинъ—первоначальнѣе, глубже самой „физики“, такъ какъ это символизмъ мистики. Изъ него-то и рождаются вѣрованія, миѳы, принимаемые М. Гюйо за простое истолкованіе явленій природы. Другой является лишь компромиссомъ, на который рѣшается человѣческій разумъ, когда онъ не въ состояніи бываетъ рѣшительно покончить съ неразумными вѣрованіями. Религія не существуетъ внѣ мистицизма, мистическій опытъ, какъ я выше говорилъ,—начало религіи. Но мистицизмъ невозможенъ безъ символизма. Содержаніе мистическаго опыта прежде всего выражается въ символахъ. Въ такомъ случаѣ символъ — не просто аллегорія, не иносказательная фигура, а обозначеніе ирраціональнаго факта, факта, не укладывающагося въ рамки человѣческой мысли. Религіозный символъ связывается въ сознаніи съ особаго рода ощущеніемъ религіозной правды, правды богообщенія. Миѳы, даже когда они заключаютъ въ себѣ начало ошибочной физики, берутся религіознымъ сознаніемъ не просто, какъ описаніе тѣхъ или иныхъ явленій, а во всей полнотѣ ихъ содержанія. Содержаніе же это отнюдь не исчерпывается „представленіемъ“. Важнѣйшимъ моментомъ въ немъ является символъ ирраціональнаго. Вѣдь въ концѣ концовъ для насъ яснымъ становится, что всѣ наши представленія, если они берутся не какъ представленія, не въ отвлеченьи отъ всего остальнаго содержанія сознанія,—являются символами бытія. *Прежде символъ*, какъ выраженіе полноты факта со всѣмъ его внутреннимъ содержаніемъ, интуитивно улавливающее внутреннюю жизнь вещей,—а *затѣмъ* уже *представленія*, выдѣленныя, абстрагированныя отъ полноты содержанія символа. И надо думать, что мысль первобытнаго человѣка была не отвлеченной мыслью, связывающей „понятія“, а именно игрою символовъ. Но символы, конечно, не аллегоріи, это не замѣна мысли, идеи—образомъ, не нарочитая подстановка подъ „догматъ“—той или

иной моральной сентенціи. Аллегоризмъ даже въ сущности не можетъ быть названъ религіознымъ символизмомъ. Въ немъ нѣтъ уже тѣхъ чертъ, которыя дѣлаютъ символизмъ символизмомъ: съ нимъ не связывается ощущеніе тайны, ощущеніе неопредѣленности, неисчерпаемости, у него нѣтъ той глубины, которая позволяла бы находить въ символѣ постоянно все болѣе и болѣе богатое содержаніе, не находя ему конца.

Когда въ религію начинаетъ проникать символизмъ,—необходимо прежде всего попытаться опредѣлить, какой это символизмъ, возрожденіе ли это символизма мистики, символизма, предшествующаго появленію закрѣпленныхъ, раціонализированныхъ догматовъ, или наоборотъ символизмъ словесный, строящійся на аллегоріи и служащій признакомъ упадка подлинной вѣры. Изъ исторіи христіанства мы знаемъ, какъ на почвѣ мистическаго настроенія, царившаго въ „общинахъ святыхъ", возрождался символизмъ перваго рода, какъ живо и богато было у нихъ ощущеніе тайны, сознаніе внутренней правды, сокрытой въ „фактахъ". Позднѣе этотъ символизмъ мистики замѣнился обязательнымъ, на внѣшнемъ авторитетѣ основаннымъ исповѣданіемъ совершенно опредѣленныхъ „истолкованій" природы и исторіи. Наконецъ, эта „ошибочная физика" и извращенная исторія обратились въ систему аллегорій, охраняемыхъ въ чисто моралистическихъ цѣляхъ „либеральными богословами", или, что то же, консервативными философами.

Но въ то же время мы знаемъ, что всякій разъ, когда въ исторіи христіанства возрождались мистическія движенія, мистики-философы, наравнѣ съ мистиками-нищими, возрождали символизмъ. Что же, символизмъ Экгарта, Бёме, Таулера, Николая Кузанскаго былъ символизмомъ либеральныхъ богослововъ или же подлинно мистическимъ символизмомъ? А что такое символизмъ христіанскихъ гностиковъ, символизмъ поклонниковъ Митры, Гермеса, Адониса, Изиды? „Физика" это или либеральныя аллегоріи? Я думаю, что тотъ, кто способенъ ощущать „символъ" въ истинномъ смыслѣ этого слова, знаетъ, что это и не „физика" и не „аллегорія".

М. Гюйо предостерегаетъ насъ отъ переоцѣнки той мудрости, какую нѣкоторые философы отыскиваютъ въ вѣрованіяхъ старыхъ, вѣками освященныхъ религій. Онъ убѣжденъ, что современные интерпретаторы вкладываютъ въ такихъ случаяхъ въ символы отжившихъ эпохъ свои глубокія мысли. На самомъ же дѣлѣ у необразованныхъ народовъ тѣхъ временъ особенно глубокихъ мыслей не могло быть.

Переоцѣнка древней мудрости, дѣйствительно, опасна, такъ какъ она извращаетъ истину. Но въ такой же мѣрѣ извращаетъ ее и легкомысленная недооцѣнка ея. М. Гюйо не можетъ себѣ представить, чтобы хоть въ чемъ-нибудь „древніе" были мудрѣе насъ. Онъ захлебывается отъ восторга, когда говоритъ о нашей культурѣ, объ успѣхахъ, сдѣланныхъ наукой, техникой, даже обществами страхованій... Самодовольство европейскаго буржуа, считающаго свою „культуру" во всемъ безмѣрно превосходящей всѣ остальныя, сквозитъ въ каждой строчкѣ его книги; это наивное самодовольство варвара, еще не уставшаго и не ощутившаго пустоты своей варварской культуры. Именно *мудрости*-то этимъ варварамъ и не хватаетъ. Ибо мудрость прежде всего чужда слѣпому самодовольству. Древніе люди, мудрецы, отправлявшіе тайные культы Изиды, Адониса, Митры и Христа, не умѣли строить броненосцевъ и воздушныхъ кораблей, не знали электрическаго освѣщенія и были невѣждами въ области физіологіи. Этого для М. Гюйо достаточно, чтобы заподозрить всю „мудрость" древнихъ. Онъ почему-то думаетъ, будто исторія движется по прямой линіи, будто прогрессъ такъ ужъ неуклоненъ, и будто болѣе поздняя культура во всемъ непремѣнно выше болѣе ранней. Не вульгарная ли метафизика „эволюціи" скрыта за этимъ убѣжденіемъ почтеннаго философа? Или, быть можетъ, здѣсь говоритъ простое нежеланіе понять и вдуматься, дабы не уподобиться глубокомысленнымъ „нѣмцамъ".

Нѣтъ, не во всемъ мы выше древнихъ. Быть можетъ, именно потому, что мы больше успѣли въ наукѣ и въ техникѣ, мы отстали отъ нихъ въ „мудрости". Намъ ли вкладывать въ мудрость Платона свои мысли, когда мы, быть можетъ, и не доросли еще до ея пониманія? А вѣдь знаній и даже изощренности въ интеллектуальной работѣ у насъ несомнѣнно больше.

Довольство культурой и восторгъ, въ который приводитъ М. Гюйо наше время, время развитія промышленности и „страховыхъ обществъ", сдѣлавшихъ уже ненужной самое идею Бога, мѣшаетъ ему понять и тѣхъ, кто говоритъ о возрожденіи религіи. Онъ ставитъ рѣшительный вопросъ: возможно ли возрожденіе религіи?—и отвѣчаетъ на него перечнемъ всѣхъ преимуществъ нашей эпохи по сравненію съ тѣми вѣками, когда люди нуждались въ чудѣ и могли въ него вѣрить. По существу вопроса имъ сказано здѣсь очень мало, и то, что сказано, ни въ чемъ не можетъ насъ убѣдить.

М. Гюйо знаетъ, что недостаточно нарисовать картину упадка религіозной вѣры, наблюдаемой въ наше время, для того, чтобы

окончательно поставить крестъ на религіи. „Тотъ періодъ религіознаго разложенія, который мы переживаемъ, не закончится ли обновленіемъ?“ спрашиваетъ онъ. Но въ доказательство того, что обновленіе невозможно, ему приходится ссылаться все на ту же картину разложенія религіи. О тщетности надеждъ на возрожденіе онъ заключаетъ изъ факта иррелигіозности нашего времени. При этомъ онъ забываетъ, что именно упадокъ религіи, характерный для эпохи расцвѣта всякой культуры, приводитъ въ концѣ концовъ къ декадансу самой культуры. Даже мысли о такомъ декадансѣ не является у М. Гюйо, той мысли, которая мучила Вагнера и Ницше и которая высказывается теперь многими. Декадансъ же культуры является, быть можетъ, самой главной предпосылкой возрожденія религіи. И тоска по религіи, испытываемая уже истинно культурными людьми, не способными жить самодовольной вѣрой въ вѣчность нашей „океанической“ цивилизаціи,—не останавливаетъ на себѣ вниманія М. Гюйо. Ему кажется, будто о возрожденіи религіи мечтаютъ только либеральные богословы и моралисты, да ни во что не вѣрующіе „миссіонеры“. А какъ же назоветъ онъ то, чего не хватаетъ современному человѣку, утрачивающему чувство полноты жизни, знающему пустоту всей культурной суеты, чувствующаго упадокъ творчества и измельчаніе человѣка? Я не буду здѣсь останавливаться на этой проблемѣ, но думаю, что не случайно наша мысль обращается къ слову „религія“, когда она останавливается въ раздумьи надъ внутренней пустотой нашей жизни. Неужели же для современнаго человѣка не ясно, что электричество ради электричества, и наука ради науки, и довольство ради довольства, развитіе ради развитія—потеряли свою притягательную силу?

„Профессія пророковъ“,—говоритъ М. Гюйо—вымираетъ. И это обстоятельство его не смущаетъ, потому что „современный изслѣдователь, который къ массѣ научныхъ или философскихъ истинъ прибавляетъ свою лепту, дѣлаетъ дѣло, можетъ быть менѣе блестящее, но за то и болѣе значительное, чѣмъ чисто религіозное дѣло Мессіи“. „Не только никто не сможетъ стать Богомъ, но никто и не захочетъ этого“. И даже пророкомъ никто, повидимому, не захочетъ быть,—по крайней мѣрѣ никто изъ самодовольныхъ европейскихъ буржуа,—ибо имъ нужно не блестящее дѣло пророковъ, а „болѣе спокойныя и возвышенныя наслажденія“.

„Профессія пророковъ вымираетъ“, наука не позволяетъ намъ вѣрить въ чудо, безуміе наказуется смирительнымъ домомъ, револю-

ціонныя вспышки замѣняются спокойными наслажденіями—вотъ всѣ доводы противъ возможности возрожденія религіи, какіе нашелъ въ арсеналѣ своихъ знаній о религіи М. Гюйо.

Есть у него еще одинъ доводъ—и онъ могъ бы быть самымъ сильнымъ, если бы не сводился тоже къ описанію современнаго состоянія довольныхъ собою поклонниковъ „эволюціи". Онъ могъ бы быть сильнымъ, ибо касается самого существа религіи, а не только тѣхъ или иныхъ „вѣрованій". „Мистицизмъ", говоритъ М. Гюйо, все болѣе и болѣе противорѣчитъ *современному* духу и *потому* становится все ближе къ „исчезновенію". Вотъ это „потому" является ахиллесовой пятой всего разсужденія М. Гюйо. Что мистицизмъ противенъ современному духу, если подъ современнымъ духомъ понимать духъ, какимъ живетъ наше всеевропейское мѣщанство, вѣрящее только въ грубо ощутимыя выгоды и въ общепринятыя истины,—это не подлежитъ сомнѣнію. Но можно ли такъ смѣло ручаться за *духъ будущаго?* Вѣдь мы видѣли уже не разъ поразительныя перемѣны въ духѣ времени. О времени упадка древней культуры Буассье, напримѣръ, писалъ слѣдующее: „Перейди читатель прямо отъ изученія переписки Цицерона къ перепискѣ М. Аврелія,—и онъ очутился бы въ новомъ мірѣ. Въ какіе-нибудь два вѣка римское общество измѣнилось до основанія: но изъ всѣхъ пережитыхъ имъ измѣненій, самое замѣчательное и самое неожиданное было то, что оно отъ невѣрія перешло къ вѣрѣ". Не будемъ гадать о будущемъ. Но не будемъ и слишкомъ увѣрены въ силѣ духа „нашего времени". Чего-нибудь другого, а *силы* въ немъ не такъ ужъ много.

Итакъ, сказалъ бы мнѣ М. Гюйо, всѣ надежды ожидающихъ возрожденія религіи основаны на томъ, что мы снова сможемъ погрузиться во тьму варварства. Нѣтъ, сказалъ бы я, во тьму мудрости, которая приходитъ тогда, когда наивные варвары, носящіеся со своими побрякушками,—обращаются въ людей, искушенныхъ культурою и уже готовыхъ въ ней разочароваться. Это декадансъ, но и возрожденіе. Декадансъ культуры, но возрожденіе религіи. Для однихъ съ этой возможностью связаны свѣтлыя надежды, для другихъ ужасъ мрака. Но здѣсь уже область чувствъ и внутреннихъ устремленій, область, въ которой рѣшаетъ тотъ или иной вкусъ къ жизни, а не описаніе фактовъ. Согласенъ, что для М. Гюйо это ужасъ мрака. Но зачѣмъ же онъ закрываетъ глаза на этотъ ужасъ, зачѣмъ же въ упоеніи „культурой" такъ легко проходитъ мимо „возможности" и такъ необоснованно отрицаетъ ея существованіе?

Для тѣхъ же, кто чувствуетъ тоску по религіи, по богообщенію, дающему не только полноту ощущенія жизни, но даже и силы къ дальнѣйшему культурному творчеству, къ выходу изъ декаданса, возможность эта—благая возможность. И было бы ужасно, если бы предсказанія М. Гюйо имѣли за собой серьезные доводы. Къ счастью, этого нѣтъ.

А. Мейеръ.

Мысли о возможности „доказательства" критицизма.

(По поводу книги проф. А. И. Введенскаго: „Логика, какъ часть теоріи познанія". Изд. С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ историко-литературныхъ и юридическихъ курсовъ).

Въ только что вышедшей „Логикѣ" проф. А. И. Введенскаго, отличающейся, кромѣ оригинальности плана, еще рѣдкой ясностью и энергіей изложенія, есть одинъ отдѣлъ, имѣющій живой философскій интересъ. Это—пункты 6 и 7 главы XVIII („О логическихъ законахъ мышленія"), въ которыхъ дается обстоятельный анализъ четырехъ основныхъ законовъ мышленія. А затѣмъ, изъ результатовъ этого анализа—дѣлается гносеологическій выводъ, являющійся—по мысли автора—новымъ, несравненно болѣе легкимъ и короткимъ доказательствомъ критицизма, какъ философской позиціи [1]).

Точка зрѣнія проф. А. И. Введенскаго обрисовывается имъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Одинаково ошибаются и тѣ, кто считаетъ всѣ четыре закона мышленія естественными, и тѣ кто считаетъ ихъ всѣ нормативными. Ошибка и тѣхъ и другихъ въ томъ, что они рѣшаютъ вопросъ сразу для всѣхъ четырехъ законовъ, а не для каждаго въ отдѣльности. Истина же—посрединѣ между тѣми и другими авторами: два закона—тожества и исключеннаго третьяго—естественные, одинъ—законъ достаточнаго основанія—нормативный; одинъ же—законъ противорѣчія—составляетъ естественный законъ для представленій и нормативный для мышленія. Мышленіе само по себѣ, отъ природы, совершенно свободно отъ подчиненія закону противорѣчія, но умышленно приводится нами къ такому подчиненію оттого, что мы провѣряемъ результаты мышленія

---

[1]) Основныя положенія этого отдѣла получили дальнѣйшее развитіе въ статьѣ проф. А. И. Введенскаго въ мартовской книгѣ *Журн. Мин. Нар. Просв.* за текущій годъ: „Новое и легкое доказательство критицизма".

представленіями, образами, въ которые стараемся воплотить эти результаты. Образы же, или представленія отъ природы подчинены закону противорѣчія, такъ что приходится подчинять этому закону и мышленіе, если мы хотимъ, чтобы его результаты согласовались съ представленіями, или образами".

„Противорѣчіе непредставимо, но противорѣчіе мыслимо и осуществимо для нашего мышленія".

„Какъ законъ мышленія—законъ противорѣчія есть законъ нормативный, и дѣйствуетъ въ мышленіи только потому, что мы умышленно подчиняемъ свое мышленіе закону представленій, или образовъ, чтобы провѣрять мышленіе образами, или представленіями".

Гносеологическія слѣдствія этого анализа оказываются,—по мысли проф. А. И. Введенскаго—колоссально важными. Эти гносеологическія слѣдствія составляютъ въ общемъ не болѣе и не менѣе, какъ обоснованіе и даже доказательство основной идеи критицизма, чѣмъ предрѣшается, разумѣется, и весь характеръ нашего философскаго міросозерцанія въ цѣломъ.

Прежде всего, изъ этого анализа непосредственно вытекаетъ, по мысли проф. А. И. Введенскаго, такое гносеологическое слѣдствіе:

„Умозаключенія логически позволительно примѣнять только къ представленіямъ о бытіи, къ явленіямъ, но отнюдь не къ тому, что по самому понятію своему не можетъ считаться представленіями, не къ истинному бытію, не къ вещамъ въ себѣ; и всѣ положенія о нихъ, установленныя посредствомъ какихъ бы то ни было умозаключеній, мы логически обязаны считать произвольными, ни на чемъ не основанными".

„Вѣдь всѣ умозаключенія опираются на законъ противорѣчія. И, разумѣется, логически позволительно примѣнять ихъ только тамъ, гдѣ навѣрное царствуетъ законъ противорѣчія; а таковы только представленія. Что же касается истиннаго бытія, т. е. трансцендентныхъ предметовъ, вещей въ себѣ, то все это есть бытіе, существующее независимо отъ нашихъ представленій о бытіи. И распространять на него власть закона противорѣчія мы не имѣемъ ни малѣйшаго права.

„Если этотъ законъ самъ по себѣ, отъ природы, не управляетъ даже и мышленіемъ, то съ какой же стати мы должны думать, будто бы онъ навѣрное царствуетъ надъ вещами въ себѣ. Это еще надо подтвердить какъ-нибудь. Подтвердить такое же мнѣніе совершенно невозможно".

„Мы привыкли считать несуществующимъ все непредставимое. И

для того, что дѣйствительно служитъ или должно считаться всего лишь представленіями о бытіи, такой пріемъ вѣренъ. Но для истиннаго бытія, для вещей въ себѣ онъ непозволителенъ: онѣ непредставимы, и о нихъ нельзя судить по представленіямъ. Поэтому *неизвѣстно*, подчиняются ли онѣ закону противорѣчія или нѣтъ. И тотъ и другой взглядъ можетъ быть только вѣрой, а отнюдь не знаніемъ".

Изъ этого основного гносеологическаго слѣдствія вытекаетъ—по мысли проф. А. И. Введенскаго—три новыхъ слѣдствія, которыя приводятъ насъ, хотя и инымъ путемъ, *къ тѣмъ же самымъ заключеніямъ, какъ и Кантовская теорія познанія.* Именно:

1) Если мы убѣждены въ достовѣрности математики и знанія законовъ природы (астрономіи, техники, психологическихъ законовъ), то логически обязаны считать всѣ изучаемые ими предметы (и пространство, и время, и данныя какъ внѣшняго такъ и внутренняго опыта) лишь невольными представленіями нашего сознанія о бытіи, т. е. явленіями, а не вещами въ себѣ, не истиннымъ бытіемъ.

2) Метафизика невозможна иначе, какъ въ видѣ произвольныхъ положеній, ибо по самому понятію своему она должна состоять изъ положеній, добытыхъ не простымъ констатированіемъ данныхъ опыта, а умозаключеніями, но изъ положеній, предметами которыхъ служатъ не наши представленія о бытіи, а вещи въ себѣ. Такія же положенія, какъ сейчасъ было доказано,—произвольны, ибо къ вещамъ въ себѣ, къ истинному бытію логически непозволительно примѣнять умозаключенія, если мы хотимъ, чтобы выводы нашихъ умозаключеній считались знаніемъ, а не вѣрой". При претензіяхъ метафизики быть доказаннымъ знаніемъ „все логически позволительное содержаніе ея должно исчерпыватся словами: «ничего не знаю»".

Наконецъ,—третье слѣдствіе, направленное противъ мистицизма и интуитивизма, отрицаетъ возможность доказательства существованія какого бы то ни было „просвѣта" непосредственно въ міръ вещей въ себѣ, на томъ основаніи, что при такомъ доказательствѣ мы не обошлись бы безъ помощи умозаключеній, умозаключенія же логически недопустимо примѣнять къ вещамъ въ себѣ.

Но даже и допустивъ существованіе такого просвѣта, намъ пришлось бы „ограничиться простымъ констатированіемъ того, что видно въ этотъ просвѣтъ изъ міра явленій къ вещамъ въ себѣ, безъ всякаго подведенія послѣднихъ подъ общіе законы, безъ всякаго объясненія явленій вещами въ себѣ, опять таки потому, что примѣненіе умозаключеній къ вещамъ въ себѣ логически недопустимо".

Въ настоящемъ размышленіи я не ставлю себѣ задачей защищать какое бы то ни было философское ученіе или даже направленіе отъ натиска обновленнаго критицизма. Меня интересуетъ въ настоящемъ случаѣ единственно—внутренняя состоятельность, ея логическая возможность и гносеологическая обязательность аргументаціи, съ такой энергіей проведенной проф. А. И. Введенскимъ.

Если принять какъ *заданіе*, какъ *замыселъ* идею вещи въ себѣ, какъ принимаетъ ее вмѣстѣ съ Кантомъ проф. А. И. Введенскій, а именно—какъ идею о вещи внѣ всякаго отношенія ея къ намъ, воспринимающимъ и мыслящимъ, какъ нѣчто, что „по самому понятію своему не можетъ считаться представленіемъ", если принять эту идею, въ согласіи съ толкованіемъ самого Канта, въ смыслѣ чисто отрицательнаго понятія, ставящаго лишь предѣлъ нашей чувственности, а отнюдь не имѣющаго „объективнаго" значенія, если принять эту идею, говорю я, хотя бы какъ заданіе, проблематически, чтобъ выяснить ея значеніе изъ той роли, которую она можетъ играть и неизбѣжно играетъ въ построеніи „цѣлаго" нашего міросозерцанія,—то на первый взглядъ представляется, что всѣ гносеологическія слѣдствія изъ анализа закона противорѣчія неустранимы и безпрекословно должны быть приняты. Однако, при ближайшемъ разсмотрѣніи, аргументація проф. А. И. Введенскаго представляется не достигающей цѣли. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему она сводится?

Вещи въ себѣ противупоставляются явленіямъ, съ одной стороны—„по самому понятію своему" (въ значеніи „заданія"), съ другой—по критерію извѣстности для насъ подчиненія тѣхъ и другихъ закону противорѣчія. Объ образахъ *мы знаемъ*, что они отъ природы подчинены этому закону, о вещахъ же „въ себѣ"—*не знаемъ ничего* о ихъ подчиненіи закону противорѣчія. Отсюда слѣдствіе: о явленіяхъ мы можетъ умозаключать, о вещахъ же въ себѣ умозаключать *не имѣемъ права*, развѣ гадательно.

Собственно „непознаваемость" вещей въ себѣ вытекаетъ изъ этой *неизвѣстности* для насъ подчиненности ихъ закону противорѣчія.

Всмотримся ближе въ эту „неизвѣстность".

Чего не „знаемъ" мы о вещахъ въ себѣ? Того, подчиняются ли онѣ закону противорѣчія, говоритъ проф. А. И. Введенскій. Но имѣетъ ли какой бы то ни было логическій смыслъ вопросъ о какомъ либо „нѣчто", повинуется ли это „нѣчто" закону противорѣчія?

Вѣдь такой вопросъ имѣетъ логическій смыслъ исключительно лишь въ томъ предположеніи, что то „нѣчто", о которомъ онъ ставится,

или повинуется закону противорѣчія, или не повинуется. И если даже мы никакъ не можемъ узнать, которая изъ двухъ половинъ этой альтернативы на самомъ дѣлѣ имѣетъ мѣсто, все же нашъ вопросъ всецѣло опирается на необходимость для нашего „нѣчто" считаться съ этой альтернативой. Но въ случаѣ вопроса о повиновеніи закону противорѣчія какъ разъ эта-то необходимость и является предметомъ вопроса.

Представьте, въ самомъ дѣлѣ, что нѣкоторое „нѣчто" не повинуется закону противорѣчія. Вѣдь въ такомъ случаѣ это нѣчто можетъ, не повинуясь закону противорѣчія, въ то же время и повиноваться ему. Ясно, что надъ такимъ нѣчто теряетъ свою власть сама альтернативность вопроса, а вмѣстѣ съ тѣмъ теряетъ весь свой смыслъ и самый вопросъ. Ясно, что вопросъ о повиновеніи чего бы то ни было закону противорѣчія не имѣетъ никакого логическаго смысла, такъ какъ такой вопросъ предполагаетъ уже опредѣленный отвѣтъ на него, и только въ случаѣ такого отвѣта (положительнаго) и имѣетъ еще подъ собою фактическую почву и логическую возможность. Вопросъ же, напередъ знающій отвѣтъ, самъ исходящій изъ этого отвѣта, очевидно, вовсе лишенъ логическаго смысла.

Такимъ образомъ, если мы „не знаемъ", повинуются ли вещи въ себѣ закону противорѣчія, мы не можемъ и спрашивать объ этомъ, не можемъ, значитъ и „не знать" этого, т. е. *выраженіе этого нашего незнанія не можетъ быть сужденіемъ.*

Если самаго вопроса о „вещахъ въ себѣ", повинуются ли онѣ закону противорѣчія, ставить нельзя, то нѣтъ мѣста и тому отвѣту на этотъ вопросъ, который выражается словами „намъ неизвѣстно". „Неизвѣстнаго" здѣсь ничего не остается болѣе, такъ какъ *и извѣстнымъ ничто не могло быть.* Логически не можетъ мыслиться неизвѣстнымъ то, что логически же не можетъ быть и извѣстнымъ. О повиновеніи же чего бы то ни было закону противорѣчія намъ логически не можетъ быть извѣстно (не фактически только). Значитъ—не имѣетъ логическаго права на существованіе и выраженіе въ формѣ сужденія и нашего незнанія того, повинуются ли вещи въ себѣ закону противорѣчія.

Тотъ же выводъ можно получить и на болѣе широкой почвѣ. Можно (и должно) поставить подъ сомнѣніе логическую возможность, логическое право на существованіе и вопроса о повиновеніи чего бы то ни было также закону исключеннаго третьяго, и закону тожества. Законъ противорѣчія въ этомъ отношеніи ничуть не болѣе пригоденъ, чѣмъ и другіе основные законы мышленія.

Если мы не можемъ распространять на вещи въ себѣ (или вообще какое бы то ни было „нѣчто") закона исключеннаго третьяго, мы не можемъ утверждать, что кромѣ двухъ возможностей: „вещи въ себѣ повинуются закону исключеннаго третьяго" и „вещи въ себѣ не повинуются закону исключеннаго третьяго", нѣтъ еще третьей возможности, нѣтъ возможности нѣкотораго третьяго отношенія „вещей въ себѣ" къ закону исключеннаго третьяго.

Да и законъ тожества уже долженъ прежде быть распространеннымъ на вещи въ себѣ, чтобы мы имѣли логическое право спрашивать (чтобъ имѣлъ логическій смыслъ нашъ вопросъ) о нихъ, повинуются ли онѣ этому закону.

Вѣдь если бы онѣ не были подчинены закону тожества, то въ одномъ нашемъ сужденіи онѣ могли бы признаваться нами за повинующіяся, а въ другомъ мыслиться какъ не повинующіяся, и это — съ отсутствіемъ противорѣчія въ нашихъ сужденіяхъ, такъ какъ подлежащее перваго сужденія и подлежащее второго не совпадали бы (не мыслились бы тожественными), и въ разныхъ сужденіяхъ о вещахъ въ себѣ мы не имѣли бы дѣла съ однимъ и тѣмъ же предметомъ сужденія. Ясно, что если мы считаемъ себя въ правѣ, говоря о „вещахъ въ себѣ", относить къ нимъ цѣлый рядъ нашихъ сужденій, какъ одному и тому же „предмету" этихъ сужденій—мы тѣмъ самымъ подчиняемъ уже „вещи въ себѣ" закону тожества.

Общій выводъ нашъ будетъ таковъ: лишь на почвѣ признанія за чѣмъ бы то ни было повиновенія основнымъ законамъ логики можно ставить самый вопросъ о такомъ повиновеніи (а это, конечно, уже не имѣетъ логическаго смысла).

Мы не только не имѣемъ возможности знать о чемъ бы то ни было, повинуется ли это „нѣчто" закону нашего мышленія, но *не имѣемъ логической возможности и не знать этого*, не имѣемъ логическаго права и на самый вопросъ о такомъ повиновеніи, на выраженіе *въ сужденіи* этого нашего незнанія. Ясно, что противупоставленіе „вещей въ себѣ" образамъ, которое „задано" въ самомъ понятіи ихъ (какъ ноуменовъ въ отрицательномъ значеніи), не получаетъ и не можетъ получить никакого дальнѣйшаго подкрѣпленія или уясненія изъ анализа законовъ мышленія, по критерію извѣстности для насъ подчиненія ихъ какому либо закону мышленія, такъ какъ такой критеріей вообще не имѣетъ права на логическое существованіе.

И, значитъ, то противупоставленіе „вещей въ себѣ" образамъ, къ

которому приходитъ проф. А. И. Введенскій, не какъ къ заданію лишь, а какъ къ нѣкоторой теоретической истинѣ, — не возникаетъ изъ анализа логическихъ законовъ, а привносится сюда со стороны. Это противупоставленіе беретъ свое начало въ томъ двойственномъ значеніи, которое имѣетъ мысль о возможномъ „подчиненіи" закону противорѣчія образовъ съ одной стороны и мышленія—съ другой.

Образы подчинены закону противорѣчія въ томъ смыслѣ, что въ нихъ ни въ какомъ отношеніи не можетъ быть *усмотрѣно* противорѣчіе, мышленіе же *свободно* отъ закона противорѣчія отнюдь не какъ предметъ мысли, а только какъ самый актъ мысли, въ томъ смыслѣ, что актъ мысли можетъ *нести въ себѣ противорѣчіе.*

И потому, если такое „неподчиненіе" мы перенесемъ на вещи въ себѣ, то и „вещи въ себѣ" не должны пониматься какъ объектъ мышленія, а какъ нѣкоторые „акты", по аналогіи съ актами мышленія.

Значитъ—какъ „*неподчиненныя закону противорѣчія*" вещи въ себѣ могутъ противустоять образамъ, лишь по скольку онѣ не разсматриваются какъ объекты мышленія, т. е. поскольку не познаются, другими словами—лишь *не теоретически.* Какъ именно противустоятъ онѣ образамъ, остается при этомъ неопредѣленнымъ. Во всякомъ случаѣ эта противуположность вещей образамъ—не теоретическая.

Ясно, что передъ нами дилемма: или вынести „вещи въ себѣ" всецѣло за предѣлы области познавательной, исключивъ вовсе идею вещи въ себѣ (даже въ смыслѣ ноумена въ отрицательномъ значеніи) изъ круга познавательныхъ идей, изъ системы теоретическаго разума, съ его верховнымъ критеріемъ истины, или же — удержать идею ноумена, но лишь въ томъ узкомъ значеніи, которое беретъ начало изъ различенія объектовъ представленія (воспоминанія и воображенія) съ одной стороны и объектовъ мышленія—съ другой.

А при такомъ пониманіи термина „ноуменъ", аргументація проф. А. И. Введенскаго, пріобрѣтая логическое право на существованіе, болѣе того, становясь логически совершенно правильной и не опровержимой, имѣетъ противъ себя другую аргументацію, во всемъ соотвѣтствующую и параллельную ей, аргументацію въ равной степени правильную логически и логически неопровержимую.

И если все предыдущее должно было убѣдить насъ въ томъ, что изъ логики нѣтъ выхода (не произвольнаго) въ теорію знанія (даже и въ смыслѣ единственно лишь отрицанія всякой метафизики въ значеніи знанія), и что противупоставленію вещей въ себѣ явленіямъ не

можетъ быть придано познавательное значеніе, то послѣдующее должно будетъ привести насъ къ тому убѣжденію, что всякая попытка совершить такой „прорывъ“, придавъ теоретико-познавательное значеніе идеѣ, по существу своему чисто познавательной, приводитъ мысль къ неизбѣжной антиномичности, въ которой и проявляется внутренняя невозможность успѣха всякой такой попытки.

Ходъ аргументаціи таковъ: законъ противорѣчія, естественный для образовъ, нормативенъ для мышленія. Предметъ мышленія не подчиненъ отъ природы закону противорѣчія. А такъ какъ въ умозаключеніяхъ мы опираемся на законъ противорѣчія, то это обязываетъ насъ смотрѣть на предметъ заключенія, какъ на образъ, какъ на феноменъ лишь.

Въ полномъ соотвѣтствіи всѣхъ моментовъ съ этой аргументаціей возможна другая аргументація, параллельная ей, но идущая какъ разъ ей навстрѣчу и приводящая къ выводу какъ разъ обратному. Эта вторая аргументація беретъ свое начало въ анализѣ закона тожества (какъ та первая—въ анализѣ закона противорѣчія).

Законъ тожества, *естественный* законъ мышленія, *нормативенъ* для образовъ, для дѣятельности представленія. „Отъ природы“ образы вовсе не подчинены закону тожества, а скорѣе являются живымъ, воплощеннымъ противорѣчіемъ этому закону.

Въ области представленій нѣтъ ничего тожественнаго, къ себѣ самому соотносящагося. Тѣ „сходства“, которыя здѣсь обнаруживаются, сами подпадаютъ тому же критерію сходства и не представляютъ изъ себя ничего твердаго, неизмѣннаго; это область, гдѣ все относительно, гдѣ „πάντα ῥεῖ“.

И, значитъ, если мы подчиняемъ въ умозаключеніяхъ эти убѣгающіе образы чуждому ихъ природѣ закону тожества, то мы тѣмъ самымъ обязываемся не относить выводовъ нашихъ умозаключеній къ образамъ. Это—первое. А такъ какъ законъ тожества, какъ признаетъ это и проф. А. И. Введенскій, есть конститутивный законъ мышленія, не только регулирующій дѣятельность мышленія, но и дѣлающій эту дѣятельность, какъ таковую, впервые возможной, то и *на то, что привносится этимъ закономъ въ продуктъ умозаключенія, мы должны смотрѣть, какъ на существо самой мысли*. А, значитъ, въ предметѣ умозаключенія мы должны признавать чисто ноуменальную сторону.

Такимъ образомъ—наша вторая аргументація приводитъ къ выводу не только противорѣчащему, но и прямо обратному тому, къ

которому приводила первая аргументація, если, разумѣется, противуполагать явленію, какъ образу,—ноуменъ, какъ чистый объектъ мысли, существо котораго, выражающееся въ идеѣ тожества, то же, что существо самой мысли (отъ теоретическаго противупоставленія образамъ „ноумена въ отрицательномъ значеніи" мы отказались). И если имѣетъ силу и доказательность первая аргументація, то равную силу и ту же доказательность должна имѣть и эта параллельная ей аргументація.

Возможность же двухъ, идущихъ одна другой навстрѣчу аргументацій, отнюдь не давая намъ права заключать къ истинности или ложности той или другой изъ нихъ, обязываетъ насъ въ то же время смотрѣть на самую постановку обѣихъ аргументацій, какъ на несостоятельную.

Мышленіе, полагающее въ объектъ чисто мысленный элементъ, создающее идею ноумена въ положительномъ значеніи, оказывается роковымъ образомъ антиномичнымъ.

Однако было бы ошибкой изъ этой антиномичности мышленія, опирающагося на идею ноумена въ положительномъ значеніи, заключать къ обязательности для насъ теоретическаго значенія идеи ноумена въ отрицательномъ смыслѣ.

И если съ точки зрѣнія критицизма всякое знаніе о вещахъ въ себѣ является системой утвержденій, въ одно и то же время и неопровежимыхъ, и недоказуемыхъ, и такимъ образомъ въ качествѣ доказаннаго знанія невозможнымъ, то изъ нашего размышленія, повидимому, вытекаетъ то заключеніе, что въ свою очередь и разсудочно-теоретическое знаніе объ этой невозможности, опирающееся на замыселъ ноумена въ отрицательномъ значеніи, для насъ равнымъ образомъ недоступно.

Лишь діалектическое движеніе самой *идеи знанія*, лишь новый *замыселъ истины* можетъ вывести насъ изъ этихъ безъисходныхъ затрудненій и разорвать связывающія нашу мысль нити отмершихъ разсудочныхъ опредѣленій.

П. Херсонскій.

Французская книга объ античныхъ демократіяхъ.

A. Croiset, Les Démocraties antiques. Paris. 1909. (Bibliothèque de Philosophie scientifique).

Недавно во Франціи вышла небольшая книга, посвященная интересному предмету—„античнымъ демократіямъ". Она тѣмъ болѣе спо-

собна возбудить вниманіе, что ея авторъ, Альфредъ Круазэ, членъ Института, профессоръ и деканъ на Faculté des lettres въ Парижскомъ университетѣ,—извѣстный ученый: ему принадлежитъ превосходное изданіе первыхъ двухъ книгъ Ѳукидида и онъ же, вмѣстѣ съ своимъ братомъ Морисомъ Круазэ, написалъ обширную (въ 5 т.) „Исторію греческой литературы". Новое произведеніе А. Круазэ входитъ въ составъ коллекціи „Bibliothèque de Philosophie scientifique", редактируемой Густавомъ Ле Бономъ, и, судя по всему, имѣетъ въ виду широкій кругъ читателей: оно носитъ популярный характеръ. Изъ 335 стр. этой книжки — очень малаго формата—18 стр. удѣлено „Введенію", 240 стр., составляющихъ 4 главы,—аѳинской демократіи, около 30—остальнымъ греческимъ демократіямъ, 3 стр.—Карѳагену, 30—Риму и послѣднія 12 стр. посвящены общему заключенію. Такимъ образомъ, аѳинская демократія составляетъ центръ изложенія, какъ объ этомъ заявляетъ и самъ авторъ во „Введеніи", замѣняющемъ вмѣстѣ съ тѣмъ и предисловіе. А. Круазэ говоритъ, что не ставитъ себѣ цѣлью входить во всѣ подробности организаціи и исторіи аѳинской демократіи: онъ хочетъ освѣтить главнымъ образомъ самый духъ ея и существенный характеръ ея дѣятельности. Онъ желаетъ показать, какъ она возникла, каковы главные фазисы ея эволюціи до того момента, когда эта эволюція закончилась и когда демократическій организмъ всецѣло сформировался. Затѣмъ А. Круазэ ставитъ себѣ задачей анализировать „главные органы и ихъ характерныя черты". Онъ желаетъ изучить въ особенности то, какъ функціонировала эта демократія, ибо политическая конституція сама по себѣ—только „абстрактная рамка", а то, какъ она дѣйствуетъ, и есть самая важная вещь и истинная реальность (стр. 2—3).

А. Круазэ напередъ заявляетъ, что онъ въ своемъ анализѣ удѣляетъ большое мѣсто психологіи народовъ и индивидуумовъ, которая ему кажется существенною пружиною коллективной жизни. И по этому поводу онъ вступаетъ въ нѣкоторыя теоретическія разсужденія, высказываясь, не безъ основанія, противъ крайностей современнаго соціологическаго направленія и указывая на разницу между собственно исторіей и соціологіей: историкъ, по его словамъ, старается схватить живую реальность, безконечно сложную; это — конкретный фактъ, т. е. особая, единичная форма, которую приняло—въ данный моментъ, въ данной странѣ—дѣйствіе соціологическихъ законовъ (стр. 5—6). А. Круазэ—скорѣе за возвращеніе къ прежней точкѣ зрѣнія, по его мнѣнію, болѣе широкой, и въ особенности за то, чтобы отвести

идеѣ расы, здраво понятой, надлежащее мѣсто; историкъ обязанъ считаться съ „личнымъ коэффиціентомъ“, съ фактами и вліяніями „невѣсомыми“ (стр. 13, 16).—А. Краузэ признаетъ различіе между древней Греціей и современными демократіями (одно изъ главныхъ отличій—существованіе рабства), но, при всемъ томъ, по его мнѣнію, насъ скорѣе могутъ поразить многочисленныя аналогіи съ нашею современною жизнью, которыя представляются сами собою на каждой страницѣ античной исторіи (стр. 17).

I главу своей книжки, вслѣдъ за „Введеніемъ“, А. Круазэ посвящаетъ „политической эволюціи Аѳинъ“ отъ времени монархіи до конца независимости. Онъ отмѣчаетъ внутреннюю логику, быстроту и регулярность въ ея развитіи и въ то же время „минимумъ борьбы“,—отсутствіе, по его мнѣнію, тяжкихъ внутреннихъ раздоровъ. Несомнѣнно, авторъ преувеличиваетъ эту послѣднюю черту. Изложеніе въ началѣ, гдѣ дѣло идетъ о царской власти, аристократическомъ правленіи и о Солонѣ,—еще сравнительно подробно. А. Круазэ касается и нѣкоторыхъ спорныхъ вопросовъ. Онъ справедливо замѣчаетъ, что текстъ конституціи, приписываемой Дракону въ „Аѳинской Политіи“ Аристотеля, „апокрифическій“ (стр. 32); тѣмъ не менѣе онъ склоненъ думать, что имущественные классы, введеніе которыхъ приписывалось Солону, существовали уже до него, ибо состояніе опредѣлялось исключительно на основаніи доходовъ съ *земли*, тогда какъ въ эпоху Солона морская торговля достигла такого значенія, что должно было бы быть отведено мѣсто и доходамъ этого рода (стр. 37). Совершенно правильно А. Круазэ считаетъ выраженіе Аристотеля, будто „земля“—передъ Солоновой реформой—„была въ рукахъ немногихъ“, „гиперболическимъ“ (стр. 38); но допускаетъ, что крупная собственность евпатридовъ занимала все же большую часть Аттики, и главную причину этого видитъ въ томъ, что главы древнихъ, какъ онъ выражается, „клановъ“, нѣкогда облеченныя царскою властью надъ землями, составлявшими коллективную собственность клана, мало-по-малу эту коллективную собственность превратили въ индивидуальную, по мѣрѣ того, какъ индивидуализмъ развивался въ обществѣ въ ущербъ патріархальной семьѣ и цари „селенія“, такимъ образомъ, превращались во владѣтелей земли. Подъ пелатами А. Круазэ понимаетъ древнихъ кліентовъ, а гектеморы, по его мнѣнію, получали въ свою пользу лишь $^1/_6$ сбора; Аристотель говоритъ объ ихъ рабствѣ, но они были лично свободны; „земля была рабою, а не люди“; хотя, разумѣется, кромѣ гектеморовъ, могли быть и настоя-

щіе рабы, но ихъ не слѣдуетъ смѣшивать съ крестьянами, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь (стр. 39—40). Вопреки довольно распространенному теперь слишкомъ скептическому отношенію къ свидѣтельствамъ касательно Солоновыхъ реформъ А. Круазэ справедливо замѣчаетъ, что не смотря на сомнительныя подробности и анекдоты древнихъ, не смотря на то, что имя Солона стало какъ бы коллективнымъ, общій духъ реформы засвидѣтельствованъ ясно стихами самого Солона и что комментарій Аристотеля въ его „Аѳинской конституціи", хотя и не вполнѣ удовлетворяетъ наше любопытство, въ общемъ освѣщаетъ довольно хорошо свидѣтельство Солона: если мы не будемъ стремиться знать больше, чѣмъ это возможно, крупныя линіи Солонова дѣла явятся предъ нами съ достаточною опредѣленностью (стр. 43, 54—55). Свидѣтельство объ избраніи архонтовъ посредствомъ *жребія* при Солонѣ Круазэ однако не считаетъ истиннымъ. Въ общемъ онъ даже склоненъ преувеличивать значеніе реформъ Солона: онъ приходитъ къ заключенію, что Солонъ произвелъ настоящую революцію, характера чисто демократическаго (стр. 52).

Зато о послѣдующей „политической эволюціи" Аѳинъ, когда именно развивалась демократія, А. Круазэ говоритъ слишкомъ ужъ кратко. О смутахъ времени Дамасія нѣтъ ни слова; о Писистратѣ, въ правленіи котораго авторъ основательно видитъ періодъ перехода и подготовки къ послѣдующей демократіи, сказано очень коротко, такъ же, какъ и о Клисѳенѣ; на 4 страничкахъ, посвященныхъ реформамъ послѣдняго, упоминается лишь о введеніи новыхъ 10 филъ, объ остракизмѣ и совѣтѣ 500, да и то бѣгло; тутъ же говорится и о болѣе поздней реформѣ 48⁷/₆ г., касавшейся избранія архонтовъ. О „преемникахъ Клисѳена"—и того короче. Значеніе созданія флота, превращеніе Аѳинъ въ морскую державу и организація союза, все это освѣщено недостаточно. Соціально-экономическіе факторы оставлены тутъ тоже въ тѣни. Въ реформахъ Пятидесятилѣтія А. Круазэ видитъ только „частичныя мѣры"; существенное, по его словамъ, уже сдѣлано (стр. 65). Чрезвычайно важной Эфіальтовой реформѣ ареопага Круазэ удѣляетъ буквально лишь нѣсколько строкъ, не касаясь ни ея значенія, ни тѣхъ перемѣнъ, которыя связаны съ нею. И что удивительно—онъ допускаетъ участіе Ѳемистокла въ этой реформѣ: по его словамъ, Эфіальтъ провелъ ее „по подстрекательству Ѳемистокла". Очевидно, А. Круазэ принимаетъ совершенно недостовѣрный анекдотъ, разсказываемый въ 25 гл. дошедшаго до насъ текста „Аѳинской Политіи" Аристотеля, анекдотъ, несостоятельность котораго была

доказана тотчасъ по опубликованіи Аристотелева трактата многими учеными разныхъ странъ почти одновременно и независимо другъ отъ друга. Казалось бы, въ наше время на этотъ счетъ не можетъ быть уже никакихъ сомнѣній... Самый годъ реформы ареопага у Круазэ показанъ невѣрно—463; надо 462—461 г. („архонтство Конона"). О Периклѣ и его нововведеніяхъ мы находимъ въ книжкѣ Круазэ тоже всего нѣсколько строкъ. О дальнѣйшемъ развитіи демократій до самой потери независимости говорится на 2 приблизительно страничкахъ.

Въ „заключеніи" этой главы дается короткое резюмэ, въ которомъ А. Круазэ касается и вопроса о причинахъ быстраго паденія владычества евпатридовъ. Самою важною причиною въ его глазахъ является ростъ средняго класса и образованіе новыхъ источниковъ богатства вслѣдствіе развитія морской торговли, затѣмъ—сравнительно мирный характеръ аѳинскаго государства, отсутствіе крупныхъ войнъ и завоеваній въ VI в., и наконецъ большое вліяніе оказали, по его мнѣнію, причины психологическія.

II глава представляетъ описаніе аѳинской конституціи, которая, по выраженію автора, „демократична до крайности, до парадокса", ибо народъ пользуется своимъ суверенитетомъ прямо, непосредственно, и магистраты избираются посредствомъ жребія. Тутъ въ „Предварительныхъ замѣчаніяхъ" А. Круазэ касается рабовъ и гражданъ, числа тѣхъ и другихъ. Правда, говоритъ онъ, населеніе Аттики, взятое въ цѣломъ, не составляло демократіи въ современномъ смыслѣ слова—такъ какъ тамъ существовали рабы;—но онъ находитъ много ошибочнаго въ утвержденіи, будто аѳинская демократія на этомъ основаніи была въ дѣйствительности аристократіей, весьма отличною отъ современныхъ демократій. Ибо, замѣчаетъ Круазэ, и въ этой демократіи, какъ и въ нашихъ, были богатые и бѣдные, знатные и незнатные, образованные и менѣе образованные; возникавшія тогда трудности очень походятъ на тѣ, которыя теперь приходится разрѣшать. Всѣ распри внутренней политики, въ Аѳинахъ, основывались на оппозиціи богатыхъ и бѣдныхъ; политическіе конфликты—по истинѣ борьба классовъ (стр. 76—77). Съ этимъ мнѣніемъ нельзя не согласиться; но едва ли вполнѣ правъ А. Круазэ, когда говоритъ, что существованіе рабовъ уменьшало число бѣдныхъ гражданъ и облегчало разрѣшеніе проблемы пролетаріата; болѣе правъ такой знатокъ древности, какъ Эд. Мейеръ, показывающій, какъ рабство съ своей стороны содѣйствовало ухудшенію положенія гражданъ, нуждающихся въ

заработкѣ (см. его „Рабство въ древн. мірѣ“, рус. пер., стр. 43—44; „Экономич. развитіе древн. міра“, рус. пер., стр. 59). Болѣе существенное отличие античной демократіи отъ современныхъ, по мнѣнію Круазэ, — это — малыя территоріи тогдашнихъ государствъ-городовъ и ограниченное число гражданъ.

Послѣ такихъ „предварительныхъ замѣчаній“ авторъ переходитъ къ „собраніямъ“, подводя подъ эту рубрику не только экклесіи, которыя онъ сравниваетъ съ „митингами“, но и совѣтъ 500 (при чемъ дѣлаетъ явную ошибку, говоря, что совѣтъ 500 составлялся по жребію по 100 членовъ отъ филы, которыхъ было 10). Затѣмъ онъ касается „трибуналовъ“, главнымъ образомъ суда геліастовъ; тутъ опять попадается ошибка: говорится, что геліасты выбирались изъ гражданъ, имѣвшихъ отъ роду болѣе 40 лѣтъ (вмѣсто 30). Дальше рѣчь идетъ о магистратурѣ, объ ораторахъ (которыхъ Круазэ называетъ „душою народнаго собранія“ и изъ которыхъ наиболѣе вліятельные становились своего рода „первыми министрами“, а въ случаѣ пораженія—„лидерами“ оппозиціи), объ арміи, морскомъ дѣлѣ и финансахъ (между прочимъ, упоминая о форосѣ, Круазэ принимаетъ безъ всякихъ оговорокъ цифру, приводимую Ѳукидидомъ, II, 13, 600 тал.).

Въ этой же главѣ рисуется аѳинскій политическій идеалъ на основаніи надгробной рѣчи Перикла и рѣчей ораторовъ Исократа и Демосѳена, а затѣмъ приводятся неблагопріятные отзывы древнихъ объ аѳинской демократіи.

III глава — самая большая (стр. 129—207) — посвящена „духу аѳинской демократіи“ и ея нравамъ. Здѣсь А. Круазэ характеризуетъ аѳинянина, его „природныя свойства“, его „умъ и волю“, „гуманность“ и „мораль“; онъ говоритъ также объ „общемъ воспитаніи“ аѳинянъ, начиная со „школы“, „религіи“, „искусства“, „науки“ (которой, впрочемъ, отводитъ лишь 2 странички) и кончая „жизнью“. При такихъ характеристикахъ авторъ не различаетъ эпохъ и одинаковыми чертами, напримѣръ, рисуетъ аѳинянина временъ Перикла и временъ Демосѳена. Зато не лишены интереса его замѣчанія о взглядахъ въ древности на трудъ и трудящихся (стр. 173 сл.). На этомъ Круазэ останавливается сравнительно подробно. Отъ „общаго воспитанія“ аѳинянина онъ переходитъ къ „воспитанію политическому“,— къ „практикѣ дѣлъ“, при чемъ отмѣчаетъ вредныя послѣдствія излишнимъ увлеченіемъ словомъ, и къ „партіямъ и ихъ вождямъ, ораторамъ“.

Въ IV гл. Круазэ подробнѣе характеризуетъ внутреннюю политику

аѳинянъ—ихъ „демократію и олигархію“, „демократію и демагогію“. Здѣсь мы снова встрѣчаемъ ошибки или неточности, странные пробѣлы. Кимонъ, напримѣръ, названъ побѣдителемъ при Микале (стр. 211, вѣроятно, авторъ хотѣлъ сказать: при Евримедонѣ); преемственными вождями демократіи названы Ѳемистоклъ и Периклъ; Эфіальтъ пропущенъ (ibid.). По словамъ Круазэ, Алкивіадъ, какъ предводитель Сицилійской экспедиціи, былъ *замѣщенъ* Никіемъ (стр. 240), что по меньшей мѣрѣ неточно. Авторъ говоритъ объ умѣренности и сдержанности, проявленной въ борьбѣ въ періодъ отъ Персидскихъ войнъ до Пелопоннесской войны (стр. 210); онъ забываетъ объ убійствѣ Эфіальта. Значеніе должности стратега не отмѣчено достаточно ярко. О такихъ язвахъ, какъ сикофантство, упоминается лишь мимоходомъ. По мнѣнію Круазэ, соціализмъ если и не остался совершенно чуждымъ аѳинскому духу, то во всякомъ случаѣ игралъ очень незамѣтную роль во внутренней исторіи Аѳинъ и никогда не представлялъ истинной опасности (стр. 220). Послѣ трудовъ Пельмана и Эд. Мейера такое утвержденіе не можетъ не показаться неожиданнымъ. Зато вполнѣ можно согласиться съ Круазэ, когда онъ какъ тутъ, такъ и въ другихъ мѣстахъ своей книги неразъ отмѣчаетъ индивидуализмъ грека и въ особенности аѳинянина. Дѣйствительно, пора уже оставить ходячую, общую формулу о всемогуществѣ государства въ античной Греціи, о подавленіи имъ личности, объ отсутствіи всякой гарантіи для послѣдней и т. под.; надо и въ Греціи различать разныя государства и разныя эпохи.

Характеризуя „внѣшнюю политику“ аѳинянъ, Круазэ касается отношеній Аѳинъ къ варварамъ, къ другимъ греческимъ государствамъ и, наконецъ, къ Македоніи. Послѣ этого на 6 страничкахъ (стр. 249—255) онъ говоритъ о „мирныхъ искусствахъ“, процвѣтавшихъ въ Аѳинахъ, и въ концѣ главы (стр. 255—8) дѣлаетъ общее заключеніе объ аѳинской демократіи, которую онъ признаетъ „однимъ изъ великихъ созданій греческаго генія“.

Остальнымъ греческимъ демократіямъ посвящена одна небольшая глава—V (стр. 259—290). Сравнительно подробнѣе тутъ говорится лишь о Мантинеѣ, съ ея оригинальными учрежденіями, съ ея наименѣе городскимъ, скорѣе сельскимъ, характеромъ, и о Сициліи. Въ VI главѣ Круазэ касается Карѳагена и Рима. Здѣсь тоже попадается чисто элементарная ошибка: по Круазэ, Лукуллъ былъ *первымъ* по времени изъ „потентатовъ“, созданныхъ войною; Марій и Сулла идутъ послѣ него (стр. 320).

Въ „заключеніи“ Круазэ снова возвращается къ тѣмъ различіямъ, которыя сперва бросаются въ глаза, между античною и современными демократіями, даетъ общую схему эволюціи античныхъ демократій, касается взглядовъ на этотъ счетъ Платона, Аристотеля, отчасти Полибія, и заканчиваетъ свою книгу словами, резюмирующими „уроки античной мудрости“: „бороться противъ существованія демократіи тамъ, гдѣ обстоятельства сдѣлали ее неизбѣжною,—химера; стремиться просвѣтить ее и исправить отъ ея недостатковъ—есть обязанность каждаго человѣка, который думаетъ и чувствуетъ свой общественный долгъ. Порядокъ—жизненная необходимость общества, и если законы недостаточны для того, чтобы подавить анархію, то неизбѣжно является тираннія.—У демократіи нѣтъ болѣе страшнаго врага, какъ демагогія“ (стр. 335).

Альфредъ Круазэ, какъ было упомянуто,—извѣстный ученый; но тѣмъ сильнѣе можетъ быть разочарованіе читателя его послѣдняго произведенія. Въ книгѣ Круазэ есть, правда, интересныя наблюденія и замѣчанія, но въ общемъ она не оправдываетъ ожиданій: она поверхностна, написана, повидимому, наскоро и даже несвободна отъ фактическихъ, чисто элементарныхъ ошибокъ [1]).

В. Бузескулъ.

Correspondance de Frédéric le Grand avec Voltaire. Publiée sur les manuscrits conservés aux archives royales de Prusse. Par Reinhold Koser et Hans Droysen. Tome I. (1736—1740). Leipzig. S. Hirzel, librairie-éditeur. Königstrasse 2. 1908; 8° 368 стр. съ примѣчаніями и двумя добавленіями.

Переписка Фридриха Великаго съ Вольтеромъ, обнародованная по рукописямъ, сохранившимся въ прусскихъ королевскихъ архивахъ, Рейнгольдомъ Козеромъ и Гансомъ Дройзеномъ, представляетъ письма, относящіяся къ 1736 — 1740 г. и, за исключеніемъ двухъ (№ 43 и № 53), уже опубликованныя ранѣе въ изданіи Прейса „Oeuvres de Frédéric le Grand“ 1846 г. и Моланда „Oeuvres complètes de Voltaire“ 1881 г. Однако это новое изданіе имѣетъ несомнѣнныя преимущества предъ двумя только что названными: вся переписка Вольтера и Фридриха Великаго за указанное

---

[1]) Не говорю уже объ явныхъ опечаткахъ: на стр. 247—дѣло Гарпала въ 424 г. (вм. 324), на стр. 276—битва при Левктрахъ въ 471 г. (вм. 371).

время издана въ одномъ томѣ по рукописямъ, сохранившимся въ прусскихъ королевскихъ архивахъ, прередактирована прекрасными знатоками эпохи гг. Рейнгольдомъ Козеромъ и Гансомъ Дройзеномъ и снабжена немногими, но въ высшей степени цѣнными примѣчаніями. Надо полагать, что этотъ текстъ — наиболѣе точный и полный, изъ всѣхъ до сихъ поръ обнародованныхъ.

Содержаніе и характеръ этой переписки, въ общихъ чертахъ, знакомы всякому интересующемуся XVIII столѣтіемъ, но въ ней есть подробности, которыя почему-то до сихъ поръ не достаточно извѣстны и оцѣнены въ русской исторической литературѣ, хотя и имѣютъ къ ней ближайшее отношеніе, такъ какъ разъясняютъ появленіе записокъ Фокеродта о Россіи времени Петра Великаго, проливаютъ свѣтъ на то, какъ дошелъ Вольтеръ до мысли писать историческій трудъ о Петрѣ Великомъ и какими матеріалами онъ для него пользовался.

Эпоха, къ которой относится изданная корреспонденція, одна изъ лучшихъ въ жизни Вольтера. Это были счастливые годы, полные труда и радости, годы, проведенные имъ въ замкѣ Сирей, расположенномъ въ живописной мѣстности у западнаго подножія Вогезовъ, принадлежавшемъ возлюбленной Вольтера г-жѣ дю Шателе—его „божественной Эмиліи". Здѣсь, ведя жизнь спокойную „украшенную уютнымъ изяществомъ и полной ума дѣятельностью", Вольтеръ обдумалъ и написалъ рядъ замѣчательныхъ произведеній по самымъ разнороднымъ вопросамъ: натуръ-философскія разсужденія—давшія во Франціи окончательную побѣду системѣ Ньютона надъ Декартомъ, трактаты противъ религіозныхъ предразсудковъ и, наконецъ, подготовлялъ матеріалы для обширнаго труда о духѣ и нравахъ народовъ, т. е. обдумывалъ тѣ мысли, которыя дали ему право, наряду съ Вико, носить имя основателя новой исторической школы. Всѣ разобранные въ этихъ сочиненіяхъ вопросы обсуждались и въ перепискѣ его съ Фридрихомъ. Не разъ рѣчь заходила о вопросахъ историческихъ.

Въ 1737 году Вольтеръ затѣялъ новое изданіе своихъ сочиненій [1]) и, пересматривая для него написанную имъ въ 1731 г. исторію Карла XII, повидимому, вслѣдствіе нѣкоторой перемѣны во взглядахъ, рѣшилъ переработать ее. Карла XII онъ называетъ теперь наполовину Александромъ Великимъ, наполовину Донъ-Кихотомъ, выражаетъ раскаяніе въ томъ, что удѣлилъ въ своемъ трудѣ такъ много мѣста бит-

[1]) Вышло въ 1738 г., озаглавлено: „Oeuvres de M-r de Voltaire. Nouvelle édition revue corrigée et considerablement augmentée". Amsterdam. Ledet 1738. 3 v. 8°.

вамъ и „такъ мало углубился въ подробности благодѣяній, оказанныхъ царемъ Петромъ I человѣчеству“. На это мѣсто въ перепискѣ Вольтера съ Фридрихомъ Великимъ слѣдуетъ обратить вниманіе, такъ какъ изъ него ясно видна цѣль, съ какой обратился Вольтеръ къ королю съ просьбой прислать ему матеріалы о Петрѣ Великомъ: онъ хотѣлъ въ новомъ изданіи исторіи Карла XII остановиться съ большимъ вниманіемъ на культурныхъ заслугахъ царя Преобразователя, но вовсе не собирался тогда писать особой исторіи Петра Великаго. Эта мысль возникла у него значительно позднѣе. Въ письмѣ къ кронпринцу Фридриху, посланномъ въ маѣ 1737 г., Вольтеръ писалъ: „On a commencé une nouvelle édition de mes folies en prose et en vers [1]); il me semble que ces folies deviendraient plus utiles, si je donnais un abrégé des grandes choses qu'a faites Charles XII, et des choses utiles qu'a faites le czar Pierre“ [2]). Но для того, чтобы распространиться о благодѣяніяхъ, оказанныхъ Петромъ человѣчеству, Вольтеръ нуждался въ матеріалахъ, достать которые было ему очень трудно. Письмо его съ просьбой о присылкѣ нужныхъ ему источниковъ исполнено самыхъ льстивыхъ выраженій и все написано подобострастно: „Государь“, пишетъ онъ, „я рѣшаюсь, наконецъ, воспользоваться Вашей добротой, я осмѣливаюсь злоупотребить Вашей склонностью къ благодѣяніямъ. Я настойчиво прошу о милости государя-философа“... [3]). Далѣе онъ сообщаетъ Фридриху о своемъ намѣреніи сосредоточиться на описаніи заслугъ Петра, но „у меня“, пишетъ онъ, „въ моемъ Сирейскомъ уединеніи нѣтъ мемуаровъ о Московіи“. „Здѣсь обитаютъ философія, литература, миръ и счастіе, но нѣтъ никакихъ новостей о русскихъ“. „Я припадаю къ ногамъ Вашего Королевскаго Высочества, я умоляю Васъ, соизвольте поручить одному изъ Вашихъ просвѣщенныхъ слугъ, находящихся въ Россіи, отвѣтить на приложенные здѣсь вопросы“ [4]).

Просвѣщенные слуги нашлись: это были Петръ фонъ-Сумъ [5]), курсаксонскій посланникъ при русскомъ дворѣ (съ 17/28 декабря 1737 г. по 11/16 августа 1740 г.), и очень извѣстный всѣмъ, изучающимъ время Петра I въ Россіи—Іоганъ Готгильфъ Фокеродтъ [6]). Съ

[1]) Изд. 1838 г.
[2]) Ibid., стр. 66.
[3]) Ibid., 66.
[4]) Ibid., 67.
[5]) Ibid., стр. 67, пр. 1.
[6]) Стр. 78, пр. 3.

Сумомъ Фридрихъ Великій былъ знакомъ ранѣе, такъ какъ до 1737 г. онъ проживалъ въ Берлинѣ съ такимъ же „характеромъ“, какъ говорили въ XVIII в., съ какимъ позднѣе былъ въ Петербургѣ. Между ними установились настолько хорошія отношенія, что Шетарди въ 1740 г. прочилъ Сума въ статсъ-секретари по иностраннымъ дѣламъ при Фридрихѣ Великомъ, такъ какъ, по свѣдѣніямъ французскаго дипломата, Сумъ, еще въ бытность Фридриха кронпринцемъ, заключилъ съ нимъ договоръ о переходѣ на прусскую службу.

27-го іюля 1737 г. вопросы Вольтера были отосланы въ Россію къ Суму. 16-го августа того же года Фридрихъ такъ писалъ Вольтеру: „Порученіе, выполнить которое Вы сочли меня способнымъ, будетъ для Васъ, какъ для философа, сдѣлано философами. Я немедленно написалъ о немъ моему другу въ Россію, и онъ отвѣтитъ точно и правдиво на вопросы, которые Вы просили выяснить“ [1]. „Не довольствуясь этой попыткой“, продолжаетъ Фридрихъ, „я откопалъ одного придворнаго секретаря, который послѣ непрерывнаго восемнадцатилѣтняго пребыванія въ Московіи, только что возвратился сюда“. Этотъ придворный секретарь, „откопанный“ Фридрихомъ Великимъ, и былъ Іоганъ Готтильфъ Фокеродтъ, прибывшій 4-го августа 1737 г. въ Потсдамъ изъ Россіи. Повидимому, Фридрихъ убѣдилъ его писать отвѣты на вопросы Вольтера, увѣряя, что его сочиненіе предназначается для удовлетворенія личной любознательности кронпринца [2]. Фридрихъ вполнѣ вѣрилъ освѣдомленности, дѣловитости, разсудительности, наблюдательности и правдивости Фокеродта. Одно смущало его: „Боюсь лишь“, писалъ онъ [3], „какъ бы въ качествѣ нѣмца онъ не злоупотребилъ своимъ преимуществомъ въ многословіи и не сочинилъ бы вмѣсто памятной записки цѣлый томъ“. Однако, когда Фокеродтъ окончилъ свою работу, Фридрихъ остался ею доволенъ.

13-го ноября 1737 года, посылая собранные имъ для Вольтера матеріалы (въ числѣ которыхъ, должно быть, были и записки Сума), Фридрихъ со своеобразною скромностью пишетъ: „Эти мемуары содержатъ факты и рѣдкіе и до сихъ поръ неизвѣстные; поэтому я могу обольщаться мыслью, что снабдилъ Васъ сочиненіемъ, которое Вы не смогли бы достать безъ меня, и я разсчитываю относительно Васъ имѣть заслугу равную тому, кто доставитъ знаменитому архитектору хорошіе мате-

[1] Ibid., 78.
[2] Ibid., 105.
[3] Ibid., стр. 78.

ріалы, изъ которыхъ онъ построитъ изящное зданіе" [1]. Однако эта любезная фраза вскорѣ была разбавлена просьбами и предупрежденіями другого рода. Хотя эта переписка относится къ тому періоду въ отношеніяхъ между Фридрихомъ и Вольтеромъ, когда они разсыпались во взаимныхъ комплиментахъ самаго гиперболическаго характера и жаждали увидѣться и пожить вмѣстѣ, однако кронпринцъ, какъ человѣкъ умный, проницательный и знакомый со свойствами Вольтера, зналъ, какъ нужно осторожно довѣрять ему тайны, разоблаченіе которыхъ можетъ быть интересно и полезно для славы писателя. Поэтому онъ предупреждалъ его, что „въ этой исторіи Вы найдете истины, которыя въ нашемъ вѣкѣ нетерпимы въ печати" [2] и пугалъ местью русскаго двора и наконецъ напоминалъ Вольтеру, что очень легко догадаться, кѣмъ составлены записки и какимъ путемъ дошли онѣ до него, т. е. предупреждаетъ, что всякая нескромность писателя можетъ доставить ему, кронпринцу, массу непріятностей. До какой степени Фридрихъ боялся этого, видно уже изъ того, что не малую часть двухъ писемъ (отъ 19-го ноября 1737 г. и 19-го января 1738 г.) онъ посвящаетъ этимъ просьбамъ и предупрежденіямъ.

Какъ извѣстно, записки Фокеродта дѣйствительно нелестны для Петра Великаго и Россіи, и обнародованіе ихъ въ 1737—1738 году могло бы быть крайне непріятно для нашего правительства.

Содержаніе ихъ [3], которому Фридрихъ придавалъ значеніе непоколебимой истины, произвело на него очень сильное впечатлѣніе. Онъ находилъ, что по прочтеніи ихъ приходится совершенно измѣнить взглядъ на Петра Великаго. По крайней мѣрѣ о себѣ онъ писалъ: „Исторія Царя, которую я Вамъ посылаю, обязываетъ меня отказаться отъ высокаго мнѣнія объ этомъ государѣ, составленномъ мною ранѣе. Въ этомъ сочиненіи онъ покажется Вамъ совсѣмъ инымъ, чѣмъ онъ существуетъ въ Вашемъ воображеніи и, если можно такъ выразиться,—

---

[1] Ibid., 104.

[2] Ibid., 105.

[3] Оцѣнка труда Фокеродта см. Брикнеръ „Россія при Петрѣ Великомъ по извѣстіямъ двухъ нѣмецкихъ дипломатовъ", *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1874 г. № 1. Сочиненіе Фокеродта было озаглавлено: „Erörterungen einiger Fragen, die unter Peters I Regierung in Russland vorgegangen Veränderung betreffend. Aufgesetzet im Monat September 1737", nach dem deutschen Original veröffentlicht bei Herrmann, Zeitgenössische Berichte zur Geschichte Russlands (1872). Во французскомъ переводѣ: „Considérations sur la Russie sous Pierre le Grand" въ Oeuvres posthumes du roi de Prusse servants de supplément aux différentes éditions (Berlin 1789).

въ дѣйствительности онъ менѣе всего великій человѣкъ. Стеченіе удачныхъ обстоятельствъ, счастливыхъ случайностей, невѣжество иноземцевъ, сдѣлали изъ царя героическій призракъ, въ величіи котораго никто не осмѣливался усомниться. Умный историкъ, бывшій отчасти очевидцемъ его дѣятельности, нескромно преподымаетъ завѣсу и даетъ намъ возможность видѣть этого государя обладающимъ всѣми недостатками людей и немногими доблестями. Это вовсе не тотъ всеобъемлющій умъ, который все усваиваетъ и все углубляетъ, это просто человѣкъ, руководимый фантазіями довольно новыми, чтобы давать ему извѣстный блескъ и ослѣплять. Это вовсе не безтрепетный воинъ, который ничего не боится и не знаетъ никакой опасности, — нѣтъ, это—государь-трусъ, робкій, котораго въ опасности покидаетъ даже обычно свойственная ему грубость. Онъ жестокъ—во время мира, слабъ — на войнѣ; имъ восторгаются иноземцы,—но его ненавидятъ подданные; наконецъ, онъ довелъ деспотизмъ до такой степени, до какой его можетъ довести самодержецъ, у котораго взамѣнъ мудрости была только удачливость. Впрочемъ, онъ былъ великій механикъ, трудолюбивый, смѣтливый и готовый всѣмъ жертвовать для своего любопытства"[1]).

Такова характеристика Великаго Преобразователя Россіи, сдѣланная кронпринцемъ Фридрихомъ по запискамъ „откопаннаго" имъ придворнаго секретаря Фокеродта [2]). Другого, по этому труду,—не напишешь. Никто не въ правѣ требовать отъ молодого кронпринца того времени методовъ исторической критики и болѣе обширнаго знанія литературы о Петрѣ, — остается лишь пожалѣть, что онъ съ юной довѣрчивостью принялъ за правду всѣ утвержденія Фокеродта и, со свойственной ему рѣшительностью, сразу развѣнчалъ Петра изъ героевъ въ ничтожество. Позднѣе, въ „Histoire de mon Temps", Фридрихъ Великій рѣшительно измѣнилъ свой взглядъ на царя, но и въ этой перепискѣ уже есть оговорки, изъ которыхъ видно, что кронпринцъ понималъ неосновательность своихъ нападокъ. Онъ сознавалъ, что осуждать легче, нежели дѣйствовать, и что самъ онъ, въ обстоятельствахъ, сходныхъ съ положеніемъ Петра Великаго, быть можетъ, поступалъ бы хуже его. Всѣ эти оговорки, впрочемъ, носятъ такой характеръ, что помѣщены онѣ для показанія необходимой порядоч-

---

[1]) Ibid., 102—103.

[2]) О запискахъ Фокеродта существуетъ обширная литература, см. Иконниковъ „Русская исторіографія" и Словарь Брокгауза и Ефрона „Фокеродтъ" ст. Шмурло.

ному человѣку скромности, и окончательный выводъ Фридриха, все же тотъ, что Петръ Великій такая же безличность, какъ и король Англіи Карлъ II, „который всегда удачно выражался, но не совершилъ ни одного поступка, о коемъ можно было отозваться съ похвалой".

Вольтеръ отвѣтилъ на всѣ эти разсужденія своего высокопоставленнаго корреспондента длиннымъ и мѣстами ядовитымъ письмомъ [1]): „Я провелъ большую часть этой ночи за чтеніемъ находившихся (въ присланныхъ Вами) двухъ пакетахъ стиховъ и очень поучительной прозы о Россіи. Будьте увѣрены, Ваше Высочество, что Ваши стихи наносятъ большой ущербъ этой прозѣ, и что мы предпочитаемъ четыре стиха, подписанные Federic [2]), всѣмъ подробностямъ, какъ русской, такъ и всеобщей исторіи" [3]). Отвѣчая на нападки Фридриха Великаго, Вольтеръ, очень основательно, указываетъ на то, что недостатки царя искупались его стремленіемъ сознать ихъ, избавиться отъ нихъ и такимъ образомъ пересоздать себя. „Я согласенъ", пишетъ Вольтеръ, „что это былъ варваръ но — этотъ варваръ создалъ людей; этотъ варваръ покинулъ свое государство для того, чтобы научиться царствовать; этотъ варваръ, боролся противъ своего прежняго воспитанія и своей природы. Онъ основывалъ города, онъ соединилъ моря каналами, онъ научилъ морскому дѣлу народъ, который не имѣлъ о немъ понятія, онъ хотѣлъ ввести общительность среди людей, не знавшихъ общества. Безъ сомнѣнія, у него были крупные недостатки, но не были ли они затемнены его творческимъ умомъ и множествомъ предначертаній, которыя всѣ были изобрѣтены для величія его страны и изъ коихъ многія были выполнены". Вольтеръ защищалъ Петра Великаго съ присущей ему энергіей и горячностью и, сравнивая его съ Карломъ XII, которому Фридрихъ почему-то отдавалъ предпочтеніе, писалъ: „царь, рожденный съ меньшими талантами (чѣмъ Карлъ XII), давалъ сраженія, видалъ много убитыхъ на своей сторонѣ, лично побѣдилъ самаго храбраго человѣка на землѣ". И, вспоминая слова Фридриха о трусости царя, прибавилъ: „Я люблю труса, который одерживаетъ побѣды".

Относительно своего будущаго труда, въ которомъ онъ намѣревался распространиться о Петрѣ, Вольтеръ писалъ: „я не стану скрывать его ошибокъ, но я превознесу, какъ смогу выше, не только все

---

[1]) Январь 1738 г., ib. 123.
[2]) Обычная подпись Фридриха Великаго.
[3]) Ib., 123.

то великое и прекрасное, что онъ сдѣлалъ, но и то, что онъ хотѣлъ сдѣлать".

Повидимому, къ январю 1738 г. интересъ Вольтера къ Петру и его времени возросъ, такъ какъ онъ сообщаетъ Фридриху о своемъ намѣреніи коснуться въ замышленномъ сочиненіи судьбы царицы Екатерины Алексѣевны и царевича Алексѣя, прося у кронпринца собрать свѣдѣнія „о жизни этой замѣчательной женщины, о нравахъ и родѣ смерти, постигшей царевича".

Въ отвѣтномъ письмѣ (1-го февраля 1738 г.) Фридрихъ обѣщаетъ Вольтеру приложить всѣ старанія, чтобы доставить ему подробности о приключеніяхъ царицы и о жизни царевича [1]), но предупреждаетъ, что обстоятельства, сопровождавшія кончину Алексѣя Петровича, внушатъ его корреспонденту ужасъ и отвращеніе: „такъ какъ жестокость и дикость отца положили конецъ его жалкому жребію".

Повидимому, горячая защита Вольтера показалась кронпринцу мало убѣдительной, и онъ вновь такъ оцѣниваетъ Петра: „Если бы кто-нибудь далъ себѣ трудъ съ ясной головой [2]) просмотрѣть все то добро и зло, которое принесъ царь своей странѣ, и если бы положить на вѣсы его добрыя и дурныя свойства, взвѣсить ихъ и затѣмъ составить о немъ сужденіе по тѣмъ свойствамъ, которыя перетянутъ, то нашли бы, что онъ совершилъ много блестящихъ дѣяній, что онъ обладалъ пороками героя и что его добродѣтели были совершенно помрачены и затемнены безчисленными пороками". Входя въ болѣе подробную оцѣнку государя, Фридрихъ критеріемъ беретъ „человѣколюбіе" и утверждаетъ, что у Петра его вовсе не было. По его представленію царь росъ и воспитался въ самомъ темномъ невѣжествѣ, у него не было ни малѣйшаго оттѣнка великодушія или добродѣтели. Въ его дѣятельности не было ни планомѣрности, ни системы, ни цѣли, онъ поступалъ, руководствуясь единственно „безпорядочнымъ побужденіемъ своихъ страстей". Поэтому время его царствованія въ Россіи напоминаетъ своею грубостью и жестокостью эпоху первыхъ цезарей. Для подтвержденія своихъ мыслей Фридрихъ сообщаетъ Вольтеру анекдоты, почерпнутые имъ у бывшаго чрезвычайнымъ посланникомъ въ Россіи (съ 1698 по 1700 г.) — фонъ-Принтцена, котораго Фридрихъ величаетъ почему-то посломъ: о пріемѣ его царемъ, при чемъ царь былъ на мачтѣ, и участіи Петра въ казни стрѣльцовъ.

---

[1]) Были впослѣдствіи пересланы.

[2]) Условіе, обидное для Вольтера.

Повидимому, кронпринцъ слыхалъ, какъ ихъ разсказывалъ фонъ-Принтценъ, потому что подробности ихъ настолько баснословны, что врядъ ли могли имѣть мѣсто въ офиціальномъ доношеніи дипломата, хотя Фридрихъ и считалъ ихъ за таковыя. Всѣ эти факты, сообщенные Вольтеру, заставили его лишній разъ задуматься надъ личностью Петра и надъ его временемъ. Конечно, ему какъ историку, интересующемуся преимущественно тѣмъ, какія полезныя людямъ идеи можно провести въ общество при помощи историческаго сочиненія, и излагающаго событія именно съ такой точки зрѣнія (да вдобавокъ еще и стороннику детерминизма), было, въ концѣ концовъ, не такъ ужъ важно знать детально характеръ царя; но, несомнѣнно, что матеріалы, присланные ему Фридрихомъ, и самая переписка имѣли значеніе въ ростѣ интереса Вольтера ко времени Петра и сыграли извѣстную роль въ рѣшеніи его обратиться къ русскому правительству (въ 1744 г.) съ предложеніемъ написать исторію царя преобразователя. Наконецъ есть всѣ данныя предполагать, что Вольтеръ использовалъ свѣдѣнія, полученныя имъ отъ кронпринца тогда, когда въ 1757—59 гг. писалъ исторію Петра Великаго по порученію Елизаветы Петровны (чрезъ И. И. Шувалова).

Подробности дальнѣйшихъ трудовъ Вольтера, какъ историка Россіи, разборъ и оцѣнка ихъ возьмутъ слишкомъ много времени и мѣста и не имѣютъ прямого отношенія къ разбираемой здѣсь перепискѣ, но можно считать установленнымъ, что эти письма проливаютъ значительный свѣтъ на то, какимъ образомъ явились „записки" Фокеродта, какими матеріалами, помимо присланныхъ изъ Россіи, пользовался Вольтеръ при написаніи исторіи Петра Великаго и подъ какими вліяніями и какъ слагалась у него мысль приступить къ этому труду.

Не лишены интереса и мнѣнія этихъ двухъ величайшихъ людей XVIII вѣка о третьемъ—о Петрѣ Великомъ.

В. Фурсенко.

Священникъ *В. Яворскій.* Пахомій Сербъ и его агіографическія писанія. Біографическій и библіографически-литературный очеркъ. С.-Пб. 1908.

О. Яворскій поставилъ себѣ скромную, но вмѣстѣ и тяжелую задачу: пересмотрѣть русскую агіографическую литературу и извлечь изъ нея данныя о жизни и дѣятельности Пахомія Серба. Труды его увѣнчались успѣхомъ. Онъ далъ полный перечень агіографическихъ сочиненій Пахомія, указалъ ихъ списки, привелъ изъ нихъ все то,

что относится лично къ Пахомію, и наконецъ представилъ оцѣнку трудовъ Пахомія. Мы погрѣшили бы противъ истины, если бы сказали, что онъ далъ *много* новаго; но несомнѣнно, что новое, даже своего рода открытія, у него есть.

Однимъ изъ открытій является указаніе на присутствіе Пахомія въ Новгородѣ при архіепископѣ Евѳиміи II (1429—1458 гг.) и на нахожденіе нѣкоторыхъ его сочиненій въ новгородскомъ спискѣ 1438 года. Значитъ, Пахомій уже жилъ и работалъ въ Россіи между 1429 и 1438 годами, раньше, чѣмъ всѣ до сихъ поръ полагали.

Другое, не лишенное цѣны указаніе автора относится къ опредѣленію конечнаго предѣла дѣятельности Пахомія. Это—1484 годъ, не ранѣе котораго было написано имъ житіе архіепископа новгородскаго Моисея. Все это даетъ періодъ приблизительно въ пятьдесятъ лѣтъ.

Другія данныя, найденныя авторомъ въ сочиненіяхъ Пахомія, не такъ важны, какъ онъ думаетъ. Присутствіе Пахомія около 1438 года въ Новгородѣ вовсе не означаетъ, что онъ прямо со Святой Горы пришелъ въ Новгородъ и что, слѣдовательно, свидѣтельство одного изъ списковъ о прибытіи его „изъ Сербской земли“ „къ великому князю Василію Васильевичу“ лишено значенія (стр. 13). Обычный путь съ Аѳона въ Новгородъ лежалъ черезъ Москву; а центромъ сношеній Московской Руси съ Аѳономъ и Царьградомъ былъ въ то время Сергіевъ Троицкій монастырь. Необходимо предположить, что Пахомій, прежде чѣмъ прибыть въ Новгородъ, успѣлъ побывать въ Москвѣ у великаго князя и отдохнуть въ Троицкомъ монастырѣ.

Да и сомнительно, чтобы прибытіе Пахомія въ Россію было вызвано приглашеніемъ изъ Новгорода, а не какими-нибудь болѣе общими причинами. Мы не должны забывать, что Пахомій именуется не только сербиномъ, но и *логоѳетомъ*. Этотъ титулъ показываетъ, что у себя на родинѣ, можетъ быть, до монашества,—онъ былъ правителемъ дѣлъ, выражаясь по современному, или канцлеромъ [1]) у одного изъ сербскихъ властителей, или даже у самого деспота Стефана Лазаревича, какъ извѣстно большого любителя книжнаго дѣла и книжныхъ людей (+1427 г.). Время, когда былъ логоѳетомъ Пахомій, было въ высшей степени тяжелое для южнаго славянства, и удаленіе Пахомія, аѳонскаго постриженника, „изъ Сербской земли“ могло имѣть очень

---

[1]) По законнику Душана, логоѳетъ имѣлъ близкое отношеніе къ церковнымъ дѣламъ: „црьквами да облада господинь царь и патріархъ и *логофетъ* (царевь“). Изданіе *Т. Д. Флоринскаго*, стр. 17.

важныя для него причины. Во всякомъ случаѣ нѣтъ основаній пренебрегать вышеупомянутымъ свидѣтельствомъ или сомнѣваться въ его историческомъ достоинствѣ.

„Гипотеза Шевырева, говоритъ о. Яворскій на стр. 11, о болгарскомъ происхожденіи Пахомія Логоѳета—недоразумѣніе, возникшее, очевидно, на почвѣ смѣшенія именъ; сербское происхожденіе нашего автора не подлежитъ сомнѣнію". Дѣйствительно, Пахомій называетъ себя сербиномъ и говоритъ о своемъ прибытіи изъ Сербской земли. Но списки его трудовъ (тѣ, которые намъ извѣстны, между ними и изданные о. Яворскимъ, одинъ едва ли не собственноручный Пахомія) свободны отъ сербизмовъ и какъ-будто имѣютъ слѣды болгаризмовъ [1]). Югозападная Болгарія (нынѣ именуемая Македоніей) во времена Пахомія была въ составѣ сербскаго государства, „Сербской земли"; Пахомій былъ поэтому въ правѣ считать себя сербиномъ; но для того, чтобы мы могли повторять его самоопредѣленіе съ точки зрѣнія современной этнографіи,—по нашему убѣжденію, нужны данныя. При ихъ отсутствіи гипотеза Шевырева, какъ бы она ни возникла, сохраняетъ нѣкоторое право на существованіе.

Обыкновенно авторы ученыхъ изслѣдованій бываютъ благосклонны къ своимъ героямъ. О. Яворскій представляетъ до извѣстной степени исключеніе. Онъ очень сурово относится къ Пахомію и цѣнитъ его трудъ очень низко. Онъ обыкновенно именуетъ Пахомія *риторомъ.*

„Самъ Пахомій понималъ задачу и цѣль своихъ писаній, читаемъ мы у о. Яворскаго на стр. 231, не въ смыслѣ ихъ исторіографической цѣнности, не въ иномъ какомъ либо, а именно въ значеніи церковной нравоучительной проповѣди". „Панегиризмъ съ соотвѣтствующимъ подборомъ и освѣщеніемъ матеріала исчерпываетъ содержаніе работъ Пахомія" (стр. 233). О. Яворскій вполнѣ правъ, говоря, что Пахомій не былъ историкомъ въ обычномъ смыслѣ этого слова; мы должны съ нимъ согласиться и во взглядѣ на содержаніе пахоміевыхъ сочиненій. Но можемъ ли мы ставить все это въ вину Пахомію?

Пахомій, по словамъ самого о. Яворскаго, исколесилъ почти всю тогдашнюю Московскую Русь. Мы его видимъ то въ Новгородѣ, то на Бѣломъ озерѣ, то въ Сергіевомъ монастырѣ, то въ Москвѣ. Онъ дѣлаетъ трудныя путешествія, чтобы собирать данныя о святыхъ, историческій матеріалъ. Всѣ мѣстные люди знаютъ, что онъ—спеціа-

---

[1]) Мы имѣемъ въ виду относительно-большое число случаевъ правильнаго употребленія юса большого (конечно, рядомъ съ случаями употребленія неправильнаго).

листъ по составленію житій святыхъ, и всѣ идутъ къ нему, чтобы сообщить объ извѣстномъ имъ подвигѣ или чудѣ святого. Пахомій усердно пользуется этимъ матеріаломъ. Матеріалъ былъ одностороненъ. „Темныхъ сторонъ въ человѣческомъ земномъ теченіи угодника“ (стр. 233) Пахомій не зналъ; объ нихъ молчали тѣ, кто давалъ свѣдѣнія Пахомію; значитъ, не онъ виновенъ въ ихъ замалчиваніи (стр. 233). Матеріалъ не былъ богатъ именами и хронологическими датами. И здѣсь дѣло не въ немъ, а въ его источникѣ—устномъ преданіи. Тамъ, гдѣ онъ слышалъ разсказы современниковъ святого,—онъ даетъ немало цѣннаго. „Счастливымъ исключеніемъ съ точки зрѣнія исторической цѣнности сообщаемыхъ свѣдѣній, говоритъ самъ о. Яворскій (стр. 239), являются житія архіепископа новгородскаго Евѳимія II, преподобнаго Кирилла Бѣлозерскаго, до нѣкоторой степени—преподобнаго Саввы Вишерскаго, архіепископа новгородскаго Моисея и сказаніе о перенесеніи мощей митрополита Петра“. Пенять на Пахомія за то, что онъ не сообщилъ новыхъ данныхъ, напримѣръ, о преподобномъ Варлаамѣ Хутынскомъ (стр. 238), значитъ требовать отъ него невозможнаго. Что онъ могъ узнать на мѣстѣ, въ Хутынскомъ монастырѣ, объ основателѣ монастыря, умершемъ слишкомъ два столѣтія ранѣе, при всемъ своемъ желаніи увеличить матеріалъ древняго житія Варлаама?

„Большинство писаній Пахомія, говоритъ о. Яворскій,—редакціи раннѣйшихъ памятниковъ“ (стр. 238). Чтобы оцѣнить достоинство этихъ писаній, необходимо посмотрѣть, что сдѣлали другіе „метафрасты“, болѣе чѣмъ онъ вооруженные образованіемъ и богатые литературнымъ талантомъ. Мы говоримъ о Симеонѣ Логоѳетѣ, или Метафрастѣ, и о Димитріи Ростовскомъ. Раннѣйшіе памятники, читаемъ мы у о. Яворскаго (стр. 238), „подъ перомъ нашего автора или ничего не прибавляютъ къ историческому матеріалу предшествующихъ редакцій, или даже теряютъ часть фактовъ въ пользу риторическихъ условностей“. То же самое (если выключить „риторическія условности“) можно сказать и о Симеонѣ, и о Димитріи. Значеніе „метафразъ“ понятно: они давали позднѣйшимъ читателямъ возможность читать житія святыхъ въ удобномъ для этихъ читателей видѣ, безъ устарѣлыхъ или непонятныхъ словъ и выраженій, безъ старомодныхъ украшеній. Отсюда распространенность „метафразъ“. О. Яворскій свидѣтельствуетъ объ обиліи списковъ большей части трудовъ Пахомія. Мы можемъ прибавить, что такъ называемыя до-метафрастовскія житія далеко не всѣ сохранились на греческомъ языкѣ даже

въ рѣдкихъ спискахъ, между тѣмъ какъ передѣлки Симеона дошли до насъ во многихъ спискахъ. Точно также Четьи-Минеи Димитрія Ростовскаго изъяли изъ живого употребленія значительную часть житій Пахомія, внеся на свои страницы ихъ передѣлки, исполненныя согласно съ новыми требованіями новыхъ читателей.

О. Яворскій называетъ Пахомія не только риторомъ, но также риторомъ наемнымъ. „Отъ писателя, работавшаго за куны и соболи, не имѣвшаго поводовъ быть ни патріотомъ въ чужой землѣ, ни искреннимъ почитателемъ чужихъ святыхъ,... ждать искренности глубокаго чувства... не приходится“, увѣряетъ онъ (стр. 285—286). Этотъ упрекъ въ наемничествѣ, въ отсутствіи искренности по отношенію къ чужимъ“ будто бы святымъ — основанъ цѣликомъ на разсказѣ самого добродушнаго Пахомія о полученныхъ имъ отъ архіепископа новгородскаго Іоны серебрѣ, кунахъ и соболяхъ (стр. 18). Разсказъ даетъ намъ право признать только то, что Іона былъ очень доволенъ работою Пахомія, а Пахомій—вниманіемъ къ нему Іоны.

Подводя итогъ сказанному, мы должны признать обиліе въ трудѣ о. Яворскаго цѣнныхъ фактическихъ данныхъ разнаго рода, но также отмѣтить въ немъ односторонность освѣщенія при оцѣнкѣ достоинствъ и недостатковъ въ сочиненіяхъ Пахомія.

А. Соболевскій.

К. Болсуновскій. Родовой знакъ Рюриковичей, великихъ князей Кіевскихъ. Геральдическое изслѣдованіе, предназначенное къ чтенію на XIV Археологическомъ съѣздѣ въ г. Черниговѣ. Кіевъ, 1908.

Брошюра К. В. Болсуновскаго, состоящая всего изъ четырехъ страницъ текста и одной таблицы снимковъ, заслуживаетъ вниманія и по своимъ выводамъ, и по своимъ даннымъ. Та монограмма, которая находится на монетѣ Владимира Святого, оказалась также на кирпичѣ или изразцѣ, отрытомъ недавно (въ 1907 г.) на мѣстѣ великокняжескаго дворца, въ Кіевѣ, въ усадьбѣ г. Петровскаго. Авторъ припоминаетъ монограмматическіе знаки на монетѣ боспорскихъ царей и видитъ между ними и кіевской монограммой большую аналогію. По его мнѣнію, передъ нами не что иное, какъ греческій титулъ βασιλεύς въ обычномъ для стараго времени монограмматическомъ сокращеніи. Далѣе авторъ привлекаетъ къ сравненію знакъ на монетахъ, приписываемыхъ кіевскому князю Владимиру Ольгердовичу, и объясняетъ его въ связи съ знакомъ на монетахъ Владимира Святого.

Конечные выводы К. В. Болсуновскаго таковы:

1) загадочный знакъ, заимствованный изъ Византіи, образовался изъ буквъ греческаго алфавита, которыя составляютъ титулъ монарха;

2) титулъ этотъ послѣ Владимира Св. удержали всѣ его преемники до Ярополка-Петра включительно;

3) послѣ измѣненій, отъ прибавокъ креста и луны, онъ получилъ значеніе геральдической эмблемы, почему его и слѣдуетъ считать за гербъ Рюриковичей.

Эти выводы мы считаемъ удачными, по крайней мѣрѣ въ главной части: знакъ на кіевскихъ монетахъ и на вновь отрытомъ кирпичѣ, по нашему мнѣнію, можетъ быть признаваемъ за греческую монограмму слова βασιλευς, перенесенную изъ греческихъ городовъ Черноморскаго побережья въ Россію и здѣсь нашедшую себѣ значительное примѣненіе на монетахъ и предметахъ княжеской обстановки.

А. Соболевскій.

Fr. Leo. Der Monolog im Drama. Ein Beitrag zur griechisch-römischen Poetik. Berlin 1908. 129 стр. in 4.

Монологъ, „эта излюбленная Шекспиромъ форма лунатизма“, по счастливому выраженію И. Ѳ. Анненскаго („Книга отраженій“ стр. 87), за послѣднее время сталъ предметомъ усиленныхъ нападокъ со стороны многочисленныхъ искателей новыхъ путей для современной драмы, при чемъ борьба эта одновременно ведется съ одинаковымъ ожесточеніемъ изъ двухъ противоположныхъ лагерей. Натуралисты возстаютъ противъ монолога за то, что въ дѣйствительной жизни рѣдко кто говоритъ самъ съ собою—стало быть не должно быть монолога и въ драмѣ, этомъ зеркалѣ дѣйствительности. Ихъ принципіальные враги, менѣе всего склонные замыкать театръ узкой задачей воспроизведенія повседневности, тоже обрушиваются на монологъ, но уже потому, что находятъ его слишкомъ громоздкимъ и недостаточно гибкимъ орудіемъ для выраженія душевной жизни. На ихъ взглядъ, для этого пригоднѣе односложное восклицаніе, машинально взятый аккордъ на рояли, или, еще лучше, выразительная пауза, дающая широкій просторъ для симпатическихъ переживаній зрителя именно въ виду своей неопредѣленности. Въ итогѣ монологи начинаютъ все рѣже и рѣже появляться въ пьесахъ, по своей техникѣ особенно характерныхъ для драматургическаго творчества нашихъ дней. Но поэтому именно теперь, когда, быть можетъ, намъ предстоитъ надолго проститься съ когда-то не-

премѣнной принадлежностью всякой драмы, невольно хочется опредѣлить значеніе монолога въ прежнемъ развитіи драматургіи; нужно выяснить, съ чѣмъ мы разстаемся: съ никому не нужнымъ шаблономъ или же съ дѣйствительно необходимой принадлежностью драматическаго произведенія? При такихъ условіяхъ появленіе исторіи монолога представляетъ большой интересъ не только для спеціалистовъ классиковъ, одинъ изъ крупнѣйшихъ представителей которыхъ опубликовалъ эту исторію монолога, но и для всѣхъ дѣятелей науки и искусства, которыхъ интересуетъ драматическое творчество, его пріемы и задачи.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ была сдѣлана попытка изслѣдовать значеніе монолога въ поэмахъ Гомера (*C. Hentze*, Die Monologe in den homerischen Epen. *Philologus*, томъ 63. 1904, 12—30). Оказалось, что у Гомера монологъ является діалогомъ между говорящимъ и его душей, которая путемъ персонификаціи ставится рядомъ съ нимъ, какъ равноправный собесѣдникъ. Но у Гомера монологъ количественно еще не развитъ: на обѣ поэмы приходится всего на всего 21 монологъ, при чемъ въ первыхъ десяти пѣсняхъ Иліады эта форма совершенно отсутствуетъ. Громадное большинство ихъ приходится на долю главныхъ героевъ обѣихъ поэмъ: Ахиллу дано 4, Одиссею 7 и т. д. Изъ боговъ къ нимъ прибѣгаютъ всего чаще Зевсъ и Посейдонъ. По своему содержанію они дѣлятся на посвященные или общему размышленію, или оцѣнкѣ способовъ, какъ выйти изъ даннаго стеченія обстоятельствъ. При этомъ они являются прекраснымъ средствомъ для характеристики дѣйствующихъ лицъ, напримѣръ, внутренній обликъ Одиссея лучше всего открывается именно изъ вложенныхъ въ его уста монологовъ. Fr. Leo распространилъ изслѣдованіе этого вопроса на ту область, которая гораздо больше поэмъ Гомера заслуживала быть изученной въ этомъ направленіи, на драму. Среди нынѣ здравствующихъ ученыхъ трудно подыскать другого спеціалиста, который своими предшествующими трудами былъ бы болѣе подготовленъ къ разрѣшенію такого важнаго и сложнаго вопроса, чѣмъ геттингенскій профессоръ, съ такимъ успѣхомъ поработавшій и надъ трагедіями Сенеки, и надъ комедіями Плавта, и надъ вновь находимыми отрывками греческихъ комиковъ съ Менандромъ во главѣ. Помимо своихъ капитальныхъ работъ надъ критикой античныхъ драматическихъ текстовъ Фр. Лео пріобрѣлъ заслуженную извѣстность какъ разъ изслѣдованіями отдѣльныхъ вопросовъ техники и композиціи античной драмы; среди нихъ особеннаго вниманія заслуживаютъ его поучительныя наблюденія надъ устройствомъ прологовъ у Плавта, вошедшія въ со-

ставъ его классическихъ Plautinische Forschungen, появившихся въ 1895 г. и до сихъ поръ манящихъ подвергнуть такому же всестороннему изученію и остальныхъ античныхъ драматурговъ. Теперь эта задача отчасти выполнена тѣмъ же самымъ ученымъ въ книгѣ, заглавіе которой выписано выше.

Свое изслѣдованіе Ф. Лео начинаетъ съ указанія на значительное преобладаніе монолога въ новой драмѣ по сравненію съ античной. На его взглядъ, первое, что бросается въ глаза при сопоставленіи Софокла съ Шекспиромъ и Шиллеромъ, это отсутствіе монолога у перваго и его расцвѣтъ у двухъ послѣднихъ.

Историческій обзоръ античнаго монолога Лео начинаетъ съ Гомера, углубляя наблюденія своего предшественника въ этой области. Гомеровскіе монологи онъ дѣлитъ на драматическіе и на лирическіе. Ихъ возникновеніе онъ выводитъ изъ особенностей живого темперамента грековъ, говорившихъ сами съ собою въ минуту сильнаго возбужденія или полнаго погруженія въ свои думы. Наоборотъ, ибсеновскій походъ противъ монолога Ф. Лео склоненъ выводить именно изъ замкнутости и сдержанности сѣверянина (стр. 4); переходя отъ Гомера къ Вергилію, авторъ указываетъ на преобладаніе монолога въ эротической поэзіи эллинистическаго періода, у Овидія, напримѣръ, и затѣмъ въ преемникѣ ея формъ и традицій: въ греческомъ романѣ. Съ монологомъ считались уже греческіе философы; такъ у Платона однимъ изъ существенныхъ различій между διάνοια и λόγος является то, что первая αὐτῆς πρὸς ἑαυτὴν ψυχῆς διάλογος (Sophis. 264 A), тогда какъ второй вообще: ἀπὸ τῆς φονῆς ρεῦμα διὰ τοῦ στόματος ἰὸν μετὰ φθόγγου (263 E).

Обращаясь къ драмѣ, Лео отмѣчаетъ, что всѣ три монолога, находящіеся въ дошедшихъ до насъ трагедіяхъ Эсхила, представляютъ собою не обращеніе говорящаго къ своей собственной душѣ, а воззванія къ богамъ или къ тяготѣющему надъ нимъ одиночеству, среди котораго онъ поставленъ лицомъ къ лицу съ однѣми только стихіями. Но Софоклъ уже часто прерываетъ діалогическую форму изложенія монологами, при чемъ говорящій или въ началѣ всей своей рѣчи или въ началѣ какого-нибудь крупнаго ея отдѣла взываетъ къ богамъ, демонамъ, отсутствующимъ участникамъ миѳа, къ стихіямъ, къ одушевленнымъ или даже неодушевленнымъ предметамъ. Въ современномъ значеніи этого термина, у Софокла можно найти всего на всего только два монолога: Электры (86—120) и Аякса (815—865), при чемъ оба они усвоены лицамъ, находящимся въ состояніи высшаго захвата страстью. Ни у Софокла, ни у Эсхила нѣтъ свойственнаго Гомеру обычая за-

ставлять дѣйствующихъ лицъ разговаривать самихъ съ собою. Въ драмѣ мы встрѣчаемъ такой монологъ впервые у Эврипида, въ его Алкестадѣ (ст. 837—860), гдѣ онъ вложенъ въ уста Геракла (театръ Эврипида, переводъ И. Ѳ. Анненскаго I, стр. 88—89). Онъ служитъ здѣсь не для простого повѣствованія, а для мотивировки выступленія даннаго персонажа. И эта форма монолога осталась наиболѣе характерной для Эврипида. У него есть излюбленный пріемъ для монологовъ, служащихъ прологомъ пьесы: произносящій ихъ сидитъ на сценѣ, ища защиты. То онъ одинъ (Андромаха, позже Елена), то у него есть спутники (Геракліды, Гераклъ), то его одиночество нарушаетъ присутствіе хора (Гекетиды). Такая форма устройства прологовъ господствуетъ въ трагедіяхъ Эврипида, написанныхъ въ промежутокъ между 430 и 420 годами, при чемъ онъ установилъ навсегда для прологовъ форму разсказа, и въ этихъ рѣчахъ уже заключается потенціально позднѣйшій прологъ комедіи. Если въ нѣкоторыхъ его трагедіяхъ теперь начало устроено иначе, то это свидѣтельствуетъ только о томъ, что позднѣйшей переработкѣ или дополненію подверглась именно эта часть трагедіи. Такимъ позднѣйшимъ придаткомъ, на взглядъ Лео, являются первые 49 стиховъ *Ифигеніи въ Авлидѣ*, занятые разговоромъ между Агамемнономъ и старикомъ, первоначально же трагедія начиналась монологомъ Агамемнона: ἐγένοντο Λήδᾳ Θεστιάδι τρεῖς παρθένοι Φοίβη, Κλυταιμνήστρα τ᾽ἐμὴ ξυνάορος Ἑλένη τε и т. д. (ст. 49—107). Кстати слѣдуетъ здѣсь указать, что еще въ 1891 г. Вильгельмъ Францъ въ очень содержательной диссертаціи о прологахъ древней комедіи указалъ на полное сходство по устройству этой начальной сцены *Ифигеніи въ Авлидѣ* съ отдѣльными эпизодами *Богатства* Аристофана и Pseudolus Плавта. Но Лео полагаетъ, что въ первоначальной редакціи разсказъ Агамемнона начинался съ того, что онъ называлъ себя по имени, какъ то мы видимъ хотя бы въ *Ипполитѣ*, и что тѣ, кто присочинилъ въ началѣ 49 стиховъ для согласованія съ ними пролога, измѣнили и его. Сильно развита у Эврипида и та форма монологовъ, которая занята жалобными пѣснями: Алкестида 243, 861, Ипполитъ 817, Андромаха 1173, Гекаба 68, 155, 681, 1056, Гакетиды 990, Іонъ 859, Троянки 1287, Елена 362, Финикіянки 1485, Орестъ 1381, 1452, Ифигенія Авлидская 1283. Особую группу занимаютъ у него монологи, произносимые приходящимъ въ видѣ привѣтствія дому: Гераклъ 523, Орестъ 356, Елена 1165.

У Аристофана совершенно свободны отъ монологовъ комедіи: *Всадники, Осы, Миръ, Птицы, Лягушки*. Монологъ изъ *Ахарнянъ* 480 сл.

не представляетъ собою характернаго для самого Аристофана пріема композиціи, а является умышленной пародіей монолога Эврипидовской Медеи ст. 1242 сл., вообще же въ своихъ раннихъ комедіяхъ, относящихся къ V вѣку и ко времени расцвѣта трагедіи, Аристофанъ такъ же скупо пользовался монологами, какъ и Эсхилъ, и только въ *Облакахъ* да въ обѣихъ младшихъ изъ сохранившихся пьесъ, время переработки которыхъ точно установить нельзя, онъ сталъ свободнѣе примѣнять эту форму композиціи.

Настоящій расцвѣтъ монолога начался въ „новой" аттической комедіи, при чемъ ея творцы особенно любили начинать монологомъ каждую новую фазу въ ходѣ комедіи, слѣдуя въ этомъ опять-таки Эврипиду, примѣнявшему уже этотъ пріемъ въ своихъ позднѣйшихъ трагедіяхъ. Особенно это замѣтно на тѣхъ комедіяхъ Плавта, оригиналъ которыхъ восходитъ къ Филемону. Но комики значительно развили и расширили примѣненіе монолога по сравненію съ Эврипидомъ. Совсѣмъ иначе пользовался монологомъ Менандръ, насколько объ этомъ можно судить по пьесамъ Теренція и Плавта (особенно Bacchides), являющимся передѣлками изъ Менандра. Такимъ образомъ и въ этомъ отношеніи между Менандромъ и Филемономъ существовало серьезное различіе въ чисто техническихъ вопросахъ. (Другіе случаи такого же различія между ними указаны мною въ Menandrea. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1909, № 2). Менандръ, какъ показываютъ вновь найденные его отрывки, каждый монологъ соединялъ съ опредѣленнымъ дѣйствіемъ персонажа. Надо однако имѣть въ виду, что у Плавта не мало монологовъ возникло только потому, что онъ растягивалъ на цѣлую тираду сжатую сентенцію, занимавшую въ оригиналѣ два стиха.

Съ теченіемъ времени монологъ сталъ излюбленной формой школьныхъ упражненій у риторовъ, отъ которыхъ въ свою очередь получилъ сильную риторическую окраску. Въ такомъ видѣ мы встрѣчаемъ монологъ въ трагедіяхъ Сенеки, вложившаго такой же самый монологъ въ уста разсуждающаго самъ съ собою ночью Августа (De clem. I, 9). Ближайшимъ образцомъ монологовъ изъ его трагедіи могутъ служить Метаморфозы Овидія съ находящимися въ нихъ монологами Медеи (VII 11, 192), Скиллы (VIII 44), Алтэи (VIII 478), Дейяниры (IX 143), Библиды (IX 474), Ифиды (IX 726), Мирры (X 320)—все женщинъ, охваченныхъ любовною страстью.

Послѣ такого разбора монологовъ у отдѣльныхъ драматурговъ древности Фр. Лео даетъ (стр. 115 сл.) сжатый историческій очеркъ

развитія этого существеннаго элемента драматической композиціи. Первымъ, кто ввелъ монологъ въ драму, онъ считаетъ Эсхила. До него, какъ это показываютъ и его раннія драмы, актеръ, ὑποκριτής говорилъ только съ хоромъ. Аристофанъ унаслѣдовалъ эту форму отъ Эсхила, техническимъ пріемамъ котораго онъ особенно сочувствовалъ, тогда какъ ни у Софокла, ни у Эврипида, если не считать его *Киклопа*, ничего подобнаго уже не встрѣчается. Комики, жившіе между Аристофаномъ и Менандромъ, постепенно устранили хоры отъ участія въ дѣйствіи пьесы и ограничили его роль выступленіемъ только въ антрактахъ, что, какъ отзвукъ древнихъ стасимовъ, разъединило части пьесы. Это удаленіе хора знаменовало новый періодъ въ развитіи комедіи, устранило рядъ трудностей въ проведеніи дѣйствій и веденіи діалога и способствовало развитію монолога, сохранившаго еще у Менандра исконную черту комической композиціи: какъ въ трагедіи актеръ заговаривалъ съ хоромъ и въ бесѣдахъ съ нимъ раскрывалъ свою душу, такъ въ комедіи актеръ вступалъ въ бесѣду съ публикой, и недавно открытые отрывки Менандра, напримѣръ, рѣчь Демеи въ началѣ *Саміянки*, показываютъ, какъ широко пользовался этимъ пріемомъ этотъ лучшій представитель „новой“ аттической комедіи. Не менѣе широко имъ пользовался и Плавтъ, но зато Теренцій рѣшительно отъ него воздерживался, поступая въ данномъ случаѣ не подъ вліяніемъ иноземной традиціи, а руководствуясь личнымъ вкусомъ.

Монологи „новой“ комедіи оказали громадное вліяніе на остальные виды литературы. Монологи влюбленнаго юноши у Менандра потомъ воскресли въ эллинистическомъ эпилліи, въ любовномъ романѣ, въ римской элегіи. Отъ Эврипида сквозь фильтръ риторики монологъ доходитъ до Сенеки, а оттуда и до драмы новаго міра. Въ пьесахъ и ренессанса и нѣмецкихъ драматурговъ школы Клейста, Геббеля или Грильпарцера монологъ служитъ излюбленнымъ средствомъ для выраженія сомнѣній, намѣреній и отголосковъ личности на окружающія ее событія. Отъ Шекспира, Кальдерона и французскихъ трагиковъ взяли Шиллеръ и Гете манеру строить свои монологи. При этомъ римская комедія, то есть въ сущности Менандръ, гораздо сильнѣе, чѣмъ античная трагедія, повліяла на выработку формъ новѣйшей трагедіи. Послѣдняя мысль, не смотря на всю свою историческую важность, только брошена мимоходомъ, но не доказана такъ, какъ этого она заслуживала бы и какъ это сдѣлано ученымъ авторомъ въ примѣненіи къ другимъ частямъ построенной имъ исторіи монолога. Свою

область Фр. Лео разработалъ съ достаточной полнотой, пусть спеціалисты по позднѣйшимъ эпохамъ драмы, слѣдуя за нимъ, такъ же обслѣдуютъ свои области, благо теперь имъ данъ для этого вполнѣ надежный образчикъ.

Выше передано содержаніе книги Фр. Лео, поскольку она касается вопроса, названнаго въ ея заглавіи. Но помимо исторіи монолога, въ ней попутно затронутъ и рядъ другихъ вопросовъ, связанныхъ такъ или иначе съ исторіей драматической композиціи. Такъ, напримѣръ, на стр. 77 онъ затрагиваетъ очень важные вопросы о томъ, насколько пѣніе имѣло мѣсто на представленіяхъ „новой" комедіи; но объ этомъ сказано только два слова, тогда какъ эта тема во всякомъ случаѣ заслуживала бы большаго къ себѣ вниманія. Наоборотъ, слишкомъ подробно говорится объ роли хора въ комедіи послѣ Аристофана (стр. 39 сл.). Здѣсь повторяются или результаты изслѣдованій другихъ ученыхъ съ А. Керте во главѣ, или же замѣчанія самого Лео, по большей части уже сдѣланныя имъ въ работахъ, посвященныхъ новымъ отрывкамъ Менандра (они приведены въ моей книгѣ: Новыя комедіи Менандра. Казань 1909, стр. 86 сл.). Особенно важнаго вновь здѣсь ничего не дано, и поэтому эту часть, кажется, можно было бы сократить безъ особаго ущерба для дѣла, тогда какъ теперь она явно нарушаетъ естественный ходъ изслѣдованія.

Зато книга не свободна отъ пропусковъ, и притомъ довольно чувствительныхъ. Такъ, въ отдѣлѣ, гдѣ рѣчь идетъ о вліяніи драматическаго монолога на любовную лирику, едва ли слѣдовало ограничиваться Проперціемъ, Тибулломъ, буколиками Вергилія и метаморфозами Овидія. Къ любопытнымъ выводамъ привело бы и разсмотрѣніе Героидъ послѣдняго, особенно послѣднихъ шести, гдѣ посланія Аконтія, Леандра и Париса едва ли сложились внѣ вліянія драматическаго монолога. Не безцѣльно было бы сопоставленіе съ монологомъ и нѣкоторыхъ пьесъ Овидія изъ эпохи изгнанія. Вообще коснуться вопроса о взаимоотношеніи монолога и литературнаго письма было бы одинаково полезно для выясненія особенностей композиціи и того и другого. Но, конечно, эти desiderata не должны умалять достоинствъ книги: въ ней и безъ того данъ слишкомъ богатый матеріалъ, и вышеприведенные вопросы отмѣчены не въ упрекъ почтенному изслѣдователю, а скорѣе какъ указаніе того, надъ чѣмъ слѣдовало бы поработать тѣмъ, кто пожелаетъ продолжать его дѣло.

Трудно согласиться съ нѣкоторыми частными замѣчаніями автора. На стр. 108 онъ замѣчаетъ: In der Figurenlehre kommt die Selbstan-

rede als eigene Figur nicht vor. διαλογισμός (διαλογικόν, διαλεκτικόν) ratiocinatio sind weitere Begriffe. Но Юлій Руфиніанъ въ своемъ liber de figuris sententiarum et elocutionis § 30 учитъ: Διαλογισμός. Haec fit ita, cum quis secum disputat et volutat, quid agat vel quid agendum putet. Apud Terentium: *Quid igitur faciam?* Vergilius:

En, quid ago? rursusne procos irrisa priores Experiar.

Cicero pro Cluentio: Dem iudicibus? Mihi igitur nihil quaeretur? In Verrinarum libro I. Si pupillo redimitur, mihi praeda de manibus eripitur. Quod est igitur remedium? Quod? (*C. Halm*, Rhetores latini minores. Lipsiae 1863, 43). Чѣмъ это не Selbstanrede?

Сомнительна возможность для доказательства, что μέρος=актъ, ссылаться на такое мѣсто изъ Лукіана de saltatione 66: ἰδὼν γὰρ πέντε πρόσωπα τῷ ὀρχηστῇ παρασκευασμένα—τοσούτων γὰρ μερῶν ἦν τὸ δρᾶμα. Какъ будто въ двухъ актахъ нельзя было выступать въ одной и той же маскѣ? Не правильнѣе ли думать, что здѣсь идетъ рѣчь о пантомимѣ, состоявшемъ изъ 5 *ролей*, которыя переиграть античный Фреголи могъ только при помощи 5 масокъ?

Б. Варнеке.

Книжныя новости.

Труды Оренбургской ученой архивной комиссіи. Выпускъ XIX. Оренбургъ. 1908. Стр. 278. Цѣна 1 р.

Существующая болѣе 20 лѣтъ Оренбургская ученая архивная комиссія проявила свою дѣятельность лишь въ послѣднее десятилѣтіе, въ которое она напечатала 18 выпусковъ своихъ „Трудовъ". Среди нихъ есть выпуски, цѣликомъ посвященные такимъ серьезнымъ трудамъ, какъ „Оренбургская епархія въ прошломъ ея и настоящемъ", Н. М. Чернавскаго (вып. VII и X); „Башкирскій бунтъ въ 1735, 1736 и 1737 годахъ", А. И. Добросмыслова (вып. VIII); „О башкирскихъ тамгахъ", Д. Н. Соколова (вып. XIII); „Народный судъ обычнаго права киргизъ Малой орды", Л. А. Словохотова (вып. XV), и др.

Настоящій разсматриваемый нами XIX выпускъ „Трудовъ" содержитъ въ себѣ, кромѣ стоящихъ во главѣ его „Отчета" о состояніи и дѣятельности комиссіи за 1906 г. и протоколовъ засѣданій за тотъ же годъ, біографическія статьи о покойныхъ членахъ комиссіи: Вл. Н. Витевскомъ, авторѣ извѣстнаго труда: „И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край до 1758 года"; Ѳ. М. Самоцвѣтѣ и И. И. Евфимовскомъ-Мировицкомъ, и о предсѣдателѣ пограничной комиссіи Гр. Ѳед. Генсѣ († 1845 г.), оставившемъ послѣ себя цѣнныя рукописи объ Оренбургскомъ краѣ, которыя и перечисляются въ особой статьѣ А. В. Попова. Далѣе въ него вошли: „Очеркъ внутренняго устройства улуса Джучіева", А. В. Попова (по извѣстному труду И. Н. Березина); „Отчетъ о раскопкахъ шести

кургановъ въ Актюбинскомъ уѣздѣ лѣтомъ 1906 г.", І. Кастанье; „Исторія Чингисхана и Тамерлана", переводъ съ старинной рукописи на джагатайскомъ нарѣчіи А. Васильева и А. Балгимбаева; „Описаніе Хивинскаго ханства и дороги туда изъ Сарайчиковской крѣпости", В. Григорьева, сообщ. А. В. Поповымъ (первое по времени систематическое описаніе ханства на русскомъ языкѣ); „Къ статьѣ о башкирскихъ тамгахъ", Д. Н. Соколова; „Изъ поѣздокъ по степи (наблюденія и замѣтки)", его же; „Развалины Болгасынъ и Челкарская степь", І. Кастанье, принимающаго „Болгасынъ" за кладбище, а не за поселеніе, какъ прежніе изслѣдователи, и „Описи казачьи 1795—1800 г.г.", И. С. Шукшинцева.

Въ текстѣ помѣщены портреты: Витевскаго, Самоцвѣта, Генса и Евфимовскаго-Мировицкаго и 8 таблицъ рисунковъ, относящихся къ статьямъ І. Кастанье.

Труды Саратовской ученой архивной комиссіи. 1908 годъ. Выпускъ XXIV. Стр. 151+152. Цѣна 1 р. 25 к.

Изданный спустя пять лѣтъ послѣ выхода въ свѣтъ XXIII, разсматриваемый XXIV выпускъ „Трудовъ" Саратовской ученой архивной комиссіи открывается наводящимъ грусть обращеніемъ г.г. членовъ комиссіи къ мѣстному обществу. Оказывается, что все минувшее пятилѣтіе комиссія не имѣла „средствъ даже на марки и на уплату сторожамъ за мытье половъ". „Если", читаемъ далѣе въ этомъ обращеніи, „общество симпатизируетъ цѣлямъ комиссіи и окажетъ ей матеріальную поддержку, комиссія будетъ работать на пользу роднаго края съ удвоенной энергіей; въ противномъ случаѣ ей не останется другаго исхода, какъ закрыть музей и прекратить свою дѣятельность до болѣе благопріятнаго времени". Печальная участь нашихъ провинціальныхъ историко-археологическихъ обществъ, и надо только удивляться той энергіи, съ какою при подобныхъ условіяхъ не бросаютъ вовсе своего дѣла члены архивной комиссіи—эти безкорыстные труженики!

Далѣе находимъ небольшую замѣтку Д. Л. Мордовцева: „*Люди, ихъ слова и дѣла*", которая уже была напечатана въ „Саратовскомъ дневникѣ" за 1891 г., но въ извлеченіяхъ; теперь же „комиссія признала возможнымъ помѣстить ее въ своихъ „Трудахъ", полностью, по подлинной рукописи, хранящейся въ архивѣ комиссіи".

Вслѣдъ за этимъ не безъинтересны статьи, свидѣтельствующія о занятіяхъ археологіей г.г. членовъ Саратовской комиссіи, за время съ 1904 по 1907 г. Статьи эти слѣдующія: „Раскопка кургана близь г. Саратова", И. Горизонтова; „Раскопка кургана въ г. Царицынѣ. Дневникъ инженера Ф. Чернова"; „Къ докладамъ И. П. Горизонтова и Ф. И. Чернова", Б. Зайковскаго; „Каменныя бабы въ Саратовскомъ Поволжьи", его же; „Городище Бэльджаменъ", его же, и „Бугоръ Стеньки Разина", его же. Но наибольшее вниманіе изъ всего содержанія этого перваго отдѣла разсматриваемаго выпуска „Трудовъ" останавливаютъ во 1) „Бытъ духовенства Саратовскаго края въ XVIII и началѣ XIX столѣтій", А. Н. Минха (составл. на основаніи дѣлъ духовныхъ правленій, записокъ современниковъ и проч.) и „Объ участіи духовенства въ Пугачевскомъ возстаніи въ предѣлахъ Астраханской епархіи", протоіерея М. А. Соколова. Наконецъ въ этомъ же отдѣлѣ нашли себѣ мѣсто и замѣтки и записи люби-

теля-этнографа М. Е. Соколова: „О Дулѣбахъ", „Фонетическая запись объ Ильѣ Муромцѣ", „Историческія пѣсни Саратовской губерніи", „О языкѣ сказокъ, пѣсенъ и областныхъ словаряхъ", и др.

Изъ второго отдѣла, посвященнаго преимущественно обозрѣнію дѣятельности комиссіи, наиболѣе цѣннымъ является *„Алфавитный указатель статей и авторовъ, помѣщавшихъ свои статьи и замѣтки въ „Трудахъ" Саратовской архивной комиссіи за 1887—1903 г.г."*, составленный А. А. Красиковымъ.

Труды Вятской ученой архивной комиссіи. 1908 годъ. Выпускъ II. Вятка. 1909. Стр. 19+78+72. Цѣна 1 руб.

Разсматриваемый нами второй выпускъ „Трудовъ" Вятской ученой архивной комиссіи представляетъ собою посмертную работу основателя названной комиссіи и редактора ея „Трудовъ", А. С. Верещагина, и весь посвященъ первымъ годамъ существованія самостоятельной вятской епархіи, возникшей 250 лѣтъ назадъ.

Вятская область, какъ извѣстно, со времени ея окончательнаго присоединенія къ Московскому государству (1489), въ теченіе цѣлаго столѣтія въ церковномъ отношеніи находилась подъ непосредственнымъ управленіемъ московскихъ митрополитовъ, а съ 1589 г.—московскихъ патріарховъ. Патріархъ Никонъ, во время своего „государскаго" полновластія, задумалъ присоединить къ своей патріаршей области близкую къ Москвѣ и богатую коломенскую епархію, а для коломенскаго архіерея открыть новую епархію и отдать ему въ управленіе отдаленную Вятскую землю. Свое рѣшеніе патріархъ, съ соизволенія государя, скрѣпилъ „соборнымъ опредѣленіемъ" въ концѣ 1657 года, а въ началѣ 1658 г. уже прибылъ въ свой новый „стольный градъ Хлыновъ", гдѣ не было для епископа и его свиты „ни кола, ни двора", коломенскій епископъ *Александръ*, незадолго передъ тѣмъ пользовавшійся расположеніемъ патріарха. Біографія этого епископа, числившагося на Вяткѣ около 10 лѣтъ, а прожившаго въ ней не болѣе двухъ лѣтъ, занимаетъ центральное мѣсто въ разсматриваемомъ выпускѣ „Трудовъ" Вятской ученой архивной комиссіи. Составитель ея А. С. Верещагинъ воспользовался по возможности всѣми печатными трудами объ епископѣ Александрѣ, по поводу котораго церковными историками высказывались самыя противорѣчивыя мнѣнія, а также вновь изданными имъ же въ „Трудахъ" комиссіи архивными матеріалами. Послѣдніе дали возможность автору съ большими подробностями установить многія біографическія данныя о первомъ вятскомъ епископѣ, объ его борьбѣ съ Никономъ и объ „обидахъ" послѣдняго, чинимыхъ, главнымъ образомъ, на почвѣ матеріальной и доведшихъ епископа и его свиту до полнаго „оскудѣнія".

Надъ епископомъ Александромъ тяготѣло обвиненіе въ „отпаденіи къ расколу" изъ-за того, что онъ позволилъ себѣ не согласиться съ нѣкоторыми поправками, которыя сдѣлалъ Никонъ и его „правщики" въ новонапечатанныхъ богослужебныхъ книгахъ. Обвиненіе это, однако, на соборѣ 1662 г. не подтвердилось, и епископъ Александръ, все время пользовавшійся нѣкоторымъ расположеніемъ царя Алексѣя Михаиловича, былъ отправленъ изъ Москвы въ Вятку, какъ посвященный новымъ соборомъ „во епископа Вятскаго", но оставался тамъ не долго и скончался въ 1674 г. въ своемъ родномъ Коряжемскомъ монастырѣ.

Рядомъ съ біографіей перваго вятскаго епископа, помѣщены въ настоящемъ выпускѣ и весьма цѣнные историческіе матеріалы, относящіеся къ первымъ годамъ существованія самостоятельной вятской епархіи. Матеріалы эти слѣдующіе: во-первыхъ, двѣ отказныя книги въ Вятскій архіерейскій домъ,—одна на Предтеченскій монастырь въ Котельничѣ, 1658 г., а другая—на Бабинскій оброчный станъ, того же 1658 года; во-вторыхъ, „Акты по дѣлу о присоединеніи къ вятской епархіи Усть-Цымской десятины“ (до девяти документовъ—челобитныхъ царю Алексѣю Михаиловичу со стороны вятскихъ епископовъ, памятей изъ Приказа Большаго дворца и др.), и, въ-третьихъ, обширная „Грамота вятскому воеводѣ Венедикту Змѣеву, объ утвержденіи за вятскою епископскою каѳедрою приписныхъ къ ней земель и крестьянъ“, 1670 года.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* въ теченіе апрѣля и мая 1909 года.

— Труды студенческихъ научныхъ кружковъ физико-математическаго факультета С.-Петербургскаго университета. Съ предисловіемъ проф. *В. Шимкевича.* Томъ I, выпускъ 1-й. Изданіе „Межкружковой Организаціи“. С.-Пб. 1909. 110 стр.

— *Кизеветтеръ, А. А.* Городовое положеніе Екатерины II 1785 г. Опытъ историческаго комментарія. М. 1909. X+473 стр. Цѣна 3 руб. 50 коп.

— *Богородицкій, В. А.* Очеркъ по языковѣдѣнію и русскому языку. Пособіе при изученіи науки о языкѣ. Изданіе 2-е, исправленное и значительно дополненное. Казань 1909. VI+460 стр. Цѣна 2 руб. 50 коп.

— Славянство и міръ будущаго. Посланіе славянамъ съ береговъ Дуная Людевита Штура. Переводъ неизданной нѣмецкой рукописи, съ примѣчаніями В. И. Ламанскаго. Второе изданіе съ біографіей Л. Штура и дополнительными примѣчаніями проф. Т. Д. Флоринскаго и портретомъ автора подъ редакціей К. Я. Грота и Т. Д. Флоринскаго. Изданіе Общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III. С.-Пб. 1909. XLVII+176 стр. Цѣна 75 коп.

— *Кондаковъ, Н. П.* Македонія. Археологическое путешествіе. Съ 12 таблицами фототипій, 1 цвѣтною автотипіею и 194 рисунками въ текстѣ. Изданіе Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. С.-Пб. 1909. 308 стр. Цѣна 5 руб.

— *Богородицкій, В. А.* Основы ариѳметическаго счета. (Глава изъ курса индуктивной философіи). Казань 1908. 23 стр.

— *Немировскій, Мануилъ.* Отношеніе приговора къ обвиненію. Одесса 1906. IV+408 стр.

— *Бобчевъ, Н., д-ръ.* Н. В. Гоголь въ Българско. София 1909. 7 стр.

— Годишникъ на Софийския университетъ. III—IV. 1906—1907. София 1908. VI+108+188+408+240 стр. Цѣна 5 лев.

— Извѣстія Таврической ученой архивной комиссіи. № 43. Подъ редакціей предсѣдателя комиссіи А. И. Маркевича. Симферополь 1909. II+193 стр.

— Отчетъ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ за 1908 годъ, представленный директоромъ музеевъ г. министру народнаго просвѣщенія. Москва 1909. Стр. 146.

— *Bogusławski, Edward.* W KWESTYI PISMA ILIRYJSKIEGO, ZWANEGO GŁAGOLICĄ. Z powodu artykułu Leskiena „Zur glagolitischen Schrift". Odbitka ze sprawozdań z posiedzeń Towarzystwa Naukowego Warszawskiego. Warszawa 1909. 36 стр.

— Опись документовъ Виленскаго центральнаго архива древнихъ актовыхъ книгъ. Выпускъ VI. Акты Вилкомирскаго гродскаго суда за 1596—1607 года №№ 13878—13886. Вильна 1908. 372 кол. Цѣна 1 руб.

— МАТЕРІАЛЫ къ познанію фауны и флоры Россійской Имперіи. Отдѣлъ зоологическій. Выпускъ VIII. М. 1908. 803+VI стр. Цѣна 7 руб. 50 коп.

— *Рыкачевъ, М. А.* СРАВНЕНІЯ ПСИХРОМЕТРА АСМАНА съ русскою будкою, съ французскою защитою и съ англійскою клѣткою. С.-Пб. 1909. 145+117 стр. Цѣна 2 руб. (Записки Императорской Академіи Наукъ по физико-математическому отдѣленію. Томъ XXIII. № 6).

— УРОЖАЙ 1908 ГОДА. II. Яровые хлѣба и картофель. Изданіе Центральнаго Статистическаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ. Годъ двадцать шестой. С.-Пб. 1909. XXXV+XXXVII+421 стр. (Статистика Россійской Имперіи. LXIX).

— Извѣстія Русскаго археологическаго института въ Константинополѣ. Софія. Томъ XIII. 1908. 371 стр. + XIV табл. — Томъ XIV, 1. 1908. 67 стр. + XX табл.

— ДРЕВНОСТИ. Труды славянской комиссіи Императорскаго московскаго археологическаго общества. Томъ четвертый. Выпускъ третій. Изданъ подъ редакціей А. С. Орлова. М. 1907. 332+63 стр.

— *Савеловъ, Л. М.* Въ ЗАЩИТУ УЧЕНЫХЪ АРХИВНЫХЪ КОМИССІЙ. (Изъ Трудовъ Тверского областнаго археологическаго съѣзда). Тверь 1905. 12 стр.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ.

ДРУГЪ ЧЕЛОВѢЧЕСТВА Н. И. ПИРОГОВЪ.

ГЛАВА I.

Задача изслѣдованія.

Въ небольшомъ, предлагаемомъ вниманію читателей очеркѣ о Пироговѣ [1]) мы хотимъ отмѣтить и сгруппировать личныя свойства перваго русскаго реформатора воспитанія—съ одной стороны—и раскрыть педагогическое ученіе Пирогова—съ другой.

Тайна успѣха педагогическаго вліянія, благотворные результаты педагогическаго воздѣйствія лежатъ въ живой силѣ личности педагога. Всѣмъ извѣстно, что идеальный педагогъ самъ изъ себя создаетъ примѣръ, которымъ исправляется воспитываемое имъ подрастающее поколѣніе, а чрезъ него и все общество. Такому педагогу не нужны окрики, внѣшняя регламентація, такъ называемыя кондуитныя записи. Такой педагогъ самъ, своей личностью, живымъ примѣромъ, духовной мощью *дѣйственно* увлекаетъ молодежь на путь нравственнаго самоусовершенствованія.

Предъ нами въ педагогическомъ процессѣ взаимоотношеній ученика и учителя — тайна, чудо, надъиндивидуальное, почти сверхчувственное, но всегда реально дѣйствующее.

Чудо это слагается изъ *совокупности* тѣхъ свойствъ, которыми характеризуется *идеальная личность идеальнаго педагога.*

Педагогическіе учебники много говорятъ о требованіяхъ, предъявляемыхъ къ идеальному педагогу, схоластически перечисляя эти

[1]) Полное изслѣдованіе о Н. И. Пироговѣ авторъ выпуститъ отдѣльнымъ изданіемъ.

требованія. Но намъ кажется это недостаточнымъ. Дѣйствительнѣе, ощутимѣе было бы конкретно обнажить эти свойства воплощенными въ нашихъ педагогахъ и очертить образы не просто покойниковъ, но вѣчныхъ спутниковъ нашей жизни.

Въ Н. И. Пироговѣ мы видимъ гармоническое сочетаніе строгихъ требованій, предъявляемыхъ къ идеальному педагогу.

Не претендуя сказать нѣчто совершенно новое о Пироговѣ, мы просто хотимъ вспомнить о немъ, хотимъ изъ прошлаго, часто позабытаго, вывести на свѣтъ Божій свѣтлый образъ и педагогическія идеи великаго реформатора воспитанія, конечно, не для того, чтобы лишній разъ прославить его (въ этомъ послѣднемъ Н. И. Пироговъ не нуждается, слишкомъ великъ умъ и духъ его, они сами говорятъ за себя), но, главнымъ образомъ, для того, чтобы пополнить наши педагогическіе пробѣлы, научиться опытомъ Пирогова, полюбить его любовію.

Въ этомъ смыслѣ воспоминанія о прошломъ не только не лишни, но и необходимы.

Нѣкоторый подъемъ настроенія, который вызываетъ въ насъ образъ Н. И. Пирогова, своего рода увлеченіе имъ, объясняются тѣмъ, что мы любимъ Пирогова, любимъ его за его ширь, глубину, за любовь его къ родинѣ и за любовь его ко всему человѣческому. Любимъ за то, что онъ не казался, но и былъ истиннымъ другомъ человѣчества.

Кромѣ выясненія личныхъ свойствъ Пирогова, мы считаемъ необходимымъ раскрыть педагогическое міровоззрѣніе Пирогова, группируя и объединяя педагогическіе принципы, разбросанные въ разныхъ статьяхъ его, въ видѣ *философски обоснованнаго міровоззрѣнія.*

Столь крупный мыслитель, врачъ и педагогъ, какимъ былъ Н. И. Пироговъ, не могъ, конечно, дѣйствовать и жить безъ опредѣленнаго, заранѣе имъ выработаннаго и вырабатываемаго міровоззрѣнія.

Въ добавочномъ строительствѣ, задаваясь цѣлью не критиковать, но углублять педагогическое ученіе Пирогова, мы всюду старались проникнуться духомъ, мыслями, сужденіями и настроеніемъ Пирогова, преднамѣренно усваивая и языкъ его. Въ наше время, когда сочиненія перваго реформатора представляютъ библіографическую рѣдкость, доступную лишь немногимъ, возстановить образъ и педагогическое ученіе его положительно необходимо. Вотъ почему, поклоняясь первому реформатору, пытая его, вывѣдывая его тайны, видимо подчиняясь ему и подчиняя мысли его себѣ, мы хотимъ глубже понять

прошлое, а чрезъ это лучше уяснить себѣ настоящее и вѣрнѣе, жизненнѣе намѣтить будущее. Въ педагогикѣ, какъ и во всякой другой наукѣ, нельзя создавать новое, не изучивъ историческаго прошлаго, но съ этой простой истиной у насъ совсѣмъ не считаются.

Кромѣ того, раскрытіе педагогическаго міровоззрѣнія перваго русскаго реформатора Н. И. Пирогова создаетъ благопріятныя условія для выработки опредѣленной *руководящей идеи* въ воспитаніи, при которой скорѣе будутъ уничтожены случайность и произволъ, столь гибельно дѣйствующіе на подростающее молодое поколѣніе [1]).

ГЛАВА II.

Личныя свойства Н. И. Пирогова и условія, вызвавшія ихъ.

Главная основа характера Н. И. Пирогова—безконечная любовь его къ человѣку. Любовь къ людямъ пронизывала все существо его, она сказалась даже на внѣшнемъ обликѣ его, въ чертахъ лица его. Честность изъ головы Н. И. Пирогова проникла въ сердце, усвоилась всѣмъ организмомъ въ каждомъ движеніи, въ манерахъ. Многіе искали предлога, чтобы наглядѣться на его открытое лицо [2]). Дѣйствительно, глаза Н. И. Пирогова пронизывали насквозь каждаго, кто смотрѣлъ въ нихъ. Они какъ бы ставили духовный діагнозъ въ душѣ другого, вызывая сокровенную муть со дна души и зажигая жаждой подвига всеочищенія, полнаго оздоровленія. Видимая суровость являлась ничѣмъ инымъ, какъ требованіемъ безусловнаго добра. „Наши дѣла, наши мысли, стремленія и чувства не остаются скрытыми, все пережитое ложится на нашемъ лицѣ, отображается въ складкахъ и морщинахъ его“, говорилъ не разъ Н. И. Пироговъ. Пережитое, на лицѣ Н. И. Пирогова, говорило всегда въ пользу его. Въ его любви не только къ человѣку, но и ко всему живому въ мірѣ заключалась великая сила его. Извѣстно, что Н. И. Пироговъ любилъ животныхъ, особенно кошекъ. Размышляя надъ привязаностью людей къ животнымъ, вдумчивый философъ-педагогъ объяснялъ эту привязанность наличностью въ насъ мистическаго чувства. Слабость, молчаливость, подобіе человѣческихъ чувствъ въ животныхъ, польза, которую они намъ приносятъ, все это вызываетъ симпатію къ низшему существу. Н. И. Пироговъ, подъ конецъ своей жизни, невыразимо страдалъ и

---

[1]) См. нашу брошюру „Педагогика—наука предъ судомъ ея противниковъ“.

[2]) См. Современная Лѣтопись 1861 г. №№ 19, 20 и 25. Прощ. Пирогова съ Кіевомъ.

терзался, вспоминая о томъ, что онъ когда-то производилъ вивисекціи надъ животными для цѣлей научнаго изслѣдованія [1]). Самъ, одаренный чувствомъ глубокой любви ко всему живому въ мірѣ, онъ высоко цѣнилъ, вообще, чувства въ человѣкѣ, онъ зналъ, какъ согрѣваютъ и облегчаютъ они жизнь человѣка.

Декартовское „cogito ergo sum" Н. И. Пироговъ предлагалъ замѣнить „sentio ergo sum". Изъ всей гаммы разнообразныхъ чувствъ онъ выше всего ставилъ альтруистическое, христіанское чувство любви, разсматривая его, какъ рычагъ прогрессивнаго развитія жизни. Любить—значитъ все понять и все простить. А какъ это умѣлъ дѣлать Н. И. Пироговъ, будучи профессоромъ, начальникомъ Крестовоздвиженской общины сестеръ милосердія на войнѣ, попечителемъ Одесскаго и Кіевскаго округовъ, врачемъ богатыхъ и бѣдныхъ! Снисходительно прощая заблудшему, но жаждущему правды невольныя слабости его, Н. И. Пироговъ въ то же время умѣлъ глубоко негодовать справедливымъ негодованіемъ противъ лицъ, которыя не хотѣли закабалить свою мысль настолько, чтобы остановиться на $2\times2=4$. Распущенность мысли и воли для Н. И. Пирогова являлась страшнымъ недугомъ человѣчества, отъ котораго каждый изъ насъ долженъ беречься, если не хочетъ покончить съ собою самоубійствомъ или домомъ умалишенныхъ. Доводить свободу до утвержденія „я хочу—приму, хочу—нѣтъ"—это значитъ, говорилъ онъ, извращать свободу, обращая ее въ произволъ человѣка. Волю слѣдуетъ подчинять нравственному закону, въ этомъ и заключается свобода человѣка отъ зла, проклятія и смерти. Такая разумно-нравственная, научная свобода горячо отстаивалась Н. И. Пироговымъ въ жизни. Такая свобода ни для кого не можетъ показаться пороховымъ погребомъ, отъ котораго проведены мины подъ государство, церковь и общественную жизнь. Н. И. Пироговъ всегда стоялъ за порядокъ и строгую дисциплину во всемъ, какъ условія, безъ которыхъ немыслимо поддерживать авторитетъ разумной власти. Онъ самъ говорилъ такъ: „я полагаю, что главное средство для усиленія какой бы то ни было власти состоитъ въ томъ, чтобы не сходить ни разу въ сторону съ предначертаннаго однажды пути, другими словами—знать хорошо и вѣрно, чего хочешь. Колебаться—это опасно для всякой власти". Будучи попечителемъ Одесскаго и Кіевскаго округовъ, онъ въ полной мѣрѣ осуществилъ высказанный имъ принципъ и слово умѣлъ переводить въ дѣло жизни.

[1]) См. Автобіографія Н. И. Пирогова.

Н. И. Пироговъ боролся только противъ дряблости воли, разлада между идеями и негодовалъ на отсутствіе опредѣленной, нравственно-разумной цѣли въ жизни, что являлось хроническимъ недугомъ большинства наблюдаемыхъ имъ лицъ. Самъ онъ, вопреки неблагопріятнымъ условіямъ времени, рѣзко расходясь со всѣми окружающими, сумѣлъ выработать въ себѣ полное согласіе между умомъ, чувствомъ и волей. Единство, цѣльность, законченность, закругленность міровоззрѣнія, а отсюда логическая послѣдовательность всѣхъ его словъ и согласіе ихъ съ поступками, составляютъ отличительныя особенности Н. И. Пирогова. Н. И. Пироговъ *собственными усиліями* выработалъ въ себѣ законченную личность. Дѣйствительно, неутомимость во всякой работѣ и въ работѣ надъ собственнымъ самоусовершенствованіемъ у Н. И. Пирогова была поразительная. Извѣстный хирургъ, профессоръ Дерптскаго университета, Н. И. Пироговъ, неутомимо проработавъ цѣлую зиму, каждое лѣто, вмѣсто отдыха, совершалъ по Прибалтійскимъ губерніямъ такъ называемыя „чингисхановы нашествія“, названныя такъ по массѣ пролитой крови при операціяхъ Н. И. Пирогова надъ хирургическими больными, въ видѣ слѣпыхъ, хромыхъ, страдающихъ разными наростами, увѣчныхъ и всякихъ другихъ несчастливцевъ человѣческаго рода, безъ различія племенъ, нарѣчій и сословій. Всѣмъ имъ умѣлъ помочь любвеобильный Н. И. Пироговъ.

Терпѣніе и выносливость его доходили до героизма. Стоитъ вспомнить, какъ, будучи врачемъ-хирургомъ во время Севастопольской компаніи, уже не молодой, 46-лѣтній Н. И. Пироговъ по нѣскольку часовъ простаивалъ на колѣняхъ, дѣлая сложныя операціи и перевязки на полѣ военныхъ дѣйствій въ военно-подвижныхъ госпиталяхъ. Бывало не одну, а цѣлый рядъ ночей, не раздѣваясь, проводилъ въ работѣ по оказанію помощи страдающему брату [1]). Такъ, любя человѣка, облегчалъ участь раненныхъ истинный другъ человѣчества, сдѣлавъ свыше 5.000 ампутацій. Работоспособность его соединялась съ аккуратностью въ распредѣленіи занятій, съ требовательностью къ другимъ. Будучи профессоромъ Дерптскаго университета, 26-лѣтній ученый распредѣлялъ такъ свои занятія: 8 часовъ занимался въ университетѣ, 8 часовъ приготовлялся къ лекціямъ и практическимъ занятіямъ и 8 часовъ посвящалъ на отдыхъ. Девизъ, съ которымъ Н. И. Пироговъ взошелъ на каѳедру руководителя другихъ, былъ такой: „Пусть учится у меня только тотъ, кто хочетъ учиться,—это

---

[1]) Севастопольскія письма.

его дѣло. Но, кто хочетъ у меня учиться, тотъ долженъ у меня чему-нибудь научиться,—это мое дѣло, такъ долженъ думать каждый совѣстливый преподаватель". Поставленный себѣ девизъ Н. И. Пироговъ въ полной мѣрѣ осуществилъ въ жизни. Одинъ уже перечень заслугъ Н. И. Пирогова въ медицинѣ говоритъ за него, какъ за выдающагося и удивительнаго работника. Разработка вопроса о пластическихъ операціяхъ вообще, клиническая лѣтопись, хирургическая анатомія артеріальныхъ стволовъ и фасцій, полный курсъ прикладной анатоміи человѣческаго тѣла, отчетъ о путешествіи на Кавказѣ, патологическая анатомія азіатской холеры, неподвижная гипсовая повязка, начала общей военной полевой хирургіи, врачебное дѣло, частная помощь на театрѣ войны въ Болгаріи и въ тылу дѣйствующей арміи, анатомическій атласъ etc. Прибавьте къ этому плодотворную педагогическую дѣятельность, и вы увидите, что Н. И. Пироговъ сумѣлъ развить въ полной мѣрѣ тотъ талантъ, которымъ Богъ такъ щедро наградилъ его.

При всѣхъ трудныхъ и сложныхъ случаяхъ жизни Н. И. Пироговъ былъ находчивъ, веселъ, остроуменъ, а по отношенію къ солдату и своимъ подчиненнымъ всегда доступенъ. Не начальникъ въ должности IV класса, а полный любви старшій товарищъ, спѣшившій безкорыстно передать другимъ свой многолѣтній опытъ, вотъ каковъ былъ Н. И. Пироговъ, какъ административная сила, куда бы судьба ни ставила и ни забрасывала его въ качествѣ начальника другихъ. Къ нему могли обращаться со всевозможными просьбами, жалобами; онъ всегда всѣхъ выслушивалъ и дѣлалъ все, отъ него зависящее. Зато и чтили же его всѣ, а солдаты даже надѣляли сверхъестественной силой. Сохранилось такое воспоминаніе [1]). Однажды на перевязочный пунктъ несутъ на носилкахъ солдата безъ головы; докторъ, стоя въ дверяхъ, машетъ руками и кричитъ солдатамъ: „куда несете, вѣдь видите, что онъ безъ головы?!" А солдаты съ глубокой вѣрой спокойно отвѣчаютъ: „ничего, ваше благородіе, голову несутъ за нами; господинъ Пироговъ какъ-нибудь привяжетъ, авось еще пригодится нашъ братъ-солдатъ".

Любовь къ человѣку, воодушевляя Н. И. Пирогова работать съ желѣзной настойчивостью на пользу человѣчества, выработала въ немъ удивительную безкорыстность души. Часто бѣдняки-больные съ массой разнообразныхъ недуговъ приходили въ пріемные часы къ

---

[1]) См. Ю. Г. Малисъ, Н. И. Пироговъ въ Крымскую компанію.

знаменитому хирургу и за внимательный, полуторачасовой осмотръ, конфузясь, оставляли на столѣ въ видѣ благодарности двугривенный. Больной могъ бы положить старыя опучи, и великій врачъ не замѣтилъ бы, настолько онъ былъ поглощенъ осмотромъ больного и стремленіемъ помочь ему. Другіе могли бы обмѣнять двугривенный на рубли, не будучи остановлены безкорыстнымъ хирургомъ.

Безкорыстіе Пирогова, величіе его души соединены были въ немъ съ поразительной скромностью. Если великій хирургъ, докторъ, профессоръ Пироговъ въ діагнозѣ болѣзней дѣлалъ тѣ или другія ошибки, то онъ умѣлъ смѣло и открыто въ нихъ признаться. Сохранились до нашего времени выгравированныя на московскомъ памятникѣ Пирогову, что на Дѣвичьемъ полѣ, слова, сказанныя имъ о себѣ самомъ: „я положилъ себѣ за правило при первомъ моемъ вступленіи на каѳедру ничего не скрывать отъ моихъ учениковъ и, если не сейчасъ же, то потомъ и не медля открывать передъ ними сдѣланную мною ошибку, будетъ ли она въ діагнозѣ или въ лѣченіи болѣзни". Не боясь потерять авторитетъ профессора-учителя, онъ, дѣйствительно, геройски обнажалъ свои промахи предъ учениками. Указаніемъ ошибокъ у постели больного онъ училъ, въ качествѣ профессора, молодое поколѣніе, какъ не слѣдуетъ лѣчить больного, и такая прямота характера его вызывала глубокое къ нему уваженіе не только молодежи, но и стариковъ — заслуженныхъ профессоровъ. Когда Н. И. Пироговымъ были публично печатно обнаружены ошибки, сдѣланныя имъ за время его профессуры въ Дерптѣ, одинъ изъ критиковъ сталъ, какъ выразился Н. И. Пироговъ, „валять меня". „Я объявилъ студентамъ слѣдующее", замѣчаетъ далѣе Пироговъ: „критикъ выставилъ эти ошибки, но не показалъ еще другихъ", и сталъ имъ перечислять всѣ свои ошибки. Студенты одобрили меня, а старый заслуженный профессоръ ночью пришелъ ко мнѣ послѣ этого случая и, крѣпко пожавъ руку, сказалъ мнѣ—„ich respektiere Sie".—За это „respectiere", продолжаетъ Пироговъ въ своей автобіографіи, я готовъ былъ перенести не одну, а тысячу критикъ".

Вездѣ и всюду, а особенно въ воспитаніи, Н. И. Пироговъ проводилъ совершенное и абсолютное прямодушіе и искренность. „Вы увѣрились, говорилъ онъ кіевскимъ студентамъ, что я водворялъ въ васъ уваженіе къ закону, дѣлу и власти не угрозами, не преслѣдованіемъ, не скрытно, а прямымъ и гласнымъ убѣжденіемъ и примѣромъ". Автобіографія Пирогова краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о немъ, какъ о рѣдко искреннемъ, безъ всякой рисовки, человѣкѣ. Одинаково

спокойно Н. И. Пироговъ говоритъ въ дневникѣ и о своихъ достоинствахъ, и о своихъ недостаткахъ, и о сдѣланныхъ имъ въ жизни ошибкахъ. Внося нравственный принципъ въ воспитаніе и жизнь, Н. И. Пироговъ всегда предупреждалъ другихъ и воздерживался самъ отъ циничной откровенности. „Чистоплотность нужна намъ, говоритъ онъ, не на показъ только. Циническіе поступки лучше не подвергать анализу, иначе попадешь въ ретирады души. У насъ на днѣ души довольно грязи; если взбаламутишь, потомъ самъ не отличишь чистаго отъ грязнаго. Если съ самимъ собою надо быть откровеннымъ, тѣмъ не менѣе не надо забывать, что у насъ могутъ быть нечистыя мысли и ихъ-то надо умѣть отгонять". Самъ Н. И. Пироговъ обладалъ, дѣйствительно, огромной силой воли уничтожать и побѣждать въ себѣ злое, выдвигая принципъ добра въ качествѣ основы для опредѣленія своихъ дѣйствій. „Кто умѣетъ во время привыкнуть и отвыкнуть, тотъ постигъ жизнь", говорилъ Н. И. Пироговъ. Неутомимо вырабатывая въ себѣ добрыя привычки, Н. И. Пироговъ искусно овладѣлъ тайной жить мудро и нравственно. Онъ не останавливался ни передъ какими препятствіями, наоборотъ, они вдохновляли его. Долгимъ подвигомъ жизни Н. И. Пироговъ сумѣлъ сдѣлать добро главной пружиной своихъ дѣйствій. Обладая огромной волевой энергіей, Н. И. Пироговъ тѣмъ не менѣе считалъ, что человѣкъ слишкомъ слабъ и грѣшенъ, чтобы достигнуть собственными силами осуществленія полностью добра на землѣ. Безъ Божественной помощи, предопредѣляющей жизнь, безъ благодати свыше, думалъ Н. И. Пироговъ, нельзя достигнуть идеальнаго совершенства. Глубокая вѣра въ Бога у Н. И. Пирогова, знающаго тонко человѣческій организмъ, строеніе мозга, движеніе молекулярныхъ частицъ его,—новая личная черта великаго русскаго педагога. „Блаженъ, кто вѣруетъ, тепло тому на свѣтѣ", не разъ говорилъ Н. И. Пироговъ, и ему, дѣйствительно, тепло и хорошо было жить: въ самыя тяжелыя минуты испытаній рука премудраго Творца всегда избавляла его отъ отчаянія. Не сразу дошелъ Н. И. Пироговъ до взгляда, что наличность въ насъ вѣры, присущей человѣку, какъ разумному существу, отличаетъ человѣка отъ животныхъ. Только 38 лѣтъ принялся Н. И. Пироговъ за изученіе Евангелія, когда, какъ онъ выражался, погромъ обрядовой религіи уже совершился, и въ немъ проснулись глубочайшіе запросы самосознанія, потребность вѣры. Онъ отдалъ дань молодости, порѣ увлеченій, и онъ по своему перебѣсился. Вмѣстѣ со студенческой молодежью 10-го номера московскаго общежитія, атеистическое міровоззрѣніе Н. И. Пирогова

сводилось къ отвлеченной формулѣ: прошедшаго не возвратишь, настоящаго нѣтъ, а будущее неизвѣстно. Разрушительныя стремленія молодежи, среди которой вращался Н. И. Пироговъ, молодежи, которую теперь, пожалуй, сочли бы за притонъ нигилистовъ, для Н. И. Пирогова были увлеченіемъ молодости, отрицаніемъ, предваряющимъ созданіе въ немъ прочныхъ и стойкихъ убѣжденій. Вѣроятно, благодаря 10-му номеру, вѣра въ Бога, въ безсмертіе души и торжество идеала вылились у Н. И. Пирогова къ 38 годамъ его жизни въ форму, дѣйствительно, горячаго и прочнаго убѣжденія. Отношеніе его къ вопросамъ вѣры было глубоко трогательное. По его мнѣнію, культурное общество не можетъ допускать безцеремоннаго обращенія ни съ кѣмъ, и въ особенности съ Богомъ. Чѣмъ бы человѣкъ ни занимался, ему не уйти и не отдѣлаться отъ назойливыхъ вопросовъ, въ родѣ слѣдующихъ: во что человѣкъ вѣруетъ? согласны ли его убѣжденія съ убѣжденіями науки? есть ли безсмертіе? и такъ далѣе. Н. И. Пироговъ рекомендовалъ отвѣчать на всѣ вопросы только искренно, безъ всякой фальши. „Я нисколько“, говоритъ онъ, „не скандализированъ, что произошелъ отъ обезьяны, тѣмъ больше чести уму, что хотя бы и случайно сумѣлъ выйти въ люди. Знаю теперь ясно, что я могъ бы отрицать существованіе Бога не иначе, какъ сойдя съ ума“. Религіозность, связанная съ признаніемъ цѣлесообразности, причинности, плана и разумной мысли во всякомъ проявленіи міровой жизни, вотъ что являлось неоспоримымъ для великаго русскаго хирурга, анатома, врача и реформатора педагога. Жажда заглянуть за кулисы позитивизма привела Н. И. Пирогова къ вѣрѣ въ нравственный міропорядокъ, а осуществленіе нравственной цѣли здѣсь, на землѣ, сдѣлалось для него вопросомъ жизни. Вотъ отчего у него выработалось, какъ въ свое время сказалъ о немъ другой русскій педагогъ Стоюнинъ, постоянное честное отношеніе къ обществу, въ какія бы отношенія жизнь ни ставила его къ этому обществу; отсюда же явилась у Н. И. Пирогова безкорыстная преданность къ своему дѣлу.

Приведя собственными усиліями душевный складъ къ полной гармоніи, Н. И. Пироговъ находилъ, что даръ предвидѣнія, предусмотрительность, новыя концепціи міра вырабатываются въ насъ больше всего благодаря фантазіи. Вотъ отчего въ жизни онъ такъ высоко цѣнилъ фантазію, не въ смыслѣ усыпляющей мечтательности, но въ смыслѣ творчества, Einbildungskraft, какъ называютъ эту способность нѣмцы. Вотъ что говоритъ по этому поводу самъ Н. И. Пироговъ: „Все высокое и

прекрасное въ нашей жизни, наукѣ и искусствѣ создано умомъ съ помощью фантазіи и многое фантазіей при помощи ума. Можно смѣло утверждать, что ни Коперникъ, ни Ньютонъ не пріобрѣли бы безъ помощи фантазіи того значенія въ наукѣ, которымъ они пользуются. Между тѣмъ нерѣдко въ жизни, и въ наукѣ и даже въ искусствѣ слышатся возгласы противъ фантазіи и не только противъ увлеченія ея, но и противъ ея нормальной функціи". Мертвая сушь, царившая вокругъ въ жизни, вялость и тряпичность людей была особенно невыносима творческому складу личности Н. И. Пирогова. Къ чему бы онъ ни прилагалъ свои силы, къ тѣлу или душѣ человѣка, онъ всюду вносилъ вдохновеніе и творчество. Съ этой силой онъ, какъ поэтъ, умѣлъ обрѣсти идеалъ во всемъ, гдѣ идеальнаго другіе и не подозрѣвали. Вотъ отчего мысль Н. И. Пирогова, проникая въ форму слова, дѣлалась и дѣлается до сихъ поръ способной вызывать чувство укоризны у нерадивыхъ, воодушевляя на доброе несмѣлыхъ. И старикъ, и юноша найдутъ силы почерпнуть поддержку въ геніальномъ творчествѣ безсмертнаго Н. И. Пирогова!

Рѣдкая выдержанность и выработанное подвигомъ жизни спокойствіе, въ сущности по природѣ горячаго, Н. И. Пирогова поражали всѣхъ. Стоитъ вспомнить, какъ въ день юбилейнаго торжества и празднествъ, 24-го мая 1881 г., когда вся Россія и Европа чествовали великаго русскаго гражданина, уже осужденнаго болѣзнью на смерть, профессоръ Н. В. Склифассовскій объявилъ Н. И. Пирогову о необходимости операціи злокачественной опухоли на небѣ.

Великій хирургъ, почтенный старецъ спокойно выслушалъ, ни одна мышца на лицѣ не дрогнула. Въ эту минуту своимъ олимпійскимъ спокойствіемъ на челѣ Н. И. Пироговъ напоминалъ древняго мудреца Сократа, когда тотъ, осужденный на смерть, въ тюрьмѣ, съ ядомъ въ рукахъ, на порогѣ вѣчности велъ привычную бесѣду со своими учениками и училъ ихъ. Такъ умѣютъ встрѣчать смерть только смертные съ печатью Бога на челѣ! Н. И. Пироговъ спокойно, какъ будто рѣчь шла не о немъ, замѣтилъ профессору Склифассовскому: „сейчасъ мы окончили торжество, не будемъ устраивать тризну. Пріѣзжайте ко мнѣ въ деревню". Но операціи не суждено было состояться.

Выдержанность и стойкость характера Н. И. Пирогова объясняются его глубокой вѣрой въ лучшее будущее и надеждой на осуществленіе добра на землѣ. Такъ безконечная любовь къ человѣку и человѣчеству вызывала въ немъ вѣру въ добро и выработала изъ него убѣжденнаго оптимиста. Всѣмъ памятенъ грустный, глубоко по-

трясшій всѣхъ фактъ цареубійства въ 1881 г., Александра II, Царя-Освободителя. Этотъ ужасный годъ—годъ юбилея Н. И. Пирогова! Скорбно и съ глубокимъ возмущеніемъ говоритъ Н. И. Пироговъ въ своей автобіографіи объ этомъ фактѣ; и тѣмъ не менѣе, и въ эти тяжелыя минуты жизни Н. И. Пироговъ не терялъ присутствія духа, не терялъ своего оптимизма. Какъ полонъ онъ былъ вѣры въ лучшее будущее и въ эту смутную эпоху государственной и соціальной жизни, видно изъ словъ, сказанныхъ имъ на своемъ юбилейномъ торжествѣ: „потрясающія событія послѣдняго времени, ураганы жизни... все это необходимо и бояться ихъ и опасаться за будущее Россіи не слѣдуетъ. Слѣдуетъ надѣяться,—закончилъ юбиляръ, — и это говоритъ вамъ человѣкъ, стоящій передъ вѣчностью, что, руководимая своимъ Державнымъ Вождемъ, Россія пойдетъ впередъ по тому великому пути развитія и прогресса, на который поставилъ ее незабвенный почившій Императоръ". Въ знаменательный день 24-го мая 1881 г. московское общество подводило итогъ 50-лѣтней службы Н. И. Пирогова, службы вѣрой и правдой русскому обществу и государству. Н. И. Пироговъ послужилъ родинѣ, какъ врачъ, какъ профессоръ, администраторъ-попечитель, какъ публицистъ и педагогъ. Въ понятіи каждаго Н. И. Пироговъ отожествлялся съ безусловной правдой, искренностью, неустаннымъ трудомъ, глубокими знаніями, блестящими дарованіями и беззавѣтной преданностью родинѣ и человѣчеству. Объ этихъ качествахъ его одинаково, съ рѣдкимъ единодушіемъ, свидѣтельствуютъ: Дерптскій университетъ, гдѣ Н. И. Пироговъ началъ свою профессорскую дѣятельность, и медико-хирургическая академія, петербургскіе военные госпитали и севастопольскіе перевязочные пункты, Одесскій и Кіевскій учебные округа, община Краснаго Креста, госпитали Эльзаса, лазареты Лотарингіи и, наконецъ, больные и раненные послѣдней нашей войны въ Болгаріи и Румыніи. Вездѣ на поименованныхъ мѣстахъ Н. И. Пироговъ былъ вѣренъ девизу „быть, а не казаться" и проводилъ въ дѣло принципы друга человѣчества. Его умъ и тонкое нравственное чутье, правдивость, не знающая компромиссовъ, не могли не создавать ему рядъ непріятностей въ жизни. Новизна склада личности Н. И. Пирогова и связаннаго съ ней чистаго, гигіеническаго, оздаравливающаго воздухъ ученія такъ были необычны для людей стараго подполья, что главный врачъ военнаго госпиталя офиціально донесъ по начальству, что докторъ Н. И. Пироговъ сумашедшій. Повторилось старое горе: Н. И. Пирогову пришлось пережить горе отъ ума, горе отъ честности. Онъ, какъ новый Чацкій—не

слова, но дѣла, Чацкій—конца XIX вѣка, слишкомъ диссонировалъ съ обществомъ закваски фамусовскаго кружка. Но въ этотъ разъ борозда здороваго плуга, проведенная имъ, оказалась столь глубокой, что занести ее злымъ вихрямъ, въ видѣ разныхъ навѣтовъ, не удалось. Н. И. Пироговъ съ торжествомъ вышелъ побѣдителемъ и усмирилъ поднятую противъ него травлю, а общественный праздникъ 24-го мая 1881 г., подъ конецъ его рабочей жизни, показалъ, съ какимъ рѣдкимъ единодушіемъ все русское общество признало его заслуги, даровавъ ему званіе почетнаго гражданина города Москвы. Н. И. Пироговъ глубоко оцѣнилъ этотъ даръ, сказавъ въ благодарность слѣдующее: „можетъ ли быть что нравственно выше, когда родина даетъ званіе почетнаго гражданина одному изъ своихъ сыновъ и притомъ не за блестящіе подвиги на бранномъ полѣ, не за матеріальныя выгоды, ей доставленныя, а за трудовую дѣятельность на поприщѣ просвѣщенія, науки и гражданственности. Представители города Москвы, удостоивъ меня званія почетнаго гражданина, какъ будто осуществили завѣтную мечту моей юности, когда я готовился посвятить всю мою дѣятельность исключительно Москвѣ, мѣсту моего рожденія и воспитанія“. Мудраго Н. И. Пирогова, съ дѣтски чистой душой, всегда искренно, со здоровымъ увлеченіемъ готоваго рѣшать основные вопросы жизни и тѣмъ помогать росту и развитію общественнаго самосознанія, Москва и вся Россія на юбилеѣ 1881 года достойно, по заслугамъ оцѣнили, какъ великаго гуманиста, какъ истиннаго друга человѣчества. Покидая постъ попечителя Кіевскаго округа, Н. И. Пироговъ говорилъ о себѣ: „я буду трудиться въ потѣ лица, буду разрыхлять и очищать землю; постараюсь дѣлать все, какъ можно, раціональнѣе, замѣню крѣпостной трудъ свободнымъ, буду обходиться съ рабочими, какъ съ людьми вольными, а не крѣпостными“. Этотъ гуманитарный принципъ никогда не покидалъ Н. И. Пирогова и въ полной мѣрѣ былъ осуществленъ имъ. Н. И. Пироговъ — ученый, профессоръ, клиницистъ-хирургъ, военно-полевой врачъ, администраторъ, педагогъ, все это краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о его плодотворной, полезной работѣ на благо и счастіе Россіи.

Разносторонній, чутко понимающій нужды народа, любящій все человѣчество, Н. И. Пироговъ глубоко скорбѣлъ о непросвѣщеніи своего народа. Вотъ что съ тяжелымъ чувствомъ высказываетъ самъ Н. И. Пироговъ по поводу народнаго невѣжества: „нашъ народъ вѣритъ въ землю, чуть не въ божество земли“. „Наша земля“, гово-

ритъ мнѣ одинъ крестьянинъ въ моемъ имѣніи (Подольской губ.), „не любитъ желѣза: перестанетъ родить, если ее много желѣзомъ трогать“.—А навозъ? — „Навоза тоже не хочетъ, бурьяномъ порастаетъ“.—Значитъ, землю не тревожь, она разсердится. Вотъ повѣрья отъ залежнаго, переходного, полукочевого земледѣлія!“ съ грустью восклицаетъ Н. И. Пироговъ: „снялъ урожая три, четыре—довольно; земля не очень возлюбляетъ желѣзо — ступай на другое, свѣжее мѣсто“, скорбно иронически замѣчаетъ Н. И. Пироговъ.

Не проходилъ Н. И. Пироговъ равнодушно и мимо политическихъ событій своего времени, мѣтко подчасъ критикуетъ правительственныя мѣры, попутно высказывая свои соображенія по поводу того или другого вопроса, при чемъ безкорыстная любовь къ человѣку заставляла его высказываться такъ, а не иначе.

Напримѣръ, по поводу студенческихъ волненій, волненій крестьянъ, Н. И. Пироговъ находилъ, что главная причина ихъ—запоздалость реформъ сверху. По поводу земельнаго вопроса Н. И. Пироговъ говорилъ слѣдующее: „1-й лозунгъ крестьянъ „земля и воля“ — это правда, но мнѣ сдается, что чѣмъ болѣе правительство будетъ ковырять земельный вопросъ, тѣмъ болѣе онъ будетъ растравленнымъ мѣстомъ, привлекательнымъ для хищныхъ насѣкомыхъ. Я полагалъ бы, что гораздо надежнѣе и существеннѣе для пользы народа и самого государства, вмѣсто разныхъ искусственныхъ и принудительныхъ мѣръ для снабженія всѣхъ и каждаго изъ крестьянъ земельнымъ надѣломъ, было бы уменьшеніе тягости прямыхъ налоговъ, выкупныхъ платежей, свободнаго обращенія и пріисканія средствъ къ снабженію земледѣльца оборотнымъ капиталомъ, регулированіе свободнаго переселенія и т. д.“

Любовь къ человѣку, независимо отъ племенныхъ, сословныхъ и религіозныхъ различій, дѣлала Н. И. Пирогова глубоко демократичнымъ по природѣ, хотя и признающимъ въ то же время огромное значеніе индивидуальныхъ чертъ въ человѣкѣ. Н. И. Пироговъ считалъ, что безъ индивидуальнаго нельзя развить высокое и прекрасное. Общественныя стремленія Н. И. Пирогова развить истинную гражданственность не сводились къ уравненію интересовъ всѣхъ. Сбить маковыя головки, выросшія выше другихъ, пьедесталы опрокинуть, почву выровнять, сдѣлать все человѣчество однимъ огромнымъ человѣкомъ ростомъ до неба—до такого финала соціальныхъ утопій Н. И. Пироговъ никогда не доходилъ. При всѣхъ своихъ демократическихъ взглядахъ, онъ былъ глубокимъ индивидуалистомъ, аристо-

кратомъ по духу и стремился создать, воспитаніемъ человѣка, породу нравственно лучшихъ людей. Въ развитіи личныхъ качествъ sui generis Н. И. Пироговъ полагалъ истинное развитіе общественной жизни.

Мы въ правѣ гордиться этимъ великимъ человѣкомъ въ пантеонѣ русскихъ знаменитостей. Это была глубокая, плодотворная, честная и полная содержанія жизнь—человѣка прежде всего!

Въ 1861 г. 13-го марта въ Кіевѣ потокомъ прорвались симпатіи къ Н. И. Пирогову, когда онъ покидалъ постъ попечителя Кіевскаго округа. Въ рѣчи профессора исторіи Шульгина такъ оцѣнена была человѣчность Н. И. Пирогова:

„Вы украшены титуломъ Превосходительства, Н. И. Пироговъ! Рѣдко кто изъ насъ Васъ такъ называлъ. А между тѣмъ, никогда не называя Васъ Превосходительство, я теперь громко и смѣло скажу, что другого титула Вамъ нѣтъ и не можетъ быть... Вы превосходите, какъ человѣкъ, многихъ и многихъ людей у насъ на Руси, гдѣ еще съ діогеновымъ фонаремъ среди бѣла дня нужно искать человѣка. Оставьте намъ духъ Вашъ, Ваше стремленіе, Вашу высокую человѣчность и гражданскую доблесть, непреклонно устоявшую среди всѣхъ препятствій!“

Н. И. Пироговъ, какъ русскій скиталецъ, перепробовавъ силы свои на многихъ поприщахъ, всюду хотѣлъ дать всѣмъ всемірное счастіе,—дешевле не хочетъ и не можетъ примириться. Одновременно съ потребностью сдѣлать всѣхъ счастливыми, Н. И. Пироговъ никогда не переставалъ быть гражданиномъ своей націи, что и было достойно оцѣнено въ немъ такими великими русскими именами, какъ геніальный Ушинскій и великій Стоюнинъ.

Спросимъ себя, что сдѣлало Пирогова такимъ исключительнымъ человѣкомъ? Прежде всего, семейная обстановка и воспитаніе. Въ семьѣ Н. И. Пирогова, гдѣ Н. И. Пироговъ былъ 13-мъ ребенкомъ по счету, господствовала религіозная московско-русская обстановка: миръ и ладъ; родители старались развить въ ребенкѣ все естественное, здоровое, не забивая его [1]). Судьба благопріятствовала Н. И. Пирогову въ прохожденіи университетскаго курса. Какъ извѣстно, Н. И. Пироговъ, обѣднѣвшій къ тому времени (раззореніе семьи, смерть отца), былъ посланъ для усовершенствованія въ наукахъ на казенный счетъ въ Дерптскій, какъ лучшій въ то время, университетъ и за

---

[1]) См. біографію Н. И. Пирогова, составленную Малисомъ, изд. Павленкова.

границу. Съ девизомъ: je prends mon bien partout, où je le trouve, Н. И. Пироговъ получилъ отличную научную и жизненную подготовку.

Помимо благопріятныхъ условій для развитія въ семейной обстановкѣ и университетѣ, Н. И. Пирогову для полнаго раскрытія его талантовъ благопріятствовалъ и такъ называемый, особо переживаемый, историческій исключительный моментъ на Руси.

Эпоха великихъ реформъ Царя-Освободителя, Александра II, вызвала учащенное біеніе общественнаго пульса, а неудачная севастопольская бойня заставила всѣхъ внимательнѣе присмотрѣться къ своей жизни. Севастопольскіе кровавые дни обнажили старыя язвы, гнойникъ вскрылся, и лучшіе люди пришли со спасительной перевязкой больного мѣста въ Россіи. Н. И. Пироговъ, какъ участникъ этой войны въ качествѣ врача-хирурга, увидѣлъ яснѣе другихъ господствующую болѣзнь времени: ему нужны были помощники-люди, а на войнѣ онъ сталкивался только съ чиновниками, для которыхъ людскія „утоли моя печали" были безразличны. Не дѣло, а видимость его, форма, прислужничество—вотъ что поглотило нерадивцевъ человѣческаго рода. Въ то время, когда вся Россія щипала корпію для Севастополя, корпіей этой перевязывали англичане, а у насъ была только солома. Вотъ какова картина общественной нравственности!

Картина нравственной общественной неряшливости, больше—преступности, открыла Н. И. Пирогову внутреннюю хроническую болѣзнь русскихъ — отсутствіе истинной подготовки къ жизни, другими словами—отсутствіе нравственныхъ принциповъ жизни, отсутствіе идеала. И вотъ тутъ-то, въ историческій моментъ прилива жизни, просыпается во врачѣ-хирургѣ патріотъ и глубокій мыслитель. Хирургическая роль Н. И. Пирогова кончается и начинается роль педагога-реформатора. Крымская война съ гноящимися ранами, заражающими зловоніемъ воздухъ, открыла предъ Н. И. Пироговымъ и нравственныя язвы, не менѣе, а, можетъ быть, болѣе первыхъ заражающія весь организмъ человѣка.

Но не только среда, окружающая обстановка, историческій моментъ выдвинули Н. И. Пирогова, какъ генія, изъ среды русскаго общества, но, конечно, больше всего и прежде всего личныя качества, которыми такъ щедро надѣлила его природа, посильно обрисованныя въ этой главѣ, и они-то и заставляютъ разсматривать Пирогова, какъ человѣка съ искрой и печатью Бога въ душѣ.

Не даромъ Н. И. Пироговъ всегда вѣрилъ въ Провидѣніе, откровеніе, мистическую силу свыше, съ помощью которой, по его мнѣ-

нію, человѣкъ способенъ *завоевать* Царствіе Божіе на землѣ! Мы знаемъ изъ автобіографическихъ замѣтокъ Пирогова, какъ много работалъ онъ надъ собою, чтобы взять силою Царствіе Божіе, но мы знаемъ также, что онъ сумѣлъ сдѣлать усиліе и подвигомъ жизни осуществилъ правду Бога на землѣ. Ради земной отчизны, поборовъ „мнози борющія его страсти", Пироговъ завоевалъ небесную отчизну, осуществивъ на землѣ добро—царство идеала. Такъ, самовоспитавъ себя, онъ выступилъ въ роли воспитателя другихъ.

ГЛАВА III.

Основное ядро педагогической системы Н. И. Пирогова и вытекающія изъ него слѣдствія, объединенныя въ научно-разработанное міровоззрѣніе.

Одинъ изъ нѣмецкихъ философовъ сказалъ: каковъ человѣкъ, такова и система философіи; она является показателемъ личности автора, создавшаго ее. Про Н. И. Пирогова мы можемъ сказать, что вся педагогическая система его есть глубокое воплощеніе личности его. Съ личностью Н. И. Пирогова мы уже знакомы. Основная сердцевина личности—глубокая любовь къ человѣку, человѣчеству, или доведенный до высшаго напряженія идеализмъ. Центральнымъ ядромъ педагогической системы Н. И. Пирогова является тотъ же идеализмъ и та же любовь къ человѣчеству. Мы всю педагого-философскую систему Пирогова можемъ назвать *гуманистическимъ идеализмомъ*. Что это, дѣйствительно *философски* построенная, *научная* система педагогики, а не рядъ случайныхъ, выработанныхъ практикой жизни правилъ о воспитаніи, видно изъ того, что все высказанное Н. И. Пироговымъ по вопросамъ воспитанія можетъ быть выведено изъ центральнаго ядра его ученія, округляясь въ одно цѣльное, критически разработанное міровоззрѣніе. Убѣдиться въ этомъ мы можемъ черезъ разсмотрѣніе внутренне основной, знаменитой педагогической статьи Н. И. Пирогова „Вопросы жизни", вокругъ которой группируются всѣ остальныя; она была написана въ 1856 г. послѣ крымской компаніи, когда Пироговъ впервые на 46-мъ году жизни выступилъ въ роли перваго русскаго реформатора воспитанія.

Попробуемъ развернуть, раскрыть многогранное, чреватое содержаніемъ для будущаго, ученіе о воспитаніи у Н. И. Пирогова, исходя изъ статьи „Вопросы жизни", указавъ одновременно на наличность центральнаго ядра ученія и на отношеніе къ нему другихъ принци-

піальныхъ вопросовъ воспитанія. Насъ поразитъ, до какой степени все, почти съ логически-математической послѣдовательностью, вытекаетъ изъ основного корня его педагогической системы. К. Д. Ушинскій, указывая на внутреннюю связь между статьями Н. И. Пирогова, конечно, имѣлъ въ виду „Вопросы жизни", какъ основную статью, какъ ключъ къ раскрытію сокровенной сущности ученія великаго педагога, дающей возможность проникнуть въ святое святыхъ духовнаго творчества его. Вотъ почему мы и начнемъ построеніе системы воспитанія Н. И. Пирогова именно съ этой статьи. При раскрытіи педагогической системы его, принявшей форму *законченнаго философскаго* мышленія, мы будемъ обращать главное вниманіе на *принципіальную* сторону ученія, другими словами—на *основныя идеи* воспитанія, выдвигаемыя Пироговымъ въ каждой изъ отдѣльныхъ, повидимому, разрозненныхъ педагогическихъ статей его.

Будучи самъ человѣкомъ, въ высшемъ значеніи слова, Н. И. Пироговъ и въ „Вопросахъ жизни" (статьѣ, появившейся въ Морскомъ сборникѣ) требуетъ, чтобы изъ людей образовывали не негоціантовъ, мореплавателей, инженеровъ или всякихъ другихъ спеціалистовъ, а прежде всего человѣка. „*Ищи быть и будь человѣкомъ*"—вотъ первый и основной принципъ Пирогова, высказанный имъ въ формѣ заповѣди. Какая рѣзкая критика прошлой педагогики и прямое осужденіе Петровской революціи въ дѣлѣ воспитанія! Кратко, но сильно, пять словъ, покончивая съ давнимъ, открываютъ намъ что-то новое, легкое и, вмѣстѣ съ тѣмъ, невѣроятно трудное! Какъ понять, какъ раскрыть внутренній смыслъ короткой, но глубокой фразы Н. И. Пирогова „ищи быть и будь человѣкомъ"?!

Статья „Вопросы жизни" и личныя качества Н. И. Пирогова ясно, прозрачно обнаруживаютъ предъ нами дно его мысли. „Ищи быть и будь человѣкомъ"—это значитъ: отыщи путь истинной жизни, намѣть нравственную цѣль ся, приведи себя къ невозможности жить иначе, какъ только нравственно, человѣчно и осуществи это *дѣломъ, подвигомъ жизни*: сдѣлайся человѣкомъ, высшимъ звеномъ на лѣстницѣ животнаго міра. Помни, тебѣ, созданному по образу и подобію Божію, слѣдуетъ силою взять на землѣ Царствіе Божіе, усиліемъ восхитить Его. „Быть человѣкомъ"—это значитъ не только воспитать человѣка въ человѣкѣ, т. е. лучшее, высшее въ немъ, нѣтъ, это требованіе идетъ дальше, оно болѣе строго и ригористично, это значитъ: слѣдуетъ воспитать Бога въ человѣкѣ, сдѣлать себя образомъ и подобіемъ Создавшаго насъ. Для этого, прежде всего, надо перевоспитать

самихъ себя. Долгимъ трудомъ необходимо сумѣть побѣдить въ себѣ все, что мѣшаетъ осуществленію добра на землѣ, идеала; съ корнемъ должно вырвать все, что задерживаетъ воспитаніе Бога въ человѣкѣ. Страхъ, лѣнь, обуревающія человѣка страсти, духовныя немощи должны исчезнуть!

Итакъ, предъ человѣкомъ двѣ задачи: первая—ясно поставить предъ собою цѣль жизни, разумную и нравственную, а вторая задача—понятую нами высшую цѣль жизни осуществить на землѣ, т. е. перевести идеалъ мысли въ дѣло жизни. Какъ достичь этого? Отъ жизни сегодня, какъ вчера, вчера, какъ сегодня, ощупью, безсознательно, безъ руля и вѣтрилъ—мы должны отказаться. Надо осмотрѣться вокругъ, заглянуть глубже въ себя. Если мы познаемъ себя, сумѣемъ разобраться въ тайникахъ души, мы лучше поймемъ и все окружающее. Вотъ почему самопознаніе есть ключъ къ познанію другихъ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, основа самовоспитанія. Но самопознаніе сразу не дается. Культура его постепенно пріобрѣтается человѣкомъ—путемъ развитія вниманія. Мы должны постояннымъ напряженіемъ духа какъ бы заглядывать внутрь себя. Вырабатывая въ себѣ произвольное вниманіе, мы научаемся раскалывать себя на наблюдаемое и наблюдающее. Только такимъ путемъ, исподволь, мы узнаемъ себя. Заглядывая въ себя, мы замѣчаемъ, что въ насъ существуютъ какъ бы двѣ половины: одна зоветъ въ высь, въ даль, зоветъ къ лучшему, другая—тяжелыми гирями тянетъ къ землѣ, къ худшему. Въ насъ на лицо двѣ отчизны—земная и небесная, говоритъ Н. И. Пироговъ. Это тѣ два града Божія, о которыхъ еще въ IV вѣкѣ по Р. Хр. говорилъ великій аскетъ средневѣковья—блаженный Августинъ. Самопознаніе, открывая двойственность нашей природы, при развитомъ вниманіи и сильной волѣ устанавливаетъ произвольно, уже *вторичнымъ актомъ воли*, путемъ нашего усилія, связь между мыслью, словомъ и дѣломъ. Какъ только мы перестаемъ слѣдить за собой, какъ только исчезаетъ у насъ контроль надъ собою, мы замѣчаемъ, какъ сейчасъ же впадаемъ въ разладъ съ самими собой: между словомъ и дѣломъ оказываются противорѣчія. Чтобы уничтожить въ себѣ противорѣчія, намъ надо понять, откуда они происходятъ, а для этого намъ надо научиться, путемъ развитія вниманія, раздѣлять мысль отъ слова и дѣла; это значитъ, надо научиться отсылать нѣкоторыя мысли назадъ, уничтожая ихъ, а другія, наоборотъ,—вызывать, т. е. необходимо научиться размышлять. Извѣстно, что всякая мысль, на которой сосредоточено наше вниманіе, чрезъ это самое становится болѣе отчетливой, а, слѣдова-

тельно, и болѣе сильной въ качествѣ опредѣляющей основы воли. Но, чтобы культивировку вниманія надъ самимъ собою довести до правила жизни поступать по идеальнымъ принципамъ жизни, воспитывая въ человѣкѣ Бога, надо быть *убѣжденнымъ*, что осуществленіе идеала, нравственнаго міропорядка, добра на землѣ есть дѣйствительная и единственная правда на землѣ. Только тогда человѣкъ направитъ всѣ свои духовныя силы къ осуществленію согласія, гармоніи между міромъ идеальнымъ и дѣйствительнымъ.

Достигнуть убѣжденія, что добро должно всегда побѣждать зло, не всякій можетъ. Н. И. Пироговъ учитъ насъ, что для этого необходимо *вдохновеніе*, экстазъ, жажда добра, тоска по немъ, эросъ, любовь къ нему, способность души отвлекаться, долгое упражненіе и молитва. Необходимы *духовныя* упражненія. И только тогда снизойдетъ на человѣка благодать Божія, откровеніе, особая милость Бога, и человѣку легче будетъ воспитать въ человѣкѣ образъ и подобіе Его. Но человѣкъ не долженъ падать духомъ, когда ему кажется, что онъ не надѣленъ этимъ даромъ неба. Постоянное вниманіе къ себѣ, усиліе привести себя въ состояніе вдохновенія—все это можетъ пробудить искру Божію въ человѣкѣ, сознаніе необходимости осуществленія добра на землѣ, которыя тлѣютъ въ душѣ каждаго человѣка. Повторныя упражненія, молитва, какъ постоянное напоминаніе себѣ, какъ бесѣда души самой съ собою, можетъ обратить проснувшееся сознаніе въ постоянную цѣль жизни, въ убѣжденіе человѣка.

Вся жизнь Пирогова, его личныя свойства, собственный *подвигъ* жизни, работа надъ собой, созданная имъ теорія воспитанія, до сихъ поръ вдохновляющія человѣчество искать въ жизни идеала, заражающія всѣхъ стремленіемъ сдѣлаться истиннымъ человѣкомъ, образомъ и подобіемъ Бога,—все это подтверждаетъ, что въ разсужденіи Н. И. Пирогова объ убѣжденіяхъ, какъ дарѣ неба, которыя будто бы не даются всякому, мы имѣемъ дѣло не съ противорѣчіемъ, но съ недосказанною мыслью великаго, послѣдовательнаго, народнаго педагога-реформатора. И послѣдующія соображенія, высказанныя Пироговымъ въ „Вопросахъ жизни“, подтверждаютъ, что человѣкъ *самъ можетъ долгимъ подвигомъ* завоевать себѣ это вдохновеніе. Стремясь къ идеалу, къ гармоніи его съ дѣйствительностью, мы, путемъ самопознанія, видимъ, что двойственность природы и составляетъ то зло, съ которымъ надо прежде всего бороться, чтобы сдѣлаться человѣкомъ. Въ этой, необходимой для нашего убѣжденія, борьбѣ съ дуализмомъ природы ясно, что мы не должны враждовать съ вещественнымъ, тѣлеснымъ

міромъ, обществомъ и собою, какъ училъ пессимистически смотрящій на природу блаженный Августинъ; наоборотъ, мы должны, по словамъ Пирогова, глубоко любить то, съ чѣмъ боремся. Вражда предполагаетъ ненависть, борьба—присутствіе духа и сознаніе внутренней силы, столь необходимой для славной побѣды. Въ этой борьбѣ съ низшей природой, міромъ инстинктовъ, безсознательно стихійной силой, мы приготовляемъ себѣ черезъ земную жизнь путь къ безсмертію. Развѣ не отрадно, спрашиваетъ насъ Пироговъ, выполнить коренной вопросъ жизни: жить совершенствуясь, уничтожая самопознаніемъ и дѣломъ жизни—низшее въ себѣ, перевоплощая это низшее въ высшее,— и, въ концѣ концовъ, достигнуть безсмертія духа?! Борьба съ низшей природою—трудная. „Часто инстинкты, говоритъ Пироговъ, прячутся отъ насъ, намъ не хватаетъ силы безпристрастно, строго, открыто осудить себя. Наши собственныя соображенія, какъ наша тайная полиція, оказываются на жалованіи у инстинктовъ, а воля подчасъ заводитъ интриги, обманываетъ и сама запутывается въ дипломатическихъ сѣтяхъ“. „Я хочу“ мы должны заставить торжествовать надъ всѣми инстинктами. Но „я хочу“ сдѣлается мощной силой тогда, когда оно кричитъ въ насъ, когда оно насыщено вдохновеніемъ. Воля безъ вдохновенія—ничто! А вдохновеніе, какъ откровенная сила въ человѣкѣ, есть полное отсутствіе сомнѣній въ себѣ, глубокая убѣжденность человѣка. Убѣжденность безъ сомнѣній наполняетъ душу восторгомъ вдохновенія, жаждой подвига, жгучимъ стремленіемъ осуществить то, что составляетъ суть, ядро убѣжденія“. А ядро вдохновленнаго убѣжденія, по словамъ Н. И. Пирогова, заключается въ побѣдѣ добра надъ зломъ, въ гармоніи идеальнаго и дѣйствительнаго міра, въ гуманизированіи человѣчества черезъ воспитаніе Бога въ человѣкѣ. Вдохновеніе, финалъ самопознанія,—это храмъ святыни. Не даромъ человѣчество такъ высоко цѣнило вдохновеніе! Безъ вдохновенія, а его нельзя отрицать и въ обществѣ, говоритъ Пироговъ, нѣтъ воли, безъ воли нѣтъ борьбы, а безъ борьбы скоро наступаетъ царство ничтожества и смерти. Чрезъ вдохновеніе все земное возвышается, и познается небесное. Вдохновеніе рождаетъ въ душѣ человѣка сочувствіе къ другимъ, согрѣвающій магнетизмъ души. Только вдохновеніе, какъ напряженіе души, помогаетъ осуществить добро и путемъ самонаблюденія открываетъ намъ, какъ сквозь микроскопъ, что мы живемъ не только для себя—индивидуально, но мы живемъ еще и въ другихъ для другихъ, въ обществѣ себѣ подобныхъ, въ потомствѣ—соціально для послѣдней окончательной задачи жизни—

жить въ идеалѣ, для безсмертнаго духа. Изъ этого сочувствія къ другимъ, изъ естественнаго стремленія подѣлиться съ другими тѣмъ, чѣмъ самъ владѣешь, впервые зарождается потребность воспитанія другихъ. Въ этомъ сказывается забота человѣка о будущемъ и пониманіе, что жить только настоящимъ значитъ строить жизнь на зыбкой и шаткой основѣ [1]).

Глубоко развитая, сопровождаемая вдохновеніемъ, внутренняя жизнь человѣка, къ которой намъ слѣдуетъ стремиться, добывается уединеніемъ. Уединеніе помогаетъ, не отвлекаясь, сосредоточиться на себѣ, познать себя и вырабатываетъ въ насъ убѣжденія. Еще Сенека, римскій моралистъ I вѣка, въ своихъ письмахъ говоритъ: „бѣги отъ толпы, потому что толпа вызываетъ все худшее, но пусть человѣкъ доведетъ себя до состоянія, когда для него достаточно двухъ, достаточно одного, достаточно никого, т. е. когда ему достаточно самого себя“. Это не аскетизмъ. Уединеніе необходимо, какъ первая ступень упражненія. Зараженный размышленіемъ на добро духъ можетъ долго жить внутренней жизнью и въ обществѣ, среди всѣхъ, въ самой вакханаліи жизни.

Выдвигая воспитаніе *человѣка,* какъ первую задачу воспитанія, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, критикуя узко-спеціальное, утилитарно-профессіональное воспитаніе прошлаго и Петровскаго временъ, Н. И. Пироговъ подводитъ должный критическій итогъ и современному ему воспитанію такими словами: „Вы танцовали, кружились, пѣли, играли на клавикордахъ и считали себя воспитанными, но провидѣніе коснулось рукою до уха, не успѣвшаго оглохнуть отъ шума и гама, и забытая арфа зазвучала гармоническими аккордами въ васъ. Передъ вами Вальпургіева ночь земного бытія. Вамъ уже хочется вырваться изъ рукъ чародѣйства. Вы чувствуете, что стоите на распутьи и начинаете съ того, съ чего давно слѣдуетъ начать: съ самопознанія и вдохновенія. Лучшіе изъ васъ, люди съ притязаніемъ на умъ и чувство, хотятъ осуществить безсмертіе—идеалъ—въ дѣлахъ семьи и общества. Но большинство забыло идеалъ—христіанскую идею,—слишкомъ занято матеріальной, торговой жизнью и поэтому идетъ вразбродъ, безпорядочными толпами, въ поискахъ не идеала, но суррогатовъ его“ [2]). Каждая толпа ищетъ субъективныхъ цѣнностей, забывая, что един-

---

[1]) См. тот. къ печ. „Наши реформаторы“ вып. II, „Народный педагогъ К. Д. Ушинскій“, гл. V.

[2]) См. „Вопросы жизни“, цѣль жизни каждой толпы

ственно истинной является та цѣнность, которая продиктована объективнымъ принципомъ жизни—вѣчной правдой Евангелія.

Итакъ, воспитательная теорія Пирогова основывается на самопознаніи, какъ средствѣ самовоспитанія. Средствомъ для развитія самопознанія является развитіе акта вниманія, раскрывающаго предъ нами двѣ отчизны: земную и небесную, грубый инстинктъ и Бога въ человѣкѣ. Сознательная оцѣнка того и другого заставляетъ насъ предпочесть Богочеловѣческое—звѣрочеловѣческому, доводитъ до вдохновленнаго убѣжденія, что правда заключается въ осуществленіи добра, и переводитъ это убѣжденіе въ дѣло жизни—въ стремленіе и другихъ сдѣлать, путемъ воспитанія, причастными этой правдѣ. Однимъ словомъ—основная задача воспитательной теоріи Пирогова: осуществленіе идеала, носителемъ котораго является человѣкъ, путемъ борьбы, *процесса живого дѣланія добра*, во имя любви, но не вражды къ человѣчеству для лучшаго грядущаго, соціальнаго и общекультурнаго переворота—водворенія Царства Божія на землѣ. Все, только что высказанное, есть ничто иное, какъ подробное раскрытіе философско-педагогической, основной мысли Н. И. Пирогова: „ищи быть и будь человѣкомъ“.

Самопознаніе доводитъ человѣка до пониманія, что воспитаніе *естественно* вытекаетъ изъ потребности человѣка, владѣющаго убѣжденіемъ, даромъ вдохновенія, подѣлиться съ неимѣющимъ и сдѣлать послѣдняго, путемъ воспитательнаго воздѣйствія, не менѣе себя счастливымъ. Главную задачу жизни Пироговъ всегда видѣлъ въ перевоспитаніи себя для воспитанія другихъ. Не внѣ, но *внутри* человѣка тайна успѣха воспитанія. Человѣкъ изъ себя создаетъ примѣръ, которымъ исправляется общество. Не упрекать другихъ, но открыто сознаться, уяснить идеалъ, какъ учатъ „Вопросы жизни“, и пробудить общество, изъ сочувствія къ нему, къ участію въ достиженіи идеала. Воспитаніе и приходитъ человѣку на помощь осуществить задачу „быть человѣкомъ“. Развивая въ другихъ все, естественно имъ данное, главное, на что долженъ обратить вниманіе наставникъ, это—на развитіе намѣренія, убѣжденія въ воспитанникѣ. Разъ воспитаніе, путемъ самовоспитанія, развиваетъ человѣка со стороны высшей природы его, слѣдовательно, оно послѣ религіи является самой важной отраслью жизни. Вотъ почему воспитаніе необходимо для всѣхъ сословій и состояній, необходимо, какъ хлѣбъ и соль. Поэтому не надо щадить никакихъ издержекъ, матеріальныхъ и духовныхъ, чтобы добиться серьезнаго взгляда на жизнь и сознанія нравственной необхо-

димости воспитанія. Только при всеобщности истиннаго просвѣщенія явится у людей теплая вѣра въ вѣчную истину и добро, только тогда всѣ люди, какъ одинъ человѣкъ, обратятся съ молитвой къ Всевышнему: „да пріидетъ Царствіе Твое“. Но у своихъ соотечественниковъ Пироговъ отмѣчаетъ индифферентизмъ къ истинному просвѣщенію. „Мы любимъ просвѣщеніе, но оно не сдѣлалось у насъ нашей неотъемлемою, задушевною собственностью“, говоритъ Пироговъ: „Мы не участвуемъ еще живымъ образомъ, нравственно, въ судьбѣ бѣднаго сословія: мы не поняли еще ясно, что истинный прогрессъ достигается *единственно* путемъ воспитанія“. Отмѣчая наши слабости въ отношеніи къ серьезному дѣлу жизни—воспитанію, Пироговъ противополагаетъ насъ въ этомъ отношеніи еврейскому населенію [1]), у котораго русскимъ хорошо было бы кое-чему поучиться. Для еврея грамота въ приходской школѣ—талмудъ-торѣ—все: это единственное средство узнать законъ. Въ этомъ-то сліяніи грамоты и закона, ученія и воспитанія, въ духѣ ветхозавѣтныхъ заповѣдей, — высота еврея. Евреи умѣютъ дѣйствовать сообща. Ихъ магнаты не жалѣютъ давать деньги на училища, а образцовые педагоги Гольденблюмы въ 9 мѣсяцевъ, давая бѣднѣйшимъ ученикамъ обѣдъ, производятъ чудеса въ школѣ, подготовляя воспитанныхъ законниковъ. Кромѣ евреевъ Пироговъ отмѣчаетъ глубокое и сознательное убѣжденіе въ необходимости воспитанія и у раскольниковъ. Послѣ осмотра еврейской талмудъ-торы Пироговъ восклицаетъ: „хлѣбъ и грамоту, хлѣбъ и правду—вотъ что дайте, христіане—благотворители, грядущему поколѣнію нашего отечества. Накормите, одѣньте, обуйте бѣдныхъ приходскихъ школьниковъ, пошлите вашихъ женъ посмотрѣть за раздачею пищи и ея качествомъ, хлопочите о выборѣ и достаточномъ содержаніи педагога, и у васъ также явится свой Гольденблюмъ, и ваша приходская школа также переродится, какъ еврейская талмудъ-тора“. И въ этомъ знаменательномъ разсужденіи Пирогова мы видимъ, какъ главная, высокая задача воспитанія—открыть Бога въ человѣкѣ—заставляетъ Н. И. Пирогова призвать всѣхъ, безъ различія племенъ, сословій, состоянія, къ серьезному дѣлу воспитанія, къ измѣненію общества, нравственному его обновленію, какъ среды поддерживающей нравственную высоту отдѣльнаго лица.

Если всѣмъ людямъ присуще внутренне, какъ естественная сила въ нихъ, воспитаніе другихъ, тѣмъ не менѣе особенно развить мы-

---

[1]) Одесская талмудъ-тора.

шленіе и волю, воспитывать другихъ мы должны, по словамъ Пирогова, у женщинъ. Женщины должны имѣть ясную и свѣтлую идею о цѣли воспитанія дѣтей предпочтительно передъ всѣми, потому что женщины—главные зодчіе человѣчества и званіемъ материнства отличны отъ мужчинъ. Въ рукахъ женщинъ, какъ строителей жизни, будущее человѣчества. Надо только позаботиться объ измѣненіи воспитанія всего человѣчества, тогда женщина пойметъ свое высокое назначеніе, а другіе—оцѣнятъ ее и въ обществѣ положеніе ея измѣнится и ей по праву простой справедливости сторицею воздадутъ то, что вѣками отнимали отъ нея. Въ самомъ дѣлѣ, ставя главной цѣлью воспитанія—воспитаніе человѣка, въ вопросѣ участія женщинъ въ перевоспитаніи всего человѣчества, Н. И. Пироговъ отмѣчалъ особенное гуманитарное, предпочтительно передъ мужскимъ, женское вліяніе. Какъ извѣстно, впервые въ мірѣ, по иниціативѣ Н. И. Пирогова и Великой Княгини Елены Павловны [1]), была организована женская помощь на войнѣ и были посланы сестры Крестовоздвиженской общины на поле битвы. Вотъ что говоритъ о женщинахъ глубоко справедливый отъ природы Н. И. Пироговъ въ письмѣ къ баронессѣ Э. Ф. Раденъ: „Женскій тактъ, ихъ чувствительность, независимое отъ служебныхъ условій положеніе гораздо дѣйствительнѣе могутъ вліять на отвратительныя злоупотребленія администраціи, чѣмъ офиціальная, служебная контрольная комиссія. Только до извѣстнаго времени женщина должна быть руководима мужчинами". Очевидно, Н. И. Пироговъ имѣлъ въ виду исторически прошлую несовершеннолѣтность женщинъ, такъ какъ дальше слѣдуютъ глубоко знаменательныя слова великаго гуманиста: „надо измѣнить положеніе женщинъ и дать имъ занять мѣсто въ обществѣ болѣе отвѣчающее ихъ человѣческому достоинству и ихъ умственнымъ способностямъ. Даже въ управленіи многихъ общественныхъ учрежденій женщины одарены болѣе способностями, чѣмъ мужчины. Въ женскомъ вопросѣ забытъ давнишній родъ воззрѣнія, по которому „человѣкъ" есть коллективность, состоящая изъ мужчины и женщины, и съ нимъ слѣдуетъ обращаться по его различнымъ, но обоимъ поламъ свойственнымъ дарованіямъ. Что наши предки у женщинъ отняли, то мы должны возвратить имъ съ лихвой. Это справедливо и недорого обойдется. Цѣль и путь къ цѣли одни и тѣ же у мужчинъ и женщинъ, но способы для совершенія пути могутъ быть разные... Мы слишкомъ долго

[1]) См. *А. Ф. Кони*, Очерки и воспоминанія.

игнорировали чудныя дарованія женщинъ! Если женщина получитъ надлежащее образованіе и воспитаніе, она можетъ такъ же хорошо усвоить себѣ научную, художественную и общественную культурность, какъ и мужчина, но она должна всегда сохранять свою физіологію и нравственную женственность". Въ севастопольскихъ письмахъ врачъ-гражданинъ, образцовый семьянинъ, глубоко любящій своихъ близкихъ, въ свѣтломъ образѣ русской „сестрички" воплотилъ лучшія стороны русской женщины. Такъ авторъ „Вопросовъ жизни", исходя изъ основного принципа перевоспитанія человѣчества воспитаніемъ человѣка, просто и справедливо рѣшилъ одинъ изъ больныхъ вопросовъ въ жизни, такъ называемый женскій вопросъ.

Только тотъ, кто понялъ, что надо быть человѣкомъ, кто сумѣлъ побѣдить низшіе природные, грубые инстинкты, кто самъ сдѣлался человѣкомъ, только тотъ можетъ и даже долженъ принять на себя роль руководителя, воспитателя другихъ. Кто самъ убѣжденъ въ силѣ добра, вдохновленъ идеаломъ, только тотъ можетъ зажечь другого, пробудивъ въ немъ тоску по идеалу. Вотъ почему прежде всего примѣръ живой личности воспитателя можетъ осуществить, по ученію Н. И. Пирогова, трудную основную задачу воспитанія—воспитаніе человѣка въ человѣкѣ. Ученіе современныхъ психологовъ [1]) о двигательной силѣ идей, о заразительности чувствъ и дѣйствій, о силѣ подражательности авторомъ „Вопросовъ жизни" въ свое время было тонко прочувствовано и высказано въ ученіи его о значеніи живой личности въ дѣлѣ воспитанія. Не столько форма, преобразованіе уставовъ, сколько вѣра въ образовательную, творческую силу человѣческой личности, подготовка настоящихъ педагоговъ, которыхъ у насъ теперь, какъ и въ петровское и екатерининское время, еще очень недостаточно, могутъ преобразовать общество сверху и снизу. Въ качествѣ врача-профессора, попечителя Одесскаго и Кіевскаго округовъ, Н. И. Пироговъ осуществилъ въ дѣйствительной жизни роль животворящей, конкретной силы въ воспитаніи. Воспитатель развиваетъ духъ ученика, передаетъ знанія и благодаря своему опыту предостерегаетъ отъ ошибокъ, показываетъ, какъ надо мыслить и работать. Задача самовоспитанія и воспитанія—развить высшее, Бога въ человѣкѣ—составляетъ и задачу всей нашей жизни: совершенно—Богочеловѣчески жить. Въ школѣ, какъ въ преднамѣренно организованномъ учрежденіи для осуществленія высокой идеальной задачи жизни,

---

[1]) *Фуллье* „Идеи—силы", *Тома* „Воспитаніе чувствъ" и др.

ближайшимъ образомъ какъ разъ и осуществляется цѣль воспитанія, которая въ то же время составляетъ насущный вопросъ жизни. Только тамъ, гдѣ школа не противорѣчитъ коренной задачѣ воспитанія и жизни, только тамъ мудро разрѣшаются вопросы жизни—воспитанія человѣка—для блага всѣхъ. Итакъ, помимо *личности и среда*, въ которой дѣйствуетъ живая личность педагога, т. е. школа, должна развиваться въ унисонъ съ основной мыслью „Вопросовъ жизни“ — „ищи быть и будь человѣкомъ“. Какова же должна быть школа? До сихъ поръ всѣ школы выпускали не людей, а чиновниковъ, не сильныхъ духомъ, а людей съ тряпичной, восковой душой. Все это ясно обнаружилось предъ всѣми въ крымской кампаніи. Послѣ „Вопросовъ жизни“, когда министръ народнаго просвѣщенія Норовъ предложилъ Н. И. Пирогову постъ попечителя Кіевскаго округа, Н. И. Пироговъ сумѣлъ и практически, а еще больше идейно,—реформировать, излечить больную старыми недугами русскую школу. Въ предстоящей реформѣ школы, находилъ Н. И. Пироговъ, прежде всего должны быть измѣнены принципы, фундаментъ школы. Разъ цѣль воспитанія заключается въ томъ, чтобы осуществить идеалъ въ дѣйствительной жизни или, по крайней мѣрѣ, къ нему приблизиться, школа, какъ организованная единица для осуществленія предначертанно намѣченной въ жизни цѣли, внѣ жизни—нелѣпость [1]). Въ свою очередь и жизнь безъ школы, безъ лабораторіи улучшаемыхъ формъ жизни не сдѣлаетъ ни одного шага на пути улучшенія человѣка. Въ самомъ дѣлѣ, жизнь требуетъ полноты и всесторонности развитія человѣческихъ способностей, и школа, какъ воспитательное учрежденіе, явилась изъ врожденной наклонности человѣка развивать все, ему присущее. На школу надо смотрѣть, какъ на проводникъ къ распространенію убѣжденій въ будущемъ, какъ на организацію, опредѣляющую будущее жизненное развитіе. И отцы, и общество, и государство, говоритъ Н. И. Пироговъ, замѣтившій нарушеніе этого принципа въ жизни, должны возстановить значеніе школы—быть руководителемъ жизни на пути къ будущему. А это достигнется тогда, когда всѣ дарованія, высшія стремленія, способности, данныя человѣку, найдутъ въ школѣ средства къ безконечному и всестороннему развитію, безъ задней, узкой мысли о приложеніи. Послѣднее само собой явится, такъ какъ оно присуще человѣку. Такимъ образомъ, требованіе Н. И. Пирогова не отдѣлять школу отъ жизни, а предоставить школѣ *гегемо-*

[1]) Школа и жизнь.

нію, какъ вершительницѣ будущихъ судебъ жизни, какъ повелительницѣ всесторонняго развитія человѣка, избѣгая энциклопедичности, выдвигаетъ новый педагогическій принципъ, согласный съ центральнымъ ядромъ ученія Н. И. Пирогова, высказаннымъ въ „Вопросахъ жизни". Это требованіе дать школѣ первенство надъ жизнью, предоставить ей путемъ общечеловѣческаго образованія вырабатывать въ школахъ прежде всего человѣка, а затѣмъ уже спеціалистовъ, какъ естественное слѣдствіе перваго. Только общечеловѣческое образованіе можетъ уничтожить бездну, раздѣляющую касты; только оно научитъ быть человѣкомъ и сдѣлаетъ имъ [1])! Такъ идеальная задача „Вопросовъ жизни"—воспитать Бога въ человѣкѣ—урегулировала отношеніе школы къ жизни и отношеніе общаго къ спеціальному образованію, принципіально разрушивъ разъ навсегда одностороннія увлеченія прежней школы; подчинять школу церкви, какъ это дѣлала церковная педагогика, и подчинять школу государству, какъ это сохраняется и до сихъ поръ отъ Петровской Руси, не слѣдуетъ.

Та же основная мысль „Вопросовъ жизни" заставляетъ Н. И. Пирогова предпочесть [2]) гуманитарное образованіе, какъ развивающее силы внутренняго міра, реальному на первыхъ ступеняхъ развитія человѣка; затѣмъ, то и другое должны идти параллельно. Идеальная задача воспитанія, выдвинутая Н. И. Пироговымъ, русскимъ гуманистомъ, уничтожала сословныя преграды, требуя законченности образованія въ каждомъ изъ училищъ, но рядомъ съ этимъ она требовала неразрывной связи въ учебномъ курсѣ всѣхъ училищъ, не препятствующей переходу учащихся изъ одного училища въ другое. Такъ уничтожались такъ называемыя привилегированныя учебныя заведенія. Эта же идеальная задача воспитанія требовала примѣняться къ потребностямъ учащихся всѣхъ слоевъ общества, ихъ способностямъ, средствамъ; выдвигала постепенность въ распредѣленіи учебнаго времени для различныхъ возрастовъ. Въ статьѣ „Мысли и замѣчанія о проектѣ устава училищъ, состоящихъ въ вѣдомствѣ народнаго просвѣщенія", Н. И. Пироговъ рѣзко раздѣляетъ классическое и реальное направленіе только въ однѣхъ гимназіяхъ съ IV класса, т. е. съ 14 лѣтъ.

Сообщая цѣлый рядъ дидактическихъ свѣдѣній относительно классическаго и реальнаго образованія, включительно съ указаніемъ числа

---

[1]) „Чего мы желаемъ"? „Университетскій вопросъ".

[2]) „Университетскій вопросъ".

часовъ на каждой ступени школьнаго развитія, Н. И. Пироговъ интересуется главнымъ образомъ принципіальнымъ вопросомъ воспитанія. Ни програмы, которыми нельзя стѣснять ни одно учебное заведеніе, ни экзамены, ни отмѣтки, но бесѣды, развитіе самодѣятельности, развитіе привычки къ самостоятельному научному труду путемъ устройства посильныхъ ученикамъ средней школы литературныхъ бесѣдъ въ гимназіяхъ, развивающихъ довѣріе между учащими и учащимися,— вотъ что интересовало Н. И. Пирогова и было имъ осуществлено за время его практической, педагогической дѣятельности, какъ попечителя Одесскаго и Кіевскаго округовъ, вполнѣ отвѣчая мысли „Вопросовъ жизни": развить не внѣшнюю, но внутреннюю высшую сторону въ человѣкѣ [1]). Что касается экзаменаціонныхъ испытаній и отмѣтокъ, то Н. И. Пироговъ въ своихъ замѣчаніяхъ на отчеты морскихъ учебныхъ заведеній за 1859 г. рѣзко осуждаетъ ихъ, какъ не педагогическія, но чисто полицейскія мѣры провѣрки знанія учениковъ. „Признавая экзамены, говоритъ Н. И. Пироговъ, мы выдаемъ себѣ расписку въ томъ, что въ продолженіе года не узнали успѣха своихъ учениковъ и пробуемъ сдѣлать поправку годового недосмотра минутнымъ опросомъ того же ученика на экзаменѣ. Кромѣ того, назначеніемъ экзамена начальство выражаетъ недовѣріе къ учителю, что въ воспитательномъ отношеніи непозволительно. Наконецъ, безсмыслица цифрами провѣрять успѣхи и нравственное поведеніе ученика. То и другое не поддается числовому вычисленію. Важнѣе количества должно быть признано качество пріобрѣтаемыхъ и пріобрѣтенныхъ знаній. Мы должны требовать отъ учащихся не максимума, что безпредѣльно, а минимума знаній, допуская оцѣнку: „да" или „нѣтъ", „знаетъ"—„не знаетъ", но не дробныя вычисленія [2]). Разница въ поведеніи и успѣхахъ учащихся зависитъ часто отъ различія ихъ темперамента, „нравственнаго склада ихъ. „Какъ же можно, съ негодованіемъ далѣе восклицаетъ Н. И. Пироговъ: мораль свести на голую ариѳметику". Экзамены Н. И. Пироговъ рекомендуетъ замѣнить мнѣніями классныхъ наставниковъ не формальнаго характера, а дѣлаемыми ими за цѣлый годъ занятій. Въ своей автобіографіи на старости лѣтъ Н. И. Пироговъ признается намъ: „я помню, какъ меня самого парализовали экзамены. Ничего я такъ скоро не забывалъ, какъ то, что обязанъ былъ приготовить для экзамена. Лѣтъ 30 послѣ

---

[1]) „О литературныхъ бесѣдахъ въ гимназіяхъ".

[2]) „Чего мы желаемъ"? „Универс. вопросъ"; „Взглядъ на общій уставъ ун—овъ".

того, если я ночью пробуждался отъ непріятнаго чувства, то это почти всегда было приготовленіе къ экзамену во снѣ. Ни одной наукой я не занимался такъ нехотя, какъ той, которой учился для экзамена, и ни одна лекція не наводила на меня столько дремоты, какъ обязательная".

Задача воспитанія „ищи быть и будь человѣкомъ" не мирится съ внѣшней регламентаціей неуловимыхъ и сокровенныхъ сторонъ человѣческаго духа. Та же задача воспитанія, на основаніи самопознанія, открываетъ намъ, что хорошее поведеніе въ насъ должно считаться правиломъ, а потому оно не требуетъ никакихъ поощреній и наградъ, какъ норма; дурное же, какъ допущеніе низшаго, неразумнаго, составляетъ для разумно-нравственнаго существа, какимъ является человѣкъ,—исключеніе, отклоненіе отъ нормы, болѣзнь здороваго организма. Это послѣднее мы должны излечивать не тѣлесными наказаніями, но развитіемъ чувства законности въ сознаніи учениковъ и урегулированіемъ самого воспитанія. Въ самомъ дѣлѣ, часто проступки происходятъ отъ физическаго недостатка или отъ недостатка воли, или отъ разсѣянности и т. д. [1]). Слѣдовательно, желая исправить ученика тѣмъ или другимъ способомъ, мы должны, какъ говоритъ Пироговъ, принимать во вниманіе индивидуальность ученика и натуру проступка. Идеалъ наказанія — естественное слѣдствіе ихъ проступка. Введеніемъ по Кіевскому округу правилъ о проступкахъ и наказаніяхъ учениковъ гимназій Н. И. Пироговъ уменьшилъ число наказаній и принципіально осудилъ тѣлесныя наказанія, какъ имѣющія только устрашающій характеръ и унижающія человѣческое достоинство.

Педагогическая система Н. И. Пирогова требуетъ, чтобы въ новой русской школѣ все было здоровымъ и нормальнымъ, согласнымъ съ основными вопросами жизни и за здоровье награждать считаетъ для себя лишнимъ. Регулируя существующія наказанія установленіемъ правилъ для воспитателей и воспитанниковъ и осуждая тѣлесныя наказанія, въ видѣ розги, существовавшей въ учебныхъ заведеніяхъ того времени, Пироговъ требовалъ ввести въ школѣ нравственное вліяніе, какъ единственно отвѣчающее задачѣ воспитанія. Для того же, чтобы повысить нравственное вліяніе въ школѣ, надо поднять *нравственно-воспитательный элементъ въ наукѣ* — съ одной стороны, и поднять *личное достоинство учащихъ и учащихся*—съ другой.

[1]) См. „Нужно ли сѣчь дѣтей"?

Введеніе товарищескаго суда, но не самосуда учащихся, говоритъ Пироговъ, подниметъ достоинство учащихся. Для того, чтобы достигнуть поднятія нравственно-воспитательнаго элемента въ наукѣ, надо, чтобы воспитатели развивали въ ученикахъ здравый смыслъ и любовь къ истинѣ, а черезъ это улучшали бы нравы будущихъ поколѣній. Только наукой каждый учитель развиваетъ душевныя стороны ученика, т. е. вмѣстѣ съ тѣмъ и воспитываетъ.

Такимъ образомъ, при передачѣ истинныхъ знаній, особенно, если эта передача сопровождается воодушевленіемъ, убѣжденіемъ, каждый учитель непремѣнно становится и воспитателемъ, такъ какъ заставляетъ лучшими способами преподаванія сознательно усваивать науку и тѣмъ самымъ дѣйствуетъ на развитіе душевныхъ способностей. При *разумномъ* усвоеніи научнаго матеріала и заучиваніе не вредно. Конечно, надо отличать заучиваніе отъ задалбливанія. Сознательное усвоеніе, которое ведется эвристическимъ или сократовскимъ способомъ, удерживая все время въ напряженіи вниманіе всего класса, не проводитъ рѣзкой грани между спрашиваніемъ и объясненіемъ урока и, повышая самодѣятельность учениковъ, тѣмъ самымъ воспитываетъ учащихся. Вотъ это-то пробужденіе въ ученикѣ внутреннихъ, лучшихъ сторонъ его, устанавливающихъ взаимодѣйствіе между учителемъ и ученикомъ, Пироговъ ставилъ выше всего, а поэтому и требовалъ воспитаніе и образованіе непремѣнно совмѣщать въ такъ называемомъ воспитывающемъ обученіи, въ которомъ споръ о преимуществахъ формальнаго и матеріальнаго образованія самъ собой исчезаетъ. Другими словами, Пироговъ требовалъ одновременно давать ученикамъ цѣнныя знанія и развивать душевныя, внутреннія силы ихъ. Въ виду же того, что вниманіе играетъ большую роль въ развитіи самопознанія, Пироговъ рекомендовалъ изучить тѣ мѣры, которыя возбуждаютъ и поддерживаютъ вниманіе цѣлаго класса, столь необходимое и для сознательнаго, воспитывающаго человѣка, усвоенія науки. Мѣстныя условія каждаго учебнаго заведенія варьируютъ способы изложенія предмета, направляя его къ развитію заранѣе намѣченныхъ, опредѣленныхъ душевныхъ способностей учащихся.

Замѣчая въ школѣ господствованіе бюрократизма, чиноначалія, Пироговъ ставилъ необходимымъ требованіемъ новой гуманитарной русской школы развитіе *коллегіальнаго* начала, выбора директора изъ среды учительской корпораціи. На педагогическія засѣданія [1]), имѣю-

[1]) О предметахъ педагогическихъ сужденій и преній педагогическихъ совѣтовъ въ гимназіяхъ.

щія цѣлью сблизить всѣхъ педагоговъ, а общество познакомить съ развитіемъ педагогики путемъ обнародованія отчетовъ объ этихъ засѣданіяхъ, Пироговъ смотрѣлъ серьезно. Онъ находилъ, что въ этихъ засѣданіяхъ должны вырабатываться педагогическія мѣры извнутри педагогическаго дѣла. Въ этихъ мѣрахъ ничего не должно быть въ одну форму закабаленнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ не должно быть ничего и произвольнаго; вездѣ должно чувствоваться вліяніе *живой*, единой, гармонической, коллегіальной силы. Все это, по мнѣнію Пирогова, поддержитъ добрую традицію въ школѣ, поможетъ выработать высшее, лучшее, идеальное, Богочеловѣческое въ человѣкѣ.

Такъ какъ школа должна научить человѣка согласовывать идеальную задачу жизни съ дѣйствительными потребностями ея, то чѣмъ больше свободы въ школѣ, чѣмъ ближе школа къ жизни, тѣмъ лучше. Никакой замкнутости школъ не должно быть.

Въ уставѣ новой гимназіи, предлагаемой проектомъ преобразованія морскихъ учебныхъ заведеній, Н. И. Пироговъ высказывается противъ закрытыхъ учебныхъ заведеній, такъ какъ они развиваютъ особые воспитательные пороки, какъ большіе госпитали развиваютъ госпитальныя болѣзни. Пироговъ допускаетъ закрытыя учебныя заведенія только для безсемейныхъ, при условіи, чтобы они были немноголюдны и чтобы старшіе воспитанники были отдѣлены отъ младшихъ и имъ была бы предоставлена большая свобода, сравнительно съ послѣдними. Какое бы учебное заведеніе ни было, учителю, какъ наставнику [1]), надо всегда аппелировать къ сердцу ученика, добрые инстинкты дѣтской природы возвести къ сознательному стремленію искать правды, добра и путемъ развитія воли образовывать нравственныя убѣжденія. Все это надо внѣдрить въ сущность ребенка, чтобы научить его быть человѣкомъ, а не казаться имъ. Школьные спектакли, развивающіе соревнованіе, придуманные родителями, главнымъ образомъ, изъ тщеславія, Пироговымъ были осуждены такъ же строго, какъ экзамены. И то, и другое пріучаетъ дѣтей не быть, но только казаться, образуя привычку лгать, т. е. прививая безнравственныя начала съ самаго ранняго дѣтства.

Н. И. Пироговъ вдохнулъ новую жизнь и новый духъ не только въ среднюю, но и въ низшую школу. Мало того, что онъ требовалъ образованія, какъ насущной потребности, для всѣхъ, онъ еще забо-

---

[1]) „Требованіе отъ наставниковъ, чтобы они замѣняли родителей, — невыполнимое требованіе“, говоритъ Пироговъ.

тился о томъ, чтобы народъ не раскрошилъ по дорогѣ жизни тѣ крохи образованія, которыя онъ получилъ въ элементарной школѣ. На учрежденныя впервые въ 1859 г. имъ самимъ въ Кіевѣ при Подольскомъ училищѣ воскресныя школы, Пироговъ смотрѣлъ, какъ на средство распространять *осмысленную* грамотность въ народѣ. Воскресныя школы, кромѣ просвѣтительнаго значенія имѣютъ и нравственное вліяніе: онѣ отвлекаютъ народъ отъ разгула и праздности, что въ Россіи особенно цѣнно. Въ открытой въ Кіевѣ воскресной школѣ были примѣнены лучшіе способы обученія, поднялась частная инціатива и благотворительность. Какое вліяніе имѣли воскресныя школы на развитіе общественнаго самосознанія, лучше всего свидѣтельствуетъ то дружное участіе, которое принялъ весь, старый и молодой, Кіевъ въ ихъ развитіи!

Предположеніе администраціи, будто воскресныя школы являются очагомъ революціонной пропаганды, въ свое время Пироговымъ было опровергнуто. „Ни одна революціонная доктрина не образовывалась въ самой школѣ, а выходила готовая, вырабатываясь за стѣнами школы. Чтобы препятствовать распространенію ложныхъ идей, необходимо позаботиться о развитіи противоположныхъ, т. е. истинныхъ идей. Нельзя каналы принимать за родники“, такъ заканчиваетъ Пироговъ—raison d'être воскресныхъ школъ.

Заботясь о низшемъ и среднемъ образованіи, Пироговъ не забылъ и высшаго. Въ рядѣ идейныхъ статей Пирогова: „Чего мы желаемъ?“, „Взглядъ на общій уставъ нашихъ университетовъ“, „По поводу занятій русскихъ ученыхъ за границей“ и „Университетскій вопросъ“, Н. И. Пироговъ предлагаетъ широкую реформу университета. И въ этой реформѣ осуществленіе идеальной задачи полагается Пироговымъ во главу угла. Идеалъ не препятствуетъ дѣйствовать, не мѣшаетъ, но обусловливаетъ собою напряженіе въ работѣ. Идеальная задача ближайшимъ образомъ связана съ реформой университета, такъ какъ только внесеніе идеальныхъ задачъ измѣнитъ въ немъ духъ и способъ ученія, что для университетской реформы крайне необходимо. До сихъ поръ измѣняли различнымъ образомъ организаціи университета, забывая о самомъ существенномъ—о прогнившемъ фундаментѣ его. Вотъ почему реформы университета, задѣвая лишь частности, не достигали никакихъ существенныхъ улучшеній въ жизни университета. Сравнивая причины возникновенія нашихъ университетовъ, сравнительно съ заграничными, и критикуя основное настроеніе русскихъ университетовъ, Н. И. Пироговъ приходитъ къ слѣдующему выводу: „наши университеты, какъ созданные

правительственною властью для цѣлей государства, выдвигаютъ, главнымъ образомъ, образовательно-государственно-благотворительный элементъ, отдѣляя образовательный отъ научнаго элемента. Отсутствіе свободы въ развитіи университета и полная неопредѣленность положительныхъ задачъ университета,—вотъ что является характерной чертой нашихъ университетовъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы можемъ дать опредѣленіе русскимъ университетамъ лишь отрицательнымъ путемъ, чрезъ указаніе на то, чѣмъ наши университеты сейчасъ не являются. Мы можемъ сказать: наши университеты учрежденіе не чисто научныя, не чисто спеціальныя, не дающія высшаго общечеловѣческаго образованія. Эти учрежденія не открыты для любознательности разныхъ половъ, возрастовъ и сословій, не воспитательное заведеніе, не являются представителемъ универсальной, чистой науки, ни чисто церковныхъ, или сословныхъ, ни бюрократическихъ началъ. Но въ нихъ всего понемногу и вмѣстѣ съ тѣмъ полная неопредѣленность всего. Вмѣсто того, чтобы быть свободной, независимой единицей, университетъ является служебнымъ орудіемъ въ рукахъ церкви, правительства и общества. Утилитарныя соображенія разрываютъ связь между факультетами". Полная неопредѣленность университетской задачи, бѣдность динамическихъ и матеріальныхъ силъ университета, на ряду съ учащеніемъ студенческихъ безпорядковъ, заставляютъ желать коренного измѣненія его. Но, чтобы реформа не вылилась во внѣшнюю регламентацію, напрасно не экспериментировала бы надъ живымъ матеріаломъ, необходимо, по словамъ Пирогова, заручиться желаніемъ правительства осуществить реформу, сумѣть согласовать интересы чисто университетскіе съ государственными и общественными требованіями, при чемъ общественныя требованія должны составлять не мнѣнія, но прочныя убѣжденія. А для всего этого надо поднять жизненныя силы университета, надо сумѣть удержать человѣка на научномъ поприщѣ такъ, чтобы самоусовершенствованіе сдѣлалось главной цѣлью его жизни. Достигнуть этого возможно только поднятіемъ научнаго духа въ университетѣ. Улучшить матеріальныя средства преподающихъ, давать вознагражденіе въ высшей и средней школѣ по личнымъ заслугамъ, таланту, а не по должности—тоже важно, но это должно явиться, какъ естественное слѣдствіе поднятія научнаго духа въ университетѣ. Для этого же надо способствовать соревнованію между профессорами, ввести сильное, прогрессивное, производительное, коллегіальное начало, а не группировку на враждебныя, преслѣдующія личные интересы партіи. Чтобы въ университетѣ воспитывалась производительная

положительнымъ дѣломъ коллегія, надо дать университету автономію, которая выработаетъ богатую содержаніемъ, внутреннюю жизнь въ университетѣ. Университетская корпорація, контролируемая общественнымъ мнѣніемъ, внѣ іерархическаго, бюрократическаго формализма, съ богатымъ резервуаромъ свѣжихъ силъ (доцентство, но не адъюнктство), разовьетъ въ свободномъ словѣ и мысли высшую силу—силу правды. Распространяя истинную науку и просвѣщеніе не столько искорененіемъ зла, сколько, главнымъ образомъ, насажденіемъ добра, университетъ нравственно отвѣчаетъ предъ наукой, правительствомъ и обществомъ. Такъ автономія университета, поддерживая добро въ мірѣ, отлично можетъ согласоваться съ государственнымъ учрежденіемъ, все же преслѣдующимъ благо своихъ подданныхъ, а среди человѣческихъ благъ—стремленіе къ совершенствованію есть одно изъ самыхъ существенныхъ благъ. Пироговъ выясняетъ отношеніе университета, какъ автономной коллегіи, къ министру, попечителю. Автономная коллегія сносится непосредственно съ министромъ, попечитель же является не начальствомъ, но контролемъ безъ права на veto; къ студентамъ отношеніе попечителя должно быть чисто воспитательное. Общество контролируетъ университетъ, знакомясь съ печатаемыми отчетами совѣтовъ. Гласность и отчетность—condito sine qua non автономной университетской корпораціи. Такъ какъ университетъ, какъ живое лицо, не терпитъ никакихъ заранѣе предначертанныхъ косныхъ формъ, въ видѣ однородности уставовъ, поэтому децентрализованный университетъ, каковымъ онъ является въ Германіи, съ мѣстнымъ уставомъ въ каждомъ изъ нихъ, легче осуществитъ идеальную задачу университета: чрезъ свободное, безкорыстное изученіе науки легче достигнуть истиннаго гуманизма, легче стать и быть человѣкомъ. Дѣйствительно, дѣло не въ томъ, чтобы найти одинъ общій уставъ россійскихъ университетовъ, а въ томъ, чтобы найти на дѣлѣ особенности каждаго изъ россійскихъ университетовъ, которыя бы сближали ихъ жизнь съ жизнью края. Чѣмъ свободнѣе, чѣмъ менѣе регламентирована дѣятельность каждаго университета, тѣмъ болѣе каждый изъ нихъ будетъ соотвѣтствовать потребностямъ общества и, какъ самостоятельная, общественная сила, сумѣетъ обнародить науку и научить—Humanis Universitas—искать и быть человѣкомъ! Устройствомъ ряда публичныхъ лекцій университетъ можетъ живымъ голосомъ разъяснять обществу всѣ интересующіе его вопросы, которыхъ не мало: юридическій, крестьянскій, о народномъ образованіи. Распространеніе здоровыхъ понятій въ обществѣ, болѣе убѣдительныхъ въ живомъ

словѣ, чѣмъ въ журналѣ или книгѣ, создастъ общественное убѣжденіе и усилитъ связь между университетомъ и обществомъ, столь необходимую для гуманизированія общества въ его цѣломъ. Для того, чтобы русскій университетъ обнародить, говоритъ Пироговъ, надо еще больше усилить связь университета съ обществомъ, а для этого необходимо увеличить вліяніе университета на гимназію. Средства къ этому: устройство съѣздовъ учителей въ университетскихъ городахъ, устройство педагогическихъ институтовъ, преподаваніе профессоровъ въ гимназіяхъ, необходимое для цѣлей подготовки себѣ достойныхъ учениковъ въ университетѣ; главное же—развитіе полной гласности въ университетской жизни. Профессорскія лекціи должны печататься и обсуждаться въ критикѣ, а также слѣдуетъ, до извѣстной степени, прислушиваться къ голосу учащихся. Въ ученую коллегію безъ паспорта, зря, впускать нельзя. Мѣра же достоинства профессора опредѣляется, помимо доцентуры, числомъ слушающихъ его, литературными, научными трудами, значеніемъ для университета излагаемой науки. Если университетъ, благодаря существованію конкурса, будетъ снабженъ достойными званія профессора-учителя-руководителя силами, тогда вліяніе его на общественную жизнь будетъ очень замѣтнымъ. Но во взаимоотношеніяхъ университета и общества надо помнить, что по рожденію наука имѣетъ за собой, какъ выражается Пироговъ, le droit divin. Хотя университетъ и воспитываетъ общество, но онъ не является слугой его. Сглаживая договорнымъ началомъ отношеніе между университетомъ и обществомъ, надо помнить, что за наукой остается законодательная, судебная и всякая другая власть со всѣми правами, кромѣ кулачнаго. Общество обязано, говоритъ дальше Н. И. Пироговъ, не нарушать и не прерывать свободы изысканія, на которой основана законодательная власть науки. Для этой-то законодательной власти и учреждены университеты.

Если воспитаніе высшихъ сторонъ въ человѣкѣ, воспитаніе Бога въ человѣкѣ, составляетъ главный вопросъ жизни, а совершеннѣе и полнѣе всего онъ осуществляется въ университетѣ, то затруднять входъ въ университетъ различнаго рода регламентаціей для общества и государства чрезвычайно вредно. Не допускать въ университетъ—значитъ препятствовать гуманизаціи общества и создать недовольство въ обществѣ. Университетъ надо сдѣлать какъ можно болѣе открытымъ и доступнымъ. Онъ тѣмъ и силенъ, что, органически связывая науки и различные факультеты, носитъ въ себѣ образовательную силу дѣйствовать на человѣка,—на однихъ—сознательно, на другихъ—

безсознательно,—пробуждающимъ образомъ. Университетъ вызываетъ даже и въ спеціальномъ образованіи общечеловѣческій, научный элементъ. Этимъ онъ удерживаетъ спеціалистовъ отъ рутинерства. Вотъ почему воспитательное значеніе университета огромно: здѣсь образованіе и воспитаніе слиты, такъ какъ учить значитъ по преимуществу учить доброму; здѣсь источникъ нравственной правды, добра и свѣта истины; здѣсь, благодаря научному изслѣдованію, уменьшаются тренія и утилизируются силы общества, многое уясняется и примиряется путемъ распространенія здравыхъ понятій объ университетѣ. Для того, чтобы понять значеніе университета, коренным образомъ измѣнить духъ его, надо многое измѣнить и въ способахъ университетскаго преподаванія. Не столько чтеніе лекцій, при которыхъ студенты остаются пассивными слушателями, сколько *практическія занятія*, устройство *семинарій* должны составить преобладающую форму университетскаго обученія. Практическія занятія вырабатываютъ въ студентахъ самодѣятельность, активность духа, вкусъ къ наукѣ и больше сближаютъ профессора съ его учениками. Для полноты разработки университетскаго вопроса, Пироговъ не упустилъ изъ виду и матеріальныя средства университета. Государство, общество и студенты дробной платой по лекціямъ матеріально поддерживаютъ университетъ. На эти средства учащіеся должны получить полное, научное образованіе, при наличности по факультетамъ всѣхъ необходимыхъ учебныхъ пособій.

Гуманитарная задача университета не должна никому внушать опасенія. Вырабатываемая университетомъ свобода мысли и слова только увеличиваетъ сумму добра на землѣ. Гуманитарное образованіе только въ рукахъ мертвыхъ можетъ быть нежизненнымъ, въ рукахъ живыхъ оно живоносная и плодотворная творческая сила. Намъ, вступающимъ въ область гражданственности, особенно необходимо общечеловѣческое образованіе. Идеально-нормальное просвѣщеніе то, когда всѣ, безъ различія, вступаютъ въ жизнь однимъ университетскимъ путемъ.

Если экзамены, какъ отнимающіе время отъ науки, свидѣтельствуя лишь о безплодности годовой работы, должны быть уничтожены въ средней школѣ, то, по тѣмъ же соображеніямъ, слѣдуетъ уничтожить ихъ и въ университетѣ. Достаточно требовать 2-хъ ученыхъ степеней: кандидата и доктора. Начинающимъ профессорамъ Пироговъ рекомендуетъ, для пользы дѣла, излагать не весь предметъ въ его полномъ объемѣ, а отдѣльную часть его. При такомъ способѣ изложенія, студенты постигаютъ методъ разработки науки, пріобрѣтаютъ любовь

и вкусъ къ наукѣ и научаются нравственно совершенствоваться, а изъ профессора при такомъ способѣ работы легче можетъ выработаться истинный ученый въ будущемъ. Знакомство со всѣмъ предметомъ студенты могутъ получить изъ учебника, которымъ въ университетѣ не слѣдуетъ пренебрегать. Главное, чему долженъ научить университетъ: привычкѣ научно работать, трудиться, найти гуманитарную цѣль и, дѣйствительно, сдѣлаться человѣкомъ, т. е. осуществить высшую цѣль жизни, поставленную такъ ярко и смѣло авторомъ „Вопросовъ жизни“.

Во всякой реформѣ, также и въ университетской, Пироговъ рекомендовалъ дѣйствовать эволюціоннымъ путемъ: обдуманно и вѣрно. Онъ предупреждаетъ насъ не поддаваться національной нашей слабости всегда и во всемъ переходить чувство мѣры. Объ этой національной особенности Пироговъ говорилъ такъ: „мы странны, національно странны, и въ нашей оригинальности и въ нашемъ подражаніи. Въ оригинальности мы хотимъ перещеголять всѣхъ другихъ, выдумать разомъ что-нибудь такое, что другимъ никакъ не могло придти на умъ. Въ подражаніи мы или рабски подражаемъ, или же стараемся попасть, опять-таки разомъ, на самую послѣднюю ступень, и то, чего другіе достигали медленно, переходя съ одной ступени на другую, мы хотимъ одолѣть разомъ“.

Полно и всесторонне разработанный Пироговымъ университетскій вопросъ обращаетъ университетъ въ учрежденіе, осуществляющее высокую задачу жизни—образовать изъ индивидуума личность, воспитывая въ немъ Богочеловѣческое. Такъ сердцевина, основное ядро педагогической системы Н. И. Пирогова—„ищи быть и будь человѣкомъ“, нашла свое полное выраженіе въ проектѣ реформированнаго русскаго университета. Цѣлый рядъ преобразованій, частью намѣченныхъ, частью осуществленныхъ Пироговымъ за время его долголѣтней дѣятельности въ качествѣ руководителя подрастающаго поколѣнія, врача, профессора, попечителя и просто человѣка, начиная съ низшей и кончая высшей школой—университетомъ, показалъ намъ, что слово Пирогова, человѣка огромной воли, было дѣломъ, подвигомъ всей его жизни. Его слово—это дѣло, это вѣчная борьба за идеалъ.

Библіографія къ гл. II и III.

Списокъ сочиненій, которыми пользовался авторъ:

Н. И. Пироговъ „Вопросы жизни“. (Собраніе педаг. статей). II т.
Его же „Автобіографія“. (I т.).

Его же „Загробный свидѣтель за женщинъ". (Наблюденія, опыты и замѣтки Пирогова, изложенные въ письмѣ къ баронессѣ Ѳ. Ф. Раденъ съ предисл. Н. Лѣскова. См. Историческій Вѣстникъ 1886 г. ноябрь).

Его же „Севастопольскія письма".

Н. И. Пироговъ въ его посмертныхъ запискахъ. Русская Старина 1887, IV.

Письмо *Н. И. Пирогова* о русскомъ просвѣщеніи. Новое Время 1901 г. № 9006.

Письмо—автобіографія *Н. И. Пирогова*. Нов. Вр. 1896 г. № 7165.

Письмо *Н. И. Пирогова* къ редакторамъ Студенческаго Сборника 1857 г., см. Морской Сборн. 1857 г. № 11.

Письмо *Н. И. Пирогова*. Историч. Вѣст. 1885, IV.

Письмо *Н. И. Пирогова*. Соврем. Лѣтопись 1861 г. № 12.

Извлеченія изъ письма *Н. И. Пирогова* изъ Гейдельберга. Газета „Голосъ" 1863 г. № 77—78.

Н. И. Пироговъ „Записка объ открытіи и учрежденіи каѳедры географіи при университетѣ". Русс. Стар. 1887 г. XI.

Мнѣнія *Н. И. Пирогова* о борьбѣ съ дифтеритомъ въ Полтавской губерніи. Журналъ Распор. Комитета 21-го января 1881 г.

Музей въ память Н. И. Пирогова. Нов. Вр. 1895 г. № 7021.

Памятникъ Н. И. Пирогову. Нов. Вр. 1897 г. № 7634.

Педагогическое Общество имени Н. И. Пирогова. Нов. Вр. 97 г. №№ 7732, 7728.

Добровъ „Воспоминаніе о Пироговѣ". Русс. Стар. 1885 г. № 6.

„*О Пироговѣ*" Сынъ Отечест. 1860 г. № 2.

Н. А. Добролюбовъ „Нѣсколько словъ о воспитаніи". См. Современникъ.

Ю. Малиссъ „Н. И. Пироговъ въ Крымскую кампанію". 1895 г. Прилож. къ „Нивѣ", ноябрь.

Его же „Н. И. Пироговъ". Изд. Павленкова.

Смышляевъ „Н. И. Пироговъ". Русс. Стар. 1886 г. XI.

А. В. Малининъ „Посѣщеніе Н. И. Пироговымъ перваго студенческаго общежитія при Моск. Университ." Русс. Стар. 1886 г. XI.

Ив. Ос(ининъ) „Н. И. Пироговъ, какъ педагогъ". Русская Мысль 1885 г. № 8.

Н. Энгельгардтъ „Нравственно-философскія идеи Н. И. Пирогова". Нов. Вр. 1899 г. № 8529.

Мих. Семевскій „Н. И. Пироговъ 1831—1881 г.". Русс. Старина 1881 г. 24-го мая.

„Н. И. Пироговъ и Бильротъ". Нов. Вр. 1897 г. № 7781.

„Прощаніе Н. И. Пирогова съ Кіевомъ". Совр. Лѣт. 1861 годъ №№ 19, 20, 25 и отдѣльная брошюра 1861 г. Кіевъ.

„Н. И. Пироговъ". Женское Образованіе 1881 г. № 6—7.

„Дѣятели науки въ Россіи—Н. И. Пироговъ". Огонекъ 1881 г. № 25.

„Памяти великаго человѣка Н. И. Пирогова". Сынъ Отеч. 1897 г. № 212.

„Злоключенія съ портретомъ Н. И. Пирогова". Нов. Вр. 1903 г. № 9704.

В. Колчакъ „По поводу севастопольскихъ писемъ Н. И. Пирогова". Нов. Вр. 1899 г. № 8458.

„Юбилей Н. И. Пирогова". Истор. Вѣст. 1880 г. сентябрь.

В. Модестовъ „Праздникъ русской науки".

„Къ біографіи Н. И. Пирогова". Нов. Вр. 1895 г. № 6831. Нов. Вр. 1897 г. № 7817.

„Изъ воспоминаній Н. И. Пирогова". Нов. Вр. 6-го ноября 1899 г.

Д. Семеновъ „Н. И. Пироговъ о призваніи русской женщины и педаг. идеи Н. И. Пирогова". Женск. Образ. 1891 г. №№ 1 и 2.

І. Бертенсонъ „О Пироговѣ". Русс. Стар. 1885 г. № 1. 1881 г. № 3. 1882 г. № XII, 1884 г.

„Памяти Пирогова", рѣчь проф. *Склифассовскаго* 1882 г. 12-го января въ Моск. Ун—тѣ.

Н. И. Бакстъ „Памяти Н. И. Пирогова" рѣчь, произн. въ общ. собр. „Общества распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи" 1881 г.

Н. В. Пирожковъ „Рѣчь о Пироговѣ". Ярославль 1881 г.

Н. Зимченко „Н. И. Пироговъ". Русск. современ. дѣят. А. Ѳ. Баумана.

В. Ермиловъ „Грёзы прежнихъ дней". Русск. Мысль 1898 г. X.

А. Бѣлявскій „Историческій очеркъ развитія элементарной школы". 1887 г. Глуховъ.

„Н. И. Пироговъ". См. „Нива" прил. 1906 г. № 49.

Н. Тихонравовъ „Н. И. Пироговъ въ Московскомъ Университетѣ" (1824—1828). Москва. 1881 г.

А. Мощанскій „Педагогическія идеи Пирогова". Русская Школа 1906 г. № 11.

Штрайхъ „Пироговъ о еврейскомъ образованіи" (его неизданная записка). Русск. Школа 1906 г. № 11. (Ноябрь).

С. Штрайхъ „Къ біографіи Пирогова". Вѣстникъ Воспитанія 1906 г. № 8.

Его же „Циркулярное предложеніе Н. И. Пирогова къ директорамъ училищъ Одесс. учеб. округа". Вѣстникъ Воспитанія 1906 г. № 8.

Острогорскій и *Семеновъ* „Русскіе педагогическіе дѣятели".

П. Ф. Каптеревъ „Новая русская педагогія". Русская Школа 1898 г.

К. Д. Ушинскій „Педагогическія идеи Н. И. Пирогова".

В. Я. Стоюнинъ „Педагогическія задачи Н. И. Пирогова".

А. Ф. Кони „Очерки и воспоминанія".

В. Волковичъ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ ВЪ СТАРИЦКОМЪ УѢЗДѢ, ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНІИ [1]).

Учебный курсъ начальныхъ училищъ, опредѣленный программой, утвержденной старицкимъ училищнымъ совѣтомъ въ 1867 году, былъ весьма ограниченъ. 15-го октября 1874 года были утверждены программы испытаній на льготу, установленную п. 4 ст. 56 „Устава о всеобщей воинской повинности", которыя и были приняты тотчасъ же къ руководству въ начальныхъ училищахъ. Программы эти были очень близки къ программамъ старицкаго училищнаго совѣта. Помимо слишкомъ большой ограниченности курса, обѣ программы имѣли еще тотъ недостатокъ, что не раздѣляли учебнаго матеріала по годамъ обученія. Программа старицкаго училищнаго совѣта была снабжена такимъ добавленіемъ: „На волю учителя должно быть предоставлено опредѣлить, какую часть этой программы ученики должны пройти въ каждый изъ обязательныхъ 3-хъ годовъ ученія". Для учащихъ того времени, безъ должной подготовки, безъ хорошихъ руководствъ, задача эта была не по силамъ. Нужна была подробная программа, съ подраздѣленіемъ курса по годамъ обученія и съ болѣе широкими требованіями. Такую программу въ 1876 году составила дирекція народныхъ училищъ Тверской губерніи. Программа была разсмотрѣна и утверждена тверскимъ губернскимъ училищнымъ совѣтомъ, затѣмъ была разослана по училищамъ. Учебный курсъ въ этихъ программахъ располагался въ трехъ послѣдовательныхъ концентрахъ, согласно современнымъ методическимъ требованіямъ, и нѣсколько расширялся— вводилась элементарная грамматика и орѳографія, указывалось на не-

---

[1]) *Окончаніе.* См. майскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1909 годъ.

обходимость сообщенія свѣдѣній, въ связи съ книгой для чтенія, по отечественной исторіи и географіи, по естествовѣдѣнію и физикѣ, въ курсъ ариѳметики было включено ознакомленіе съ простѣйшими дробями. Расширеніе школьной программы вызвало возраженія со стороны уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ, на которыя съ своей стороны губернскій училищный совѣтъ далъ циркулярное разъясненіе въ томъ смыслѣ, что свѣдѣнія по отечественной исторіи, естествовѣдѣнію, физическія и географическія, а также и о дробныхъ числахъ, не обязательны, но весьма желательны, ибо, говорилось въ циркулярѣ, „безъ нихъ ученики не могутъ понимать многихъ статей въ книгахъ для чтенія. Слишкомъ ограничена была бы программа народной школы, если бы ученикъ, окончившій въ ней полный курсъ, не сумѣлъ, напримѣръ, изобразить цифрами полтора пуда, рубль съ четвертью и тому подобныхъ величинъ". Насколько возможно, дирекція училищъ принимала мѣры къ проведенію въ жизнь новой программы; съ этой цѣлію инспектора училищъ разсылали по школамъ новѣйшія методическія руководства и пособія Ушинскаго, Водовозова, Евтушевскаго и другихъ. Въ докладѣ земскому собранію 1878 года А. А. Измайловъ сообщаетъ, что мѣры эти оказываютъ вліяніе на успѣшность обученія; ученики на экзаменахъ оказались болѣе знающими и развитыми. Дѣло въ дѣйствительности улучшалось весьма медленно. Въ 1887 году комиссія старицкаго земства въ обстоятельномъ докладѣ по народному образованію отмѣчаетъ слишкомъ большую ограниченность курса начальныхъ училищъ и высказывается за его расширеніе свѣдѣніями изъ міровѣдѣнія, отечественной исторіи и географіи по программѣ, выработанной въ 1883 году на съѣздѣ учительницъ при школѣ П. П. Максимовича. Программа эта, надо замѣтить, весьма близка къ программѣ тверского губернскаго училищнаго совѣта. Наконецъ, съ 1897 года школы Старицкаго уѣзда стали руководствоваться примѣрными программами министерства народнаго просвѣщенія. Но только постепенное снабженіе училищъ достаточнымъ количествомъ хорошихъ книгъ (Ушинскаго, Баранова, Тихомирова и др.), при улучшенномъ составѣ учащихъ, дало возможность осуществить давнишнее общее стремленіе къ расширенію учебнаго курса.

Повышенныя требованія повели къ увеличенію продолжительности обученія. Въ школахъ Старицкаго уѣзда при двухъ учащихъ, кромѣ законоучителя, установился четырехгодичный курсъ; такихъ училищъ въ уѣздѣ въ настоящее время имѣется свыше 40%. Имѣются въ уѣздѣ и однокомплектныя училища съ четырехгодичнымъ курсомъ,

и по успѣшности обученія многія изъ нихъ стоятъ на должной высотѣ. Окончившіе курсъ изъ этихъ училищъ выносятъ, кромѣ хорошаго толковаго и грамотнаго чтенія и письма, довольно твердое знаніе достаточно полныхъ элементарныхъ курсовъ Закона Божія, грамматики, ариѳметики, исторіи и географіи, а иногда и природовѣдѣнія.

А. А. Измайловъ былъ приверженцемъ спеціально женскихъ училищъ, съ обязательнымъ преподаваніемъ рукодѣлья. По его настоянію въ Старицкомъ уѣздѣ были открыты женскія училища въ с. Емельяновѣ въ 1873 году и въ Берновѣ и Тредубьѣ въ 1877 году. Была выработана особая инструкція о преподаваніи рукодѣлья, въ которой давалась программа курса и методическія указанія для учащихъ. На обученіе рукодѣлью отводилось по 1 часу въ день. Въ программу курса входили вязанья и шитье, вышиваніе и кройка; въ первый годъ обученія вяжутъ чулки; во второй годъ шитье: запашиваніе, рубка, шовъ черезъ край, швовъ наизнанку и строчки; въ третій годъ—тѣ же швы на заплатахъ и кройка бѣлья и платья. Но училища эти не прижились. Дѣвочекъ обучалось въ нихъ мало, ежегодно не болѣе 12—20 въ каждомъ, обученіе рукодѣлью удовлетворительныхъ результатовъ не давало. Въ 1879 году училищный совѣтъ высказался за закрытіе Емельяновскаго училища. Вопросъ поступилъ на разсмотрѣніе очереднаго земскаго собранія, подвергся, какъ сказано въ протоколѣ, „многимъ преніямъ", и училище было закрыто. Той же участи вскорѣ (въ 1883 году) подверглись и остальныя два училища—Берновское и Тредубское. Послѣ этого о полезности обученія рукодѣлью въ старицкомъ земствѣ неоднократно велись разсужденія, но ни къ какимъ практическимъ результатамъ обыкновенно не приходили.

Неоднократно поднимался вопросъ и объ обученіи ремесламъ. Впервые объ этомъ заговорили въ старицкомъ земствѣ по иниціативѣ инспектора народныхъ училищъ Н. Я. Клыкова въ 1879 г. Въ это же время А. А. Измайловъ возбудилъ ходатайство о снабженіи училищъ спеціальными книгами для ознакомленія населенія со средствами борьбы съ пожарами. Признавъ полезность обоихъ предложеній, старицкое земство не нашло возможнымъ осложнять задачу училищъ, и оба предложенія отклонило. Дѣйствительно, школы того времени были такъ бѣдны, что едва справлялись съ своей прямой задачей — насажденіемъ элементарной грамотности. Въ 1887 году снова заговорили о ремеслахъ, садоводствѣ и огородничествѣ въ училищахъ. И на этотъ разъ земство признало все это весьма полезнымъ,

но неосуществимымъ при современныхъ условіяхъ. Было рѣшено оказывать въ отдѣльныхъ случаяхъ всяческое поощреніе и содѣйствіе тѣмъ изъ учащихъ, которые сумѣютъ толково обучать какому либо ремеслу, или устроить при училищѣ садъ или огородъ и къ участію въ работахъ привлекутъ учениковъ. Въ чемъ должно выразиться содѣйствіе земства и поощреніе, опредѣлено не было, и практическихъ послѣдствій постановленіе не имѣло. Въ 1889 году комиссія предлагала земскому собранію устроить при двухъ училищахъ мастерскія для обученія ремесламъ сапожному и столярному и испрашивала на это ассигновку въ размѣрѣ 530 рублей. Былъ представленъ подробно разработанный проектъ организаціи этихъ мастерскихъ; но земское собраніе къ предложенію отнеслось отрицательно и его отклонило.

О школьныхъ садахъ и огородахъ заговорили снова въ 1892 и 1893 годахъ. Въ 1892 году собраніе постановило: поручить управѣ разработать вопросъ объ организаціи учительскихъ курсовъ садоводства и огородничества въ Старицкомъ уѣздѣ, а также и объ устройствѣ при школахъ садовъ и огородовъ, и ассигновать на это въ распоряженіе управы 800 рублей. Въ слѣдующемъ году управа доложила собранію, что постановленіе его осталось неисполненнымъ, такъ какъ 1) при школахъ, кромѣ двухъ—Покровско-Аршеневской и Капковской, при которыхъ имѣется по одной десятинѣ, не имѣется земли, 2) среди учащихъ нѣтъ надлежаще подготовленныхъ лицъ, 3) снабженіе школъ необходимымъ для садоводства и огородничества инвентаремъ и сѣменами стоитъ дорого. Этими объясненіями земское собраніе удовлетворилось и больше къ вопросу о садоводствѣ и огородничествѣ не возвращалось.

Такъ же мало сдѣлано въ Старицкомъ уѣздѣ и для постановки обученія пѣнію. Еще въ 1872 году А. А. Измайловъ докладывалъ земскому собранію, что въ нѣкоторыхъ училищахъ пѣнію обучаютъ съ успѣхомъ, и учащіеся поютъ даже въ церквахъ. Въ 1883 году земство признало весьма желательнымъ обученіе церковному пѣнію и опредѣлило выдавать за это учащимъ вознагражденіе по 25 рублей въ годъ, съ каковой цѣлью въ смѣту на 1884 годъ было внесено 400 рублей. Статья эта и поднесь остается безъ измѣненія, вся она не расходуется. Этимъ и ограничились заботы по насажденію пѣнія въ школахъ.

Въ 1892 году старицкое земство возбудило ходатайство: 1) передъ губернскимъ земствомъ объ открытіи въ Тверской губерніи сельско-хозяйственной технической школы, подобной Кологривской,

и 2) передъ министерствомъ государственныхъ имуществъ объ открытіи сельско-хозяйственнаго училища въ Старицкомъ уѣздѣ. Наконецъ въ 1899 году оно ходатайствуетъ передъ правительствомъ ни мало ни много какъ объ открытіи въ Старицкомъ уѣздѣ сѣти среднихъ профессіонально-техническихъ училищъ. Всѣ эти ходатайства изложены весьма кратко, никакими соображеніями и данными не подкрѣплены, и всѣ они оказались безуспѣшными. Тверское губернское земство отвѣтило, что не можетъ взять на себя открытіе техническаго училища, подобнаго Кологривскому, въ виду дороговизны такихъ училищъ; министерство государственныхъ имуществъ сообщило, что само оно сельско-хозяйственныхъ училищъ не учреждаетъ, а только разрѣшаетъ учрежденіямъ и частнымъ лицамъ открытіе такихъ училищъ, съ пособіемъ отъ казны; при этомъ министерствомъ былъ высланъ экземпляръ условій учрежденія сельско-хозяйственныхъ училищъ и уставы нѣсколькихъ уже существующихъ школъ; наконецъ, министерство народнаго просвѣщенія попросило точно указать, съ подтвержденіемъ надлежащими фактическими данными, въ какихъ именно профессіональныхъ училищахъ нуждается Старицкій уѣздъ? Земство на это ничего не отвѣтило. Въ 1892 году были учреждены три стипендіи, по 100 рублей, въ Кологривскомъ техническомъ училищѣ. Просуществовали эти стипендіи недолго; земство постепенно ихъ упраздняло; послѣдняя стипендія была уничтожена въ 1900 году.

Управляя начальными училищами, старицкій училищный совѣтъ, какъ коллегіальное учрежденіе, своей дѣятельности почти не проявлялъ. Въ совѣтѣ перваго состава все дѣлалось его предсѣдателемъ А. А. Измайловымъ. Земская управа въ это время въ школьное дѣло почти не вмѣшивалась. Различныя порученія по разработкѣ того или другого вопроса изъ области народнаго образованія земскимъ собраніемъ дѣлались преимущественно единолично А. А. Измайлову,—такъ ему было поручено высказаться въ 1869 году по проекту организаціи школьнаго дѣла, составленному В. Н. Линдомъ, и по предложенію Императорскаго Московскаго общества сельскаго хозяйства о приготовленіи опытныхъ педагоговъ для руководительства учительскими курсами, въ 1873 году—по проекту П. П. Максимовича объ учительскихъ курсахъ—съѣздахъ при Ржевской технической и Новоторжской учительской школахъ; иногда такія порученія дѣлались училищному совѣту,—назначеніе наградъ и размѣра жалованья учителямъ, выписку книгъ и учебныхъ пособій и т. п., и только въ единичныхъ случаяхъ собраніе поручало разсмотрѣніе вопросовъ школьнаго дѣла

управѣ совмѣстно съ училищнымъ совѣтомъ; въ такомъ порядкѣ было, напримѣръ, поручено разсмотрѣть планъ открытія новыхъ училищъ. Въ этомъ періодѣ старицкое земство на училищный совѣтъ смотрѣло какъ на свой органъ и требовало отъ него только возможно подробныхъ свѣдѣній о школахъ. Но и это скромное требованіе исполнялось не всегда, а если и исполнялось, то далеко неудовлетворительно. Писаніе тогда, повидимому, было не въ модѣ, статистики не существовало. Протоколы училищнаго совѣта отличаются чрезмѣрной краткостью,—по преимуществу это простыя опредѣленія безъ какихъ бы то ни было мотивовъ; цифровыхъ данныхъ мало и они не отличаются точностію; за нѣкоторые годы ихъ и совсѣмъ не имѣется. Доклады о народномъ образованіи отличаются чрезмѣрной краткостію и безсодержательностью [1]). Вполнѣ обстоятельные доклады старицкое земство стало получать ежегодно только съ 1895 года, и этимъ оно всецѣло обязано Б. Н. Тицъ.

Положеніе 25-го мая 1874 года, значительно измѣнившее роль училищныхъ совѣтовъ, и смерть А. А. Измайлова на дѣятельности старицкаго училищнаго совѣта отразились неблагопріятно; значеніе его постепенно стало падать, а отношеніе земства радикально измѣняться. Училищному совѣту уже не дѣлаютъ никакихъ порученій, касающихся школьнаго благоустройства; въ выборѣ и назначеніи учителей онъ уже не принимаетъ никакого участія; снабженіе училищъ книгами и учебными пособіями дѣлается безъ участія училищнаго совѣта; все это сосредоточивается въ земской управѣ. Даже члены

---

[1]) Для образца приводимъ полностью докладъ членовъ училищнаго совѣта отъ земства А. Г. Вульфа и Н. П. Алымова земскому собранію 1882 года: „Въ минувшемъ учебномъ году существовало въ Старицкомъ уѣздѣ 39 земскихъ школъ и одна церковноприходская, съ пособіемъ отъ земства. По свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ 33 школъ, было учащихся мальчиковъ 1.652, дѣвочекъ 288, а всего 1,940. Изъ нихъ получили свидѣтельства на право льготы 185 мальчиковъ, а 16 дѣвочекъ получили свидѣтельства объ окончаніи курса; а изъ четырехъ (?) школъ: Юрьевской, Аполишинской и церковной Кестеровской не получены свѣдѣнія о числѣ учащихся. Изъ полученныхъ свѣдѣній каждый учащійся стоитъ земству 6 руб. 11 копѣекъ съ дробями, по отношенію ко всей суммѣ на народное образованіе, т. е. 11.856 рублей, а каждый ученикъ, получившій свидѣтельство, обошелся и мальчикъ и дѣвочка по 58 р. 53²/₃ копѣйки. При осмотрѣ мною школъ въ большинствѣ случаевъ школы оказались крайне неудовлетворительны, какъ по тѣснотѣ своего помѣщенія, такъ и въ гигіеническомъ отношеніи. Школъ грамотности существуетъ 29, каждая стоила земству по 50 рублей, за исключеніемъ Орѣшинской, которая стоитъ 100 рублей". Подписано: Членъ училищнаго совѣта А. Вульфъ. Членъ училищнаго совѣта Н. Алымовъ.

училищнаго совѣта отъ земства игнорируютъ его существованіе, и всѣ свои доклады, проекты и соображенія вносятъ, минуя училищный совѣтъ, или непосредственно въ земское собраніе, или въ управу. Съ теченіемъ времени школьные вопросы значительно осложняются, успѣшное разрѣшеніе ихъ дѣлается затруднительнымъ для ограниченнаго состава управы и членовъ училищнаго совѣта отъ земства, и все же къ содѣйствію старицкаго училищнаго совѣта старицкое земство не обращается, а дѣлаетъ попытку создать особый органъ для завѣдыванія школами, въ видѣ особой комиссіи при управѣ.

Вопросъ объ этомъ былъ поднятъ въ 1887 году, но получилъ разрѣшеніе только въ 1889 году—была избрана постоянная комиссія изъ 6 лицъ для завѣдыванія, какъ значится въ протоколахъ, „хозяйственными дѣлами и матеріальными нуждами земскихъ школъ“, и для нея была выработана особая инструкція. Обязанности комиссіи въ § 7 инструкціи формулированы такъ: „а) наблюденіе въ хозяйственномъ отношеніи за общимъ ходомъ училищнаго дѣла и принятіе всѣхъ необходимыхъ по сему предмету мѣръ въ предѣлахъ смѣты. Снабженіе школъ необходимыми учебными пособіями. б) Изысканіе средствъ и выборъ мѣста для открытія новыхъ училищъ. Заключенія комиссіи по предмету открытія новыхъ училищъ сообщаются ею на утвержденіе собранія. в) Ближайшее наблюденіе за выполненіемъ постановленій собранія по начальному образованію. г) Приглашеніе учителей и ихъ помощниковъ, а также и увольненіе ихъ,—все сіе съ соблюденіемъ требованій закона“. Попытка эта встрѣтила противодѣйствіе со стороны администраціи. Постановленіе земскаго собранія было опротестовано и дѣятельность комиссіи прекращена. Старицкимъ земствомъ на это была принесена жалоба правительствующему сенату. Въ 1891 году земское собраніе постановило вновь избрать такую же комиссію; вновь послѣдовалъ протестъ губернатора, и жалоба земства въ сенатъ. Разъясненіе сената по обоимъ дѣламъ было не въ пользу земства: за земствомъ не признано право на учрежденіе такихъ комиссій. Старицкое земство на этомъ не успокоилось и нашло весьма простой выходъ: въ 1892 году оно избрало въ помощь управѣ для завѣдыванія начальными училищами не комиссію, а совѣщаніе изъ 7-ми лицъ, съ возложеніемъ на нихъ функцій упраздненной комиссіи. Постановленіе въ такой редакціи возраженій не встрѣтило. Избраніе совѣщанія было повторено вновь по истеченіи трехлѣтія (въ 1895 г.), но учрежденіе это оказалось малополезнымъ, и по истеченіи второго трехлѣтія оно умерло естественной смертью.

Въ 1897 году былъ возбужденъ вопросъ о приглашеніи особаго лица для завѣдыванія школьнымъ дѣломъ. Принципіально собраніе признало цѣлесообразность такого приглашенія, вопросъ для детальной разработки передало совѣщанію изъ 7-ми лицъ и этимъ его навсегда похоронило. На этомъ и кончились попытки старицкаго земства реформировать управленіе школьнымъ дѣломъ.

Закономъ 29-го мая 1869 года была учреждена правительственная инспекція народныхъ училищъ, по одному только инспектору на губернію. Въ Тверской губерніи первымъ инспекторомъ былъ А. И. Дружининъ; въ завѣдываніи его имѣлось 257 начальныхъ училищъ, на пространствѣ 57.000 квадратныхъ верстъ.

Положеніемъ 25-го мая 1874 года составъ инспекціи значительно усиленъ: прежній инспекторъ переименованъ въ директора, которому назначены помощники—инспекторы. Въ Тверской губерніи на первое время такихъ помощниковъ назначено было только два. Старицкій уѣздъ вошелъ въ составъ 2-го инспекторскаго участка, въ которомъ значилось свыше 150 школъ на пространствѣ 28.000 квадратныхъ верстъ. Черезъ три года число инспекторовъ народныхъ училищъ въ Тверской губ. было увеличено до 5, и Старицкій уѣздъ вошелъ въ составъ 5-го участка, въ который входили еще уѣзды Ржевскій и Зубцовскій; всего было въ 5-мъ участкѣ 90 училищъ на пространствѣ 10.200 кв. верстъ. Въ 1901 году, при новомъ увеличеніи числа инспекторовъ до 8 на Тверскую губернію, въ 5-мъ участкѣ остались только два уѣзда, Старицкій и Зубцовскій, при 114 училищахъ на пространствѣ 6.506 кв. верстъ. Наконецъ, въ 1906 году число инспекторовъ въ губерніи увеличено до 10, и въ 5-мъ участкѣ остался одинъ Старицкій уѣздъ (3.916 кв. верстъ и 96 училищъ). До 1903 г. инспекторъ 5-го участка жилъ въ Твери, и только съ 1903 года онъ живетъ въ Старицѣ. За истекшій періодъ участокъ, къ которому принадлежалъ Старицкій уѣздъ, находился въ вѣдѣніи 5 инспекторовъ: А. К. Энгель-Брехта, бывшаго штатнаго смотрителя Осташковскаго уѣзднаго училища, съ 1874 по 1877 г., Н. Я. Клыкова, бывшаго учителя Верейскаго уѣзднаго училища, съ 1877 по 1895 г., И. П. Виноградова, бывшаго учителя Вяземской гимназіи, съ 1895 по 1900 г., Д. А. Исакова, бывшаго учителя-инспектора Вышневолоцкаго городского училища съ 1900 по 1906 г., и наконецъ съ 1906 г. состоитъ въ вѣдѣніи П. В. Воробьева, бывшаго учителя-инспектора Ржевскаго городского училища.

Положеніе 25-го мая 1874 года на первыхъ порахъ вызывало

не мало недоразумѣній и пререканій между учредителями училищъ, училищными совѣтами и инспекціей. Поводомъ служили вопросы о компетенціи каждаго изъ этихъ органовъ. Особенно много недоразумѣній вызывалъ новый порядокъ опредѣленія на должности учащихъ. По закону 25-го мая 1874 года роль училищныхъ совѣтовъ въ этомъ отношеніи сведена почти къ нулю, къ простой формальности утвержденія по истеченіи года учащихъ въ должности; въ дѣйствительности же старицкій училищный совѣтъ продолжалъ руководствоваться прежней практикой, и вотъ дѣла старицкаго училищнаго совѣта пестрятъ бумагами, въ которыхъ указывается то инспекторомъ, то директоромъ, то губернскимъ училищнымъ совѣтомъ, то попечителемъ учебнаго округа на незаконность его распоряженій. Всѣ эти пререканія налагали отпечатокъ какого-то нежелательнаго антагонизма между органами, которые закономъ призывались къ единодушному сотрудничеству. Иногда пререканія возникали по ничтожнымъ поводамъ и велись съ большимъ ожесточеніемъ. Такъ въ 1876 г. произошелъ острый конфликтъ между инспекторомъ и училищнымъ совѣтомъ изъ-за того, что одно изъ училищъ (Лотошинское), съ хорошими, по мнѣнію инспектора, успѣхами, училищнымъ совѣтомъ было отнесено къ числу школъ грамоты и въ немъ не были произведены экзамены на льготу по воинской повинности. Въ 1895 году подобное же столкновеніе произошло изъ-за того, что предсѣдатель училищнаго совѣта поручилъ производство экзаменовъ въ нѣкоторыхъ училищахъ мѣстному земскому начальнику. Инспекторъ усмотрѣлъ въ этомъ превышеніе власти; дѣло поступило на разсмотрѣніе губернскаго училищнаго совѣта, предполагалось даже перенести въ правительствующій сенатъ. Повидимому, казусъ не былъ разрѣшенъ окончательно; школьникамъ, несмотря на просьбы ихъ и учащихъ, свидѣтельствъ выдано не было. Особенной остротой отличаются пререканія, когда возникали дѣла объ устраненіи неблагонадежныхъ учителей. Къ счастію, въ Старицкомъ уѣздѣ за все время такихъ было только два случая, одинъ въ 1875 году, другой въ 1897 году. Въ 1875 году столкновеніе осложнилось неправильнымъ назначеніемъ на должность неблагонадежнаго учителя, безъ вѣдома инспектора, который опротестовалъ это назначеніе въ очень рѣзкихъ выраженіяхъ, что и послужило ближайшимъ поводомъ къ пререканію. Дѣло разсматривалось губернскимъ училищнымъ совѣтомъ и попечителемъ учебнаго округа, и окончилось только послѣ того, какъ неблагонадежный учитель самъ подалъ прошеніе объ увольненіи отъ должности по болѣзни.

Въ 1897 году на защиту устраненнаго по неблагонадежности учителя также сталъ училищный совѣтъ и требовалъ отъ инспектора фактическихъ доказательствъ обвиненія. Борьба тянулась больше двухъ лѣтъ; дѣло разсматривалось правительствующимъ сенатомъ; дѣйствія инспектора въ всѣхъ инстанціяхъ были признаны правильными. Пререканія продолжались и тогда, когда обвиняемый учитель уже фактически оставилъ службу. Въ 1895—1900 годахъ возникаетъ нѣсколько недоразумѣній вслѣдствіе недопущенія инспекторомъ къ исполненію учительскихъ обязанностей кандидатовъ, избранныхъ учредителями (городомъ и земствомъ); на инспектора поступаютъ жалобы въ старицкій училищный совѣтъ, который во всѣхъ случаяхъ находитъ инспектора неправымъ; вопросы переходятъ на разрѣшеніе губернскаго совѣта, и въ большинствѣ случаевъ инспекторъ выходитъ побѣдителемъ. Богатую пищу для продолженія бумажной войны и взаимныхъ препирательствъ дали „Правила для учащихъ въ начальныхъ училищахъ Старицкаго уѣзда", составленныя въ 1897 году инспекторомъ народныхъ училищъ, разсмотрѣнныя и одобренныя уѣзднымъ училищнымъ совѣтомъ. „Правила" составлены по образцу многочисленныхъ инструкцій подобнаго сорта и не заключаютъ въ себѣ чего либо чрезвычайнаго. Состоятъ они изъ 82 довольно многословныхъ параграфовъ, добрая половина которыхъ носитъ характеръ общеизвѣстныхъ дидактическихъ положеній и нравственныхъ сентенцій; въ другихъ параграфахъ даются указанія по различнымъ практическимъ вопросамъ школьнаго дѣла, каковы, напримѣръ: пріемъ учениковъ, переводъ ихъ изъ отдѣленія въ отдѣленіе, борьба съ ученическими манкировками, порядокъ школьнаго дня, общая молитва, веденіе классныхъ журналовъ, расписаніе уроковъ, поддержаніе чистоты и т. п. Во многихъ параграфахъ правилъ съ большой подробностью трактуется о религіозно-патріотическомъ направленіи воспитанія въ народныхъ школахъ; рѣзко подчеркивается и значеніе инспектора, какъ непосредственнаго начальника учащихъ, которымъ предписывается постоянно доносить инспектору о всемъ, происходящемъ въ школахъ: о времени начала и окончанія учебныхъ занятій, о посѣщеніи школъ различными лицами, о полученіи книгъ и учебныхъ пособій и т. д., объ училищномъ же совѣтѣ и земской управѣ въ правилахъ сказано весьма кратко. Эти особенности не могли ускользнуть отъ вниманія старицкаго земства. Уѣздная управа нашла нужнымъ по этому дѣлу представить собранію особый докладъ, въ которомъ пытается доказать, что съ одной стороны правила, регламентируя хозяйственную сторону школьнаго дѣла,

нарушаютъ учредительскія права земства, а съ другой, подчеркивая религіозно-національное направленіе школьнаго воспитанія, пытаются измѣнить самый типъ сложившейся земской школы. Земское собраніе съ большимъ единодушіемъ ополчилось противъ инспекторской затѣи, признало, что правила содержатъ много неумѣстнаго и даже вреднаго для дѣла, и постановило просить губернскій училищный совѣтъ объ отмѣнѣ правилъ; въ случаѣ же несогласія его на это, принести жалобу въ сенатъ. Дѣло однако до сената не дошло: губернскимъ совѣтомъ, послѣ довольно продолжительной переписки, было предложено уѣздному правила вновь пересмотрѣть. Въ результатѣ 8-го февраля 1899 года старицкій училищный совѣтъ вынесъ постановленіе: „правила вызвали на практикѣ много неудобствъ, обременили учащихъ перепиской, вызвали много пререканій между учрежденіями и лицами, а потому они отмѣняются, о чемъ дать знать учащимъ".

Отношенія между инспекторомъ съ одной стороны, земствомъ и училищнымъ совѣтомъ съ другой, въ это время дошли до крайней остроты. Всѣ ходатайства инспектора въ земствѣ и училищномъ совѣтѣ встрѣчали къ себѣ неизмѣнно отрицательное отношеніе. Въ теченіе 1897—1899 гг. инспекторъ народныхъ училищъ ходатайствовалъ между прочимъ о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ личномъ составѣ учащихъ, о необходимости открытія 2-хклассныхъ училищъ, объ измѣнененіи экзаменныхъ требованій въ смыслѣ большаго ихъ согласованія съ программами 7-го февраля 1897 года, и ни одно изъ его ходатайствъ не получило удовлетворенія, несмотря на то, что многія изъ нихъ были весьма убѣдительно мотивированы и цѣлесообразность ихъ не могла возбуждать сомнѣній. Къ счастію, такія ненормальныя отношенія въ Старицкомъ уѣздѣ не были явленіемъ постояннымъ.

Инспектора стремились стать возможно ближе къ школьному дѣлу въ качествѣ педагоговъ-руководителей. Первый инспекторъ народныхъ училищъ А. И. Дружининъ, несмотря на обширность территоріи и значительность числа училищъ, намѣревался осматривать всѣ ихъ въ теченіе года; училища Старицкаго уѣзда въ 1870 году онъ могъ осмотрѣть при этихъ условіяхъ только въ маѣ мѣсяцѣ. Въ этихъ видахъ онъ обратился съ просьбой къ старицкому училищному совѣту о томъ, чтобы занятія въ школахъ не прекращались до 26-го мая; но училищный совѣтъ, по условіямъ сельской жизни, не нашелъ возможнымъ эту просьбу исполнить, и А. И. Дружининъ оказался вынужденнымъ ограничиться осмотромъ только городскихъ училищъ (приходскаго и уѣзднаго). О результатахъ осмотра приходскаго учи-

лица онъ сдѣлалъ подробное сообщеніе училищному совѣту и, между прочимъ, рекомендовалъ замѣнить устарѣвшія руководства новѣйшими, лучшими по тому времени, каковы „Родное Слово“ Ушинскаго, „Книга для чтенія“ и „Книга для учителей“ Водовозова, „Сборникъ ариѳметическихъ задачъ“ и „Методика“ Евтушевскаго. Такъ впервые эти книги проникли въ г. Старицу, а затѣмъ и въ Старицкій уѣздъ. Старицкое земство неоднократно въ своихъ постановленіяхъ отмѣчало заслуги инспекторовъ въ школьномъ дѣлѣ. Въ 1878 году А. А. Измайловъ въ своемъ докладѣ земскому собранію указываетъ на „несомнѣнно важныя услуги школьному дѣлу со стороны инспектора Н. Я. Клыкова“, и собраніе постановляетъ: „выразить благодарность старицкаго земства инспектору Н. Я. Клыкову“. Въ 1880 году въ докладѣ того же А. А. Измайлова читаемъ: „училища Старицкаго уѣзда въ очень значительной степени обязаны улучшеніемъ въ учебномъ отношеніи инспектору народныхъ училищъ Н. Я. Клыкову, который при разъѣздахъ по училищамъ давалъ совѣты учителямъ относительно веденія дѣла, разъяснялъ недоразумѣнія, а также снабжалъ училища необходимыми учебными пособіями на средства министерства народнаго просвѣщенія“. Методическія руководства и учебныя пособія, разсылаемыя инспекторами, въ то время были особенно полезны. Только благодаря этому и личнымъ указаніямъ инспекторовъ въ Старицкомъ уѣздѣ стали мало-по-малу прививаться раціональные методическіе пріемы преподаванія и стали выясняться въ должной полнотѣ особенности занятій одновременно съ тремя отдѣленіями, не только для учащихъ, но и для руководителей школьнаго дѣла. Въ докладахъ А. А. Измайлова обстоятельныя разсужденія объ этомъ впервые встрѣчаются только въ 1880 году. Первый обстоятельный докладъ по народному образованію старицкому земству былъ представленъ въ 1886 году все тѣмъ же инспекторомъ народныхъ училищъ. Докладъ этотъ по тому времени былъ настолько необычнымъ явленіемъ, что мѣстнымъ дѣятелямъ показался своего рода откровеніемъ, и старицкое земство, по предложенію Б. Б. Костылева, постановило благодарить инспектора за доставленіе подробныхъ свѣдѣній, освѣтившихъ земскому собранію истинное положеніе дѣла народнаго образованія въ уѣздѣ. Съ увеличеніемъ числа инспекторовъ и съ переселеніемъ инспектора на жительство въ Старицу стали мало-по-малу устанавливаться нормальныя отношенія; прекратилась бумажная война и препирательства, и къ ходатайствамъ инспектора не стали относиться такъ враждебно; ходатайства его земскимъ собраніемъ удовлетво-

ряются; инспектора приглашаютъ участвовать въ земскихъ комиссіяхъ при разработкѣ различныхъ вопросовъ народнаго образованія.

Частная инціатива въ школьномъ дѣлѣ дѣйствующими законоположеніями и административной практикой была поставлена въ тѣсныя рамки.

Старицкій училищный совѣтъ неоднократно пытался привлечь къ сотрудничеству мѣстныя силы, въ роли попечителей и наблюдателей, но попытки эти нельзя назвать удачными. Избираемые попечители въ лучшемъ случаѣ проявляли себя только кое-какими матеріальными пожертвованіями. Въ дѣлахъ старицкаго земства и училищнаго совѣта имѣются свѣдѣнія о болѣе значительныхъ пожертвованіяхъ. Въ 1868 г. Б. В. Костылевъ пожертвовалъ подъ училище домъ въ с. Красномъ, а г-жа Головина отвела безплатное помѣщеніе для Ивановскаго училища. Въ 1874 году С. Ѳ. Головинъ жертвуетъ 50 рублей на устройство училища въ с. Иванишахъ, а въ слѣдующемъ году отводитъ подъ это училище въ своей усадьбѣ хорошее помѣщеніе съ отопленіемъ (на такихъ условіяхъ это училище существуетъ до настоящаго времени). Въ 1876 году вновь избранный мировой судья Н. П. Алымовъ жертвуетъ на школьное дѣло свое жалованье за два года. Въ 1877 г. княгиня С. В. Мещерская открываетъ въ селѣ Лотошинѣ училище на свой счетъ; черезъ пять лѣтъ это училище принято на содержаніе земства. Въ 1882 году такое же училище открыто въ с. Горемыковѣ графомъ П. П. Игнатьевымъ, которое въ 1884 году принято на содержаніе земства, съ даровымъ помѣщеніемъ и отопленіемъ отъ графа П. П. Игнатьева. На такихъ же условіяхъ открыто училище въ с. Судниковѣ въ память И. С. Тургенева; помѣщеніе съ отопленіемъ жертвуетъ мѣстный помѣщикъ Н. П. Тургеневъ, который, кромѣ того, уплачиваетъ по 50 руб. въ годъ учительскому помощнику; училище существовало около 5 лѣтъ. Въ 1880 году крестьянинъ Колосовъ жертвуетъ подъ училище въ деревнѣ Возницахъ на 4 года свой домъ, съ отопленіемъ и прислугой, и деньгами по 50 рублей въ годъ. Въ 1887 году С. И. Понофидинъ пожертвовалъ подъ училище 1 десятину земли въ с. Покровскомъ-Аршеневскомъ и 1000 руб. на постройку зданія. Съ 1888 года и по настоящее время А. В. Веревкина уплачиваетъ жалованье учительницѣ рукодѣлья въ Старицкомъ женскомъ приходскомъ училищѣ. Въ 1900 году вдова В. И. Закревскаго пожертвовала двѣ десятины земли подъ училище имени В. И. Закревскаго, а крестьянинъ Илья Кирилловъ—500 рублей на постройку зданія для этого училища. Въ 1889 году наслѣдники графа П. П.

Игнатьева пожертвовали 4.000 рублей съ тѣмъ, чтобы этому капиталу было присвоено имя покойнаго графа, и чтобы проценты съ него употреблялись на нужды народнаго образованія въ Старицкомъ уѣздѣ. Построены на частныя средства училищныя зданія: въ 1889 году въ д. Капковѣ на средства крестьянина Ивана Трифонова, признанное комиссіей лучшимъ въ уѣздѣ (старицкое земство возбудило ходатайство о награжденіи за это Трифонова медалью „въ назиданіе потомству"); въ 1890 году въ с. Берновѣ на средства Ек. Пет. Вульфъ, въ 1899 году въ с-цѣ Залинѣ К. И. Хохловымъ, въ 1900 году въ Турковѣ — крестьяниномъ Ѳедоромъ Ивановымъ, въ 1901 году въ с. Васильевскомъ — княземъ Н. А. Путятинымъ, въ 1903 году въ Лисинѣ крестьяниномъ Комиссаровымъ. Построены прекрасныя зданія, съ полной обстановкой, съ общежитіемъ для учениковъ и содержатся училища и общежитія на частныя средства въ Киселевской волости— Семеновское на средства И. А. Морозова (съ 1899 года) и Бесаулковское на средства А. А. Морозова (съ 1900 года); полное содержаніе каждаго изъ этихъ училищъ, вмѣстѣ съ общежитіями, обходится ежегодно свыше 3.000 рублей.

Обращаютъ на себя особое вниманіе два пожертвованія священника села Калицына С. П. Галахова на учрежденіе училищъ въ деревняхъ Акуловѣ (въ 1880 году) и Ильинскомъ (въ 1881 году), по 2.000 руб. каждое. Пожертвованія эти являются выдающимися не только по своимъ размѣрамъ, но и по личности жертвователя. Священникъ С. П. Галаховъ почти сорокъ лѣтъ (1846—1882 гг.) прослужилъ въ одномъ приходѣ, въ селѣ Калицынѣ. Сынъ сельскаго діакона, онъ не унаслѣдовалъ матеріальнаго достатка, и пріобрѣтенныя средства являются результатомъ его упорнаго личнаго труда и весьма скромной жизни. Священствуя, С. П. Галаховъ неустанно крестьянствовалъ—самолично обрабатывалъ землю. По внѣшности весьма суровый, даже рѣзкій, онъ не пользовался расположеніемъ людей состоятельныхъ, такъ называемой сельской аристократіи, и даже окружающаго духовенства, такъ какъ не жаловалъ пресловутаго хлѣбосольства, зато никогда не отказывалъ въ участливомъ отношеніи и даже въ матеріальной помощи всѣмъ, кто въ ней нуждался, въ особенности при различныхъ несчастьяхъ, въ родѣ пожаровъ, недородовъ, падежей скота и т. п. Большую часть своихъ скромныхъ трудовыхъ средствъ священникъ С. П. Галаховъ тратилъ на то, чтобы дать хорошее образованіе своимъ дѣтямъ. А затѣмъ когда дѣти выросли и устроились, всѣ сбереженія его пошли на учрежденіе двухъ учи-

лицъ для дѣтей своихъ пасомыхъ. Дѣлая второе пожертвованіе, священникъ С. П. Галаховъ въ такихъ словахъ излагаетъ, въ заявленіи старицкому земству, мотивы своего поступка: „Любя своихъ духовныхъ дѣтей немного менѣе плотскихъ, зная ихъ бѣдность, внимая ихъ просьбамъ и будучи увѣренъ, что у нихъ никогда или по крайней мѣрѣ надолго отложится открытіе училища, такъ какъ ихъ деревня состоитъ только изъ 109 душъ, и поэтому дѣти ихъ должны остаться вовсе безъ образованія, рѣшился я послѣдніе 2.000 рублей, пріобрѣтенные отъ нихъ же, своихъ прихожанъ, пожертвовать на училище въ деревнѣ Ильинской... Знаю, что процентовъ съ 2.000 р. недостаточно; поэтому и обращаюсь съ покорнѣйшей просьбой въ старицкое уѣздное земство оказать мнѣ содѣйствіе или помощь въ открытіи начальнаго народнаго училища въ д. Ильинской". Старицкое земство приняло пожертвованіе священника С. П. Галахова, и училища въ деревняхъ Акуловѣ и Ильинскомъ существуютъ. Къ сожалѣнію, такое отношеніе къ нуждамъ народнаго просвѣщенія встрѣчается не часто. Чаще замѣчается или полное равнодущіе, или же какое-то насмѣшливо враждебное отношеніе. Вотъ образчикъ отношенія такого рода. Въ 1879 году старицкій училищный совѣтъ обратился къ просвѣщеннѣйшимъ жителямъ уѣзда съ просьбой объ оказаніи содѣйствія школьному благоустройству, и вотъ одинъ изъ этихъ просвѣщеннѣйшихъ, нѣкто г. В. Сапожниковъ, которому было предложено попечительство въ Денежковскомъ училищѣ, отвѣчаетъ училищному совѣту такъ: „На три вопросные пункта, предложенные мнѣ старицкимъ уѣзднымъ училищнымъ совѣтомъ, отъ 2-го ноября за № 170, имѣю честь отвѣтить на пунктъ 3-й, что, не бывши ни разу въ Денежковскомъ училищѣ, не могу и знать, въ какихъ пособіяхъ или пожертвованіяхъ нуждается эта школа, но считаю, что пожертвованіе 25 паръ лаптей будетъ не лишнее. На пунктъ 2-й могу отвѣтить положительнѣе, что разстояніе отъ мѣста моего жительства до села Денежнаго по картѣ Менда 52 версты, и на пунктъ 1-й, что имѣя, къ несчастію моему, достаточно разныхъ званій, пріобрѣтать еще за какія либо пожертвованія я нахожу лишнимъ, почему и прошу отъ званія попечителя Денежковскаго училища меня освободить".

Вопросъ о школьныхъ попечителяхъ обсуждался въ старицкомъ земствѣ въ 1887 году, и было признано, что создать надежный институтъ попечителей въ уѣздѣ—задача весьма трудная, что полезными попечителями могутъ быть только лица интеллигентныя и горячо сочувствующія школьному дѣлу; попечители же изъ среды мѣстнаго

сельскаго начальства удовлетворяютъ назначенію только въ рѣдкихъ случаяхъ. Въ 1892 году министерство народнаго просвѣщенія обратило вниманіе на отсутствіе попечителей во многихъ училищахъ и циркулярно предложило озаботиться заполненіемъ этого пробѣла. Съ этого времени попечители стали избираться почти во всѣ училища, но на школьное благоустройство въ Старицкомъ уѣздѣ эта мѣра не оказала ни малѣйшаго вліянія.

Объ отношеніи крестьянскаго населенія къ дѣлу народнаго образованія до нѣкоторой степени можно судить по возрастанію числа учащихся и по тому усердію, съ какимъ они посѣщаютъ школы. Ростъ числа учащихся и оканчивающихъ курсъ выражается слѣдующей таблицей:

Годы.	Общее число учащихся мальчиковъ.	Число окончившихъ курсъ мальчиковъ.	Процентное отношеніе окончившихъ курсъ мальчиковъ къ общему ихъ числу.	Общее число учащихся дѣвочекъ.	Число окончившихъ курсъ дѣвочекъ.	Процентное отношеніе окончившихъ курсъ дѣвочекъ къ общему ихъ числу.	Процентное отношеніе учащихся дѣвочекъ къ общему числу учащихся обоего пола.	Число учащихъ (учителей и учительницъ).	Сколько учащихся приходится на одного учащаго.
1867 . .	948	—	—	57	—	—	5,7%	29	35
1876 . .	1.708	57	3,2%	266	5	1,9%	13%	37 [1])	53
1886 . .	2.333	198	8,5%	730	35	5%	23%	43	71
1896 . .	3.064	289	9,3%	1.127	67	5,9%	27%	65	64
1905 . .	3.933	380	9,7%	2.294	101	4,4%	37%	119	52

Изъ этой таблицы видно, что число учащихся дѣвочекъ возрастаетъ быстрѣе числа мальчиковъ; число ихъ за истекшія 38 лѣтъ

[1]) Въ этомъ числѣ показаны и 17 учителей школъ грамоты.

увеличилось въ 40 разъ, тогда какъ число мальчиковъ за это же время увеличилось только въ 4 раза; процентъ оканчивающихъ курсъ дѣвочекъ стоитъ ниже, по сравненію съ мальчиками, и вообще процентъ оканчивающихъ курсъ возрастаетъ весьма слабо, въ частности же для дѣвочекъ въ концѣ періода (въ 1905 году) отмѣчается даже нѣкоторое его пониженіе; наконецъ, наибольшаго переполненія училища Старицкаго уѣзда достигли въ 1886 году, и затѣмъ постепенно трудъ учащихъ въ этомъ отношеніи приводится въ болѣе нормальныя условія.

Манкировки учащихся и чрезмѣрно короткій учебный годъ — вотъ два серьезнѣйшихъ тормаза въ школьномъ дѣлѣ, съ которыми въ Старицкомъ уѣздѣ ведется постоянная, но безуспѣшная борьба. Въ докладахъ Б. Н. Тицъ объ этомъ приводятся не лишенныя интереса данныя. Въ докладѣ за 1897 годъ онъ говоритъ: „Ни одинъ мѣсяцъ не посѣщаютъ школу всѣ ученики. Полный комплектъ учениковъ собрался только въ ноябрѣ и продержался до декабря. Съ января число учениковъ начинаетъ убывать". Приводя затѣмъ цифры ученическихъ манкировокъ, Б. Н. Тицъ отмѣчаетъ, что всего болѣе пропускается учащимися уроковъ изъ-за мѣстныхъ праздниковъ и свадебъ (35%), а всего менѣе вслѣдствіе дурной погоды (3%), и что наиболѣе аккуратно посѣщаютъ школу учащіеся младшей группы. По его же подсчетамъ, наибольшее число учащихся совсѣмъ покидаютъ школу послѣ трехъ зимъ, преимущественно изъ средней группы; число же оканчивающихъ курсъ колеблется между 8% и 9% общаго числа учащихся.

Непосредственнымъ подсчетомъ записей въ классныхъ журналахъ Б. Н. Тицъ устанавливаетъ, что продолжительность учебнаго года въ училищахъ Старицкаго уѣзда не превышаетъ 160 учебныхъ дней, спускаясь въ отдѣльныхъ случаяхъ до 64 дней, и въ среднемъ никогда не достигаетъ 150 дней. Всѣ эти явленія отмѣчаются постоянно, и еще въ 1867 году они побудили члена училищнаго совѣта отъ земства священника Ѳ. И. Тобольскаго возбудить вопросъ объ обязательности обученія. За отсутствіемъ соотвѣтствующаго закона старицкій училищный совѣтъ не нашелъ возможнымъ разрѣшить этотъ вопросъ утвердительно, расчитывая достигнуть желательныхъ результатовъ путемъ воздѣйствія на крестьянъ черезъ волостныхъ старшинъ. Въ этихъ видахъ старшинамъ было предписано составлять въ началѣ учебнаго года списки желающихъ учиться и отбирать отъ родителей обязательства объ исправномъ посѣщеніи школьниками училищъ, съ предупрежденіемъ, что въ противномъ слу-

чаѣ учащіеся будутъ изъ училищъ удаляемы. Въ 1869, 1870 и 1871 году училищный совѣтъ настойчиво подтверждаетъ это распоряженіе, и тѣмъ не менѣе манкировки учащихся продолжаются въ прежней мѣрѣ. Народные учителя явленіе это объясняютъ невѣжествомъ родителей, а А. А. Измайловъ главную причину видитъ въ плохомъ качествѣ учителей. Въ 1874 году вопросъ объ ученическихъ манкировкахъ разсматривался въ земскомъ собраніи; было постановлено возбудить ходатайство предъ правительствомъ о томъ, чтобы сдѣлать обязательнымъ обученіе крестьянскихъ дѣтей въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ имѣются школы. Дальнѣйшая судьба этого ходатайства неизвѣстна. Вновь ходатайство объ обязательности обученія старицкимъ земствомъ было возбуждено въ 1892 году, но тверское губернское земство его не поддержало, какъ несвоевременное, нашло, что въ наличности не имѣется средствъ для поддержанія въ желательномъ состояніи значительнаго числа училищъ, потребныхъ при введеніи обязательнаго обученія. Въ отчетахъ инспекторовъ народныхъ училищъ также постоянно настойчиво указывалось на крайній вредъ ученическихъ манкировокъ и краткости учебнаго года. Благодаря этимъ указаніямъ, еще въ 1877 году попечитель Московскаго учебнаго округа, черезъ тверской губернскій училищный совѣтъ, предложилъ уѣзднымъ совѣтамъ принять противъ этого какія-нибудь мѣры; такое же предложеніе было повторено въ 1878 году, и Старицкій училищный совѣтъ постановилъ: I) вывѣсить въ школахъ объявленія съ перечисленіемъ слѣдующихъ уважительныхъ причинъ манкировокъ: 1) крайняя бѣдность ученика (нищенство), 2) смерть или тяжкая болѣзнь отца, матери и другихъ близкихъ родственниковъ, 3) пожаръ въ селеніи, 4) разлитіе рѣкъ и порча мостовъ, 5) сильные морозы, вьюги и мятели и 6) болѣзнь ученика; II) при манкировкахъ неуважительныхъ удалять учащихся изъ училищъ. Но и эти мѣры дѣлу не помогли. Въ 1887 году старицкое земство выразило желаніе, чтобы учебный годъ продолжался съ 15-го сентября по 15-ое апрѣля, и чтобы экзамены производились съ 1-го по 10-ое мая; уѣздный училищный совѣтъ сдѣлалъ объ этомъ должное распоряженіе, которое остается въ силѣ до настоящаго времени.

На ряду съ начальными одноклассными училищами возникли и училища высшаго типа—сельскія 2-хкласcныя министерства народнаго просвѣщенія. Училища эти стали учреждаться съ изданіемъ закона 29-го мая 1869 года, который въ свое время былъ переданъ на разсмотрѣніе земствъ, въ цѣляхъ выясненія лучшихъ способовъ

его примѣненія. Старицкое земство разсмотрѣніе этого закона поручило особой комиссіи. Къ какимъ выводамъ пришла комиссія, неизвѣстно; но о 2-хклассныхъ училищахъ заговорили. Въ 1872 году А. А. Измайловъ докладываетъ земскому собранію: „вопросъ объ открытіи 2-хкласснаго училища въ селѣ Емельяновѣ поднимался еще въ минувшемъ году, но разрѣшенія не получилъ. Теперь инспекторъ народныхъ училищъ г. Дружининъ увѣдомляетъ, что на содержаніе 2-хкласснаго училища въ Емельяновѣ отъ министерства народнаго просвѣщенія будетъ выдаваться ежегодно 1.400 р. Крестьяне Емельяновской волости пожертвовали подъ 2-хклассное училище около одной десятины земли и приняли на свой счетъ нѣкоторые необходимые расходы".

Земское собраніе, въ засѣданіи 25-го сентября 1872 года, постановило: для постройки зданія подъ 2-хклассное училище въ селѣ Емельяновѣ предоставить въ распоряженіе старицкой уѣздной земской управы до 1.000 рублей и ходатайствовать передъ министерствомъ государственныхъ имуществъ о безплатномъ отпускѣ казеннаго лѣса на постройку сказаннаго училища. Емельяновскій волостной старшина Басовъ принялъ живое участіе въ этомъ дѣлѣ, составилъ смѣту на постройку зданія, всего на сумму 1.795 рублей, и изъявилъ желаніе пожертвовать изъ своихъ средствъ 100 р. Изъ казны единовременно была отпущена недостающая сумма въ размѣрѣ 695 р. Казеннаго лѣса не отпустили; смѣту пришлось пересоставлять, и по новымъ расчетамъ она возрасла до 2.700 рублей. Вновь тому же А. А. Измайлову пришлось ходатайствовать передъ земствомъ о дополнительномъ ассигнованіи. И это ходатайство было уважено, и въ 1873 году было постановлено: исключить изъ смѣты 300 руб., предназначенные для наградъ учителямъ, уменьшить число училищъ однимъ, съ тѣмъ, чтобы остающуюся сумму (135 р.), вмѣстѣ съ исключенными изъ смѣты 300 р., обратить на постройку зданія Емельяновскаго 2-хкласснаго училища, употребивъ на этотъ же предметъ еще 365 рублей изъ статьи на непредвидѣнныя надобности, и постройку зданія поручить управѣ. Такимъ образомъ земство на эту постройку ассигновало всего 1.800 рублей. Вся постройка обошлась въ 2.460 рублей и была закончена въ 1874 году. Училище было открыто, сначала во временномъ помѣщеніи, 31-го октября 1873 года. Выслушавъ протоколъ комиссіи объ осмотрѣ законченной постройки, земское собраніе постановило: застрахованіе зданія Емельяновскаго 2-хкласснаго училища навсегда принять на счетъ земства. Такъ обстояло дѣло въ началѣ;

но съ изданіемъ „Положенія 25-го мая 1874 года“ началось разграниченіе предметовъ вѣдѣнія органовъ министерства народнаго просвѣщенія съ одной стороны и земскихъ учрежденій съ другой; Емельяновское училище поступило въ исключительное вѣдѣніе дирекціи, и старицкое земство рѣзко измѣнило къ нему свое отношеніе. Въ 1877 году гласный крестьянинъ И. Н. Никитинъ, указавъ на чрезмѣрный наплывъ учащихся, ходатайствовалъ передъ земскимъ собраніемъ объ ассигнованіи постояннаго пособія Емельяновскому училищу на содержаніе третьяго учителя. Ходатайство это было отклонено, съ указаніемъ, что его надлежитъ направить въ министерство народнаго просвѣщенія. Въ слѣдующемъ году земство исключаетъ изъ смѣты ассигновку на застрахованіе, и такимъ образомъ окончательно порываетъ связь съ Емельяновскимъ училищемъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ сгорѣло зданіе Емельяновскаго училища и, несмотря на усиленныя ходатайства директора народныхъ училищъ, старицкое земство рѣшительно отказалось принять участіе въ его возобновленіи. На содержаніе Емельяновскаго 2-хклассснаго училища первоначально отпускалось изъ казны по 1.000 рублей и отъ емельяновской волости по 240 рублей ежегодно на хозяйственные расходы. Съ 1878 г. волость стала еще отпускать по 180 рублей на содержаніе 3-го учителя. Ежегодное ассигнованіе изъ казны увеличивалось два раза— въ 1900 году и въ 1902 году, и въ настоящее время оно простирается до 1.440 рублей. Училище имѣетъ четырехъ учителей, кромѣ законоучителя, и въ немъ обучается свыше 240 учениковъ и ученицъ. Почти черезъ 30 лѣтъ старицкое земство снова стало возвращать Емельяновскому училищу свои симпатіи. По смѣтѣ на 1904 годъ оно назначило ему въ пособіе по 150 рублей ежегодно. Но съ 1906 года крестьянское общество ополчилось на это училище и вычеркнуло изъ своей смѣты 180 рублей на содержаніе 3-го учителя. Слабые протесты органовъ учебной администраціи не имѣли успѣха; это пріободрило крестьянъ, и изъ смѣты на 1907 годъ они вычеркнули еще 100 рублей, уменьшивъ ассигнованіе на хозяйственныя надобности до 140 рублей въ годъ, и этимъ поставили училище почти въ безвыходное положеніе.

Согласно инструкціи 1875 года 2-хклассныя училища могутъ быть открываемы только въ томъ случаѣ, когда въ содержаніи ихъ, кромѣ отвода десятины земли и постройки помѣщенія, участвуютъ мѣстные источники ежегоднымъ ассигнованіемъ, размѣръ котораго колеблется отъ 300 до 500 рублей. Такой расходъ для крестьянскихъ обществъ

въ большинствѣ случаевъ обременителенъ, и безъ участія земства открыть 2-хклассное училище нелегко. Въ 1892 году поднимался вопросъ объ открытіи второго 2-хкласснаго училища въ Старицкомъ уѣздѣ (въ с. Страшевичахъ); но земство отклонило отъ себя какое бы то ни было участіе въ его содержаніи, и открытіе училища не состоялось. Второе 2-хклассное училище было открыто только въ 1897 году въ деревнѣ Ферязкинѣ, на границѣ съ Тверскимъ уѣздомъ, благодаря тому, что тверское уѣздное земство ассигновало въ пособіе этому училищу по 200 рублей въ годъ. Крестьяне отвели десятину земли, построили зданіе и обязались покрывать всѣ хозяйственные расходы (до 300 р. въ годъ). Послѣднее обязательство они исполняли весьма неудовлетворительно, а въ 1900 году обратились съ ходатайствомъ въ министерство народнаго просвѣщенія объ окончательномъ освобожденіи ихъ отъ этого обязательства. Дѣло приняло такой оборотъ, что было необходимо или удовлетворить ходатайство крестьянъ, или закрыть училище; было принято первое рѣшеніе — ассигнованіе изъ казны было увеличено на 200 рублей въ годъ, крестьянамъ же было предложено вносить въ пособіе училищу только по 75 рублей въ годъ, но и эту обязанность они не исполняли безъ весьма энергичныхъ понужденій, пока не добились полнаго освобожденія отъ всякихъ обязательствъ: въ 1904 году старицкое земство назначило въ пособіе Ферязкинскому училищу по 150 рублей въ годъ, и крестьяне были освобождены отъ пособія тому же училищу. Казною тратится на это училище теперь по 1.370 рублей въ годъ. Въ училищѣ обучается свыше 120 учащихся, при трехъ учащихъ, кромѣ законоучителя.

Третье 2-хклассное училище возникло случайно въ 1902 году. Крестьяне деревни Шишкова, Гнѣздовской волости, Никита Лебедевъ и сынъ его Андрей, имѣющіе въ С.-Петербургѣ довольно значительную рыбную торговлю, построили въ своей родной деревнѣ хорошее школьное зданіе, съ особымъ зданіемъ для учительскихъ квартиръ, и просили земство объ открытіи начальнаго училища. Земство имъ почему-то отказало. Тогда они обратились съ просьбой непосредственно къ попечителю учебнаго округа объ открытіи 2-хкласснаго училища, и просьба ихъ была уважена. Шишковское общество отвело десятину земли и обязалось вносить по 200 рублей въ годъ на хозяйственные расходы. Вскорѣ (въ 1904 году) и здѣсь повторилось то же, что и въ Ферязкинѣ, и вопросъ получилъ такое же точно рѣшеніе: крестьяне были отъ обязательства освобождены, а на покрытіе рас-

ходовъ ассигновано казною по 200 рублей и земствомъ по 150 рублей въ годъ.

Потребность въ 2-хклассныхъ училищахъ въ Старицкомъ уѣздѣ, благодаря широкому развитію отхожихъ промысловъ, назрѣла и является настоятельной. Въ 1902 году земское собраніе постановило передать министерству народнаго просвѣщенія, съ ежегоднымъ пособіемъ отъ земства по 300 рублей, Боярниковское училище для преобразованія его въ 2-хклассное. Преобразованіе состоялось въ 1903 году. Въ этомъ же году вопросъ о 2-хклассныхъ училищахъ снова разсматривался въ земскомъ собраніи, которое высказалось за необходимость улучшенія существующихъ училищъ и за открытіе училищъ повышеннаго типа, не менѣе какъ по одному на волость; было рѣшено въ извѣстной постепенности открывать 2-хклассныя училища въ намѣченныхъ пунктахъ.

Для преобразованія въ слѣдующемъ году были переданы министерству народнаго просвѣщенія четыре училища—Калицынское, Кожевниковское, Мологинское и Покровско-Аршеневское, съ ежегоднымъ пособіемъ на каждое по 500 рублей; при этомъ земство высказалось за освобожденіе крестьянскихъ обществъ отъ какихъ бы то ни было постоянныхъ сборовъ на содержаніе этихъ училищъ, изъявивъ согласіе увеличить размѣръ своего пособія, гдѣ потребуется, до 600 рублей въ годъ. На обязанности сельскихъ обществъ оставалось только отвести подъ училище землю. Въ 1904 году было преобразовано только одно Покровско-Аршеневское училище; преобразованіе остальныхъ трехъ состоялось только въ 1905 году. Единовременно было отпущено изъ казны на расширеніе помѣщеній преобразуемыхъ училищъ 5.500 р., и ежегодно на ихъ содержаніе: на Покровско-Аршеневское по 1.090 р. и на прочія по 1.290 рублей на каждое училище. Послѣ этого стали усиленно поступать приговоры—ходатайства сельскихъ обществъ объ открытіи 2-хклассныхъ училищъ. Въ самое короткое время такія ходатайства поступили отъ обществъ Гурьевскаго, Волковскаго, Стамишинскаго, Иверовскаго, Турковскаго, Берновскаго, Тредубскаго, Бродовскаго, Филитовскаго, Мичковскаго, Микулинскаго и Юрьевскаго. Старицкое земство съ своей стороны высказалось за преобразованіе въ 2-хклассныя училища: въ 1904 году Турковскаго и Берновскаго и въ 1905 году Тредубскаго и Бродовскаго училищъ, съ ассигнованіемъ каждому изъ нихъ ежегоднаго пособія по 500 рублей. Министерство народнаго просвѣщенія разрѣшило преобразовать въ 1905 году Турковское училище и въ 1906 г. Берновское и Тредубское и ассигновало едино-

временно на строительныя надобности этихъ училищъ 6.000 руб. и ежегодно на ихъ содержаніе по 1.390 руб. на каждое. Крестьянскія общества охотно жертвуютъ подъ училища десятину земли, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ берутъ на себя и другіе, иногда весьма значительные расходы; такъ Тредубское общество ассигновало 1.000 рублей на постройку училищнаго зданія и столько же пожертвовано отдѣльными членами этого общества; Бродовское общество изъявило желаніе принять на себя большую часть расходовъ по постройкѣ училищнаго зданія, если изъ казны ему будетъ оказано пособіе хотя бы въ размѣрѣ до 1.500 р.; постройка же всего зданія исчислялась въ 5.000 рублей.

При разсмотрѣніи вопроса о 2-хклассныхъ училищахъ въ 1905 году въ старицкомъ земствѣ произошли не безъинтересные дебаты. Нѣкоторыми гласными былъ возбужденъ вопросъ о нецѣлесообразности и даже невыгодности для земства подобныхъ преобразованій. Б. Н. Тицъ въ обширной рѣчи обрисовалъ самыми мрачными красками, въ выраженіяхъ, свойственныхъ этому замѣчательному времени, дѣятельность министерства народнаго просвѣщенія и его органовъ; онъ доказывалъ, что это министерство воспитываетъ народное невѣжество, и что старицкому земству не слѣдуетъ входить съ нимъ ни въ какія соглашенія. Мнѣніе это было принято въ комиссіи, и росту 2-хклассныхъ училищъ грозила большая опасность. Но въ земскомъ собраніи за эти училища энергично вступились гласные-крестьяне. Старѣйшій изъ нихъ Я. О. Боровицкій на примѣрѣ Емельяновскаго училища просто и убѣдительно доказалъ, насколько выше стоятъ такъ называемыя министерскія училища по сравненію съ земскими; такъ же просты и убѣдительны были его доводы и въ защиту выгодности этихъ преобразованій для мѣстнаго населенія. На этотъ разъ крестьяне побѣдили; предложеніе комиссіи и Б. Н. Тицъ было отклонено.

Всѣ вновь открытыя 2-хклассныя училища снабжены довольно хорошими библіотеками не только ученическими, но и учительскими, и достаточнымъ количествомъ наглядныхъ учебныхъ пособій (картины, карты, коллекціи и приборы); во многихъ заведена классная мебель по образцамъ профессора Эрисмана, такъ что училища эти могутъ служить образцами правильно обставленной сельской школы. На первоначальное обзаведеніе употреблено въ каждомъ училищѣ до 900 рублей изъ суммъ, ассигнованныхъ казной. Смѣта на содержаніе каждаго училища составлялась по такой схемѣ: законоучителю—150 р., учителю-завѣдующему 420 руб., второму учителю 360 руб., сверхштатному учителю 300 руб., за преподаваніе пѣнія 60 руб., на книги

и учебныя пособія 100 руб., на хозяйственные расходы 300 руб. и на ежегодное отчисленіе для образованія запаснаго капитала 150 р. Въ отдѣльныхъ случаяхъ смѣта измѣнялась незначительно; въ училищахъ съ двумя учащими она уменьшалась, между прочимъ, на 300 руб.—жалованье сверхштатному учителю.

Количество 2-хклассныхъ училищъ въ Старицкомъ уѣздѣ возрастало такъ: въ 1873 г.—1 училище, въ 1897 г.—2, въ 1902 г.—3, въ 1903 г.—4, въ 1904 г.—5, въ 1905 г.—8, въ 1906 г.—9.

Расходы казны на эти училища возрастали такъ: въ 1873 г. 1.000 руб., въ 1874 г.—1.695 руб., въ 1875 г.—1.000 руб., въ 1897 г.—1.400 руб., 1898 г.—1.800 руб., въ 1900 г.—2.010 руб., въ 1901 г.—2.230 руб., въ 1902 г.—3.100 руб., въ 1903 г.—6.900 руб., въ 1904 г.—12.000 руб. и въ 1906 г.—19.500 руб. Ассигнованія старицкаго земства на содержаніе этихъ училищъ увеличивались такъ: въ 1903 г.—150 руб., въ 1904 г.—800 руб., въ 1905 г.—1.850 руб., въ 1906 г.—3.217 руб. [1]). Учащіеся въ 2-хклассныхъ училищахъ Старицкаго уѣзда пользовались только безплатнымъ обученіемъ; учебники же и учебныя принадлежности они покупали на свой счетъ. Только въ 1905 году была сдѣлана попытка снабжать ихъ всѣмъ этимъ безплатно, за счетъ ассигнуемаго земствомъ пособія.

Къ 1-му января 1906 г. въ 8-ми 2-хклассныхъ училищахъ Старицкаго уѣзда состояло учащихся 661 мальчиковъ и 283 дѣвочки, въ среднемъ по 118 учащихся на училище, при наибольшемъ числѣ (242) учащихся въ Емельяновскомъ училищѣ и наименьшемъ (79)—въ Шишковскомъ. Въ этихъ же училищахъ было учащихъ, не считая законоучителей, 22 (18 учителей и 4 учительницы); изъ этого числа 18 учащихъ окончили курсъ въ учительскихъ семинаріяхъ, 4 въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. На одного учащаго въ среднемъ приходится 43 учащихся. Наибольшее переполненіе имѣло мѣсто въ Емельяновскомъ училищѣ—60 учащихся на 1-го учащаго. По отдѣленіямъ и классамъ учащіеся распредѣляются такъ: въ 1-мъ классѣ—въ младшемъ отдѣленіи 188 мальчиковъ и 138 дѣвочекъ, въ среднемъ—216 мальчиковъ и 93 дѣвочки, въ старшемъ—105 мальчиковъ и 34 дѣвочки; во 2-мъ классѣ—въ младшемъ отдѣленіи 92 мальчика и 14 дѣвочекъ, въ старшемъ—60 мальчиковъ и 4 дѣвочки. Число учащихся неизмѣнно убываетъ съ возрастомъ, и особенно сильно это сказывается

[1]) Кромѣ этого, въ 1874 году старицкое земство израсходовало на постройку зданія Емельяновскаго училища 1.800 руб., и употребило на застрахованіе этого зданія въ 1874, 1875, 1876, 1877 и 1878 гг., по 25 руб. въ годъ, 125 руб.

на дѣвочкахъ. Для большей точности слѣдуетъ исключить изъ расчета цифры, относящіяся до училищъ, открытыхъ въ 1905 году (такихъ училищъ три), такъ какъ въ нихъ старшій классъ еще не сформировался; для остальныхъ же 5 училищъ къ 1 января 1906 года будемъ имѣть такія цифры: (см. табл. на стр. 178).

Всѣ учащіеся старшаго класса весною 1906 года окончили курсъ, что составляетъ 10% общаго числа учащихся обоего пола, или 13,8% учащихся мальчиковъ.

Вторые классы 2-хклассныхъ училищъ обслуживаютъ обыкновенно довольно значительные районы, съ нѣсколькими (отъ 5 до 10) одноклассными училищами. Во вторыхъ классахъ въ преобладающемъ числѣ обучаются дѣти, получившія предварительную подготовку въ другихъ училищахъ, а не въ первомъ классѣ училища 2-хкласснаго; питомцы первыхъ классовъ составляютъ во вторыхъ классахъ незначительное меньшинство. Число учащихся дѣвочекъ во вторыхъ классахъ ничтожно.

Учебный годъ въ 2-хклассныхъ училищахъ нѣсколько продолжительнѣе по сравненію съ училищами одноклассными: ученье въ нихъ всегда начинается съ 1-го сентября и заканчивается не ранѣе первыхъ чиселъ мая. Средняя продолжительность учебнаго года опредѣляется въ 160 дней. Пріемъ вновь поступающихъ учащихся продолжается не болѣе двухъ недѣль; полный комплектъ учащихся устанавливается въ концѣ сентября и держится до половины марта. Учебныя занятія продолжаются правильно съ учащимися всѣхъ отдѣленій до экзаменовъ (первая половина мая); заканчивается учебный годъ весной почти при полномъ составѣ учащихся; свыше 80% учащихся посѣщаютъ училище до послѣдняго дня; по свѣдѣніямъ Боярниковскаго училища за послѣдніе три года до конца года посѣщали уроки 84,5% всѣхъ учащихся мальчиковъ и 79% дѣвочекъ. И относительно ученическихъ манкировокъ 2-хклассныя училища Старицкаго уѣзда даютъ болѣе благопріятное показаніе: манкировокъ значительно меньше, а во вторыхъ классахъ ихъ почти нѣтъ.

Во всѣхъ 2-хклассныхъ училищахъ преподается пѣніе, вездѣ успѣшно; при трехъ училищахъ организованы церковные хоры. Дѣлались попытки и по обученію ремесламъ (въ Емельяновскомъ училищѣ столярному, опытъ продолжался болѣе 25 лѣтъ, и въ Ферязкинскомъ—переплетному), но удовлетворительныхъ результатовъ не получилось. Емельяновское училище на расходы по ремесленному обученію имѣло только 120 рублей въ годъ и небольшую комнату

ЧИСЛО УЧАЩИХСЯ.												Процентное отношеніе къ общему числу учащихся обоего пола.												Всего учащихся обоего пола.
1-й классъ.						2-й классъ.				Во всѣхъ классахъ и отдѣленіяхъ.		1-й классъ.						2-й классъ.				Во всѣхъ классахъ и отдѣленіяхъ.		
I отдѣленіе.		II отдѣленіе.		III отдѣленіе.		I отдѣленіе.		II отдѣленіе.				I отдѣленіе.		II отдѣленіе.		III отдѣленіе.		I отдѣленіе.		II отдѣленіе.				
Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	
99	76	111	41	61	13	56	11	52	3	379	144	19%	14,5%	21,2%	7,8%	11,6%	2,5%	10,7%	2,1%	10%	0,6%	72,5%	27,5%	523

(около 48 кв. аршинъ пола) для мастерской. Оборудовать сколько-нибудь сносно столярную мастерскую при этихъ условіяхъ невозможно. На обученіе ремеслу употреблялось во внѣурочное время не болѣе 2 часовъ въ день; учащіеся дѣлились на смѣны по 6 человѣкъ; обучались только учащіеся 2-го класса; каждый изъ нихъ могъ попасть въ мастерскую не болѣе одного раза въ недѣлю; слѣдовательно, все его обученіе ремеслу ограничивалось не болѣе какъ 60 час. въ годъ, а въ два года—120 час. Чему же можно научить въ такое короткое время? Все дѣло ограничивалось тѣмъ, что учитель-столяръ въ теченіе года успѣвалъ сдѣлать для училища нѣсколько классныхъ ученическихъ столовъ. При бѣдности училища, расходъ въ 120 руб. на нѣсколько классныхъ столовъ являлся слишкомъ большой роскошью, и мастерская была закрыта.

И десятина земли при 2-хклассныхъ училищахъ Старицкаго уѣзда до настоящаго времени является ненужнымъ придаткомъ. Даже въ старѣйшемъ Емельяновскомъ училищѣ этотъ участокъ не приведенъ въ культурное состояніе. Учащіе, въ большинствѣ случаевъ молодежь, получившая образованіе въ мѣстной (Новоторжской) учительской семинаріи, гдѣ усердно изучали природу въ теченіе зимы въ классныхъ комнатахъ по учебникамъ и картинкамъ, не проявляютъ склонности къ какимъ либо земледѣльческимъ занятіямъ и на лѣтнее время изъ училищъ уѣзжаютъ. Къ тому же, при ограниченности жалованья, учащіе 2-хклассныхъ училищъ не остаются на службѣ достаточно продолжительное время. Инспектора народныхъ училищъ съ своей стороны всячески поощряли обработку училищной земли: выписывали сѣмена, саженцы, инструменты, выдавали даже, въ видѣ пособія, особое вознагражденіе учащимъ, и все же удовлетворительныхъ результатовъ получить не могли.

На ряду съ училищами вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, въ Старицкомъ уѣздѣ имѣются въ достаточномъ количествѣ и церковныя школы. За истекшія 10 лѣтъ число ихъ возрастало такъ: (см. табл. на стр. 180).

За десятилѣтіе общее число училищъ увеличилось только на 5; при этомъ отмѣчается колебаніе то въ сторону повышенія, то въ сторону пониженія; число же школъ грамоты уменьшилось на 14, или на 36%; школы высшаго типа напротивъ растутъ. Въ Старицкомъ уѣздѣ имѣется 2 школы второклассныхъ, своеобразныхъ учительскихъ семинарій для подготовки учителей школъ грамоты, и все же число школъ грамоты уменьшается. Несомнѣнно, что населеніе

	1897 г.	1898 г.	1899 г.	1900 г.	1901 г.	1902 г.	1903 г.	1904 г.	1905 г.	1906 г.
2-хклассныхъ и второклассныхъ школъ.	1	1	2	2	3	3	3	3	3	3
Одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ.	16	19	20	25	30	32	35	34	33	33
Школъ грамоты.	39	36	31	25	25	29	31	38	28	25
Всего школъ . . .	56	56	53	52	58	64	69	75	64	61

Старицаго уѣзда значительно переросло элементарную грамотность и ею не удовлетворяется. Въ 1906 году въ церковныхъ школахъ Старицкаго уѣзда обучалось: въ 2-хклассной и двухъ второклассныхъ 203 мальч., въ школахъ грамоты 463 мальч. и 265 дѣв. и въ одноклассныхъ церковно-приходскихъ 1.184 мальч. и 750 дѣв., а во всѣхъ 1.850 мальч. и 1.015 дѣв. Окончило курсъ въ одноклассныхъ церковно-приходскихъ школахъ 144 мальч. (12,3%) и 67 дѣв. (9%). Курсъ ученія во всѣхъ одноклассныхъ училищахъ трехлѣтній. Всего учащихъ въ этихъ училищахъ, кромѣ законоучителей, 35, не считая учащихъ школъ грамоты и высшихъ школъ, изъ нихъ 9 учителей и 26 учительницъ. Съ спеціальнымъ образованіемъ имѣется только 1 учитель; 4 учителя и 15 учительницъ окончили курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; прочіе учащіе пріобрѣли учительское званіе по экзамену, а такихъ учащихъ имѣется 43%. Вознагражденіе учащіе церковно-приходскихъ школъ Старицкаго уѣзда получаютъ въ такомъ размѣрѣ: 2 учащихъ по 120 руб., 15 учащ. по 180 руб., 14 учащ. по 240 руб., 2 учащ. по 300 руб., 1 учащій—360 руб. и 1 учащій—480 руб. Содержатся церковныя школы преимущественно на казенный счетъ.

Съ развитіемъ школьнаго дѣла и грамотности среди населенія возникла потребность въ чтеніи, удовлетворить которую взяло на себя старицкое земство, учрежденіемъ народныхъ библіотекъ. Впер-

вые вопросъ объ этомъ былъ поднятъ училищнымъ совѣтомъ въ 1880 году, когда, по случаю исполнившагося двадцатипятилѣтія благополучнаго царствованія Государя Императора Александра II, среди мѣстныхъ земскихъ дѣятелей была открыта подписка на нужды народнаго образованія, въ цѣляхъ увѣковѣченія памяти этого событія, и собранныя деньги было рѣшено передать въ распоряженіе училищнаго совѣта. Обсуждая способы лучшаго исполненія желанія жертвователей, училищный совѣтъ остановился на мысли учредить народную библіотеку и поручилъ исполненіе этого дѣла А. А. Измайлову, изъявившему готовность, между прочимъ, пожертвовать учреждаемой библіотекѣ собраніе собственныхъ книгъ разнаго содержанія, числомъ до 2.000. Затѣмъ училищный совѣтъ обратился въ земскую управу съ просьбой „принять энергическія мѣры къ скорѣйшему взносу жертвователями денегъ“. Управа на это отвѣтила, что изъ пожертвованныхъ по подпискѣ 137 рублей внесено жертвователями только 15 руб. Вскорѣ умеръ А. А. Измайловъ и изъ предсѣдателей училищнаго совѣта вышелъ С. В. де-Роберти, и дѣло о народной библіотекѣ заглохло. Въ 1886 году губернское земство ассигновало 2.400 руб. на выдачу пособій уѣздамъ для устройства народныхъ библіотекъ. Коммиссія старицкаго земства предлагала собранію воспользоваться этимъ пособіемъ и просила внести въ смѣту на народныя библіотеки 200 руб.; но предложеніе это собраніемъ было отклонено. Только въ 1893 году, по ходатайству Б. Н. Тицъ, старицкое земство въ первый разъ ассигновало 50 рублей въ пособіе народной библіотекѣ, учрежденной на средства Тредубской волости. Въ слѣдующемъ году та же сумма была ассигнована вновь и управѣ было поручено разработать условія, при которыхъ земство могло бы оказывать содѣйствіе возникновенію народныхъ библіотекъ. Въ это же время губернское земство возобновило ассигновку въ 2.400 руб., вопросъ же о народныхъ библіотекахъ и въ печати и въ обществѣ занялъ первенствующее мѣсто. Совѣтомъ С.-Петербургскаго комитета грамотности была составлена обстоятельная записка, въ которой доказывалось, что организація народныхъ библіотекъ для современнаго земства имѣетъ такое же важное значеніе, какъ организація начальныхъ училищъ для земства шестидесятыхъ годовъ, и рекомендовалось и въ этомъ дѣлѣ держаться совмѣстнаго дѣйствія земства и сельскихъ обществъ, такъ, чтобы инціатива исходила отъ крестьянскаго населенія, которое должно обезпечить библіотеку помѣщеніемъ и прислугой, а чтобы земство приняло на себя снабженіе библіотекъ книгами

и уплату жалованья библіотекарямъ, съ отнесеніемъ единовременнаго расхода на первоначальное обзаведеніе, отъ 250 до 300 руб., на счетъ субсидіи губернскаго земства. Земская управа эту записку разослала всѣмъ гласнымъ, а въ докладѣ очередному собранію высказалась, что народныя библіотеки слѣдуетъ открывать на условіяхъ, изложенныхъ въ запискѣ. Собраніе съ этимъ согласилось, высказалось за необходимость открытія народныхъ библіотекъ, по крайней мѣрѣ, по одной въ каждой волости и постановило открыть библіотеку въ с. Берновѣ, съ отпускомъ на ея содержаніе по 100 руб. ежегодно. Въ 1899 году было постановлено такое же пособіе выдавать всѣмъ волостнымъ библіотекамъ. Пожертвованіе Ф. Ф. Павленкова значительно ускорило количественный ростъ народныхъ библіотекъ въ Старицкомъ уѣздѣ. Въ 1900 году было постановлено воспользоваться этимъ пожертвованіемъ и открыть три библіотеки имени жертвователя (въ Турковѣ, Денежномъ и Капковѣ). Въ 1902 году земство открываетъ еще 5 библіотекъ, изъ нихъ 3 имени Ф. Ф. Павленкова; въ смѣту на 1903 г. на народныя библіотеки внесено 1.500 руб., изъ нихъ въ дѣйствительности израсходовано 904 руб. 16 коп. По смѣтѣ на 1904 годъ ассигнованіе почему-то увеличивается до 1.800 руб.; министерствомъ внутреннихъ дѣлъ сумма эта уменьшается, согласно нормамъ, установленнымъ старицкимъ земствомъ, до 1.350 руб., въ дѣйствительности управа и этой суммы не израсходовала — было израсходовано только 766 руб. 82 коп. По смѣтамъ на 1905 годъ назначено на 11 библіотекъ 1.350 руб. и на 1906 годъ на 13 библіотекъ 1.550 руб. Постепенно выяснилось, что крестьянскія общества и волостныя правленія плохіе союзники въ библіотечномъ дѣлѣ. Въ докладахъ Б. Н. Тицъ рисуются мрачныя картины: библіотеки быстро приходятъ въ негодность и даже расхищаются. Земство рѣшаетъ взять дѣло это въ свои руки и завѣдываніе библіотеками на мѣстахъ возложить на учащихъ.

Не вдругъ налаживается и библіотечная отчетность. Отчеты представляются не аккуратно; форма ихъ не выработана; часто они весьма кратки. И такіе-то отчеты были представлены только въ 1899 г. и 1902 г. по библіотекамъ Тредубской и Берновской и затѣмъ въ 1904 году по библіотекамъ Берновской и Капковской; о прочихъ библіотекахъ ни разу никакихъ свѣдѣній не доставлялось. О составѣ библіотеки даны свѣдѣнія, хотя и не полныя, только въ капковскомъ отчетѣ; указано только, что въ библіотекѣ имѣется всего 750 книгъ, изъ нихъ духовно-нравственнаго содержанія 50 книгъ,

литературнаго—400, историческаго, вмѣстѣ съ біографіями—50, географическаго и путешествій—100, сельско-хозяйственнаго—50, по естествовѣдѣнію и медицинѣ—100 и періодическія изданія: „Нива", „Русскій Начальный Учитель", „Читальня Народной Школы", „Свѣтлячекъ" и газета „Свѣтъ".

Читателями народныхъ библіотекъ являются преимущественно дѣти и подростки. Въ отчетѣ по Тредубской библіотекѣ указано, что дѣти отъ 10 до 14 лѣтъ составляютъ 56% всѣхъ читателей и подростки отъ 14 до 19 лѣтъ—24%; въ Берновскомъ отчетѣ говорится о читателяхъ даже семилѣтняго возраста. Наибольшее число взрослыхъ читателей было въ Капковской библіотекѣ: изъ 328 читателей взрослыхъ было 170, или 52%. Возрастъ читателей находится въ нѣкоторой зависимости отъ временъ года: тредубскій отчетъ отмѣчаетъ, что наибольшее число взрослыхъ читателей даетъ ноябрь мѣсяцъ, когда населеніе, возвратившись съ лѣтнихъ отхожихъ промысловъ, по бездорожью не приступило еще къ зимнимъ работамъ. По поламъ среди читателей преобладаютъ мужчины — въ Тредубской библіотекѣ они составляютъ 80%. Читаютъ преимущественно книги духовно-нравственнаго и беллетристическаго содержанія, а всего менѣе—по естествовѣдѣнію и прикладнымъ знаніямъ. Въ отчетѣ по Берновской библіотекѣ за 1902 годъ приведены слѣдующія цифры: всего было выдачъ 2.462 книги, въ томъ числѣ по словесности 1.768 книгъ (72%), религіозно-нравственнаго содержанія 250 (10%), историческихъ 187 (7,6%), географическихъ 111 (4,5%), по естествовѣдѣнію и медицинѣ 99 (4%), сельско-хозяйственныхъ 42 (1,7%). Кромѣ того, охотно брались иллюстрированныя изданія, „изъ-за картинокъ", какъ сказано въ отчетѣ. Отчетъ по Тредубской библіотекѣ за тотъ же годъ даетъ такія цифры: всего было выдачъ 2.542, изъ книгъ духовно-нравственнаго содержанія 543 (21%), литературнаго 1.466 (57,7%), историческаго 283 (11%), географическаго 144 (5,7%); по естествовѣдѣнію и медицинѣ 78 (3%), сельско-хозяйственныхъ и другихъ полезныхъ книгъ 27 (1%). Въ отчетѣ Капковской библіотеки показано выданныхъ всего 3.038 книгъ, изъ нихъ духовно-нравственнаго содержанія 550 (18%), литературнаго 1.200 (39,5%), историческаго 470 (15,5%), географическаго 520 (17,1%), по естествовѣдѣнію и медицинѣ 220 (7,2%), сельско-хозяйственныхъ 78 (2,6%). Дѣлать какіе либо выводы изъ этихъ цифръ едва ли возможно: несомнѣнно, что на количество книгъ той или иной категоріи имѣли вліяніе и составъ библіотекъ (въ нихъ наиболѣе богатъ отдѣлъ бел-

летристики, а поэтому и читаютъ всего болѣе книгъ этого отдѣла, всего же бѣднѣе отдѣлъ по прикладнымъ знаніямъ) и вкусы лица, выдающаго книги—при маломъ развитіи читателей и незнакомствѣ ихъ съ книгами, во многихъ случаяхъ они берутъ то, что имъ даютъ. Функціонируютъ библіотеки только въ учебное въ школахъ время; книги выдаются преимущественно въ праздничные дни. Библіотеки обслуживаютъ значительный районъ—въ Берновской библіотекѣ читатели показаны изъ 22 селеній; въ Тредубской выдавались книги партіями учащимъ сосѣднихъ училищъ для выдачи читателямъ—въ теченіе года такъ было выдано 510 книгъ.

Ежегодный расходъ на библіотеки весьма различенъ. Въ капковскомъ отчетѣ показано, что за два года израсходовано только 47 рублей, въ томъ числѣ на выписку газетъ и журналовъ 33 руб.; въ Берновской библіотекѣ за то же время израсходовано 179 руб. 10 коп., изъ нихъ на выписку книгъ и періодическихъ изданій употреблено 100 руб. 9 коп., на доставку книгъ и ихъ переплеты 41 руб. 65 коп., на вознагражденіе библіотекарямъ 26 руб. и т. п. По Тредубской библіотекѣ денежный отчетъ представленъ только за 1899 годъ, въ которомъ показано всего расхода 117 руб. 60 коп. на слѣдующіе предметы: на покупку книгъ и выписку періодическихъ изданій 14 руб., на переплеты 4 руб. 35 коп., вознагражденіе библіотекаршѣ 10 руб., за печатаніе и брошюровку каталога 70 руб., за алфавитную книгу 10 руб., страхованіе 4 руб. 35 коп. и на разные расходы 4 руб. 90 коп. Библіотекари въ Капковѣ (мѣстныя учительницы) работаютъ безплатно. На пополненіе библіотекъ книгами расходуются суммы весьма незначительныя. Въ докладѣ очередному собранію 1905 года старицкая управа констатируетъ слабое развитіе библіотечнаго дѣла и указываетъ, какъ на единственную причину этого, на ограниченность каталоговъ, издаваемыхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Объясненіе это страдаетъ слишкомъ большой односторонностью. Библіотеки старицкаго земства не могутъ еще жаловаться на ограниченность каталоговъ, такъ какъ онѣ и въ этихъ предѣлахъ далеко еще не исчерпали всего книжнаго богатства. Преобладаніе среди читателей дѣтей и при томъ весьма ранняго возраста свидѣтельствуетъ, что среди взрослаго населенія чтеніе не является еще назрѣвшей потребностію. Для Старицкаго уѣзда народныя библіотеки—дѣло новое, не ставшее еще на твердую почву; лица, завѣдующія этимъ дѣломъ, какъ бы производятъ нерѣшительные опыты; не удивительно, что эти опыты оказываются не всегда удачными.

Неоднократно возбуждался въ старицкомъ земствѣ вопросъ и объ организаціи книжной торговли. Въ 1887 и 1890 годахъ были ассигнованы на это небольшія суммы (до 200 р.), но безъ всякаго результата—повидимому и попытокъ не дѣлалось, чтобы осуществить эти постановленія. Въ 1901 и 1902 г.г. вопросъ о книжномъ складѣ снова возбуждался; оба раза собраніе принципіально принимало это предложеніе и поручало управѣ детальную его разработку для представленія на разсмотрѣніе слѣдующаго очередного собранія. И результата никакого! Такъ же безрезультатны были и попытки по организаціи народныхъ чтеній. Впервые порученіе такого рода собраніемъ было сдѣлано управѣ въ 1897 году; на пріобрѣтеніе волшебнаго фонаря было ассигновано 150 руб. Повидимому, управой въ этомъ направленіи ничего не сдѣлано. Въ 1901 году вновь состоялось постановленіе: поручить управѣ ходатайствовать о разрѣшеніи чтеній съ туманными картинами въ намѣченныхъ ею пунктахъ, со включеніемъ въ програму этихъ чтеній гигіены и общихъ свѣдѣній по медицинѣ. На пріобрѣтеніе фонаря и коллекціи картинъ на этотъ разъ было ассигновано 300 рублей. Впослѣдствіи сумма эта то исключалась изъ смѣты, то вносилась вновь. Въ результатѣ всего этого явилось только—фонарь и небольшая коллекція картинъ; чтеній же народныхъ нигдѣ организовано не было. Нѣтъ даже никакихъ указаній, дѣлались ли управой какіе либо шаги, чтобы исполнить неоднократно выраженное желаніе земскаго собранія объ устройствѣ народныхъ чтеній. Съ изданіемъ правилъ 3 декабря 1902 года явилась полнѣйшая возможность устраивать народныя чтенія при всякомъ народномъ училищѣ; для этого требуется только разрѣшеніе мѣстнаго училищнаго совѣта. Наконецъ, съ изданіемъ закона 4-го марта 1906 года народныя чтенія могутъ устраиваться явочнымъ порядкомъ, какъ всякія собранія, съ вѣдома только полиціи. И все же въ Старицкомъ уѣздѣ чтенія эти не получили распространенія; если гдѣ они и устраиваются, то только по иниціативѣ самихъ учащихъ или попечителей училищъ, случайно, безъ системы и какой либо организаціи. Развитіе этого дѣла еще все въ будущемъ.

Д. Исаковъ.

ИЗЪ ИСТОРІИ УЧЕБНЫХЪ РЕФОРМЪ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II[1]).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Единообразіе учебной системы и планъ университетовъ 1787 года.

I.

„Единообразіе“ было однимъ изъ главныхъ лозунговъ школьныхъ реформъ второй половины XVIII вѣка, единообразіе системы школъ, учебныхъ плановъ, методовъ, учебной литературы, внѣшняго порядка. Строго проводимое въ австрійской школьной реформѣ, „единообразіе въ книгахъ и учебномъ способѣ, чтобъ не воспослѣдовало ни въ учителяхъ, ни въ книгахъ какого разврата ко вреду общей пользы“, было хорошо усвоено и нашей комиссіей объ учрежденіи народныхъ училищъ. Въ представленномъ въ непремѣнный совѣтъ въ 1801 году году отчетѣ комиссія, между прочимъ, писала: „всѣ сіи школы (главныя и малыя) находятся вездѣ въ совершенномъ единообразіи. Ученики всѣ, въ какой бы они школѣ ни были, читаютъ одинакія учебныя книги, и учителя употребляютъ одинакій способъ обученія и наблюдаютъ одинакое употребленіе часовъ, назначенное прежде и послѣ полудня, такъ что науки въ школахъ сихъ преподаются въ самомъ отдаленномъ краю Россіи въ одно и то же время и на томъ единообразномъ основаніи, на каковомъ преподаются оныя и въ самой столицѣ“ [2]).

---

[1]) *Окончаніе*. См. мартовскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1909 годъ.

[2]) Сборн. матер. для ист. просв., изд. мин. нар. пр., т. I, ст. 331.

Такъ какъ, далѣе, система образованія по уставу 1786 года разсматривалась какъ „нормальная“ въ широкомъ смыслѣ слова, т. е. образцовая, то отсюда естественно вытекало стремленіе перенести ея принципы и на всѣ другія отрасли образованія и типы школъ, и ввести ихъ въ кругъ единообразной учебной системы. И дѣйствительно, распространеніе новой, нормальной системы на различныя группы общеобразовательныхъ и спеціальныхъ школъ началось задолго до утвержденія устава 1786 года. Какъ поспѣшно и широко раздвигалась сфера вліянія новой учебной системы, можетъ показать слѣдующій хронологическій перечень Высочайшихъ повелѣній: 28-го марта 1783 года о преобразованіи учебнаго плана въ училищѣ благородныхъ дѣвицъ по образцу народныхъ училищъ, въ сентябрѣ того же года о преобразованіи нѣмецкаго училища св. Петра въ Петербургѣ въ главное народное училище, въ іюлѣ того же года о согласованіи учебнаго плана инженернаго и артиллерійскаго корпусовъ съ планомъ народныхъ училищъ, 22-го іюня 1784 года объ аналогичномъ преобразованіи сухопутнаго шляхетскаго корпуса, 6-го сентября того же года о подчиненіи частныхъ пансіоновъ комиссіи народныхъ училищъ, 29-го января 1786 года о подчиненіи той же комиссіи всѣхъ вообще училищъ въ государствѣ, 16-го іюня того же года о сношеніи медицинской коллегіи съ комиссіей объ училищахъ по вопросу о введеніи нормальной методы въ хирургическія школы и о возведеніи въ докторскую степень природныхъ россіянъ, 12-го ноября того же года объ устройствѣ народныхъ училищъ по „нормальнымъ“ правиламъ для населенія Киргизской Орды. Въ духовныя школы новый учебный порядокъ вводился по инициативѣ мѣстныхъ епархіальныхъ властей. Такъ въ 1786 году были приняты въ учительскую гимназію 2 семинариста Могилевской семинаріи по просьбѣ мѣстнаго архіерея Георгія, выразившаго желаніе ввести въ этой семинаріи „учебный способъ“ народныхъ училищъ. Въ томъ же году епископъ смоленскій Парѳеній обращался въ комиссію съ просьбой прислать учителя для введенія въ Смоленской семинаріи методовъ, принятыхъ въ народныхъ училищахъ. Въ 1785 году оберъ-прокуроръ синода требовалъ отъ комиссіи свѣдѣній для введенія „нормальнаго“ учебнаго плана въ семинаріи при епископѣ коадъюторѣ кіевской митрополіи [1]).

Такъ не успѣла еще окончательно сложиться и получить законодательной санкціи сама нормальная система народныхъ училищъ,

---

[1]) Ibid. №№ 2, 4, 10.

какъ она уже стала связующимъ центромъ для самыхъ разнообразныхъ видовъ образованія и типовъ школъ. Не будемъ вдаваться въ подробности перемѣнъ въ учебномъ строѣ тѣхъ школъ, на которыя распространялась новая система, но остановимся на возникшихъ при этомъ принципіальныхъ вопросахъ: 1) о конкурренціи между государственными и частными школами; 2) о соотношеніи общаго и профессіональнаго образованія и 3) о распространеніи общегосударственной системы на инородческія окраины.

Проекты учебныхъ реформъ 1760—1770-хъ годовъ включали въ общую систему народнаго просвѣщенія „вольныя" училища, но не давали твердаго основанія для рѣшенія вопроса, какъ далеко могла простираться въ данной области частная инціатива и въ какія отношенія частная школа должна была стать къ правительственной системѣ.

Распространеніе „нормальной системы на частныя школы началось съ преобразованія, по указу 7 сентября 1783 года, нѣмецкаго училища св. Петра въ главное народное училище, при чемъ разрѣшено было вводить въ немъ разные дополнительные курсы, но при условіи соблюденія „предписанной методы". Открывать же новыя нѣмецкія училища запрещено было до преобразованія училища св. Петра. Вновь учрежденной управѣ нѣмецкихъ училищъ, подъ надзоръ которой были поставлены всѣ вообще частныя иностранныя школы, вмѣнялось въ обязанность „стараться завести во всѣхъ народныхъ Россійской имперіи нѣмецкихъ училищахъ, сверхъ прочихъ наукъ, ученіе россійскаго языка", такъ какъ „каждому изъ подданныхъ россійскихъ языкъ россійскій весьма нуженъ" [1].

Въ слѣдующемъ 1784 году, 6-го сентября, состоялось повелѣніе о подчиненіи комиссіи всѣхъ вообще частныхъ пансіоновъ и о ревизіи ихъ. Выяснивъ наличность всѣхъ петербургскихъ частныхъ пансіоновъ, каковыхъ оказалось 28 иностранныхъ и 18 вольныхъ русскихъ школъ, комиссія, съ помощью управы нѣмецкихъ училищъ, занялась, прежде всего, упорядоченіемъ пансіоновъ иностранныхъ. Всѣ содержатели и учителя этихъ пансіоновъ были подвергнуты въ нѣмецкомъ училищѣ св. Петра экзамену, давшему въ большинствѣ случаевъ благопріятный результатъ. Послѣ того комиссія составила „планъ къ расположенію пансіоновъ по образцу училищъ народныхъ" и правила для содержателей пансіоновъ. Всѣ иностранные пансіоны

[1]) Журналъ комиссіи 19-го сентября 1783 г., 5-го августа 1785 г.

раздѣлены были на два рода, верхніе и нижніе: первые соотвѣтствовали по курсу двумъ старшимъ, вторые двумъ младшимъ классамъ главныхъ училищъ. Всѣ пансіоны обязаны были слѣдовать единообразному, офиціально утвержденному учебному плану, отъ котораго допускались лишь частичныя отступленія. Преподаваніе разрѣшалось вести на иностранныхъ языкахъ, русскій же языкъ являлся обязательнымъ предметомъ изученія. Открытіе и содержаніе иностранныхъ пансіоновъ подчинялось слѣдующимъ главнымъ правиламъ: 1) содержатели изучаютъ въ нѣмецкомъ училищѣ нормальные методы преподаванія и экзаменуются по тѣмъ предметамъ, какіе желаютъ преподавать, 2) для открытія пансіона требуется разрѣшеніе комиссіи, 3) новые предметы преподаванія вводятся также съ особаго разрѣшенія комиссіи, 4) обученіе производится по книгамъ, одобреннымъ комиссіей, 5) воспитанники, готовящіеся къ военному и другимъ званіямъ, обучаются по книгамъ, принятымъ въ соотвѣтствующихъ спеціальныхъ училищахъ; 6) по учебной части всѣ иностранные пансіоны находятся въ вѣдѣніи управы нѣмецкихъ училищъ и въ высшей инстанціи—комиссіи о народныхъ училищахъ, а по хозяйственной части въ вѣдѣніи приказовъ общественнаго призрѣнія; русскіе пансіоны въ учебномъ отношеніи подчинены были непосредственно комиссіи. Детальную разработку эти правила получили въ наказѣ содержателямъ и учителямъ столичныхъ пансіоновъ и въ инструкціяхъ управѣ нѣмецкихъ училищъ и приказу общественнаго призрѣнія [1]).

Такъ иностранные пансіоны вышли благополучно изъ испытанія, имѣвшаго цѣлью включить ихъ въ общую систему народнаго образованія. Какъ училища, ставившія на первый планъ преподаваніе новыхъ языковъ, они были существенно необходимы для дворянской интеллигенціи, которая не находила въ народныхъ училищахъ этого важнаго для нея элемента общаго образованія. И сама комиссія цѣнила иностранные пансіоны, какъ школы, восполнявшія пробѣлъ въ учебномъ планѣ народныхъ училищъ. При обсужденіи преобразованія инженернаго и артиллерійскаго корпусовъ было высказано, между прочимъ, пожеланіе объ увеличеніи въ провинціи числа пансіоновъ, которые давали бы подготовку по новымъ языкамъ, необходимую для высшаго спеціальнаго образованія.

Совсѣмъ иная участь постигла русскія „вольныя школы“. Въ 1784 году были обревизованы въ Петербургѣ 17 такихъ школъ, въ

[1]) Арх. мин. нар. просв., к. 1278, д. 38493.

которыхъ числилось 159 учащихся; содержателями этихъ школъ были: отставной прапорщикъ, жена адмиралтейскаго писаря, жена котельнаго мастера, 3 дьячка, церковный сторожъ, жена магистратскаго канцеляриста, жена отставного прапорщика, 2 мѣщанина, дворцовый крестьянинъ, жена подканцеляриста герольдмейстерской конторы, жена экономическаго служителя, отставной копіистъ, жена солдата, отставной канцеляристъ. Производившій ревизію профессоръ учительской семинаріи Сырейщиковъ далъ безусловно отрицательный отзывъ обо всѣхъ этихъ педагогахъ и ихъ школахъ: знанія учителей и учительницъ найдены ограниченными; обученіе производится по невразумительнымъ книгамъ; предметы ученья недостаточны, ибо въ большинствѣ школъ учатъ лишь читать и писать, лишь въ нѣкоторыхъ— ариѳметикѣ и ни въ одной не наставляютъ дѣтей „въ самонужнѣйшихъ истинахъ Закона Божія и вѣры христіанской". Комиссія постановила всѣ обревизованныя русскія вольныя школы закрыть, наказавъ черезъ губернское правленіе родителямъ и родственникамъ посылать дѣтей непремѣнно въ народныя училища. Съ этого времени устанавливается вообще отрицательное отношеніе къ вольнымъ русскимъ школамъ, кое-гдѣ конкуррировавшимъ съ народными училищами [1]).

Любопытный случай такой конкурренціи произошелъ въ 1784 году въ Шлиссельбургѣ. Учитель здѣшняго малаго народнаго училища донесъ комиссіи, что по окончаніи публичнаго испытанія въ этомъ училищѣ никто больше дѣтей своихъ въ него не приводилъ, такъ какъ нѣкій сержантъ Андрей Гордѣевъ завелъ въ городѣ недавно свою школу, гдѣ учитъ по старымъ книгамъ и дѣтей у него собралось не менѣе 20 человѣкъ. Комиссія опредѣлила: „какъ таковыя вольныя школы вовсе не нужны тамъ, гдѣ есть училища народныя, въ коихъ юношество, какъ то опытами уже доказано, обучаться можетъ съ гораздо лучшимъ успѣхомъ", то школу сержанта Гордѣева закрыть, „дабы дѣти напрасно у него времени не тратили" [2]). Такъ же сурово расправлялись съ вольными школами мѣстныя власти, намѣстники и губернаторы, когда началось повсемѣстное открытіе народныхъ училищъ. Создавалось вообще мнѣніе, что для успѣха народныхъ училищъ необходимо подавленіе частной конкурренціи. О. П. Козодавлевъ, ревизовавшій въ 1788 году народныя училища въ 10 губерніяхъ,

---

[1]) Арх. мин. нар. пр., к. 1279, д. 38497.

[2]) Журналъ комиссіи 12-го ноября 1784 г., п. 9.

объяснялъ, между прочимъ, недостаточность училищъ въ Ярославскомъ намѣстничествѣ тѣмъ, что „въ Ярославлѣ многимъ дьячкамъ ученіе до сего времени не было запрещено“ [1]). Элементарныя русскія вольныя школы, руководимыя малообразованными предпринимателями, искавшими лишь куска хлѣба отъ своей педагогической дѣятельности, должны были вовсе исчезать при встрѣчѣ съ правильно организованными народными училищами. Но подчиненіе частныхъ пансіоновъ новому учебно-административному режиму оказалось стѣснительнымъ и для тѣхъ русскихъ частныхъ пансіоновъ высшаго типа, содержателями которыхъ являлись дѣйствительно авторитетные и въ научномъ и въ педагогическомъ отношеніи лица. Въ 1788 году произошло интересное въ принципіальномъ отношеніи пререканіе между Московскимъ университетомъ и Московскимъ приказомъ общественнаго призрѣнія по вопросу о подвѣдомственности пансіоновъ, содержимыхъ профессорами Чеботаревымъ и Шаденомъ. Приказъ, на основаніи повелѣнія 7-го октября 1785 года о ревизіи частныхъ пансіоновъ въ Москвѣ, требовалъ подчиненія себѣ обоихъ пансіоновъ. Профессора же Чеботаревъ и Шаденъ доказывали, что ихъ пансіоны находятся въ вѣдѣніи университета, и заявляли, что „стать ни предъ какимъ постороннимъ судомъ не могутъ“. Университетъ поддерживалъ своихъ профессоровъ, ссылаясь на манифестъ 1755 года, возлагавшій на него обязанность всѣми мѣрами способствовать распространенію просвѣщенія, и на указъ 29-го апрѣля 1757 г. о свидѣтельствованіи въ университетѣ домашнихъ учителей и содержателей школъ. Сама комиссія о народныхъ училищахъ, по мнѣнію университета, обязана была „заимствовать пособія отъ университета“. По этимъ соображеніямъ университетъ рѣзко отстаивалъ автономію содержимыхъ профессорами пансіоновъ и не соглашался на подчиненіе ихъ приказу общественнаго призрѣнія. Но комиссія, утверждаясь на точномъ смыслѣ устава 1786 года, взяла сторону приказа и опредѣлила „настоять и требовать“, чтобы профессорскіе пансіоны были подчинены общему порядку подвѣдомственности частныхъ школъ. Въ случаѣ же неисполненія этого требованія предписывалось пансіоны закрыть. Чѣмъ окончилось это дѣло, намъ неизвѣстно.

Нѣкоторое представленіе о томъ, какое мѣсто заняли частные пансіоны, подчиненные комиссіи, въ самые послѣдніе годы XVIII вѣка, показываютъ слѣдующія собранныя въ 1799—1800 годахъ данныя о

---

[1]) *Сухомлиновъ*, Ист. Рос. Акад., вып. 6. стр. 52.

числѣ учащихся въ нѣмецкихъ пансіонахъ и домашнихъ школахъ въ отдѣльныхъ городахъ и цѣлыхъ губерніяхъ:

С.-Петербургъ	549	Новороссійская губ.	21
Москва	296	Тула	21
Тверская губ.	40	Саратовъ	17
Пермская губ.	27	Симбирскъ	13
Малороссійская губ.	25	Казань	11
Новгородская губ.	22		
		Итого	1.142

Всѣхъ учащихся въ пансіонахъ, подвѣдомственныхъ комиссіи, за это время числилось 17.315; значитъ, на долю частныхъ пансіоновъ, конечно, существовавшихъ легально, приходилось всего 6,6% [1]).

Въ особую группу общественныхъ школъ, занявшихъ средину между государственными и частными школами, слѣдуетъ отнести дворянскіе или благородные пансіоны. Краткость и отрывочность свѣдѣній о нихъ, какія поступали въ комиссію о народныхъ училищахъ, къ сожалѣнію, не даютъ возможности составить полнаго представленія объ этомъ типѣ школы въ два послѣднія десятилѣтія XVIII вѣка.

Появленіе благородныхъ пансіоновъ въ эту пору можно объяснять нѣкоторою неудовлетворенностью дворянства народными училищами, какъ школами всесословными и при томъ разсчитанными на интересы, главнымъ образомъ, городского торгово-промышленнаго населенія. Эта неудовлетворенность не переходила, однако, въ общее отрицательное отношеніе къ народнымъ училищамъ. Мы видѣли выше, что дворянскія дѣти составляли очень значительный процентъ учащихся въ нихъ и дворянскія общества дѣлали иногда крупныя пожертвованія на заведеніе народныхъ училищъ. Поэтому и нельзя было ожидать широкаго распространенія дворянскихъ пансіоновъ, какъ реакціи всесословной системѣ по уставу 1786 г.; и дѣйствительно, по свѣдѣніямъ комиссіи, дворянскіе пансіоны данной эпохи, за 1780 — 1790 годы, были немногочисленны; они упоминаются въ Твери, Рязани, Воронежѣ, Курскѣ, Черниговѣ, Новгородѣ, Казани; число учащихся въ нихъ очень невелико и рѣдко превышало 50 человѣкъ въ отдѣльныхъ пансіонахъ. Изъ ежегодныхъ вѣдомостей о состояніи училищъ, подвѣдомственныхъ комиссіи, можно извлечь слѣдующія цифровыя данныя о дворянскихъ пансіонахъ:

---

[1]) Арх. мин. нар. просв., к. 1281, д. 38515.

ГОДЫ.	Тверь.		Рязань.		Воронежъ.		Курскъ.		Новгородъ.		Черниговъ.		Казань.	
	Учителя.	Ученики.	Учителя.	Ученики.	Учителя.	Ученики.	Учителя.	Ученики.	Учителя.	Ученики.	Учителя.	Ученики.	Учителя.	Ученики.
1788	10	44	4	44	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1789	10	44	4	44	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1790—1791	9	44	4	44	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1792	7	18	4	—	11	20	—	—	—	—	—	—	—	—
1793	7	13	4	15	3	20	4	20	—	—	—	—	—	—
1794	8	16	4	16	5	22	5	9	—	—	—	—	—	—
1795	8	51	4	24	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1796	8	32	4	13	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1797	8	19	4	29	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1798	6	18	5	17	—	—	—	—	—	—	5	29	—	—
1799	5	16	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	11
1800	4	18	5	28	—	—	—	—	2	15	—	—	—	—
1801—1802	3	23	5	20	4	18	3	7 м. 17 ж.	2	15	—	—	—	—

Болѣе или менѣе обстоятельныя свѣдѣнія объ учебномъ курсѣ сохранились только для Тверскаго пансіона, и его курсъ можно съ полнымъ основаніемъ признать типичнымъ для дворянскихъ пансіоновъ вообще. Центръ тяжести этого курса лежалъ въ тѣхъ предметахъ, отсутствіе которыхъ въ народномъ училищѣ мѣшало послѣднимъ стать общеобразовательными средними школами. Въ Тверскомъ пансіонѣ въ первые годы его существованія главными предметами преподаванія были: Законъ Божій, языки русскій, нѣмецкій, французскій, исторія, географія, ариѳметика, рисованіе, танцы. Черезъ нѣсколько лѣтъ этотъ курсъ былъ расширенъ алгеброй, геометріей, тригонометріей, гражданской архитектурой, механикой. Учителя научныхъ предметовъ взяты были изъ главнаго народнаго училища и, слѣдовательно, въ ученіи примѣнялась нормальная метода.

Какъ относилось къ дворянскимъ пансіонамъ „главное правительство", комиссія о народныхъ училищахъ? Въ апрѣлѣ 1786 года комиссія получила описаніе дворянскаго пансіона въ Рязани отъ мѣстнаго губернатора А. А. Волкова, во исполненіе указа 29-го января о передачѣ всѣхъ училищъ въ ея вѣдѣніе. Комиссія опредѣлила оставить Рязанскій пансіонъ на прежнемъ основаніи до открытія главнаго народнаго училища. Но и послѣ открытія послѣдняго дворянскій пансіонъ продолжалъ существовать и комиссія ни по поводу этого пансіона, ни по поводу другихъ не возбуждала принципіальнаго вопроса о цѣлесообразности существованія дворянскихъ пансіоновъ, какъ особаго типа сословной школы. Дѣйствительно, у комиссіи не было основаній отрицательно относиться къ дворянскимъ пансіонамъ. Прежде всего, эти пансіоны не являлись опасными конкуррентами народныхъ училищъ. Затѣмъ они вполнѣ удовлетворяли тѣмъ условіямъ, которыми комиссія мѣрила каждую поступавшую въ ея вѣдѣніе школу: въ дворянскіе пансіоны приглашались учителя изъ народныхъ училищъ и преподаваніе велось въ нихъ по нормальнымъ методамъ. Доказательствомъ тому, что между народными училищами и немногочисленными дворянскими пансіонами не возникало принципіальнаго антагонизма, можетъ служить фактъ соединенія пансіона съ училищемъ; такъ въ вѣдомостяхъ за 1800—1801 годы пансіоны въ Новгородѣ и Воронежѣ показаны состоящими при главныхъ народныхъ училищахъ [1]).

Такъ торжество новой системы народнаго образованія достигалось путемъ рѣзкаго, насильственнаго подавленія частной иниціативы, ко-

---

[1]) Арх. мин. нар. просв., к. 1268, д. 38460; к. 1281, д. 385 19.

торою поддерживалась древняя традиція школьнаго мастерства въ народной массѣ. Частная школа, въ формѣ иностраннаго пансіона или благороднаго училища, осталась привилегіей высшаго класса.

Другого рода принципіальный вопросъ затронутъ былъ распространеніемъ нормальнаго учебнаго способа на спеціальныя училища—кадетскіе корпуса. Реформы 1760-хъ годовъ почти уравняли въ нихъ элементы спеціальнаго военнаго и общаго образованія и привели къ тѣмъ результатамъ, на которые указывалъ въ 1789 г. графъ Воронцовъ: кадеты сухопутнаго шляхетскаго корпуса выходили всего менѣе подготовленными къ военной профессіи. Когда комиссіи о народныхъ училищахъ данъ былъ 22-го іюня 1784 года указъ о введеніи въ сухопутномъ шляхетскомъ корпусѣ „образа ученія“, существующаго въ народныхъ училищахъ, то передъ нею и сталъ принципіальный вопросъ о соотношеніи элементовъ общаго и спеціальнаго, военнаго образованія. Изъ полученныхъ комиссіею свѣдѣній о состояніи корпуса оказалось, что учебныя занятія въ корпусѣ далеко не соотвѣтствовали установленному 20 лѣтъ тому назадъ учебному плану. Какіе зіяющіе пробѣлы обнаружились въ практическомъ осуществленіи этого плана, показывала слѣдующая таблица, въ которой обозначены, какіе предметы учебнаго плана и по какимъ причинамъ не преподавались въ тотъ моментъ, когда корпусъ настигнутъ былъ новой реформой:

Возрасты:	*Предметы:*	*Почему не преподаются:*
	Познаніе вѣры.	За слабымъ понятіемъ воспитанниковъ сего возраста.
1-й.	Изъ иностранныхъ языковъ обучаются только французскому.	Уважая малолѣтство воспитанниковъ.
2-й.	Географія, хронологія, исторія, миѳологія, геометрія, славянскій языкъ.	Потому что понятія воспитанниковъ сего возраста къ обученію сихъ наукъ еще весьма слабое и время употребить нужно было для языковъ.
	Хронологія.	Будетъ показана вмѣстѣ съ исторіей, чтобъ болѣе времени употребить на прочія науки.

3-й.	Исторія.	За недовольнымъ знаніемъ географіи.
	Геометрія.	За неокончаніемъ ариеметики.
	Латинскій языкъ.	Не оказались къ тому склонны.
	Основанія воинской и гражданской архитектуры.	За незнаніемъ ариеметики и геометріи.
	Хронологія.	Нужнѣйшее будетъ сопряжено съ исторіею.
	Латинскій языкъ.	Не оказались къ тому склонны.
4-й.	Основанія воинской и гражданской архитектуры.	За недовольнымъ знаніемъ геометріи.
	Гражданскія науки, генеральная и экспериментальная физика, астрономія, наутика, натуральная исторія, фортификація и артиллерія, химія, философія, живопись, гравированіе, изваяніе, дѣланіе статуй, архитектура.	Оставлены для послѣдующаго возраста.
	Латинскій языкъ.	Желающихъ нѣтъ.
	Архитектура гражданская.	Неизвѣстно почему.
	Всѣ гражданскія науки.	Будутъ по окончаніи исторіи россійской имперіи сопряжены съ россійскою статистикой.
5-й.	Астрономія, наутика, натуральная исторія, химія, философія, живопись, гравированіе, изваяніе, дѣланіе статуй.	Неизвѣстно почему.

Такія отступленія отъ установленнаго учебнаго плана, вызываемыя, на взглядъ комиссіи, обстоятельствами большею частью маловажными и странными, вели къ явнымъ несообразностямъ. Достигнувъ старшаго возраста, воспитанники только начинали изученіе тѣхъ наукъ, которыя они по нормальному плану должны были бы уже кончать.

Многія науки и совсѣмъ исчезали изъ учебнаго оборота, какъ напримѣръ, всѣ „науки гражданскія“, введеніе которыхъ въ учебный планъ корпуса было одною изъ главныхъ цѣлей реформы 1766 года. Остающіяся науки преподавались безъ всякаго порядка, по книгамъ, иногда прямо не относившимся къ предмету преподаванія. Въ результатѣ черезъ 9 лѣтъ пребыванія въ корпусѣ кадеты не успѣвали окончить ариѳметики, черезъ 12 не пріобрѣтали столькихъ познаній въ геометріи, чтобы начать архитектуру, въ V-же возрастѣ оказывались обремененными вдругъ такимъ количествомъ наукъ, что, „отчаяваясь успѣть во всѣхъ, ни къ одной, повидимому, затѣмъ не примѣнялись и ни въ одной не успѣвали“.

Составленный комиссіей новый учебный планъ, поднесенный на утвержденіе императрицѣ при докладѣ Завадовскаго 25-го августа 1784 года, исходилъ изъ мысли, что сухопутному шляхетскому корпусу должно быть возвращено старое назначеніе готовить молодежь по преимуществу къ военной службѣ. Въ этомъ намѣреніи новый планъ удѣлилъ наибольшее количество времени наукамъ математическимъ, гражданскія же науки возстановлялись въ той соразмѣрности, „сколько знать объ оныхъ нужно человѣку военному“. Преподавать гражданскія науки въ таковомъ же пространствѣ, какъ и военныя, значило бы, по мнѣнію комиссіи, дѣлать изъ корпуса совершенно особаго рода училище. Вовсе исключались изъ стараго учебнаго плана „наутика“, какъ предметъ несходственный съ цѣлью сухопутнаго корпуса, химія, которая соединялась съ физикой, и всѣ художества, кромѣ рисованія. Преподаваніе всѣхъ наукъ должно было располагаться концентрически, такимъ образомъ, чтобы уже въ 1-мъ и 2-мъ возрастахъ ученикамъ сообщались легчайшія понятія о тѣхъ наукахъ, которыя во всей полнотѣ будутъ поставлены въ трехъ старшихъ возрастахъ; съ этою цѣлью предполагалось составить для двухъ младшихъ возрастовъ особыя энциклопедическія руководства. Наконецъ, обращено было вниманіе на методы преподаванія: въ трехъ младшихъ возрастахъ требовалось установить совершенное единообразіе съ народными училищами, въ старшихъ же возрастахъ оставлялась свобода искусству самихъ профессоровъ съ тѣмъ, однако, чтобы соблюдалась необходимая систематичность и чтобы преподаваніе не ограничивалось чтеніемъ лекцій, какъ въ университетѣ, но чтобы разспросами и разговорами ученики доводились до точнаго и яснаго понятія о преподаваемомъ [1]).

[1]) Для наглядности приведемъ новый учебный планъ корпуса въ таблицѣ:

Съ новымъ планомъ, подписаннымъ Завадовскимъ, Пастуховымъ и директоромъ корпуса генераломъ Дебальменомъ, не согласился академикъ Эпинусъ, представившій особое мнѣніе по этому предмету. Эпинусъ справедливо указывалъ, что новый планъ все же страдалъ

1-ый возрастъ.

Русская грамматика и катехизисъ	6 ч.
Ариѳметика на русскомъ языкѣ	2 „
Французская грамматика	4 „
Нѣмецкая грамматика	4 „
Латинскій языкъ	4 „
Письмо русское	3 „
Рисованіе	4 „
Всего	30 ч.

2-ой возрастъ.

Продолженіе рос. чтенія, катехизиса и грамматики съ переводами	5 ч.
Ариѳметика и геометрія на рус. яз.	3 „
Французская грамматика	4 „
Нѣмецкая грамматика	4 „
Латинскій языкъ	4 „
Письмо русское	3 „
Письмо иностранное	3 „
Рисованіе	4 „
Всего	30 ч.

3-ій возрастъ.

Толкованіе евангелій, катехизисъ, св. исторія	3 ч.
Грамматика россійск. и сочиненія	4 „
Французская грамматика	4 „
Нѣмецкая грамматика	4 „
Латинскій языкъ	4 „
Исторія и географія	4 „
Математика	5 „
Рисованіе	4 „
Всего	32 ч.

4-ый возрастъ.

Упражненія въ рос. слогѣ	2 ч.
Повтореніе исторіи и географіи и вновь статист. исторіи, полиц. наука и госуд. экономія	6 „
Продолженіе математики, начало естеств. исторіи и физики	6 „
Французскій слогъ	2 „
Нѣмецкій слогъ	2 „
Повтореніе математики на франц. яз.	3 „
Тоже на нѣмецкомъ языкѣ	3 „
Латинскій языкъ	2 „
Логика, право естествен., всенародное и проч. гражд. науки	2 „
Рисованіе	2 „
Всего	30 ч.

5-ый возрастъ.

Упражненія въ рос. слогѣ	2 ч.
Повтореніе исторіи и географіи и вновь статист. исторіи, полиц. наука и госуд. экономія	4 „
Окончаніе математики, начало естеств. исторіи и физики	8 „
Французскій слогъ	2 „
Нѣмецкій слогъ	2 „
Повтореніе математики на франц. яз.	4 „
Тоже на нѣмецкомъ языкѣ	4 „

двойственностью стараго, что въ немъ недостаточно оттѣнено первенство военныхъ наукъ надъ гражданскими и что преслѣдованіе одновременно двухъ цѣлей мѣшаетъ овладѣть, какъ слѣдуетъ, каждой изъ нихъ. Эпинусъ предлагалъ устроить нѣкоторымъ образомъ бифуркацію курса корпуса. Въ трехъ младшихъ возрастахъ, по его мнѣнію, надлежало обучать всему тому, что одинаково будетъ пригодно для избирающихъ какъ военную, такъ и гражданскую службу. Съ IV возраста кадеты раздѣляются на двѣ категоріи. Одна, избирающая военную карьеру, лишь въ минимальномъ объемѣ изучаетъ гражданскія науки, но за то сосредоточивается на такихъ наукахъ, какъ алгебра, коническія сѣченія, артиллерія, фортификація, механика, гидравлика, гидростатика и тому подобное. Эпинусъ настаивалъ на подробной разработкѣ плана этихъ наукъ, что совершенно обойдено было въ новомъ планѣ комиссіи. Другая категорія кадетъ, готовящаяся къ гражданской службѣ, освобождалась въ планѣ Эпинуса отъ военныхъ наукъ и обращалась на обширное поле наукъ политическихъ и юридическихъ. Латинскій языкъ оставался обязательнымъ только для воспитанниковъ этой послѣдней категоріи.

Повидимому, выработанный комиссіею новый учебный планъ сухопутнаго шляхетнаго корпуса не былъ утвержденъ императрицей; по крайней мѣрѣ, не сохранилось извѣстій объ его примѣненіи въ корпусѣ и послѣдній продолжалъ управляться уставомъ 1766 года до начала царствованія Александра I, когда въ связи съ новымъ пересмотромъ всей системы народнаго просвѣщенія былъ опять поставленъ на очередь и вопросъ о военномъ образованіи. Слѣдуетъ только отмѣтить, что въ директорство знаменитаго впослѣдствіи М. И. Голенищева-Кутузова (1794—1797 гг.) въ корпусѣ произведены были нѣкоторыя частныя, но характерныя перемѣны: въ 1797 году воспитанники были вновь раздѣлены по военному образцу, вмѣсто возрастовъ, на роты: гренадерскую, четыре мушкатерскія и малолѣтнее отдѣленіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ преподаваніе военныхъ наукъ усилено было учрежденіемъ класса тактики не только для кадетъ, но и для офицеровъ [1]).

Латинскій языкъ	2 ч.
Логика, право естествен., всенародное и проч. гражд. науки	2 „
Рисованіе	2 „
Всего	32 ч.

[1]) Арх. мин. нар. просв., к. 1278 д. 38489. *Бар. Н. В. Дризенъ*, Нов. доку-

Съ большею опредѣленностью задумана была реформа артиллерійскаго и инженернаго корпуса. Въ 1783 года комиссіи о народныхъ училищахъ повелѣно было разсмотрѣть проектъ директора корпуса генералъ-поручика Мелиссино и „согласить планъ ученія сего корпуса съ утвержденнымъ отъ ея величества вообще для училищъ". Докладчикомъ по этому дѣлу былъ Ѳ. И. Янковичъ, и въ началѣ сентября того же года комиссія представила на утвержденіе императрицы свое заключеніе, въ общемъ согласное съ проектомъ Мелиссино. Основной тенденціей комиссіи было согласовать организацію артиллерійскаго и инженернаго корпуса съ его прямымъ, спеціальнымъ назначеніемъ. Съ этою цѣлью предполагалось, сохранивъ временно дѣленіе кадетъ на 3 возраста, два младшіе возраста содержать „до распространенія народныхъ училищъ", а затѣмъ ихъ закрыть, третій же возрастъ превратить въ спеціальную школу, готовящую геометровъ, инженеровъ и артиллеристовъ, и въ эту школу должна поступать молодежь уже изъ общихъ училищъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ комиссія находила нужнымъ упразднить роту солдатскихъ дѣтей, состоявшую при корпусѣ подъ названіемъ школы художниковъ и рукодѣлій, и вмѣсто нея учредить другую роту изъ благородныхъ дѣтей, но съ тѣмъ, чтобы обѣ роты отличались „токмо по личнымъ достоинствамъ и успѣхамъ самихъ кадстовъ, а не по дворянству ихъ". Затѣмъ, конечно, въ методахъ преподаванія, правилахъ воспитанія, пріемѣ учителей рекомендовалось слѣдовать примѣру народныхъ училищъ. Въ 1784 году новый планъ корпуса былъ утвержденъ императрицей, но исполненіе его не было доведено до намѣченнаго комиссіей конца, т. е. до полнаго превращенія корпуса въ спеціальную школу. Два младшіе возраста не были упразднены, но остались въ видѣ общеобразовательной школы, соотвѣтствовавшей по курсу главному народному училищу; курсъ съ третьяго возраста сосредоточивался уже на спеціальныхъ предметахъ: математикѣ, фортификаціи, артиллеріи; къ нимъ были прибавлены еще естественная исторія и тактика. Нѣкоторыя изъ этихъ наукъ положено было преподавать не только на русскомъ, но также на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, руководствуясь притомъ „нормальнымъ" методомъ. Солдатская рота, въ видѣ школы художествъ и ремеслъ, была сохранена и даже увеличено количество преподаваемыхъ въ ней ремеслъ [1].

ментъ по исторіи военно-учеб. завед., Педаг. Сборн., 1895 г. т. II, стр. 625. *Висковатовъ*, Крат. Ист. 1-го кадетскаго корпуса. стр. 50—51.

[1]) Арх. мин. нар. пр., к. 1265, д. 38455.

Итакъ, въ исторіи тѣхъ проектовъ преобразованія спеціальныхъ военныхъ шляхетскихъ школъ, которые прошли черезъ комиссію о народныхъ училищахъ, ясно обозначался новый поворотъ въ развитіи военнаго образованія и въ его отношеніи къ образованію общему. Пора увлеченія воспитательными цѣлями и смѣшенія задачъ общаго и профессіональнаго образованія теперь, видимо, прошла и на очередь ставился вопросъ о точномъ разграниченіи того и другого. Утверждается взглядъ, что общее образованіе должно не конкуррировать съ профессіональнымъ, но служить необходимой основой для послѣдняго. Можно подмѣтить перемѣну и во взглядѣ самой императрицы. Если въ 1760-хъ годахъ она вполнѣ раздѣляла мнѣніе, что кадетскій корпусъ долженъ готовить ко всякаго рода дѣятельности какъ военной, такъ и гражданской, то теперь, въ концѣ царствованія, она указываетъ кадетскимъ корпусамъ преимущественно одну цѣль—„военное ремесло". Въ 1791 году особой комиссіи, образованной для разсмотрѣнія нуждъ артиллерійскаго и инженернаго корпуса, внушено было „не вводить никакихъ излишностей, которыя болѣе вредны, нежели полезны для юношества, приготовляемаго и образуемаго для военнаго ремесла" [1]).

Послѣдовательное и всестороннее осуществленіе единообразія учебной системы должно было выдвинуть также вопросъ о распространеніи общегосударственной системы просвѣщенія на окраины, гдѣ преобладали не русскія народности или гдѣ господствовала не русская культура. Этотъ вопросъ, ставшій впослѣдствіи, въ XIX вѣкѣ однимъ изъ самыхъ трудныхъ и боевыхъ вопросовъ политики народнаго просвѣщенія, въ данную эпоху намѣчался еще въ очень элементарной формѣ и не вызывалъ ни теоретически, ни практически серьезныхъ осложненій.

Ни въ планахъ, предшествующихъ уставу 1786 года, ни въ самомъ уставѣ вопросъ о новой системѣ народныхъ училищъ, какъ единой общегосударственной, прямо не ставился. Но уже въ черновыхъ запискахъ императрицы Екатерины мы видимъ сознаніе необходимости считаться въ окраинныхъ областяхъ съ мѣстными культурными потребностями. Такъ, перечисляя предметы преподаванія въ среднихъ школахъ, императрица вводитъ нѣмецкій языкъ въ губерніяхъ, граничащихъ „съ провинціями, кои правятся нѣмецкимъ языкомъ", латинскій—въ губерніяхъ, кои граничатъ съ Польшею, татарскій—въ губерніяхъ, которыя граничатъ съ татарскими народами. Уставъ

---

[1]) *Лалаевъ*, Историч. очеркъ военно-учебн. заведеній, стр. 72—73.

1786 года (§ 11) довольно неопредѣленно говорилъ объ изученіи въ главныхъ училищахъ того иностраннаго языка, „какой по сосѣдству каждаго намѣстничества, гдѣ главное училище находится, быть можетъ полезнѣе по употребленію его въ общежитіи".

Итакъ, общій законъ не поставилъ прямо вопроса первостепенной важности, должна ли новая система образованія распространяться на иноплеменныя окраины и если да, то какія видоизмѣненія, согласно съ мѣстными условіями, могли быть въ нее вносимы. Этотъ вопросъ возникъ уже изъ практики по мѣрѣ распространенія сѣти народныхъ училищъ. Въ составъ послѣдней очереди 14-ти губерній, на которыя по высочайшему повелѣнію 3-го ноября 1788 года должна была распространиться система народныхъ училищъ, входили преимущественно окраинныя губерніи: Выборгская, Рижская, Ревельская, Полоцкая, Могилевская, Новгородъ-Сѣверская, Черниговская, Кіевская, Харьковская, Кавказская, Уфимская, Колыванская, Тобольская, Иркутская [1]).

Введеніе народныхъ училищъ въ Прибалтійскомъ краѣ рѣшено было еще указомъ 4-го февраля 1785 года мѣстному генералъ-губернатору графу Ю. Ю. Брауну — о приготовленіи помѣщеній для народныхъ училищъ Рижской губерніи, къ „размноженію въ тамошнемъ краѣ необходимаго знанія россійскаго языка". Такъ опредѣлена была руководящая точка зрѣнія при распространеніи новой системы просвѣщенія на прибалтійскую окраину. Въ самомъ концѣ 1788 года въ Ригу и Ревель отправлены были комиссіей изъ Петербурга нѣсколько человѣкъ учителей и запасъ учебныхъ книгъ, а генераломъ-губернаторомъ графомъ Брауномъ предложено было мѣстнымъ приказамъ общественнаго призрѣнія принять мѣры къ открытію главныхъ и малыхъ народныхъ училищъ. Въ февралѣ 1789 года въ Ригѣ было уже открыто главное россійское училище, наименованное Екатерининскимъ, и лѣтомъ того же года въ немъ происходило первое публичное испытаніе. Открытіе главнаго училища въ Ревелѣ затруднялось, по сообщенію губернатора А. И. Врангеля, военными обстоятельствами по случаю войны съ Швеціей. Въ 1790 году рижскій приказъ общественнаго призрѣнія, „обращая особое вниманіе на изученіе росскому языку", требовалъ отъ комиссіи присылки большаго количества учебныхъ пособій.

По сообщенію губернаторовъ — рижскаго А. А. Беклешова и ревельскаго А. И. Врангеля мѣстные приказы общественнаго призрѣ-

---

[1]) Сборн. матер. по исторіи просв., изд. мин. нар. пр., т. I, №№ 7—8.

нія старались распространить новый учебный порядокъ и на нѣмецкія школы, существовавшія на средства общества, городскихъ управленій и частныхъ лицъ, при чемъ преподаваніе въ этихъ школахъ велось по книгамъ, изданнымъ комиссіей о народныхъ училищахъ и переведеннымъ на нѣмецкій языкъ. Отвѣчая на запросъ Беклешова о порядкѣ отчетности по всѣмъ вообще училищамъ прибалтійскаго края, комиссія въ мартѣ 1789 года установила, что отчеты о нѣмецкихъ школахъ должны быть доставляемы въ управу нѣмецкихъ училищъ, а о русскихъ народныхъ училищахъ, „коихъ, вѣроятно, будетъ не много", непосредственно въ комиссію.

Какъ правильно предвидѣла комиссія, русскія народныя училища по уставу 1786 года въ прибалтійскомъ краѣ распространенія не получили. Съ 1789 года до новой общей реформы по уставамъ 1804 года въ Ригѣ и Ревелѣ оставалось по одному главному училищу, въ которыхъ число учениковъ никогда не достигало сотни.

Сохранились свѣдѣнія о соціальномъ составѣ учащихся въ обоихъ училищахъ за 1799—1802 годы. Приводимъ эти свѣдѣнія въ слѣдующихъ таблицахъ: (см. табл. на стр. 204).

Нѣсколько большій успѣхъ имѣли народныя училища въ русской Финляндіи, въ Выборгскомъ намѣстничествѣ. Уже въ 1789 году въ Выборгѣ дѣйствовало главное народное училище, а въ городахъ Фридрихсгамѣ, Вильманстрандѣ, Кексгольмѣ, Сердоболѣ, Нейшлотѣ— малыя училища. О состояніи всѣхъ этихъ училищъ могутъ дать представленіе цифры учителей и учениковъ за 1789 и 1802 годы:

	1789 г.		1802 г.				
	Учителя.	Ученики.	Учителя.	Ученики.			
Выборг.	8	106	11	88	муж.	60	жен.
Фридрихсг. . . .	3	31	4	37	„	—	„
Вильманстр. . . .	2	48	1	15	„	15	„
Кексгольмъ	2	19	2	29	„	19	„
Сердобольск. . . .	1	—	2	11	„	5	„
Нейшлот.	1	—	2	21	„	2	„

О составѣ учащихся въ русскихъ народныхъ училищахъ въ Выборгскомъ намѣстничествѣ имѣемъ свѣдѣнія за три года—1799—1801-й, при чемъ за 1799 и 1801 годы цифры относятся лишь къ первому полугодію, а за 1800 г. показаны безъ раздѣленія на полугодія: (см. табл. на стр. 205).

Ревельское главное училище.

	1799 годъ.		1800 годъ.		1801 годъ.		1802 годъ.	
	1 пол.	2 пол.	1 пол.	2 пол.	1 пол.	2 пол.	1 пол.	2 пол.
Дворянскіе	14	20	—	—	—	—	—	—
Офицерскіе	—	—	21	15	22	31	—	31
Церковные	2	3	—	—	—	—	—	—
Приказные	5	16	4	—	—	2	—	2
Купеческіе	3	2	3	4	5	7	—	8
Мѣщанскіе	18	18	9	7	7	8	11	—
Солдатскіе	27	23	24	28	17	22	—	20
Крестьянскіе	—	—	—	—	6	5	—	9

Рижское главное училище.

Дворянскіе	9	7	15	—	15	15	—	13
Духовные	—	—	—	—	1	—	—	—
Приказные	—	2	2	—	11	—	—	5
Купеческіе	16	18	15	—	15	20	—	13
Мѣщанскіе	37	26	30	—	34	31	—	27
Солдатскіе	6	5	6	—	9	3	—	16

	Дворян.			Церковн.			Приказн.			Купечес.			Мѣщан.			Солдат.		
	1799.	1800.	1801.	1799.	1800.	1801.	1799.	1800.	1801.	1799.	1800.	1801.	1799.	1800.	1801.	1799.	1800.	1801.
Выборг.	23	28	25	10	10	2	31	37	27	28	29	31	33	42	34	2	7	19
Фридрихсг. . . .	—	3	1	3	2	—	9	5	8	12	4	9	8	3	12	—	3	7
Вильманстр. . .	3	3	4	1	1	5	8	8	10	1	1	3	1	1	4	1	—	4
Кексгольм. . . .	6	14	3	3	4	—	11	3	6	2	5	9	16	14	18	5	1	12
Сердобольск. . .	3	2	—	—	3	2	2	—	3	4	3	2	3	7	8	3	1	1
Нейшлот. . . .	1	2	—	1	3	1	5	4	6	3	7	4	3	4	3	1	1	9

Такъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ русскія народныя училища по уставу 1786 года заняли очень скромное мѣсто, и просвѣтительное ихъ вліяніе надо признать довольно ограниченнымъ. Доминирующее положеніе осталось за нѣмецкими школами, содержимыми на средства разныхъ мѣстныхъ сословныхъ обществъ и корпорацій. Лифляндскій губернаторъ А. А. Беклешовъ въ 1789 году доносилъ коммиссіи о существованіи 5 нѣмецкихъ школъ, приравненныхъ имъ къ главнымъ народнымъ, и о „достаточномъ“ числѣ малыхъ нѣмецкихъ школъ въ уѣздныхъ городахъ и мѣстечкахъ [1]). По свѣдѣніямъ 1802 года въ Лифляндіи, кромѣ университета, насчитывалось 9 нѣмецкихъ училищъ въ вѣдѣніи приказа общественнаго призрѣнія и 13 въ вѣдѣніи и на иждивеніи городскихъ магистратовъ. Въ Эстляндской губерніи, по свѣдѣніямъ за тотъ же годъ, находилось подъ вѣдѣніемъ приказа общественнаго призрѣнія 4 среднихъ и низшихъ училища и подъ вѣдѣніемъ городскихъ магистратовъ 8 училищъ разныхъ типовъ. Въ Курляндской губерніи тогда насчитывалось 15 нѣмецкихъ школъ, большихъ и малыхъ. Какъ видно изъ письма А. А. Беклешова къ Завадовскому отъ 24-го февраля 1789 года, прибалтійскіе приказы общественнаго призрѣнія принимали мѣры къ распространенію и на нѣмецкія училища „нормальнаго“ учебнаго строя. Насколько дѣйствительны были эти мѣры и какой успѣхъ онѣ имѣли, остается неизвѣстнымъ [2]).

Въ заключеніе слѣдуетъ признать, что распространеніе новой системы образованія на прибалтійскую окраину не встрѣчало какихъ либо принципіальныхъ съ государственной точки зрѣнія осложненій и не вызывало столкновенія мѣстныхъ интересовъ съ государственными цѣлями. Учрежденіе русскихъ народныхъ училищъ не имѣло цѣлью борьбу съ господствующей нѣмецкой образованностью. Передача нѣмецкихъ школъ въ вѣдѣніе приказовъ общественнаго призрѣнія и подъ надзоръ петербургской нѣмецкой управы, распространеніе на нихъ „нормальныхъ“ порядковъ, если только оно дѣйствительно производилось, не носило характера политической и культурной борьбы, какая возникла позднѣе, въ слѣдующемъ столѣтіи.

Съ условіями совершенно исключительными должна была встрѣтиться учебная система по уставу 1786 года въ западныхъ областяхъ, отошедшихъ отъ Польши. Какъ разъ въ роковые годы раздѣловъ, въ

[1]) Арх. мин. нар. пр., к. 1291, д. 38579; к. 1268, д. 38460.
[2]) Арх. мин. нар. пр., к. 727, д. 34669.

Польшѣ предпринята была коренная реформа народнаго просвѣщенія, весьма ярко отразившая на себѣ нѣкоторыя черты того обще-европейскаго просвѣтительнаго движенія, продуктомъ котораго явилась и наша система народныхъ училищъ. Постановленіемъ Варшавскаго сейма въ 1775 году была учреждена эдукаціонная комиссія подъ предсѣдательствомъ виленскаго епископа князя Масальскаго, и въ ея вѣдѣніе переданы всѣ безъ исключенія свѣтскія и духовныя школы въ государствѣ, раздѣленныя на десять отдѣловъ или округовъ: шесть въ „Коронѣ" и четыре въ Литвѣ; во главѣ первыхъ стояла Краковская главная школа, во главѣ вторыхъ—Виленская. Въ 1783 году эдукаціонной комиссіей были выработаны и изданы уставы, обнимавшіе въ совокупности цѣльную систему народнаго просвѣщенія: за главными школами или университетами слѣдовали училища окружныя, подокружныя и парафіальныя, дѣлившіяся на большія и малыя. Вся эта іерархія школъ низшихъ, среднихъ и высшихъ связывалась въ единую систему и въ административномъ отношеніи: главныя школы, находившіяся въ непосредственномъ вѣдѣніи эдукаціонной комиссіи, управляли окружными и подокружными училищами; начальства окружныхъ школъ завѣдывали школами парафіальными. Для подготовки учителей при каждой изъ двухъ главныхъ школъ была учреждена семинарія кандидатовъ, и въ 1776 году было основано общество для изданія учебниковъ, такъ какъ эдукаціонная комиссія рѣшительно отвергала учебную систему, господствовавшую въ школахъ, содержимыхъ разными монашескими орденами [1].

Ясно выступаютъ въ этой широкой реформѣ народнаго просвѣщенія уже хорошо знакомыя намъ черты, роднящія ее съ аналогичными реформами той же эпохи въ другихъ странахъ, между прочимъ, и съ нашей русской реформой. Лихорадочное возбужденіе, въ атмосферѣ котораго создавалась эта реформа, побуждало облечь ее въ отчетливо опредѣленныя, рѣзкія формы. Изъятіе народнаго образованія изъ рукъ духовныхъ орденовъ и сосредоточеніе его въ рукахъ государства; соединеніе всѣхъ степеней образованія и типовъ школъ въ одну, цѣльную систему; опредѣленіе цѣли народнаго образованія въ національно-государственныхъ интересахъ; установленіе единства учебныхъ средствъ и учебнаго метода, — все это наиболѣе яркіе принципы просвѣтительнаго движенія XVIII вѣка, ложив-

---

[1]) *Е. Крыжановскій*, Учебныя заведенія въ русскихъ областяхъ Польши въ періодъ ея раздѣловъ, „Кіевская Старина" 1882 г., февраль, мартъ.

шіеся въ основаніе всѣхъ крупныхъ школьныхъ реформъ того времени.

Въ нашу задачу не входитъ оцѣнка практическихъ результатовъ, какихъ достигла польская школьная реформа въ эпоху эдукаціонной комиссіи. Отмѣтимъ только, что въ польской и русской исторической литературѣ представлены двѣ весьма противоположныя оцѣнки, исходящія изъ одинаково предвзятыхъ общихъ взглядовъ. Съ одной стороны польскіе историки, останавливаясь преимущественно на патріотическихъ цѣляхъ реформы и ея принципахъ, склонны чрезмѣрно преувеличивать дѣйствительное ея значеніе. Съ другой стороны историки русскіе тщательно раскрываютъ недостатки плановъ эдукаціонной комиссіи и ошибки въ ихъ практическомъ выполненіи, но недостаточно различаютъ причины этихъ недостатковъ и ошибокъ, лежащія въ самомъ существѣ просвѣтительнаго движенія въ Европѣ XVIII вѣка, въ его задачахъ и средствахъ, отъ причинъ, вытекавшихъ изъ исключительныхъ обстоятельствъ, въ какихъ находилась тогда Польша, изъ личнаго состава иниціаторовъ и исполнителей реформы и т. д.[1]).

Наша цѣль въ данномъ случаѣ—выяснить только тѣ принципіальные вопросы, какіе впервые возникли для нашей политики народнаго просвѣщенія въ присоединенныхъ отъ Польши западно-русскихъ областяхъ, когда въ нихъ встрѣтились двѣ учебныхъ реформы, во многихъ отношеніяхъ родственныя между собою.

Еще до изданія устава 1786 года были приняты мѣры для распространенія „нормальной“ учебной системы на духовныя училища западныхъ губерній. Именнымъ указомъ 15-го мая 1785 года повелѣно было синоду ввести въ семинаріи при епископѣ-коадъюторѣ „образъ для всѣхъ училищъ въ имперіи узаконенный“. Этотъ указъ, повидимому, былъ сообщенъ епархіальнымъ архіереямъ въ видѣ общей мѣры, и въ Петербургъ были присланы для подготовки къ учительскому званію, между прочимъ, воспитанники Смоленской и Могилевской семинаріи. Въ 1786 году, въ іюнѣ, кіевскій митрополитъ Самуилъ, запрашивая П. В. Завадовскаго объ устроеніи главнаго на-

---

[1]) *Іосифъ Лукашевичъ*, Historya szkoł w Koronie i w wielkiem księstwte Litewskiem od najdawniezsjych czasow aż do roku 1794. Вышеназванная статья Крыжановскаго. Вводныя статьи къ первымъ 4 томамъ Сборника матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи, изд. мин. нар. просв., 1893—1902. *Ю. В. Крачковскій*, Историческій обзоръ дѣятельности Виленскаго учебнаго округа 1803—1903 г., ч. I, отд. 1, гл. I—II.

роднаго училища при Кіевской академіи, выражалъ свою радость, что „студенты и ученики оной (академіи) могутъ удобно заимствовать образъ ученія, въ народныхъ училищахъ преподаваемаго, коему сообразоваться и всѣмъ духовнымъ училищамъ предписано". Не отказывалось вводить нормальную систему въ свои училища и римско-католическое духовенство. Въ августѣ 1786 года могилевскій католическій архіепископъ Сестренцевичъ прислалъ въ комиссію о народныхъ училищахъ краткое сообщеніе о ревизіи іезуитскихъ и піарскихъ школъ, при чемъ упоминалъ, что „во всѣхъ оныхъ училищахъ заводится образъ ученія по нормальнымъ правиламъ" [1]).

Въ число 14-ти губерній второй очереди, въ которыхъ по указу 3-го ноября 1788 года слѣдовало открыть главныя народныя училища, были включены губерніи Полоцкая, Могилевская и Кіевская, и въ слѣдующемъ году училища здѣсь дѣйствительно были открыты; черезъ 2 года появились въ Могилевской губерніи малыя училища, а въ 1794 году открылось главное училище въ Витебскѣ. Сообщая могилевскому и полоцкому генералъ-губернатору Пассеку нѣкоторыя указанія относительно открытія народныхъ училищъ, П. В. Завадовскій обращалъ его вниманіе, между прочимъ, на необходимость на мѣстахъ людей искусныхъ для преподаванія „сосѣдственнаго", т. е. польскаго языка; латинскій же должны были преподавать ожидаемые отъ комиссіи учителя [2]).

Процвѣтаніе первыхъ народныхъ училищъ въ западныхъ губерніяхъ затруднялось, главнымъ образомъ, недостаткомъ денежныхъ средствъ, которыхъ не отпускали въ полной мѣрѣ городскія думы, а также конкурренціей іезуитскихъ училищъ, какъ это было, напримѣръ, въ Полоцкѣ. Въ 1797 году могилевское и полоцкое намѣстничества были слиты въ одну Бѣлорусскую губернію съ Витебскомъ во главѣ, послѣ чего Полоцкое училище было превращено въ малое, Могилевское же, по настоянію комиссіи, оставлено на прежней степени главнаго. Въ 1798 году бѣлорусскій губернаторъ возбудилъ было вопросъ о превращеніи и Витебскаго училища въ малое вслѣдствіе крайне малаго числа учениковъ въ старшихъ классахъ: въ III-мъ было только 2, въ IV-мъ ни одного. Причиною тому была, по словамъ губернатора, „общая всѣхъ здѣшнихъ обывателей къ религіи

---

[1]) Сборникъ матеріаловъ по исторіи просвѣщенія, изд. мин. нар. просв., т. I, №№ 2, 4, 5, 6.

[2]) Ibid., № 9.

унитскаго закона приверженность", въ противоположность Могилеву, гдѣ „всѣ почти обыватели—благочестивые, пекутся о воспитаніи дѣтей своихъ, отдавая охотно для ученія въ состоящія тамъ училища". Комиссія рѣзко отклонила это представленіе, и въ Бѣлорусской губерніи остались два главныхъ училища [1]).

Достигнутые къ концу изучаемой эпохи результаты въ Бѣлорусской губерніи явствуютъ изъ слѣдующей таблицы о состояніи училищъ за оба полугодія 1801 года:

	Дворян.		Церковн.		Купеч.		Мѣщан.		Солдат.		Крестьян.	
	1 пол.	2 пол.	1 пол.	2 пол.	1 пол.	2 пол.	1 пол.	2 пол.	1 пол.	2 пол.	1 пол.	2 пол.
Витебской гл. . . .	48	38	1	2	7	7	24	20	8	8	16	16
Могилевской гл. . .	32	37	1	1	5	5	41	31	25	23	1	7
Полоцк..	11	9	—	—	4	5	17	22	10	11	1	3
Оршан.	10	11	2	3	—	—	29	38	3	5	4	5
Мстислав..	25	24	3	2	—	—	41	37	2	2	15	12
Черепов.	15	15	2	2	—	—	16	14	5	5	1	1
Чаусов..	4	8	1	3	5	—	26	30	4	2	5	3
Невельск..	5	11	—	—	—	7	21	33	1	2	9	7
Велиж.	15	14	—	—	4	5	17	14	2	2	2	2

Въ Кіевской губерніи главное училище, открытое въ 1789 году при Академіи, сразу пріобрѣло значительное число учениковъ: въ первый годъ ихъ было 76 и въ слѣдующемъ 224. Но затѣмъ это число начинаетъ быстро убывать и въ 1795 году падаетъ до 57; черезъ годъ начинается повышеніе и въ 1802 году Кіевское училище имѣетъ 194 учащихся обоего пола (154+40) [2]). Послѣдняя изъ доставленныхъ въ комиссію вѣдомостей о сословномъ составѣ учащихся въ Кіевскомъ главномъ училищѣ относится къ 1801 году:

---

[1]) Ibid., №№ 31, 32, 33, 35.
[2]) Ibid., №№ 15, 17, 21, 65.

Дворян.		Церковн.		Приказн.		Купеч.		Мѣщан.		Солдат.		Крестьян.	
1 пол.	2 пол.	1 пол.	2 пол.	1 пол.	2 пол.	1 пол.	2 пол.	1 пол.	2 пол.	1 пол.	2 пол.	1 пол.	2 пол.
53	58	1	—	1	1	37	46	57	48	9	7	12	11

Малыя народныя училища по уставу 1706 года, кажется, совсѣмъ не открывались въ Кіевской губерніи. Показанныя въ вѣдомостяхъ за 1797—1799 годы малыя школы въ Каневѣ, Умани и Махновкѣ принадлежали къ числу монастырскихъ базиліанскихъ школъ, получавшихъ пособія отъ приказовъ общественнаго призрѣнія.

Такъ въ западныхъ губерніяхъ, отошедшихъ къ Россіи до реформъ эдукаціонной комиссіи, русскія народныя училища не получили широкаго распространенія. Къ общимъ причинамъ, тормозившимъ ихъ успѣхъ и дѣйствовавшимъ въ центральной Россіи, здѣсь, въ западномъ краѣ, присоединились и мѣстныя: конкурренція со стороны многочисленныхъ монашескихъ училищъ, нѣкоторая предубѣжденность инославнаго населенія, католическаго и уніатскаго, противъ новыхъ русскихъ училищъ. Съ другой стороны, введеніе новой системы образованія по уставу 1786 года не посягало на самостоятельность дѣйствовавшей здѣсь польско-католической системы образованія и не колебало авторитета духовныхъ корпорацій, державшихъ въ своихъ рукахъ учебное дѣло.

Принципіальный вопросъ о единствѣ учебной системы на западной окраинѣ возникъ уже послѣ окончательнаго раздѣла Польши, когда къ Россіи отошли области, въ которыхъ дѣйствовали, болѣе или менѣе полно, уставы эдукаціонной комиссіи.

Съ введеніемъ во вновь присоединенныхъ областяхъ русскаго управленія, и школы, состоявшія въ вѣдѣніи польской эдукаціонной комиссіи, были непосредственно подчинены мѣстнымъ властямъ, генералъ-губернаторамъ, военнымъ и гражданскимъ губернаторамъ, а также приказамъ общественнаго призрѣнія. Общее представленіе о наслѣдіи, оставленномъ эдукаціонной комиссіей въ новоприсоединенныхъ отъ Польши областяхъ, даютъ слѣдующія свѣдѣнія, относящіяся къ 1800—1801 году. Во всѣхъ четырехъ губерніяхъ (Литовской, Подольской, Волынской, Минской), кромѣ Виленскаго университета, на-

считывалось 45 училищъ съ пансіонами и конвиктами, профессоровъ и учителей 228, учениковъ 5.147. Изъ числа послѣднихъ 3.996 человѣкъ принадлежали къ дворянскому сословію и 1.151 были изъ духовныхъ, купцовъ, мѣщанъ и разночинцевъ. Первыми же инструкціями, обращавшими вниманіе мѣстныхъ властей на польскія училища, опредѣлилось безусловно отрицательное отношеніе правительства къ постановкѣ учебнаго дѣла подъ эгидою эдукаціонной комиссіи. Вотъ что читаемъ, между прочимъ, въ высочайшемъ указѣ 30-го сентября 1794 года на имя лифляндскаго, эстляндскаго и литовскаго генералъ-губернатора князя Репнина, о порядкѣ управленія великимъ княжествомъ литовскимъ: „воспитаніе юношества, по важности своей, да обратитъ на себя вниманіе нашихъ властей, дабы впредь основывалось оное на повиновеніи Божьему и гражданскому законамъ; и какъ извѣстно, что Виленская академія, а паче школы піаристовъ, неистовыми, богопротивными и для всего рода человѣческаго пагубными вліяніями литовское юношество заражали, то съ глубочайшею прозорливостью надлежитъ испытывать сіи вредныя училища и проистекающее отъ нихъ зло въ самомъ источникѣ изыскать и искоренить, къ чему всякія старанія и способы употреблять имѣете“ [1]).

Репнинъ не замедлилъ принять рядъ весьма рѣшительныхъ мѣръ по училищамъ Литовской и Гродненской губерніи: собственною властью произвелъ существенныя перемѣны въ учебномъ строѣ Виленскаго университета, составилъ для него новый штатъ и изъялъ изъ вѣдѣнія университета всѣ провинціальныя школы, подчиненныя ему по уставу эдукаціонной комиссіи; такъ какъ въ Литовской и Гродненской губерніяхъ не были учреждены приказы общественнаго призрѣнія, то для наблюденія за училищами кн. Репнинъ устроилъ особую комиссію. Наконецъ, въ 1797 году „по распоряженіямъ губернскаго начальства“ въ Литовской губерніи открыто было 12 новыхъ повѣтовыхъ школъ, въ составѣ 3 — 6 классовъ, на основаніяхъ, установленныхъ эдукаціонной комиссіей, и преподаваніе въ нихъ поручено разнымъ монашескимъ орденамъ: францисканамъ, доминиканамъ, винценціанамъ, базиліанамъ, бернардинамъ, кармелитамъ [2]).

Въ остальныхъ новоприсоединенныхъ губерніяхъ, Минской, Волынской и Подольской, существовавшія тамъ подъ вѣдѣніемъ эдукаціонной комиссіи училища перешли теперь въ вѣдѣніе мѣстныхъ прика-

[1]) Полн. Собр. Зак., № 17264, п. 11.

[2]) Ibid., ст. 221 и слѣд., 530 и слѣд.

зовъ общественнаго призрѣнія, между которыми распредѣлены были, по указу 1-го августа 1797 г., поіезуитскіе доходы, опредѣленные на содержаніе школъ. Приказы, естественно, не могли предпринять коренного измѣненія учебныхъ порядковъ, установленныхъ эдукаціонной комиссіей, и ограничились введеніемъ въ польскихъ училищахъ преподаванія русскаго языка, дотолѣ тамъ отсутствовавшаго. Эдукаціонная комиссія, установивъ въ своихъ школахъ, кромѣ латинскаго, преподаваніе одного иностраннаго сосѣдственнаго языка, рекомендовала нѣмецкій.

Петербургская комиссія объ учрежденіи народныхъ училищъ, съ конца 1780-хъ годовъ быстро терявшая свой авторитетъ, какъ „главнаго училищнаго правительства", занялась вопросомъ о народномъ образованіи въ новоприсоединенныхъ отъ Польши областяхъ лишь въ 1800 году, когда сенатъ потребовалъ отъ нея отчета о состоящихъ въ ея вѣдѣніи школахъ. До этого времени наша комиссія вовсе не была знакома ни съ уставами эдукаціонной комиссіи, ни съ изданными послѣднею учебными руководствами. Получивъ этотъ матеріалъ, комиссія въ ноябрѣ 1801 года высказала свое мнѣніе объ учебномъ строѣ, установленномъ эдукаціонной комиссіей, мнѣніе, которое можно разсматривать, какъ первый опытъ русской правительственной программы по вопросу о народномъ просвѣщеніи на западной окраинѣ.

Основною цѣлью правительства, по мнѣнію комиссіи, должно быть „приведеніе присоединенной Польши въ тѣсный союзъ съ Россіею", а лучшее средство къ достиженію этой цѣли—„заведеніе въ училищахъ нѣкоторыхъ классовъ на языкѣ россійскомъ" [1]. Комиссія ссылалась при этомъ на примѣръ Австріи, которая въ доставшихся на ея долю польскихъ провинціяхъ успѣла уже учредить нормальныя училища на языкѣ нѣмецкомъ; предполагалось, что и Пруссія приметъ подобныя же мѣры. Россія въ данномъ вопросѣ находилась въ болѣе выгодномъ положеніи, такъ какъ „ея языкъ съ польскимъ почти одинъ". Но къ введенію русскаго языка, преподаваемаго доселѣ лишь въ нѣкоторыхъ польскихъ училищахъ, и то безуспѣшно, слѣдовало приступить, по словамъ комиссіи, „съ великимъ благоразуміемъ и осторожностью: вѣра, характеръ и образъ мысли тамошняго края требовали того необходимо".

Противъ общей схемы училищъ, установленной эдукаціонной ко-

[1]) Вызвавъ директора училищъ Подольской губерніи Я. Машковскаго, комиссія требовала отъ него, между прочимъ, мнѣнія, какъ бы польскія училища „учредить сходственно россійскимъ сего рода заведеніямъ".

миссіей, наша комиссія не нашла принципіальныхъ возраженій. Она отмѣтила только, что предположенныя 22-й статьей устава эдукаціонной комиссіи низшія школы (такъ называемыя парафіальныя) нигдѣ не были учреждены, и такимъ образомъ, система польскихъ училищъ лишена была необходимаго базиса: всѣ эти училища принадлежали къ типу среднихъ, начальное же образованіе поддерживалось домашними средствами.

Но самый острый вопросъ возникъ при разсмотрѣніи учебной литературы, по которой велось преподаваніе въ польскихъ училищахъ. Обративъ особенное вниманіе на книги историческія и „толкующія о правахъ", наша комиссія нашла, что онѣ весьма вредны и мѣстами заключаютъ правила, „монархическому образу правленія совсѣмъ противныя". Такими вредными книгами были признаны нѣкоторые учебники по исторіи, руководство къ краснорѣчію и сочиненіе ректора Виленскаго университета Стройновскаго „О наукѣ правъ"; въ этомъ трудѣ комиссія признала недопустимымъ тезисъ, что законодательная власть „есть въ народѣ, отъ народа и для народа". Свое мнѣніе о вредныхъ учебныхъ книгахъ комиссія высказала въ формѣ обстоятельнаго опроверженія по существу инкриминируемыхъ мѣстъ. Наконецъ въ книгахъ по математикѣ и физикѣ ничего предосудительнаго найдено не было.

Какъ и слѣдовало ожидать, наша комиссія не нашла основаній для коренной ломки учебной системы, установленной эдукаціонной комиссіей: обѣ системы, и польская и русская, выросли на почвѣ одного педагогическаго движенія и питались во многихъ отношеніяхъ нѣкоторыми общими корнями. Но по условіямъ своего возникновенія и осуществленія польская учебная реформа эпохи раздѣловъ приняла довольно яркую національно-политическую окраску, и съ этой стороны она не могла не потерпѣть измѣненія подъ русскимъ владычествомъ. На такую точку зрѣнія и стала наша комиссія, намѣчая средства „для проведенія присоединенной Польши въ тѣсный союзъ съ Россіею". На первое мѣсто комиссія поставила заведеніе при каждомъ польскомъ училищѣ первыхъ двухъ низшихъ классовъ „по образцу классовъ училищъ россійскихъ для обученія юношества чтенію и письму", съ тѣмъ, чтобы изданныя для этихъ классовъ книги были переведены на польскій языкъ и изданы одновременно на обоихъ языкахъ; изъ курса старшихъ классовъ исключались лекціи „о правахъ политическомъ и экономическомъ", а для „права природы" (jus naturae) и логики вводились новыя книги—Ахенваля и Эрнеста; всѣ признанныя

вредными историческія и географическія книги замѣнялись изданными русскою комиссіею руководствами, съ переводомъ ихъ на польскій языкъ; приготовленіе учителей, знающихъ русскій языкъ, возложено на обязанность петербургской учительской семинаріи, въ которую изъ каждой губерніи „новопріобрѣтенной Польши“ вызывается опредѣленное число кандидатовъ; наконецъ, въ хозяйственно-административномъ отношеніи польскія училища подчинялись общему порядку устава 1786 года и высшее управленіе ими сосредоточивалось въ комиссіи о народныхъ училищахъ. Этотъ проектъ измѣненій въ системѣ эдукаціонной комиссіи представленъ былъ 6-го декабря 1801 года государю, но съ учрежденіемъ въ слѣдующемъ году министерства народнаго просвѣщенія это дѣло получило совсѣмъ другой оборотъ [1]).

Остается упомянуть еще о попыткѣ распространить новую учебную систему на юго-восточныя инородческія области. 12-го ноября 1786 года было дано высочайшее повелѣніе барону Игельстрому, намѣстнику симбирскому и уфимскому, о заведеніи въ киргизъ-кайсацкой ордѣ школъ по нормальнымъ правиламъ и о порученіи перевода нормальныхъ учебныхъ руководствъ мулламъ, переводившимъ учрежденіе о губерніяхъ, „съ тѣмъ, чтобы учебныя книги печатались на киргизскомъ языкѣ вмѣстѣ съ россійскимъ“. Извѣщая объ этомъ повелѣніи П. В. Завадовскаго, баронъ Игельстромъ указывалъ, что при переводѣ законодательныхъ актовъ о губернскихъ учрежденіяхъ допущены арабскія и персидскія выраженія, непонятныя киргизскому народу, и высказалъ предположеніе, что для преподаванія въ киргизскихъ школахъ должны быть привлечены муллы, получившіе подготовку въ казанскомъ нормальномъ училищѣ. Завадовскій въ своемъ отвѣтѣ ограничился совѣтомъ начать дѣло съ перевода устава училищъ и руководства учителямъ младшихъ классовъ, книгъ, особенно необходимыхъ для малыхъ училищъ, открытіемъ которыхъ прежде всего и надлежало озаботиться. Какой успѣхъ имѣло это предпріятіе, изъ дѣлъ комиссіи не видно. По словамъ біографа генерала Игельстрома, заведеніе имъ въ киргизской ордѣ русскихъ школъ оказалось мѣрою не особенно удачною, „потому что для преподаванія приходилось пользоваться услугами казанскихъ муллъ, ибо между киргизами способныхъ къ этому людей не было, а казанскіе муллы всегда, и прежде, какъ и теперь, отличались наибольшимъ мусульманскимъ фанатизмомъ; имъ удалось въ извѣстной степени развить та-

---

[1]) Ibid., №№ 43, 51, 53.

кой же фанатизмъ и среди киргизовъ, которые раньше далеко не были религіозными фанатиками" [1]).

Итакъ, въ распространеніи нормальной системы образованія на окраины можно наблюдать первый опытъ широкой постановки столь сложнаго и труднаго впослѣдствіи вопроса о примѣненіи общегосударственной учебной системы на окраинахъ съ иноплеменнымъ населеніемъ и культурой. Такъ какъ основнымъ стимуломъ правительственной политики въ данномъ случаѣ являлось убѣжденіе въ абсолютной педагогической цѣнности новой учебной системы, то при распространеніи ея на иноплеменныя окраины на первый планъ выдвигались интересы чисто педагогическіе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ мѣропріятіяхъ, направленныхъ къ этой цѣли, мы замѣчаемъ и мотивъ національно-политическій: „нормальная" школа съ ея главнымъ предметомъ преподаванія, русскимъ языкомъ, призывается стать орудіемъ сплоченія иноплеменныхъ окраинъ съ коренной Россіей.

II.

29-го января 1786 года комиссіи П. В. Завадовскаго данъ былъ именной указъ о составленіи плана университетовъ и гимназій. Комиссія заслушала этотъ указъ въ засѣданіи 10-го февраля и опредѣлила: „Комиссія, видѣвъ при семъ доставленное ей сочиненіе объ учрежденіи ученія въ австрійскихъ и венгерскихъ областяхъ, которое прежде при комиссіи было переведено, препоручила ихъ предварительно на разсмотрѣніе члену своему Ѳ. И. Крейдеману и по немъ коллежскимъ совѣтникамъ Козадавлеву и Янковичу и надворному совѣтнику Коху съ тѣмъ, дабы каждый изъ помянутыхъ господъ для послѣдовательнаго о томъ въ комиссіи разсужденія представилъ свои замѣчанія, поколику правила, въ томъ сочиненіи начертанныя, могутъ или не могутъ быть приняты во основаніе проектируемыхъ здѣсь въ государствѣ училищъ вышшаго рода". Далѣе въ журналѣ отмѣчено, что Завадовскій предложилъ принять во вниманіе при составленіи плана университетовъ новый, выработанный особою комиссіею, проектъ устава Московскаго университета.

Этотъ журналъ засѣданія комиссіи 10-го февраля возбуждаетъ весьма существенныя недоумѣнія. По прямому его смыслу онъ содержитъ опредѣленіе о составленіи плана университетовъ и гимназій, во

---

[1]) Арх. мин. нар. пр., к. 1263, д. 38449. Рус. біогр. слов. Ибакъ-Ключаревъ. Стр. 43.

исполненіе указа отъ 29-го января. Но въ журналѣ одного изъ послѣдующихъ засѣданій, именно 21-го марта, сказано, что въ этотъ день комиссія слушала проектъ устава народныхъ училищъ, составленный Янковичемъ „по опредѣленію Комиссіи отъ 10-го числа прошедшаго мѣсяца". Значитъ, 10-го февраля 1786 года комиссія приступила къ двумъ параллельнымъ работамъ: составленію устава народныхъ училищъ, утвержденнаго 5-го августа того же года, и плана университетовъ, представленнаго императрицѣ при докладѣ комиссіи отъ 13-го марта слѣдующаго 1787 года, но утвержденія не получившаго. Что можно сказать о ходѣ работы надъ этимъ планомъ и объ его источникахъ?

Академикъ М. И. Сухомлиновъ, напечатавшій планъ университетовъ 1787 года въ VI томѣ Исторіи Россійской Академіи, называетъ авторомъ этого плана сотрудника комиссіи О. П. Козодавлева. Свое мнѣніе Сухомлиновъ основываетъ на двухъ фактахъ: во-первыхъ, на заявленіи самого Козодавлева, что по порученію комиссіи о народныхъ училищахъ „имъ сочиненъ пространный планъ учрежденію въ Россіи университетовъ", и, во-вторыхъ, на совпаденіи одного мѣста въ статьѣ Козодавлева о народномъ просвѣщеніи въ Европѣ, помѣщенной въ Растущемъ Виноградѣ, съ текстомъ плана. Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію дѣятельное участіе Козодавлева въ составленіи плана университетовъ 1787 года, но, какъ сейчасъ увидимъ, главный интересъ вопроса о происхожденіи этого плана заключается не въ авторствѣ Козодавлева, а въ томъ источникѣ, который легъ въ основаніе плана.

Какъ видно изъ журнала засѣданія 10-го февраля 1786 года, Козодавлеву поручено было, совмѣстно съ Крейдеманомъ, Янковичемъ и Кохомъ, разсмотрѣть „сочиненіе объ учрежденіи ученія въ австрійскихъ и венгерскихъ областяхъ, которое прежде при комиссіи было переведено", и рѣшить, можетъ ли это сочиненіе лечь въ основаніе проектируемаго плана русскихъ „училищъ вышшаго рода". Далѣе, въ журналѣ засѣданія 21-го марта сказано, что комиссія обсуждала замѣчанія Козодавлева „на уставъ австрійскихъ вышнихъ училищъ, въ руководство пріемлемый основанію здѣшнихъ". Наконецъ, въ докладѣ при поднесеніи плана университетовъ на утвержденіе императрицѣ комиссія упомянула, что, „сочиняя планъ университетовъ, она обращала все свое вниманіе на изслѣдованіе университетскаго ученія въ земляхъ его величества императора римскаго и другихъ государствъ".

---

[1]) Исторія Рос. Академіи, вып. 6, стр. 53—55.

Изъ этихъ показаній ясно, что основнымъ источникомъ плана 1787 года былъ какой-то австрійскій планъ высшаго образованія подобно тому, какъ австрійскій уставъ 1774 года послужилъ образцомъ для нашего устава 1786 года. Но что же представлялъ собою австрійскій планъ „вышнихъ училищъ"? Въ особомъ архивномъ дѣлѣ, въ которомъ собраны бумаги, относящіяся къ составленію плана университетовъ 1787 года, вслѣдъ за приведенной выше выпиской изъ журнала засѣданія 10-го февраля 1786 года, находимъ рукописный русскій переводъ „Собранія уставовъ и инструкцій, въ печать изданныхъ къ распространенію исправленной методы, которая наблюдается въ нѣмецкихъ или простыхъ школахъ нижне-австрійскихъ городовъ, мѣстечекъ и селъ" [1]. Если это „Собраніе" и есть то „сочиненіе объ учрежденіи ученья въ австрійскихъ и венгерскихъ областяхъ", о которомъ говоритъ журналъ 10-го февраля, то оно, очевидно, могло служить источникомъ для сотавленія устава народныхъ училищъ, а не плана университетовъ и гимназій. Въ журналѣ 10-го февраля не различены источники, взятые комиссіей для исполненія обѣихъ этихъ работъ, какъ не различены и сами работы по составленію устава народныхъ училищъ и плана университетовъ.

Не даютъ представленія объ австрійскомъ планѣ вышнихъ училищъ и журналы послѣдующихъ засѣданій комиссіи, въ которыхъ упоминается о ходѣ работы по составленію университетскаго плана. Не разъясняетъ вопроса объ австрійскомъ источникѣ этого плана и сохранившаяся въ томъ же архивномъ дѣлѣ записка Ѳ. И. Крейдемана подъ заглавіемъ: „Способность и неспособность австрійскаго плана о гимназіяхъ и университетахъ въ разсужденіи Россійской Имперіи". Въ этой запискѣ Крейдеманъ, между прочимъ, говоритъ: „старался я сократить назначенное въ Вѣнскомъ планѣ къ окончанію наукъ время. *Достойный онаго сочинитель, коего я персонально знаю, кажется, даетъ воономъ любимымъ своимъ наукамъ нѣкоторое преимущество*: напримѣръ, метафизика, окончаемая въ другихъ иностранныхъ университетахъ въ полгода, отнимаетъ у него несравненно больше времени, будучи по своимъ различнымъ частямъ: онтологіи, космологіи, психологіи и натуральной технологіи почти только въ особыхъ преподаваніяхъ предлагаема".

Кто былъ сочинитель „вѣнскаго" плана и что представлялъ собою этотъ трудъ, разъясняется вышедшей въ 1880 году книгѣ австрій-

---

[1]) Арх. мин. нар. пр., к. 1281, д. 38515.

скаго ученаго Вольфа: Das Unterrichtswesen in Oesterreich unter Kaiser Josef II, nach einer Darstellung von Jos. von Sonnenfels (Wien 1880). Изъ этой книги мы узнаемъ слѣдующее. Въ 1785 году Императрица Екатерина поручила своему посланнику въ Вѣнѣ князю Голицыну добыть планъ австрійской учебной системы (den oesterreichischen Studienplan). Черезъ посредство государственнаго канцлера князя Кауница поручено было извѣстному государствовѣду Іосифу Зонненфельсу изложить желаемый русскою императрицею планъ. Зонненфельсъ исполнилъ этотъ трудъ и послѣдній 7-го февраля 1786 года былъ доставленъ въ geheime Haus- Hof-und Staats- Kanzlei (впослѣдствіи министерства иностранныхъ дѣлъ и императорскаго двора). Подробности дальнѣйшей исторіи этого труда остаются неизвѣстны. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что онъ дошелъ до нашей комиссіи и былъ использованъ ею при составленіи плана университетовъ. Но въ дѣлахъ комиссіи онъ не сохранился; по крайней мѣрѣ, наши поиски за нимъ остались безплодны, и остается разсчитывать лишь на счастливую находку.

Содержаніе труда Зонненфельса, собственноручно имъ написаннаго на 152 листахъ и хранящагося нынѣ въ вѣнскомъ архивѣ министерства культа и народнаго образованія, изложено въ помянутой книгѣ Вольфа. Къ сожалѣнію, здѣсь дается лишь общій обзоръ работы Зонненфельса и только въ немногихъ случаяхъ цитируется дословно ея текстъ. Тѣмъ не менѣе, въ ожиданіи, когда столь интересный для насъ трудъ знаменитаго юриста станетъ доступенъ намъ въ подлинномъ и полномъ текстѣ, можно съ опредѣленностью установить его значеніе, какъ источника нашего плана университетовъ 1787 года. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ этотъ планъ дословно сходенъ съ трудомъ Зонненфельса. Вотъ, напримѣръ, нѣсколько выдержекъ изъ основного разсужденія о значеніи воспитанія народнаго":

Основаніемъ сего плана есть то правило, что науки суть часть существенная воспитанія народнаго. И въ семъ то видѣ какъ онѣ, такъ и все, къ нимъ относящееся, для государства весьма важно.	Die Grundlage dieses Planes, der im Laufe der Zeit Ausbildung und Erweiterung erhielt, war: die Wissenschaften sind ein wesentlicher Theil der Nationalerziehung und daher sind sie selbst und alles was darauf Beziehung hat, für den Staat und die öffentliche Verwaltung von der grössten Wichtigkeit.

Образованіе гражданина предполагаетъ образованіе человѣка. Человѣка въ собственномъ смыслѣ образуетъ нравоучитель.

Вотъ великолѣпнѣйшая, но притомъ и нелицемѣрнѣйшая похвала наукамъ, что онѣ умножаютъ приверженность ко всеобщему порядку и повиновеніе къ законамъ, дѣлая внѣшнее принужденіе чрезъ внутреннее убѣжденіе ненужнымъ и приводя законодательство въ состояніе уменьшить свою строгость.

Die Bildung zum Bürger setzt jedoch die Bildung zum Menschen voraus. Diesen bildet der Moralist.

Das ist der prächtigste, zugleich aber der ungeheucheltste Lobspruch der Wissenschaften, dass sie die Anhänglichkeit für die allgemeine Ordnung, die Folgsamkeit für die Gesetze vermehren, dass sie durch innere Ueberzeugung den äussern Zwang entbehrlich und der Gesetzgebung in Strafen weniger streng zu sein möglich machen.

Уже изъ этихъ параллельныхъ цитатъ видно, что планъ университетовъ 1787 г. близко, иногда дословно воспроизводилъ записку Зонненфельса. Какъ далеко простирались эти дословныя заимствованія, нельзя, конечно, установить, пока не изданъ подлинный текстъ Зонненфельса. Но, сравнивая далѣе по существу содержаніе нашего плана съ запиской Зонненфельса, находимъ весьма близкое, иногда дословное совпаденіе между ними по вопросамъ: о схемѣ школъ низшихъ, среднихъ и высшихъ, о факультетской организаціи и объ учебныхъ планахъ факультетовъ философскаго, медицинскаго и юридическаго, наконецъ, объ университетской администраціи. Такимъ образомъ ясно, что нашъ планъ университетовъ 1787 года явился болѣе или менѣе полнымъ воспроизведеніемъ австрійскаго образца и совсѣмъ не былъ такой самостоятельной работой, какъ уставъ народныхъ училищъ 1786 года.

Утвержденія планъ университетовъ 1787 года не получилъ и практической роли сыграть не могъ. Тѣмъ не менѣе онъ заслуживаетъ особаго вниманія, какъ показатель того пути, какой намѣчался для дальнѣйшаго движенія учебной реформы, начатой учрежденіемъ народныхъ училищъ. Я уже имѣлъ случай отмѣтить центральное значеніе плана 1787 года въ развитіи проблемы народнаго просвѣщенія, какъ звена, соединяющаго екатерининскія учебныя реформы съ александровскими [1]). Въ настоящей статьѣ я желалъ бы привести нѣсколько дополнительныхъ фактовъ и соображеній, полнѣе освѣщаю-

[1]) Универс. вопросъ въ царствованіе Екатерины II, Вѣстн. Европы, 1907 г., іюль.

щихъ заключительную постановку проблемы „всеобщаго просвѣщенія“ въ вѣкъ Екатерины II.

Есть основаніе думать, что уже при первомъ рѣшеніи заимствовать изъ Австріи нормальную учебную систему, Екатерина II смотрѣла на учрежденіе народныхъ училищъ, какъ на базисъ для возведенія цѣльнаго, законченнаго зданія народнаго просвѣщенія. Такъ мы видѣли, что въ черновыхъ запискахъ, предшествовавшихъ образованію комиссіи П. В. Завадовскаго, она называла главныя училища *средними,* изъ чего можно заключить, что предвидѣлось завершеніе всей системы народныхъ училищъ высшими. Но задача образованной вслѣдъ затѣмъ комиссіи Завадовскаго ограничена была выработкой плана собственно народнаго образованія въ тѣсномъ смыслѣ, и коммиссія въ первые годы своей дѣятельности и не пошла дальше установленія такихъ типовъ школы, которые представляли законченный кругъ реальнаго образованія для городского населенія. Учрежденіе народныхъ училищъ въ этихъ рамкахъ являлось, такимъ образомъ, цѣльнымъ, самодовлѣющимъ, если такъ можно выразиться, просвѣтительнымъ предпріятіемъ.

Указъ 29-го января 1787 года о составленіи плана университетовъ и гимназій долженъ былъ, казалось бы, коренным образомъ измѣнить постановку всего дѣла; можно было ожидать, что комиссія сольетъ въ одну органически цѣльную работу составленіе и устава народныхъ училищъ и плана гимназій и университетовъ. Коммиссія поступила, однако, иначе и съ 10-го февраля повела обѣ работы отдѣльно одну отъ другой. Уставъ народныхъ училищъ 6-го августа 1786 года явился совершенно самостоятельнымъ законодательнымъ актомъ, не предусматривавшимъ появленія плана гимназій и университетовъ, если не считать упоминанія въ § 11 о латинскомъ языкѣ для желающихъ ученіе свое продолжать въ высшихъ училищахъ, какъ то: гимназіяхъ или университетахъ. Главныя народныя училища опредѣлились, какъ школы съ законченнымъ кругомъ реальнаго образованія для городского населенія; положеніе же ихъ, какъ переходной ступени къ высшему образованію, осталось невыясненнымъ.

Планъ 1787 года ставилъ высшее, университетское образованіе уже въ перспективѣ „всеобщаго просвѣщенія“. Въ предисловіи, озаглавленномъ „Предварительное разсужденіе о народномъ въ Россіи просвѣщеніи“, обстоятельно доказывалось, что всѣ попытки насадить въ Россіи высшія школы принесли мало пользы и „просвѣщеніе въ народѣ по сіе время отъ сихъ заведеній не весьма распространилось“.

Причиною тому, по взгляду комиссіи, былъ не только „недостатокъ въ побужденіяхъ къ ученію", но также отсутствіе народныхъ школъ, „яко перваго средства ко всеобщему просвѣщенію, ибо по расположенію самой природы начальное ученіе долженствуетъ всегда предшествовать ученію высшихъ наукъ". „Высшія училища какъ бы хорошо устроены ни были, но если нѣтъ въ томъ же государствѣ достаточнаго числа нижнихъ школъ, въ коихъ бы юношество пріобрѣтало первоначальныя въ наукахъ знанія, то науки неминуемо останутся токмо въ университетахъ и академіяхъ, а народъ пребудетъ въ невѣжествѣ". Только теперь, заключала комиссія, когда Россія покрыта сѣтью народныхъ училищъ, учрежденныхъ въ 26 губерніяхъ, явилась возможность широко и прочно поставить высшее образованіе, завести университеты.

Въ тотъ моментъ, когда комиссія такъ убѣдительно разсуждала о необходимой связи между обоими просвѣтительными предпріятіями—учрежденіемъ народныхъ училищъ и планомъ университетовъ, она не имѣла еще возможности освѣтить этотъ вопросъ съ другой стороны. Какъ очень скоро обнаружила ревизія Козодавлева, необходимость созданія цѣльной системы просвѣщенія вызывалась не только интересами университетскаго образованія, которое надо было поставить на прочный базисъ низшаго и средняго образованія, но съ другой стороны, интересами самихъ народныхъ училищъ. Шаткость и неопредѣленность положенія послѣднихъ—справедливо указывалъ Козодавлевъ—обусловливалась неопредѣленностью назначенія главныхъ народныхъ училищъ, какъ *среднихъ* школъ. Укрѣпить съ этой точки зрѣнія народныя училища, очевидно, нельзя было внѣ связи ихъ съ высшими школами, университетами.

Схема всеобщаго просвѣщенія, въ рамкахъ которой разрѣшался, по плану 1787 года, университетскій вопросъ, не оригинальна. Это уже извѣстная намъ австрійская схема, притомъ почти дословно заимствованная изъ записки Зонненфельса, какъ явствуетъ изъ слѣдующей цитаты:

Но различность званій, на кои граждане сіи по будущему своему назначенію раздѣляются, раздѣляетъ также и установленія учебныя—на школы народныя и училища для высшихъ степеней.	Da die Bestimmung der Bürger verschieden ist, so gibt es Volks- und höhere Schulen.

Школы народныя опредѣлены для образованія земледѣльца, ремесленника, нѣкоторыхъ художниковъ и имъ подобныхъ. Онѣ заключаютъ въ себѣ *сельскія* или *земскія* школы, то есть, что деревнямъ; *городскія* школы или *уѣздныя* и *главныя* или губернскія, что въ главномъ городѣ губерній, гдѣ образуются также учители для школъ первыхъ двухъ родовъ.

Die Volksschulen sind für die Bildung des Landvolkes, für die Handwerker, für eine gewisse Gattung von Künstlern, für Soldatenkinder und gibt es Land-oder Trivialschulen, Haupt-und Normalschulen. An diesen werden die Lehrer für jene Schulen gebildet.

Дѣти, кои, выходя изъ главныя школы, имѣютъ еще по состоянію и виду своему принять дальнѣйшее въ наукахъ наставленіе, вступаютъ въ училища высшихъ степеней, гдѣ будущіе государственные чины пріуготовляются по всѣмъ степенямъ. Училища высшихъ степеней суть гимназіи и университеты.

Aus den Hauptschulen können dann die Knaben in die höheren Schulen, Gymnasien und Universitäten eintreten, wo sie zu weltlichem, Kirchen-und Staatsbeamten herangebildet werden.

Итакъ, найти схему „всеобщаго просвѣщенія“, вѣнчаемую университетами, не представило трудности. Она была взята изъ того же источника, откуда вышла вся учебная реформа 1780-хъ годовъ. Трудность заключалась въ практической сторонѣ дѣла, въ опредѣленіи того звена, въ которомъ должны были спаяться въ одно цѣлое уставъ народныхъ училищъ и планъ университетовъ.

Уставъ не опредѣлилъ точно положенія главнаго народнаго училища, какъ средней школы; планъ оставилъ открытымъ вопросъ о соотношеніи главнаго училища и гимназіи, какъ смежныхъ типовъ средней школы. Изъ приведенной выше цитаты можно было бы заключить, что, слѣдуя австрійской схемѣ, главное училище и гимназія являются послѣдовательными ступенями, что гимназія есть необходимое связующее звено между народными училищами и университетами [1]). Но за-

[1]) Такъ именно изображено было это дѣло въ запискѣ Зоннепфельса, мнѣніе котораго въ данномъ случаѣ мы можемъ привести въ подлинныхъ выраженіяхъ: „die Gymnasien sind Lehranstalten, wo die Elementarlehre der Volksschulen mit demjenigen, was die Fortschreitung zu höheren Wissenschaften und Berufskenntnissen fordert, vermehrt werden soll“.

тѣмъ мы узнаемъ, что гимназія есть совершенно лишнее звено и что университетъ связывается непосредственно съ главнымъ народнымъ училищемъ. Такъ въ 4-ой главѣ — о студентахъ вообще — первымъ условіемъ для вступленія въ университетъ поставляется пріобрѣтеніе свидѣтельства отъ котораго нибудь главнаго народнаго училища „о знаніяхъ необходимо-нужныхъ“ [1]). Для чего же въ такомъ случаѣ нужна была гимназія? Или ее слѣдовало вовсе исключить изъ схемы „всеобщаго просвѣщенія“, и тогда всѣ права средней школы пріобрѣтало главное народное училище, или послѣднее не просто вытѣсняло гимназію, не претерпѣвая само никакихъ измѣненій, но преобразовывалось въ гимназію.

Изъ плана мы не узнаемъ, находила ли комиссія нужнымъ какія либо измѣненія въ главныхъ народныхъ училищахъ для успѣшнаго выполненія ими роли среднихъ школъ. Когда затѣмъ возникъ на практикѣ вопросъ о соотношеніи главнаго училища и гимназіи, то комиссія съ полною опредѣленностью высказалась въ томъ смыслѣ, что главное училище съ успѣхомъ можетъ замѣнить гимназію и даже имѣетъ передъ послѣднею нѣкоторое преимущество [2]). Но въ средѣ комиссіи сознавалась возможность и другого рѣшенія вопроса. Такъ Ѳ. И. Крейдеманъ въ своей запискѣ „Способность и неспособность австрійскаго плана о гимназіяхъ и университетахъ въ разсужденіи Россійской Имперіи“ предлагалъ преобразовать главныя училища въ гимназіи. Такъ какъ курсъ русскихъ училищъ онъ находилъ болѣе высокимъ, чѣмъ курсъ австрійскихъ, то, по его мнѣнію, для преобразованія ихъ въ гимназіи достаточно было прибавить къ четыремъ классамъ пятый, а въ курсъ ввести новые предметы: логику, римскія древности, миѳологію, стихотворство. Неизвѣстно, обсуждалось ли комиссіей это предложеніе Крейдемана. Во всякомъ случаѣ, оно не имѣло успѣха, какъ видно уже изъ того, что было сказано выше о взглядѣ комиссіи на соотношеніе главнаго училища и гимназіи. Въ концѣ концовъ, этотъ вопросъ остался принципіально неразрѣшеннымъ. Въ 1795 году П. В. Завадовскій въ письмѣ къ князю Н. В. Репнину такъ опредѣлялъ назначеніе народныхъ училищъ: „народныя училища по самому своему названію суть такія мѣста, которыя назначены для образованія юношества всякаго состоянія и заключаютъ, слѣдовательно,

---

[1]) *Сухамлиновъ*, Ист. Рос. Акад., вып. 6, стр. 69.

[2]) Университ. вопросъ въ царствованіе Екатерины II, Вѣстн. Европы, 1907 г., іюль.

самое токмо нужнѣйшее для будущаго гражданина, такъ что и самыя науки, по главнымъ народнымъ училищамъ положенныя, состоя большею частью изъ однихъ первоначальныхъ понятій, служить собственно должны преддверіемъ для желающихъ или нужду имѣющихъ обучаться онымъ въ вышнихъ училищахъ, каковы суть гимназіи, академіи или университеты". Окончательно же вопросъ о средней школѣ, поставленный планомъ 1787 года, былъ рѣшенъ уже въ слѣдующую эпоху реформою 1803—1804 годовъ, когда главныя народныя училища были преобразованы въ гимназіи, а послѣднія въ общей системѣ народнаго просвѣщенія заняли мѣсто философскихъ факультетовъ.

На вопросѣ о происхожденіи схемы „всеобщаго просвѣщенія", изложенной въ планѣ университетовъ и гимназій 1787 года, я заканчиваю настоящую статью, цѣль которой—прослѣдить эволюцію крупнѣйшей и наиболѣе успѣшной учебной реформы XVIII вѣка. Возникнувъ на почвѣ широкихъ плановъ 1760—1770-хъ годовъ, обнимавшихъ цѣльную систему народнаго просвѣщенія, отъ элементарной школы до университета, имѣя своимъ непосредственнымъ источникомъ австрійскую реформу народнаго образованія той же эпохи, наша реформа, учрежденіе народныхъ училищъ, введена была сначала въ довольно узкія рамки. Соціальная сфера распространенія народнаго образованія по уставу 1786 года оказалась ограниченной предѣлами только городского населенія, и курсъ народныхъ училищъ по своему содержанію не выходилъ за предѣлы низшаго и средняго реальнаго образованія, разсчитаннаго опять-таки на практическія потребности городского населенія. Но уже взглядъ на новую учебную систему, какъ на образцовую по всѣмъ ея методамъ и средствамъ, заставлялъ раздвинуть предѣлы ея распространенія за узкія рамки устава о народныхъ училищахъ и поставить послѣднія въ связь съ разными типами общеобразовательныхъ и профессіональныхъ школъ. Наконецъ, указъ 29-го января 1787 года о составленіи плана гимназій и университетовъ выдвинулъ послѣдній вопросъ—о цѣльной системѣ просвѣщенія, вѣнчаемой университетами. Представленная планомъ 1787 года схема „всеобщаго просвѣщенія" этого вопроса не разрѣшала, и казалось, что она возвращала всю проблему о системѣ народнаго просвѣщенія къ тому положенію, въ какомъ ее оставили проекты 1760—1770-хъ годовъ. Но въ дѣйствительности развитіе реформы, начатой въ 1782 году, привело къ крупному положительному результату: комиссія о народныхъ училищахъ, какъ первый самостоятельный органъ высшей учебной администраціи, сѣть малыхъ и главныхъ училищъ,

какъ базисъ для построенія средняго и высшаго образованія, наконецъ, кадръ спеціально подготовленныхъ учителей,—все это въ совокупности создавало прочную почву для новой и болѣе успѣшной реформы начала слѣдующаго столѣтія.

С. Рождественскій.

ОТЗЫВЫ О КНИГАХ *).

М. Б. Въ свѣтѣ правды. 1908.

Это брошюра еврейскаго консерватора, обращенная главнымъ образомъ къ еврейской революціонной молодежи и стремящаяся доказать, что разрывъ съ древними традиціями еврейства ведетъ за собою прежде всего гибель самого еврейства и никому не можетъ принести пользы.

Авторъ указываетъ на то, что въ еврействѣ нѣтъ строго разграниченныхъ классовъ, а потому среди нихъ безсмысленна классовая борьба; что соціализмъ принимаетъ евреевъ въ свою среду лишь подъ условіемъ ихъ отреченія отъ спеціально еврейскихъ интересовъ въ пользу интересовъ общаго пролетаріата; что угнетенное положеніе евреевъ въ странѣ обусловлено недоброжелательнымъ отношеніемъ къ нимъ коренного русскаго населенія и что это недоброжелательство можетъ быть сломлено не революціоннымъ путемъ, а путемъ нравственнаго и умственнаго развитія русскаго народа и что именно въ этомъ развитіи прямо заинтересовано еврейство.

Наконецъ, какъ истинный консерваторъ въ хорошемъ смыслѣ этого слова, авторъ оскорбленъ и негодуетъ на то, что дѣти подымаютъ руку на многовѣковую религію отцовъ и готовы порвать съ прошлымъ своего народа.

Мы можемъ смотрѣть на разсужденія г. М. Б. только со стороны,

*) Отзывы, отмѣченные звѣздочкою, составлены для ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія какъ по основному его отдѣлу, такъ и по отдѣлу начальнаго образованія, а также и по отдѣлу техническихъ и промышленныхъ училищъ.

такъ какъ иноплеменникъ, какимъ является русскій по отношенію къ еврею, не можетъ быть хорошимъ судьею въ дорогомъ ему національномъ вопросѣ. Мы неспособны въ полной мѣрѣ оцѣнить нравственныя достоинства національнаго еврейскаго характера, и мы, можетъ быть, способны преувеличить его недостатки. И это не потому, чтобы русскій былъ нетерпимъ къ религіи еврея, какъ это полагаетъ г. М. Б. Кому приходилось жить въ пресловутой чертѣ осѣдлости, а особенно въ деревняхъ, тотъ знаетъ, что религіозная нетерпимость чужда русскому народу. Скорѣе причина непріязни лежитъ въ томъ, что какъ достоинства, такъ и недостатки обѣихъ націй настолько противоположны, что почти несовмѣстимы. Потому-то такъ и сильна вражда, что она инстинктивна, а не навѣяна извнѣ и потому-то такъ труденъ и мучителенъ еврейскій вопросъ для всякаго русскаго націоналиста, который хотѣлъ бы снять даже тѣнь укора въ несправедливости съ совѣсти своего народа, но въ то же время всегда готовъ отдать ему предпочтеніе при столкновеніи интересовъ.

Оцѣнить національный характеръ еврейства намъ трудно; но есть одна черта въ немъ, которая достойна восторженнаго поклоненія: это вѣковая національная стойкость и вѣрность своему прошлому и своей культурѣ. И, конечно, г. М. Б. глубоко правъ, негодуя на свою молодежь, оскорбляющую древнюю святыню и для которой священная Тора перестала быть священной. Мы всѣ только до тѣхъ поръ и даровиты и сильны, пока черпаемъ вдохновенія въ прошломъ своего народа, но эти доводы не убѣдительны для соціалиста. Что за дѣло ему, если не будетъ ни русскаго, ни еврея, если завѣтныя думы тѣхъ, кто отошелъ къ предкамъ, не будутъ благоговѣйно передаваться изъ рода въ родъ, если, однимъ словомъ, не будетъ культуры, растущей изъ глубины вѣковъ? Для него вѣдь нѣтъ вѣковыхъ традицій и напоминать ему о нихъ значитъ говорить глухому.

Но пока еврейство сохраняется какъ національность, его союзъ съ русскимъ, да и со всякимъ другимъ народомъ, среди котораго оно живетъ, будетъ всегда только внѣшнимъ, основаннымъ на договорѣ, лишеннымъ взаимнаго довѣрія.—Вѣдь государство не есть союзъ людей, живущихъ по сосѣдству; въ немъ выражается нашъ духъ, наше творчество, наша культура, и еврейскій націоналистъ долженъ былъ бы понимать, что не одна только несправедливость заставляетъ русскихъ дорожить своимъ исключительнымъ вліяніемъ въ своемъ государствѣ.

Въ брошюрѣ г. М. Б. много правды, и намъ понятно, что онъ до-

рожитъ своимъ прошлымъ; но онъ недостаточно оцѣнилъ роковое противорѣчіе, въ которое поставлены мы, живущіе подъ кровомъ одного отечества: или нужно обѣимъ сторонамъ отказаться отъ національной культуры и перейти къ космополитизму, или наши національные интересы будутъ неизбѣжно приходить въ столкновеніе. Какъ разрѣшить эту задачу? Надъ этимъ стоило бы подумать, такъ какъ ее нельзя разрѣшить посредствомъ тѣхъ ужъ очень простыхъ рецептовъ, какіе предлагаются со всѣхъ сторонъ.

К. М.

**Ролленъ*. Трактатъ объ образованіи. Переводъ П. Д. Первова. Изд. К. Тихомирова, стр. XXII+428. Москва. 1908. Цѣна 2 руб.

Книгу Роллена Traité des études, появившуюся въ 1726 г., т. е. за 30 лѣтъ до появленія Эмиля Руссо, хвалятъ обыкновенно за то, что въ ней отразился духъ вѣка, что въ ней много практическихъ указаній и большое уваженіе къ традиціямъ, и почти нѣтъ новаторскихъ стремленій. Самъ Ролленъ слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ цѣль своей книги: „Ma première vue a été de mettre par écrit et de fixer la méthode d'enseigner usitée depuis longtemps parmi vous, et qui, jusqu'ici, ne s'est transmise que de vive voix et par une espèce de tradition; d'ériger autant que j'en suis capable, un monument durable des règles et de la pratique que vous suivez dans l'instruction de la jeunesse afin de conserver dans toute son intégrité le goût des belles lettres et de le mettre à l'abri, s'il est possible, des injures et des altérations du temps“. Уже изъ этого ясно, что значеніе книги Роллена чисто историческое. Воспитаніе и обученіе за протекшія два столѣтія сдѣлало такіе успѣхи, что учиться у Роллена врядъ-ли есть чему. Для насъ теперь непонятно, какимъ образомъ книга Роллена могла быть встрѣчена враждебно, какъ опасная и новаторская. Роллену было 60 лѣтъ, когда онъ написалъ свою книгу, и она была первою его попыткою писать по французски. Знаменитый д'Агессо писалъ по этому поводу Роллену: „Вы пишете по французски, какъ будто это Вашъ природный языкъ“.

Книга Роллена состоитъ изъ предисловія и 8 отдѣловъ: въ первыхъ семи авторъ трактуетъ объ изученіи языковъ, реторики, исторіи, поэзіи и философіи, а въ восьмомъ—наиболѣе оригинальномъ—о внутреннемъ порядкѣ въ классахъ и учебныхъ заведеніяхъ. Безъ сомнѣнія, и въ первыхъ отдѣлахъ можно найти замѣчанія, которыя не потеряли своего значенія и до настоящаго времени,—такъ, напр., указаніе на

нравственное значеніе, которое имѣетъ изученіе исторіи и философіи для воспитанниковъ, но въ общемъ нельзя не повторить сказаннаго, что книга представляетъ лишь историческій интересъ. Послѣдняя часть менѣе устарѣла. Въ нее Ролленъ вложилъ всю свою душу, весь свой педагогическій опытъ. По ней мы можемъ судить о томъ, какъ велико должно было быть моральное вліяніе автора книги на своихъ питомцевъ. Въ ней мы встрѣчаемся со множествомъ психологическихъ замѣчаній о природѣ ребенка, при чемъ Ролленъ настаиваетъ на необходимости принимать въ расчетъ индивидуальныя особенности ребенка.

Г. Первовъ назвалъ книгу „Трактатъ объ образованіи". Это, можетъ быть, не вполнѣ удачный переводъ заглавія, въ особенности если принять въ расчетъ, что книга сначала носила заглавіе „De la manière d'enseigner et d'étudier les belles lettres par rapport à l'esprit et au coeur". Во всякомъ случаѣ издатель хорошо сдѣлалъ, что внесъ въ свою педагогическую библіотеку извлеченіе изъ этой книги, хотя она, конечно, не принадлежитъ къ числу первоклассныхъ произведеній европейскихъ педагоговъ.

Э. Радловъ.

*Книги для современной школы. Основные вопросы физики въ элементарномъ изложеніи. Сборникъ статей, составленныхъ кружкомъ преподавателей средней и высшей школы. Книга вторая. Электричество. Съ 167 рисунками, 4 портретами и однимъ радіографическимъ снимкомъ. Изданіе Т-ва И. Д. Сытина. Москва. 1909.—476 стр. Цѣна 1 руб. 75 коп.

Вторая часть этого замѣчательнаго сборника вполнѣ оправдала тѣ ожиданія, которыя вызывались его первою частью. И въ немъ мы находимъ умѣло подобранный матеріалъ, ясное и строго научное изложеніе въ духѣ современной науки, и—что самое главное—рядъ несомнѣнно вполнѣ компетентныхъ авторовъ. Сборникъ содержитъ 26 статей по всѣмъ главнѣйшимъ отдѣламъ ученія объ электричествѣ и магнетизмѣ. Авторами являются проф. Н. А. Гезехусъ, А. Добіашъ, Б. Розингъ, Л. Гурвичъ, И. Лебедевъ, А. Аѳанасьевъ, А. Петровскій, Д. Рожанскій, К. Баумгартъ, М. Фридлендеръ, Ф. Индриксонъ, Д. Смирновъ и г-жа А. Б. Ферингеръ. Редактировали сборникъ проф. С.-Пб. технологическаго института Н. А. Гезехусъ и преподаватель того же института Б. Л. Розингъ.

Съ внѣшней стороны книга издана вполнѣ хорошо: бумага и шрифтъ отличные, рисунки, большею частью схематическіе, исполнены удовлетворительно; опечатокъ очень мало. Къ сборнику приложены

портреты Фарадея, Максвелла, Герца и Вернера Сименса; кромѣ того—одинъ снимокъ радіографическій, т. е. полученный при помощи радіоактивныхъ веществъ.

О научныхъ ошибкахъ, понятно, не можетъ быть и рѣчи при указанномъ составѣ кружка, взявшаго на себя большой трудъ составленія этого сборника. Весьма желательно, чтобы обѣ части сборника нашли широкій кругъ читателей, въ особенности среди преподавателей физики, а также среди учащихся старшихъ кассовъ гимназій и реальныхъ училищъ.

О. Хвольсонъ.

**С. Томпсонъ.* Добываніе свѣта. Лекція, прочитанная въ общемъ собраніи Британской ассоціаціи 1906. Переводъ съ англійскаго. Съ 28 рисунками. Изданіе книгоиздательства „Mathesis". Одесса. 1909. II+88 стр. Цѣна 50 коп.

Въ этой весьма интересно составленной рѣчи собранъ богатый матеріалъ по вопросу о добываніи свѣта. Не ограничиваясь техническою стороною вопроса, авторъ мѣстами входитъ и въ довольно подробный обзоръ теоретическихъ воззрѣній и опытныхъ изслѣдованій. Авторъ разсматриваетъ прежде всего газовое и электрическое освѣщеніе. Затѣмъ онъ переходитъ къ вопросу объ условіяхъ свѣченія, выдѣляетъ случаи люминисценціи, разсматриваетъ устройство простѣйшихъ фотометровъ, спектры различныхъ источниковъ, чувствительность глаза, степень экономности освѣщенія и т. д.

Наконецъ, авторъ подробно разсматриваетъ излученіе рѣдкихъ земель, газокалильное освѣщеніе, новѣйшія лампы накаливанія и дуговыя лампы и т. д.

Желательно, чтобы г. переводчикъ, при новомъ изданіи, обратилъ вниманіе на слѣдующія немногія мѣста.

На стр. 5 сказано, что лампочка Свана съ угольными нитями была родоначальницей всѣхъ современныхъ лампъ накаливанія. Не слѣдуетъ забывать объ Эдисонѣ, а въ русскомъ изданіи—и о Лодыгинѣ.

Очень жаль, что авторъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ говоритъ объ излученіяхъ тепла и свѣта, какъ о двухъ существенно различныхъ явленіяхъ. Такъ, на стр. 7 читаемъ, что накаленное вещество „посылаетъ вовнѣ (?) значительное количество тепла и нѣкоторое количество свѣта". На стр. 47 говорится о „темной теплотѣ".

Довольно странна терминологія „Луминисценція или свѣченіе" (стр. 13 и 15). Свѣченіе есть общій терминъ, ибо онъ, очевидно, при-

ложимъ и къ лучеиспусканію накаленныхъ тѣлъ. Слѣдуетъ отличать два случая свѣченія: калорическое и луминисценцію.

На стр. 44 изобрѣтеніе болометра приписано Ланглею, который лишь усовершенствовалъ этотъ приборъ, въ дѣйствительности впервые построенный Svanberg'омъ (1851).

На стр. 52 сказано, что Stefan далъ законъ излученія чернаго тѣла. Это невѣрно! Ученіе о черномъ тѣлѣ появилось много позже работъ Stefan'a, который приписалъ свой законъ всѣмъ тѣламъ.

Рѣчь С. Томпсона переведена почти безукоризненно; она вполнѣ общедоступна и весьма интересна.

О. Хвольсонъ.

**Проф. А. Риги.* Электрическая природа матеріи. Вступительная лекція. Переводъ съ итальянскаго подъ редакціей „Вѣстника Опытной Физики и Элементарной Математики". Изданіе „Mathesis". Одесса. 1908; 27 стр. Цѣна 30 коп.

Эта прекрасная рѣчь обладаетъ всѣми преимуществами многочисленныхъ популярныхъ сочиненій знаменитаго профессора Болоньскаго университета: ясность и простота изложенія, интересный и разнообразный матеріалъ, всесторонній разборъ вопросовъ и включеніе въ него результатовъ новѣйшихъ изслѣдованій.

Рѣчь посвящена современному взгляду на природу матеріи, находящемуся въ связи съ развитіемъ электрической теоріи.

Переводъ не вызываетъ никакихъ замѣчаній за исключеніемъ одного мѣста. На страницѣ 26 читаемъ: „Металлическая проволока, по которой проходитъ постоянный токъ отъ сухого элемента, отталкиваетъ тонкій изолированный листочекъ золота" и т. д. Тутъ что-то не такъ! Вѣроятно, въ оригиналѣ говорится о сухомъ столбикѣ, который дѣйствуетъ не какъ одинъ элементъ, а какъ батарея. Кромѣ того столбикъ не долженъ быть замкнутъ, такъ что ни о какомъ постоянномъ токѣ не можетъ быть и рѣчи.

О. Хвольсонъ.

*Приватъ-доцентъ *Б. П. Вейнбергъ.* Снѣгъ, иней, градъ, ледъ и ледники. Съ 138 рисунками и 2 фототипическими таблицами. Изданіе „Mathesis". Одесса. 1909 г., 2+127 стр. Цѣна 1 руб.

Изданіе этой весьма интересной книги—большая заслуга издательства „Mathesis" въ Одессѣ. Она отличается богатствомъ и разнообразіемъ собраннаго матеріала и изяществомъ внѣшняго вида: большое число рисунковъ и двѣ превосходно выполненныя фототипическія та-

блицы (стр. 24) составляютъ украшеніе этого изданія, нѣмецкій переводъ котораго, какъ мы слыхали, будетъ изданъ въ Германіи.

Въ одномъ только направленіи возможно и желательно дальнѣйшее улучшеніе при новомъ изданіи: въ книгѣ замѣчается нѣкоторая неравномѣрность общаго характера изложенія. Бо́льшая часть ея написана популярно, вполнѣ доступно и не спеціалисту по физикѣ. Попадаются, однако, и мѣста, для уразумѣнія которыхъ требуется довольно основательное знакомство съ этою наукою.

Такъ, на стр. 7 говорится о „равновѣсіи“ жидкости и пара; тутъ же помѣщены рисунки 1 и 2, въ которыхъ не легко разобраться. Слѣдовало бы разъяснить терминъ „равновѣсіе“ и хотя бы вкратцѣ смыслъ упомянутыхъ рисунковъ.

Неубѣдительно то, что авторъ говоритъ на стр. 16 о величинѣ дождевыхъ капель: почему же первоначальныя капельки должны быть всѣ одинаковой величины?

На стр. 44 слѣдовало бы исключить совершенно ненужную, нѣсколько трескучую фразу, въ которой почему-то упоминается „мѣсто разрыва непрерывности поверхностей потенціала скоростей“.

На стр. 126 досадная опечатка: говорится о кубическихъ километрахъ, вмѣсто кубическихъ метровъ.

Мѣстами встрѣчаются странныя выраженія. Зачѣмъ говорить о „верхнихъ этажахъ“ атмосферы, когда рѣчь идетъ о верхнихъ ея слояхъ?

„Mathesis“ можетъ гордиться этимъ изданіемъ.

О. Хвольсонъ.

*Проф. *К. Буркхардтъ.* НАЧАЛА ДИФФЕРЕНЦІАЛЬНАГО И ИНТЕГРАЛЬНАГО ИСЧИСЛЕНІЯ И ИХЪ ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ОПИСАНІЮ ЯВЛЕНІЙ ПРИРОДЫ. Разрѣшенный авторомъ переводъ *А. Я. Билибина* и *В. А. Крогіуса.* Изданіе К. Л. Риккера. С.-Пб. 1909. Стр. XII+232. Цѣна 2 руб. 40 коп.

Разбираемая книга не можетъ служить руководствомъ для VII класса реальныхъ училищъ въ виду полнаго несоотвѣтствія ея содержанія и цѣлей программамъ и цѣлямъ нашихъ реальныхъ училищъ, какъ въ этомъ легко убѣдиться при самомъ бѣгломъ просматриваніи книги. Что же касается до рекомендаціи ея, какъ особенно заслуживающей вниманія, то для сужденія объ этомъ пунктѣ считаю нужнымъ изложить нижеслѣдующія данныя.

Происхожденіе своей книги проф. Буркхардтъ объясняетъ въ предисловіи такъ: незначительное число профессоровъ Цюрихскаго уни-

верситета не позволяетъ вести преподаваніе математики отдѣльно для математиковъ и физиковъ и отдѣльно для естественниковъ. Поэтому приходится читать общій для всѣхъ курсъ, размѣръ котораго опредѣляется въ три недѣльныхъ часа (при одномъ часѣ практическихъ занятій) въ теченіе одного зимняго семестра. Математикамъ же и физикамъ приходится прослушивать дополнительный курсъ въ теченіе лѣтняго семестра. Настоящая книга и воспроизводитъ вышеупомянутый, общій для всѣхъ, курсъ анализа.

Для достиженія своей цѣли проф. Буркхардтъ исключаетъ изъ своего курса дифференціальнаго и интегральнаго исчисленія, во-первыхъ, понятіе о предѣлѣ и ученіе о предѣлахъ, во-вторыхъ, свойства непрерывныхъ функцій, въ-третьихъ—понятіе о сходимости рядовъ.

Можетъ быть, этимъ можно было бы и ограничиться. Всякому, знающему дѣло, ясно, каково должно быть дифференціальное исчисленіе безъ ученія о предѣлахъ. Г. Буркхардтъ съ успѣхомъ воспроизвелъ въ началѣ XX-го столѣтія всѣ недостатки Эйлеровскаго изложенія, не сохранивъ его достоинствъ. Но такъ какъ можетъ представиться невѣроятнымъ, чтобы кто-нибудь рѣшился въ настоящее время такъ излагать дифференціальное исчисленіе, то считаю необходимымъ привести еще нѣкоторыя дословныя выписки.

Производную г. Буркхардтъ опредѣляетъ такъ (стр. 43): „Производной у-ка по х-су... мы назовемъ результатъ, который получается изъ отношенія $\frac{\Delta y}{\Delta x}$, когда мы въ этомъ отношеніи приращеніе независимаго перемѣннаго Δx полагаемъ равнымъ нулю“. На протяженіи 5 страницъ (13—18) и дальше на стр. 151 и слѣд. идутъ многословныя разсужденія о томъ, что собственно значитъ положить $\Delta x=0$. Вмѣсто этихъ безплодныхъ разглагольствованій было бы проще и короче дать понятіе о предѣлѣ, и тогда не пришлось бы оправдывать явно нелѣпыхъ операцій.

Такъ какъ понятіе о предѣлѣ отсутствуетъ, то касательную пришлось опредѣлять такъ (стр. 35): „Это есть прямая лежащая на границѣ между тѣми прямыми... проходящими черезъ точку (касанія) А, которыя встрѣчаютъ дугу влѣво отъ точки А, и тѣми, которыя встрѣчаютъ дугу вправо отъ нея“.

Не говоря уже о томъ, что такое опредѣленіе, очевидно, непригодно во множествѣ случаевъ вслѣдствіе неясности понятій „вправо“ и „влѣво“ (откуда считать?), укажемъ только, что авторъ самъ забываетъ про свое опредѣленіе, когда приходится на дѣлѣ искать

касательную (стр. 37—38), и начинаетъ искать ее по обычному шаблону, который, конечно, не согласуется со сказаннымъ выше.

Приведемъ еще два-три краснорѣчивыхъ примѣра.

На стр. 81 авторъ пользуется свойствами опредѣленныхъ интеграловъ, забывъ, что онъ ихъ не доказывалъ.

Стр. 178. „Опредѣленіе. Величина, которую полагаютъ послѣ всѣхъ выкладокъ равной нулю, называется безконечно малой. Поэтому никогда не слѣдуетъ говорить: „эта величина безконечно мала“, а можно только говорить: „въ данной задачѣ соотвѣтственно цѣли и смыслу задачи, мы принимаемъ ее (задачу?), за безконечно малую“. Въ концѣ той же страницы самъ авторъ нарушаетъ это правило, говоря: „Сумма, разность и произведеніе безконечно малыхъ сами безконечно малы“.

Стр. 181. „То приращеніе, которое получаетъ нѣкоторая функція y, когда x возрастаетъ на dx, обозначаютъ черезъ dy“.

Ibid. „Функцію называютъ дифференцируемой, если ея дифференціалъ есть безконечно малая перваго порядка“ (!).

Прямо даже не вѣрится, что это писалъ профессоръ университета.

Б. Кояловичъ.

*Гигіеническіе совѣты. Сочиненіе *І. П. Мюллера*, автора книги „Моя система“. Съ 26 снимками съ натуры. II+119 стр. текста. Цѣна 75 коп. С.-Пб./М. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ.

Авторъ разбираемой книжки І. П. Мюллеръ, инженеръ-поручикъ въ отставкѣ, бросилъ инженерное искусство и нашелъ для себя болѣе полезнымъ и выгоднымъ заняться гигіеной. Имъ была написана книжка „Моя система“, которая получила широкое распространеніе; за такое вниманіе публики къ указанной книжкѣ авторъ ея благодаритъ читателей въ предисловіи къ своему второму печатному труду „Гигіеническіе совѣты“.

„Я благодаренъ“, говоритъ онъ, „я счастливъ сознаніемъ, что тысячи моихъ собратьевъ—людей живутъ теперь лучше и счастливѣе, чѣмъ жили прежде, что множество болѣзней и заботъ отклонены, благодаря моимъ усиліямъ; надѣюсь—это будетъ такъ и въ будущемъ“.

Польщенный вниманіемъ къ себѣ публики, авторъ и выпустилъ въ свѣтъ разбираемую книжку, которая представляетъ собою собраніе статей, напечатанныхъ авторомъ въ спортивныхъ листкахъ и датскихъ газетахъ. Въ ней онъ трактуетъ о воздушной шляпѣ, о сандаліяхъ, о воздушныхъ носкахъ, о воздушной рубашкѣ, о воздушныхъ и солнечныхъ ваннахъ и проч.

Мало того, авторъ затрагиваетъ вопросы о борьбѣ съ туберкулезомъ, объ искусствѣ ѣсть, о весенней усталости и даже о воспаленіи слѣпой кишки. Однимъ словомъ, инженеръ-поручикъ въ отставкѣ превратился въ настоящаго врача.

Разбирать всю галиматью, помѣщенную въ указанной книжкѣ невѣжественнымъ авторомъ, я считаю излишнимъ и думаю, что несостоятельность автора, какъ врача-гигіениста, не трудно доказать, не касаясь всего написаннаго въ ней.

Прежде всего авторъ поклонникъ „культуры обнаженнаго тѣла" и съ удовольствіемъ говоритъ о томъ, что въ настоящее время въ Австріи и Германіи существуетъ немало семействъ, члены которыхъ (мужчины и женщины), придя домой, тотчасъ же снимаютъ съ себя все верхнее и нижнее платье и остаются въ костюмѣ нашихъ прародителей (даже не надѣваютъ купальныхъ панталонъ и поясовъ) и въ такомъ видѣ расхаживаютъ дома. Мало того, даже слуги часто слѣдуютъ примѣру своихъ господъ и также ходятъ дома въ оголенномъ видѣ. Нравственность и состояніе здоровья господъ и слугъ при этомъ являются превосходными. Авторъ, видимо, вполнѣ одобряетъ такую культуру обнаженнаго тѣла. Подумаешь, какая идиллія! Господа и слуги, мужчины и женщины, разгуливаютъ дома въ голомъ видѣ, нравственность отъ этого не страдаетъ и здоровье превосходно. Настоящій рай! Нѣтъ сомнѣнія, что авторъ, проповѣдникъ такой идилліи, гдѣ угодно найдетъ много поклонниковъ.

Далѣе, авторъ врагъ ношенія шляпъ и удивляется, какъ это человѣкъ безъ шляпы, выйдя на улицу, вызываетъ къ себѣ любопытство, если же выйдетъ на улицу человѣкъ въ шляпѣ, но безъ головы, то на это никто не обращаетъ вниманія. Шляпа вредна потому, что она „удерживаетъ теплоту головы, дурныя испаренія и мѣшаетъ разсѣиваться бацилламъ". Такимъ образомъ, по мнѣнію автора, выпаденіе волосъ происходитъ отъ дурныхъ испареній головы, скопляющихся подъ шляпой, и отъ бациллъ. Насколько мнѣ извѣстно, выпаденіе волосъ происходитъ отъ столь многочисленныхъ и разнообразныхъ причинъ, что ставить его въ зависимость отъ ношенія шляпы можетъ только инженеръ-поручикъ.

Затѣмъ авторъ говоритъ, что онъ знаетъ одного профессора, съ полной лысиной, который послѣ лѣтнихъ каникулъ возвращается съ темнокоричневымъ черепомъ, а равно ему извѣстны люди, на головахъ которыхъ появляются новые волосы, если только они долгое время подвергаютъ кожу черепа дѣйствію солнца, вѣтра и дождя. Итакъ,

авторъ полагаетъ, что солнце, вѣтеръ и дождь усиливаютъ ростъ волосъ и въ состояніи облысѣвшую голову покрыть новымъ волосянымъ покровомъ. Очевидно, авторъ уподобляетъ волосы травѣ и думаетъ, что достаточно кожу полить дождемъ, нагрѣть лучами солнца и обдуть вѣтромъ, и волосы появятся вновь. Мнѣ кажется, что до сихъ поръ еще никому не удалось констатировать такого чудотворнаго дѣйствія солнца и дождя на ростъ волосъ. Будь это въ дѣйствительности такъ, я думаю, лысые всего земного шара охотно бы ходили безъ шляпъ, чтобы вернуть потерянные волосы.

Жирные волосы авторъ считаетъ признакомъ здоровья и придерживается того мнѣнія, что голову нечего защищать шляпой отъ дождя, такъ какъ дождевая вода „отнимаетъ отъ волосъ менѣе жировыхъ веществъ, нежели вода соленая“ (!?). Подъ соленой водой авторъ, очевидно, понимаетъ потъ, но какимъ образомъ жидкость, содержащая поваренную соль, можетъ воздѣйствовать на жиръ, я положительно не знаю, равно какъ мнѣ неизвѣстно, чтобы жирные волосы служили признакомъ здоровья.

Интересны разсужденія автора о закупориваніи поръ потовыхъ железъ (стр. 11). Онъ говоритъ, что, какъ извѣстно, самые крупные потовые каналы находятся на головѣ и на подошвахъ; кто плохо ухаживаетъ за кожей, у того поры закупориваются, поэтому потъ отыскиваетъ для себя наиболѣе легкіе пути и выходитъ или черезъ поры головы или черезъ поры подошвъ. Во-первыхъ, насколько мнѣ извѣстно, самыя крупныя потовыя железы находятся въ кожѣ подошвъ, ладоней и подмышечныхъ впадинъ; во-вторыхъ, если поры закупориваются, то, спрашивается, какимъ же образомъ потъ будетъ выходить черезъ поры потовыхъ железъ кожи головы и подошвы?! Не менѣе интересна и философія г. Мюллера о весенней усталости, философія, указывающая, что онъ не имѣетъ ни малѣйшаго представленія объ отправленіяхъ человѣческаго организма. Весеннюю усталость авторъ объясняетъ такъ: въ теченіе осени и зимы въ тѣлѣ, благодаря неестественному образу жизни, скопляется множество веществъ (?!). Весною клѣтки нашего организма вмѣстѣ съ природой просыпаются къ новой жизни, и тутъ-то имъ предстоитъ тяжелая работа—освободить тѣло отъ скопившихся въ немъ ядовъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что тѣло съ наступленіемъ весны отказывается слѣдовать пробуждающему призыву природы и мы чувствуемъ боли и усталость.

Положительно авторъ поэтъ? Клѣтки организма у него пробуж-

даются весною къ новой жизни, начинаютъ усиленно освобождать наше тѣло отъ скопившихся въ немъ за осень и зиму *ядовитыхъ веществъ* (очевидно, ядовитыхъ продуктовъ обмѣна веществъ), и мы чувствуемъ усталость и потребность въ отдыхѣ. Если бы авторъ хотя немножко былъ знакомъ съ физіологіей, то онъ, конечно, зналъ бы, что постоянно, во всѣ времена года, благодаря работѣ клѣтокъ, составляющихъ различные органы, въ организмѣ накопляются различнаго рода, въ томъ числѣ и ядовитые, продукты обмѣна веществъ. Такъ же постоянно и непрерывно послѣдніе удаляются извѣстными органами (легкими, почками, потовыми железами и проч.) изъ нашего тѣла, ибо иначе быстро наступила бы смерть организма. Клѣтки не испытываютъ того оживляющаго вліянія весны, какое, вѣроятно, испытываетъ авторъ, такъ какъ онѣ должны неустанно работать весною, лѣтомъ, осенью и зимою. Но что особенно иллюстрируетъ полное незнаніе авторомъ физіологіи,—это слѣдующая фраза. „Если напряженіе силъ доводятъ до крайности, природа спасаетъ человѣка путемъ собственнаго предохранительнаго клапана, который, какъ бы энергично ни было напряженіе, заставляетъ его прекратиться. Англичане называютъ это collaps и многіе, впадавшіе въ такое состояніе разъ пять, не смотря на то дожили до 80-лѣтняго возраста“ (стр. 61).

Видимо, авторъ не понимаетъ значеніе слова collaps, иначе трудно допустить, какъ хватило у него смѣлости увѣрять читателей, что коллапса нечего бояться, ибо нерѣдко люди послѣ этого доживали до 80-лѣтняго возраста. Слово „collaps“ обозначаетъ полный упадокъ силъ, послѣ котораго въ громадномъ большинствѣ случаевъ наступаетъ смерть.

Въ полномъ незнакомствѣ автора съ физіологіей приходится убѣждаться на каждой страницѣ его книжки. Да и зачѣмъ ему считаться съ научной физіологіей, когда у него есть своя собственная, и онъ такъ силенъ въ ней, что смѣло дѣлаетъ замѣчанія по поводу статьи хирурга Краффта о воспаленіи червеобразнаго отростка. Мюллеръ считаетъ слова, сказанныя этимъ хирургомъ, что человѣкъ живетъ одинаково счастливо съ червеобразнымъ отросткомъ, какъ и безъ него, невѣрными и полагаетъ, что наука лишь не знаетъ, какую пользу приноситъ отростокъ. Поэтому авторъ и предполагаетъ, что, по всей вѣроятности, воспаленіе этого отростка можно уничтожить своеобразной гимнастикой тѣла. Интересно было бы знать, сталъ ли бы г. Мюллеръ, заполучивъ воспаленіе червеобразнаго отростка, лѣчить себя гимнастикой? Мнѣ думается, ему пришлось бы, въ концѣ

концовъ, все-таки обратиться за помощью къ тому же хирургу Крафту.

Авторъ, конечно, врагъ ношенія нижняго шерстяного бѣлья и, между прочимъ, говоритъ: „замѣчательны слова моей жены, моей первой ученицы: *Ты* взялъ у меня шерстяную фуфайку въ январѣ, а также и корсетъ, но за то далъ мнѣ систему растиранія и мускульный корсетъ, и перемѣна сдѣлала меня невѣроятно счастливой“ (стр. 113). Кромѣ того, я долженъ еще сказать, что нѣкоторыя мѣста въ книжкѣ носятъ явный характеръ рекламы. Какъ на примѣръ, укажу на стр. 117, гдѣ мы читаемъ: „Въ настоящее время, кромѣ моей системы, врядъ ли найдется другой методъ, который скорѣе дѣлалъ бы человѣка, свободнаго отъ органическихъ недостатковъ, совершенно здоровымъ и закаленнымъ“. Наконецъ, слѣдуетъ еще прибавить, что переведена книжка крайне плохо. Страницы книжки иллюстрируются многочисленными рисунками, среди которыхъ мы находимъ изображеніе автора въ кругу его семьи и когда ему было отъ роду 2 года, снимокъ сыновей автора Пера 3-хъ и Иба 7-ми лѣтъ и проч.

Никто, конечно, не будетъ спорить о томъ, что чистый воздухъ, уходъ за кожей, физическія упражненія и прочее необходимы для здоровья, но какимъ образомъ и въ какихъ случаяхъ нужно пользоваться ими, — указаніе на это долженъ давать человѣкъ съ солидной медицинской подготовкой, а не дилетантъ.

А. Догель.

Книжныя новости.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію въ теченіе апрѣля и мая 1909 года.

— *Ушинскій, К. Д.* Собраніе педагогическихъ сочиненій. Томъ 2-й, дополнительный. Въ приложеніи: 1) списокъ статей К. Д. Ушинскаго, 2) списокъ статей, о немъ написанныхъ, 3) примѣчанія къ статьямъ. Редакція и приложенія В. Чернышева. С.-Пб. 1909. 394 стр. Цѣна 1 руб. 50 коп.

— *Ушинскій, К. Д.* Собраніе неизданныхъ сочиненій. Матеріалы для педагогической антропологіи т. III и матеріалы для біографіи. С.-Пб. 1908. IX+172 стр. Цѣна 1 руб. 25 коп.

— С.-Петербургскій родительскій кружокъ. Къ юбилейному собранію 18-го января 1909 г. С.-Пб. 1909. 41 стр.

— *Каминскій, Г.* Опытъ приложенія графики въ области преподаванія начальной ариѳметики (графико-аналитическій методъ). Изъ доклада, прочи-

таннаго въ собраніи преподавателей Кременчугскаго коммерческаго училища 27-го марта 1908 года. Кременчугъ 1909. 23 стр.

— *Любовичъ, Н.* Международный историческій конгрессъ въ Берлинѣ въ 1908 году. Варшава 1909. 12 стр.

— Авторское право. Докладъ комиссіи С.-Петербургскаго литературнаго общества по поводу проекта закона объ авторскомъ правѣ. Съ приложеніемъ проекта объ авторскомъ правѣ, внесеннаго министромъ юстиціи въ Государственную Думу. С.-Пб. 1908. 96 стр. Цѣна 50 коп.

— *Добронравовъ, Іоаннъ*, свящ. Краткая церковная исторія по программѣ городскихъ училищъ. Съ картою мѣстностей, упоминаемыхъ въ священной исторіи. Саранскъ 1909. 111 стр. Цѣна 35 коп.

— *Брейтманъ, М.* Школьная гигіена. Составлена примѣнительно къ потребностямъ русской средней и низшей школы. Изданіе третье, вновь переработанное и значительно дополненное. С.-Пб. 1909. 118 стр. Цѣна 60 коп.

— *Агаповъ, Д. В.* Геометрія на новыхъ началахъ. Безъ параллельныхъ. Система Д. В. Агапова. Рѣшеніе треугольниковъ. Оренбургъ 1909. 94 стр. Цѣна 75 коп. Прибавленіе. Измѣреніе угловъ, помощью угломѣра линейной системы Д. В. Агапова. Оренбургъ 1909. 22 стр. Цѣна 40 коп.

— Курсы языковъ Ечинац. Отзывы о говорящемъ самоучителѣ языковъ съ повторителемъ. 23 стр.

— *Рождествинъ, А.* Личность и творчество Гоголя. Съ портретомъ Гоголя и библіографическимъ указателемъ важнѣйшихъ сочиненій о его жизни и творчествѣ. Изданіе 21-е, значительно дополненное. Казань 1909. 66 стр. Цѣна 25 коп.

— *Зензиновъ, М.* Чай и пошлина. М. 1909. 16 стр. Цѣна 5 коп.

— Домъ трудолюбія въ гор. Воронежѣ въ 1907 г. Подъ редакціею завѣдующаго домомъ трудолюбія, священника Ст. Звѣрева. (Съ приложеніемъ 7 картограммъ, исполн. В. Е. Языковымъ). Воронежъ 1909. 25 стр.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

КЪ ВОПРОСУ О ПОСТАНОВКѢ ПРЕПОДАВАНІЯ ГЕОГРАФІИ.

Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ замѣчается рѣзкое измѣненіе характера и цѣлей преподаванія географіи въ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ на Западѣ. Въ учебной постановкѣ этого предмета произошелъ настоящій переворотъ, выразившійся въ томъ, что *изъ трехъ основныхъ отдѣловъ географіи—географіи математической, физической и культурно-экономической — особенное вниманіе стало удѣляться этой послѣдней*, при чемъ въ преподаваніи ея—что особенно важно — сталъ примѣняться *сравнительный статистическій методъ*.

Рѣзче всего выразилась эта новая постановка преподаванія географіи во Франціи, гдѣ министерскимъ циркуляромъ отъ 25-го іюля (н. ст.) 1905 г. преподаваніе географіи продолжено до заключительныхъ классовъ лицеевъ—классовъ de philosophie et de mathématiques. Въ этихъ классахъ введенъ курсъ географіи, посвященный экономическому состоянію главныхъ державъ міра (за исключеніемъ Франціи, всестороннему изученію которой посвящается предшествующій курсъ). Весьма характерно, какъ новая французская программа географіи проведена въ учебникахъ, предназначенныхъ для заключительныхъ классовъ. Возьмемъ, для примѣра, прекрасный учебникъ M. Fallex и A. Mairey „Les principales puissances du monde“ [1]. Въ этомъ учебникѣ, изобильно снабженномъ иллюстраціями, схемами „экономическихъ“ картъ, статистическими таблицами, каждой странѣ посвящается три отдѣла: сжатый физико-географическій, отдѣлъ о населеніи и образѣ правленія и отдѣлъ экономическій. Этотъ послѣдній отдѣлъ замѣчателенъ тѣмъ, что, всесторонне разсматривая экономическое

[1]) Paris, ch. Delagrave, 1909 г.

состояніе данной страны, онъ изобилуетъ статистическими данными, создающими ясное понятіе о производительныхъ силахъ данной страны. Къ несомнѣннымъ, съ практической стороны, преимуществамъ учебника Fallex и Mairey предъ нашими учебниками слѣдуетъ отнести и то, что въ немъ каждой главѣ предшествуетъ краткій конспектъ ея, такъ называемый „sommaire", въ которомъ сжато изложены самыя выдающіяся черты данной главы, что даетъ ученику возможность быстро освѣжить свою память и провѣрить свои познанія по тѣмъ или другимъ вопросамъ [1].

---

[1]) Чтобы дать понятіе о богатствѣ содержанія отдѣла учебника Fallex и Mairey, касающагося культурно-экономической географіи, я приведу здѣсь часть „sommaires" къ главамъ, разсматривающимъ экономическое состояніе Германіи.

Сельское хозяйство и обрабатывающая промышленность.

„Германія, совершенно преобразившаяся со времени осуществленія территоріальнаго и политическаго объединенія (1871 г.), стала съ тѣхъ поръ державою перваго разряда по своему экономическому значенію.

I. *Сельское хозяйство.* 1. *Хлѣба.* Германія—страна ржи (117 милл. гектолитровъ) и овса (155 милл. гект.), какъ Франція—страна пшеницы. Ячмень воздѣлывается только на лессовой почвѣ. Германія является данницею иностранныхъ державъ по снабженію населенія хлѣбомъ.

2. *Картофель* (429 милл. квинталовъ) только отчасти восполняетъ недостатокъ хлѣбовъ: три четверти сбора его идетъ на выгонку алкоголя.

3. Въ Германіи процвѣтаетъ воздѣлываніе *промышленныхъ растеній:* нигдѣ *сахарной свекловицѣ* (Саксонія) не отводится столь обширныхъ площадей, какъ въ Германіи, нигдѣ она не воздѣлывается по столь научнымъ основаніямъ; процвѣтаетъ разведеніе *хмеля* (Баварія) и *табаку.*

4. Въ числѣ другихъ культуръ больше всего значенія имѣютъ *виноградарство* и культура *плодовыхъ деревьевъ.*

5. По числу головъ *крупнаго рогатаго скота* (19 милл.) и *лошадей* (4 милл.) во всей Европѣ выше Германіи—лишь Россія; по числу *козъ* (3 милл.)—Испанія; нигдѣ (въ Европѣ) не разводится столько *свиней;* разведеніе же *овецъ*—падаетъ, точно также, какъ и во Франціи.

6. *Лѣса* занимаютъ четверть площади всей Германіи, лѣса горные (Wald!) и лѣса на песчаной почвѣ.

7. Продукты *охоты* вывозятся въ довольно значительномъ количествѣ. *Рыболовство* въ Сѣверномъ морѣ со дня на день пріобрѣтаетъ все большее значеніе и оборудовано прекрасно (Гестемюнде).

II. *Обрабатывающая промышленность.*—Эта промышленность занимаетъ больше рабочихъ рукъ, чѣмъ земледѣліе.

1. *Копи.*—Минеральное богатство—очень велико. Германія занимаетъ въ міровомъ хозяйствѣ 3-ье мѣсто по добычѣ *ископаемаго угля* (120 милл. тоннъ) и *желѣза* (10 милл. тоннъ).—Испанія единственная Европейская страна, добывающая больше *мѣди* и больше *свинца; никкелевыя* копи не могутъ соперничать съ копями

Въ Германіи дѣло обстоитъ нѣсколько иначе. Здѣсь мы не видимъ за послѣднее время существенныхъ измѣненій въ программахъ среднихъ учебныхъ заведеній общеобразовательнаго типа: судя по учебникамъ этихъ учебныхъ заведеній, въ Германіи все еще *царитъ давнишнее увлеченіе физическою географіею въ прямой ущербъ другому*

этого минерала на Новой Каледоніи и въ Канадѣ. Но добыча *цинка*, продукта по преимуществу германскаго происхожденія, составляетъ 42% міровой добычи. Изобильны мѣсторожденія *каменной соли*, а *янтарь* собирается на берегахъ Балтійскаго моря.

2. Все усиливающаяся добыча полезныхъ ископаемыхъ дала сильный толчекъ развитію *металлургической промышленности* и *химическихъ производствъ*; по производству химическихъ продуктовъ Германія стоитъ внѣ соперничества.

3. *Сельско-хозяйственная промышленность* менѣе развита; тѣмъ не менѣе нѣкоторыя отрасли ея въ цвѣтущемъ состояніи, въ томъ числѣ *сахарные заводы*, производительность которыхъ (1,6 милл. тоннъ неочищеннаго сахара) почти равняется производству Франціи и Австріи, вмѣстѣ взятыхъ, *пивоваренные заводы* (67 милл. гектолитровъ) и *винокуренные заводы*.

4. Успѣхи *прядильной промышленности* весьма значительны. *Хлопчато-бумажная промышленность* (8 милл. веретенъ), оттѣснивъ *льняную* промышленность, доставляетъ Германіи 3-ье мѣсто въ міровомъ хозяйствѣ. Что касается обработки *шерсти* и *шелковыхъ издѣлій*, то въ отношеніи, по крайней мѣрѣ, лучшихъ сортовъ этихъ продуктовъ текстильной промышленности, Франція впереди Германіи, но Франціи слѣдуетъ опасаться прогрессирующихъ экономическихъ захватовъ Германіи въ этой области.

Торговля.

I. *Рѣки и каналы.* Урегулированіе теченія рѣкъ подняло грузооборотъ ихъ на 268% (14.000 километровъ судоходныхъ путей). Главныя артеріи—Эльба и Рейнъ.— Длина каналовъ всего—2.000 километровъ, но уже старые каналы исправлены, а значительныя работы по сооруженію воднаго сообщенія между *Эльбою* и *Рейномъ* уже на очереди. Черезъ *Кильскій каналъ* проходятъ уже болѣе 30.000 всякаго рода судовъ.

II. *Желѣзныя дороги.* Длина желѣзныхъ дорогъ Германіи превышаетъ длину ихъ въ остальныхъ Европейскихъ государствахъ (55.000 километровъ). Берлинъ—узловой пунктъ 11-ти желѣзнодорожныхъ линій.

III. *Морское судоходство.* Германскій торговый флотъ, превышая вдвое флотъ Франціи, занимаетъ третье мѣсто въ міровомъ торговомъ флотѣ.—*Гамбургъ* (17.846.000 тоннъ), гдѣ правленіе компаніи „Hamburg-Amerika-Linie", 3-й портъ міра; рѣчное судоходство служитъ продолженіемъ морского—далеко въ глубь страны. *Бременъ* (5.112.000 тоннъ), гдѣ правленіе „Norddeutscher Lloyd", сталъ важнымъ хлопковымъ рынкомъ. *Штеттинъ* (3.505.000 тоннъ) 1-й портъ Балтійскаго моря и портъ Берлина. Затѣмъ идутъ Киль, Любекъ, Сассницъ и Кенигсбергъ.

IV. *Внѣшняя торговля.*—Германская Имперія вторая торговая держава міра: ея торговый оборотъ въ 14 миллiардовъ 982 милліона превышаетъ оборотъ Франціи на 3,5 миллiарда. Превышеніе привоза надъ вывозомъ указываетъ на то, что Германія промышленное государство. Великобританія—первый кліентъ Германіи".

основному и, во всякомъ случаѣ, не менѣе важному, отдѣлу школьной географіи—географіи культурно-экономической, къ которой составители учебниковъ относятся только поверхностно. Но уже въ Германіи раздаются голоса за болѣе соотвѣтствующую современнымъ требованіямъ постановку преподаванія географіи. Это мы видимъ, между прочимъ, въ прекрасной статьѣ Г. Гармса „Fünf Thesen zur Reform des geographischen Unterrichts" [1]). Въ этой статьѣ Гармсъ высказываетъ слѣдующее положеніе, съ которымъ едва ли можно не согласиться.

„*Мы должны требовать, чтобы ребенокъ зналъ, прежде всего, тѣ жизненныя условія, въ которыхъ находится его собственный народъ.* Что касается другихъ странъ, въ особенности же—сосѣднихъ европейскихъ государствъ, то о нихъ, въ общемъ, должны сообщаться свѣдѣнія только для сравненія, при томъ не столько ради значенія этихъ свѣдѣній самихъ по себѣ, сколько ради значенія ихъ для родины, такъ какъ *о культурномъ состояніи родины мы можемъ судить, только имѣя масштабъ для сравненія.*

Но если Гармсъ требуетъ равноправія для физической и культурно-экономической географіи, то другой германскій педагогъ Э. Гауптманъ, въ своемъ учебникѣ Nationale Erdkunde [2]) идетъ еще дальше Гармса въ защитѣ культурно-экономической географіи.

Отправною точкою у Гауптмана является положеніе, что *школа не должна быть разсматриваема какъ самодовлѣющій міръ* (eine Welt für sich), *а должна подготовлять учащихся къ жизни.* Въ народной школѣ ученикъ долженъ быть ознакомленъ съ жизненными интересами націи, къ которой онъ принадлежитъ, дабы впослѣдствіи, когда ему придется проявлять свою дѣятельность какъ гражданину, трудиться на благо родины, не взирая ни на какія личныя симпатіи и антипатіи и не будучи рабомъ колеблющихся настроеній (unkontrollierte Ge-

---

Какъ видно по приведеннымъ выдержкамъ изъ „sommaires" въ книгѣ Fallex и Mairey, цифровыя данныя, освѣщенныя въ большинствѣ случаевъ по сравнительному статистическому методу, изобильны; но, конечно, въ самомъ текстѣ книги—ихъ еще значительно больше. *Текстъ этотъ даетъ даже значительно больше фактическаго матеріала, чѣмъ тѣ изъ нашихъ учебниковъ, которые спеціально посвящены экономической географіи, т. е. чѣмъ наши учебники коммерческой географіи.* Отмѣчу, что Fallex и Mairey даютъ иногда весьма обстоятельный разборъ торгово-промышленной политики тѣхъ или другихъ государствъ, о чемъ въ нашихъ учебникахъ коммерческой географіи почти не упоминается.

[1]) Braunschweig und Leipzig, Verlag von Wollermann, 1907 г.

[2]) Strassburg i. Elsass, Fr. Bull, 1907 г.

fühlsschwankungen). Эта исходная точка Гауптмана объясняетъ слѣдующія положенія его, касающіяся преподаванія географіи.

Географія должна быть національна. Какъ отечественная исторія имѣетъ высокое воспитательное значеніе, развивая любовь къ родинѣ картинами изъ *прошлаго* родного народа, такъ и географія имѣетъ не менѣе высокое значеніе: она должна знакомить учащихся съ жизненными условіями родного народа въ *настоящемъ*. Она должна сообщать о производительной дѣятельности народа, обезпечивающей его жизнь, о взаимной связи и необходимой солидарности между отдѣльными отраслями этой дѣятельности, объ участіи родного народа въ міровомъ хозяйствѣ и о томъ, что имъ вообще создается въ области культуры. Этою задачею и опредѣляются тѣ роли, которыя должны играть чисто географическій элементъ, съ одной стороны, и культурный элементъ, съ другой. *„Въ настоящее время“*, *говоритъ Гауптманъ*, *„чисто географическій элементъ не долженъ, какъ прежде, играть первую роль, а лишь подчиненную и изъ чисто географическаго матеріала должно сообщаться только то, что необходимо для пониманія культурной жизни родного народа“*.

Къ убѣжденнымъ сторонникамъ введенія въ школу культурно-экономической географіи, съ примѣненіемъ къ ней сравнительнаго статистическаго метода, относится также Р. Глейсбергъ, написавшій для старшаго класса народныхъ училищъ прекрасный учебникъ „Kulturgeographie“ [1]). Учебникъ этотъ, уже съ успѣхомъ введенный въ народной школѣ, поражаетъ своимъ замѣчательнымъ обиліемъ фактическаго матеріала, освѣщеннаго многочисленными цифровыми данными. Въ учебникѣ Глейсберга встрѣчаются даже свѣдѣнія о такихъ явленіяхъ и факторахъ экономической жизни, о которыхъ помину нѣтъ въ нашихъ учебникахъ, предназначенныхъ для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній общеобразовательнаго типа.

Но какъ преподается у насъ географія въ этихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ?

Среди свѣдѣній, которыя обязательно должны бы сообщаться ученикамъ при преподаваніи географіи, въ настоящее время у насъ въ полномъ пренебреженіи—свѣдѣнія изъ области культурно-экономической. Въ существующихъ руководствахъ по географіи, а также въ статьяхъ и книгахъ, посвященныхъ методикѣ географіи, главное вниманіе обращается на разъясненіе ученикамъ физико-географическихъ

---

[1]) Minden in W. und Leipzig, Verlag von Max Volkening, 1902 г.

фактовъ. Не входя въ разсмотрѣніе того, насколько это увлеченіе физическою географіею можетъ быть оправдано, я все-таки не могу не обратить вниманія на то обстоятельство, что *нашими географами-педагогами какъ бы игнорируется та часть преподаваемой ими науки, которая является единственною, знакомящею учениковъ съ нынѣ столь осложнившеюся экономическою жизнью міра.* Матеріальная культура, столь высоко стоящая въ настоящее время и столь сильно вліяющая на политическія отношенія и духовный міръ народовъ, *какъ бы нарочно скрывается отъ учениковъ.* Они узнаютъ о ней свѣдѣнія только *отрывочныя, голословныя, а зачастую даже невѣрныя.*

Правда, въ теченіе послѣднихъ лѣтъ введено преподаваніе *отечествовѣдѣнія* въ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній. Это преподаваніе ведется по сравнительному статистическому методу и какъ бы восполняетъ замѣчавшійся въ нашей средней школѣ пробѣлъ. Однако, такъ какъ данный курсъ проходится только учениками старшихъ классовъ, то имъ *совершенно не затрогивается вся та масса учениковъ* (иногда болѣе 50% всего состава), *которые до старшихъ классовъ не доходятъ,* а оставляютъ гимназіи или реальныя училища гораздо раньше.

Поэтому ознакомленіе съ культурно-экономическою жизнью народовъ, а въ особенности своего отечества, должно начинаться *раньше,* должно по возможности вестись еще *съ младшихъ классовъ гимназій и реальныхъ училищъ.* Но введеніе культурно-экономическаго элемента уже въ младшихъ классахъ необходимо не только по указанной причинѣ. Оно необходимо потому, что, какъ указываетъ Гармсъ въ вышеупомянутой брошюрѣ, *факты культурной географіи должны находиться въ тѣсной причинной связи съ другими географическими объектами. Поэтому не слѣдуетъ откладывать культурно-географическія разъясненія на самый конецъ: напротивъ, они должны появляться на должномъ мѣстѣ, на ряду съ другими элементами географическаго преподаванія; они должны быть тѣсно сплетены съ орографическими, гидрографическими и климатическими данными.* Это сплетеніе элементовъ культурно-экономическихъ съ элементами физико-географическими чрезвычайно важно и съ чисто практической стороны: оно вноситъ оживляющій, свѣжій духъ въ преподаваніе географіи [1]).

---

[1]) Такъ, напр., въ Учебникѣ Всеобщей Географіи П. Н. Бѣлохи (24 изд. 1909 г.) въ главѣ, посвященной климатологіи отдѣла „Общее землеописаніе“ дается рядъ

Такимъ образомъ, *какъ методическія, такъ и практическія соображенія приводятъ къ заключенію, что введеніе культурно-экономическаго элемента должно начинаться уже съ младшихъ классовъ.* Но культурно-экономическія явленія (если не всѣ, то большинство изъ нихъ) не могутъ, какъ я доказываю ниже, обойтись безъ статистическаго элемента, а при пользованіи этимъ элементомъ необходимо примѣнять сравнительный статистическій методъ. Это введеніе сравнительнаго статистическаго метода уже въ младшихъ классахъ и встрѣчаетъ больше всего возраженій. Возражаютъ, обыкновенно, что ученики младшихъ классовъ не въ состояніи усвоить статистическія данныя, что введеніе сравнительнаго статистическаго метода въ младшихъ классахъ представило бы, поэтому, непосильныя для преподавателя и учениковъ затрудненія. Само собою разумѣется, что въ низшихъ классахъ преподаваніе должно вестись по *совершенно иному методу,* чѣмъ въ старшихъ классахъ. Разумѣется также, что сообщаемыя ученикамъ статистическія свѣдѣнія должны быть ограничены въ числѣ. Но свѣдѣнія эти, непремѣнно, *должны* сообщаться. Вѣдь преподается же въ низшихъ классахъ средней школы исторія, при чемъ *хронологическія данныя*—хотя и въ ограниченномъ числѣ—*считаются обязательными.* Преподаватель исторіи не говоритъ: „Это было много лѣтъ тому назадъ“, „Прошли еще многіе (или немногіе) годы“ и такъ далѣе, а называетъ *точныя* цифры вѣковъ или годовъ. Между тѣмъ, по экономическимъ вопросамъ до сихъ поръ у насъ считаютъ достаточнымъ сказать: „вывозится много хлѣба“, „добывается много золота“ и такъ далѣе, при чемъ ученику предоставляется подразумѣвать подъ этимъ словомъ „много“ все, что ему будетъ угодно.

Такое злоупотребленіе ничего не опредѣляющими терминами, какъ „много“, „мало“, „большое количество“ и такъ далѣе, мнѣ представляется *не только неправильнымъ,* но и *прямо таки легкомысленнымъ.* Оно не только учениковъ пріучаетъ смотрѣть на географію, какъ

общихъ положеній сначала о температурѣ воздуха, а затѣмъ о влажности его, безъ всякаго намека на то, какое значеніе для человѣка имѣетъ та или другая температура воздуха, та или другая влажность его. Несомнѣнно, что такое сухое изложеніе климатологіи едва ли соотвѣтствуетъ весьма юному возрасту учениковъ, для которыхъ оно предназначено. Но какъ оживился бы этотъ отдѣлъ, если бы дѣти, хотя бы узнали, напр., что въ Россіи существуютъ почти всѣ климаты земного шара, что русскимъ приходится выдерживать какъ стужу полюса холода въ Якутской области, такъ и сухой зной Сахары въ Туркестанѣ и влажный зной тропиковъ въ Батумской области (ср. А. И. Воейковъ „Орошеніе Закаспійской области“, Спб., М. М. Стасюлевичъ, 1908 г.).

науку о чемъ то крайне неопредѣленномъ, но и *преподаватели, и авторы руководствъ по географіи пріучаются слишкомъ свободно*— можно даже сказать неряшливо—*обращаться съ фактами.* Для того, чтобы доказать это легкомысленное отношеніе къ дѣлу, я сошлюсь на факты, при чемъ намѣренно беру только учебники, имѣющіе хорошую репутацію, составленные лицами, считающимися знатоками своего дѣла.

Обратимся къ 24-му изданію „Учебника по Всеобщей Географіи" П. Н. Бѣлохи, переработанному А. П. Нечаевымъ и А. Ѳ. Соколовымъ.

На страницахъ 178—179 мы читаемъ о „земледѣльческой" Голландіи и о томъ, что „скотоводство и земледѣліе—главныя занятія населенія. Голландскій сыръ и голландскія сельди пользуются всемірною извѣстностью". Прежде всего возникаетъ вопросъ, можно ли назвать Нидерланды земледѣльческою страною, и вѣрно ли, что „скотоводство и земледѣліе—главныя занятія жителей". Развѣ только поверхностному, мало-наблюдательному туристу, бывшему лишь проѣздомъ въ Нидерландахъ, можетъ это показаться, но статистика доказываетъ полную несостоятельность подобной характеристики страны. На основаніи офиціальныхъ данныхъ народныхъ переписей, статистика указываетъ намъ, что въ Нидерландахъ менѣе 31% жителей занимается сельскимъ хозяйствомъ, лѣсоводствомъ, а также рыболовствомъ, а почти 51% населенія—обрабатывающею промышленностью и горнымъ дѣломъ, съ одной стороны, и торговлею и службою по средствамъ сообщенія и сношеній, съ другой.—Если же обратиться къ статистикѣ другихъ европейскихъ странъ, то оказывается, что сельскимъ хозяйствомъ, лѣсоводствомъ и рыболовствомъ занимаются: болѣе половины всѣхъ жителей въ 5-ти странахъ, а именно въ Россіи (по даннымъ переписи 1897 г. почти 75%), въ Австріи, въ Венгріи, въ Италіи и въ Швеціи, а болѣе 1/3 жителей (слѣд. болѣе, чѣмъ въ Нидерландахъ), также въ 5-ти странахъ, а именно въ Даніи, въ Ирландіи, во Франціи, въ Норвегіи и въ Германіи. Эти цифровыя данныя, мнѣ думается, ясно доказываютъ всю несостоятельность утвержденія, что главныя занятія жителей Нидерландовъ—скотоводство и земледѣліе. Конечно, нельзя отрицать, что скотоводство и земледѣліе „процвѣтаютъ" въ Нидерландахъ (впрочемъ, эти отрасли народнаго хозяйства „процвѣтаютъ" и въ другихъ сосѣднихъ странахъ); можно даже сказать болѣе: Голландія является чуть ли не первою страною въ мірѣ по развитію, по крайней мѣрѣ, одной отрасли зем-

ледѣлія, а именно садоводства и огородничества, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что Голландія — страна земледѣльческая, такъ какъ большинство жителей ея не занимается этою дѣятельностью. Здѣсь кстати замѣтить, что на основаніи шведской официальной статистики, въ 1900 г. исключительно земледѣліемъ и скотоводствомъ (не считая рыболовства) занималось 56% всѣхъ жителей Швеціи. Что же мы читаемъ въ учебникѣ П. Н. Бѣлохи? „Въ южной части (Швеціи) возможно земледѣліе и скотоводство". Вотъ все, что считаетъ нужнымъ сказать этотъ учебникъ про отрасли народнаго хозяйства Швеціи, о которыхъ шведская официальная статистика говоритъ, что онѣ, по крайней мѣрѣ, настолько важны, какъ всѣ остальныя отрасли этого хозяйства, вмѣстѣ взятыя. Затѣмъ, что значитъ слово „возможно"? Вѣдь возможно земледѣліе и скотоводство и на Камчаткѣ. Но самое главное то, что, по даннымъ официальной шведской статистики, земледѣліе преуспѣваетъ даже въ самой сѣверной провинціи Швеціи—въ Норботтенѣ, гдѣ сѣется, между прочимъ, рожь, овесъ и ячмень и получаются удовлетворительные сборы этихъ хлѣбовъ. Отсюда ясно, насколько легкомысленно утвержденіе, что въ южной части Швеціи только „*возможно* земледѣліе и скотоводство". Мѣсто не позволяетъ мнѣ остановиться еще на томъ, что въ учебникѣ Бѣлохи говорится объ экономическомъ положеніи Швеціи. Скажу только, что въ этомъ учебникѣ ни слова не сказано о важномъ въ высшей степени и притомъ главномъ предметѣ вывоза Швеціи, а именно о вывозѣ лѣса и его продуктовъ. А стоило бы сказать объ этомъ предметѣ вызова, такъ какъ Швеція въ этомъ отношеніи занимаетъ, послѣ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки и Австро-Венгріи, 3-ье мѣсто въ мірѣ, опережая даже Россію, до сихъ поръ не пользующуюся, какъ слѣдуетъ, своими несмѣтными лѣсными богатствами.

Но возвратимся къ характеристикѣ экономической дѣятельности Нидерландовъ. Какъ характеризовать эту дѣятельность? Отвѣтъ на этотъ вопросъ дастъ, между прочимъ, книга, замѣчательно добросовѣстно составленная,—книга, чтеніе которой нельзя достаточно рекомендовать всѣмъ географамъ-педагогамъ, желающимъ посвятить себя *всестороннему* изученію географіи, какъ предмета школьнаго образованія. Эта книга, являющаяся чуть ли не энциклопедіею по географіи—учебникъ бывшаго ассистента извѣстнаго профессора Фр. Ратцеля, доктора Макса Эккерта „Grundriss der Handelsgeographie" [1]. Въ этомъ

---

[1]) Leipzig, G. J. Göschen'sche Verlagshandlung, 1905 г.

учебникѣ совершенно вѣрно характеризуется Голландія—какъ страна торговли и мореходства („ein Handels- und Schiffartsstaat“). Дѣйствительно, статистика учитъ насъ, что нѣтъ страны въ мірѣ, послѣ Соед. Королевства, гдѣ бы такое, сравнительно, громадное число жителей посвящало себя этой отрасли дѣятельности, какъ Голландія. Далѣе, статистика учитъ насъ, что Нидерланды принадлежатъ къ числу тѣхъ 8 европейскихъ государствъ, торговые обороты которыхъ свыше 1 милліарда руб. въ годъ. Можно ли вполнѣ игнорировать это колоссальное развитіе внѣшней торговли менѣе чѣмъ шестимилліоннаго народца, обороты котораго болѣе чѣмъ вдвое превышаютъ обороты полуторастомилліонной Россіи? Не лучше ли хотя бы намекнуть на это изъ ряда вонъ выходящее развитіе торговой дѣятельности голландцевъ, чѣмъ упоминать о вышеназванныхъ гастрономическихъ предметахъ (сыръ и селедки), въ дѣйствительности играющихъ весьма незначительную роль въ міровомъ хозяйствѣ? Не лучше ли было бы остановиться, хоть нѣсколько, на почти беспримѣрномъ въ исторіи характерѣ дѣятельности голландцевъ, этихъ героевъ труда, превратившихъ бѣднѣйшую область, состоявшую изъ песковъ, торфяниковъ, болотъ и водъ, въ цвѣтущую страну?

Перейдемъ теперь къ другому распространенному учебнику—къ „Отечествовѣдѣнію“ Э. Ф. Лесгафта. Въ этомъ учебникѣ встрѣчается самый поразительный примѣръ того, насколько авторы учебниковъ легкомысленно относятся къ фактамъ, имѣющимъ не только громадное значеніе для Россіи, но и для всего мірового хозяйства. Это мы видимъ въ той части названнаго „Отечествовѣдѣнія“, гдѣ говорится о добычѣ нефти, т. е. о томъ ископаемомъ, скудная добыча и непомѣрное вздорожаніе котораго нанесло въ недавнее время столько бѣдъ чуть ли не всѣмъ отраслямъ нашей промышленности, разорило столько пароходныхъ предпріятій и такъ тяжело легло на скудный бюджетъ сельскаго населенія. Что мы читаемъ о нефти у Э. Ф. Лесгафта? Возьмемъ 1-ое изданіе этого учебника, 1907 г. „У насъ въ Россіи“, говорится въ немъ, „особенно богатыя залежи нефти находятся около Баку, на Апшеронскомъ полуостровѣ (Биби-Эйбатъ, Балаханы, Забунчи, Романы, Забратъ), менѣе богатыя около Грознаго (Терской обл.). Нефтеносныя земли встрѣчаются въ киргизскихъ степяхъ, на Печорѣ, Сахалинѣ и во многихъ другихъ мѣстностяхъ, но эти земли вовсе не обрабатываются“. Въ этомъ абзацѣ поражаетъ, прежде всего, то обстоятельство, что совершенно умалчивается о весьма значительныхъ залежахъ нефти, отчасти уже эксплоатируемыхъ, въ Туркестанѣ, какъ

напримѣръ, въ Красноводскомъ уѣздѣ (остр. Челекенъ), въ Наманганскомъ уѣздѣ и, въ особенности, въ Скобелевскомъ уѣздѣ, въ Чиміонѣ, мѣсторожденіе нефти котораго нѣсколько уже лѣтъ тому назадъ соединено нефтепроводомъ со станціею Ванновской, Средне-азіатской жел. дор. (см. мой атласъ Сибири и Туркестана, изд. 1906 г.). Но этого мало. Дальше, въ этомъ учебникѣ говорится слѣдующее: „Внѣ Россіи, самыя богатыя залежи нефти находятся въ Пенсильваніи (С. Шт. С. Ам.) и около Лимы (Перу). Добыча въ другихъ государствахъ, какъ Австрія, Голландская Индія и др., не можетъ идти въ сравненіе съ добычею въ Россіи и С. Штатахъ". Въ этомъ абзацѣ заключается въ высшей степени странное недоразумѣніе. Дѣло въ томъ, что около Лимы, столицы Перу, до сихъ поръ никакихъ залежей нефти не найдено, а имѣются таковыя, и притомъ, судя по добычѣ, незначительныя, въ самой сѣверной оконечности Перу, около портоваго городка Паита, находящагося по воздушной линіи свыше чѣмъ въ 1.000 верстахъ отъ Лимы. Очевидно, что Э. Ф. Лесгафтъ, прочитавъ гдѣ-то, что однимъ изъ важныхъ центровъ добычи нефти является Лима, принялъ это слово за названіе столицы Перу, между тѣмъ какъ, въ дѣйствительности, рѣчь идетъ о городѣ Лимѣ (а по англійскому произношенію Лаймэ), въ штатѣ Огейо, въ С. Штатахъ Сѣв. Америки! Но, говоря о добычѣ нефти въ Соед. Штатахъ, если уже упоминать объ отдѣльныхъ нефтеносныхъ раіонахъ, нельзя не упомянуть о мѣстахъ нахожденія нефти въ Калифорніи, Техасѣ, Луизіанѣ, Канзасѣ и Оглагамѣ, поставившихъ за послѣдніе годы, въ сложности, значительно больше нефти, чѣмъ Пенсильванскій и Лимскій раіоны, вмѣстѣ взятые.

Выше я сказалъ, что цитаты мои заимствованы изъ изданія 1907 г. Но въ новомъ изданіи этого учебника, 1908 г., перепечатано все, сказанное о нефти, безъ всякихъ измѣненій. Въ виду того, что по появленіи перваго изданія, 1907 г., было написано нѣсколько рецензій названнаго учебника и, притомъ, въ общемъ, весьма сочувственныхъ автору его, очевидно, что рецензенты мало обратили вниманія на соотвѣтствіе или несоотвѣтствіе дѣйствительности фактовъ изъ экономической области, приводимыхъ авторомъ, обративъ, повидимому, все свое вниманіе только на планъ учебника и на способъ его изложенія. Это въ высшей степени характерно: это доказываетъ еще разъ, какъ до сихъ поръ въ педагогическомъ мірѣ (а рецензіи написаны лицами, принадлежащими къ этому міру) мало обращается вниманія на цифры и цифровыя отношенія, такъ какъ послѣднія, повидимому, считаются

чѣмъ-то скучнымъ и ненужнымъ. Положимъ, что это отчасти и понятно. Вѣдь въ большинствѣ нашихъ учебниковъ, гдѣ приходится, поневолѣ, имѣть дѣло съ *цифровымъ матеріаломъ*, наблюдается странное *неумѣніе пользоваться таковымъ*; онъ представленъ или въ совершенно сыромъ, необработанномъ видѣ, или въ формахъ трудно сравнимыхъ и, кромѣ того, почти *безъ всякаго соотвѣтствія съ сравнительнымъ значеніемъ и важностью фактовъ, освѣщаемыхъ имъ* [1]).

Изъ всего сказаннаго явствуетъ, насколько въ вопросѣ о раціональной постановкѣ преподаванія географіи въ средней школѣ общеобразовательнаго типа, мы отстали отъ Запада и, въ частности, отъ Франціи. Отставать отъ Запада намъ, очевидно, нельзя, но что же намъ дѣлать? Вѣдь учебниковъ по общей географіи, составленныхъ по новому сравнительному статистическому методу, у насъ нѣтъ, и едва ли скоро таковые появятся, такъ какъ составленіе ихъ—дѣло далеко не легкое. Тѣмъ не менѣе, я считаю для преподавателей,

---

[1]) Какъ примѣръ непониманія дѣйствительнаго значенія цифрового матеріала, можно привести слѣдующее извлеченіе изъ „Отечествовѣдѣнія" Э. Ф. Лесгафта. Въ этомъ учебникѣ (2-ое изданіе 1908 г.), въ отдѣлѣ „міровая торговля", говоря о неблагопріятномъ торговомъ балансѣ Соединеннаго Королевства, Германіи и Бельгіи, Э. Ф Лесгафтъ высказываетъ слѣдующее положеніе: „Изъ торговаго оборота и фрахта (т. е. платы за провозъ товаровъ) и составляются тѣ рессурсы, которыми уплачивается избытокъ ввоза и создаются колоссальныя наличныя богатства промышленно-торговыхъ странъ". Но вѣрно ли, что *только* изъ торговаго барыша и фрахта уплачивается избытокъ привоза? Всякій, отдающій себѣ отчетъ въ значеніи цифрового матеріала, при одномъ ознакомленіи съ цифрами, показывающими разность цѣнности привоза и вывоза этихъ странъ, долженъ отнестись съ сильнымъ сомнѣніемъ въ вѣрности этого положенія. Вѣдь въ Соединенномъ Королевствѣ, напримѣръ, въ теченіе шестнадцатилѣтія 1890 — 1905 г.г. цѣнность привоза неоднократно превышала цѣнность вывоза на *полтора милліарда руб.* Ясно, что такая сумма не могла получиться только отъ фрахта и торговаго барыша. Нужно искать иныхъ источниковъ. И вотъ всякому, кто, хотя бы въ общихъ чертахъ, знакомъ съ экономическою жизнью Соединеннаго Королевства, Германіи и Бельгіи, немедленно должно придти на умъ, что названныя страны живутъ не одними торговыми барышами и фрахтомъ, но и доходами съ тѣхъ колоссальныхъ капиталовъ, которые онѣ помѣстили въ финансовыхъ и промышленныхъ предпріятіяхъ за границею. Чтобы судить о грандіозности этихъ доходовъ съ капиталовъ, помѣщенныхъ за границею, достаточно указать на то, что къ началу нынѣшняго вѣка одной Германіею помѣщено было за границею (и, притомъ, не считая иностранныхъ государственныхъ займовъ и биржевыхъ бумагъ) свыше трехъ милліардовъ руб., съ каковаго капитала получался доходъ свыше 200 милліоновъ руб. Этого примѣра совершенно достаточно, чтобы доказать, насколько важно упоминаніе о капиталахъ, помѣщенныхъ отдѣльными государствами за границею, и какую ошибку допустилъ Э. Ф. Лесгафтъ въ своемъ учебникѣ, совершенно не упомянувъ объ этомъ важномъ фактѣ.

дѣйствительно любящихъ свое дѣло, возможнымъ приступить *нынѣ же* къ новой постановкѣ преподаванія географіи. *Даже при нынѣшнемъ положеніи дѣла вполнѣ зависитъ отъ самихъ преподавателей ввести своихъ учениковъ въ область живой дѣйствительности, съ которою знакомитъ культурно-экономическая географія,* и мнѣ кажется, что, *для начала,* можно было бы, *не ломая существующихъ программъ* и *пользуясь нынѣ имѣющимися учебниками географіи,* восполнить курсъ общей географіи извлеченіями изъ слѣдующихъ трудовъ: 1) „Grundriss der Handelsgeographie" д-ра Макса Эккерта (этотъ трудъ, изданный въ 1905 г. Лейпцигскою фирмою G. J. Göschen, представляетъ собою какъ бы полную энциклопедію экономической географіи); 2) „Къ познанію Россіи" (и посмертное дополненіе къ этой книгѣ) Д. И. Менделѣева (Спб. 1907 г.); 3) „Ежегодникъ Россіи", изд. Центральнаго Статистическаго Комитета Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, 4) составленные мною „Статистическій Ежегодникъ по Сравнительной Географіи" (Спб. 1908) [1], „Главнѣйшія данныя изъ статистики міроваго хозяйства (Спб. 1909 г.), атласъ „Сибирь и Туркестанъ" (Спб. 1906 г.) и „Атласъ картограммъ и статистическихъ таблицъ хлѣбо-промышленнаго значенія 72-хъ губерній и областей Европейской и Азіатской Россіи за 1900—1904 г.г." (Спб. 1905 г.); 5) „Отечествовѣдѣніе" (Спб. 1901 г.) и „Очерки отечествовѣдѣнія и сравнительной географіи" (Спб. 1903 г.) А. М. Ловягина и 6) статьи проф. А. И. Воейкова „Распредѣленіе населенія земли въ зависимости отъ природныхъ условій и дѣятельности человѣка" (Изв. Имп. русск. геогр. общества, т. XLII, 1906 г., вып. 2 и 3) и „Будетъ ли Тихій Океанъ главнымъ торговымъ путемъ земного шара"? (ib., т. XL, 1904 г., вып. 4).

Чтобы показать на примѣрѣ, какъ слѣдовало бы измѣнить изложеніе нашихъ географическихъ учебниковъ и какого рода цифровой матеріалъ могъ бы быть помѣщенъ въ нихъ, я приведу три цитаты изъ весьма распространеннаго учебника Г. И. Иванова „Азія, Африка, Америка, Австралія" и подвергну ихъ переработкѣ по сравнительному статистическому методу (пользуясь данными только первыхъ двухъ, упомянутыхъ въ пунктѣ 4-мъ, трудовъ моихъ). Эти цитаты касаются

---

[1] Въ настоящее время печатается 2-ой годъ изданія „Статистическій Ежегодникъ по Сравнительной Географіи". „Главнѣйшія данныя изъ статистики міроваго хозяйства" представляютъ собою только краткое извлеченіе изъ имѣющаго появиться Ежегодника 1909 г.

культурно-экономическаго состоянія 1) Лаплатскихъ странъ, 2) Австралійскихъ Штатовъ и 3) Новой Зеландіи.

1) (Учебникъ Г. И. Иванова, 2-е изд. 1908 г., стр. 117 и слѣд.). „Главныя занятія переселенцевъ и гаучосовъ—скотоводство и земледѣліе, процвѣтающія болѣе всего въ пампасахъ. Тамъ, гдѣ еще недавно бродили дикіе охотники-индѣйцы, теперь пасутся огромныя *стада овецъ, крупнаго рогатаго скота и лошадей*; обширныя пространства распаханы и даютъ обильные урожаи *пшеницы* и *кукурузы*... Самые большіе города *Буэносъ-Айресъ*, столица Аргентины (1 милл. жителей) и *Монтевидео*, столица Уругвая. Оба расположены въ устьѣ Ла-Платы и представляютъ собою большіе порты; изъ нихъ *вывозится* въ Европу очень много *пшеницы, шерсти, мяса* (замороженнаго и соленаго), сала, шкуръ и т. д.“

Передѣлка этихъ свѣдѣній по сравнительному статистическому методу:

Изъ трехъ Лаплатскихъ странъ первое мѣсто принадлежитъ Аргентинѣ—не только по числу жителей (въ ней свыше $^3/_4$ всего 8-ми милліоннаго населенія Лаплатскихъ странъ), но и по сбору хлѣбовъ, скотоводству и внѣшней торговлѣ. По сбору хлѣбовъ Аргентина представляетъ для насъ исключительный интересъ и вотъ почему.

Какъ извѣстно, одинъ изъ важнѣйшихъ, по цѣнности, предметовъ нашего вывоза, это — пшеница. Главнымъ нашимъ конкурентомъ по этой важнѣйшей отрасли нашей вывозной торговли были раньше Соединенные Штаты Сѣверной Америки; теперь же воздѣлываніе пшеницы въ Аргентинѣ развилось настолько, что намъ приходится конкурировать уже съ нею. Аргентина также играетъ очень важную роль по вывозу кукурузы: по воздѣлыванію и вывозу этого хлѣба она (послѣ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки) является 2-ою страною въ мірѣ. Аргентина имѣетъ также выдающееся значеніе въ міровомъ хозяйствѣ и по скотоводству. По количеству скота она 3-я страна въ мірѣ: если въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки насчитывается свыше 200 милліоновъ головъ скота, а въ Россіи—около 200 милл., то въ Аргентинѣ его свыше 100 милл. головъ. Особенно богата Аргентина овцами: будучи по этой отрасли скотоводства 3-й страною въ мірѣ (послѣ Россіи и Австраліи), она поставляетъ шерсти на всемірный рынокъ свыше чѣмъ на 100 милл. руб. въ годъ (больше шерсти вывозится только изъ Австраліи — болѣе чѣмъ на 200 милл. руб.). Что касается мяса, то Аргентина, вывозящая его только на 40—50 милл. руб., сильно уступаетъ, въ этомъ

отношеніи, Соединеннымъ Штатамъ Сѣверной Америки, вывозящимъ мяса на 200—230 милл. руб. Въ отношеніи вывоза другого продукта животноводства—шкуръ и невыдѣланныхъ кожъ—Аргентина, экспортируя этого товара на 60 милл. руб., уступаетъ только Британской Индіи (вывозящей его почти на 100 милл. руб.) и значительно опережаетъ богатые домашнимъ скотомъ Россію (у насъ вывозъ этого товара не болѣе, чѣмъ на 36 милл. руб.) и Австралійскіе Штаты (вывозъ не болѣе, чѣмъ на 26 милл. руб.), а также сосѣднюю Лаплатскую страну—Уругвай (оттуда шкуръ и невыдѣланныхъ кожъ вывозится не болѣе, чѣмъ на 18 милл. руб.). Оборотъ внѣшней торговли (т. е. сумма цѣнностей привоза и вывоза товаровъ) Аргентины громаденъ: она принадлежитъ въ настоящее время къ числу тѣхъ 13 странъ, обороты внѣшней торговли которыхъ превышаютъ 1 милліардъ руб. въ годъ (оборотъ Россіи, съ ея свыше 150 милліоннымъ населеніемъ, превышаетъ менѣе, чѣмъ вдвое, оборотъ Аргентины, имѣющей всего около 6 милл. жителей). Чтобы судить о значеніи столицы и главнаго порта Аргентины — Буэносъ-Айреса — достаточно сказать, что портовое движеніе этого города больше, чѣмъ портовое движеніе первыхъ трехъ нашихъ портовъ, т. е. Одессы, С.-Петербурга съ Кронштадтомъ и Риги, вмѣстѣ взятыхъ [1]).

2) (Названный учебникъ, стр. 129 и слѣд.). „*Австралійскія колоніи*... Самыя населенныя изъ этихъ колоній — Викторія, Новый Южный Уэльсъ и Квинслэндъ. Въ нихъ болѣе всего развито *земледѣліе, скотоводство* и *горный промыселъ*. Тамъ отлично родятся *пшеница* и *кукуруза*, пасутся огромныя стада *овецъ, крупнаго рогатаго скота* и *лошадей*... Горы Австраліи богаты *золотомъ* и по добычѣ этого металла Австралійскія колоніи соперничаютъ даже съ Соединенными Штатами. Кромѣ золота, тамъ добывается еще много *серебра* и *каменный уголь*... Самые большіе города въ Австралійскихъ колоніяхъ — *Мельбурнъ* (500.000 жителей), *Сидней* (500.000 жителей) и *Аделаида*. Всѣ они важные порты: изъ нихъ вывозится въ Европу много золота,

---

[1]) По поводу этой переработки вышеприведенной цитаты изъ учебника Г. И. Иванова можетъ быть указано, что передѣлка значительно длиннѣе оригинала и что пришлось бы такимъ образомъ увеличить всякій учебникъ втрое, такъ что не хватитъ времени на прохожденіе курса. На это можно отвѣтить: сравнительный элементъ, внесенный въ этотъ отрывокъ, повторяется въ курсѣ нѣсколько разъ (при прохожденіи, кромѣ Лаплатскихъ странъ, еще Сѣверной Америки и Австраліи); кромѣ того, съ точки зрѣнія Россіи, Аргентина представляетъ большій интересъ, чѣмъ многія южно-американскія государства, на счетъ которыхъ объемъ курса можетъ быть уменьшенъ до нормы.

пшеницы, шерсти и замороженнаго и соленаго мяса, масла, сала и т. п. Довольно важные еще порты: *Брисбэнъ* (по вывозу шерсти), *Нью-Кастль* (по вывозу каменнаго угля) и *Гобартъ* (лучшій портъ Тасманіи)".

Переработка этихъ данныхъ:

Въ Австралійскихъ Штатахъ земледѣліе процвѣтаетъ мѣстами настолько, что вывозится пшеницы на свыше 50 милл. руб. въ годъ (Австралійскіе Штаты, занимая въ міровой торговлѣ пшеницею 5-ое мѣсто, вывозятъ ея немного болѣе Британской Индіи, но значительно меньше Аргентины). По количеству овецъ эти Штаты занимаютъ, послѣ Россіи, 2-ое мѣсто среди всѣхъ странъ міра, а по вывозу шерсти—1-ое (ея вывозится свыше чѣмъ на 200 милл. руб. ежегодно). Выдающееся мѣсто среди другихъ странъ занимаютъ Австралійскіе Штаты и по добычѣ золота и серебра: по добычѣ того и другого металла они занимаютъ 3-е мѣсто въ мірѣ (послѣ Трансвааля и Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки по добычѣ золота и послѣ Мексики и Соединенныхъ Штатовъ по добычѣ серебра), добывая золота слишкомъ *втрое* больше, чѣмъ Россія.

Внѣшняя торговля Австралійскихъ Штатовъ весьма значительна и, по обороту этой торговли, Штаты эти приближаются къ странамъ съ милліарднымъ оборотомъ.

3) (Учебникъ Г. И. Иванова, стр. 135 и 136). „На *Новой Зеландіи* главныя занятія европейскихъ переселенцевъ тѣ же самыя, что на материкѣ Австраліи,—скотоводство, земледѣліе и горный промыселъ. На пастбищахъ Новой Зеландіи пасется *много милліоновъ овецъ и крупнаго рогатаго скота*; на поляхъ отлично родятся *пшеница* и *кукуруза*; въ горахъ добывается много *золота* и *каменнаго угля*".

Передѣлка этихъ данныхъ: По количеству добываемаго золота Новая Зеландія занимаетъ среди другихъ странъ лишь 8-ое мѣсто, добывая его приблизительно на половину меньше, чѣмъ Россія. По числу овецъ Новая Зеландія значительно уступаетъ Австралійскимъ Штатамъ (всего 20 милл. овецъ, а въ Австралійскихъ Штатахъ свыше 80 милл.), но она вывозитъ, тѣмъ не менѣе, шерсти на весьма значительныя суммы (свыше, чѣмъ на 60 милл. руб.), а по вывозу мяса она весьма замѣтно опережаетъ названные Штаты (вывозъ его почти въ $1^1/_2$ раза больше), но сильно уступаетъ въ этомъ отношеніи Аргентинѣ, Даніи и главнымъ поставщикамъ этого товара—Соед. Штатамъ Сѣв. Америки".

Изъ изложеннаго мною, а также изъ приведенныхъ мною примѣровъ, какъ мнѣ кажется, нельзя не сдѣлать вывода, что *уже прошло то время, когда можно было ограничиваться неопредѣленными, туманными фразами о производительныхъ силахъ народовъ. Теперь всякому образованному человѣку необходимо имѣть совершенно точныя и опредѣленныя свѣдѣнія о томъ, гдѣ эти силы*—по добычѣ ли, по вывозу ли, наиболѣе насущныхъ для жизни человѣка продуктовъ—*проявляются съ наибольшею энергіею.* Такія, основанныя на положительныхъ данныхъ статистики, познанія о производительныхъ силахъ отдѣльныхъ странъ и народовъ *въ особенности настоятельно необходимы именно для насъ* по слѣдующимъ соображеніямъ.

Одного бѣглаго просмотра вышеупомянутой статьи моей „Главнѣйшія данныя изъ статистики міровoго хозяйства“ достаточно, чтобы убѣдиться, насколько мы отстали въ матеріальной культурѣ отъ Запада [1]). Въ той же статьѣ съ достаточною наглядностью выступаетъ такого рода фактъ: ни въ одной изъ Европейскихъ великихъ державъ нѣтъ столь большого естественнаго прироста, какъ въ Россіи. Эти два факта — *крайне низкая производительность*, съ одной стороны, и *очень быстрый естественный приростъ*, съ другой—*указываютъ намъ, что въ поднятіи матеріальной культуры, въ самомъ напряженномъ использованіи нашихъ производительныхъ силъ—заключается та первостепенной важности задача, за которую мы должны прежде всего взяться* и на которую мы должны устремить всѣ наши силы, всю нашу энергію.

Правильное развитіе матеріальной культуры зависитъ, какъ учитъ насъ опытъ, не только отъ тѣхъ, которые принимаютъ непосредственное участіе въ использованіи производительныхъ силъ страны: законодатель, администраторъ, общественный дѣятель играютъ громадную роль въ развитіи матеріальной культуры, то тормозя это развитіе, то создавая наиболѣе благопріятныя условія для прогресса въ матеріальной культурѣ. Такимъ образомъ мы видимъ, что чуть ли не *всѣ слои общества принимаютъ то или другое участіе въ развитіи матеріальной культуры.* Отсюда вытекаетъ ясный выводъ: *школа, какого бы типа она ни была, обязана знакомить своихъ учениковъ,*

---

[1]) Попытку опредѣлить степень отсталости нашей въ матеріальной культурѣ мы встрѣчаемъ въ трудѣ В. П. Литвинова-Фалинскаго „Наше экономическое положеніе и задачи будущаго“ (Спб. 1908 г.). „*Душевая производительность Россіи*“, говоритъ этотъ авторъ, *въ 4—5 разъ* (!) *меньше таковой въ „нѣкоторыхъ другихъ странахъ*“.

хотя бы съ самыми элементарными понятіями изъ области матеріальной культуры, она обязана возбуждать въ своихъ ученикахъ интересъ къ той культурѣ, которая служитъ основою для духовной культуры, дабы ученики, вступивъ по окончаніи школы въ жизнь, могли принять живое участіе въ ростѣ производительныхъ силъ родной страны и въ ея матеріальномъ и духовномъ благосостояніи.

Итакъ, настоятельно необходимо въ курсъ географіи школъ общеобразовательнаго типа введеніе культурно-экономическаго элемента, преподаваемаго по сравнительно статистическому методу.

Но, съ введеніемъ въ учебный курсъ этого элемента, нельзя уже будетъ довольствоваться тою, сравнительно весьма незначительною продолжительностью курса географіи, которая имѣется у насъ теперь. *Курсъ географіи необходимо расширить и довести до выпускныхъ классовъ*—не только потому, что придется имѣть дѣло съ добавочнымъ учебнымъ матеріаломъ, но и потому, что многія стороны культурно-экономической жизни народовъ могутъ быть правильно поняты только учениками старшаго возраста. При этомъ, естественно, возникаетъ *вопросъ, гдѣ взять учебное время для такого расширенія курса географіи,* когда, по мнѣнію многихъ, курсъ среднихъ учебныхъ заведеній общеобразовательнаго типа доведенъ, по учебнымъ часамъ, до максимума. Мѣсто не дозволяетъ мнѣ даже коснуться столь сложнаго вопроса, но *такъ или иначе, вопросъ этотъ долженъ быть рѣшенъ и притомъ по возможности безотлагательно.*

Баронъ П. Торнау.

ПАМЯТИ СОФУСА БУГГЕ.

(Некрологъ).

(Род. 5-го янв. 1833—ум. 8-го іюля 1907 г. н. ст.).

Полъ-столѣтія неустанной, плодотворной, согрѣтой страстной любовью къ истинѣ работы вѣчно ищущаго прозорливаго ума. Цѣлый дождь блестящихъ, оригинальныхъ идей въ разнообразнѣйшихъ областяхъ науки,—идей, бросавшихъ внезапный яркій свѣтъ въ отдаленнѣйшіе темные уголки научныхъ лабиринтовъ, вселяя въ нихъ жизнь и открывая въ ихъ закоулкахъ нежданныя сокровища. Вотъ впечатлѣніе, которое выноситъ каждый, всматривающійся въ этотъ чудесный процессъ полувѣкового непрерывнаго научнаго труда, вынесеннаго на своихъ могучихъ плечахъ скончавшимся недавно Софусомъ Бугге. Изъ краткаго очерка, который мнѣ хотѣлось бы посвятить его памяти, выяснится, что нѣкоторымъ изъ тезисовъ Бугге суждено было отпасть или замѣниться другими, но именно его пытливыя изслѣдованія создали тотъ прочный базисъ, на которомъ строится вся новѣйшая скандинавистика. Я не собираюсь представить полный обзоръ безчисленныхъ крупныхъ и мелкихъ работъ покойнаго, — да это и безцѣльно: желающій найдетъ подробныя указанія, хотя бы въ статьѣ Ольсена— въ Zeitschrift für deutsche Philologie за 1908 годъ (томъ 40-й), или— еще полнѣе—на послѣднихъ страницахъ сборника, посвященнаго памяти Бугге (Sproglige og historiske Afhandlinger viede Sophus Bugges Minde. Christiania 1908); въ мою же задачу входитъ лишь вкратцѣ обозначить роль важнѣйшихъ трудовъ великаго ученаго въ той научной средѣ, въ которой они появлялись, и попытаться подмѣтить ихъ общую руководящую нить.

Жизнь Бугге поражаетъ насъ своей гармонической стройностью и

несложностью: ни слѣда въ ней тѣхъ бурь, которыя рождались въ кипучемъ умѣ его и вызывали столько ожесточенныхъ, казалось—непримиримыхъ, споровъ, столько смертельной вражды. Ребенка влечетъ къ себѣ поэзіей родная старина; онъ срисовываетъ попадающіеся ему на прогулкахъ курганы, могильные камни, «узоры надписей надгробныхъ», памятки, высѣченныя въ скалахъ. Интересъ этотъ живетъ въ немъ и въ школьные годы. На семнадцатомъ году, со вступленіемъ въ университетъ, начинается для него пора систематическихъ научныхъ занятій; и уже тутъ интересы его раздвигаютъ національныя границы: сравнительное языкознаніе становится въ центрѣ его штудій, и въ 1853 году онъ печатаетъ свой опытъ толкованія оскскихъ и умбрійскихъ надписей (Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung, томъ II, и затѣмъ—тамъ же въ т.т. III, IV, V, VI и VIII); не проходитъ онъ, разумѣется, и мимо германскихъ языковъ: съ независимостью, которая такъ отличаетъ всю его дѣятельность, обработываетъ онъ различныя темы изъ этой области („Altnordische Namen“, „Die Formen der geschlechtlosen Pronomina in den germ. Sprachen“—въ III и IV томахъ только что названнаго журнала,—и др.); и на интересы родного ему—норвежскаго—языка не можетъ не отозваться молодой ученый, и ему посвящена предшествовавшая названнымъ работа (1852 г.)—Om consonant-overgange i det norske folkesprog—въ V томѣ Tidskrift for videnskab og literatur.

Двадцатичетырехлѣтнимъ студентомъ отправляется Бугге въ путешествіе по Норвегіи съ цѣлью собиранія народныхъ пѣсенъ. Дойдя до этой первой крупной работы нашего ученаго, мы покидаемъ хронологичность изложенія и переходимъ къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ группъ его писаній по темамъ, такъ какъ въ это время передъ нами уже зрѣлый, вполнѣ самостоятельный изслѣдователь. Очень многое придется, разумѣется, оставить въ сторонѣ, такъ какъ едва ли не каждому изъ затронутыхъ имъ вопросовъ посвятилъ Бугге по цѣлому ряду работъ; безпрестанно отвлекаясь отъ уже начатаго—охваченный какимъ-нибудь новымъ интересомъ, зачарованный новою мыслью, онъ черезъ нѣкоторое время вновь возвращается къ оставленной темѣ, снова трудится надъ нею, обогащенный новымъ опытомъ, чтобы попутно затронуть еще рядъ проблемъ и углубиться въ каждую отдѣльно, пока прочія ждутъ своей очереди.

Первымъ же примѣромъ сказаннаго является работа надъ народными пѣснями. Въ 1858 году вышелъ сборникъ норвежскихъ пѣсенъ (Norske folkeviser),—результатъ путешествія; интересъ къ народной

поэзіи, который Бугге всегда хранилъ въ себѣ [1]), съ новой силой выступаетъ въ 90-хъ годахъ, когда съ нимъ сотрудничаетъ Moltke Moe. Назовемъ: Harpens kraft 1890 (Arkiv for nordisk filologi VII); Kungssonen av Norigsland. 1895 (Norge II); Den danske vise om Gralver kongens sön i sit forhold til Wolfdietrich-sagnet. 1895 (Afnf XII); Torsvisen i sin norske form 1897; присоединимъ сюда же изслѣдованіе о балладѣ Kong David og Solfager (см. Danske Studier за 1908 годъ), сюжетъ, который, по Бугге, вышелъ изъ еврейской среды (сказ. о Соломонѣ) и прошелъ черезъ Россію [2]); за подробными указаніями отсылаемъ читателя къ названному выше сборнику.

Для подобнаго рода работъ хорошую службу сослужила Бугге филологическая подготовка; критическія замѣчанія къ тексту, ясное его пониманіе и тонкій анализъ возможны лишь при тѣхъ крупныхъ познаніяхъ въ области лингвистики, которыя съ юныхъ лѣтъ были въ распоряженіи великаго ученаго.

Попутно съ изученіемъ народной поэзіи Бугге трудится преимущественно въ двухъ областяхъ, въ которыхъ ему суждено было положить основаніе всѣмъ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ. Это—поэтическая Эдда и руническія надписи.

Изданію текста эддическихъ пѣсенъ предшествовало нѣсколько критическихъ изданій древнесѣверныхъ сагъ — Hálfssaga Vǫlsungasaga и Hervararsaga — въ серіи Norröne skrifter af sagnhistorisk indhold. Всякій, имѣвшій дѣло съ этими текстами, отдалъ, конечно, дань своего удивленія той необычайной тонкости критическаго анализа и тому такту въ выборѣ варіантовъ, которые сопровождали Бугге въ этой кропотливой работѣ. Бугге—филологъ и въ блестящемъ введеніи къ своему, появившемуся въ 1867 году, знаменитому изданію поэтической Эдды; изданіе это, выросшее изъ тщательнаго изученія рукописнаго матеріала, явилось откровеніемъ; имъ Бугге первый поставилъ насъ лицомъ къ лицу съ подлинными остатками древне-германской поэзіи, не имѣющими себѣ равныхъ по красотѣ и значенію. Текстъ Бугге до сихъ поръ считается основнымъ. Объ изслѣдованіи имъ

---

[1]) Это доказываетъ, хотя бы, связанный съ этой же областью, анализъ двухъ эддическихъ пѣсенъ, относящійся къ 1860 году: Das Verhältniss zwischen Grógaldr und Fjǫlsvinnsmál, beleuchtet durch ihre Vergleichung mit dem dän.-schwedischen Liede von Sveidal, и появившаяся въ 1879 году работа: Bidrag til den nordiske balladedigtnings historie (I. Marsk Stig. II. Holofernes).

[2]) См. объ этой балладѣ: А. Н. Веселовскій. Шведская баллада объ увозѣ Соломоновой жены. Сборн. отд. рус. яз. и слов. Ак. Н. т. LXIV; № 2 (1896 г.).

эддическихъ пѣсенъ придется сказать—въ другой связи—нѣсколько ниже, пока же обратимся къ области рунъ. Интересъ къ нимъ существовалъ уже съ начала XIX столѣтія, но еще въ 60-хъ годахъ не было ни прочныхъ методовъ толкованія надписей, ни общепринятаго чтенія отдѣльныхъ знаковъ, да и самый вопросъ о происхожденіи руническаго алфавита (собственнно fuþark'а) оставался открытымъ. Рядомъ мастерскихъ изслѣдованій отдѣльныхъ надписей Бугге установилъ окончательно чтеніе многихъ знаковъ; рука объ руку съ этимъ шла работа датскаго ученаго Виммера; книга послѣдняго, появившаяся въ 1874 году (Runeskriftens Oprindelse — въ Aarbœger; въ 1887 году—отдѣльно въ нѣмецкомъ переводѣ—Holthausen'а—съ дополненіями), была первымъ значительнымъ опытомъ приведенія въ систему знанія о рунахъ и рѣшенія вопроса о ихъ происхожденіи. По Виммеру—германскія руны произошли изъ латинскихъ прописныхъ буквъ поздней формы, относящейся къ эпохѣ императоровъ. Надо замѣтить, однако, что въ 1873 году Бугге въ рефератѣ, читанномъ въ обществѣ наукъ въ Христіаніи, высказалъ приблизительно тотъ же взглядъ, при чемъ и мысль его—о посредствующей роли кельтовъ въ передачѣ римскихъ буквъ германцамъ (рѣчь идетъ о германцахъ южныхъ), была принята Виммеромъ. Послѣдній доказалъ, кромѣ того, что 16-ти значный руническій алфавитъ вышелъ изъ 24-хъ значнаго, а не наоборотъ, какъ думали раньше; *роль* латинскаго алфавита въ образованіи руническаго установлена съ несомнѣнностью также впервые имъ; представляетъ лишь затрудненія—выводить формы *всѣхъ* рунъ изъ латинскихъ буквъ, какъ того хотѣлъ Виммеръ. Однако его теорія—о латинскомъ алфавитѣ, какъ единственномъ источникѣ руническаго, нашла всеобщее признаніе на долгое время; еще въ 1901 году Sievers пишетъ въ Grundriss'ѣ Paul'я (2-ое изд., т. I, стр. 257): „Der zuerst von Kirchhoff ausgesprochene Satz, dass das lateinische Alphabet die Quelle des Runenalphabets sei, hat durch die abschliessenden Untersuchungen von Wimmer volle Bestätigung erhalten und darf jetzt für sicher gelten“. Тамъ же, стр. 258: „Wann und wo und durch wen die Herübernahme des lateinischen Alphabets stattgefunden hat, entzieht sich der genaueren Erforschung. Möglicherweise haben die Gallier eine Vermittlerrolle gespielt, aber zu erweisen ist auch dies nicht. Für höchst wahrscheinlich richtig darf man dagegen wohl halten, was Wimmer S. 176 ausspricht: «Das Runenalphabet ist nach dem lateinischen Alphabet... bei einem der südlich wohnenden germanischen Stämme (natürlich an einer einzigen Stelle und — können wir wohl ge-

trost hinzufügen—von einem einzigen Manne) gebildet, und es hat sich dort aus allmählich zu den andern nahverwandten Stämmen verbreitet»".

Между тѣмъ зоркій взглядъ Бугге уже рано подмѣтилъ слабыя стороны такого объясненія. Въ 1-мъ томѣ своихъ Norges Indskrifter med de ældre Runer (объ этомъ сборникѣ—ниже), начатомъ въ 1891 году, онъ замѣчаетъ (это относится къ 1893 году), вскользь, что первое образованіе руническаго алфавита слѣдуетъ искать у готовъ: т. I, стр. 143—по поводу знака ᛡ или ᛡ, который былъ въ употребленіи у скандинавовъ, англосаксовъ, западногерманцевъ на материкѣ, и у бургундовъ: Denne Rune maa derfor sikkerlig have hørt til Runeskriften i dens ældste Form, der efter min Mening, som jeg her ikke skal begrunde, blev dannet hos en gotisk stamme.

Въ 1898 году, на 5-мъ собраніи сѣверныхъ филологовъ, Бугге высказался рѣшительнѣе [1]). Первымъ германскимъ племенемъ, употреблявшимъ руны, были готы—въ юго-восточной Европѣ; отъ нихъ руническое письмо перешло къ жителямъ сѣвера и—независимо отъ этого, по другому пути—къ западногерманскимъ народностямъ на материкѣ, и отъ нихъ—къ англосаксамъ. Произошли руны лишь частью изъ латинскаго, частью же—изъ греческаго алфавита, при чемъ готъ, давшій рунамъ названія, зналъ названія греческихъ буквъ; послѣднія же сообщилъ ему человѣкъ, говорившій по-кельтски. Заключаетъ онъ это изъ того, что названіе руны, обозначающій b—bercna (береза), является, по его мнѣнію, переводомъ греческаго слова βῆτα; поводомъ же къ такому переводу послужилъ тотъ фактъ, что ирландское слово, звучавшее въ произношеніи какъ βῆτα, означало именно „береза". Бугге старался также въ своемъ рефератѣ подкрѣпить то предположеніе (ему же принадлежащее), что руны впервые получили употребленіе у готовъ тотчасъ послѣ ихъ похода въ Малую Азію въ 267-мъ году: ему казалось, что *готскія* названія рунъ—суть измѣненія чужихъ названій, которыя готы узнали отъ галатскихъ и армянскихъ плѣнниковъ-христіанъ, взятыхъ ими во время похода въ Малую Азію въ 267-мъ году.

Подробное развитіе этихъ взглядовъ, лежащихъ въ основѣ современной рунологіи [2]), должно было составить вводный томъ къ изданію

---

[1]) Резюмэ реферата, прочитаннаго Б. на этомъ собраніи, приложено къ работѣ Otto v. Friesen'a „Om runskriftens härkomst", появившейся въ запискахъ Упсальскаго университета, въ Språkvetenskapliga Sällska-petsii Uppsala förhandlingar 1904—1906 и отдѣльнымъ изданіемъ 1904 г.

[2]) Ср. Otto v. Friesen. Om runskriftens härkomst (см. выше), детальныя изслѣ-

норвежскихъ надписей старшаго fuþark'а; первый выпускъ этого введенія вышелъ въ 1905 году (онъ обрывается на 128-й страницѣ) и содержитъ въ себѣ: книгу 1-ю (Runernes Udbredelse, Rækkefœlge, Former og Lydværdi), 2-ю (Runenavnene), 3-ю (Runerne oprindelig gotiske. Deres Sammenhæng med latinsk og græsk Skrift) и начало 4-й (Runenavnenes Oprindelse). Но не вопросъ о происхожденіи etc. руническаго алфавита стоялъ въ центрѣ интересовъ Бугге въ этой области. Epochemachend — его геніальныя толкованія надписей и образцовыя ихъ изданія; въ особенности важенъ сборникъ Norges Indskrifter med de ældre Runer, 1-й томъ котораго былъ законченъ въ 1903 году (въ 1904 вышла 1-я тетрадь 2-го). Имъ заложенъ мощный фундаментъ для одной изъ важнѣйшихъ областей германской филологіи. При этомъ впервые Бугге и Виммеромъ (затѣмъ — Томсеномъ и другими) было установлено, что древнія сѣверныя руническія надписи пользуются языкомъ старшаго желѣзнаго вѣка; они назвали его urnordisch (онъ—отецъ современныхъ скандинавскихъ языковъ). Не называя многочисленныхъ изслѣдованій отдѣльныхъ—надписей, отмѣтимъ наиболѣе обширныя: Norges Indskrifter med de yngre runer (1-й выпускъ — 1902, 2-й — 1906), Nordiske runeindskrifter og billeder paa mindesmærker paa œen Man (въ Aarbœger за 1899 годъ), большую работу о шведскихъ надписяхъ (въ Antiqvarisk tidskrift för Sverige X), изданныхъ имъ въ сотрудничествѣ съ Brate, и другія. Пишущій эти строки глубоко жалѣетъ, что объемъ настоящей замѣтки не позволяетъ подробно остановиться на толкованіяхъ отдѣльныхъ надписей, поражающихъ поистинѣ геніальнымъ даромъ комбинаціи, который даетъ Бугге возможность зачастую изъ абсолютно неразрѣшимыхъ загадокъ древнихъ узоровъ вычитывать исторіи цѣлыхъ походовъ, цѣлыя біографіи викинговъ. Въ особенности этотъ блестящій даръ сказывается въ объясненіи знаменитаго Рёкскаго камня; „цѣлая книга въ одномъ камнѣ",—говорилъ онъ, и до послѣднихъ дней жизни его вниманіе не можетъ оторваться отъ этой загадочной надписи.

Въ половинѣ XIX столѣтія очень легко было сдѣлаться германистомъ-миѳологомъ: надо было только прочесть Эдду, да имѣть немного фантазіи; „толкованія" миѳовъ, которыя и до сей поры во многихъ случаяхъ

дованія котораго въ соединеніи съ результатами, добытыми Salin'омъ (знаменитая книга послѣдняго Die altgermanische Thierornamentik. Aus dem schwed. Manuskript übers. v. Mestorf. Stockholm 1904) даютъ блестящее подтвержденіе выводамъ Бугге.

далеки отъ того, чтобы стоять на твердой научной почвѣ, лились тогда какъ изъ рога изобилія; особенно свирѣпствовало натуралистическое толкованіе: всѣ дѣянія боговъ, разсказанныя въ Эддахъ, оказывались лишь замаскированными явленіями природы. Поистинѣ, это былъ лѣсъ, гдѣ на каждомъ шагу грозила опасность провалиться въ болото или обнять вмѣсто Геры облако [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, святыня „нѣмецкой“ миѳологіи (которую, кстати сказать, какъ тогда,—и теперь мало кто отличаетъ отъ *религіи*—ср. хотя бы путаницу въ этомъ у Mogk'а въ 3-мъ томѣ Grundriss'а) разсматривалась какъ національное сокровище, наслѣдіе древнихъ временъ, и миѳологи большею частью упорно вращались въ этихъ границахъ (за очень рѣдкими исключеніями). Въ этой средѣ книга Бугге, посвященная германской миѳологіи (Studier over de nordiske gude-og heltesagns oprindelse. 1 række 1881; нѣм. переводъ Brenner'а вышелъ въ 1881—2 г. въ München'ѣ: Studien über die Entstehung der nordischen Götter-und Heldensagen)—произвела впечатлѣніе разорвавшейся бомбы и тотчасъ пріобрѣла и горячихъ сторонниковъ и непримиримыхъ враговъ; наиболѣе ожесточеннымъ изъ послѣднихъ явился Мюлленгофъ [съ особенной яростью обрушился онъ на книгу Банга, доказывавшаго зависимость Vǫluspǫ́ отъ Сивиллиныхъ оракуловъ—результатъ, одобренный Бугге. „Ich will es nicht verschulden“,—говорилъ Müllenhoff въ предисловіи съ своей критикѣ: „dass die Bahn, die Jacob und Wilhelm Grimm, Lachmann und Zeuss der deutschen Altertumskunde gewiesen und bereitet haben, von toren oder verblendeten durchkreuzt und vielleicht gar verbaut werde“]. Объ оппозиціи новой теоріи будетъ сказано, впрочемъ, ниже; пока же обратимся къ ея содержанію. Бугге высказалъ въ ней мысли, которыя уже давно бродили въ немъ; его всеохватывающій взглядъ давно былъ направленъ на обмѣнъ сказаній между отдѣльными народностями и на вліяніе въ этомъ смыслѣ одной народности на другую. Панчатантра Бенфея (знаменитое „введеніе“ составляетъ весь 1-й томъ) и журналъ послѣдняго Orient und Occident (вышло всего три тома) давно уже

---

[1]) Надо признать, что подобныя тенденціи въ силѣ и теперь среди нѣмецкихъ миѳологовъ, что объясняется непростительнымъ игнорированіемъ т. наз. антропологическаго направленія (исключеніе представляетъ Fr. Kauffmann, и до—изв. степени—Negelein); ср. хотя бы работу E. H. Meyer'а „Mythologie der Germanen“. Strassb. 1903, и, въ особенности, совершенно ненаучную книгу P. Herrmann'а „Nordische Mythologie in gemeinverständlicher Darstellung. Leipzig 1903. Во многомъ можно бы упрекнуть и Mogk'а (Germanische Mythologie въ 3-мъ томѣ Grundriss'а и—недавно—въ Sammlung Göschen № 15).

привлекли его вниманіе; оттуда почерпнулъ Бугге матеріалъ для первой своей значительной работы по сагамъ: „Det vandrende æventyrstof i Hálfssaga“. Въ его „Studien üb. d. Beowulfepos“ (Paul Braunes Beiträge XII 1876)—то же стремленіе раздвинуть границы одной національности при изученіи продуктовъ ея духа, и — въ то же время — отказъ разсматривать все миѳологическое, какъ наслѣдіе далекихъ временъ. Основная мысль „Studien über die Entstehung etc.“—та, что сѣверная, или—точнѣе—норвежско-исландская миѳологія, поскольку мы можемъ судить о ней по Эддамъ и другимъ норвежско-исландскимъ письменнымъ источникамъ,—создалась подъ сильнымъ вліяніемъ христіанскихъ легендъ ранняго средневѣковья и сказаній, выросшихъ на почвѣ классической миѳологіи; источниками ея, такимъ образомъ, являются съ одной стороны—еврейско-христіанская, съ другой—древнегреческо-римская традиція. Посредствующимъ звеномъ была Ирландія съ ея кельтскимъ населеніемъ, а усвоеніе самыхъ сказаній относится къ эпохѣ викинговъ. Мысль о вліяніи христіанства на сѣверную миѳологію сама по себѣ была не нова (она высказывалась еще въ XVIII столѣтіи), но никто [1]) еще не являлся во всеоружіи такой колоссальной эрудиціи для ея систематизаціи и обоснованія; новымъ являлось и признаніе за христіанскимъ вліяніемъ тѣхъ необычно широкихъ размѣровъ, которые Бугге пытался установить; новой—и мысль о классическомъ вліяніи, и о способѣ, по которому эти вліянія осуществлялись. Критика не заставила себя ждать. Рѣзкое выступленіе Мюлленгофа (Verteidigund der heidnischen Herkunft-DA, т. V), несомнѣнно, во многомъ поколебало выводы Бугге, обнаруживъ его методологическіе промахи и увлеченія. Изъ среды сѣверныхъ ученыхъ на защиту германской старины поднялся Victor Rydberg (Undersökningar i germ. Mytologi). Но наиболѣе вѣскими явились возраженія

[1]) Теорія Бугге была подготовлена тѣмъ научнымъ движеніемъ предшествующихъ лѣтъ, въ которомъ онъ самъ принималъ дѣятельное участіе: еще въ 1876 г. на 1-мъ собраніи сѣверныхъ филологовъ онъ высказалъ мнѣніе, что пѣсни Эдды не древнѣе эпохи викинговъ (самый докладъ назыв. “Om de to korte slutstavelser i ljódahάttr-strophen“ и имъ было положено основаніе новому методу изученія древне-сѣвернаго стиха); вспомнимъ, затѣмъ, открытіе пра-сѣвернаго періода языка; отмѣтимъ, наконецъ, книгу Henry Petersen'a „Om Nordboernes gudedyrkelse og gudetro i hedenold“ (Kjöb. 1876), настаивавшаго на различеніи древняго и младшаго пластовъ миѳическихъ представленій; значеніе этой книги для опредѣленія своихъ взглядовъ подчеркнулъ самъ Бугге—ср. Müllenhoff, Deutsche Altertumskunde, т. V (новое изданіе, Berlin 1908); стр. 42 сл.

Finnur'a Iónsson'a [1]); послѣдній подчеркнулъ тотъ фактъ, что миѳологія эпохи викинговъ уже въ сложившихся формахъ встрѣчаетъ насъ въ стихахъ скальда Браги Боддасона, которые относятся къ первой половинѣ IX вѣка, а, слѣдовательно, падаютъ какъ разъ на ту эпоху, когда эти миѳологическія представленія должны были—по Бугге—находиться еще im werden. Въ спорѣ, завязавшемся по этому поводу между Финнуромъ и Бугге, послѣдній настаивалъ до конца на правильности своей теоріи, утверждая, что стихи Браги слѣдуетъ отнести къ X-ому вѣку.

Съ другой стороны—рядъ ученыхъ отдается дальнѣйшему развитію идей Бугге (Moltke Moe, Falk, Karl Krohn и сынъ его Julius и др.); наиболѣе выдвигается изъ нихъ Elard Hugo Meyer [2]), бывшій ученикъ Мюлленгофа,—сдѣлавшій попытку приложить ко всему составу Vǫluspǫ́ критерій христіанскихъ представленій. Въ обсужденіи книги E. H. Meyer'a принялъ участіе покойный Александръ Николаевичъ Веселовскій („Вѣщаніе вёльвы и новѣйшая экзегеза" — въ Разысканіяхъ), противопоставившій новой теоріи всю мощь своей безпримѣрной эрудиціи и геніальной проницательности. Допуская возможность христіанскихъ и вообще чужихъ вліяній въ отдѣльныхъ случаяхъ, онъ подчеркнулъ наиболѣе важный въ такого рода изысканіяхъ вопросъ—о психической средѣ, обусловливающей такія заимствованія, о томъ содержаніи языческаго сознанія, которое дѣлало возможнымъ вліяніе христіанскихъ представленій—вслѣдствіе наличности тѣхъ или иныхъ созвучныхъ моментовъ. А. Н. Веселовскій удачнѣе чѣмъ кто либо резюмировалъ сущность новаго теченія, признавъ его важность, но указавъ на невозможность—при современномъ состояніи знанія—научнаго рѣшенія вызываемыхъ имъ вопросовъ.

Итакъ, если многое (опускаю разборъ отдѣльныхъ тезисовъ) изъ результатовъ Бугге должно было отпасть, основная мысль его, впервые научно подкрѣпленная, стала необходимымъ элементомъ метода

[1]) Не мѣшаетъ замѣтить, что многіе неправильно называютъ этого ученаго, по происхожденію исландца,—F. Iónsson, или даже просто Iónsson. P. Herrmann въ своей книгѣ объ Исландіи (Island in Vergangenheit und Gegenwart. 2 части. Leipzig 1907. Часть I, стр. 140), толкуя объ исландскомъ даваніи именъ, горько сѣтуетъ на подобную Unsitte; „das väre ungefähr so", пишетъ онъ: „wie wenn man den grössten Athener Περικλῆς ὁ Ξανθίππου—ὁ Ξανθίππου oder nur Ξανθίππου nennen wollte". Объ исландскихъ именахъ—тамъ же, ч. I стр. 140 сл. [Iónsson, напр., означаетъ только то, что отца звали Ión; такъ и въ современной Исландіи].

[2]) Онъ скончался недавно—11-го февр. 1908 года (н. ст.); род. 6-го окт. 1837 г. (н. ст.).

изученія скандинавскаго миѳологическаго и эпическаго матеріала. Къ объему античнаго вліянія самъ Бугге сталъ позже относиться осторожнѣе; съ другой стороны—вопросъ о вліяніи кельтовъ на скандинавскую литературу пріобрѣлъ самостоятельный интересъ; Бугге посвятилъ ему рядъ болѣе или менѣе крупныхъ статей (О скальдѣ Кормакѣ, объ ирландскихъ заимствованіяхъ въ древнесѣверномъ, Norsk sagafortælling og sagaskrivning i Irland и др.); сынъ его Александръ съ особеннымъ рвеніемъ отдался работѣ именно въ этомъ направленіи (ср. его: Vesterlandenes Indflydelse paa Nordboernes... ydre Kultur, Levesæt и т. д.; его же Vikingerne); вопросъ этотъ сталъ въ наше время однимъ изъ интереснѣйшихъ и важнѣйшихъ. Въ Эддѣ, правда, кельтское вліяніе, несомнѣнно, значительно слабѣе, чѣмъ думалъ С. Бугге, но въ сильной степени надо принять его для fornaldarsǫgur; послѣднія ждутъ еще изслѣдованій съ этой точки зрѣнія. Итакъ, Бугге и здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, открылъ новую область, отъ разработки которой надо ожидать крупныхъ плодовъ. Въ дальнѣйшихъ трудахъ, идущихъ въ той же колеѣ („Iduns Abler", „Sagnet om hvorledes Sigvat Tordssön blev skald", „Mindre bidrag til nordisk mythologi og Sagnhistorie" и др.), Бугге продолжаетъ слѣдить за этимъ западнымъ вліяніемъ на міръ скандинавскихъ миѳовъ и сагъ; наряду съ этимъ, въ центрѣ 2-ой серіи его Studier стоитъ вопросъ о родинѣ Эддическихъ пѣсенъ, съ которымъ встрѣчаемся мы и въ 1-ой серіи; въ этомъ сложномъ вопросѣ, до сихъ поръ вызывающемъ разногласія, Бугге путемъ мастерского анализа старался оттѣнить чужія—главнымъ образомъ идущія изъ Англіи—вліянія. Если и здѣсь часть его выводовъ, поражающихъ блескомъ остроумія и проницательности, расшатана строгой и осторожной критикой,—путь, указанный имъ, теперь—общее достояніе.

Остается упомянуть о чисто-лингвистическихъ работахъ Бугге и отмѣтить еще разъ ту рѣдкую многосторонность, тотъ пламенный интересъ его къ разнообразнѣйшимъ областямъ, который такъ гармонируетъ съ общимъ характеромъ этого неспокойнаго, ищущаго ума. Отмѣтимъ также, что Бугге посвятилъ много труда изслѣдованію мѣстныхъ названій, и знаменитый сборникъ O. Rygh'a „Norske Gaardnavne" создался при постоянномъ и непосредственномъ его участіи.

Въ своихъ Etymologische Studien üb. germ. Lautverschiebung (PBB XII—XIII) Бугге пытается доказать, что законъ Вернера дѣйствовалъ и въ Anlaut'ѣ; *языку этрусковъ* и ихъ происхожденію посвященъ цѣлый рядъ работъ (Etruskische Forschungen за 1883 г. и Bezzenb.

Beitr. тт. X и XI содержатъ его объемистые Beiträge zur Erforschung der etruskischen Sprache; Der Ursprung der Etrusker etc.—въ Запискахъ Общества наукъ въ Христ. 1886 г.; Etruskisch und armenisch—въ различныхъ журналахъ и изданіяхъ); языкъ этотъ Бугге поставилъ въ связь съ армянскимъ, ликійскимъ, языкомъ мѣстности Arzawa и доисторическимъ языкомъ Греціи, объединивъ всю эту группу названіемъ *анатолійской* (anatolisk). Къ 1892 году относится знаменитый докладъ его въ научномъ обществѣ въ Христіаніи—Om sproglig sammenhæng mellem navne, der kjendes fra Troja og armenisk. Колоссальный трудъ его „Ungriechische elemente im griechischen" остался неоконченнымъ, но долженъ, по свидѣтельству А. Torp'a, знакомаго съ его содержаніемъ, по своемъ появленіи, во многихъ отношеніяхъ открыть новые горизонты [1]). Назовемъ еще, хотя бы, изъ области латинской и греческой филологіи: „Altlateinische Wörter und Wortformen bei Festus und Paulus", „Beiträge zur griechischen u. lat. Etymologie", „Bemerk. üb. d. Ursprung der lat. suffixe clo, culo" и такъ далѣе и много, много другихъ. Бугге, наконецъ,—романистъ—въ статьяхъ „Etymologies françaises et romanes", „Etymologies romanes" (Romania III—IV) и другіе.

Бросая общій взглядъ на эту столь богатую внутренне жизнь, мы не ошибемся, если объединимъ отдѣльныя стремленія этой крупной духовной силы однимъ общимъ интересомъ—къ изученію духовнаго родства всего человѣчества. Обмѣнъ духовныхъ благъ между націями—вотъ за чѣмъ всюду слѣдитъ этотъ пытливый умъ съ самаго начала своей дѣятельности; онъ не боится клички „измѣнника", которую бросаютъ ему, когда онъ доказываетъ вліяніе чужихъ народностей на духовную культуру родной страны; онъ видитъ передъ собой прекрасное будущее: „Es ist die grosse Aufgabe des Mannes der Wissenschaft, die nationalen Schranken zu durchbrechen, die Völker einander zu nähern und dazu beizutragen, dass einmal in der fernen Zukunft, so Gott will, ein sicherer Friedenszustand zwischen den Nationen bestehe!" [2]). Этотъ духовный космополитизмъ сообщаетъ особое величіе покойному—независимо отъ громадной цѣнности его отдѣльныхъ научныхъ трудовъ.

Кончая, я не могу не остановиться передъ картиной, которую

---

[1]) Заимств. изъ ст. Ольсена это указаніе на мнѣніе Torp'a.

[2]) Оригиналъ—въ Populær-videnskabelige foredrag; книжки этой не имѣется въ книгохранилищахъ Лейпцига, гдѣ пишется эта замѣтка, почему цитировано въ нѣм. переводѣ—изъ ст. Ольсена (Zsfdph).

набрасываетъ по своимъ воспоминаніямъ Ольрикъ—въ статьѣ о скончавшемся Бугге (Danske Studier 1907); рѣчь идетъ о характерномъ моментѣ жизни послѣдняго—когда онъ въ 1892 году, въ засѣданіи научнаго общества въ Христіаніи развивалъ свою Pelasgertheorie. Цѣлый рядъ именъ, которыхъ не могутъ объяснить изслѣдователи греческаго языка—Priamos, Paris, Pergamon, Hekuba, Olympos и такъ далѣе, становились въ его изложеніи понятными—вслѣдствіе сближенія съ лигійско-армянской языковой группой. „И отъ всѣхъ этихъ частностей мысль его подымалась къ величественному образу: народъ другого племени, которое первымъ развило культуру тамъ, куда позже вторглись эллины, первый отпрыскъ арійской расы, который усвоилъ восточную цивилизацію и передалъ ее дальше, но самъ погибъ. И голосъ его дрожалъ, и слезы были въ его глазахъ, когда онъ сравнивалъ его съ Протезилаемъ, первымъ бойцомъ, спрыгнувшимъ на Троянскій берегъ, но которому суждено было найти смерть, чтобы его земляки одержали побѣду. Какъ такой Протезилай стоитъ Бугге передо мной (заканчиваетъ Ольрикъ): вступая на новые берега, чтобы тамъ для нашего народа найти его часть въ общей великой духовной жизни человѣчества; онъ падаетъ на чужой землѣ, но родъ его будетъ жить вѣка. Det er sådanne mænd, digteren synger om igennem de kommende tider“.

Б. Сильверсванъ.

КОМЕДІЯ МЕНАНДРА

„Саміанка“.

Среди пьесъ Менандра, открытыхъ Лефевромъ [1]), четвертое мѣсто по порядку занимаетъ та комедія, которой издатели дали названіе „Σαμία“. Правда, въ рукописи заглавія пьесы не сохранилось, но тѣмъ не менѣе предположеніе издателей вполнѣ правдоподобно. Во-первыхъ, въ репертуарѣ Менандра дѣйствительно существовала комедія „Σαμία“ [2]), во-вторыхъ, роль, которую играетъ въ нашей пьесѣ женщина съ Самоса, очень значительна, и въ-третьихъ, эта женщина, именуемая Хрисидой (Χρυσίς), два раза обозначается словомъ „*Саміанка*“ (стихи 50 и 139). Такимъ образомъ, данныхъ для фиксированія ново-найденной пьесы опредѣленнымъ заглавіемъ вполнѣ достаточно, причемъ эти данныя какъ будто не исключаютъ возможности того, что пьеса, съ которой мы имѣемъ дѣло, есть, дѣйствительно, „Σαμία“ Менандра.

Комедія дошла до насъ не въ полномъ видѣ: мы располагаемъ приблизительно одной ея третью, заключающей въ себѣ 342 стиха, которые распредѣляются между тремя актами. Отсюда ясно, что составить себѣ наглядное представленіе о детальномъ ходѣ дѣйствія мы не можемъ. Слишкомъ уже многое утеряно, да къ тому же и фабула пьесы не отличается простотой, что̀, конечно, сильно затрудняетъ попытки ея реконструкціи. Во всякомъ случаѣ, поскольку можно судить объ этомъ на основаніи текста, открывающаго собой

---

[1]) *Lefebvre*, Fragments d'un manuscrit de Ménandre, Le Caire 1907.

[2]) Отъ нея сохранился всего на всего одинъ незначительный отрывокъ. См. *Kock*, III, fr. 437: φέρε τὸν λιβανωτόν · σὺ δ' ἐπίθες τὸ πῦρ. τρυφᾶν. (Вмѣсто τρυφᾶν *Scaliger* предложилъ читать Τρύφη).

комедію въ ея настоящемъ видѣ, мы находимся недалеко отъ начала пьесы.

Дѣйствіе открывается сохранившимся наполовину монологомъ. Онъ имѣетъ характеръ обычнаго пролога, излагающаго тѣ событія, которыя необходимо знать зрителямъ для пониманія дальнѣйшаго. Но одновременно съ этой ролью путеводителя монологъ заключаетъ въ себѣ искусно скрытую завязку, благодаря которой зритель сразу попадаетъ въ самый центръ дѣйствія, именно завязкой и вызываемаго къ жизни.

Нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что этотъ монологъ, частью котораго мы располагаемъ, стоялъ въ самомъ началѣ пьесы, на манеръ того, какъ бываетъ это у Аристофана, Плавта и Теренція [1]), не говоря уже объ Еврипидѣ. Съ формальной стороны подобное начало комедіи было бы вполнѣ естественнымъ, но не менѣе естественнымъ дѣлается оно и послѣ оцѣнки монолога со стороны его содержанія. И дѣйствительно, въ монологѣ такъ ясно и такъ широко затрагиваются тѣ пункты, которые могли бы дать поводъ къ составленію особыхъ, самостоятельныхъ сценъ, что трудно предположить, чтобы такія сцены или, вѣрнѣе, сцена на самомъ дѣлѣ предшествовали монологу: ему пришлось бы тогда въ большей или меньшей степени повторять ихъ содержаніе, что совсѣмъ не соотвѣтствовало бы манерѣ Менандра, насколько мы ее знаемъ. Вѣдь у Менандра каждая новая сцена всегда приноситъ съ собой данныя, до той поры еще не бывшія въ употребленіи, и никогда—это было бы не сценично!—не повторяетъ она того, о чемъ уже говорилось. Итакъ, мнѣ кажется, наша пьеса начиналась съ пролога, имѣющаго монологическую форму. Часть этого пролога-монолога дошла до насъ, но начало его утеряно, причемъ вмѣстѣ съ нимъ утеряно и заглавіе пьесы, равно какъ ея ὑπόθεσις и списокъ дѣйствующихъ лицъ, т. е. все то, что сохранилось отъ другой комедіи Менандра „Ἥρως" и что занимаетъ въ рукописи одинъ листъ, т. е. двѣ страницы. Но если принять во вниманіе расположеніе письма въ кодексѣ (число

---

[1]) *Б. В. Варнеке*, Новыя комедіи Менандра (Казань 1909), 101; *Leo*, Der neue Menander (= *Hermes*, 43, 161); *Leo*, Der Monolog im Drama (Berlin 1908), 79, прим. 2. Иначе *Робертъ* (Der neue Menander, 6 sqq.), который относитъ монологъ къ серединѣ второго дѣйствія, и *van Leeuwen*, Menandri fragmenta (Leiden 1908), 118, который тоже считаетъ, что не хватаетъ всего перваго акта. Ср. также *van Leeuwen*, Menander (= *Mnemosyne*, 37 [1909], 120), гдѣ онъ повторяетъ свое мнѣніе.

строкъ на каждой страницѣ колеблется между 35—37), то на долю утерянной части пролога (за вычетомъ ὑπόθεσις и списка дѣйствующихъ лицъ) пришлось бы около 50 стиховъ, которые и открывали собой комедію въ ея настоящемъ, полномъ видѣ [1]).

Попробуемъ теперь, поскольку это возможно, установить общую ситуацію, частью на основаніи данныхъ текста, частью же на основаніи простыхъ предположеній, которыя кажутся намъ вѣроятными. Аѳинянинъ Демея, человѣкъ пожилой, богатый и слабохарактерный сожительствуетъ съ Хрисидой, уроженкой острова Самоса, которую нѣкогда онъ спасъ отъ нищеты (ст. 163—164) и къ которой чувствуетъ глубокую привязанность. Но не меньшимъ расположеніемъ съ его стороны пользуется и его пріемный сынъ Мосхіонъ, юноша тихій и скромный, какъ будто непохожій на тѣхъ молодыхъ людей, которые проводятъ время среди кутежей и гетеръ. Демеѣ, такимъ образомъ, не приходится жаловаться на судьбу: все ему улыбается, и онъ, не чувствуя недостатка въ деньгахъ, не чувствуетъ себя обиженнымъ и съ точки зрѣнія счастья. Но есть у Демеи сосѣдъ, по имени Никератъ, человѣкъ грубый, мало образованный, не обладающій большими средствами, да сверхъ того, строгій ревнитель старыхъ завѣтовъ, которые крѣпки въ немъ несмотря на городскую обстановку, къ нимъ не располагающую.

Въ дочь этого Никерата, Планго̀, влюбляется Мосхіонъ. Очень скоро любовь молодыхъ людей переходитъ за границы дозволенныхъ отношеній, и Планго̀ оказывается матерью, о чемъ, впрочемъ, не знаютъ ни Демея, ни Никератъ, ибо молодымъ людямъ удалось (съ помощью жены Никерата?) скрыть отъ отцовъ свою близость. Между тѣмъ одновременно съ рожденіемъ ребенка у Планго̀, родится, надо думать, дитя и у Хрисиды. Сначала Демея не хочетъ оставлять его у себя въ домѣ, но Хрисида настаиваетъ (ср. стихи 63—64), и въ концѣ концовъ ей удается сдѣлать по своему: ребенокъ остается у нея на рукахъ! Однако вскорѣ (вѣроятно, въ отсутствіе Демеи) онъ умираетъ (?), и тогда Мосхіонъ, съ вѣдома старой няни и довѣреннаго раба Парменона (ср. ст. 34, 39, 307) переноситъ свое дитя въ домъ отца и вручаетъ его Хрисидѣ, которая берется выдавать его за свое собственное и кормить до тѣхъ поръ, пока измѣнившіяся

---

[1]) См. *Lefebvre*, o. c. 143, 1, а также *Leo*, o. c. 161. Наблюденія *Körte*, изложенныя имъ въ статьѣ „Zu dem Menander-Papyrus im Kairo" (= *Berichte über die Verhandlungen der K. Sächs. Ges. der Wiss. zu Leipzig*. Phil.-hist. Kl. LX, 114), повидимому, не мѣшаютъ взгляду Лефебвра.

обстоятельства не помогутъ уладить дѣла. А обстоятельства тѣмъ временемъ дѣйствительно измѣнились. Повидимому, или Демея, замѣтивъ склонность Мосхіона къ Плангô, надумалъ въ концѣ концовъ женить сына, или же самъ Мосхіонъ сдѣлалъ въ этомъ направленіи какіе-нибудь шаги передъ отцомъ,—во всякомъ случаѣ дѣло сложилось такъ, что бракъ молодыхъ людей сталъ возможнымъ. Каковы бы ни были тѣ частности, которыя привели къ этому, можно все-таки предполагать, что Демея, убѣдившись въ любви сына къ дѣвушкѣ (ср. ст. 120—121), вступилъ въ переговоры съ Никератомъ, которые и увѣнчались полнымъ успѣхомъ: Никератъ согласился на выдачу дочери замужъ, и оставалось только приниматься за приготовленія къ свадьбѣ. Такимъ образомъ, до этого момента все шло гладко, причемъ довольны были отцы, но не менѣе довольны и дѣти.

Все мною изложенное является предшествующимъ тому, съ чего начинается дѣйствіе, причемъ, если вѣрно, что пьеса открывалась монологомъ, то многое изъ сказаннаго и находилось какъ разъ въ его утраченной части.

Когда мы впервые знакомимся съ Демеей, мы видимъ передъ собой уже не прежняго благодушнаго человѣка, довольнаго своей судьбой и вѣрящаго до самозабвенія въ своихъ близкихъ. Демея выходитъ на сцену взволнованнымъ, поколебленнымъ въ своихъ недавнихъ мечтахъ, выходитъ для того, чтобы передъ лицомъ зрителей повѣдать про тѣ бѣды, которыя неожиданно стряслись надъ нимъ. Мысли одна другой чернѣе охватываютъ его голову; одно подозрѣніе вызываетъ за собой другое; силъ, чтобы стряхнуть и разсѣять ихъ, нѣтъ,—однимъ словомъ, передъ нами — выбитый изъ колеи человѣкъ, не знающій, что ему дѣлать и какъ съ собой справиться. Но съ чего же начались всѣ бѣдствія Демеи? Да съ того, что онъ сдѣлался невольнымъ свидѣтелемъ неясныхъ словъ старой няни Мосхіона, словъ, изъ которыхъ онъ узналъ, что дитя, кормимое Хрисидой, принадлежитъ не ему, а Мосхіону. Отсюда и пошли всѣ его подозрѣнія, причемъ благодаря незнанію настоящаго положенія дѣлъ, Демея думаетъ, что онъ стоитъ передъ уродливымъ фактомъ сожительства сына съ любовницей отца. Само собой разумѣется, онъ приходитъ въ ужасъ. Но этотъ ужасъ Демеи кажется намъ вполнѣ понятнымъ и естественнымъ. Равнымъ образомъ, и завязка дѣйствія на почвѣ недоразумѣнія, вызваннаго недостаточной освѣдомленностью заинтересованнаго лица, не заключаетъ въ себѣ ничего натянутаго. Наоборотъ, она въ высшей степени драматична и красива, а наивный разсказъ

Демеи о недавнихъ приготовленіяхъ къ брачному торжеству, въ которыхъ старикъ изъ любви къ сыну принималъ личное участіе и среди которыхъ онъ и узналъ поразившую его подробность, звучитъ очень трогательно и отличается рѣдкой наглядностью.

Итакъ, та самая богиня Невѣдѣнія (Ἄγνοια), которую мы видимъ въ „Περικειρομένη", незримо вступаетъ въ свои права и въ „*Саміанкѣ*", и только благодаря ея вмѣшательству, начинается все то, свидѣтелями чего мы дѣлаемся въ пьесѣ. Поэтому къ Демеѣ, которому какъ разъ принадлежитъ роль лица, вызывающаго дальнѣйшія нежелательныя событія, вполнѣ примѣнимы слѣдующія слова богини: „все это раздуто ради будущаго... для того, чтобы постепенно все вышло наружу. А потому, если кто-нибудь изъ васъ не доволенъ происходящимъ, пусть онъ измѣнитъ свой взглядъ. Вѣдь съ Божьей помощью и худое можетъ иногда привести къ хорошему"!

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА [1]).

Демея, отецъ Мосхіона, богатый старикъ.

Парменонъ, рабъ Демеи, довѣренное лицо Мосхіона.

Поваръ.

Хрисида, любовница Демеи, бывшая гетера, родомъ съ Самоса.

Никератъ, отецъ Плангѡ, возлюбленной Мосхіона, старикъ.

Мосхіонъ, сынъ Демеи, юноша.

Статисты: старая няня Мосхіона,

" поваренокъ,

" рабъ Никерата.

Хоръ: состоитъ изъ пріятелей Мосхіона, приходящихъ къ нему на свадьбу. Особыхъ партій хоръ не имѣетъ. Онъ выступаетъ только въ концѣ каждаго дѣйстія, въ качествѣ музыкальной интермедіи.

(Дѣйствіе пьесы происходитъ въ Аѳинахъ).

---

[1]) Переводъ сдѣланъ по *J. van Leeuwen*, Menandri fragmenta, 2 ed., Leiden 1908.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ (?)

[Демея выходитъ изъ своего дома. Онъ чѣмъ-то взволнованъ и разстроенъ. По его виду можно судить, что съ нимъ случилась какая-то непріятность].

Демея.

Вернулся я домой и, ну, что было мочи,
Для свадьбы хлопотать! Домашнимъ въ двухъ словахъ
Я дѣло выяснилъ, велѣлъ все подготовить,
Что нужно: домъ прибрать, пирогъ испечь, ячмень
Въ корзину высыпать... Работа закипѣла...
Отъ спѣшки поднялась, извѣстно, кутерьма...
Захныкало дитя,—его, чтобъ не мѣшало,
Кидаютъ на кровать. А челядь сразу вся
Кричитъ: „муки, воды! гдѣ уголья, гдѣ масло?"
Я самъ велъ выдачу, я помогалъ слегка.
И вотъ пришлося мнѣ спуститься въ кладовую.
Тамъ я замѣшкался: хотѣлъ побольше я
Припасовъ захватить, да съ выборомъ, конечно.
Сижу я въ кладовой, а сверху въ этотъ мигъ
Вдругъ сходитъ женщина какая-то, спускаясь
Въ ту комнату, что будетъ рядомъ (тамъ у насъ
Прядильня, изъ нея-жъ есть выходъ въ кладовую
И лѣстница наверхъ). Та женщина была
Когда-то мамкою Мосхіона, рабыней,
Ну, а теперь она свободна... Увидавъ
Ребенка—плакалъ онъ, валяясь безъ призора—
Она, не вѣдая, что самъ я—въ кладовой,
Рѣшила, что болтать ей можно безъ опаски.
Къ ребенку подойдя, старуха и начни
Обычныя слова: „малюточка, голубчикъ,
Сокровище мое! Гдѣ мама-то твоя?"
Цѣлуетъ старая ребеночка, качаетъ...
Когда же пересталъ онъ плакать, про себя
Она и говоритъ: „Обидѣли старуху!
Мосхіонъ-то,—давно-ль такимъ же крошкой былъ!

Небось, умѣла я его ласкать, да няньчить,
А нынче, какъ онъ самъ сынкомъ обзавелся,
<Я, вишь, и не нужна>, другой <дитя вручили!>
. . . .
. . . .[1])
Рабыня въ этотъ мигъ вбѣгаетъ со двора.
Старуха ей: „Стыдись! Хоть вымойте ребенка!
Про малаго забыть, когда его отецъ
Вступаетъ въ бракъ,—суди, ну, статочное-ль дѣло?“
А та въ отвѣтъ: „Балда! Чего звонишь во всю?
Вѣдь самъ-то здѣсь“.—„Гдѣ здѣсь“?—„А вотъ гдѣ: въ кладовушкѣ“.
И сразу о другомъ она заводитъ рѣчь:
„Иди-ка, нянюшка, тебя зовутъ... скорѣе“.
И тутъ же шепотомъ: „не слышалъ!“—„Въ добрый часъ!
А то, вишь грѣхъ какой: на горе разболталась“.
Сказала старая и изъ прядильни вонъ.
Я вышелъ вслѣдъ за ней, совсѣмъ такимъ, какъ прежде
Вошелъ,—спокойно, тихо, будто ничего
Не слышалъ, не узналъ, а на дворѣ встрѣчаю
Саміанку: она, когда я мимо шелъ,
Давала крошкѣ грудь... Но, значитъ, этотъ крошка
И впрямь ея сынокъ. А кто же былъ отцомъ?
Я или... Нѣтъ, о нѣтъ, такихъ вещей не буду
Я говорить, повѣрьте,—даже думать такъ
Не въ силахъ я совсѣмъ... Я разсказалъ вамъ только
О томъ, что слышалъ самъ... Я вовсе не сержусь
На сына: я его, клянусь богами, знаю.
Онъ—скромникъ у меня! Такимъ всегда онъ былъ,
Ну, и почтительнымъ, какъ сыну подобаетъ.
Но лишь припомню я, что старая была
Когда-то нянею Мосхіона, что тайной
Она обзавелась, да какъ взгляну потомъ
На любящую мать, что крошку отстояла
Наперекоръ всему,—я, право, самъ не свой!

---

[1]) Не хватаетъ двухъ стиховъ съ небольшимъ. Надо думать, что они заключали въ себѣ дальнѣйшія причитанія старухи на тему о томъ, какой образцовой няней была она и какой невнимательной оказалась предпочтенная ей женщина.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

[На сценѣ показывается рабъ Парменонъ, держащій на плечахъ корзину, наполненную провизіей. Его сопровождаетъ поваръ съ поваренкомъ, которыхъ онъ подрядилъ на рынкѣ для приготовленія параднаго обѣда].

Дѣмея (про себя).

Ага! Мнѣ повезло! Идетъ Парменонъ съ рынка.
Сейчасъ онъ будетъ здѣсь... А впрочемъ подождемъ!
Пусть повара сперва онъ доведетъ до дома. (Отходитъ въ сторону).

Парменонъ.

Эй, поваръ! Все еще ты мелешь языкомъ?
Ну, и къ чему съ собой таскать ножи? Ты въ силахъ
Зарѣзать безъ ножа!

Поваръ.

Тебя бы я не прочь [1]),
Дуракъ!

Парменонъ.

Ужъ и дуракъ?

Поваръ.

Да что-то въ этомъ родѣ.
Балясы что-ль точу, коль спрашиваю, сколько
Накрыть столовъ, да много-ль женщинъ ждешь,
Да скоро ли обѣдъ, да нужно-ль раздобыться
Распорядителемъ, да хватитъ ли у васъ
Посуды всяческой, да есть ли въ кухнѣ крыша,
Да все ли на лицо?

Парменонъ.

Любезный! Рѣжешь ты
Не какъ-нибудь,—меня ты рознялъ на кусочки,
Не замѣчая самъ.

---

[1]) При переводѣ ст. 70 сл. я слѣдовалъ конъектурѣ Mazon. См. *Bodin—Mazon*, Extraits d'Aristophane et de Ménandre (Paris 1908), 322.

Поваръ.

Эхъ, попадетъ!

Парменонъ.

Тебѣ-жъ
Достанется за все! Ну, живо въ домъ! (Поваръ съ поваренкомъ входятъ въ домъ, Парменонъ хочетъ идти за ними).

Демея.

Парменонъ!

Парменонъ (оборачиваясь).

Кто тамъ зоветъ?

Демея (благодушно).

Да я!

Парменонъ.

А здравствуй, господинъ!

Демея (мѣняя тонъ).

Корзину съ плечъ долой и маршъ сюда!

Парменонъ.

Охотно!

Демея (про себя).

Отъ этого, небось, не скроешь ни одной
Изъ здѣшнихъ тайнъ. Вѣдь онъ получше насъ умѣетъ
Въ чужое носъ совать... Вотъ къ дому подошелъ
И стукнулъ въ дверь!

Парменонъ (передавая корзину, говоритъ въ дверь).

Исполни все, Хрисида,
Что нужно повару, да нянюшку держи
Ты отъ бутылочки подальше... (не отходя отъ двери къ Демеѣ).
Что прикажешь
Мнѣ, господинъ?

Демея.

Что прикажу? Отъ двери прочь!
Сюда... поближе!

Парменонъ (медленно приближаясь).

Здѣсь!

Демея (съ дѣланной мягкостью).

Послушай-ка, Парменонъ.
Всей дюжиной боговъ клянусь, что я тебя—
На то причины есть!—драть не хочу!

Парменонъ (струсивъ).

Помилуй!
Меня, да драть? За что?

Демея.

За то, что тайну скрылъ.

Парменонъ.

Діонисъ, Аполлонъ, спаситель Зевсъ, Асклипій,—
Я вами поклянусь, что тайны не скрывалъ!

Демея.

Молчи! Не надо клятвъ! Ты словъ моихъ не понялъ.

Парменонъ (жалобно).

А коли вру, пусть мнѣ—

Демея (внушительно).

Смотри въ глаза.

Парменонъ.

Смотрю.

Демея.

Ребеночекъ нашъ... чей?

Парменонъ (теряясь).

Ребенокъ... чей ребенокъ?

Демея.

Ну да! Кто мать ему?

Парменонъ.

Хрисида.

Демея.

Кто отецъ?

Парменонъ.

Конечно, ты!

Демея.

Подлецъ! Ты смерти стоишь!

Парменонъ.

Смерти?

Демея.

Давно я знаю все,—доподлинно. Мосхіонъ—
Отецъ малюточки, ты—съ сыномъ заодно,
А барынька,—ну, та раститъ *свое* отродье!

Парменонъ.

Кто *это* наболталъ?

Демея.

Ты не виляй. Отвѣть:
Мосхіонъ,—да?

Парменонъ.

Ты—правъ. Но дальше я ни слова!

Демея.

Ни слова?—Гей рабы! Плетей сюда, чтобъ драть
Пройдоху этого.

Парменонъ.

Не надо, ради бога!

Демея.

Порукой Гелій мнѣ, что будешь ты съ клеймомъ.

Парменонъ.

Ты заклеймишь... меня?

Демея.

Ну, да.

Парменонъ.

Пропалъ я, бѣдный! (Убѣгаетъ).

Демея.

Стой, каторжникъ! Куда? Лови его!—О градъ
Кекроповой страны, о ты, эѳиръ далекій! (Спохватываясь).
Демея, перестань! Чего вопишь, дуракъ?
Сдержись, мущиной будь! Передъ тобой Мосхіонъ
Не виноватъ ни въ чемъ... Быть можетъ, рѣчь моя
Звучитъ рисковано, но, господа, въ ней—правда!
Вѣдь если бы мой сынъ свершилъ поступокъ свой
Въ угоду прихоти, терзаемый любовью,
Иль злобясь на меня,—не могъ бы мыслить онъ
По старому и мнѣ повиноваться кротко.
Но нынѣ предо мной онъ оправдался: вѣсть
О бракѣ принялъ онъ изъ устъ моихъ съ восторгомъ,
Не потому, чтобъ страсть владѣла имъ, какъ мнѣ
Сначала думалось: изъ рукъ моей Елены
Хотѣлъ онъ вырваться: всему она виной!
Навѣрняка, мой сынъ былъ выпивши, собою
Владѣть уже не могъ,—тутъ соблазнить легко!
Не мало дѣлъ такихъ творитъ вино да юность,
Коль случай выпадетъ!—Но чтобъ вредить своимъ!
Гдѣ-жъ это видано? Повѣрить даже трудно,
Чтобъ кроткій, да къ чужимъ внимательный, мой сынъ
Мнѣ гадость учинилъ. Но скажутъ: онъ—пріемышъ,
Онъ не родной сынокъ... Да будь онъ десять разъ
Пріемышемъ и все-жъ... Мнѣ нравъ его извѣстенъ!
Зато *она*—дрянцо, впрямь уличная шваль!
И пусть себѣ! Вѣдь ей не провести Демею!
Ну, будь мущиной ты, страсть заглуши, простись
Съ любовью и таи, по скольку хватитъ силы,
Несчастье про себя,—для сына, а ее,

Исчадье Самоса, ты вышвырни изъ дома,
Тормашкой вверхъ, къ чертямъ, какъ будто бы за то,
Что крошку сберегла, о прочемъ же ни слова!
Нѣтъ, губы закуси, скрѣпись, героемъ будь!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

[Въ то время, какъ Демея, произнеся послѣднія слова, направляется, ничего не замѣчая, весь погруженный въ свои мысли, къ дому, изъ послѣдняго выходитъ поваръ и въ шутливомъ тонѣ обращается къ идущему за нимъ поваренку].

Поваръ.

Слышь, малый, у дверей Парменонъ былъ,—не такъ ли?
А вотъ и нѣтъ его! Молодчикъ улизнулъ,
Хозяйскаго добра съ собою прихвативши.

Демея (вбѣгая въ домъ и отталкивая повара).

Съ дороги прочь!

Поваръ.

Гераклъ! Что это, малый,—а?
Вломился въ домъ старикъ: съ ума онъ, видно, спятилъ!
Иначе-бъ не бурлилъ!—Ну что мнѣ дѣлать тутъ? (изъ дома доносятся крики Демеи)
Сдается мнѣ, старикъ рехнулся. Посидономъ
Клянусь, что это—такъ! Ужъ больно онъ кричитъ!
Вотъ будетъ хорошо, коль вся посуда ляжетъ,
Попавшись подъ ноги, въ лоскъ передъ нимъ! Гремитъ
Дверями онъ. Провалъ тебя возьми, Парменонъ.
Вишь затащилъ куда!—Къ сторонкѣ отойду! (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

[Изъ дома поспѣшно выходитъ Демея. За нимъ слѣдуетъ Хрисида съ ребенкомъ на рукахъ и старуха, няня Мосхіона.]

Демея (продолжая разговоръ).

Не слышишь? Вонъ пошла!

Хрисида.

Куда мнѣ дѣться бѣдной?

Демея.

Къ чертямъ!

Хрисида (сквозь слезы).

Ой, лихо мнѣ!

Демея (съ горечью).

Да лихо,—это такъ!
Разжалобить слезой не хочешь ли? Заставлю
Тебя покончить...

Хрисида.

Съ чѣмъ?

Демея (сдерживаясь).

Ни съ чѣмъ! Есть у тебя
Старуха и дитя. Проваливай, да живо!

Хрисида.

Ты гонишь за дитя?

Демея.

Попала въ самый разъ!

Хрисида.

Неужто? Это-ль—грѣхъ? Тебя не понимаю!

Демея.

Ты не умѣла жить въ довольствѣ...

Хрисида.

Что съ тобой?
Я не умѣла жить?

Демея.

Небось, сюда, Хрисида,
Ты въ рубищѣ пришла,—не помнишь?—да въ какомъ!

Хрисида.

Что-жъ изъ того?

Демея.

Когда дѣлишки были плохи,
Я для тебя былъ всѣмъ...

Хрисида.

А нынче?

Демея.

Не болтай!
Все было у тебя. Тебѣ я предоставилъ
И платье и рабынь и золото.—Пошла! (отходитъ въ сторону).

Хрисида (про себя).

Припадокъ гнѣва съ нимъ. Дай подойду сторонкой! (ласково).
Послушай, дорогой!

Демея.

Чего тебѣ?

Хрисида.

Не мучь!

Демея.

Другая женщина возлюбитъ всей душою
Мой кровъ и за меня помолится богамъ!

Хрисида.

Что это значитъ?

Демея.

Ты обзавелась сыночкомъ,
Ты получила все!

Хрисида.

Да вовсе нѣтъ, коль сынъ
Гнететъ тебя!

Демея.

Скажи еще одно словечко,—
Вмигъ съѣзжу по башкѣ... И будетъ подѣломъ!

Хрисида.

Смотри: я въ домъ вхожу! (поворачивается къ дому).

Демея.

Какъ важно! По заслугамъ
Оцѣнишь ты себя лишь въ городѣ. Вѣдь тамъ
Всего за десять драхмъ бѣгутъ на пиръ гетеры,
Подобныя тебѣ, и безъ просыпу пьютъ,
Пока не глянетъ смерть, а коли не успѣютъ
Скончаться во-время,—то впроголодь сидятъ!
Познаешь это ты не хуже, чѣмъ другія,
И лишь тогда поймешь, кто ты и чѣмъ грѣшна!
Стой, гдѣ стоишь! (Уходитъ въ домъ и закрываетъ за собой дверь).

Хрисида.

Увы! Горька моя судьбина! (Плачетъ).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

[Входитъ Никератъ, возвращающійся изъ города. Онъ направляется къ своему дому, а за нимъ слѣдуетъ рабъ, который ведетъ тощую овцу].

Никератъ.

Овечка въ самый разъ для жертвы подойдетъ
Богинямъ и богамъ: у ней есть кровь, раздута
Въ ней селезенка, печень хороша, костей,—
Ну, тѣхъ, хоть отбавляй,—все, значитъ, есть, что нужно
Для Олимпійцевъ,—да! Друзей же угощу
Я... шкуркой, на куски ее разрѣзавъ: шкурка
Вѣдь это—мой удѣлъ! (Замѣчаетъ Хрисиду).
Гераклъ! Что вижу я?
Хрисида, у дверей, въ слезахъ! Она ли это?
Она и есть! (Обращаясь къ Хрисидѣ).
Что тамъ стряслось?

Хрисида (плача).

А то, что выгналъ
Меня твой другъ хваленый. Вотъ и все!

Никератъ (пораженный).

Гераклъ!
Неужто? Онъ? Демея?

Хрисида.

Онъ.

Никератъ.

За что?

Хрисида.

За сына.

Никератъ.

Да, сказывали мнѣ жена и дочь, что ты—
Вишь угорѣлая!—дитя взяла и кормишь. (Съ ироніей).
Что-жъ это твой добрякъ?

Хрисида.

Сперва не злился онъ,
А тамъ, повременивъ, и распалился гнѣвомъ,
Внезапно. Самъ суди: онъ отдалъ мнѣ приказъ
Все въ домѣ честью-честь для свадьбы подготовить.
Я занялась. Вдругъ онъ—рехнулся, знать!—вбѣжалъ
И... выгналъ изъ дому. (Снова начинаетъ рыдать).

Никератъ.

Демея? Видно спятилъ!

Словами Никерата обрывается въ рукописи первый фрагментъ пьесы и вмѣстѣ съ тѣмъ первый актъ въ его настоящемъ, неполномъ видѣ. Впрочемъ, мнѣ кажется, что послѣ бесѣды Хрисиды съ Никератомъ дѣйствіе врядъ ли могло затягиваться на долгое время. Повидимому, не хватаетъ очень немногаго, а именно, конца разговора, который долженъ былъ приводить къ тому, что Никератъ на зло Демеѣ предлагалъ Хрисидѣ пріютъ въ своемъ домѣ. Что дѣло обстояло дѣйствительно такъ, и что Хрисида, временно оставшаяся безъ пристанища, находила его затѣмъ именно у Никерата, видно изъ третьяго дѣйствія, гдѣ раздраженный Никератъ въ свою очередь гонитъ Хрисиду изъ *своего* жилища.

Однимъ словомъ, я рисую себѣ возможное окончаніе перваго акта слѣдующимъ образомъ: Никератъ, который въ своемъ разговорѣ съ Хрисидой не разъ выражалъ неодобреніе поступку Демеи, слывшаго до той поры за человѣка благодушнаго и мягкаго, подъ конецъ обращался къ дѣвушкѣ со словами утѣшенія и гостепріимно открывалъ передъ ней двери своего дома, приглашая устроиться тамъ съ ребенкомъ и старухой, няней Мосхіона. Въ моментъ этого перехода изгнанницы съ одного пепелища на другое появлялся, повидимому, хоръ, изображавшій изъ себя пріятелей Мосхіона, пришедшихъ къ своему другу на свадьбу. Подобное появленіе хора находило бы себѣ аналогію въ первомъ актѣ „Περικειρομένη", гдѣ тоже въ моментъ переѣзда Гликеры въ домъ Миррины появляется хоръ въ видѣ ватаги подвыпившихъ молодыхъ людей, пріятелей Полемона (ср. ст. 71—73). Наконецъ, вторую аналогію я не прочь былъ бы усматривать и въ томъ фрагментѣ Менандра, который опубликованъ В. К. Ернштедтомъ и въ которомъ дѣйствующія лица тоже спѣшатъ войти въ домъ, чтобы избѣжать столкновенія съ толпой юношей, подъ видомъ которыхъ вступалъ въ этотъ моментъ въ орхестру (?) хоръ [1]). Отсюда ясно, что подобныя заключенія первыхъ (?) актовъ были обычны у Менандра, а потому и наше предположеніе не заключаетъ въ себѣ ничего невозможнаго. Итакъ, я хотѣлъ бы думать, что первое дѣйствіе „*Саміанки*" замыкалось восклицаніемъ Никерата, указывающаго Хрисидѣ на приближеніе юнцовъ и совѣтующаго поскорѣе спасаться отъ нихъ въ домъ. Таковымъ, значитъ, былъ бы въ моемъ представленіи конецъ перваго акта, который съ полнымъ правомъ можно было бы назвать „актомъ недоразумѣній".

Лакуна, которая слѣдуетъ въ рукописи за словами Никерата: Δημέας; χολᾶ (ст. 201), могла равняться [2]) maximum двумъ листамъ, т. е. восьми страницамъ. Но такъ какъ на каждой страницѣ число строкъ не бываетъ меньше 35 (см. выше), то, значитъ, до начала второго фрагмента пьесы не хватаетъ круглымъ счетомъ 280 стиховъ. Небольшое количество этихъ стиховъ будетъ падать на конецъ перваго акта, а вся остальная масса придется на долю тѣхъ сценъ, которыя шли за первымъ актомъ, какъ части одного или двухъ дѣйствій.

---

[1]) Порфирьевскіе отрывки, 217.

[2]) См. по этому поводу *A. Körte*, Zu dem Menander-Papyrus in Kairo (= *Berichte d. K. Sächs. Ges. d. Wiss. zu Leipzig*, 60, 114), который считаетъ лакуну не превышавшей одного листа.

Эти пропавшія сцены и содержали въ себѣ изложеніе цѣлаго ряда посредствующихъ событій и подробностей, являвшихся своего рода обоснованіемъ той второй части пьесы, которая дошла до насъ и которая начинается ст. 202: ἀλλὰ πάλιν ἐλθὼν—τὸ δεῖνα,—μικρὸν, ὦ τᾶν. Благодаря полному отсутствію фрагментовъ, которые можно было бы съ нѣкоторой увѣренностью считать принадлежностью этихъ пропавшихъ сценъ, намъ въ высшей степени трудно представить себѣ, что именно было ихъ содержаніемъ. Нельзя, впрочемъ, отрицать, что значительную помощь приноситъ здѣсь какъ разъ вторая часть (стихи 205 сл.), изъ которой, какъ бы отрывочна она ни была, мы можемъ усмотрѣть, что фактамъ, въ ней излагаемымъ, предшествовало прежде всего полное разубѣжденіе Демеи въ его подозрѣніяхъ (ср., напр., ст. 209). Путемъ какихъ эволюцій достигался этотъ результатъ, сказать трудно. Мы можемъ только думать на основаніи, напримѣръ, словъ Мосхіона (см. его монологъ, ст. 274—275), что у Демеи послѣ изгнанія Хрисиды происходило довольно бурное объясненіе съ сыномъ, въ результатѣ чего Демея и узнавалъ всю подноготную. Вѣдь недаромъ же Мосхіонъ говоритъ:

Когда напраслину, что на меня взводили,
Стряхнуть мнѣ удалось, обрадовался я.

Само собой разумѣется, что юноша не произнесъ бы этихъ словъ, если бы образъ дѣйствій Демеи соотвѣтствовалъ тому рѣшенію, которое онъ принялъ въ первомъ актѣ и которое онъ формулировалъ слѣдующимъ образомъ (ст. 137 сл.):

Таи, поскольку хватитъ силы,
Несчастье про себя,—для сына!

Повидимому, это благое намѣреніе такъ и осталось невыполненнымъ, равно какъ и слова (ст. 142):

Ты губы закуси, скрѣпись, героемъ будь!

Ясно, что Демея, не желавшій по-началу вмѣшивать сына въ свои подозрѣнія, затѣмъ, подъ вліяніемъ гнѣва, забывалъ о своемъ первоначальномъ планѣ и напускался съ упреками на Мосхіона, которому, чтобы защититься, приходилось волей-неволей посвятить отца во всѣ свои тайны. Возможно также, что въ своей оправдательной рѣчи Мосхіонъ входилъ и въ детальное изложеніе причинъ, заставившихъ его рѣшиться на переносъ ребенка изъ дома Никерата въ домъ Демеи, причемъ главной причиной онъ могъ выставить суровый характеръ

Никерата [1]), строгаго поборника нравственности. Какъ бы то ни было, Демея въ концѣ концовъ убѣждался въ невиновности Хрисиды и Мосхіона, которыхъ онъ напрасно задѣлъ обиднымъ подозрѣніемъ, и такимъ образомъ, пьеса постепенно входила въ фазисъ выясненій того недоразумѣнія, которое вызвало массу всевозможныхъ компликацій.

Но если Демея узнавалъ всю правду относительно фиктивнаго ребенка Хрисиды изъ устъ своего сына Мосхіона, то, повидимому, и Никерату удавалось, какимъ-то образомъ, проникнуть въ тайну своей дочери, Плангѡ. По крайней мѣрѣ, когда прерванное лакуной теченіе пьесы снова возобновляется, то Никератъ уже выступаетъ передъ нами въ видѣ человѣка, обуреваемаго подозрѣніями. Правда, онъ еще не знаетъ всего происшедшаго во всей его полнотѣ. Иначе не сталъ бы Демея говорить по его адресу (ст. 224 сл.):

Остается лишь одно:
Разсказать ему, въ чемъ дѣло!

Но во всякомъ случаѣ позоръ дочери ему уже извѣстенъ, неизвѣстно только, кто былъ ея соблазнителемъ, ибо Плангѡ, поддерживаемая своей матерью и Хрисидой, не говоритъ отцу имени послѣдняго (ст. 216 слл.).

Изъ перваго стиха, начинающаго второй фрагментъ пьесы (ст. 205), видно, что этотъ стихъ, вложенный въ уста Демеи, былъ отвѣтомъ на какое-то заявленіе Никерата, касающееся какъ разъ упорства женщинъ, причемъ Демея, не желающій до поры до времени открывать глаза своему другу, совѣтуетъ ему соблюдать спокойствіе и дѣйствовать осторожно. Отсюда ясно, что сцена, предшествовавшая стиху 205, содержала въ себѣ бесѣду Демеи и Никерата на тему о томъ, чтѡ случилось въ домѣ послѣдняго. Надо думать, что Никератъ, не зная, что Демеѣ все извѣстно, жаловался ему на дочь, на то, что она опозорила своего отца, а также высказывалъ опасенія и по поводу того, что проектированный раньше бракъ между Плангѡ и Мосхіономъ сдѣлается теперь невозможнымъ. Впрочемъ, каковы бы ни были подробности этой бесѣды Демеи и Никерата, ясно одно, а именно, что Демея долженъ былъ успокаивать своего друга и стараться какънибудь уладить дѣло миромъ. Въ виду несдержаннаго и грубаго характера Никерата (ср. отзывъ о немъ Демеи, ст. 208) такой образъ дѣйствій Демеи былъ единственно возможнымъ и разумнымъ. Но оскорбленный въ своихъ чувствахъ и взглядахъ Никератъ былъ не-

---

[1]) Ср. *Bodin—Mazon*, Extraits d'Aristophane et de Ménandre (Paris, 1908), 318.

доступенъ голосу разсудка. Поэтому, несмотря на совѣты пріятеля, онъ все-таки давалъ волю своему гнѣву, и результатомъ послѣдняго и является все то, о чемъ говорятъ намъ послѣдующія сцены комедіи, отнесенныя мной предположительно къ третьему дѣйствію.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ (?).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ (?).

[На сценѣ Демея и Никератъ, занятые оживленной бесѣдой. Подъ вліяніемъ бесѣды Никератъ постепенно приходитъ въ волненіе, которое все усиливается. Демея старается успокоить друга, но это ему не удается].

Демея (удерживая Никерата).

Снова въ домъ войдя, ты, этакъ, помаленьку...

Никератъ (вырываясь).

Сгибло все!
Все къ концу идетъ, на смарку! (Бросается къ себѣ въ домъ).

Демея.

Зевсомъ я клянусь, что онъ,
Какъ узнаетъ, въ чемъ тутъ дѣло, забушуетъ, заоретъ.
Онъ вѣдь грубъ, свинья свиньею, такъ и лѣзетъ напроломъ!
Надо-жъ было мысли дикой мнѣ втемяшиться въ башку!
Эхъ, клянусь самимъ Гефестомъ, смерти стою я! (Прислушивается).
Гераклъ!
(Изъ дома доносятся крики Никерата).
Что онъ крикнулъ? Не ошибся: онъ велитъ подать огня!
Онъ грозитъ ребенка сжарить и Хрисиду накормить
Мясомъ крошки!—Дверью хлопнулъ! (На порогѣ показывается Никератъ).
Предо мной не человѣкъ,—
Ураганъ какой-то, буря!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

[Изъ дома, самъ себя не помня отъ гнѣва и волненія, выходитъ Никератъ. Словно не понимая, что онъ дѣлаетъ, онъ направляется къ Демеѣ, который смотритъ на него съ ужасомъ].

Никератъ.

Слышь, Демея, на меня

Поднялась твоя Хрисида... строитъ козни...

ДЕМЕЯ.

Богъ съ тобой!

НИКЕРАТЪ.

Дочь, жену она склонила не сдаваться мнѣ ни въ чемъ,
При себѣ ребенка держитъ, мнѣ на зло, да говоритъ:
„Не отдамъ“.—Не удивляйся, если я своей рукой
Съ этой бабою расправлюсь!

ДЕМЕЯ.

Ты сказалъ: „своей рукой?“

НИКЕРАТЪ.

Но она всѣ тайны знаетъ! (Хочетъ войти къ себѣ въ домъ).

ДЕМЕЯ.

Никератъ, смотри, не смѣй!

НИКЕРАТЪ.

Говорю впередъ: такъ будетъ! (Поспѣшно входитъ въ домъ).

ДЕМЕЯ (съ ужасомъ)

Обезумѣлъ, самъ не свой!
Вишь, какъ въ домъ влетѣлъ! Гдѣ выходъ, передрягамъ гдѣ конецъ?
Не бывалъ еще ни разу я въ подобной кутерьмѣ,
Въ томъ порукою мнѣ боги! Остается лишь одно:
Разсказать ему, въ чемъ дѣло.—Аполлонъ, вновь дверь гремитъ!

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

[Изъ дома Никерата выбѣгаетъ Хрисида съ ребенкомъ на рукахъ. За ней въ отдаленіи показывается Никератъ, вооруженный палкой].

ХРИСИДА.

Горе мнѣ! Куда дѣваться? Что мнѣ дѣлать? У меня
Вырветъ онъ дитя!

ДЕМЕЯ.

Хрисида!

Хрисида (оглядываясь)

Кто зоветъ? (Замѣчаетъ Демею).

Демея.

Ты въ домъ бѣги!

Никератъ (вслѣдъ уходящей Хрисидѣ).

Эй, куда?

Демея (про себя).

Сегодня, значитъ, не уйти мнѣ, Аполлонъ,
Отъ борьбы! (Загораживая дорогу Никерату).
Чего ты ищешь? Ты за кѣмъ бѣжишь?.

Никератъ (не помня себя отъ гнѣва).

Уйди!
Не мѣшай ты мнѣ, Демея! Дай ребенкомъ завладѣть,
Тайну выпытать у женщинъ!

Демея.

Онъ свихнулся! Это что?
Ты меня ударить хочешь?

Никератъ.

И ударю. Съ глазъ долой!

Демея.

Дамъ я сдачи! (Борются).
Эй, Хрисида, ты спасайся: онъ сильнѣй!

Никератъ.

Ты меня коснулся первый? (Бьетъ Демею).

Демея.

При свидѣтеляхъ скажу!
И прибавлю: „лѣзъ онъ съ палкой на свободную!“ [1])

[1]) При переводѣ ст. 235 сл. я слѣдовалъ тѣмъ дополненіямъ, которыя предлагаетъ *van Leeuwen* въ статьѣ „Menander“ (= *Mnemosyne*, 1909, 121).

Никератъ.

Меня
Пустишь что ли?

Демея.

Лгунъ проклятый!

Никератъ.

А зачѣмъ не отдаешь
Мнѣ ребенка?

Демея.

Шутишь, видно! Мой—ребенокъ!

Никератъ.

Нѣтъ, не твой!

Демея.

Какъ не мой? Внемлите, люди!

Никератъ.

Каркай громче! Въ домъ взойду
И съ женой своей покончу!

Демея (про себя)

Что тутъ дѣлать? Чистый грѣхъ!
Не позволю! (становится противъ Никерата)
Стой на мѣстѣ!

Никератъ.

Осторожнѣй! Руки прочь!

Демея.

Не волнуйся!

Никератъ (нѣсколько тише).

Ты, Демея, обижаешь,—вижу я,
Что тебѣ про все извѣстно.

Демея.

Такъ меня ты и шпыняй,
А жену оставь, не трогай!

Никератъ.

Значитъ твой сынокъ меня
Обманулъ?

Демея.

Ну, это—враки! Въ жены дочь твою возьметъ!
Дѣло сладится, не бойся. А теперь пройдись со мной
Здѣсь предъ домомъ.

Никератъ.

Я—съ тобою?

Демея.

И душой воспрянь опять!
Отъ трагическихъ поэтовъ ты, небось, слыхалъ не разъ,
Какъ Зевесъ подъ видомъ злата черезъ крышу въ домъ проникъ
И затворницу-дѣвицу на любовь съ собой склонилъ?

Никератъ.

Ну, такъ что-жъ?

Демея.

А то, что надо быть готовымъ ко всему.
Не течетъ ли въ домѣ крыша?

Никератъ.

Льетъ во всю! Но развѣ тутъ
Съ нашимъ дѣломъ связь найдется?

Демея.

Зевсъ то золотомъ бывалъ,
То водой,—не такъ ли, милый? Онъ и тутъ не безъ грѣха!
Скоро-жъ мы нашли причину!

Никератъ.

За носъ водишь!

Демея.

Вотъ ужъ нѣтъ.
Ты не хуже, чѣмъ Акрисій,—ну, нисколько! Если-жъ Зевсъ

Дочь его почтилъ любовью, то твою—

НИКЕРАТЪ.

О горе мнѣ!

Я Мосхіономъ обманутъ!

ДЕМЕЯ.

Въ жены онъ ее возьметъ!
Ты не бойся!—А въ ребенкѣ—знаю я навѣрняка!—
Богъ виной! Назвать не трудно сотни божескихъ дѣтей,
Что ютятся средь народа. Гдѣ тутъ чудо?—самъ суди!
Хэрефонъ—онъ будетъ первымъ—сытъ, не тратя ни гроша.
Ты сочтешь его за бога?

НИКЕРАТЪ.

Ну, сочту! Что жъ дѣлать мнѣ?
Не ругаться жъ по пустому!

ДЕМЕЯ.

Никератъ, а ты—уменъ!
Вотъ Андроклъ! Живетъ безъ срока, рыщетъ, блещетъ, денегъ тьма,
Кудри,—тѣ всегда чернѣютъ: ихъ и смерть не побѣлитъ!
И никто его не тронетъ!—Чѣмъ, скажи, Андроклъ не богъ?
Пусть что было, къ счастью будетъ! Ѳиміамъ ты воскури,
Будь доволенъ: за дѣвицей мой сынокъ къ тебѣ придетъ!
Въ жизни многое зависитъ не отъ насъ! Возьмись за умъ,
И не гнѣвайся на дочку, хоть она и родила!

НИКЕРАТЪ.

Въ домѣ все готово, я тоже у себя распоряжусь!

ДЕМЕЯ.

Ишь ты умникъ! Благодаренъ отъ души я всѣмъ богамъ:
Вѣдь неправдой оказалось то, чего боялся я! (Демея и Никератъ расходятся по своимъ домамъ).

Музыкальная интермедія.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

[Изъ дома Демеи медленными шагами выходитъ Мосхіонъ. Онъ мраченъ. Видно, что его гнететъ какая-то неотступная мысль, отъ которой онъ не можетъ освободиться].

Мосхіонъ.

Когда напраслину, что на меня взводили,
Стряхнуть мнѣ удалось, обрадовался я,
Считая, что съ меня и этого довольно.
Но вотъ, когда я сталъ все толкомъ разбирать
Да взвѣшивать,—тогда я духомъ возмутился.
Теперь я самъ не свой отъ гнѣва на отца!
Какъ онъ подумать могъ, что передъ нимъ я грѣшенъ?
Будь у меня съ Планго̀ все гладко, не мѣшай
Мнѣ клятва, да любовь, да время, да привычка,
Что сдѣлали меня теперь ея рабомъ,—
Отецъ бы не посмѣлъ въ лицо мнѣ бросить снова
Такой напраслины: я-бъ скрылся съ глазъ долой,
Изъ города бѣжалъ куда-нибудь,—ну, въ Бактры
Иль въ Карію, и тамъ освоился бъ съ копьемъ!
Но держишь ты меня, моя Планго̀! Не сдѣлать
Мнѣ шага смѣлаго, не въ силяхъ я! Эротъ,
Властитель думъ моихъ, лишилъ меня свободы!
И все-жъ не смѣю я отдѣлаться молчкомъ,
Какъ трусъ, какъ рабъ какой! По крайней мѣрѣ, словомъ,
Коль не могу другимъ, отца я допеку.
„Прощай“ скажу. Тогда на будущее время
Остережется онъ обиды наносить,
Увидѣвъ, что на нихъ я не смотрю сквозь пальцы!
Вотъ во̀-время какъ разъ сюда подходитъ тотъ,
Кого сильнѣе всѣхъ хотѣлось бы мнѣ видѣть.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

[На сцену робко входитъ Парменонъ, возвращающійся изъ города. Онъ то и дѣло останавливается, оглядывается по сторонамъ, прислушивается и, наконецъ, овладѣваетъ собой. Замѣтно, что какія-то соображенія мало-по-малу придаютъ ему смѣлость].

Парменонъ (про себя).

Тобой, владыка Зевсъ, клянусь, что поступилъ

Я просто какъ дуракъ, какъ жалкая скотина!
Не согрѣшивъ ни въ чемъ, я струсилъ и бѣжалъ
Отъ барина! Но что-жъ мной сдѣлано такого,
Что бѣгство вызвало? Давай-ка разберемъ
Мы все по косточкамъ. Барченокъ нашъ съ дѣвицей
Свободной пошалилъ. Ну, а Парменонъ въ чемъ
Здѣсь виноватъ? Она и понесла. Парменонъ
Опять какъ будто чистъ! Малютка въ домъ попалъ.
Принесъ его барчукъ, не я! Вдругъ изъ домашнихъ
Не знаю, кто, возьми, да тайну и открой.
Ну, а Парменонъ,—онъ, что сдѣлалъ тутъ худого?
Да ровно ничего! Зачѣмъ же ты бѣжалъ,
Пустая голова? Не потому-ль, что баринъ—
Смѣшно сказать!—клеймомъ невинному грозилъ?
А развѣ не одно, клейменъ ли ты безвинно
Иль по заслугамъ? Тутъ, какъ ни смотри, все стыдъ
Съ уродствомъ пополамъ! (Хочетъ войти въ домъ Демея).

Мосхіонъ (выходя впередъ).

Парменонъ!

Парменонъ (оглядываясь и замѣчая Мосхіона).

Здравствуй, баринъ!

Мосхіонъ.

Ты съ болтовней своей покончи, да иди
Скорѣе въ домъ.

Парменонъ.

Зачѣмъ?

Мосхіонъ.

Ты принесешь оттуда
Дорожный плащъ и мечъ.

Парменонъ.

Мечъ, ты сказалъ?

Мосхіонъ.

Живѣй!

Парменонъ.

А онъ тебѣ на что?

Мосхіонъ.

Безъ лишнихъ словъ! Исполни,
Что сказано. Пошелъ!

Парменонъ.

Скажи въ чемъ дѣло?

Мосхіонъ.

Я
Ремень возьму!

Парменонъ.

Зачѣмъ? Пойду и такъ! (Идетъ шагъ за шагомъ).

Мосхіонъ.

Чего же
Ты медлишь? (Парменонъ уходитъ).
Вотъ сейчасъ придетъ отецъ, начнетъ
Просить: „останься здѣсь!“ Но я къ его моленьямъ,
Пока что, буду глухъ—такъ надо!—а потомъ
Увижу, что пора, и подчинюсь... Послушнымъ
Я стать могу, когда все выскажу, чего
Клянусь Діонисомъ, исполнить я не въ силахъ.
Идетъ сюда! Идетъ! Вотъ дверью хлопнулъ онъ!
(Отворачивается въ сторону).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

[Изъ дома Демеи быстро выходитъ Парменонъ. Видъ у него радостный и таинственный].

Парменонъ.

Мнится мнѣ, что ты остался всѣхъ событій позади!
Ничего-то ты не знаешь, ни о чемъ не слышалъ ты,
И бурлишь себѣ безъ толку!—Брачный пиръ уже готовъ!

Мосхіонъ (мрачно).

Ты принесъ?

ПАРМЕНОНЪ (радостно).

Готовятъ свадьбу! Жертвъ однихъ не перечесть!
И куренья пожираетъ жаръ Гефестова огня!

МОСХІОНЪ (грозно).

Ты принесъ?

ПАРМЕНОНЪ.

Въ тебѣ задержка, ждутъ тебя давнымъ давно!

МОСХІОНЪ.

Ждутъ меня?

ПАРМЕНОНЪ.

Съ дѣвицей —

МОСХІОНЪ.

Дальше!

ПАРМЕНОНЪ.

Повезло тебѣ, барчукъ!
Бури нѣтъ! Ты не волнуйся!

МОСХІОНЪ.

Что? Совѣты мнѣ давать?
Ахъ, негодный! (Даетъ Парменону пощечину).

ДЕМЕЯ (кричитъ изъ дома)

Сынъ, Мосхіонъ, чѣмъ ты занятъ?

МОСХІОНЪ.

Живо въ домъ,
Выноси скорѣе вещи!

ПАРМЕНОНЪ.

Охъ, заѣхалъ въ самый ротъ!
(Съ неохотой идетъ къ дому).

МОСХІОНЪ.

Ты опять бормочешь что-то?

ПАРМЕНОНЪ.

Нѣтъ, иду! (обращаясь къ зрителямъ)
А вы, небось,
Въ чемъ бѣда, смекнули?

МОСХІОНЪ.

Живо!

ПАРМЕНОНЪ (изъ за двери).

Свадьбу правятъ,—посмотри!

МОСХІОНЪ.

Въ домъ скорѣй! Потомъ разскажешь! (Парменонъ уходитъ).
Ну, теперь отецъ придетъ.
Да, но если не попроситъ онъ остаться? Если вдругъ
Гнѣвный мнѣ на дверь укажетъ,—что тутъ дѣлать? Упустилъ
Я изъ виду случай этотъ! Не поступитъ такъ отецъ!
Ну, а если вдругъ поступитъ?—Рухнетъ все тогда, и я,
Повернувъ назадъ оглобли, буду въ чистыхъ дуракахъ!

Слова Мосхіона замыкаютъ собой второй и послѣдній фрагментъ „*Саміанки*", и мы остаемся въ полной неизвѣстности на счетъ того, обманулся или не обманулся юноша въ своихъ ожиданіяхъ. Одно только можно считать непреложнымъ, а именно, счастливый выходъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ изъ только что пережитыхъ ими треволненій. Само собой разумѣется, что Мосхіонъ въ концѣ концовъ женится на своей Плангò, что Хрисида снова водворяется въ домѣ Демеп, что Никератъ бузусловно успокаивается, увидѣвъ безполезность своихъ страховъ, и что наравнѣ съ этими лицами немножко счастья достается и на долю Парменона, не говоря уже о самомъ Демеѣ, главномъ виновникѣ всей сумятицы. Итакъ, съ этой стороны ничего неопредѣленнаго быть не можетъ: тутъ все безусловно ясно! Равнымъ образомъ, врядъ ли можно сомнѣваться и въ томъ, что до нормальнаго конца пьесы не хватаетъ очень немногаго. Утрачено, вѣроятно, какихъ-нибудь двѣ-три сценки, носившихъ приблизительно такой же характеръ, какъ соотвѣтствующія заключительныя сцены въ „Περικειρομένη". И дѣйствительно, трудно себѣ представить, чтобы дѣйствіе послѣ того поворота, который оно сдѣлало благодаря Мосхіону, могло затягиваться еще на долгое время! Гораздо естественнѣе думать, что

мы стоимъ недалеко отъ того момента, когда распустится послѣдній узелъ, завязанный богиней Невѣдѣнія, и зрители воочію увидятъ, что „съ божьей помощью и худое можетъ иногда приводить къ хорошему“.

Я не буду отрицать, что при томъ возстановленіи общаго хода дѣйствія, которое дано мной въ дополненіе и разъясненіе перевода, очень многое осталось неяснымъ и недостаточно обоснованнымъ. Я знаю, что цѣлый рядъ вопросовъ, болѣе или менѣе важныхъ, не получилъ надлежащаго отвѣта, что цѣлый рядъ подробностей прошелъ незамѣченнымъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ кажется, что та сравнительная простота въ развитіи дѣйствія, та малая запутанность его, которая проглядываетъ въ моей реконструкціи, находитъ себѣ нѣкоторое подтвержденіе въ сохранившемся текстѣ, если я вѣрно его понимаю и оцѣниваю. Дѣло въ томъ, что изъ четырехъ ново-найденныхъ пьесъ Менандра „*Саміанка*“ по преимуществу, какъ мнѣ кажется, является такой комедіей, въ которой сложная по внѣшности фабула разработана довольно примитивно.

Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе любопытная градація въ смыслѣ переноса тяжести дѣйствія съ одного лица на другое. Такъ, первый актъ есть удѣлъ Демеи: все дѣйствіе возникаетъ благодаря его гнѣву и всѣ дальнѣйшія событія исходятъ исключительно отъ него. Онъ стоитъ въ центрѣ, а около него въ роли страдательнаго элемента находится Хрисида, въ роли успокаивающаго — Никератъ. Затѣмъ происходитъ обратное: мѣсто Демеи занимаетъ Никератъ, страдаетъ снова Хрисида, успокоеніе вноситъ Демея. Наконецъ, картина въ третій разъ мѣняется: гнѣвъ, до той поры владѣвшій Демеей и Никератомъ, охватываетъ Мосхіона, который, подобно двумъ вышеупомянутымъ лицамъ, и даетъ пьесѣ новое направленіе. Такимъ образомъ, получается своего рода преемственность въ переносѣ съ одного лица на другое опредѣленнаго душевнаго движенія, причемъ только благодаря этому переносу пьеса и переходитъ изъ одного акта въ другой. Однимъ словомъ, образуется нѣчто похожее на λαμπαδηδρομία, во время которой одинъ участникъ, пробѣжавъ извѣстное пространство, передавалъ свой факелъ другому, другой — третьему и т. д., пока факелъ не достигалъ цѣли.

Надо сознаться, что *подобная* прогрессивность дѣйствія заключаетъ въ себѣ нѣчто искусственное и, какъ мнѣ кажется, врядъ ли можетъ быть сочтена за ловкій пріемъ со стороны автора. Вѣдь все время

чувствуется, что дѣйствіе не свободно, что оно направляется рукой комика и что въ немъ нѣтъ того естественнаго, самодовлѣющаго порыва, который мы видимъ, напримѣръ, въ „*Третейскомъ Судѣ*“ (Ἐπιτρέποντες), гдѣ все развивается какъ-то само собой, безъ всякой натянутости и принужденія. Конечно, вполнѣ возможно, что эта примитивность въ развитіи дѣйствія не выступала съ такой рѣзкостью, когда пьеса была не рядомъ фрагментовъ, а стройнымъ цѣлымъ, одинаково развитымъ во всѣхъ своихъ частяхъ. Тогда, вѣроятно, многіе недостатки композиціи не выходили наружу и дѣйствіе протекало сравнительно гладко, а не такими размѣренными скачками, какъ въ настоящее время. И все-таки особенность, на которую мной было указано, должна была имѣть мѣсто, хотя и не въ столь сильной степени, какъ теперь!

Но разъ дѣйствіе имѣетъ свой raison d'être не въ самомъ себѣ, не въ природѣ своей, а исключительно въ побужденіяхъ извнѣ; если оно не замираетъ лишь потому, что постоянно въ критическій моментъ находитъ для себя по волѣ автора новаго носителя, который даетъ ему нужный толчокъ, то можно ли такое дѣйствіе называть настоящимъ, органически-развивающимся дѣйствіемъ? Я лично думаю, что нельзя. Если мы всмотримся въ ходъ пьесы, поскольку онъ различимъ въ ея отрывкахъ, то мы увидимъ, что пьесу можно считать остановившейся въ ея развитіи съ того момента, какъ Демея узнаётъ всю правду. И если тѣмъ не менѣе дѣйствіе продолжается, то происходитъ это не органическимъ путемъ, а путемъ придуманныхъ подробностей, которыя сами по себѣ изъ дѣйствія не вытекаютъ. Такъ, напримѣръ, мы не понимаемъ, почему Демея, видя, что Никератъ находится на пути къ открытію тайны, хранитъ ее про себя, хотя и знаетъ, что это открытіе можетъ предупредить рядъ нежелательныхъ послѣдствій, иначе неизбѣжныхъ ввиду характера Никерата. Равнымъ образомъ, мы не понимаемъ, почему Мосхіонъ послѣ того, какъ дѣло его, благодаря объясненію съ отцомъ, уладилось и приняло вполнѣ благопріятное теченіе, вдругъ, заднимъ числомъ, начинаетъ ощущать обиду и такъ сильно принимаетъ ее къ сердцу, что готовъ покинуть родину и идти въ наемники. Всѣ эти вопросы остаются открытыми. Конечно, намъ могутъ возразить, что искомый отвѣтъ находился какъ разъ въ утраченныхъ частяхъ комедіи. Но врядъ ли это дѣйствительно такъ, и не вѣрнѣе ли будетъ относить всѣ эти темныя стороны пьесы на счетъ недостаточной умѣлости самого комика?

Но мыслимо ли себѣ представить, чтобы Менандръ, авторъ „*Третейскаго Суда*“ и „*Отрѣзанной косы*“ (Περικειρομένη), — чтобы этотъ

Менандръ, который поражаетъ насъ своимъ умѣніемъ вести дѣйствіе такъ, что почти никогда не ощущаешь въ немъ ни принужденія, ни вымученности, не сумѣлъ въ „*Саміанкѣ*“ показать столь обычныхъ въ немъ качествъ первокласснаго драматурга? Мнѣ думается, что хорошій отвѣтъ на этотъ вопросъ могло бы дать одно любопытное соображеніе, высказанное А. Кёрте въ его статьѣ „Menander“ [1]).

Въ этой статьѣ-отчетѣ о ново-найденныхъ пьесахъ Менандра Кёрте между прочимъ держится того взгляда, что "*Саміанка*“ представляетъ собой *юношеское* произведеніе поэта, когда онъ находился еще подъ вліяніемъ представителей средней комедіи. Подтвержденіе же своему взгляду Кёрте усматриваетъ не только въ „нѣсколько неумѣлой техникѣ“ драмы, но и въ „присутствіи личныхъ нападокъ“, выдержанныхъ въ духѣ древняго и средняго, но отнюдь не новаго комическаго жанра. И дѣйствительно, въ „*Саміанкѣ*“ мы встрѣчаемся съ насмѣшками, направленными какъ противъ извѣстнаго намъ изъ средней комедіи паразита Хэрефона, такъ и противъ какого-то молодящагося старика Андрокла, т. е. встрѣчаемся съ сатирой личнаго характера, для которой въ новой комедіи какъ будто не должно быть мѣста и которая попадается въ ней лишь какъ отзвукъ старой манеры, постепенно выходящей изъ моды и наблюдаемой у Менандра только въ трехъ пьесахъ: Ὀργή (fr. 364), Μέθη (fr. 320) и Κεκρύφαλος (fr. 277). Итакъ, отмѣченные нами техническіе недочеты „*Саміанки*“ могли бы быть объясняемы недостаточной еще опытностью автора въ дѣлѣ драматическаго искусства или, какъ выражается Кёрте, тѣмъ, что „hier hat Menanders Kunst eben noch nicht ihre φύσις ausgebildet, sie schleppt noch die Eierschalen der mittleren Komödie mit sich“ [2]).

Но недостатки пьесы въ ея цѣломъ не отнимаютъ крупныхъ достоинствъ у отдѣльныхъ сценъ, которыя поражаютъ своей живостью и свѣжестью, не говоря уже о вложенной въ нихъ правдивости и глубинѣ психологическаго анализа. Разсматриваемыя самостоятельно, эти сцены представляютъ собой дивныя жанровыя картинки, выхваченныя изъ настоящей жизни. Онѣ рисуютъ реальные типы и положенія, онѣ иллюстрируютъ семейный и общественный бытъ, онѣ знакомятъ съ тогдашними нравами и привычками,—однимъ словомъ, онѣ даютъ то, что нѣкогда было, то, что поэтомъ наблюдалось, среди чего онъ жилъ и дѣйствовалъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это—вовсе не момен-

---

[1]) *Archiv für Papyrusforschung*, IV, 516 sq.

[2]) O. c., 517.

тальныя фотографіи, передающія одну внѣшнюю сторону воспроизводимыхъ ими объектовъ. Поэтъ умѣетъ углублять и одухотворять свои сцены, ибо на фонѣ ихъ онъ вскрываетъ передъ зрителями тѣ внутреннія движенія, которыя происходятъ въ душѣ каждаго изъ выводимыхъ имъ персонажей. И вотъ эти персонажи начинаютъ не только говорить и дѣйствовать сообразно своему положенію, но и отражать на своихъ дѣлахъ и словахъ индивидуальныя черты присущихъ имъ характеровъ. Такимъ образомъ мало-по-малу образуется цѣлая галлерея живыхъ людей, выступающихъ передъ нами на фонѣ соотвѣтствующей обстановки и соотвѣтствующихъ условій быта. Но такъ какъ всѣ эти люди взяты изъ числа тѣхъ людей, которые попадаются на каждомъ шагу во всякое время, то, конечно, и въ характерахъ ихъ нѣтъ ничего особенно крупнаго, ничего такого, что возвышало бы ихъ надъ уровнемъ обыкновеннаго средняго человѣка. Жизнь, которой живутъ эти люди, обыденна; мысли и желанія, которыя владѣютъ ими, ординарны; страсти и побужденія, которыя толкаютъ ихъ на разнаго рода поступки, очень мелки, и другихъ интересовъ, кромѣ будничныхъ, у нихъ нѣтъ, — словомъ, это — типичные представители того самаго общества, которое можно назвать сѣренькимъ. На жизни этого общества и вращается вся пьеса, являясь такимъ образомъ настоящей „мѣщанской драмой“ [1]).

Но эта общая характеристика, приложенная къ „*Саміанкѣ*“, приложима въ такой же степени и къ остальнымъ комедіямъ Менандра, гдѣ фигурируетъ та же обыденщина со всѣми ея свѣтлыми и темными сторонами. Безусловная же оригинальность нашей пьесы заключается, помимо разнаго рода исключительно ей принадлежащихъ подробностей, въ образахъ тѣхъ лицъ, которыя выступаютъ въ ней, а также въ изображеніи того, какъ реагируютъ они благодаря своимъ характерамъ на обычныя жизненныя явленія и условія. Тутъ именно и проявляется во всей своей мощи талантъ Менандра, причемъ разсматриваемая съ этой стороны „*Саміанка*“ нисколько не уступаетъ другимъ пьесамъ комика: тонкость психологическаго анализа сказывается и въ ней не менѣе сильно, чѣмъ въ нихъ! Попробуемъ доказать это примѣрами.

Лицомъ, вызывающимъ драматическія коллизіи, является старикъ *Демея*. По природѣ своей это—добрый, благодушный человѣкъ, привыкшій къ спокойной жизни и не отказывающій себѣ ни въ чемъ,

---

[1]) Ср. *Б. В. Варнеке*, Новыя комедіи Менандра, 90.

что можетъ доставить ему пріятность. Онъ не въ силахъ существовать безъ любви, безъ ласки; ему нужна уютная, теплая атмосфера; ему нужны люди, которые хорошо бы къ нему относились и которымъ бы онъ въ свою очередь могъ высказывать свое расположеніе. Такихъ людей у него двое: пріемный сынъ Мосхіонъ и любовница Хрисида, причемъ именно эти два человѣка по преимуществу и заполняютъ собой его существованіе. Нѣжный отецъ не пересиливаетъ въ Демеѣ нѣжнаго любовника,—наоборотъ, оба оттѣнка любви словно дополняютъ другъ друга и даютъ Демеѣ нужное ему счастье. Но вотъ происходитъ катастрофа, которая выводитъ старика изъ его обычнаго благодушія. Въ немъ начинается борьба между отцомъ и любовникомъ. Эта борьба идетъ долго, ибо Демеѣ не хочется разочаровываться въ тѣхъ, кто ему дорогъ. Осудить обоихъ виновныхъ онъ не можетъ, оправдать ихъ онъ тоже не въ состояніи. Надо идти на компромиссъ, и вотъ мало-по-малу все сильнѣе и сильнѣе начинаетъ звучать въ немъ голосъ оскорбленнаго любовника. Сообразно съ этимъ нѣжность отца къ сыну получаетъ особую окраску: Демея начинаетъ *жалѣть* Мосхіона, какъ жертву опытной кокетки. Но жалость къ сыну и желаніе оправдать его усиливаетъ раздраженіе противъ Хрисиды, которое тѣмъ болѣе ощутительно, что Демея не можетъ стать равнодушнымъ къ обольстительному образу своей невѣрной подруги. Ревность душитъ его, страсть продолжаетъ говорить въ немъ. Остается одно: рѣшить вопросъ сразу, — способъ, примѣняемый иногда и слабыми людьми, желающими хоть чѣмъ-нибудь скрыть отъ самихъ себя свою слабость. И тогда онъ, этотъ мягкій человѣкъ, выгоняетъ на улицу провинившуюся передъ нимъ женщину, стараясь убѣдить себя въ томъ, что этого шага требуетъ отъ него любовь къ сыну. Такимъ образомъ, буря, поднявшаяся въ душѣ Демеи, приводитъ его къ жестокости, но лишь только онъ сознаетъ свою ошибку, въ немъ сразу просыпается прежній Демея, природѣ котораго чуждъ всякій актъ насилія, и нравственный обликъ его становится снова благодушнымъ и терпимымъ, какимъ былъ до катастрофы.

Совсѣмъ иное впечатлѣніе производитъ сосѣдъ Демеи, Никератъ. Въ его характерѣ прежде всего нѣтъ мягкости. Онъ — человѣкъ суровый, прямолинейный и грубоватый. Обходительность Демеи ему чужда. Какъ настоящій ἄγροικος, перенесенный въ городскую обстановку, онъ относится нѣсколько скептически къ истому горожанину Демеѣ и при случаѣ не прочь кольнуть его, какъ, напримѣръ, въ дѣлѣ Хрисиды, когда изъ желанія насолить пріятелю онъ даетъ ей

пріютъ у себя въ домѣ. Вообще же со своими близкими Никератъ обращается сурово и можетъ доходить до крайнихъ эксцессовъ, до полнаго гнѣвнаго самозабвенія. Но есть и въ этомъ человѣкѣ, вообще мало привлекательномъ, одна симпатичная черта, а именно: извѣстная нравственная устойчивость и отвращеніе ко всему, что похоже на распущенность. Недаромъ у Никерата то и дѣло прорывается возмущеніе поступкомъ Мосхіона, приведшимъ Плангò къ паденію [1]). И все-таки, несмотря на свою суровую внѣшность, Никератъ не сильный человѣкъ. Онъ можетъ бурлить, какъ бурлитъ и Демея, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не способенъ на длительное сопротивленіе. Такъ, напримѣръ, въ третьемъ актѣ послѣ угрозъ, криковъ и тому подобнаго, онъ сразу какъ-то опускается и нравственно осѣдаетъ, послѣ чего съ нимъ можно дѣлать что угодно. Поэтому Демея быстро укрощаетъ его, причемъ Никератъ подъ конецъ не можетъ даже реагировать на шутки друга: гнѣвная вспышка исчерпала его организмъ и сдѣлала его безусловно пассивнымъ и на все согласнымъ. Таковъ Никератъ, поскольку выступаетъ онъ въ сохранившихся частяхъ комедіи. Но нельзя не сознаться, что образъ его менѣе углубленъ и развитъ, чѣмъ образъ Демеи: онъ набросанъ въ общихъ чертахъ, но не разработанъ въ деталяхъ, да къ тому же Менандръ показываетъ намъ не столько внутреннюю психику своего героя, сколько внѣшнія проявленія его несдержаннаго характера.

Переходимъ теперь къ Хрисидѣ. Я вполнѣ согласенъ съ Б. В. Варнеке [2]), что всего ближе подходитъ къ ней Бакхида изъ „Несуга“ Теренція. Это сходство, какъ онъ вѣрно замѣтилъ, усиливается еще и той благородной ролью, которую играетъ Хрисида, спасая ребенка Мосхіона и ставя свои личные интересы ниже интересовъ юноши и его возлюбленной. Хрисида, дѣйствительно, настоящая bona meretrix! Но относительно разработки ея характера я повторилъ бы то, что нѣсколько выше сказалъ по поводу Никерата: характеръ дѣвушки едва намѣченъ Менандромъ. Поэтъ только мелькомъ показываетъ намъ свѣтлый образъ Хрисиды, нѣжной и ласковой, трогательной въ своей привязанности и вмѣстѣ съ тѣмъ, хотя всякая борьба противна ея природѣ, умѣющей во имя этой привязанности бороться, не считаясь съ личными выгодами и невыгодами. Жаль одного, а именно, что поэтъ развертываетъ передъ нами одни поступки Хрисиды, а не

---

[1]) *Robert*, Der neue Menander, 9.

[2]) Новыя комедіи Менандра, 84 сл.

ея душевныя движенія, какъ дѣлаетъ онъ это въ „*Третейскомъ судѣ*“ съ Габротононъ. Во всякомъ случаѣ, Хрисида — одинъ изъ лучшихъ женскихъ типовъ Менандра, умѣвшаго, подобно Еврипиду, то и дѣло рисовать обаятельные по своей прелести женскіе образы.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о Мосхіонѣ и Парменонѣ, воплощающихъ въ себѣ обычную для новой комедіи пару: юноши и, посвященнаго въ его любовныя тайны, раба. Съ этой стороны въ нихъ нѣтъ ничего новаго: они — одинъ изъ перепѣвовъ старой пѣсни. Новое заключается въ трактовкѣ ихъ характеровъ. Если мы обратимся сперва къ Парменону, то увидимъ, что онъ, какъ и герой „*Третейскаго суда*“ Онисимъ, истинное дитя рабства. Подневольное состояніе успѣло наложить на него свою уродливую печать. Пронырство, трусость и наглость въ достаточной мѣрѣ украшаютъ его личность, и поскольку дѣло касается этихъ качествъ, Парменонъ не уступаетъ любому изъ представителей рабскаго сословія. Но есть у Парменона и другія черты, которыя придаютъ его облику нѣчто симпатичное и даже благородное. Парменонъ, правда, „суетъ свой носъ повсюду“, но дѣлаетъ онъ это изъ любви къ искусству, а вовсе не изъ желанія добиться какой-нибудь выгоды. Онъ не сплетникъ по натурѣ, не интриганъ, какъ Онисимъ, не мелкій лгунъ и плутишка, какъ Давъ изъ „*Отрѣзанной косы*“,—ничего подобнаго въ Парменонѣ нѣтъ. Онъ—человѣкъ вѣрный и преданный, строго блюдущій тайны Мосхіона и искренно желающій юношѣ полнаго счастья. Достаточно вспомнить его неподдѣльную радость, когда онъ убѣждается, что барченку бояться нечего. Конечно, эта радость не вполнѣ безкорыстна: къ ней примѣшивается и другая по поводу личнаго избавленія отъ опасности,—но врядъ ли можно упрекать за это Парменона, которому еще недавно грозили клеймомъ. Вѣдь о прелестяхъ послѣдняго онъ съ достаточной наглядностью говоритъ въ своемъ монологѣ, въ томъ самомъ монологѣ, гдѣ такъ хорошо разбираетъ всѣ pro и contra своего положенія! На этомъ монологѣ Парменона стóитъ остановиться, ибо онъ является отличнымъ примѣромъ того психологическаго анализа, который такъ любитъ Менандръ. Въ немъ поэтъ, исходя изъ характера своего героя, изображаетъ, какъ путемъ постепеннаго самоубѣжденія данный человѣкъ старается разсѣять свои страхи, какъ съ помощью логическихъ обоснованій онъ идетъ къ относительному душевному успокоенію и какъ, наконецъ, этотъ человѣкъ, еще недавно трепетавшій, начинаетъ шутить надъ былой опасностью. Этотъ градаціонный переходъ отъ одного ощущенія къ другому проведенъ удиви-

тельно тонко, и подъ конецъ монолога уже начинаешь чувствовать, какъ робкая въ началѣ фигура Парменона постепенно выпрямляется, какъ Парменонъ снова выростаетъ въ своихъ глазахъ и дѣлается опять тѣмъ несравненнымъ Парменономъ, надоѣдливымъ и нагловатымъ, какимъ мы знали его раньше и какимъ снова выступаетъ онъ въ послѣднихъ сценахъ комедіи.

Что касается до Мосхіона, то, поскольку роль его сохранилась въ пьесѣ, онъ—типичный представитель амплуа adulescens. Въ немъ больше порывовъ, чѣмъ рѣшительности, больше склонности къ обдумыванію поступковъ, чѣмъ къ ихъ исполненію, т. е. онъ одинъ изъ тѣхъ, которые „не способны принять какое-нибудь рѣшеніе, и постоянно заявляютъ, что не знаютъ, что имъ дѣлать“ [1]). Какъ и полагается adulescens, онъ весь ушелъ въ свою любовь: „Эротъ владѣетъ его думами“, „возлюбленная Планго держитъ его въ своей власти“, „смѣлаго шага ему не сдѣлать“. Онъ можетъ только мечтать о томъ, что ему слѣдовало бы уйти отъ отца, но уйти на самомъ дѣлѣ онъ не въ состояніи: все, имъ переживаемое, а также и его слабый характеръ являются этому помѣхой. Одинъ только разъ кажется онъ уже готовымъ, если не къ серьезной роли, то, по крайней мѣрѣ, къ разыгрыванію таковой. Это, когда онъ хочетъ сдѣлать видъ, будто, не вынеся нанесенной ему обиды, онъ покидаетъ отчій домъ и идетъ на чужбину, чтобы тамъ размыкать свое горе. Но и тутъ очень скоро овладѣваютъ имъ сомнѣнія, страхи, неувѣренность, и опять во всей своей очевидности выступаетъ основная черта его характера: *безволіе*. А такъ вообще Мосхіонъ — добрый малый, тихій, и скромный (κόσμιος), могущій иногда вспылить, поступить опрометчиво, сдѣлать глупость, но вмѣстѣ съ тѣмъ доступный глубокому чувству любви и привязанности, какъ видно это, напримѣръ, изъ его думъ о Планго [2]).

Таковы главные персонажи нашей комедіи; дополненіемъ же къ нимъ являются типы повара и старой няни. Послѣдняя, правда, не выступаетъ въ пьесѣ самостоятельно: у нея нѣтъ особой роли, она—

---

[1]) *Б. В. Варнеке.* Роль adulescens въ древне-римской комедіи (=*Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1908, августъ, отд. класс. филол. 317).

[2]) Я совершенно не вижу данныхъ для слѣдующей характеристики Мосхіона, которую предлагаетъ *Робертъ* (Der neue Menander, 9): „Moschion stellt sich im folgenden, als ein von seinem Vater *grenzenlos* verwöhnter 115—117. 171—190. 195. *arroganter,* empfindlicher, *launenhafter* und doch energieloser 355—379, junger Herr heraus“. Ср. *Б. В. Варнеке,* Новыя комедіи Менандра, 102.

κωφὸν πρόσωπον. Но на основаніи словъ Демеи и Парменона не трудно представить себѣ фигуру ворчливой старухи, страдающей къ тому же однимъ существеннымъ недостаткомъ: она не прочь хлебнуть лишняго. Такимъ образомъ, типъ няни отчасти подойдетъ подъ общій какъ для средней, такъ и для новой комедіи типъ старухи — пьяницы, однимъ изъ примѣровъ котораго могла бы служить τροφός, упоминаемая у Евбула въ пьесѣ „Πάμφιλος“ (=Kock, II, fr. 80. 81. 82). Наконецъ, что касается до повара, то и онъ не представляетъ собой чего-либо необычнаго: этотъ типъ, отличительными чертами котораго служатъ болтливость, веселость и умѣніе пускать пыль въ глаза, не является случайнымъ гостемъ новой комедіи: она заимствовала его у средней и при случаѣ пускала въ ходъ, какъ испытанное средство для возбужденія смѣха, особенно послѣ предшествовавшей серьезной сцены.

Образами няни и повара замыкается галлерея типовъ, выступающихъ въ „*Саміанкѣ*“. Обыкновенные люди, погрязшіе въ обще-житейскихъ заботахъ, чувствованіяхъ и треволненіяхъ, проходятъ они передъ публикой, какъ вѣрное отраженіе близкой ей обыденщины, какъ отблескъ той жизни, которая ей хорошо знакома. Самого комика при этомъ не видно: держась въ сторонѣ, онъ не высказываетъ ни симпатій, ни антипатій своихъ, онъ спокойно развертываетъ картины жизни, спокойно показываетъ разныхъ людей въ разныхъ положеніяхъ, и вообще старается быть объективнымъ наблюдателемъ житейской прозы, какъ бы мелочна она ни была. Для него нѣтъ важнаго и неважнаго. Съ одинаковымъ вниманіемъ относится онъ ко всему, что такъ или иначе входитъ въ изображаемую имъ толчею жизни, съ одинаковой любовью описываетъ и темныя и свѣтлыя стороны человѣка. Благодаря этому въ его отношеніи ко всему житейскому не чувствуется ни гнѣва, ни злобной насмѣшки, ни желанія бичевать пошлость, порокъ и ничтожество. Вѣдь его воображеніе занято не столько критикой жизни, сколько воспроизведеніемъ послѣдней! И эта жизнь дѣйствительно развертывается передъ нами отнюдь не прикрашенной, но и не искаженной, въ силу чего общее впечатлѣніе отъ пьесы получается довольно серьезное и сдержанное. Лишь иногда безстрастіе автора нарушается: мы слышимъ его смѣхъ, отдаленно напоминающій собой хохотъ древней комедіи, и передъ нами встаетъ какая-нибудь комичная сцена (ср. ст. 225 сл.), раздаются шутливыя рѣчи (ср. ст. 68 сл.), начинаютъ мелькать искорки сатиры, а затѣмъ дѣйствіе опять входитъ въ свое обычное русло и течетъ сообразно характерамъ направляющихъ его персонажей. И въ какую

изъ пьесъ Менандра ни начнешь вглядываться, будь это „*Саміанка*", „*Третейскій судъ*", „*Отрѣзанная коса*" или „*Земледѣлецъ*" (Γεωργός), вездѣ видишь, какъ искусно придерживаетъ поэтъ излишнее развитіе комическаго элемента и какъ ловко кладетъ онъ предѣлы ему, нѣкогда не знавшему удержа. Но само собой разумѣется, сдерживая комическій элементъ и стараясь содѣйствовать этимъ серьезности пьесы, Манандръ не долженъ былъ давать хода и ненужной высокопарности, ибо она невольно внесла бы съ собой нежелательную неестественность и повышенность тона, что не подходило бы къ основной цѣли поэта: изображать жизнь такой, какова она есть. Поэтому въ уста персонажей Менандра вкладывается обыкновенно простая разговорная рѣчь, синтактически не всегда правильная, уснащенная къ тому же поговорками и крылатыми словами,—та рѣчь, которой могла говорить всякая мало-мальски образованная аѳинская семья. Этому общему правилу не противорѣчитъ и тотъ фактъ, что изрѣдка герои Менандра доходятъ до чисто-трагическаго паѳоса, причемъ у нихъ словно невзначай начинаютъ вырываться тогда высокопарныя тирады, вродѣ слѣдующихъ словъ Демеи въ его второмъ монологѣ (ст. 110 сл.): ὦ πόλισμα Κεκροπίας χθονός, ὦ ταναὸς αἰθήρ. Но эти трагическія отступленія не мѣшаютъ общей простотѣ пьесъ. Какъ наносный элементъ, они не имѣютъ большого значенія: они—случайные отзвуки той трагедіи, по преимуществу трагедіи Еврипида, которая не черезъ нихъ обнаруживаетъ свое вліяніе на Менандра. Ея вліяніе сказывается въ другомъ: въ глубокомъ взглядѣ на жизнь, на людей, на духовную сущность послѣднихъ. Такимъ образомъ, серьезность доминируетъ у Менандра надъ смѣшнымъ, проникновеніе въ душу человѣка интересуетъ его по преимуществу, завѣты Еврипидовской трагедіи, почти подошедшей къ настоящей жизни, ему особенно дороги, а потому и сама жизнь, какъ бы обычна она ни была, является для него главнымъ источникомъ, изъ котораго онъ черпаетъ и свои типы и свои наблюденія.

Г. Церетели.

КЪ ВОПРОСУ ОБЪ АГРАРНЫХЪ ЗАКОНАХЪ АДРІАНА.

Характеризуя аграрное законодательство Адріана, необходимо, конечно, имѣть надежный текстъ того sermo procuratorum, изъ котораго мы узнаемъ содержаніе *lex de rudibus agris et iis qui per X annos continuos inculti sunt*[1]). Какъ извѣстно, этотъ sermo дошелъ до насъ въ двухъ африканскихъ надписяхъ,—изъ Айнъ-Вассель и изъ Айнъ-эль-Джемала,—дополняющихъ другъ друга. Текстъ его уже возстановленъ, насколько это возможно сдѣлать по состоянію камней, на которые нанесенъ sermo. Но такъ какъ обѣ части sermo сохранены въ надписяхъ, удаленныхъ другъ отъ друга промежуткомъ времени приблизительно въ 80 лѣтъ, то при возстановленіи текста необходимо быть заранѣе увѣреннымъ, что въ обоихъ памятникахъ заключается тотъ же самый текстъ безъ какихъ-либо перемѣнъ. Эта увѣренность въ послѣднее время поколеблена Ж. Миспуле. Для него показателемъ того, что въ надписи изъ Айнъ-Вассель sermo отличается отъ первоначальной редакціи, является упоминаніе имени Адріана безъ всякой титулатуры. „Si une loi, говоритъ онъ, édictée par Hadrien est très justement appelée *lex Hadriana* dans un texte rédigé au temps de Septime Sévère ou de Commode, il en était autrement du vivant même d'Hadrien, où l'on devait employer une forme différente, p. ex.: *lege imp. Caes. Hadriani Aug(usti)* ou *sacratissimi imp. Hadriani Aug(usti)*“ [2]). А разъ такъ, то, во-первыхъ, всѣ наши разсчеты о числѣ буквъ и строкъ при дополненіяхъ—про-

---

[1]) Цитировать ее будемъ, а также lex Manciana и Decretum Commodi по *Bruns*, Fontes iuris romani antiqui, 7 ed. Pars. I. Tubingae 1909. Поэтому въ дальнѣйшемъ ссылокъ на изданіе дѣлать не будемъ, ограничиваясь только указаніемъ колоннъ и строкъ соотвѣтствующихъ надписей, являющейся главнымъ нашимъ источникомъ.

[2]) *J. B. Mispoulet*, L'inscription d'Aïn el Djemala. *Nouvelle Revue Hist. de droit français et étranger*, 1907, № 1, p. 10.

извольны, во-вторыхъ, мы лишаемся увѣренности, что въ позднѣйшемъ текстѣ sermo нѣтъ болѣе существенныхъ отклоненій. Но ни самъ Миспуле, ни Каркопино, писавшій уже послѣ обнаруженія этого затрудненія, не рѣшили его ни въ ту, ни въ другую сторону. Послѣдній отрицаетъ даже и существованіе подобнаго затрудненія: по его мнѣнію, прокураторы ссылаются на lex Hadriana de rudibus agris, какъ, напримѣръ, Павелъ на lex Julia de adulteriis[1]). Бездоказательность этого соображенія настолько очевидна, что не требуетъ никакихъ поясненій. Но, кромѣ аргументаціи Миспуле, можно привести еще одно соображеніе, почему слово Hadriana не могло быть въ начальной редакціи sermo. Вѣдь и стилистически затруднительно сказать *lege Hadriana*. Въ самомъ дѣлѣ, когда мы читаемъ: „permissu providentiae eius (Caesaris) potestas fit omnibus... occupandi... isque qui occupaverint... id ius datur, quod est lege Hadriana comprehensum“, то у насъ получается впечатлѣніе, что Caesar n. и Hadrianus—разныя лица и что providentia и lex исходятъ отъ разныхъ лицъ. Вѣдь permissu providentiae eius и логически, и грамматически относится и къ potestas, и къ ius.

Единственно правильный путь для устраненія возникшихъ затрудненій, на нашъ взглядъ, состоитъ въ томъ, чтобы выяснить, какъ относился Патроклъ къ первоначальному тексту sermo procuratorum при воспроизведеніи его на ara legis divi Hadriani. Сразу же очевидно, что воспроизвести sermo безъ всякихъ перемѣнъ невозможно было. Прежде всего надо было измѣнить заглавіе sermo. Вѣдь въ это время Адріанъ былъ уже divus; но ясно, что сказать sermo procc. divi imp. etc. — безсмыслица. Поэтому Патроклъ изъ заглавія оставляетъ только sermo procc., все остальное вычеркивая. Второе затрудненіе возникало во вступленіи: „Caesar n(oster)... pro humanis utilitatibus excubat“ и далѣе „omnes partes agrorum... excoli iubet“. Оставить его какъ характеристику Адріана—безсмысленно, такъ какъ въ это время онъ уже не можетъ ни excubare, ни отдавать какія бы то ни было приказанія. Но также нельзя было отнести его и къ современнымъ императорамъ, отпущенникомъ которыхъ былъ Патроклъ, такъ какъ ихъ было трое, а въ sermo рѣчь идетъ объ одномъ. И вотъ, несмотря на эти затрудненія, Патроклъ оставляетъ вступленіе безъ всякой передѣлки. Это обстоятельство наглядно показываетъ, какъ рабски придерживался Патроклъ первоначальной редакціи sermo.

---

[1]) *J. Carcopino*, Encore l'inscription d'Aïn-el-Djemala. *Klio*, VIII (1908), 161.

Теперь посмотримъ, что могло въ первоначальной редакціи стоять вмѣсто lege Hadriana. Вышеприведенное стилистическое соображеніе обнаруживаетъ, что и предполагаемое Миспуле названіе прокураторами lex de rudibus agris не могло имѣть мѣста въ первоначальной редакціи sermo. Изъ сопоставленія главныхъ членовъ предложенія явствуетъ, что прокураторы, логически правильно выражая свою мысль, должны были сказать *lege eius*. Но спрашивается, зачѣмъ Патроклу понадобилась замѣна *lege eius* на *lege Ha(dria)na*, создавшая разсмотрѣнныя нами логическое и стилистическія затрудненія? Очевидно потому, что, устранивъ часть заглавія, которое поясняло, кто подразумѣвается подъ Caesar n(oster), Патроклъ внесъ неясность относительно принадлежности Адріану lex de rudibus agris. Если съ одной стороны необходимо было скрыть личность Адріана во вступленіи, то съ другой стороны также необходимо было не оставлять никакого сомнѣнія относительно его lex, а такъ какъ она извѣстна въ общежитіи, да и офиціально въ это время, какъ lex Hadriana, то Патроклъ и сдѣлалъ необходимое измѣненіе.—Такимъ образомъ, вопросъ о степени достовѣрности текста sermo, возстановляемаго по двумъ разновременнымъ надписямъ, рѣшается, на нашъ взглядъ, въ положительную сторону.

Но имѣя и вполнѣ точный текстъ sermo proc., мы не можемъ на основаніи только тѣхъ данныхъ, которыя сообщаетъ sermo, характеризовать аграрное законодательство Адріана. Больше того, даже эти данныя рѣзко мѣняютъ смыслъ въ зависимости отъ того, въ какую связь поставимъ мы *lex de rudibus agris* съ тѣмъ *caput legis Hadrianae*, на который ссылаются въ своей жалобѣ колоны Бурунитанскаго saltus'а (надпись изъ Сукъ-эль-Кмисъ). Изслѣдователи, сопоставляя эти ссылки на lex Hadriana, не сомнѣвались, что въ обоихъ случаяхъ имѣется въ виду та же самая lex [1]). Мы думаемъ, что такое отожествленіе не вѣрно.

При внимательномъ сличеніи обоихъ отрывковъ нетрудно замѣтить, что по характеру они рѣзко отличаются другъ отъ друга. Это отличіе ясно обнаружится, если при сравненіи будемъ сличать ихъ съ *lex Manciana*. Здѣсь необходимо, во избѣжаніе недоразумѣній, оговориться, что мы, во-первыхъ, строго отличаемъ *lex data ad exemplum legis Mancianae* отъ самой этой lex и поэтому будемъ изъ этого памятника извлекать только тѣ черты, которыя считаемъ присущими

---

[1]) *O. Hirschfeld*, Die kaiserlichen Verwaltungsbeamten, 2 Aufl. 1905, 123.

самой lex Manciana; во-вторыхъ, что офиціальное происхожденіе lex Manciana для насъ несомнѣнно. Какъ *lex Manciana*, такъ и *caput legis Hadrianae* изъ Сукъ-эль-Кмисской надписи предписываютъ колонамъ справлять барщину, причемъ даже число рабочихъ дней въ году обоими законами, повидимому, устанавливается одинаковое (L. M. IV, 25—27, Decr. Comm. III, 12—13). Между тѣмъ *sermo procuratorum*, излагая обязанности оккупантовъ по отношенію къ кондуктору, о барщинѣ совершенно не упоминаетъ. Почему? Отвѣта могутъ быть два: либо потому, что авторы sermo по какимъ-нибудь причинамъ не считаютъ нужнымъ упоминать объ этомъ, либо потому, что lex de rudibus agris ея вовсе не знаетъ. Если справедливо первое предположеніе, то спрашивается, какія причины обусловливаютъ умолчаніе объ operae? Ихъ могутъ быть двѣ: во-первыхъ, параграфъ о барщинѣ не примѣнимъ къ данному конкретному случаю, во-вторыхъ—барщина вытекала изъ существа дѣла и упоминать о ней, какъ о чемъ-то самоочевидномъ, не было никакой надобности. Имѣя въ виду, что sermo есть отвѣтъ на единичную просьбу, съ перваго взгляда можетъ показаться, что operae къ даннымъ просителямъ дѣйствительно не примѣнимы: вѣдь они просятъ земель для разведенія оливковыхъ садовъ и виноградниковъ (надпись изъ Айнъ-эль-Джемала I, 6—7), а слѣдовательно, не имѣли бы физической возможности справлять, напримѣръ, operas aratorias. Но вѣдь, съ другой стороны, sermo даетъ не только отвѣтъ на данную просьбу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и распоряженіе болѣе широкаго характера—lex data для перечисленныхъ въ ней saltus'овъ. Кто оккупируетъ земли въ предѣлахъ этихъ saltus'овъ обязанъ давать partes aridas (Ara legis, III, 14), стало быть, требовать съ него operae было бы вполнѣ умѣстно. Это тѣмъ болѣе было бы умѣстно, что caput legis Hadrianae изъ Сукъ-эль-Кмисской надписи наряду съ partes agrariae [1]) говоритъ объ operae (III, 7—9).

Умалчивать о нихъ, какъ о чемъ-то само собой разумѣющемся, нельзя было еще и потому, что отношенія оккупантовъ къ кондуктору, опредѣляемыя lex de rudibus agris, не похожи на отношенія, устанавливаемыя какъ lex Manciana, такъ и Сукъ-эль-Кмисской надписью. Во-первыхъ, колоновъ въ lex de rudibus agris мы совершенно не встрѣчаемъ; они замѣняются черезъ possessores (Ara legis III, 13). Замѣна эта весьма характерна для этой lex. Вѣдь possessio означаетъ

---

[1]) Значеніе partes agrariae, какъ часть плодовъ установлено правильно *А. Шультеномъ*, Die römischeu Grundherrschaften. Weimar 1896, 90.

владѣніе на ager publicus populi Romani, превращенное въ ager privatus. Правда, въ изучаемую эпоху possessio равнозначно latifundium, но и первоначальное значеніе ея еще не утеряно, какъ это видно изъ Феста (p. 241): „possessiones appellantur agri late patentes publici privatique quia non mancipatione sed usu tenebantur et ut quisque occupaverat colebat". Во-вторыхъ, въ связи съ possessio и обязанности оккупантовъ къ кондуктору мѣняются: онѣ только временныя. Оккупанты обязаны давать кондуктору partes aridas въ теченіе пяти лѣтъ со дня оккупаціи; плодовъ же долголѣтнихъ культуръ онъ совершенно не получаетъ, такъ какъ эти культуры пользуются иммунитетомъ болѣе пяти лѣтъ. Порвавъ связь съ кондукторомъ, оккупантъ въ дальнѣйшемъ имѣетъ дѣло только съ фискомъ (Ara legis, III, 7—18). Къ такому толкованію ведетъ источникъ expressis verbis, но оно, конечно, невозможно для тѣхъ, кто видитъ въ lex de rudibus agris и caput legis Hadrianae одинъ законъ, такъ какъ изъ этого caput видно, насколько крѣпокъ колонъ кондуктору. Поэтому всѣ изслѣдователи старались разобранный passus истолковать какъ-нибудь иначе. Останавливаться на этихъ толкованіяхъ незачѣмъ, такъ какъ для насъ они не имѣютъ никакого значенія.

Единственнымъ возраженіемъ, которое можно было бы сдѣлать противъ дѣленія Адріанова закона на два самостоятельныхъ, является слѣдующее: lex Manciana обнимаетъ всѣ возможныя категоріи земель, а именно: 1) subcesiva (I, 6—20), 2) обработанныя земли, ager cultus, 3) заброшенныя земли, a. desertus, incultus (IV, 10—21). Lex de rudibus agris, какъ показываетъ, съ одной стороны, само названіе, съ другой ея конкретное примѣненіе, обнимаетъ только двѣ категоріи земель 1) a. rudis, тожественный съ subcesiva и 2) a. incultus. Недостающую, самую численную категорію ager cultus мы находимъ какъ разъ въ caput legis Hadrianae. Что колоны, ратующіе о соблюденіи кондукторами этого caput'а, сидятъ дѣйствительно на a. cultus, ясно свидѣтельствуетъ все ихъ прошеніе. Такимъ образомъ, объединяя оба отрывка въ одинъ законъ, мы получаемъ полное соотвѣтствіе съ этой точки зрѣнія между lex Manciana и lex Hadriana. Почему же Адріанъ долженъ отдѣльные законы издавать для тѣхъ земель, которыя Манція объединилъ въ одномъ законѣ? Что намъ мѣшаетъ признать также и одну lex Hadriana? Прежде всего, формальныя причины. Ясно, что caput, имѣющій отношеніе къ a. cultus, не можетъ входить въ lex de rudibus agris (что онъ не можетъ быть общимъ обѣимъ категоріямъ, слѣдуетъ изъ предыдущаго). Конечно, сливая обѣ части закона въ одно цѣлое, можно

было бы сказать, что вся lex называлась какъ-нибудь иначе, напримѣръ, perpetua forma, какъ, повидимому, называлась lex Hadriana, на caput которой ссылаются бурунитанскіе колоны, въ засвидѣтельствованномъ же намъ названіи признать заглавіе отдѣла. Но такое предположеніе крайне невѣроятно. Вѣдь въ такомъ случаѣ пришлось бы признать, что авторы sermo не сумѣли разграничить части lex отъ самой lex, тогда какъ такое разграниченіе прекрасно извѣстно колонамъ бурунитанскаго saltus'a.

Чтобы понять, почему Адріанъ не могъ, подобно Манціи, ограничиться однимъ закономъ, необходимо сравнить правовое положеніе оккупантовъ съ положеніемъ колоновъ, обрабатывающихъ subcesiva. Ager desertus отпадаетъ, такъ какъ lex Manciana заботу о немъ, ближайшимъ образомъ намъ неизвѣстную, всецѣло возлагаетъ на кондуктора (IV, 15, 20), а lex Hadriana приравниваетъ его къ ager rudis, продливъ срокъ пустованія до 10 лѣтъ.—Сущность правъ колона на subcesiva сводится къ ius excolendi (escolere permittitur L. M. I, 8) и usus proprius (I, 9). Въ lex Hadriana права эти расширены въ ius possidendi, fruendi, heredique suo relinquendi (Ara l. II, 7—9). Отличаясь въ правахъ, оба закона отличаются и въ носителяхъ этихъ правъ. Lex Manciana права на subseciva предоставляетъ только тѣмъ, кто живетъ въ предѣлахъ имѣнія (Qui eorum intra fundo [habitant, habitabunt], I, 6—8), между тѣмъ какъ lex Hadriana такихъ ограниченій совершенно чужда: она предоставляетъ potestas occupandi рѣшительно всѣмъ (Sermo II, 8—9). Сравнивая права и обязанности колона по отношенію къ subseciva и по отношенію къ ager cultus (§§ 1, 2), мы не замѣчаемъ никакой между ними разницы. Поэтому понятно, что по lex Manciana могъ ужиться легко въ одномъ лицѣ и колонъ, и оккупантъ. Подобнаго сравненія правъ по leges Hadrianae мы, конечно, не можемъ сдѣлать. Но и частичное, сдѣланное выше, сравненіе убѣдило, что между колономъ и поссессоромъ—огромная разница. Этой разницей въ правахъ, съ одной стороны, уничтоженіемъ ограниченій на оккупацію—съ другой, обусловлена указанная выше замѣна колона поссессоромъ, т. е. разрывъ связи между оккупантомъ и колономъ.

Мы до сихъ поръ въ качествѣ ager rudis разсматривали только subcesiva и при томъ, исключительно по lex Manciana. На самомъ же дѣлѣ subcesiva только незначительная часть ager rudis и законодательство о нихъ сложное. Громатикъ Гигинъ говоритъ [1]: „Do-

[1]) Feldmesser, I, 133, 14—17.

mitianus [imp.] per totam Italiam subsiciva possidentibus donavit, edictoque hoc notum universis fecit. Cuius edicti verba, itemque constitutiones quasdam aliorum principum itemque divi Nervae, in uno libello contulimus". Такое обиліе законодательныхъ о нихъ актовъ обусловлено разнообразнѣйшимъ ихъ использованіемъ. По свидѣтельству Aggenus Urbicus [1]) „haec aliquando auctor divisionis aut sibi reservavit, aut aliquibus concessit aut r. p. aut privatis personis; quae sub(si)civa quidam vendiderunt, quidam vectigalibus certo tempore locant". Въ виду многообразія способовъ использованія „leges semper curiose legendae interpretandaeque erunt". Но кромѣ перечисленныхъ способовъ владѣнія subcesiva, также встрѣчается и оккупація: „attigui possessores vacantia loca quasi invitante otiosi soli opportunitate invaserunt et per longum tempus impune commalleaverunt" [2]). Сколько subcesiva такой заимкой было освоено, показываетъ попытка Веспасіана и Тита отобрать ихъ въ фискъ, вслѣдствіе которой quassabatur universus Italiae possessor [3]).

Гораздо болѣе характерной для оккупаціи является другая категорія ager rudis, а именно ager arcifinius, называющійся также occupatorius [4]). Юридическая природа этого ager помогаетъ выяснить lex Hadriana de rudibus agris. Но изслѣдователи обыкновенно говорятъ, что a. arcifinius исчезъ уже со сцены въ середину существованія республики [5]), и если это такъ, то онъ не можетъ идти въ сравненіе съ вновь создаваемымъ Адріаномъ ager occupatorius. Думаемъ, что подобное мнѣніе ошибочно. Если бы ager occupatorius дѣйствительно исчезъ, то громатикамъ, пишущимъ свои сочиненія въ эпоху Домиціана и Траяна, притомъ для практическихъ цѣлей, о немъ не пришлось бы упоминать. Затѣмъ, мы не встрѣчали бы о немъ упоминанія въ дѣйствующемъ правѣ, а между тѣмъ онъ фигурируетъ въ controversiae. Мнѣніе о его исчезновеніи основано, повидимому, на предположеніи, что понятіе ager occupatorius вполнѣ покрывается понятіемъ a. arcifinius, между тѣмъ какъ послѣднее, на нашъ взглядъ, является видовымъ по отношенію къ первому. Правда, громатики этого различія почти не дѣлаютъ, благодаря ложному представленію

---

[1]) Ibid., I, 20. 18—21.

[2]) Ibid., 53. 22—24.

[3]) Ibid., 54, 9.

[4]) Ibid., 138, 3.

[5]) *M. Weber*, Die Römische Agrargeschichte, 1891, 131. Срв. его же статью Agrargeschichte въ Handwörterbuch d. Staatswissenschaften, 3 Aufl. I, 158. *E. Beaudouin*, La limitation des fonds de terre, Paris 1894, 35.

о происхожденіи того и другого—arcifinius ab arcendis hostibus, occupatorius quibus agris victor populus occupando nomen dedit [1]. Передъ лицомъ закона a. occupatorius находится въ исключительномъ положеніи.

Напримѣръ, controversia de alluvione—одна изъ запутаннѣйшихъ—дѣлится на двѣ части, причемъ in occupatoris agris quidquid via aquae abstulerit, repetitionem nemo habet, in divisa et assignata regione—наоборотъ — nihil ammittet possessor [2]. Исключительность положенія вызывается тѣмъ, что horum agrorum nullum est aes, nulla forma quae publicae fidei possessoribus testimonium reddat. Правда, нѣкоторыя владѣльцы privatim formas fecerunt, но эти formae nec ipsos vicinis, nec sibi vicinos obligant, quoniam res est voluntaria [3]. Нѣкоторымъ изъ приведенныхъ фактовъ Бруджи [4]) придаетъ нѣсколько иное значеніе или же относитъ ихъ къ другому времени. Но распространяться, почему я не слѣдую за мнѣніемъ почтеннаго изслѣдователя, здѣсь не мѣсто, такъ какъ для моей задачи рѣшающаго значенія это разногласіе не имѣетъ.

Мы до сихъ поръ разсматривали формы оккупаціи на ager rudis, но имѣются указанія, хотя и скудныя, что подъ заимку отдавался и ager per aliquot annos incultus. Указываются даже условія заимки: τὴν δ'ἀργὸν (γῆν) ἐκ τοῦ πολέμου τότε οὖσαν, ἣ δὴ καὶ μάλιστα ἐπλήθυεν οὐκ ἄγοντές πω σχολὴν διαλαχεῖν ἐπεκήρυττον ἐν τοσῷδε τοῖς ἐθέλουσιν ἐκπονεῖν ἐπὶ τέλει τῶν ἐτησίων καρπῶν, δεκάτῃ μὲν τῶν σπειρομένων, πέμπτῃ δὲ τῶν φυτευομένων [5]. Намъ не важно, къ какой эпохѣ пріурочить это свидѣтельство—ранней или болѣе поздней,—такъ какъ условія этой оккупаціи насъ въ данный моментъ не интересуютъ. Важно то, что это явленіе было не случайное, какъ объ этомъ можно было бы заключить на основаніи приведеннаго мѣста изъ Аппіана, а перманентное. Это видно изъ того, что для оккупаціи ager incultus создался, по свидѣтельству Феста, даже особый терминъ: „Occupaticius ager dicitur qui desertus a cultoribus frequentari propriis, ab aliis occupatur“.

Вскрытое выше различіе правовыхъ нормъ владѣнія на ager rudis

---

[1]) Feldmesser, 138, 4.

[2]) Ibid., 16, 25—26, 17, 4.

[3]) *B. Brugi,* Le dottrine giuridiche degli Agrimensori Romani, Uerona—Padova 1897. См. въ особенности главу: „L'occupazione legittima e l'abusiva del suolo publico“, 265 слл.

[4]) Ibid., 138, 11—12, 16—17.

[5]) Appiani bellum civile I, 7.

и cultus, думается, достаточно убѣждаетъ, что обнять обѣ эти категоріи земель въ одномъ законодательномъ актѣ нельзя, а стало быть и lex Hadriana de rudibus agris не имѣетъ ничего общаго съ той его lex, которая дѣйствуетъ на ager cultus. По всей вѣроятности, онѣ и изданы разновременно. А разъ это два отдѣльныхъ закона, то и значеніе которое приписывалось lex de rudibus agris, въ значительной степени мѣняется. Но распространяться объ этомъ здѣсь не будемъ, такъ какъ насъ интересовало пока только установить фактъ.

А. Вольдемаръ.

Содержаніе

НОВОЙ СЕРІИ ЧАСТИ XXI

ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

(май и іюнь 1909 года).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Узаконенія.

Стран.

Стран.

Стран.

Высочайшія награды по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія.

Высочайшіе приказы по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія.

Циркуляры министерства народнаго просвѣщенія.

Стран.

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

Критика и библіографія.

Стран.

ОТДѢЛЪ ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Стран.

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

„Къ началу 1909—10 уч. года *предлагается вниманію о. о. Законоучителей книга свящ. А. Невскаго:*—**„Уроки Пространнаго Правосл.-Христ. Катихизиса“**; пособіе къ изученію Катихизиса безъ вопросо-отвѣтной формы въ изложеніи. Изд. 2-е; Тверь, 1908 г. Цѣна 1 руб.

Въ первомъ изд. 1-я ч. **„Уроковъ по Катихизису“** допущена: *Учебн. Комит. при Св. Сѵнодѣ въ качествѣ пособія въ мужскія и женскія дух. училища; Учен. Ком. Мин. Нар. Просвѣщенія въ качествѣ учебнаго руководства въ среднія учебн. заведенія, и Мин. Торговли и Пром. въ кач. пособія въ подвѣдомственныя ему учебн. заведенія. Главн. Управл. военноучебн. завед. всѣ три части рекомендованы въ ротныя библіотеки III—VII кл. Кадетскихъ Корпусовъ.*

Склады книгъ находятся: 1) у автора—почт. отд. Тургиново, Тверской губ., и 2) при „Петерб. учебн. магазинѣ“—г. СПБ., Петерб. стор., Больш. пр., д. 6; продается также книга въ складѣ епарх. братства (Тверь, Милл. ул.), въ складѣ Москов. епарх. училищнаго совѣта (Москва, епарх. домъ) и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ другихъ городовъ.

Учебныя заведенія при выпискѣ 10 и болѣе экземпляровъ пользуются отъ автора скидкой въ 30%, безплатной пересылкой и кредитомъ до 3-хъ мѣсяц. *Во избѣжаніе задержки въ отправкѣ книгъ рекомендуется требованія на нихъ присылать заблаговременно (въ Іюнѣ—Іюлѣ мѣсяцахъ)*“.

Іюнь 1909 г. СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.

Редакторъ **Э. Л. Радловъ**.

(Вышла 1-го іюня).

